Обнинский В
Последний
самодержец
Bre 1912
Ц 3326
1 экз

Ц 3302
6177

№453.

Der letzte russische Alleinherrscher

ЦД 2
О 177

Обнинский, В.П.

Послѣдній Самодержецъ.

Очеркъ жизни и царствованія императора Россіи Николая II-го.

9(47)
П 62

БИБЛИОТЕКА ЦКВ К.П.б. ИСТПАРТА

EBERHARD FROWEIN VERLAG-BERLIN

1экз.

К.

ЦД2
0177

Библиотека ИМЭЛ
4-3326у

2012
УВ

БИБЛІОТЕКА ЦКВКП(б) ИСТПАРТА

Николай

14-е Января 1910 г.

Николай Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новогородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самочитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новгорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстивлавскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскій, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкесскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій и прочая и прочая и прочая.

БИБЛ... ЦКВ...П.б. ИСПАРТА

Пойми же, наконецъ, что въ тебѣ есть божественное, стоящее выше малодушія, страстей и суеты, отъ которыхъ тебя передергиваетъ, какъ балаганную куклу.

Маркъ Аврелій.

Такъ какъ народъ не знаетъ той истины, съ помощью которой онъ могъ бы освободиться, то выгодно, чтобъ онъ былъ во мракѣ.

Варронъ.

Двадцатый вѣкъ принесъ съ собою крушеніе послѣднихъ оплотовъ деспотизма, прикрывающагося легендой божественнаго происхожденія власти; одна за другой измѣнили свой государственный строй три имперіи Востока: Россія, Персія и Турція. Медлительный Китай, упреждая волненія, обычно сопровождающія этотъ неизбѣжный историческій процессъ, возвѣстилъ введеніе конституціи на 1914 годъ.

Такимъ образомъ, если не считать немногихъ маленькихъ государствъ Азіи и Африки, ничтожныхъ, некультурныхъ и являющихся, въ сущности, игральными картами въ рукахъ великихъ державъ, абсолютизмъ исчезаетъ съ лица земного шара, уступая мѣсто самодѣятельности освобожденныхъ народовъ. Но уже извѣстные историческіе прецеденты указываютъ на чрезвычайную сложность этого процесса. Даже въ условіяхъ XVIII и XIX столѣтій, протекая, притомъ, въ болѣе однородныхъ, чѣмъ у насъ, средахъ, революціи все же сопровождались кровавыми эксцессами и періодами реставрацій стараго режима. Можно сказать, что и теперь еще не завершенъ большинствомъ государствъ европейскаго континента тяжкій переходъ отъ рабства къ свободѣ, и что міръ несомнѣнно будетъ свидѣтелемъ грандіозныхъ политическихъ и соціальныхъ катаклизмовъ, предвѣстникомъ коихъ можно по справедливости назвать великую русскую революцію.

Расположенная между культурнымъ западомъ и азіатскимъ Востокомъ, имперія русскихъ самодержцевъ складывала свою исторію не по установившемуся для Европы шаблону. Роль буфера, отдѣлявшаго двѣ различныхъ по духу цивилизаціи, неминуемо обрекала Россію на рядъ колебаній, ставшихъ съ теченіемъ времени отличительной чертой и политики ея правительства.

Въ то же время, необходимость укрѣпленія славянской стѣны на границѣ желтаго міра диктовала Европѣ, занятой своими дѣлами, пассивную роль во все время мобилизаціи земель и національностей по обѣ стороны Уральскаго хребта, и это обстоятельство сказалось самымъ печальнымъ образомъ на дальнѣйшихъ судьбахъ русскаго народа и его царей. Огромные размѣры и разнородный племенной составъ государства создавали соотвѣтствующую величину и нестройность его власти, не давали отстояться океану людей, лишенныхъ внутренней связи и взаимности интересовъ, поощряли безконтрольность и произволъ боярщины, незамѣтно выродившейся въ чиновничество. Въ короткое время язва эта безъ остатка покрыла поверхность государственнаго организма, парализовала его ростъ, остановила движеніе, разъѣла нервную систему, разложила мозгъ.

Цари, нѣкогда вершившіе судьбы своего народа личной политикой, теряли, мало по малу, всякое вліяніе на ходъ управленія, и наше поколѣніе застало эпоху полнѣйшаго порабощенія ихъ всемогущимъ бюрократизмомъ.

Не нужно было ни проницательности, ни знаній, чтобы сознавать ненормальность такого положенія вещей и предсказать его естественный конецъ — революцію. Ибо параллельно съ ростомъ показного величія абсолютизма росло и его внутреннее разложеніе, причемъ любой внѣшній толчокъ могъ разрушить импонировавшую простымъ душамъ оболочку, обнаруживъ разъ навсегда гнилую сердцевину этого перваго устоя неограниченной власти. Несомнѣнно также, что приближеніе катастрофы ощущалось наверху правленія еще отчетливѣе, нежели въ глубинахъ жизни, и придавало умиравшему чудищу полицейскаго строя то мужество отчаянія, которое толкаетъ на самыя рѣшительныя, самыя неожиданныя дѣйствія. Чувствуя, что подъ страхомъ смерти нельзя выпускать изъ рукъ традиціоннаго щита — самодержавія, чиновничество роковымъ образомъ должно было отдавать главное время подновленію и позолотѣ ветшавшихъ традицій, возвышенію личности монарха. Не считаясь, однако, съ этой безполезной работой, жизнь народа прокладывала свое русло далеко въ сторонѣ отъ всякихъ фантомовъ, стремясь къ сліянію съ общеміровымъ потокомъ, незамѣтно для самой себя стачивая скалу, на которой продолжали покоиться, съ дѣланной самоувѣренностью, правительство, царь и неотстававшіе отъ нихъ немногочисленные развращенные подачками и привилегіями классы помѣстнаго дворянства и высшаго духовенства. Постепенно, впрочемъ, рѣдѣли ряды союзниковъ, пока не остался вверху снова почти одинокій царь. Для своего спасенія бюрократизмъ охотно пожертвовалъ бы и имъ, но, издавна отождествивъ себя съ автократизмомъ, сдѣлать этого послѣдняго предательства уже не можетъ. Въ свою очередь, и Николай II-й не остановился бы, вѣроятно, передъ отреченіемъ отъ чиновничества, если бы могъ надѣяться такимъ шагомъ обезпечить хоть сколько нибудь продолжительное существованіе своей династіи. Но невольные близнецы продолжаютъ оставаться накрѣпко связанными; и передъ нами развертывается, наряду съ открытой войной народа съ поработителями, еще и скрытая борьба между двумя половинами одного и того же тѣла, въ которой ихъ ждетъ одинъ, смертельный результатъ. При этомъ положеніе царя значительно хуже положенія чиновничества, которое при всякихъ условіяхъ новаго строя окажется нѣкоторое время необходимымъ и сумѣетъ приспособиться къ измѣнившимся требованіямъ времени. Царь же, независимо отъ достоинствъ своихъ или недостатковъ, отъ ума или ограниченности, какъ былъ, такъ и останется центральной фигурой борьбы, ведущейся съ обѣихъ сторонъ съ нескрываемымъ ожесточеніемъ. Здѣсь все опасно; и даже самой жизни монарха столько же грозитъ терроръ, сколько и постоянная возможность дворцоваго переворота. Отсюда и происходитъ затаенная ненависть его къ ближайшимъ совѣтникамъ и роднымъ, умственное и душевное одиночество, — все плохіе для правителя спутники. Хочется бороться. Личная политика снова выступаетъ на сцену, но уже подпольными ходами, преломляясь въ средѣ разныхъ темныхъ дѣльцовъ, низовъ камарильи, маговъ, юродивыхъ. Общая конъюнктура усложняется помимо воли дѣйствующихъ лицъ.

Тѣмъ не менѣе, отданіе себѣ яснаго отчета въ происходящемъ продолжаетъ оставаться первою обязанностью всякаго участника затянувшейся и распространившейся на огромномъ пространствѣ борьбы. Въ такихъ случаяхъ ріентируются прежде всего по ставкѣ главнокомандующаго, по его фигурѣ, окруженной штабомъ. И такъ какъ не пришло еще время для изложенія новѣйшей исторіи русскаго народа, ни для исторіи послѣднихъ лѣтъ жизни бюрократизма россійскаго, то мы послѣдуемъ тому же правилу и попытаемся дать очеркъ только царствованія и жизни Николая II-го, послѣдняго самодержца и, быть можетъ, послѣдняго императора, называющагося Романовымъ.

Необходимое безпристрастіе диктуется намъ не только обязанностію историка, но и сознаніемъ трагизма положенія, являющагося логическимъ результатомъ дѣйствія разнородныхъ силъ, слагавшихъ типъ византійца и окружающую его среду. Въ затхлой атмосферѣ русскихъ дворцовъ легко отстаивались лишь низменныя черты темпераментовъ. Показной блескъ способствовалъ образованію внутренней пустоты,

обязанности правительства заслоняли назначеніе быть только первымъ слугой своего народа. Цѣлый рядъ неразлучныхъ спутниковъ жизни этого народа, нужда, безправіе, болѣзни, оставался для его правителей знакомымъ не болѣе линій спектра какой нибудь отдаленной ввѣзды, гдѣ названія невѣдомыхъ газовъ ничего не говорятъ уму. Рядъ поколѣній воспитывалъ въ себѣ духовную слѣпоту, и нѣтъ мудренаго въ томъ, что, когда суровая дѣйствительность приподняла, 9-го Января 1905 года, предъ Николаемъ завѣсу, онъ не увидѣлъ за ней болѣе того, что подсказали ему окружавшіе его насильники и организаторы кровавой бани, передъ которой варѳоломеевская ночь и сицилійскія вечерни были лишь дѣтскими забавами. Это они, избранники бюрократизма, играли на струнахъ души дегенерата, поощряя лишь темные инстинкты и ограничивая добрые стѣнами дѣтской, гдѣ повелитель стомилліоннаго народа скрывался отъ пораженій, наносимыхъ врагами, и праздновалъ побѣды надъ собственными подданными. Здѣсь останавливались еще потоки русской крови, переставали мерещиться страшныя гримасы повѣшенныхъ. Но тѣмъ сильнѣй не хотѣлось выходить изъ комнаты, гдѣ весело звучали дѣтскіе голоса, туда, въ рабочій кабинетъ, къ ожидавшимъ министрамъ, сыщикамъ, казнокрадамъ. Съ ними вторгалась снаружи сама жизнь, врывались струи воздуха, насыщеннаго отчаяніемъ и неправдой, наивной искренностью и застарѣлымъ приказнымъ лукавствомъ. Тутъ давались кому придется и какія угодно полномочія, лишь бы отдѣлаться какъ нибудь отъ докуки управленія.

Поэтому то оставляли понемногу непріютныя царскія палаты всѣ сколько нибудь чистые люди, и власть сосредоточивалась въ преступныхъ или запачканныхъ рукахъ.

Къ этой драмѣ широкой волной приливала и ѣдкая пошлость. Спириты и предсказатели. просто порочные люди и люди съ извращенными наклонностями, алкоголики и неисправимые лгуны, всѣ вносили въ эту странную для свѣжаго человѣка атмосферу свою долю вульгарнаго, смѣшного. Но теперь уже не тѣ времена, когда стѣны дворцовъ оставались непроницаемыми для непосвященныхъ. Несмотря на всѣ предосторожности, свѣдѣнія о жизни царей распространяются безъ замедленія и тѣмъ легче, что сами участники перестаютъ скрывать ея интимнѣйшія стороны. Вслѣдствіе этого читатель не встрѣтитъ ничего сенсаціоннаго, неизвѣстнаго, но лишь правду, не искаженную ни лицемѣріемъ придворнаго исторіографа, ни страхомъ русскаго публициста передъ цензурой. Въ нашемъ распоряженіи находилось, къ тому же, слишкомъ достаточное количество провѣренныхъ данныхъ, чтобы мы могли быть увлечены на путь памфлетистовъ, вынужденныхъ довольствоваться росказнями досужныхъ придворныхъ сплетниковъ.

Мы предвидимъ, что многіе изъ называемыхъ здѣсь и еще живущихъ лицъ будутъ недовольны упоминаніемъ о нихъ, но не считаемъ возможнымъ щадить ни самолюбія, ни скромности кого бы то ни было въ трудѣ, предназначенномъ не только для удовлетворенія понятнаго любопытства современниковъ, но и для ихъ освѣдомленія.

Съ этой именно скромной цѣлью, одушевляемые прежде всего любовью къ родинѣ и далекіе отъ какихъ либо партійныхъ соображеній и оковъ, приступаемъ мы къ очерку жизни и правленія послѣдняго всероссійскаго самодержца, Николая Александровича Романова.

Послѣдній Самодержецъ.

Очеркъ жизни и царствованія императора Россіи Николая II-го.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бракъ Александра Александровича. — Принцесса Дагмара и Николай Александровичъ. — Отношеніе Александра II-го ко второму сыну — Занятіе искусствами. — Уединенная жизнь. — Дѣтя. — Война 1877 — 1878 г. г. — Рущукскій отрядъ. — Запой. — Ванновскій. — Боткинъ. — Отвращеніе къ военному дѣлу. — 1-го Марта 1881 года. — Крушеніе „конституціи". — Побѣдоносцевъ. — Гр. Д. Толстой. — Уходъ Лорисъ-Меликова, Милютина и др. — Письма къ Александру гр. Л. Толстого, Цебриковой и др. — Казни. — Перовская. — Начало реакціи — Вліяніе общей обстановки на дѣтство Николая.

Въ понятномъ стремленіи закрѣплять свои династіи, современные монархи всегда торопятся женить сыновей. Рано сосватали и Николая, сына Александра II-го.

Все улыбалось незначительной и бѣдной Дагмарѣ, взятой изъ семьи датскаго короля. И грядущее могущество, и обаятельная внѣшность, такъ же, какъ и мягкій, пріятный характеръ, дѣлали цесаревича завиднѣйшимъ женихомъ Европы. Но судьба готовила уже очередной ударъ надъ человѣческимъ расчетомъ. Николай умеръ на Ривьерѣ отъ болѣзни, бывшей, какъ увѣряли, послѣдствіемъ излишествъ и дурныхъ привычекъ юношескаго возраста. Наслѣдникомъ русскаго престола становился второй сынъ, тихій, неуклюжій и малообразованный офицеръ. Дагмару не спрашивали о томъ, нравится ли ей молодой Александръ, утѣшилась ли она послѣ потери любимаго жениха. Свадьба была справлена со всей пышностью русскаго придворнаго ритуала, и молодая чета поселилась въ Аничковскомъ дворцѣ, занимаясь искусствами, живописью и музыкой и совершая ежедневныя паломничества въ Зимній Дворецъ, резиденцію императора. Тамъ, въ долгихъ ожиданіяхъ высочайшаго выхода, проводя томительныя минуты въ рисованьѣ на запотѣлыхъ стеклахъ оконъ, въ которыя виднѣлась прекрасная, но холодная и безлюдная площадь съ колонной, Александръ и Дагмара (отнынѣ Марія Федоровна) познали изнанку жизни и могли подружиться, равно обижаемые невниманіемъ родителей, равно чуждые всему кругу людей, близкихъ къ старому двору. Печальная судьба жены Александра II-го — быть свидѣтельницей всѣхъ любовныхъ похожденій мужа, миновала зато Марію Федоровну, — будущій императоръ былъ относительно вѣрнымъ супругомъ и добрымъ семьяниномъ. Появившіеся на свѣтъ дѣти, слѣдовавшіе одинъ за другимъ съ истинно-буржуазной торопливостью, еще сильнѣй сплотили союзъ, заключенный безъ спроса, и эта удача должна была поддерживать раздраженіе въ старѣвшемъ отцѣ, въ лицѣ Юрьевской-Долгорукой обрѣтшемъ далеко не спокойную спутницу жизни. Словомъ, семьи царя и его старшаго сына жили врозь, и когда началась русско-турецкая война 1877—1878 г. г., наслѣдникъ былъ назначенъ командовать такимъ отрядомъ, какой можно было дать только совершенно чужому, нелюбимому и завѣдомо неспособному человѣку. Имѣя въ распоряженіи корпусъ незначительной силы, но обязанный отвлекать на себя вниманіе четырехъ крѣпостей, изъ которыхъ каждая, особенно Рущукъ, способна была раздавить заброшенный безъ помощи отрядъ Александра Александровича, наслѣдникъ долженъ былъ сильно тосковать. Вдобавокъ ко всему, его представленія къ наградамъ офицеровъ отряда оставлялись безъ движенія, и главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ, имя котораго исторія тѣсно связываетъ съ царившими въ арміи хищеніями и развратомъ, совершенно игнорировалъ человѣка, который не сегодня, завтра могъ стать его повелителемъ. Окруженный бездарными,

но честными офицерами штаба, которымъ начальствовалъ ген. П. С. Ванновскій, человѣкъ безъ всякаго образованія, Александръ и въ чисто боевомъ отношеніи обреченъ былъ на волю судьбы, продолжавшей, впрочемъ, беречь его для русской реакціи.

Турки считали отрядъ уже потому сильнымъ, что знали, кто стоитъ во главѣ его, и сидѣли себѣ покойно за крѣпкими брустверами. Въ отрядѣ продолжали вол-

Николай II ребенкомъ съ матерью.

новаться за свою участь, а его командиръ топилъ въ винѣ свои житейскія и военныя незадачи, искусственно создавая туманъ, скрывавшій отъ умственнаго взора милую семью, уютные покои дворца и нѣсколькихъ близкихъ людей, которыхъ, къ слову сказать, Александръ Александровичъ такъ никогда и не научился выбирать. Злоупотребленіе алкоголемъ, къ чему должно было быть предрасположеніе, доходило до

настоящихъ періодовъ запоя, отъ котораго вылечилъ впослѣдствіи наслѣдникъ С. П. Боткинъ. Мало мудренаго, что въ такой неприглядной обстановкѣ воспиталось и то отвращенье Александра къ военному ремеслу, которое рѣзко отличало его отъ предковъ, сдѣлавшихъ изъ солдатчины какъ бы предметъ культа.

Все, однако, кончается; — кончилась позорнымъ для Россіи берлинскимъ трактатомъ и русско-турецкая война. Всѣ вернулись къ своимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и группа террористовъ, подготовлявшая цареубійство. Какъ и раньше, война оказалась неудачнымъ для насъ экзаменомъ. Недовольство миромъ и внутренними безпорядками питалось еще и пропагандой революціонныхъ идей, бороться съ которыми правительство могло только штыками и пушками. Но такъ какъ не было подходящей для нихъ цѣли въ видѣ массовыхъ выступленій, то обычныя мѣры охраны оказались недостаточными, и 1-го марта 1881 г. Александръ II былъ убитъ. Этотъ актъ глубоко всколыхнулъ общество и народъ. За убитымъ государемъ числились слишкомъ выдающіяся заслуги, чтобы смерть его прошла безъ рефлекса со стороны населенія. А такимъ рефлексомъ могло быть только желаніе реакціи. Не нужно было быть проницательнымъ политикомъ, чтобы угадать общественное настроеніе и использовать его въ своихъ цѣляхъ и выгодахъ. Положеніе чиновничества облегчалось тѣмъ, вопервыхъ, что народныя массы чтили Александра II-го, какъ своего освободителя отъ крѣпостного гнета; затѣмъ и лучшая часть русской интеллигенціи, прикосновенная къ великимъ реформамъ шестидесятыхъ годовъ, негодовала на актъ, который долженъ былъ во всякомъ случаѣ замедлить осуществленіе ея идеаловъ. Наконецъ, и это для бюрократіи было всего пріятнѣй: революціонеры были малочисленны, бѣдны и разбросаны по странѣ и европейскимъ центрамъ небольшими группами. Характерно для русскаго режима, что уже и въ то время увѣренность въ планомѣрной провокаціи со стороны правительства была настолько распространена, что одновременно съ убійствомъ царя возникла легенда о томъ, что убили его противники конституціи, а террористы были лишь орудіями въ рукахъ стараго правительства.

П. С. Ванновскій, выслужившійся изъ строевыхъ офицеровъ николаевскаго времени до положенія военнаго министра. Честный, малоспособный солдатъ, онъ ничего не сдѣлалъ для поднятія арміи, а наоборотъ понизилъ ея боевыя качества. пренебреженіемъ къ тактикѣ и пристрастіемъ къ самодовлѣющей дисциплинѣ. Въ бытность министромъ народнаго просвѣщенія заслужилъ общее уваженіе гуманнымъ и трезвымъ отношеніемъ къ университетскому вопросу.

Правда, императоръ былъ убитъ всего за нѣсколько часовъ до ожидавшейся санкціи манифеста, обѣщавшаго народу нѣкоторое подобіе представительнаго строя. Но люди, стоявшіе въ то время во главѣ правленія, обладали достаточной силой, чтобы предотвратить заговоръ въ собственной средѣ, еслибъ таковой образовался. Какъ бы то ни было, цареубійство окрыляло надежды реакціонеровъ, и стараніями Побѣдоносцева, гр. Толстого и другихъ манифестъ, который новый царь готовъ былъ уже подписать, не былъ выпущенъ. Побѣдоносцевъ произнесъ въ совѣтѣ, обсуждавшемъ этотъ вопросъ, рѣчь, которая поражаетъ своимъ лицемѣріемъ, ложью, грубостью ораторскихъ пріемовъ. Но въ обстановкѣ того времени слова умнаго, безпринципнаго

и безчестнаго бюрократа пали на благодарную почву необразованности и нерасположенія къ конституціи гвардейскаго генерала, какимъ оставался царь; и одновременно съ обращеніемъ его къ народу, трактовавшимъ о всемѣрной поддержкѣ самодержавія,

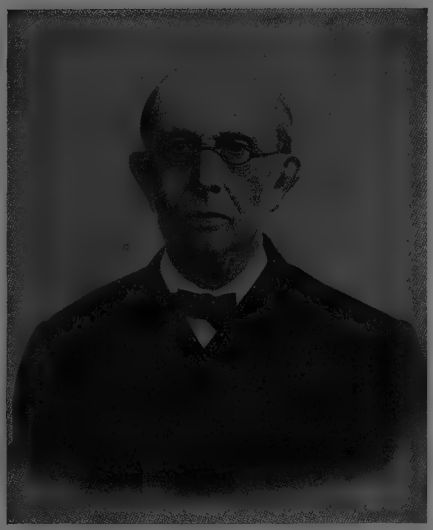
Открытіе памятника Александру II-му въ Москвѣ; его авторы Султановъ и Жуковскій. Одинъ изъ бездарнѣйшихъ памятниковъ, стоилъ 4 милліона, нынѣ весь въ трещинахъ, арки разсѣлись, гранитный постаментъ стянутъ обручемъ, такъ какъ фигура царя раздавила его. Позолота крыши слѣзла. Народъ зоветъ это сооруженіе „Царь—будкой" (въ pendant къ двумъ подобнымъ же Кремлевскимъ рѣдкостямъ —„Царю—Колоколу" и „Царю—Пушкѣ")

ушли въ отставку всѣ сколько нибудь выдававшіеся члены прежняго правительства: гр. Лорисъ-Меликовъ, Милютинъ и др.

Въ то же время участниковъ убійства ожидали висѣлицы. Напрасно обращались къ императору съ просьбами не начинать царствованія убіеніемъ подданныхъ.

Ни глубоко трогательное письмо гр. Л. Н. Толстого, ни умѣренныя предложенія извѣстной политической и общественной дѣятельницы, Цебриковой, ни превосходное письмо самихъ революціонеровъ, не могли поколебать воли царя, уже прочно связаннаго по рукамъ и ногамъ кликой реакціонеровъ. Въ свое время всѣ подсудимые, которыхъ обвинялъ ради карьеры талантливый, но глубоко испорченный прокуроръ Н.Муравьевъ, были повѣшены на глазахъ народа. Въ ихъ числѣ погибла и первая русская женщина, приговоренная къ смерти, Софья Перовская. Впослѣдствіи мы увидимъ на перекладинахъ висѣлицъ цѣлые гроздья женскихъ труповъ, но въ то время казнь Перовской произвела безвыгодное для ея иниціаторовъ и сильное впечатлѣніе.

Благодаря измѣнамъ отдѣльныхъ членовъ партіи, большая часть активныхъ революціонеровъ была въ короткое время переловлена, судима и



К. П. Побѣдоносцевъ, злой геній Россіи, совѣтчикъ реакціи трехъ императоровъ, безпринципный бюрократъ, невѣрующій глава духовенства, развратный страусъ нравственности, подкупной ревнитель честности. Главный виновникъ разложенія православной церкви. Выведенъ Л. Толстымъ въ Карениной, чего не могъ простить Толстому и вымстилъ отлученіемъ послѣдняго отъ церкви.

Гр. Д. А. Милютинъ, послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ членовъ министерства Лорисъ-Меликова, пытавшагося сломить вліяніе реакціи съ Побѣдоносцевымъ во главѣ. Высоко поставилъ военно-учебныя заведенія и армію, которая въ 1877—78 г. г. явила больше доблести, нежели полчища терпѣливаго Куропаткина въ 1904 году.

казнена. Остальные отправились въ рудники и тюрьмы Сибири, гдѣ иныхъ засталъ еще въ живыхъ О'Кеннанъ, давшій потомъ превосходную и безпристрастную картину этой юдоли отчаянія въ своей извѣстной книгѣ „Сибирь и ссылка".

Внутри страны происходила тѣмъ временемъ радикальная чистка въ рядахъ администраціи. Все ненадежное устранялось. Учреждены были генералъ-губернаторства съ опредѣленной цѣлью — давленія на всю жизнь, заглушенія всякихъ попытокъ къ общественной организаціи. Воцарились взаимное недовѣріе, подозрительность, угрюмое молчаніе. Обыватели, потревоженные въ своихъ гнѣздахъ бурными событіями послѣднихъ лѣтъ, войной, смутой и казнями, снова разбрелись по своимъ мѣстамъ, отдаваясь мелкимъ интересамъ.

Одновременно съ манифестомъ, начинавшимся не совсѣмъ удачной

Д. В. Каракозовъ.

Мститель за гоненія на студентовъ. Стрѣлялъ 4-го февраля 1866 года въ Александра II-го у Лѣтняго сада.

И. І. Гриневицкій.

Метатель бомбы, отъ которой погибъ Александръ II-ой.

А. И. Желябовъ.

Геніальный организаторъ и душа партіи „Народной Воли". Арестованъ 27-го февраля 1881 года.

Н. И. Кибальчичъ.

Руководилъ изготовленіемъ бомбъ.

С. Л. Перовская.

Ближайшая сотрудница Желябова. Послѣ его ареста руководила организацией покушенія.

Всѣ они были казнены.

Висѣлицы для убійцъ Александра II-го. День казни. (Съ картины Верещагина)

Послѣдніе „шлиссельбуржцы“.
М. Ф. Фроленко.

Послѣдніе „шлиссельбуржцы“.
М. Н. Тригони.

Послѣдніе „шлиссельбуржцы“.
Н. А. Морозовъ. р. 1854 г.

Послѣдніе „шлиссельбуржцы“.
М. Ю. Ашенбренеръ,
бывшій полковникъ русской арміи.

фразой объ убійствѣ отца — „часъ воли Божіей свершился“, — (что дѣлало изъ убійцъ какъ бы слѣпое орудіе божественнаго промысла), наслѣдникомъ престола былъ объявленъ старшій сынъ императора, Николай Александровичъ. Въ эту важную и, можно сказать, роковую минуту своей жизни, Николай былъ двѣнадцатилѣтнимъ, довольно тщедушнымъ и некрасивымъ мальчикомъ; недостаточно большимъ, чтобы осмыслить совершавшееся вокругъ, но и не такимъ ребенкомъ, чтобы не реагировать на окружавшую его обстановку. Первымъ сильнымъ впечатлѣніемъ его юности оказывались, такимъ образомъ, кровавыя страницы русской исторіи, и будущій царь вступалъ въ сознательную жизнь подъ тѣмъ именно краснымъ зна-

Памятникъ Александру III. въ Москвѣ.
И безъ поясненій очевидна безвкусица, бездарность и ненужность этого сооруженія, которое будетъ стоить 3 милліона.

Послѣдніе „шлиссельбуржцы“.
В. Н. Фигнеръ.
Нынѣ живетъ заграницей.

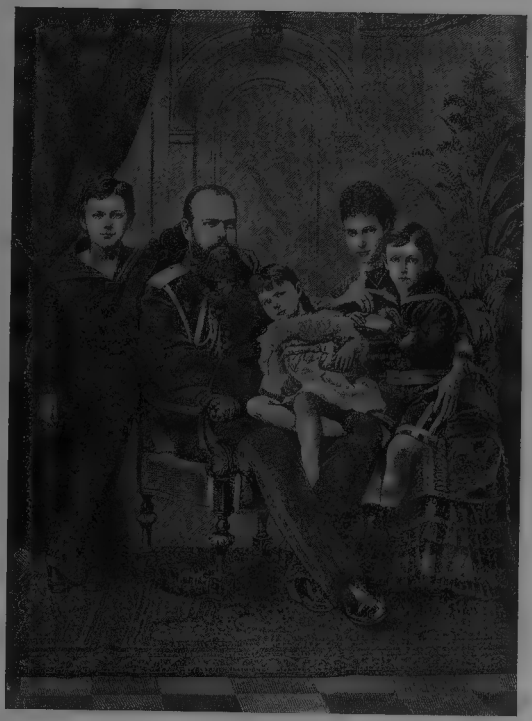
комъ, который преслѣдовалъ его затѣмъ во всѣхъ отвѣтственныхъ и важныхъ случаяхъ жизни. Но тогда никто не задумывался надъ судьбой мальчика, въ простой матросской курткѣ, съ худенькой шеей и красивыми, отъ матери унаслѣдованными глазами. Общее вниманіе сосредоточивалось на мобилизаціи вокругъ новаго царя всѣхъ силъ, способныхъ подкрѣпить пошатнувшійся было принципъ самодержавія, всегда бывшій только синонимомъ чиновничьяго абсолютизма.

Что касается до самого царя, то онъ видимо тяготился выпавшей на его долю обязанностью быть всегда на виду и въ центрѣ правленія. Даже самый Петербургъ былъ противенъ по воспоминаніямъ, страшилъ своими широкими проспектами и пустынными площадями, гдѣ такъ часто упражнялись въ охотѣ за царями эти неуловимые и непріятные люди, революціонеры. Кончилосъ тѣмъ, что дворъ перебрался на постоянное пребываніе въ Гатчину.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Опять Гатчина. — На антресоляхъ. — Общій тонъ жизни. — Семейныя добродѣтели. — Воспитаніе и образованіе дѣтей. — Англичанинъ. — Спортъ. — Живопись. — Характеры и наклонности трехъ братьевъ. — Игра въ блоху. — Англійскій языкъ вмѣсто роднаго. — Пріятныя стороны въ характерѣ Александра III-го. — Его любовь къ Мишѣ. Случай въ с. Ильинскомъ. — Генералъ Даниловичъ.

Гатчина еще со времени Павла I-го сохраняетъ отпечатокъ казарменности. Все сѣро, скучно. За внѣшней чистотой прямыхъ улицъ, за пышной зеленью огромнаго парка, за высокими деревянными частоколами, всюду скрывается невыносимая, холодная пустота, отсутствіе жизни. Въ кристальныя воды тихихъ гатчинскихъ прудовъ смотрятся лишь молчаливые лебеди, и такія же молчаливыя фигуры дворцовой стражи бродятъ по ихъ берегамъ и дорожкамъ звѣринца. Настоящее мѣсто для почетной ссылки какого нибудь свергнутаго самодержца. И вотъ сюда то добровольно сослалъ себя и семью свою Александръ III, который, однако, и самъ не зналъ, что дѣлать со своимъ самодержавіемъ. Это былъ просто испуганный человѣкъ, которому охотно внушали мысль объ уединеніи, какъ средствѣ сохранить себя отъ бомбы или пули террориста.



Императоръ Александръ III съ семьей.

Та же боязнь, стремленіе замкнуть тѣснѣе вокругъ своего тѣла обычно огромные пустыри дворцовыхъ комнатъ заставила Александра избрать для постояннаго своего пребыванія не парадные покои, а нѣчто вродѣ антресолей, гдѣ въ Павловы годы гнѣздилась, вѣроятно, лишь придворная челядь. Человѣкъ средняго

роста легко доставалъ тамъ рукою до потолка, а царь былъ высокъ, тученъ и любилъ воздухъ.

Крохотныя комнаты не вмѣщали въ себя не только громоздкой дворцовой меблировки, но даже рояля негдѣ было поставить, и Марья Федоровна музицировала на обыкновенномъ піанино. Мѣщанскія кресла и кушетки стояли въ мѣщанскомъ же порядкѣ вдоль стѣнъ, на которыхъ чередовались картины новой и старой школъ въ перемежку съ фотографіями, прикрѣпленными кнопками къ простымъ, скромнымъ обоямъ.

Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ,
добрый, малоразвитой кавалерійскій офицеръ, жилъ въ гражданскомъ бракѣ съ дочерью адвоката Шереметьевскаго, такой же пустой, но не такой доброй женщиной. Къ политикѣ также равнодушенъ.

Какъ всегда, обстановка внѣшняя накладывала свою печать и на внутренній строй жизни семьи. Здѣсь дни протекали не какъ въ центрѣ страшной по размѣрамъ власти, гдѣ вершились судьбы стомилліоннаго народа, а какъ въ помѣщичьей усадьбѣ сороковыхъ годовъ, въ ограниченномъ кругу домашнихъ и хозяйственныхъ интересовъ. И очередные наѣзды министровъ бывали не развлеченіемъ даже, а докукой жизни, походившей на сонный прудъ, слегка подернутый живописной, но вредной плѣсенью.

Семейныя добродѣтели Александра, какъ нельзя болѣе, гармонировали съ такимъ укладомъ жизни. Нужно отдать справедливость, что дѣтскіе годы Николая и его братьевъ протекали, благодаря этому, внѣ сферы любовныхъ дрязгъ, наполняющихъ обыкновенно царскіе дворцы. Здѣсь можно было дать дѣтямъ должное образованіе и воспитаніе, но эта единственная хорошая сторона царскаго отшельничества не была, да и не могла быть использована, какъ слѣдуетъ. Человѣкъ безъ серьезнаго образованія, немножко ослабленный алкоголемъ и тяжелыми впечатлѣніями прежней жизни, Александръ едва ли отдавалъ себѣ отчетъ въ необходимости для наслѣдника престола тѣхъ знаній, отсутствіе которыхъ у него самого никто ему не давалъ понять. Только любовь къ дѣтямъ заставляла искать имъ воспитателей, за нейтральность и доброту которыхъ можно было бы быть покойнымъ. Та же картина наблюдалась въ старые годы въ среднихъ дворянскихъ семьяхъ Россіи: скверные, случайные учителя и хорошія, честныя и привязанныя няньки.

Такой именно нянькой былъ воспитатель Николая и его братьевъ англичанинъ М-г С. Heath, „Карлъ Осиповичъ“, какъ его обыкновенно называли. Чистѣйшій идеалистъ, хорошо по своему образованный умъ, прекрасный художникъ (акварелистъ) и спортсмэнъ, М-г Heath принесъ во дворецъ, кромѣ всего этого, еще и глубокую преданность пріютившей его царской семьѣ. Но ни сорокъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Россіи, ни постоянныя встрѣчи и бесѣды съ русскими людьми не принесли ему никакого знанія страны, народа, его исторіи. Поэтому и вліяніе этого человѣка было ограничено такъ же, какъ и вліяніе всякой няньки, стѣнами дѣтской. Въ раннемъ

дѣтствѣ оно сказалось привитіемъ, вмѣсто родного, англійскаго языка. И долго еще спустя, когда Николай уже царствовалъ, его русскія рѣчи, если не были приготовлены, были подстрочными переводами англійскихъ фразъ. Въ юношескіе годы первое мѣсто занялъ спортъ всѣхъ видовъ, и царскіе сыновья хорошо скакали, стрѣляли, ловили лососей. Къ живописи и музыкѣ ни у кого не оказалось наклонностей, а то, что дѣлали акварелью Николай и Ольга, указывало даже на особенную ихъ бездарность. Характеры дѣтей, какъ это нерѣдко случается, были совершенно несхожи, несмотря на однородную атмосферу семьи. Никто не прививалъ, напримѣръ, Николаю важности и сознанія его будущей роли, но онъ смутно ощущалъ ее самъ. Когда въ первый разъ появился за обѣденнымъ столомъ старикъ, съ красивымъ, ласковымъ лицомъ типичнаго англійскаго джентльмэна, Николай холодно привѣтствовалъ своего будущаго воспитателя. А послѣ обѣда, когда М-г Heath, желая сломать чувствовавшійся ледокъ, предложилъ мальчику поиграть съ нимъ, Николай съ нешедшей къ его скромной и милой фигуркѣ напыщенностью, сказалъ: „Какъ мнѣ съ вами играть? Я князь, а вы — простой старикъ“. Умный англичанинъ схватилъ тогда „князя“ на руки, и черезъ полминуты тотъ заливался веселымъ хохотомъ, защищаясь отъ блохи, которую изображалъ изъ себя

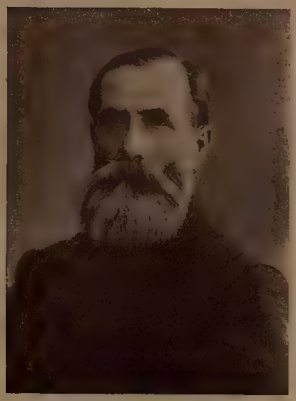
Послѣдніе „шлиссельбуржцы“.
І. Д. Лукашевичъ, р. 1863 г.

Послѣдніе „шлиссельбуржцы“.
Л. А. Волкенштейнъ, р. 1858 г. Убита случайно во Владивостокѣ, во время разстрѣла мирной процессіи.

Послѣдніе „шлиссельбуржцы“.
М. В. Новорусскій, р 1864 г.

Послѣдніе „шлиссельбуржцы".
П. А. Антоновъ, р. 1857 г.

Послѣдніе „шлиссельбуржцы".
Н. П. Стародворскій, р. 1864 г.



Послѣдніе „шлиссельбуржцы".
М. Р. Поповъ, р. 1851 г.

Послѣдніе „шлиссельбуржцы".
Г. А. Лопатинъ, р. 1845 г.

M-r Heath. Впослѣдствіи, напоминая подросшимъ братьямъ необходимость скромности, онъ сложилъ для нихъ очень милую сказку о поросенкѣ, кичившемся своей породой и крючковатымъ хвостомъ. Дѣло кончалось тѣмъ, что поросенка опрокидывалъ въ борьбѣ какой то плебей того же скотнаго двора, и видъ голубого неба, облаковъ и деревьевъ обращалъ негоднаго свинёнка въ вполнѣ порядочную свинью.

Георгій, второй сынъ, былъ болѣе замкнутъ. Будущая болѣзнь, отъ которой не застрахованы и обитатели дворцовъ, отражалась уже на его характерѣ, особенно дисгармонировавшемъ съ живымъ, веселымъ нравомъ младшаго сына, Миши, здороваго, краснощекаго мальчугана и любимца отца.

Не рѣдкость было видѣть, какъ, проѣзжая по улицамъ Гатчины и даже Петербурга, Александръ сидѣлъ, пригнувшись къ крошечному человѣку въ офицерской формѣ, и какъ грузное тѣло царя сотрясалось отъ смѣха, вызваннаго какимъ-нибудь замѣчаніемъ Миши.

Въ воспоминаніяхъ одного близкаго къ Двору лица, которыя намъ довольно часто придется цитировать, находимъ описаніе такой сцены въ с. Ильинскомъ, гдѣ Александръ нерѣдко гащивалъ у своего брата Сергѣя.

„Взрослые сидѣли на террасѣ, уставленной цвѣтами, а Миша копался внизу, въ пескѣ. Взявъ лейку съ водой, бывшую случайно возлѣ него, Александръ крикнулъ:

„Ну-ка, Миша, становись сюда!“

Группа старыхъ русскихъ революціонеровъ: Степнякъ, Чайковскій, Волховскій и Шишко. За Чайковскаго въ Лондонѣ было собрано 50 000 руб. залога, когда его арестовали въ Петербургѣ въ 1906 г.

Миша сталъ подъ террасой и отецъ вылилъ ему на голову немного воды. Всѣ посмѣялись и хотѣли уже послать мальчика переодѣться, какъ онъ потребовалъ, чтобы его мѣсто занялъ отецъ. Дѣлать нечего, Александръ сошелъ съ террасы, а Миша, завладѣвъ наверху лейкой, все ея содержимое отправилъ на блестѣвшую на солнцѣ лысину царя, послѣ чего оба и отправились мѣнять свои туалеты“.

Все это было бы мило, еслибъ параллельно съ простотой режима шло хорошее образованіе, къ чему, казалось, были всѣ средства. Но здѣсь то и поджидало

Общій видъ Шлиссельбургской крѣпости, нынѣ обращенной въ каторжную тюрьму и покойно ожидающей смѣны теперешняго населенія представителями правительства, приведшаго страну къ политическому маразму.

Посѣщеніе Шлиссельбурга, „Государевой крѣпости“, в. кн. Владиміромъ Александровичемъ.

Николая невѣжество, оставившее его навсегда на уровнѣ гвардейскаго офицера, съ его замашками, неосвѣдомленностью и наклонностью судить обо всемъ подъ угломъ зрѣнія человѣка въ аксельбантахъ. Составъ преподавателей былъ на рѣдкость плохъ; а тѣ, что готовы были бы поразвязать свои языки на урокахъ, стѣснялись и своего общаго руководителя, Побѣдоносцева, и присутствовавшаго всегда генерала Даниловича, тупого, мало знавшаго человѣка, не имѣвшаго и отдаленнаго представленія о важности и существѣ выпавшей на его долю задачи.

Видъ двориковъ для одиночныхъ прогулокъ,
гдѣ на пескѣ заключенные выращивали лѣтомъ цвѣты и кормили голубей остатками своей скудной пищи.

Совершенно очевидно, что наука, подносившаяся и безъ того неподготовленному мозгу въ столь неказистой формѣ, должна была только утомлять его, а не развивать, надоѣдать, а не заинтересовывать.

Нелучше шли и военные предметы; сколько нибудь талантливые люди держались военнымъ министромъ Ванновскимъ въ черномъ, что называется, тѣлѣ; а бездарности изъ главнаго штаба давали еще меньше, нежели бездарности изъ университетовъ. Надо всѣмъ доминировали попы, церковныя церемоніи и обряды, парады, маневры, формы одежды войскъ и тому подобныя вещи и дѣла, способныя только принизить интеллектъ будущаго монарха. По странной иронiи судьбы, воспитаніе и образованіе

Жандармы, всегда жившіе въ Шлиссельбургской крѣпости для охраны политическихъ заключенныхъ.

русскихъ царей подвергалось словно преднамѣренной деградаціи, шедшей въ обратномъ направленіи съ ростомъ и усложненіемъ государственной жизни: Лагарпъ у Александра Перваго и ничтожный швейцарецъ, любитель богословія, у Николая I-го. Жуковскій у Александра II-го и Даниловичъ у Николая II-го, молодой Побѣдоносцевъ у Александра III-го и руина — Побѣдоносцевъ у его сына.

Итакъ, если отъ юноши скрывали даже научную правду, то что же ожидало во дворцѣ печальную правду самой жизни? „Пока вы еще наслѣдникъ, пользуйтесь случаемъ слышать правду. Станете царемъ — поздно будетъ", — не разъ говорилъ М-г Heath Николаю. Но онъ и самъ не зналъ этой правды.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Поѣздки лицъ царской фамиліи по Россіи. — Владиміръ Александровичъ и Пугачовъ. — Крушеніе въ Боркахъ. — Ушибы и ихъ послѣдствія. — Охрана царскаго пути. — Начало болѣзни Александра III.

Да и гдѣ было искать ее, эту правду, при Дворѣ, самый воздухъ котораго насыщенъ былъ ложью, гдѣ простодушіе цѣнилось постольку, поскольку прикрывало какой нибудь расчетъ! Наивный воспитатель Николая былъ исключеніемъ, только оттѣнявшимъ общую испорченность нравовъ.

Нельзя сказать, чтобы не дѣлалось

Г. Г. Даниловичъ,
оффиціальный воспитатель Николая II-го, также безцвѣтенъ, какъ и все, что окружало дѣтство и юность правителя Россіи

Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ,
жуиръ и растратчикъ чужихъ денегъ, до старости красивый, добродушный весельчакъ. Послѣ 1905 года осѣлъ, сталъ съ Треповымъ во главѣ погромнаго движенія, часто ссорился съ царемъ по вопросу о самодержавіи.

попытокъ ознакомленія великихъ князей и царей съ жизнью страны. Ихъ выпускаютъ иногда съ опредѣленной миссіей, въ проѣздку по опредѣленному заранѣе числу городовъ Россіи или заграницы. Притомъ не инкогнито, потому что теперь и сыщикъ полицейскій съ трудомъ свое сохраняетъ, а во всеоружіи власти, со свитой,

съ точнымъ маршрутомъ и циркулярами губернаторамъ; въ такихъ предписаніяхъ можно найти не только перечень вещей или явленій, которыя надлежало бы скрыть отъ высокаго вниманія, но и „проекты“ рѣчей, съ которыми слѣдовало обращаться къ гостю.

Понятно, что администрація выполняла все пунктуально и въ маленькомъ размѣрѣ повторяла подтасовку, сдѣланную Потемкинымъ во время вояжа по Россіи Екатерины Второй. Обратная сторона медали открывалась лишь случайно, когда сквозь строй тщательно профильтрованнаго „народа“ протискивался какой нибудь человѣкъ съ прошеніемъ въ рукахъ, и испуганные полицейскіе кидались на него, принимая за террориста.

Все протекало, впрочемъ, по шаблону. Войска и агенты охраны кричали ура, проклиная въ душѣ тяжелый день, когда приходилось быть на ногахъ и на мѣстахъ съ ранняго утра; губернаторы и исправники мысленно молили Творца, чтобы пронесъ благополучно хлопотливаго посѣтителя. Послѣдній старался дѣлать ласково-милостивое лицо и задавать не слишкомъ ужъ глупые и пустые вопросы. Разнообразили постоянный тонъ картины лишь непредвидѣнные случаи. Такъ, покойный поэтъ и придворный хроникеръ, К. Случевскій, разсказывалъ о посѣщеніяхъ въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка в. к. Владиміромъ Александровичемъ поволжскихъ городовъ. Въ Самарѣ, въ числѣ мѣстныхъ достопримѣчательностей, великому князю рѣшили показать столѣтнюю бабу, еще державшуюся на ногахъ, что въ русскомъ крестьянствѣ дѣйствительно являлось изумительнымъ случаемъ. Старуха повалилась на землю, пытаясь поцѣловать край княжеской одежды, и затѣмъ съ чувствомъ перекрестилась.

„Что ты крестишься, бабушка?“ — спросилъ ее Владиміръ, не пропускавшій случая пошутить и позубоскалить.

„Какъ мнѣ, отецъ, не креститься, — прошамкала старуха, — вѣдь вотъ Богъ привелъ подъ старость вторую царствующую особу видѣть“.

„А кого же ты еще видѣла, царя, что ли?“ — продолжалъ добродушно Владиміръ.

„Вѣстимо, родной, царя; самого нашего батюшку Емельку Пугачова“, неожиданно изрекла самарская древность, къ великому конфузу присутствующихъ. Недовольный великій князь поспѣшилъ ретироваться, а губернаторъ вѣрно счелъ карьеру свою навсегда испорченной.

Владиміръ не былъ глупъ и хорошо понялъ, что если старики на Поволжьѣ продолжали считать главаря крестьянскаго бунта за царя, то въ молодыхъ должна была биться та же жилка ненависти къ дворянству и чиновничеству, которая при благопріятныхъ условіяхъ могла привести къ новому самозванцу, а ужъ къ бунту — навѣрное. Такъ въ 1905—1907 г. г. и случилось. Но тогда, подъ вліяніемъ широко расцвѣтшей, благодаря общественной поддержкѣ, реакціи Александра III-го, власти были, конечно, далеки отъ пессимизма, и отъ времени до времени великіе князья, а то и самъ царь, выѣзжали изъ своихъ дворцовъ знакомиться съ народомъ.

Съ царемъ всѣ приготовленія и расчеты были еще сложнѣй; здѣсь пускались въ ходъ самыя сильныя бюрократическія пружины, чтобы на мѣстѣ ничто не сорвалось, и чтобы не вышло никакого противорѣчія между тѣмъ, что царь увидитъ, и соотвѣтствующимъ докладомъ по этому отдѣлу министра. Путешествіе осложнялось еще и общимъ страхомъ передъ покушеніями на царскіе поѣзда, къ чему власти были пріучены еще при Александрѣ II-мъ. Для предотвращенія опасности не оставалось иного средства, какъ военная охрана всего пути. И вотъ войска собирались, какъ на войну. Раздавались боевые патроны, на тысячеверстныхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ вводилось военное положеніе, станціи наводнялись офицерами, жандармами и сыщиками. Пассажиры безпокоились, поѣзда задерживались, товарное движеніе нарушалось вовсе. Сами служащіе на путяхъ рисковали жизнью отъ пули солдата не менѣе всякаго другого. Достаточно было приблизиться къ своей собственной сторожкѣ на разъѣздѣ въ моментъ перехода на такъ называемое „третье“ положеніе (передъ проходомъ императорскаго поѣзда), чтобы въ сторожей уже стрѣляли безъ предупрежденія. Подъ мостами всякое движеніе прекращалось. Такъ, бы-

вали случаи убійствъ плотовщиковъ, которые лишены были всякой возможности остановить плоты, плывшіе по теченію подъ мостъ въ несчастный моментъ прохода царскаго поѣзда.

Такимъ образомъ, рѣдкое путешествіе русскаго царя обходилось безъ нѣсколькихъ убійствъ, въ которыхъ, казалось бы, и некого было винить. Но только казалось. О каждомъ случаѣ стрѣльбы разносилась широкая молва; она, какъ горное эхо, удесятеряла размѣры случая и все пріурочивала къ царскому имени, внушая крестьянамъ, что, еслибъ царь сидѣлъ дома, то ничего бы и не случилось.

Гораздо позднѣе, когда Николай II-ой смогъ, благодаря разоблаченіямъ роли Азефа, сдѣланнымъ Лопухинымъ, и послѣдовавшаго за ними разгрома боевой группы революціонеровъ, посѣтить европейскіе дворы, произошли на той же почвѣ другія крушенія поѣздовъ. Въ Царствѣ Польскомъ кто-то изъ начальства распорядился передъ проходомъ поѣзда развинтить и снять по нѣскольку саженъ со всѣхъ примыкавшихъ къ магистрали путей; а такъ какъ о мудрой предосторожности сообщать было некогда, а послѣ прохода поѣзда о скорѣйшемъ соединеніи путей позабыли, то два товарные поѣзда сошли съ рельсовъ и крушились.

Это путешествіе Николая долго было темой разговоровъ на желѣзныхъ дорогахъ Европы. Въ Италіи на охрану путей согнано было до трехсотъ войсковыхъ частей, и это смѣшило народъ, привыкшій видѣть своего монарха среди себя безъ всякой охраны и первымъ во всѣхъ выдающихся случаяхъ жизни помощникомъ и другомъ. Въ Германіи же потѣшались надъ странной депешей по пути о заготовкѣ во всѣхъ мѣстахъ остановокъ царскаго поѣзда запасовъ брюссельской капусты „для осла Его Величества“. Оказалось, что царь везъ въ подарокъ сыну итальянскаго осла, требовавшаго, какъ и подобаетъ придворному ослу, только отборной пищи. За то самый ходъ поѣзда былъ тамъ, по крайнѣй мѣрѣ, покоенъ.

Со времени крушенія въ Боркахъ, всякое пребываніе въ вагонѣ должно держать мысль Николая насторожѣ. Второй разъ нельзя расчитывать на чудо*).

Извѣстно, что въ Боркахъ всѣ спасшіеся члены царской семьи получили болѣе или менѣе серьезные ушибы, а начало смертельной болѣзни Александра III-го, независимо отъ подготовленной алкоголемъ почвы, было положено именно ударомъ въ области почекъ о столъ или другой тяжелый предметъ вагонной обстановки.

Расходы по путешествіямъ царей огромны, и львиная доля ихъ погашается средствами народа, а не Двора.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Путешествіе наслѣдника вокругъ свѣта. — Причины поѣздки. — Составъ свиты. — Неумѣнье хорошо обставить поѣздку. — Какъ проводили время на кораблѣ. — Барятинскій и Ломенъ. — Вино, охоты. — Драки между князьями. — Паденіе Георгія. — Въ Японіи. — Безтактности. — Покушеніе на Николая. — Было ли сотрясеніе мозга? — Разрощеніе черепной кости; его послѣдствія.

Первымъ крупнымъ событіемъ въ личной жизни Николая Александровича было его путешествіе вокругъ свѣта. Снарядить для такой цѣли наслѣдника престола значило, кромѣ его образованія, поддержать международныя связи Россіи, завязать новыя сношенія съ дальневосточными государствами, показать блескъ своего царства. Но едва ли задавались тогда этой цѣлью. Ко времени поѣздки Николая, дворъ его отца былъ уже совершенно очищенъ отъ просвѣщенныхъ современниковъ Александра

*) Впрочемъ, Н. В. Муравьевъ, бывшій тогда прокуроромъ петербургской суд. палаты, не скрывалъ отъ близкихъ людей, что крушеніе было вызвано террористическимъ актомъ, и что царскую семью спасло не чудо, а хорошее устройство вагоновъ, свинцовое дно котораго удержало отъ сплющенія и вагонныя стѣнки.

II-го, и тамъ безраздѣльно властвовали частью простодушные люди, въ родѣ Черевина, дѣлившаго время между дворомъ и бутылками вина, или Рихтера, остзейскаго помѣщика и свитскаго генерала, частью подозрительные обдѣлыватели своихъ дѣлъ, какъ Гессе, дворцовый комендантъ Гатчины, и его близкіе.

Даже врача хорошаго не было при царѣ, такъ какъ лейбъ-медикъ Гиршъ отличался завѣдомымъ невѣжествомъ въ своей области. Поэтому не къ кому было обратиться за совѣтомъ, какъ обставить поѣздку сына; о самой причинѣ ея говорили, что наслѣднику необходимо разсѣяться и забыть одну изъ привязанностей, становившуюся опасной.

Великій князь отбылъ въ дальній путь, окруженный только своими товарищами по преображенскому и гусарскому полкамъ. Единственнымъ сколько нибудь грамотнымъ человѣкомъ въ его свитѣ былъ князь Э. Ухтомскій, будущій исторіографъ этого путешествія, не бывшій, впрочемъ, ни ученымъ, ни писателемъ. Главнымъ распорядителемъ назначили стараго и полуслѣпого генерала кн. Барятинскаго, отличавшагося своею ограниченностью даже и въ невзыскательномъ гатчинскомъ кругу. Вѣроятно, благодаря этой именно чертѣ, уже съ самаго начала экспедиціи обнаружились тренія между морскими и свитскими офицерами, дошедшія потомъ до рѣзкаго конфликта между Барятинскимъ и командиромъ броненосца „Память Азова“, на которомъ всѣ находились, адмираломъ Ломеномъ. Потомъ дѣло уладилось, и твердый адмиралъ отстоялъ свою независимость.

Вел. кн. Георгій Александровичъ—будучи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ—скончался въ Абасъ-Туманѣ на Кавказѣ.

Одна за другой мелькали передъ равнодушными взорами высокихъ путешественниковъ европейскія и экзотическія страны. Красоты невиданной еще никѣмъ изъ нихъ природы смѣнялись другими. Пересѣкали моря и океаны, въѣзжали вглубь чужихъ государствъ на слонахъ, верблюдахъ, въ экспрессахъ. Но все это было какъ бы движущейся декораціей въ балетѣ „Спящая красавица“, съ той разницей, что здѣсь было не сонное, а пьяное царство. Вино лилось рѣкой ежедневно, и при самомъ умѣренномъ его употребленіи головы всегда должны были находиться во хмелю. Но умѣренности не наблюдалось, и князья Николай и Георгій, тоже отправленный въ теплые края, не отставали отъ другихъ. Очень быстро освоились съ этими наклонностями путешественниковъ и администраторы государствъ, принимавшихъ ихъ, —почему всякая надежда на образовательное значеніе поѣздки должна была отпасть. Мало того, даже увеселительная часть ея оказалась очень короткой. Полное бездѣлье и кутежи на кораблѣ, гдѣ женщины отсутствовали, привели, въ концѣ концовъ, къ возни, борьбѣ, а тамъ и просто къ дракамъ; во время одной изъ полушуточныхъ, полусерьезныхъ схватокъ Георгій Александровичъ упалъ, какъ говорили, съ лѣстницы, расшибъ себѣ грудь и такъ ускорилъ процессъ,

уже бывшій въ легкихъ, что его пришлось въ первомъ же порту ссадить и отправить въ Россію, гдѣ онъ протянулъ еще нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ горныхъ курортовъ Кавказа, Абасъ-Туманѣ.

Николай продолжалъ путешествіе, стрѣлялъ тигровъ и крокодиловъ, пользовался всѣми запретными удовольствіями въ полную свою волю и приближался къ Японіи, двойную и трагическую роль которой въ своей жизни не могъ, конечно, предвидѣть.

Частію благодаря безтактностямъ, отъ которыхъ никто не застрахованъ въ незнакомой средѣ, частію вслѣдствіе невѣжества, русскіе гости съ самаго начала раздражали японское простонародье посѣщеніемъ ихъ храмовъ, гдѣ не умѣли вести себя въ присутствіи изображеній Будды и другихъ мѣстныхъ боговъ. За фанатикомъ, взявшимъ на себя миссію отомстить за истукановъ, дѣло не стало, и Николай едва не погибъ отъ основательнаго удара японской сабли по своей легкомысленной головѣ. Второй ударъ отразилъ товарищъ по путешествію, греческій королевичъ Георгій. Японца успѣли схватить, и вся компанія поспѣшила на „Память Азова“ залѣчивать первую рану, нанесенную Японіей Россіи.

Опять же никто не могъ тогда предвидѣть послѣдствій этого печальнаго случая. Но, съ одной стороны, у Николая долженъ былъ остаться въ душѣ горькій осадокъ, раздраженіе противъ страны, такъ оригинально проявившей свое гостепріимство; съ другой, — и это самое важное, — рана оказалась серьезнѣе, чѣмъ думали въ первый моментъ.

Хотя, повидимому, сотрясенія мозга и не послѣдовало, но въ черепной кости слегка надтреснутой отъ удара, началось разрощеніе костнаго вещества. Процессъ шелъ въ обѣ стороны, и теперь Николай всегда испытываетъ въ лѣвой половинѣ мозга давленіе, которое должно отражаться и на психическихъ функціяхъ. Продолжаясь годами, такой болевой эффектъ приводитъ къ основательному разстройству, или, во всякомъ случаѣ, измѣненію интеллекта и нарушаетъ психическое равновѣсіе. Въ странѣ гдѣ личная политика государя, не исключается, и гдѣ чиновничество умѣетъ использовать всякій дефектъ правителя, такое травматическое нарушеніе здоровья не могло остаться безъ послѣдствій и для самого народа.

Въ Россіи приключеніе не произвело сильнаго впечатлѣнія. Народъ, понятно, оставался равнодушенъ, помня, какія страданія ему приносило послѣднее царствованіе, помня, какъ оно ему приносило лишь голодъ, нищету, смерть, и всегда оставляло его безпомощнымъ въ трудные моменты исторіи, предоставляя выпутываться самому. Нужно сказать, что привязанность русскаго народа къ самодержцу вообще есть такой же миѳъ, какъ и любовь его къ церкви. „До Бога высоко, до царя далеко“, говоритъ русскій крестьянинъ, и покорно ложится подъ розгу или даетъ взятку какому нибудь начальнику.

Интеллигенція была недовольна поведеніемъ наслѣдника, предвидя новое ничтожное царствованіе. Въ придворныхъ сферахъ сплетничали и разсказывали небылицы, ожидая возвращенія путешественниковъ, чтобы установить истину. Царь долженъ былъ быть огорченъ искреннѣе всѣхъ, потому что, тяготясь своею ролью, онъ все же отдавалъ ей все разумѣніе. И, во всякомъ случаѣ, среди мелкихъ, корыстныхъ и безвольныхъ людей, составлявшихъ ряды разросшейся царской фамиліи, это была, кажется, единственная, опредѣленная, честная и знавшая, чего хочетъ, величина.

Николай ничего этого не унаслѣдовалъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Закладка сибирскаго пути. — Ген. Е. В. Богдановичъ. — Значеніе дороги. — Хищенія. — Техническіе и стратегическіе дефекты. — Внутреннее разложеніе Россіи впервые дѣлается очевиднымъ для желтой расы. — Возвращеніе черезъ азіатскія владѣнія. — Ненаблюдательность. — Показная сторона. — Результаты путешествія.

Ко времени вступленія Николая на русскую землю на пути изъ Японіи подготовлено было своего рода культурное торжество, — закладка великаго сибирскаго пути. Онъ долженъ былъ принести на Дальній Востокъ видимые признаки той мощи Россіи, въ которую вѣрили тамъ больше по наслышкѣ. Неизвѣстное всегда пугаетъ, и самодержавной Руси было бы лучше, пожалуй, обождать съ проявленіемъ своей дѣйствительной силы. Но вѣра въ себя была тогда у правительства велика, и сибирскій путь былъ не только заложенъ, но и проведенъ. Многіе приписывали себѣ иниціативу этой дороги, больше всѣхъ генералъ Богдановичъ, котораго, кстати сказать, Александръ III-ій совершенно основательно презиралъ, называя не иначе, какъ „болтуномъ“ и отлично зная всѣ шашни генерала, ловившаго рыбу въ мутной водѣ съ ловкостью прирожденнаго хищника. На самомъ дѣлѣ дорога была нужна всего больше тѣмъ казнокрадамъ, которые въ Россіи не только слетаются на всякое государственное предпріятіе, но и сами провоцируютъ крупные расходы казны подъ предлогомъ государственной необходимости. Надежды на транзитное и стратегическое значеніе сибирскаго пути были только лишними поводами къ новой „панамѣ“, изъ которой, не въ примѣръ Франціи, всѣ вышли сухими.

Дѣло въ томъ, что благодаря медленности грузового движенія, обусловленнаго плохимъ устройствомъ пути, и высокому тарифу, грузы не только Европы, но и центральной Россіи могли смѣло идти на Востокъ моремъ, не боясь ничьей конкурренціи на сибирской линіи. Стратегическое же значеніе дороги, при одноколейности, необезпеченности отъ нападеній и разрушеній, при направленіи магистрали ея по чужой территоріи (Манджуріи) были скорѣй отрицательнаго свойства, указывая на Ахиллесову пяту русской военной организаціи. Да и вообще, это колоссальное предпріятіе, которое въ рукахъ культурнаго и правового государства могло имѣть рѣшающее значеніе, какъ факторъ обогащенія и вліянія, для Россіи оказалось поводомъ къ одному изъ тѣхъ краховъ, которые, точно толкаемыя рокомъ, сами создаютъ себѣ абсолютныя монархіи.

На Востокѣ, гдѣ хорошо взвѣшивали всякій шагъ Россіи, и гдѣ только гипнозъ далекаго Петербурга поддерживалъ дотолѣ нашъ престижъ, не замедлили учесть всѣ дефекты, техническіе, военные и административные, коими страдала постройка сибирскаго пути, и которые ярко свидѣтельствовали о слабости правительства, о разложеніи власти, о господствующемъ стремленіи къ расхищенію народныхъ средствъ. Но до поры, до времени иллюзіи сохранялись, по крайней мѣрѣ, съ русской стороны. И наслѣдникъ Александра III-го продѣлалъ всю церемонію закладки, провезъ тачку песку, постучалъ лопатой и росписался, гдѣ нужно. За нимъ, съ видомъ чрезвычайной серьезности, повторили тѣ же манипуляціи господа изъ свиты, и Николай поѣхалъ черезъ Сибирь „на перекладныхъ“, разсѣянно поглядывая на пустыню, гдѣ отдѣльными оазисами попадались человѣческія поселенія, и гдѣ все, что говорило о страданіи его будущихъ подданныхъ, или о неумѣньѣ администраціи, тщательно скрывалось за тріумфальными арками и банальными рѣчами банкетовъ. Не было охоты наблюдать, что было бы нетрудно и при изворотливости окружающихъ, да и умѣнья не было. Тѣ стороны жизни, что изощряютъ эту способность у всякаго живого существа, исключались изъ обихода русскихъ царей, а ихъ „очи“, какъ любятъ величать разные чиновники, — всегда мигали, косили и закрывались, когда нужно было смотрѣть прямо и честно въ лицо суровой дѣйствительности.

Закладка великой Сибирской дороги.
Наслѣдникъ Николай Александровичъ собственноручно отвозитъ тачку земли на полотно дороги во Владивостокѣ 19 мая 1891 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Служба въ войскахъ. — Общій духъ гвардіи того времени. — Принцъ Ольденбургскій и его чудачества. — Извращенныя наклонности и ихъ распространеніе въ петербургскихъ общественныхъ кругахъ. — Удаленіе двадцати офицеровъ. — Будущіе архипастыри Гермогенъ и Серафимъ въ ихъ числѣ. — Гусары. — Ихъ командиръ, в. к. Николай Николаевичъ. — Пьянство и развратъ. — Родство съ Гостинымъ дворомъ. — Разсказъ о волкахъ. — На крышѣ. — Плохая компанія. — Отравленіе организма алкоголемъ. — Любовныя похожденія. — Кшесинская. — Поляки не сумѣли использовать ея вліянія. — Преображенскій полкъ. — В. К. Сергѣй Александровичъ. — Привилегіи перваго батальона и ихъ результатъ. — Дурной тонъ полка. — Нейдгардтъ. — Рыцарскія чувства Николая.

Путешествіе не внесло въ жизнь Николая ничего новаго, и, вернувшись въ Петербургъ, онъ снова погрузился въ полковую жизнь, отрываясь только на короткіе часы лекцій или засѣданій совѣта по сооруженію сибирской дороги, предсѣдателемъ котораго былъ еще ранѣе назначенъ. По прежнему его окружали строевые офицеры, среди коихъ недавніе спутники также безслѣдно растворились, подѣляясь впечатлѣніями отъ гомерическихъ кутежей и праздно проведеннаго времени.

Рутина сказывалась во всемъ. Такъ, Александръ не любилъ военной службы, но ничего не предпринялъ, чтобы ослабить ея вліянія на сына. Обративъ личное вниманіе и усилія на подавленіе въ странѣ революціоннаго броженія, а попутно давя и всю жизнь, онъ не озаботился о хорошей подготовкѣ наслѣдника къ внутреннему управленію. Оставляя ему опредѣленное наслѣдство, онъ не научилъ пользоваться имъ, и неумѣньемъ Николая воспользовались, по его вступленіи на престолъ, всѣ, кому это нужно было.

Въ тѣ годы, когда наслѣдникъ маршировалъ передъ ротой и скакалъ передъ эскадрономъ, гвардія не отличалась по духу отъ общаго тона великосвѣтской жизни Петербурга. Офицеры гвардейскихъ полковъ были желанными гостями въ домахъ высокопоставленныхъ чиновниковъ и не жили тѣми узко-обособленными интересами, что свойственны армейскимъ частямъ, разбросаннымъ по русскимъ провинціямъ. Но такъ какъ жизнь высшаго круга была чрезвычайно пуста, ибо ему не на что было употреблять спокойный досугъ, обезпечиваемый реакціей, кромѣ какъ на развлеченія, то и занятія гвардейской молодежи сводились къ баламъ, любительскимъ спектаклямъ и дружескимъ возліяніямъ въ полковыхъ собраніяхъ. Интересы службы были ничтожны, тамъ все шло по установленному шаблону, и опытъ турецкой войны привелъ только къ перемѣнѣ солдатской формы на такую же непрактичную, дорогую и неудобную, но красивую.

На этомъ фонѣ ничего-недѣланія странно выдѣлялась безпокойная фигура принца А. П. Ольденбургскаго, командира гвардейскаго корпуса. Сознательно или безсознательно взявъ себѣ за образецъ Павла 1-го, онъ старался „подтягивать“, какъ говорятъ военные, офицеровъ и поражалъ своими чудачествами бездѣльниковъ и сплетниковъ столицы. Наряду съ этимъ, принцъ удѣлялъ не мало времени и средствъ на созданіе такихъ, напримѣръ, учрежденій, какъ институтъ экспериментальной медицины, и лечилъ солдатъ отъ зубной боли какими то магнетическими кольцами, совмѣщая такимъ образомъ невѣжество съ инстинктивнымъ стремленіемъ къ научному прогрессу, якшанье съ шарлатанами съ дружбой съ великимъ Пастеромъ. Анекдоты объ Ольденбургскомъ всегда были излюбленными темами разговоровъ на всѣхъ парадахъ, смотрахъ и маневрахъ.

Была, однако, одна печальная сторона военнаго быта того вѣка, и нынѣ, впрочемъ, не исчезнувшая, которую ретивый принцъ тщетно старался искоренить. Это — появленіе среди гвардейскаго офицерства привычекъ, которыя внушаютъ отвращеніе европейцамъ и приводятъ иногда на скамью подсудимыхъ даже и такихъ вліятельныхъ лицъ, какъ, скажемъ, гр. Эйленбургъ, другъ императора Вильгельма. Правда, въ этомъ отношеніи повинны были далеко не одни офицеры, которые только имѣли въ своемъ распоряженіи больше живого товара, въ лицѣ солдатъ и такъ называемыхъ „кантонистовъ“, учениковъ полковыхъ школъ Позорному пороку

предавались и многіе извѣстные люди Петербурга, актеры, писатели, музыканты, великіе князья. Имена ихъ были у всѣхъ на устахъ, многіе афишировали свой образъ жизни. Скандалы, сопровождавшіе открытіе за кѣмъ нибудь такихъ похожденій, тянулись непрерывно, но до суда грязныя дѣла обычно не доходили. Въ этомъ отношеніи рѣшительности Вильгельма II-го, не пощадившаго и личнаго друга, Александру не хватало, и, терпя въ своей собственной фамиліи столь же порочныхъ членовъ, онъ ограничивался изрѣдка отставками отдѣльныхъ офицеровъ, дѣянія которыхъ получали уже слишкомъ широкую огласку. Былъ, впрочемъ, одинъ случай и массового изгнанія. Двадцать гвардейскихъ офицеровъ были исключены безъ суда со службы за порочность, что не помѣшало имъ, конечно, сдѣлать потомъ болѣе или менѣе удачныя карьеры. Удивительнѣй то, что среди нихъ находились два буду-

Парадъ Преображенскому полку.
Впереди находится баталіонъ, въ 1906 г. бунтовавшій и сосланный въ с. Медвѣдь, Новгородской губерніи.

щихъ русскихъ архіерея, Гермогенъ и Серафимъ, оба оказавшіеся настоящими устоями самодержавной власти, столь сурово съ ними самими поступившей.

Курьезно было и то, что порокомъ страдали не всѣ полки гвардіи. Въ то время, напримѣръ, когда преображенцы предавались ему, вмѣстѣ со своимъ командиромъ, чуть не поголовно, лейбъ-гусары отличались естественностію въ своихъ привязанностяхъ. За то пьянство гусаръ носило легендарный характеръ, а въ преображенскомъ полку царила относительная трезвость.

Обычай назначать командирами полковъ великихъ князей былъ дурной обычай. Они, если и не хотѣли, развращали офицерство своимъ богатствомъ, привычками, предпочтеніемъ однихъ другимъ. Дружбы и расположенія лицъ, протекція которыхъ впослѣдствіи могла пригодиться, добивались всѣми способами, не выключая и раз-

дѣленія порочныхъ наклонностей. Въ еще большей степени, конечно, развращали цѣлыя управленія и вѣдомства стоявшіе во главѣ ихъ безотвѣтственные родственники царя, но объ этомъ намъ придется говорить далѣе.

Итакъ, одни пьянствовали, другіе развратничали, третьи совмѣщали и то и другое, а всѣ вообще бездѣльничали.

Среди выдающихся алкоголиковъ тогдашней гвардіи слѣдуетъ поставить и в. к. Николая Николаевича (младшаго), командира лейбъ-гусарскаго полка, гдѣ проходилъ свой кавалерійскій стажъ наслѣдникъ. Микроцефалъ по фигурѣ, охотникъ по влеченію, глупецъ и неисправимый алкоголикъ, великій князь Николай Николаевичъ проявлялъ не меньше постоянства въ своей привязанности къ одной царскосельской купчихѣ и даже просилъ у Александра III-го позволенія повѣнчаться съ ней. Царь, отличавшійся, какъ всѣ Романовы, наклонностью острить, сказалъ:

„Со многими дворами я въ родствѣ, но съ Гостинымъ еще не былъ, и не буду".

У купчихи дѣйствительно была мучная лавка въ Царскосельскомъ дворѣ.

Отказъ государя не огорчилъ лихого гусара, и онъ продолжалъ прежнюю жизнь, дѣля ее между своей купчихой, виномъ и полкомъ, который держалъ въ образцовомъ порядкѣ, щеголяя на смотрахъ новыми ментиками солдатъ, подборомъ лошадей и строевыми кунштюками. Главнымъ занятіемъ гусаръ оставалось все таки пьянство. Одинъ изъ нихъ, Ж—въ, разсказываетъ удивительныя вещи о службѣ того времени. Пили зачастую цѣлыми днями, допиваясь къ вечеру до галлюцинацій. Иныя изъ нихъ становились какъ бы привычными, такъ что и прислуга офицерскаго собранія (клуба) начинала приспособляться къ странному поведенію господъ. Такъ, нерѣдко великому князю и раздѣлявшимъ съ нимъ компанію гусарамъ начинало казаться, что они не люди уже, а волки. Всѣ раздѣвались тогда до-нага и выбѣгали на улицу, въ ночные часы въ Царскомъ Селѣ обычно пустынную. Тамъ садились они на заднія ноги (переднія замѣнялись руками), подымали къ небу свои пьяныя головы и начинали громко выть. Старикъ буфетчикъ зналъ уже, что нужно дѣлать. Онъ выносилъ на крыльцо большую лохань, наливалъ ее водкой или шампанскимъ, и вся стая устремлялась на четвереньках къ тазу, лакала языками вино, визжала и кусалась. Сцены подобнаго рода становились тотчасъ же достояніемъ городской молвы, — въ маленькомъ гарнизонѣ ничего не скроешь, но никто не предавался напрасному негодованію, ибо нравы царскосельскаго общества немногимъ отличались отъ гусарскаго уровня. Случалось запьянѣвшаго командира снимать и съ крыши его собственнаго дома, тоже обязательно голымъ, гдѣ онъ распѣвалъ серенады лунѣ или своей купчихѣ, быть можетъ, заливавшейся въ этотъ моментъ слезами. И т. д.

В. Кн. Николай Николаевичъ,

глава погромщиковъ, работалъ совмѣстно съ Треповымъ. Старый алкоголикъ, лихой кавалеристъ, отлично знаетъ охотничій спортъ. Хотѣлъ жениться на купчихѣ, но Александръ III-й не позволилъ. Дворецъ свой въ Петербургѣ сдалъ подъ „веселый" домъ за 46.000 руб. въ годъ. Правда, что отецъ его ничего, кромѣ долговъ, послѣ себя не оставилъ.

Въ такой-то оригинальной обстановкѣ протекали всѣ драгоцѣнные годы молодости наслѣдника, когда всякій, даже рядовой человѣкъ, спѣшитъ забирать изъ школы и жизни побольше знаній и опыта. Никто не вмѣшивался въ распорядокъ его занятій, никто, быть можетъ, не обращалъ на то вниманія, что организмъ Николая Александровича начиналъ уже отравляться алкогольнымъ ядомъ, что тонъ кожи лица желтѣлъ, глаза нехорошо блестѣли и подъ ними образовались уже припухлости, свойственныя привычнымъ алкоголикамъ.

Попутно съ этимъ шли обычныя въ этомъ кругу излишества въ другой сферѣ; но, унаслѣдовавъ отъ отца постоянство привязанностей, Николай довольно долгій періодъ своей молодости провелъ съ балериной Кшесинской, которая, сберегая себя для балета, сберегла будущей императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ и ея супруга, оправдавшаго себя значительнымъ числомъ произведеннаго имъ потомства.

Вел. кн. Сергѣй Александровичъ,

ген.-губернаторъ Москвы, жестокій реакціонеръ, развратникъ. Извѣстенъ послѣ Ходынки подъ кличкой: „Князь Ходынскій".

Связь съ полькой, какой была Кшесинская, могла быть опасной, если-бъ въ танцовщицѣ билось сердце тѣхъ патріотокъ, что со временъ раздѣловъ Польши искали роли Юдиѳи при намѣстникахъ, генералъ-губернаторахъ и другихъ властителяхъ присоединеннаго къ Россіи края. Но случилось такъ, что Кшесинская не смогла вдохнуть въ своего возлюбленнаго и простого расположенія къ родственной народности, и вся послѣдующая политика Николая въ Польшѣ была диктована тупымъ равнодушіемъ и желаніемъ угодить сосѣдямъ, а не заботой о культурнѣйшей части своей Имперіи.

Послѣ гусарскаго образа жизни наступилъ періодъ нѣкотораго затишья на службѣ въ преображенскомъ полку. Эта часть гвардіи, ведущая свою исторію отъ „Потѣшныхъ"*) солдатиковъ Петра Великаго, сыграла, особенно въ лицѣ перваго своего батальона, крупную роль въ исторіи русскихъ дворцовыхъ переворотовъ. Но къ описываемой эпохѣ отъ былого значенія остались только небольшія привилегіи матерьяльнаго характера, которыми пользовались офицеры и солдаты перваго батальона, расположеннаго въ сообщавшихся съ Зимнимъ дворцомъ казармахъ. Однако и эти незначительныя отличія вносили свою долю разложенія въ полковую среду, создавая патриціевъ службы и ея плебеевъ. Здѣсь не было иныхъ обычаевъ гусаръ, основанныхъ на ложно понятомъ чувствѣ солидарности и выражавшихся, между прочимъ, въ обязательствѣ ставить свои бланки на всякомъ векселѣ товарища; но за то здѣсь не было и ника-

*) Послѣднее время опять стали заводиться „потѣшные" полки въ народныхъ школахъ и отдѣльныхъ полкахъ, т. к. Николаю внушили мысль о пользѣ такихъ военныхъ упражненій, якобы поддерживающихъ въ народѣ патріотизмъ.

кого другого суррогата товарищества, а всякій старался дѣлать свою карьеру, пользуясь связями и близостью къ командиру полка, в. к. Сергѣю Александровичу.

Этотъ сухой, непріятный человѣкъ, уже тогда вліявшій на молодого племянника, носилъ на своемъ лицѣ рѣзкіе знаки снѣдавшаго его порока, который сдѣлалъ семейную жизнь жены его, Елисаветы Ѳедоровны, невыносимой и привелъ ее, черезъ рядъ увлеченій, естественныхъ въ ея положеніи, къ монашеству.

Тонъ, задававшійся полку Сергѣемъ и офицерами перваго батальона, былъ дуренъ, полкъ не пользовался симпатіями ни въ гвардейскомъ корпусѣ, ни въ Петербургѣ. Позднѣе, въ годы революціи, привилегированное положеніе перваго батальона не помѣшало ему присоединиться къ общимъ безпорядкамъ, и привело къ отдачѣ подъ судъ всего его состава и ссылкѣ въ Новгородскую губернію. Николай Александровичъ долженъ былъ покарать за нарушеніе дисциплины большую часть своихъ товарищей по батальону. Но это не помѣшало многимъ сдѣлать хорошія карьеры, и среди русскихъ губернаторовъ можно насчитать нѣсколько человѣкъ изъ бывшихъ сослуживцевъ Николая.

Сенаторъ Д. Б. Нейдгардтъ,

бывшій одесскій градоначальникъ, устроитель октябрскаго одесскаго погрома (300 чел. убитыхъ). Сенатомъ оправданъ. Въ 1910—11 г. г. производилъ ревизію, привлекъ къ суду мелкихъ воровъ, а крупные прекратили и самую ревизію. Бывшій преображенскій офицеръ, выдвинутъ Николаемъ послѣ вынужденнаго выхода изъ полка.

Оригинальной и симпатичной чертой его характера, чертой, обнаружившейся именно во время службы въ преображенскомъ полку, было поощреніе браковъ офицеровъ на женщинахъ, ранѣе скомпрометированныхъ. Заботы объ ихъ карьерѣ, — такъ какъ полковое общество исключало ихъ изъ своей среды, — Николай бралъ на себя. Дальше другихъ пошелъ Нейдгардтъ, въ свое время отличившійся въ Одессѣ, какъ провокаторъ еврейскаго погрома. Отданный подъ судъ ревизоромъ-сенаторомъ Кузьминскимъ, онъ былъ оправданъ сенатомъ, въ то время открыто принесшимъ юстицію въ жертву политикѣ. Позднѣе, уже самъ въ качествѣ сенатора, Нейдгардтъ ревизовалъ интенданство въ Царствѣ Польскомъ. Были и другіе, подобные же случаи покровительства Николая офицерамъ, дѣлавшимъ, съ точки зрѣнія общества mesaillances'ы, и это обѣщало въ самомъ наслѣдникѣ развиться чертамъ добраго семьянина и отца, что вскорѣ и оправдалось.

Такъ проходили годы, гдѣ, подъ кровомъ реакціонной тишины, зрѣли, съ одной стороны, новыя общественныя настроенія, съ другой — перемѣны чисто внѣшнія. Александръ обреченъ былъ скорой смерти, Николай — бурному царствованію. Но никто не готовился къ этой смѣнѣ правителей, такъ долго и искусно скрывалъ царь точившую его болѣзнь, и такъ былъ безпеченъ наслѣдникъ, продолжавшій маршировать и скакать, вмѣсто того, чтобы углубляться въ сложныя проблемы внутренней и внѣшней политики. За него должны были дѣлать это чиновники, но вѣдь и они привыкли къ беззвучной смѣнѣ дней государственной жизни.

Въ свое время она и застала врасплохъ обѣ стороны, и молодого царя, и правительство.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Болѣзнь Александра III-го. — Захарьинъ. — Янышевъ. — Иванъ Кронштадтскій. — Ливадія. — Кухарка. — Агонія. — Подписаніе манифеста о восшествіи на престолъ при жизни императора. — Отказъ отъ престола и женитьбы. — Смерть Александра. — Итоги его царствованія.

Скромный въ своихъ привычкахъ, конфузливый въ бесѣдѣ съ посторонними, ласковый съ дѣтьми и очень простой въ обращеніи съ такими близкими людьми, какимъ былъ Mr. Heath, Александръ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто не любитъ думать о своемъ здоровьѣ, скрывая по возможности всякое недомоганіе. Благодаря этому, нефритъ почекъ могъ развиваться довольно долго, прежде чѣмъ худоба обычно тучнаго царя сдѣлалась замѣтной и вызвала заботы и тревогу окружающихъ. Такимъ образомъ, знаменитому московскому діагносту, профессору Захарьину, оставалось только, послѣ того, какъ его впервые позвали къ больному, опредѣлить безнадежность положенія и указать приблизительный срокъ, отдѣлявшій Александра отъ гроба.

Этотъ періодъ царь провелъ на ногахъ, не нарушая порядка своихъ занятій, выѣзжая даже на парадахъ верхомъ на небольшой, но крѣпкой и покойной лошади. Вскорѣ, однако, пришлось увезти его на югъ, и вся семья поселилась въ Крыму, въ Ливадіи. Отсюда императору уже не суждено было выѣхать, и такъ какъ нефритъ равнодушенъ къ солнцу, озону и къ чему бы то ни было, то силы царя замѣтно убывали. Въ такомъ положеніи онъ впервые позволилъ себѣ сказать, что дворцовая кухня никогда ему не нравилась, и просилъ, чтобъ ему готовила обѣдъ простая кухарка. И послѣдніе дни жизни русскаго самодержца были облегчены не сознаніемъ исполненнаго по отношенію къ народу долга, не спокойствіемъ за судьбу своего наслѣдника, а нехитрыми русскими блюдами, сдѣланными руками бабы, быть можетъ, помнившей еще времена рабства.

Длительная агонія должна была разбить нервы всѣхъ окружающихъ царя. Да и въ обществѣ и народѣ тяжелая болѣзнь еще нестараго Александра возбуждала сожалѣнія чисто гуманнаго характера. Къ тому же необычно было для русскихъ терять монарха въ такой патріархальной обстановкѣ. Они привыкли къ насильственнымъ смертямъ царей, къ дворцовымъ переворотамъ, къ таинственности, всегда окружавшей послѣднія минуты самодержцевъ. Все это вносило нѣкоторую элегичность въ сужденія и настроенія подданныхъ, и даже явленія революціоннаго характера какъ то сами собой прекратились на время царской агоніи.

Во дворцѣ должны были происходить тягостныя сцены. Возлѣ умиравшаго продолжали бороться разныя вліянія, въ томъ числѣ и религіозныя. Придворный духовникъ, Янышевъ, ненавидѣлъ и боялся извѣстнаго Ивана Кронштадтскаго, и оба отбивали другъ у друга честь напутствовать Александра въ лучшій міръ. Одинъ утѣшалъ тихими рѣчами на божественныя темы и пользовался своими придворными навыками. Другой старался поразить изступленными выкриками, возложеніемъ рукъ на голову больного, пріемами ловкаго шамана. Въ концѣ концовъ вліяніе Ивана какъ бы возобладало, и послѣ смерти царя между обоими попами возникла недостойная ихъ сановъ, но характерная полемика въ печати, гдѣ они отбивали одинъ у другого роль, быть можетъ, казавшуюся имъ очень важной.

Наряду съ молитвословіями шли и драматическіе разговоры съ сыновьями. Утверждали, что Николай одно время упорно отказывался отъ престола, какъ бы провидя его терніи. Но такъ какъ Георгій присутствовалъ при отцовской агоніи самъ уже умирающимъ, а Миша былъ малъ, и регенство Владиміра не улыбалось отходившему въ вѣчность царю, то Николаю пришлось не только согласиться, но и подписать при жизни отца манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ. Какого ни быть мнѣнія объ институтѣ монархической власти или семьѣ тогдашняго царя, трагизмъ этой сцены понятенъ и долженъ былъ потрясти всѣхъ ея свидѣтелей, а особливо воображеніе Николая. Словно нарочно, жизнь дарила его ударами, которые должны были такъ или иначе отразиться и на будущемъ управленіи имперіей.

Редакторъ полицейской газеты Кривошлыкъ подноситъ Ивану Кронштадскому икону.

Въ этой газетѣ, оффиціозѣ Петербургскаго Градоначальства, была полностью помѣщена однажды анаѳема, провозглашенная Кронштадскимъ чудотворцемъ первому министру. На снимкѣ обращаетъ на себя вниманіе добротность матеріала на рясѣ о. Ивана и округлость его лица, не свидѣтельствующія объ особенномъ аскетизмѣ вдохновителя „іоаннитовъ".

20-го октября 1894 г. Александръ умеръ, сидя въ креслѣ и въ полномъ сознаніи. Тринадцатилѣтнее его царствованіе навсегда останется связаннымъ съ представленіемъ объ одномъ изъ самыхъ реакціонныхъ періодовъ русской исторіи. Но такъ какъ, съ одной стороны, періодъ этотъ совпалъ съ начинавшимся расцвѣтомъ имперіализма во всѣхъ почти государствахъ Европы, за которыми, въ началѣ XX-го вѣка, послѣдовала даже и великая сѣверо-американская республика, а съ другой, — какъ мы указывали, — онъ опирался на сочувствіе нѣкоторыхъ круговъ населенія, раздраженнаго убійствомъ Александра II-го, то оцѣнить въ полной мѣрѣ его реакціонность современники едва ли могли.

Правда, во главѣ правительства стояли такіе ярые реакціонеры, какъ гр. Д. А. Толстой, успѣвшій наложить свою руку на три огромныхъ и важнѣйшихъ вѣдомства: духовное, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ; какъ П. Ванновскій, обратившій военное министерство въ сухую канцелярію, а самую службу въ постылое ремесло; какъ И. Дурново, стремившійся во всемъ подражать своему предшественнику Толстому и подарившій Россію институтомъ земскихъ начальниковъ и земскимъ положеніемъ 1890 г., которое ввело въ органы самоуправленія аграрное большинство.

Да и вообще вся дѣятельность правительства Александра III-го, поскольку была активна, носила разрушительный характеръ. И если нельзя было воспретить восхваленія царствованія Александра II въ печати и рѣчахъ, то они во всякомъ случаѣ считались признаками недопустимаго либерализма.

Такимъ образомъ, всѣ отрасли внутренней жизни подверглись измѣненію въ сторону регресса; школа, печать, армія, чиновничество, — все должно было или служить цѣлямъ реакціи, или молчать, какъ бы не существовать. Административный гнетъ, подъ вліяніемъ такихъ опытныхъ людей, какъ Плеве, звѣзда котораго тогда восходила, или П. Дурново, принималъ планомѣрность, ранѣе ему несвойственную.

Что сѣмена реакціи, обильно разсѣявшіяся по всей странѣ, должны были дать революціонный урожай, объ этомъ не задумывались; и отецъ ея, гр. Д. Толстой, на такое именно замѣчаніе отвѣтилъ съ цинизмомъ, столь характернымъ для абсолютизма: „Знаю. Да лишь бы на н а ш ъ вѣкъ хватило!“

Расчетъ министра оправдался, реакціи хватило почти на четверть вѣка. Но, такъ какъ, благодаря ряду ловкихъ финансистовъ, а особенно Вышнеградскому и Витте, рессурсы государства, послѣ войны 77—8 г. г. бывшіе въ самомъ плачевномъ состояніи, не только оправились, а стали просто хороши, то престижъ Россіи заграницей неминуемо долженъ былъ возрости. Это обстоятельство упрочивало внѣшнее спокойствіе, позволяло не увеличивать кредитовъ на вооруженіе и заняться внутренними реформами. Благопріятная конъюнктура не была, однако, использована. Армія почила на лаврахъ, ослабѣла и постепенно погружалась въ гарнизонную дремоту, изъ которой ее вывели только японскія пушки. Реакціонныя реформы не могли не привиться въ оправившемся, а отчасти и забывшемъ эпоху Александра II-го обществѣ. Иностранные капиталы, искусно привлеченные С. Витте, пошли въ грюндерскія предпріятія, а не на подъемъ производительныхъ силъ. Новыя желѣзныя дороги строились или безъ расчета, или изъ стратегическихъ видовъ и глохли, давая ужасающіе дефициты. Словомъ, повсюду заводилась своего рода государственная паутина, такъ что ко дню вступленія на престолъ Николая Россія представлялась настоящимъ заколдованнымъ и запустѣвшимъ царствомъ. Новому правителю предстояла завидная задача входнуть въ него новую жизнь. Но уже изъ краткаго обозрѣнія условій дѣтства и юности этого человѣка мы выходимъ подготовленными къ тѣмъ его поступкамъ. которые тогда, въ 1894 г., многимъ казались неожиданными, которые, однако, довольно бѣстро должны были привести страну къ революціи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Похороны Александра III-го. — Безпорядочность процессіи. — Бѣлый и черный рыцари. — Неорганизованность либеральныхъ круговъ.

Впервые послѣ смерти императора Александра I-го царское тѣло должно было пропутешествовать въ траурномъ вагонѣ черезъ всю Россію. Это затягивало похороны, удлиняло періодъ обычной въ такихъ случаяхъ заминки всѣхъ государственныхъ отправленій, но за то позволяло придать церемоніи особенно торжественный характеръ, муссируя выраженія народной печали.

Въ скверную, чисто петербургскую погоду, по улицамъ, заполненнымъ войсками, за которыми толпился народъ, гробъ Александра III-го былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ мертвые цари раздѣляютъ общество съ живыми революціонерами.

Сложный ритуалъ перевезенія не былъ выполненъ съ достаточной отчетливостью. Явная безпорядочность процессіи поразила тогда всѣхъ ея свидѣтелей. Никто не зналъ своихъ мѣстъ. Депутаціи перепутались, подъ конецъ разбрелись кто-куда. Въ группахъ духовенства, придворныхъ лакеевъ, чиновниковъ, генераловъ, всюду слышались громкіе разговоры; перекидывались поклонами и замѣчаніями со знакомыми, занимавшими балконы и окна, весело смѣялись чьимъ нибудь шуткамъ. Николай понуро брелъ за пышной колесницей, не глядя по сторонамъ, и производилъ впечатлѣніе самаго незамѣтнаго изъ всей толпы царедворцевъ и великихъ князей человѣка. Далеко впереди гроба мѣсили осеннюю грязь два мясника, одѣтые одинъ въ бѣлыя, другой въ черныя рыцарскія латы, символизировавшія печаль о смерти царя и радость о новомъ. Но такъ какъ никто не присматривалъ за этими господами, то они окончили тѣмъ, что мирно потащились рядомъ, символизируя весьма наглядно тотъ-хаосъ, который долженъ былъ водвориться въ управленіи.

На бѣду, смѣна царей заставала общество совершенно неорганизованнымъ, а потому и неспособнымъ выступить въ качествѣ активнаго элемента жизни. Эта роль оставалась, по старому, за чиновничествомъ, а либеральные круги были раздроблены и не имѣли между собой живой связи. Въ каждомъ классѣ и сословіи можно было насчитать не мало видныхъ дѣятелей, возлѣ которыхъ могла бы объединиться прогрессивная часть населенія. Но они такъ привыкли за царствованіе Александра къ одиночеству, такъ оберегали свой личный покой, что нельзя было ожидать ихъ выступленія. Эту обязанность могли принять на себя органы самоуправленія и, дѣйствительно, на пріемѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, одно изъ земствъ и отличилось въ этомъ отношеніи. Но починъ оказался во всѣхъ смыслахъ неудачнымъ.

Что касается до революціонныхъ партій, то партія „Народной Воли“, въ лицѣ ея активныхъ героевъ, была почти разгромлена, а избѣгнувшіе висѣлицы и подземныхъ казематовъ Шлиссельбурга частью вели теоретическую борьбу съ нарождавшимися тогда новыми революціонными партіями, частью же подготовляли отдѣльные террористическіе акты, сами уже основательно разъѣдаемые провокаціей и шпіонажемъ.

Такимъ образомъ, въ трудную минуту вступленія на престолъ, молодой царь оставался снова въ томъ же кругу сверстниковъ-офицеровъ, въ большинствѣ получившихъ флигель-адъютантское званіе, и заскорузлыхъ бюрократовъ. Побѣдоносцевъ снова готовился стать между всякой попыткой воздѣйствовать на Николая со стороны прогрессистовъ и тѣмъ принципомъ самодержавія, въ который онъ привыкъ вкладывать совершенно ясное содержаніе, противопоставляя его учрежденіямъ „гнилого“ Запада.

БИБЛІОТЕКА ЦКВК.П.б) ИСТПАРТА

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Бракъ съ Алисой Гессенской. — Шутки по ея адресу. — Впечатлѣніе перваго ея пріѣзда. — Бѣдность. — Свадьба. — Надежды на новое царствованіе. — Чиновничій абсолютизмъ не умираетъ. — Безсиліе царей. — Организованность бюрократіи. — Перестроеніе рядовъ камарильи. — Старые генералъ-адъютанты понемногу отстраняются. — Свита при трехъ послѣднихъ императорахъ — Ея деградація, умственная и моральная. — Личныя симпатіи Николая. — Дурное общество замыкаетъ его отъ жизни.

Николай женился позднѣе принятаго для престолонаслѣдниковъ возраста. Ему было двадцать шесть лѣтъ, когда, при исключительной обстановкѣ, чуть не на другой день послѣ похоронъ отца, онъ повелъ къ вѣнцу свою невѣсту, гессенъ-дармштадтскую принцессу Алису. Алиса не была незнакомой для Россіи. За нѣсколько лѣтъ до того ее привозилъ къ русскому двору отецъ, великій герцогъ, уже имѣвшій здѣсь зятя въ лицѣ в. к. Сергѣя, женатаго на старшей сестрѣ Алисы. Но, несмотря на внѣшнюю красоту, претендентка на руку Николая не имѣла успѣха. Старой императрицѣ не понравилась холодность и замкнутость Алисы; Николай, быть можетъ, сравнивалъ мысленно эти качества съ открытымъ, живымъ нравомъ своей балерины.

Николай и Алиса наканунѣ свадьбы и „безсмысленныхъ мечтаній".

И такъ какъ Марія Федоровна, какъ настоящая буржуазная мать, въ семейныхъ вопросахъ имѣла всегда перевѣсъ надъ соображеніями мужа, то, безъ особыхъ протестовъ со стороны послѣдняго, сватовство разстроилось, и Алиса, „гессенская муха", какъ ее немедленно прозвали въ Петербургѣ, отбыла въ родной Дармштадтъ, гдѣ владѣтельный домъ ея родителей не пользовался хорошей сла-

Царь въ загородномъ дворцѣ, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ.

вой. Всѣ дѣти герцога обладали страннымъ нравомъ, рѣзко отличавшимъ ихъ отъ многочисленной нѣмецкой родни.

Несомнѣнно, что молчаливая Алиса должна была затаить въ своемъ сердцѣ обиду на Николая и его мать, и тѣмъ большее торжество должно было доставить ей оффиціальное предложеніе, сдѣланное незадолго до смерти Александра III-го. Несмотря на то, что въ такомъ предложеніи заключалась доля горечи, словно Алису брали за неимѣніемъ лучшихъ невѣстъ, раздумывать было некогда. Выборъ между безвѣстностью и нищенскимъ режимомъ какого нибудь захудалаго германскаго княжества и милліонами и блескомъ, гарантированными, пока что, русской императрицѣ, былъ нетруденъ, и принцесса, съ небольшой свитой и скуднымъ багажемъ, вторично вступила на русскую почву, не ставшую ей, впрочемъ, никогда родной.

По традиціи жена императора, назначается шефомъ какого нибудь кавалерійскаго полка. **Александра Ѳедоровна**, еще здоровая, присутствуетъ на парадѣ своего гвардейско-уланскаго полка въ военной формѣ. Эти невинныя развлеченія въ былыя времена импонировали солдатамъ.

„Посреди скорбнаго испытанія, — говорится въ манифестѣ 21-го октября 1894 г., — которое всѣмъ намъ послано по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, вѣруемъ со всѣмъ народомъ нашимъ, что душа возлюбленнаго родителя нашего въ селеніяхъ небесныхъ благословила избранную по сердцу Его и нашему раздѣлять съ нами вѣрующею и любящею душою непрестанныя заботы о благѣ и преуспѣяніи нашего отечества.“

Этимъ казеннымъ и не вполнѣ грамотнымъ пожеланіямъ не было суждено оправдаться даже въ слабой степени. Но встрѣчали Алису ласково, такая была минута смягченія обычнаго равнодушія къ семейнымъ дѣламъ царей.

Традиціонныя торжества, сопровождающія сватовство и браки царей, были отмѣнены по случаю траура, и эта скромная торопливость еще болѣе располагала къ Николаю общественные круги, почему то возлагавшіе на него свои прогрессивныя надежды; народъ же бурно привѣтствовалъ его 14-го Ноября. Эти наивныя упованія

на всякое новое царствованіе характерны для Россіи, но имѣютъ не больше основаній, нежели всегдашнія пожеланія новогодняго счастія. Какъ первое января приноситъ съ собою лишь новую календарную дату и прежнія заботы, болѣзни и горе, такъ и новый царь, какъ личность, скромно занимаетъ свое мѣсто въ тѣхъ же календаряхъ и молитвахъ поповъ, предоставляя неумирающему чиновничеству приносить народу прежній гнетъ, извлекать изъ него деньги и солдатъ для своего поддержанія.

Рабъ окружающей его среды, самодержецъ безсиленъ сдѣлать хотя бы одинъ шагъ безъ спроса нянекъ-совѣтниковъ, осуществляющихъ привилегію, никѣмъ и никогда имъ не данную. А за ними плотной стѣной стоитъ великое русское чиновничество, вѣковая организація котораго спаяла его сверху до низу такъ, что довольно тронуть полицейскаго солдата, чтобы послѣдовалъ рѣзкій рефлексъ съ самаго верха правленія. Изъ этой цѣпи нельзя было безъ революціоннаго подъема вырвать ни одного звена, но то, что казалось ей самой негоднымъ, она сбрасывала, какъ змѣя чешую, безъ боли и шума.

О. Б. Рихтеръ,

старѣйшій ген.-адъютантъ Александра III-го. Въ царствованіи Александра II-го ему предложено было царемъ жениться на его возлюбленной, Кн. Долгоруковой (не Юрьевской), но Рихтеръ отказался и женился на своей кузинѣ. Альбединскій же, принявшій изъ царскихъ рукъ надѣвшую княжну, получилъ ген.-адъютантство и ген.-губернаторство въ Варшавѣ. Честному Рихтеру дали дивизію на югѣ, — съ глазъ царскихъ долой.

Новое царствованіе сказывалось только на камарильѣ. По большей части, съ царемъ вступала во власть и сопровождавшая его въ юности компанія, проводившая къ вліянію своихъ людей. Старые стушевывались, коротая время въ воспоминаніяхъ и злой критикѣ своихъ замѣстителей. По свитѣ можно было дѣлать нѣкоторыя заключенія и о самомъ царѣ. Такъ, около Александра II-го стояли красивые рослые нѣмцы и русскіе, совмѣщавшіе любовныя похожденія съ прогрессивными взглядами. Высокая личная честность была ихъ общей чертой; и хотя жизнь Александра II-го ознаменовалась побѣдой реакціонеровъ, друзья его ни на минуту не выпускали изъ рукъ своего умѣряющаго вліянія, ведя его къ признанію необходимости либеральной реформы.

Александръ III приблизилъ къ себѣ такихъ же простыхъ, грубоватыхъ, какъ онъ, не особенно знатныхъ и богатыхъ людей. Обшество ихъ было ему пріятно, но никакого вліянія такіе офицеры, какъ Черевинъ, Рихтеръ, Ванновскій и т. п., не могли имѣть, да и не стремились къ нему. Поэтому свободное мѣсто и заняли немедленно чиновники типа гр. Д. А. Толстого. Что касается до старыхъ свитскихъ генераловъ, то они сами отстранились отъ Двора, такъ же, какъ впослѣдствіи немногіе друзья Александра III отстранились отъ общества, окружившаго Николая Александровича.

Свита новаго царя замѣтно измѣнилась къ худшему. Неопытность императора, его желаніе быть пріятнымъ своимъ товарищамъ юности, такимъ же неопытнымъ

людямъ, сдѣлали то, что ко Двору и свитѣ вскорѣ начали находить доступъ не только сомнительные, но и просто безчестные типы. Мало того, царь не останавливался впослѣдствіи и передъ реабилитаціей такихъ лицъ, которыя были удалены его отцомъ за дѣла чисто уголовнаго характера. Изъ нихъ можно назвать хотя бы фонъ-Валя, бывшаго петербургскаго градоначальника, Петра Дурново, извѣстнаго подъ кличкой „Бразильскаго“ — за кражу документовъ изъ стола бразильскаго посланника, фонъ-Клейгельса, также градоначальника Петербурга, о которомъ было уже закончено слѣдствіе, какъ о ворѣ. Когда старѣйшій генералъ-адъютантъ, Чертковъ, выразилъ Николаю печаль свиты, въ ряды которой поступали такіе ошельмованные господа, царь очень сухо замѣтилъ Черткову о невмѣшательствѣ въ его личныя назначенія. Порядочнымъ членамъ свиты оставалось подъ разными предлогами разъѣхаться изъ Петербурга, и возлѣ трона сгруппировались дѣльцы, въ родѣ описанныхъ, да свитская молодежь, заранѣе готовая одобрять всякое распоряженіе Николая, лишь бы его расположеніе къ нимъ не остывало.

П. А. Черевинъ,

любимый ген.-адъютантъ Александра III-го, хотя на всякаго другого долженъ былъ бы подѣйствовать охлаждающе слѣдующій случай: убиваютъ Александра II-го, его сынъ спѣшитъ въ зимній дворецъ; на лѣстницѣ Черевинъ суетъ ему бумагу, прошеніе объ узаконеніи сына отъ танцовщицы; Александръ III-й въ передней подписываетъ бумагу и этимъ совершаетъ первый государственный актъ, по существу ему мало пріятный.

Многихъ тогда интересовало, почему не выступили на защиту монарха отъ натиска негодныхъ отбросовъ общества тѣ честные и умные люди, которые, находясь еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ, держались далеко отъ придворныхъ сферъ и не были лично заинтересованы близостью съ царемъ. Такихъ людей въ одномъ Петербургѣ было не мало. Но очевидно, что бюрократическія традиціи оказывались сильнѣе склонности къ какой бы то ни было случайной организаціи, и такіе дѣятели, какъ А. Ѳ. Кони, Таганцевъ и др., предпочитали въ своемъ кругу критиковать новое царствованіе вмѣсто того, чтобы, соединившись, выработать извѣстную программу и лично изложить ее Николаю, готовясь, въ случаѣ неуспѣха, хотя бы къ полной отставкѣ. Въ ихъ рукахъ были, притомъ, средства подкрѣпить свой совѣтъ и практическими предостереженіями.

Но событія продолжали развиваться во все время царствованія Николая въ томъ направленіи, куда влекли царя его наклонности, бросавшія его отъ одного промаха, одной безтактности, къ другимъ, все худшимъ и болѣе громкимъ.

Такой безтактностью ознаменовалось и первое публичное выступленіе Николая.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Пріемъ депутацій. — Тверскіе земцы. — Роль Твери въ исторіи освободительнаго движенія. — Скандалъ съ Тверскимъ блюдомъ. — Рѣчь изъ шапки. — Безсмысленныя мечтанія. — Общія впечатлѣнія въ обществѣ и народѣ. — Роль Побѣдоносцева.

Какъ уже упоминалось, органы мѣстнаго самоуправленія одни оказались въ это трудное время на высотѣ положенія. Въ рядѣ адресовъ, обращенныхъ къ Николаю за два первые мѣсяца его царствованія, почти всѣ земства высказались о неотложности коренныхъ реформъ во всемъ строѣ русской жизни. Но ни одно изъ нихъ не заикнулось о формѣ правленія, не упомянуло о полномъ народномъ представительствѣ, ни, тѣмъ болѣе, объ учредительномъ собраніи. Тѣмъ не менѣе, выступленія эти возбудили живѣйшую тревогу въ чиновничествѣ, противъ котораго они и были отчасти направлены, и послѣднее не замедлило принять соотвѣтствующія мѣры. Къ 17 Января 1895 г., когда долженъ былъ состояться пріемъ Николаемъ депутацій отъ дворянства, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ, царь былъ вполнѣ убѣжденъ, что на его власть готовится покушеніе какими то крамольниками, самозванно рѣшившими говорить отъ имени всего русскаго народа.

Генералъ Клейгельсъ,

любимый ген.-адъютантъ Николая. О воровствѣ Клейгельса было закончено при министрѣ юстиціи Муравьевѣ слѣдствіе, но оставлено безъ движенія. Не было того темнаго дѣла въ Россіи, гдѣ можно было поживиться, чтобъ имя К-са не фигурировало тамъ, всегда благополучно ускользая отъ суда. Послѣдній процессъ этого рода—процессъ Вонлярскихъ—едва не обратилъ К-са изъ свидѣтеля въ подсудимаго, но опять старая лисица ускользнула отъ правосудія.

Всѣ собрались въ большой залѣ Аничковскаго Дворца.

Повсюду въ Европѣ государи произносятъ отвѣтственныя рѣчи или тосты, читая ихъ. Къ словамъ этимъ прислушивается весь міръ, и они являются обычно плодомъ расчетовъ и соображеній умнѣйшихъ государственныхъ людей. Но въ Россіи, гдѣ божественный промыселъ призванъ оберегать царя отъ всякихъ ошибокъ, считалось, вплоть до созыва первой Думы, какъ бы непристойнымъ, если новый царь возьметъ въ руки листъ бумаги и прочтетъ рѣчь, не имъ лично написанную. И такъ какъ Божья милость существовала лишь въ видѣ презумпціи, а на дѣлѣ не вступалась даже въ случаяхъ, угрожавшихъ опасностью царской жизни, то предусмотрительные царедворцы вложили въ круглую барашковую шапку — измышленіе Александра III-го, увѣковѣченное скульпторомъ кн. П. Трубецкимъ, въ его памятникѣ царю,—вложили въ шапку, говоримъ мы, текстъ предстоявшей рѣчи.

Естественное стѣсненіе, которое долженъ былъ ощущать Николай на виду тысячной толпы делегатовъ, повышенное настроеніе, диктовавшееся моментомъ, все это заставляло его волноваться. Въ этомъ волненіи перепутать отдѣльныя слова не

представлялось важнымъ промахомъ, и царь торжественно провозгласилъ фразы, ставшія потомъ нарицательными.

Онъ говорилъ, между прочимъ:

„Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ силы свои благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель".

Увѣряли, что въ текстѣ стояло слово „несбыточными". Но какъ бы тамъ ни было, оно послужило началомъ не только всеобщаго охлажденія къ Николаю, но и заложило фундаментъ будущаго освободительнаго движенія, сплотивъ земскихъ дѣятелей и внушивъ имъ болѣе рѣшительный образъ дѣйствій. „Промыслу" угодно было доказать, ровно черезъ десять лѣтъ, что въ пожеланіяхъ земствъ не было ни мечтаній, ни, тѣмъ болѣе, безсмысленности. Былъ умѣренный, внушенный житейскимъ опытомъ и непредубѣжденностью, взглядъ практическихъ дѣятелей, и онъ оправдался въ учрежденіи Государственной Думы.

Впрочемъ, Николаю пришлось испить много горечи изъ того же сосуда, — постоянно мѣняя свои слова и отказываясь отъ исполненія обѣщаній.

Напрасно также было бы думать, что сорвавшійся на пріемѣ lapsus linguae могъ сколько нибудь огорчить царя. Въ то время, когда онъ собирался читать свою рѣчь, его резолюціи на адресѣ тверского земства были извѣстны и служили темой столичныхъ пересудовъ. Тогда уже сказывалась въ этихъ отмѣткахъ Николая склонность замѣнять силою выраженій мотивировку своего мнѣнія. Ниже мы подробнѣе остановимся на словахъ и писаніяхъ царя. На тверскомъ же адресѣ красовалось: „Крайне недоволенъ выходкой 36-ти гласныхъ".

Царь былъ въ правѣ выражать неудовольствіе чѣмъ бы то ни было, но фраза о предводителяхъ обнаруживала полное незнаніе конструкціи земскихъ собраній и роли предводителей дворянства въ уѣздахъ.

Гораздо позднѣе, когда ему пришлось согласиться на возвращеніе тверскому земству отнятыхъ правъ и дѣятелей, министру внутреннихъ дѣлъ, кн. Святополку-Мирскому, довелось убѣдиться въ томъ, что за десять лѣтъ царствованія Николай не научился отличать земской управы отъ земскаго собранія и во всякомъ землѣ по прежнему видѣлъ личнаго врага, подкапывающагося подъ его самодержавіе.

Тверь издавна славилась прогрессивностью своихъ учрежденій самоуправленія, унаслѣдовавшихъ традиціи дѣятелей эпохи освобожденія крестьянъ. Составъ же ея губернскаго собранія отличался исключительнымъ обиліемъ умственныхъ и интеллигентныхъ силъ, вслѣдствіе чего и къ высказываемымъ ими мнѣніямъ прислушивались съ равнымъ вниманіемъ въ чиновничьихъ и земскихъ сферахъ Россіи. По той же причинѣ рѣшено было на будирующей Твери показать силу верховной власти, уязвленной въ самолюбіи, и рядъ репрессій обрушился на злополучныхъ авторовъ и попустителей тверского адреса. Предводителямъ дворянства былъ объявленъ высочайшій выговоръ, который черезъ годъ пришлось снять, такъ какъ безсмысленность его стала черезчуръ очевидной. Тѣ изъ гласныхъ собранія, что состояли на государственной службѣ, были почти всѣ уволены, не взирая на чины. Нѣкоторые, какъ Врасскій (членъ крестьянскаго банка), отказывались подавать въ отставку; ихъ причислили къ министерству, причемъ жалованья не полагалось. Между прочимъ, Врасскій написалъ потомъ, по совѣту гр. Витте, царю покаянное письмо, былъ возвращенъ на службу и ко времени роспуска первой Государственной Думы сдѣлался вполнѣ основательнымъ реакціонеромъ. Тотъ же Витте уволилъ въ отставку П. А. Корсакова, управляющаго петербургской казенной палатой. Въ административномъ порядкѣ лишенъ былъ политическихъ правъ извѣстный тверской земецъ, Ѳ. И. Родичевъ, впослѣдствіи членъ парламента, снискавшій европейскую славу, какъ ораторъ и обличитель стараго русскаго строя. Наконецъ вся выборная земская управа была не утверждена въ должностяхъ. И за все десятилѣтіе, отдѣлявшее Тверь отъ революціонной эры, она продолжала привлекать къ себѣ подозрительное и злобное вниманіе Петербурга, не стѣснявшагося именемъ царя громить ея самоуправленіе, ссы-

Во время представленія царю, при его вступленіи на престолъ, дворянскихъ делегацій, когда тверской адресъ заставилъ Николая произнести крылатыя слова о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ", именно съ тверской делегацией произошелъ изображенный здѣсь случай: блюдо выпало изъ рукъ губернскаго предводителя дворянства и со звономъ покатилось по полу; хлѣбъ развалился, а соль просыпалась, что по русскимъ примѣтамъ — дурной признакъ, — ссора. Царь сдѣлалъ невольное движеніе — поднять блюдо, чѣмъ увеличилъ общее замѣшательство.

лать ни въ чемъ не обвинявшихся лицъ, назначать въ управы своихъ чиновниковъ, а губернаторами сажать самыхъ ярыхъ реакціонеровъ и на все готовыхъ невѣждъ.

Чтобы закончить печальную повѣсть тверитянъ, упомянемъ, со словъ очевидца, о досадномъ случаѣ съ тверской депутаціей на томъ же пріемѣ 17-го января. Делегатъ, державшій массивное блюдо, на которомъ покоился традиціонный каравай чернаго хлѣба съ врѣзанной въ него золотой солонкой, выпустилъ подношеніе изъ

Выѣздъ на майскій парадъ въ дореволюціонное время. У зимняго дворца.

рукъ въ моментъ передачи царю, и блюдо покатилось ребромъ по скользкому дворцовому паркету; Николай инстиктивно бросился его поднимать. Соль просыпалась къ ногамъ царя, хлѣбъ опрокинулся. Знатоки примѣтъ могли прочесть цѣлую лекцію о будущей судьбѣ Твери и самого Николая; мы не послѣдуемъ за ними.

Иниціаторомъ бюрократическихъ козней противъ земства считали Побѣдоносцева, которому Николай продолжалъ вѣрить всю жизнь, и который могъ, такимъ образомъ, принести народу столько зла, сколько скопила его умная, инквизиторская голова. Подъ старость, когда параличъ сдѣлалъ Побѣдоносцева почти неспособнымъ къ членораздѣльной рѣчи, и когда ему всюду мерещились бомбы террористовъ, онъ все еще продолжалъ нашептывать беззубымъ ртомъ своимъ дрянныя слова, подсказывать Николаю рѣшенія, которыя должны были плачевно отражаться на самомъ царѣ. Въ лицѣ этого достойнаго члена касты духовенства, выбравшагося въ самый верхъ правленія имперіей, послѣдняя имѣла своего рода злого генія, раздѣляя въ этомъ отношеніи участь династіи Романовыхъ и даже самого православія, которыя рѣзко

упали въ глазахъ народа за полстолѣтіе, отдѣляющее его отъ эпохи севастопольскаго разгрома и реформъ царя-освободителя.

Мнѣніе это складывалось въ населеніи, конечно, не сразу. Въ 1895 г., напримѣръ, пріемъ во дворцѣ и участь тверского земства комментировались лишь, какъ показатели „безсмысленности мечтаній“ о прогрессизмѣ Николая, о его умѣ и способностяхъ разбираться въ событіяхъ и людяхъ. Впослѣдствіи къ этимъ наблюденіямъ надъ духовнымъ обликомъ царя прибавились еще черты жестокости, сухости сердца, и рядомъ съ ними, какъ странные психическіе контрасты, дѣтская наивность, вѣра въ обряды, чудеса, спиритическія предсказанія.

Во всякомъ случаѣ, выступленіе 17 января 95 года можно считать первымъ шагомъ Николая по наклонной плоскости, по которой онъ продолжаетъ катиться и доселѣ, все ниже и ниже спускаясь въ мнѣніи и своихъ подданныхъ, и всего цивилизованнаго міра.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Министры и приближенные. — Горемыкинъ, И. Дурново, Куропаткинъ, Ванновскій, Побѣдоносцевъ.— Его роль въ синодѣ. — Случай съ митрополитомъ Іоанникіемъ. — Витте. — Ермоловъ. — Гр. Муравьевъ, Боголѣповъ, Т. И. Филипповъ. — Фонъ-Валь, Клейгельсъ — Украденный пароходъ. — Н. В. Муравьевъ. — Генералы свиты и гвардіи.

Несмотря на органическую неспособность Александра III-го выбирать людей, нужныхъ государству, онъ все же разбирался хотя бы въ элементарныхъ человѣческихъ свойствахъ, — честности, прямодушіи, лукавствѣ. И когда убѣждался въ ошибкахъ своихъ, — отъ которыхъ никто не застрахованъ, а цари тѣмъ болѣе. — то безъ пощады гналъ провинившагося.

Графъ И. Д. Деляновъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія.

Такъ на докладѣ объ исторіи съ П. Н. Дурново,*) извѣстнымъ больше подъ кличкой „Петрушки“, царь написалъ:

„Убрать этого негодяя въ двадцать четыре часа“.

Но когда старые реакціонеры сошли со сцены вмѣстѣ со своимъ царемъ, на ихъ мѣста уже не нашлось сколько нибудь способныхъ кандидатовъ, такъ какъ тринадцать лѣтъ чиновничьяго засилья должны были воспитать новое поколѣніе бюрократовъ, знавшихъ дѣйствительную жизнь только изъ канцелярскихъ бумагъ, а не по опыту.

Это обстоятельство, въ связи съ ясно выраженнымъ безразличіемъ молодого царя къ судьбамъ государства, открывало доступъ въ министерства случайнымъ людямъ, интересы которыхъ не шли дальше окладовъ содержанія и знаковъ отличія. Разумѣется, что для нихъ всѣ средства были хороши для укрѣпленія прочности своего положенія, а въ числѣ послѣднихъ извращеніе истины всегда занимало первое мѣсто. Поэтому отъ царя не только скрывали непріятную или невыгодную правду, но и открыто лгали, что продолжается

*) Кража документовъ изъ стола бразильскаго посланника.

еще болѣе открыто и нынѣ. Даже тѣ министры, что еще оставались отъ прежняго царствованія, приспособлялись къ новымъ увертkамъ, чтобы морочить Николая, первое время дарившаго ихъ полнымъ довѣріемъ. Потомъ, утративъ довѣріе къ кому бы то ни было, онъ все же не научился различать людей и замкнулся безповоротно въ комнатѣ своихъ ребятъ.

Ивана Дурново смѣнилъ на посту министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ, считавшійся спеціалистомъ по крестьянскому вопросу, но на дѣлѣ избравшій себѣ иную спеціальность — женщинъ. Онъ открыто потащилъ за собой мужей всѣхъ своихъ пріятельницъ, роздавъ имъ мѣста, соотвѣтственно съ достоинствами каждой изъ нихъ. На докладахъ во дворцѣ этотъ старый жуиръ имитировалъ сцены, устраиваемыя ему возлюбленными, когда онѣ сомнѣвались въ прочности своего положенія, и однажды разыгралъ при царѣ настоящую истерику. Испуганный Николай нѣжно утѣшалъ хитраго министра, гладилъ его руки и такъ надолго былъ обманутъ, что еще въ моментъ созванія перваго парламента не нашелъ лучшаго кандидата въ предсѣдатели совѣта министровъ, какъ этого плаксу. Характерно, что на новомъ мѣстѣ Горемыкинъ смѣнилъ именно Витте, противъ котораго и направлены были ручьи его слезъ въ царскомъ кабинетѣ. Витте въ свое время ссадилъ Горемыкина, разсказавъ царю о сношеніяхъ его съ сэромъ Джаксономъ, англійскимъ капиталистомъ, поддерживавшимъ взятками проведеніе петербургскаго метрополитэна (не состоялось).

И. Н. Дурново,

бывшій предсѣд. комитета министровъ, вышелъ въ люди изъ подпоручиковъ арміи; безъ образованія, ума и способностей, креатура гр. Д. Толстого, не терпѣвшаго возлѣ себя талантливыхъ людей. По письму кн. Мещерскаго, Александръ II-й назначилъ Д-во министромъ внутр. дѣлъ. Впослѣдствіи Дурново за погашеніе векселя въ 200 000 р., должныхъ имъ А. К. Кривошеину, вытащилъ послѣдняго въ министры путей сообщенія, гдѣ послѣдній жестоко проворовался. Злые языки говорили, что Кровошеинъ разорвалъ копію, а за подлинные заставилъ Дурново прекратить о себѣ слѣдствіе.

Старый Ванновскій былъ смѣненъ еще при Александрѣ Н. Куропаткинымъ, который ловко сберегалъ лучи скобелевской славы, на немъ игравшіе, служа въ отдаленныхъ азіатскихъ краяхъ. Бездарность его, столь очевидно сказавшаяся на японской войнѣ *), заслонялась тогда стремленіемъ самому вершить даже самыя мелкія дѣла своего вѣдомства. Но эта то черта и свидѣтельствовала объ отсутствіи широкихъ взглядовъ, реформаторскаго размаха и просто талантливости. Онъ сумѣлъ составить себѣ

*) Превосходную характеристику его даетъ извѣстный ген. Соболевъ, командиръ 6-го арм. корпуса, въ своемъ трудѣ „Куропаткинская стратегія".

только изрядное состояніе, арміи же предоставилъ идти по тому пути къ рутинѣ и регрессу, на который ее направилъ еще Ванновскій Но въ то время, какъ простой, неученный солдатъ Ванновскій неожиданно проявилъ здравые педагогическіе взгляды, будучи назначенъ послѣ разслѣдованія студенческихъ волненій министромъ народнаго просвѣщенія, Куропаткинъ покрылъ себя своей исторіей войны и дрязгами съ Витте, Каульбарсомъ и другими соратниками, еще большимъ позоромъ, чѣмъ самой кампаніей, когда дѣйствовали и другія, помимо его бездарности, причины пораженія Россіи.

Витте былъ тогда въ зенитѣ своей славы финансиста. Девальвація, о которой такъ же, какъ потомъ о конституціи, говорили, что мы „не доросли“ (до монометаллизма), и что переходъ къ новому финансовому строю погубитъ насъ, была проведена мастерски, упрочила нашъ общій балансъ и разнесла Виттевскую репутацію по всему биржевому и торговому міру. Но въ дѣлахъ подпольнаго характера этотъ человѣкъ былъ слабѣе своихъ товарищей и, самъ постоянно интригуя то противъ одного, то противъ другого, попался въ сѣти, разставленныя ему В. Плеве, и потерпѣлъ временное крушеніе.

И. Л. Горемыкинъ,

первый предсѣдатель Совѣта Министровъ при Государственной Думѣ, старый жуиръ и типичный бюрократъ, не считающійся съ принципами. Послѣ разгона Думы вышелъ въ отставку, не желая утруждать себя какой бы то ни было работой.

На эти придворныя тренія, на закулисные ходы и подставленіе другъ другу ногъ всегда уходитъ много времени. Широкія способности Витте, имѣвшаго къ тому же въ своей женѣ, слывшей просто „Матильдой“, умнаго совѣтника, позволяли ему до поры, до времени гнать довольно успѣшно обоихъ зайцевъ: и финансы, и Дворъ; другіе были менѣе одарены и, сосредоточивъ вниманіе на своихъ личныхъ дѣлахъ, все болѣе запускали свои вѣдомства, гдѣ постепенно и водворялся тотъ хаосъ, въ которомъ застала ихъ первая Государственная Дума.

Ермоловъ, министръ земледѣлія, прозванный „навознымъ жукомъ“, какъ за смѣшную и мрачную наружность свою, такъ и за изобрѣтеніе имъ телѣги для навоза; гр. Муравьевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ и разстригъ, отравившійся вслѣдствіе царской немилости; Т. Филипповъ, государственный контролеръ и интриганъ, собиравшій и сплетни, и старинныя русскія пѣсни; Боголѣповъ, гроза студентовъ во время своей профессуры въ московскомъ университетѣ и всей русской школы во время министерства (смертельно раненъ Карповичемъ 14-го февраля 1901 г.); самъ Плеве, все больше и больше забиравшій силы, — всѣ они были слабѣе желѣзнаго Побѣдоносцева, державшаго ихъ въ рукахъ своимъ значеніемъ при царѣ.

По русскому закону, оберъ-прокуроръ синода является лишь посредникомъ между церковью и государствомъ, не участвуя въ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ синклита

Ген. Куропаткинъ въ своемъ кабинетѣ (1904 г.).
Безславный герой пораженія русской арміи. Его формула: „терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе“ характерна для русскаго бюрократа въ солдатскомъ мундирѣ такъ же, какъ „глазомѣръ, быстрота и натискъ“ для истиннаго солдата Суворова. Составилъ милліонное состояніе; на войнѣ жилъ въ дворцовой роскоши, тогда какъ войска были оборваны и голодны. Одинъ изъ самыхъ жалкихъ типовъ чиновничьяго времени.

іерарховъ, а лишь слѣдя за закономѣрностью ихъ дѣйствій. На дѣлѣ же онъ занимается прямымъ давленіемъ на церковь въ цѣляхъ государства, и Побѣдоносцевъ не имѣлъ себѣ равнаго въ этомъ искусствѣ предшественника. Дошло до того, что собраніе митрополитовъ стало въ его рукахъ театромъ Fantoche, гдѣ среди маріонетокъ были умные, хитрые и своекорыстные монахи, и желавшіе бы выпутаться изъ крѣпкихъ оберъ-прокурорскихъ лапъ, но безсильные это сдѣлать. Обоюдное раздраженіе прорывалось только въ исключительныхъ случаяхъ, но внѣшность должна была соотвѣтствовать высокимъ санамъ участниковъ.

Гр. С. Ю. Витте въ своемъ кабинетѣ, въ эпоху своего могущества.

Раздраженный потомъ своими неудачами, онъ здѣсь же довольно рѣзко выражался по адресу лицъ, изображенія коихъ находились въ такомъ почетѣ. Увы, бабушка, портретъ которой умышленно выставленъ въ доказательство неплебейскаго происхожденія портсмутскаго миротворца, перестала ворожить съ 1905 года.

Разъ только не выдержалъ Іоанникій, митрополитъ Кіевскій, переведенный изъ Москвы вслѣдствіе неладовъ съ ген.-губернаторомъ, вел. кн. Сергѣемъ. Услыхавъ, что рѣшеніе синода не можетъ быть доложено царю, такъ какъ послѣдній уже высказалъ волю противоположнаго характера, и что предложенный Побѣдоносцевымъ вопросъ былъ имъ заранѣе рѣшенъ, Іоанникій сказалъ:

„Вы бы, Ваше Превосходительство, выписывали вмѣсто насъ наши печати, да и ставили ихъ подъ своими рѣшеніями".

Мышиное лицо оберъ-прокурора позеленѣло, но онъ смолчалъ.

Торжественное засѣданіе стараго Гос. Совѣта по случаю 100-лѣтняго юбилея (съ картины Р пина

За центральнымъ столомъ сидятъ (слѣва направо): в. в. князья Сергій, Алексѣй, Владиміръ и Михаилъ Александовичи, Царь, в. кн Михаилъ Николаевичъ, за нимъ гр. Сольскій. Плеве стоитъ передъ столомъ. Для панталонъ Плеве позировалъ правитель его канцеляріи Любимовъ, нынѣ виленскій губернаторъ.

„Вообще, — продолжалъ митрополитъ, — позвольте узнать, по какому праву Ваше Превосходительство присутствуетъ въ этомъ собраніи?“

„Какъ, по какому праву! — вскипѣлъ Побѣдоносцевъ, — да по закону!“

Іоанникій потребовалъ книгу закона и громко прочелъ статью, запрещавшую присутствіе въ синодскомъ засѣданіи прокурора. Тогда взбѣсившійся старикъ не нашелъ ничего иного сказать, какъ:

„А я все таки останусь въ засѣданіи“.

Но тутъ то и готовилась ловушка всесильному прокурору.

„Отцы, — обратился митрополитъ къ остальнымъ іерархамъ, — непристойно намъ ссориться съ его Превосходительствомъ; если имъ не угодно оставить засѣданіе, то мы должны покинуть его“.

Послѣ чего, перекрестившись на образа, владыки смиренно вышли гуськомъ въ другія залы синода, оставивъ Побѣдоносцева одного и „въ дуракахъ“.

А. С. Ермоловъ,

бывшій министръ земледѣлія, былъ уволенъ безъ всякой причины и предупрежденія. Извѣстенъ какъ сельскій хозяинъ, но управленіе собственнымъ имѣніемъ его представляетъ образецъ „неразберихи“; то же, конечно, было и въ министерствѣ.

Впрочемъ, злобный инквизиторъ переносилъ эти щелчки съ тѣмъ стоицизмомъ, который потомъ вознаграждаетъ себя местью, хотя бы мелкой и гнусной. Онъ продолжалъ безконтрольно распоряжаться дѣлами церкви, выдвигалъ, когда нужно было по его расчетамъ, на высшіе духовные посты развратниковъ, вродѣ Николая алеутскаго, грабителей, вродѣ Палладія, расхитившаго драгоцѣнности грузинскихъ церквей, чревоугодниковъ, вродѣ Исидора, петербургскаго митрополита, эротомановъ, какъ московскій Леонтій. Эти господа, за личиной монаховъ скрывавшіе свои истинныя наклонности, охотно давали свои подписи подъ любыя рѣшенія человѣка, обезпечивавшаго имъ за то веселое и безпечальное житье, стотысячные оклады, блескъ власти, преклоненіе наивныхъ душъ. Наряду съ этими крупными акулами, одновременно развращавшими и грабившими народъ, мелкіе воры, вродѣ описанныхъ выше фонъ-Валя, Клейгельса, Гессе и другихъ, казались мелочью, питавшеюся крохами съ чужого стола. Въ концѣ концовъ, пароходъ, украденный Клейгельсомъ, доставилъ ему больше непріятностей, чѣмъ удовольствія. Фонъ-Валь въ Вильнѣ едва не погибъ отъ пули выведеннаго изъ себя поркой еврея, Лекерта. Гессе на всѣхъ земляхъ, скупленныхъ за счетъ царской протекціи, не заработалъ столько, сколько любой митрополитъ получалъ за наружно законныя дѣйствія свои.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Коронація. — Устарѣлость церемоніи. — Неурядица. — Борьба вліяній. — Полицеймейстеры Власовскій и кн. Волконскій. — Московскій городской голова Алексѣевъ. — Ходынская катастрофа. — Впечатлѣніе въ народѣ и обществѣ. — Новыя безтактности, рескриптъ Сергѣю, продолженіе празднествъ. — Князь „Ходынскій". — Муравьевъ и Посниковъ созерцаютъ гекатомбу самодержавія. — Посольства развозятъ повсюду вѣсть о начинающемся упадкѣ русскаго бюрократизма.

Плохіе чиновники и плохіе друзья не могли, понятно, измѣнить къ лучшему тѣ стороны царскаго быта, которыя частію устарѣли, частію были настолько сложны въ условіяхъ современности, что требовали особой распорядительности, на которую никто изъ чиновъ Двора не былъ способенъ.

Населеніе Москвы, которая утѣшалась за перенесеніе центра управленія въ Петербургъ названіемъ „первопрестольной", перевалило ко времени коронаціи за милліонъ. Возлѣ нея разросся огромный фабричный районъ, притягивавшій къ себѣ на цѣлый почти годъ едва ли не половину взрослаго населенія московской и окружающихъ ее губерній. Всю эту толпу простонародья нужно было ожидать на время коронаціонныхъ торжествъ. Между тѣмъ, прежняя патріархальность давно исчезла подъ напоромъ новаго вѣка и усиливавшейся пролетаризаціи рабочихъ, за которыми нужно было очень присматривать, чтобы не вышло изъ праздника непріятности; тѣмъ болѣе, что приходилось блеснуть „порядками" передъ делегаціями всѣхъ державъ міра.

Фонъ-Валь,
бывшій градоначальникъ, выгнанъ за воровство. Николай тѣмъ не менѣе взялъ его въ свиту, сдѣлалъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, казнилъ изъ за него еврея Лекерта промахнувшагося въ генерала, и жалуетъ Валя и доселѣ.

Московскія власти готовились къ коронаціи безъ малаго два года, но такъ какъ борьба вліяній не ослабѣвала ни передъ какими событіями, то и въ этомъ исключительномъ положеніи первое мѣсто занимали не заботы объ организаціи грандіознаго празднества, а заботы о палкахъ, которыя можно было бы бросать въ чужія колеса. На этомъ именно поприщѣ состязались и московскій генералъ-губернаторъ, в. к. Сергѣй, съ министромъ императорскаго Двора, гр. Воронцовымъ-Дашковымъ. И, подобно тому, какъ уличная свалка привлекаетъ къ себѣ зѣвакъ, которые бросаютъ для зрѣлища свои дѣла, такъ и здѣсь всѣ заинтересованныя вѣдомства больше ждали исхода борьбы царскаго дяди и министра, нежели самой коронаціи.

Московской полиціи приходилось отъ этихъ неурядицъ труднѣе всѣхъ. Никто твердо не зналъ, къ кому и за какими распоряженіями обращаться, дѣло вершилось, такъ сказать, безъ хозяина, а потому и плохо. Ко времени съѣзда иностранныхъ гостей не было кончено ничего, словно это была провинціальная выставка, а не коронація могущественнаго царя.

Въ то время полицеймейстеромъ Москвы былъ нѣкій Власовскій, чрезвычайно взбалмошный, но энергичный человѣкъ. Слава о немъ шла нехорошая, такъ какъ,

Коронація. Въ Успенскомъ Соборѣ.

вмѣстѣ съ другимъ полицейскимъ офицеромъ, богатымъ и знатнымъ княземъ Волконскимъ, они пользовались своею властью для устройства столь громкихъ кутежей съ женщинами и другихъ скандаловъ, что ими полна была вся Москва. За одно съ этой

Коронація. Инородцы делегаты.

компаніей былъ Московскій городской голова, милліонеръ Алексѣевъ, впослѣдствіи и убитый братомъ одной изъ жертвъ этого тріумвирата. Въ чаду собственныхъ веселыхъ похожденій полицейскія власти какъ то позабыли, что самымъ отвѣтственнымъ

пунктомъ является народное гулянье на обширномъ Ходынскомъ полѣ. Не соображаясь съ топографіей его, позволили разставить антрепренеру Двора палатки со сластями и обычными коронаціонными кружками въ такомъ мѣстѣ, что между ними и народомъ очутился рядъ глубокихъ рвовъ, какихъ то забытыхъ колодцевъ и тому подобныхъ сюрпризовъ, въ инженерномъ искусствѣ извѣстныхъ подъ именемъ „волчьихъ ямъ“*). Но для народа, — не того народа, который допускается тайной охраной къ созерцанію процессій въ качествѣ суррогата толпы, а народа настоящаго, рабочаго и деревенскаго, Ходынское гулянье было единственной приманкой въ коронаціи царя. Поэтому поле еще ночью было занято полу-милліонной толпой, къ утру сгрудившейся въ такую компактную массу, что пробиться сквозь нее не могло бы и пушечное ядро. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тихую погоду, какая тогда на бѣду и случилась, углекислота, выдыхаемая такой массой людей и высящая надъ ея головами, сама по себѣ должна была повести къ повальной асфиксіи; кромѣ того и нетерпѣніе получить подарки дѣйствовало возбуждающе. И вотъ наступилъ моментъ, когда раздались крики удушаемыхъ женщинъ и дѣтей, которые заставили толпу попробовать двинуться; кое гдѣ приняли это движеніе за сигналъ къ атакѣ палатокъ съ лакомствами, и вся громада, какъ дикое, обезумѣвшее стадо, шарахнулась прямо на ямы. Не прошло, вѣроятно, нѣсколькихъ мгновеній, какъ картина поля была уже такова: поваленныя палатки и качели, и семь, восемь тысячъ, по офиціальной версіи 2 — 3 тысячи, поверженныхъ на землю людей, частію труповъ, съ синими лицами, частію живыхъ еще, но молящихъ о смерти, у которыхъ грудныя клѣтки были расплющены и кости торчали сквозь праздничныя рубашки. Все остальное съ воемъ, плачемъ и проклятіями мчалось куда глаза глядятъ, истерически хохоча, крестясь о спасеніи и забывая объ оставленныхъ на полѣ родныхъ.

Ужасная вѣсть еще утромъ стала извѣстна въ Москвѣ, а къ вечеру всей Россіи. Впечатлѣніе было потрясающее, особенно въ простонародьѣ, разнесшемъ преувеличенные слухи далеко, по самымъ глухимъ деревнямъ. Всѣ были увѣрены, что царь отмѣнитъ остававшіеся балы и праздники и, главное, что очевидный виновникъ катастрофы, в. к. Сергѣй, который отстоялъ таки свою монополію на увеселеніе племянника, понесетъ заслуженную кару.

Въ минуты такихъ стихійныхъ бѣдствій цари могутъ много выиграть, показывая народу щедрость, участіе и распорядительность. Но Николай сдѣлалъ только новый рядъ промаховъ. Онъ, вопервыхъ, поѣхалъ на Ходынское поле не тогда, когда оно являло пышную гекатомбу его самодержавія, а когда пожарныя фуры развезли мертвецовъ, и ямы были засыпаны землей поверхъ мертвыхъ и живыхъ, внизу копошившихся людей. Вовторыхъ, царь въ тотъ же вечеръ былъ на балу у одного изъ пословъ, вмѣсто того, чтобы бросить все и уѣхать съ глазъ долой отъ негодовавшей столицы. Наконецъ, онъ далъ в. к. Сергѣю рескриптъ, въ которомъ обычныя казенныя выраженія царской милости звучали чисто мефистофельской насмѣшкой надъ собственнымъ народомъ. Даже подставная толпа встрѣчала его гробовымъ молчаніемъ. Сергѣя прозвали „княземъ Ходынскимъ“. Министръ юстиціи, Муравьевъ, и прокуроръ московской суд. палаты, Посниковъ, надѣвъ зачѣмъ то высокіе сапоги и вооружившись бинoклями, тоже посѣтили Ходынку, но отъ этого виновники не стали другими. Полицмейстеръ Власовскій былъ уволенъ, — больше ничего.

Все это произошло въ маѣ 1896 г. Сумраченъ вернулся изъ Москвы Николай. Жена его хранила еще большее, чѣмъ раньше, молчаніе; странность ея темперамента становилась уже замѣтной.

Посольства понемногу начали разъѣзжаться. Здѣсь вполнѣ отчетливо анализировали событія. Какъ со стороны виднѣе ошибка шахматиста, такъ незаинтересованные въ русскихъ дѣлахъ иностранцы тогда же поняли, что хотя в. к. Сергѣй и явился юридическимъ виновникомъ катастрофы, все же центръ тяжести лежалъ не въ немъ, а въ общемъ режимѣ государства. Около безвольнаго, неумнаго и тупо

*) Этимъ антрепренеромъ былъ ст.-секрет. П. А. Рихтеръ, управлявшій удѣлами, другъ Побѣдоносцева; да помогалъ ему архитекторъ Николай, славный перестройкой Большого Петерб. театра въ Консерваторію, на чемъ нажилъ огромныя и нечестныя суммы.

Коронаціонныя торжества.

Ходынское поле, на которомъ погибло до восьми тысячъ человѣкъ, пришедшихъ праздновать вступленіе на престолъ Николая.

ощущавшаго жизнь царя вились вихри чиновничьихъ интригъ, обдѣлывались дѣла, не имѣвшія въ виду народныхъ нуждъ; запугивались одни, возбуждались другіе, наказывались третьи, все безъ опредѣленной даже системы, точно на пожарѣ, когда всякій только о своемъ спасеніи думаетъ. Бюрократія кончала вариться въ собственномъ соку и обращалась понемногу въ аморфную массу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Бюрократія начинаетъ опасаться за себя. — Сипягинъ. — Плеве. — Реакціонныя мѣры. — Усиленіе власти администраціи. — Земскіе начальники. — Проектъ сокращенія земскаго самоуправленія. — Явно враждебная обществу позиція чиновничества. — Московское юридическое общество. — Вліяніе Сергѣя возрастаетъ. — Выселеніе евреевъ.

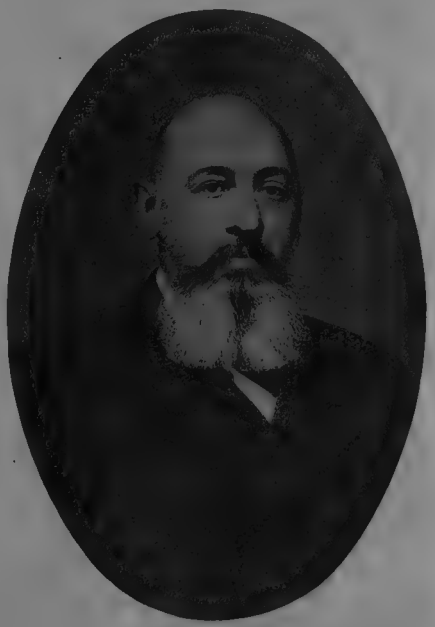
Ощущеніе начинающагося разложенія не могло не возникнуть и въ самомъ бюрократическомъ организмѣ. Необходимость дальнѣйшихъ мѣръ къ его подкрѣпленію указывалась и блестящимъ проваломъ на коронаціонномъ экзаменѣ, и начинавшимся броженіемъ въ рабочей средѣ. Крестьянство оставалось пока не столько нейтральнымъ, сколько неизвѣстнымъ; затаивъ свои думы про себя, оно продолжало до времени молчать, давать начальству самому выбирать бородатыхъ старшинъ для подношеній хлѣба-соли и выслушиванія новыхъ царскихъ напоминаній о предводителяхъ дворянства. Общество русское было разрознено, и вообще внѣшній обликъ жизни былъ безцвѣтенъ и дремотенъ. Но, какъ въ томительный, жаркій лѣтній день, когда все молчитъ въ природѣ, обоняніе тоньше ощущаетъ запахъ гари отъ начавшагося гдѣ то лѣсного пожара, такъ и въ развалъ реакціи 90-хъ годовъ отъ чиновничьяго нюха не могли скрыться признаки тлѣвшаго гдѣ то въ глубинахъ жизни революціоннаго огня.

Но какъ быть, что именно предпринять для его прекращенія, что приготовить, если пожаръ разгорится? — Русское чиновничество не представляло изъ себя какого либо новаго историческаго фактора и должно было, въ данныхъ условіяхъ, отъ доски до доски повторить самоубійственные шаги, которые дѣлали бюрократіи всѣхъ государствъ, приступавшихъ къ сбрасыванію съ себя абсолютизма. Оно рѣшило сдѣлать новый поворотъ руля противъ теченія, лишнее нажатіе пресса, находившагося все еще въ его полномъ распоряженіи.

Оставалось только выдвинуть людей, способныхъ на такую работу, и оба близнеца, Дворъ и правительство, нашли по своимъ губамъ салатъ, въ лицѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, ставленника самого Николая, и Плеве, продолжавшаго нѣсколько поотдаль отъ скользкаго дворцоваго паркета пробивать свою дорогу туда, куда влекли его честолюбіе и жажда власти. Но такъ какъ Сипягинъ не отличался ни умомъ, ни иниціативой, а пуще всего любилъ охоту и веселую жизнь, то вліять на него было нетрудно, и реакція была обезпечена. Багажъ ея былъ попрежнему несложенъ, а радикальныя мѣры послѣ-революціоннаго періода не имѣли шанса быть одобренными царемъ, недостаточно еще лично раздраженнымъ. Николай весь ушелъ, въ эти годы, въ заботы о наслѣдникѣ, и семейныя занятія заслоняли отъ него и грядущую смуту, и ея истинныхъ творцовъ, Плеве, Сипягина и Ко. Оставалось, какъ и раньше, усиливать полномочія мѣстныхъ административныхъ органовъ; но измѣнить составъ ихъ правительство было безсильно. Власть земскихъ начальниковъ была еще подкрѣплена циркулярами, но зато и зависимость ихъ отъ губернаторовъ возрастала; приходилось далеко отступать отъ краеугольныхъ началъ проекта гр. Д. Толстого, котораго онъ не успѣлъ, до своей смерти, провести въ цѣломъ видѣ черезъ Государственный Совѣтъ. Такимъ образомъ, институтъ сильной и консервативной, но обязательно мѣстной, сродненной съ населеніемъ, власти былъ подмѣненъ новымъ кадромъ „людей 20-го числа“, какъ въ Россіи зовутъ чиновниковъ, среди которыхъ помѣстное дворянство, независимое и матерьяльно обезпеченное, совершенно отсутствовало. А тѣ землевладѣльцы, что дѣлали себѣ изъ новой

службы подспорье для сведенія бюджета, также становились рабами губернаторовъ, какъ и назначенные изъ Петербурга корнеты и недоросли. Вслѣдствіе этого новое вино реакціи вливалось въ старые мѣха и кисло, становясь негоднымъ для той единственной цѣли, съ которой вся операція была затѣяна.

Наряду съ этимъ, земскія учрежденія, хотя и безмѣрно противъ положенія 1864 г. ограниченныя новымъ закономъ 1890 г., проявили удивительную живучесть. Въ составѣ земскихъ собраній, а значитъ и управъ, не переводились прогрессивные элементы, вліяніе которыхъ выходило далеко за предѣлы узко понятыхъ хозяйственныхъ отправленій земства. Повсюду вообще земская работа сталкивалась съ аналогичными ей дѣйствіями чиновничества, и не нужно было никакой пропаганды, чтобы населеніе видѣло полное превосходство земскаго начала надъ бюрократическимъ. Школы, дороги, медицина, страховое и продовольственное дѣло, — повсюду даже реакціонныя и неопытныя земскія управы шли впереди чиновничьихъ неумѣлыхъ, не координированныхъ, убыточныхъ учрежденій. Отсюда зародилась и странная мысль объ уничтоженіи этого контраста не путемъ поднятія одной половины государственной работы до другой, а пониженіемъ послѣдней. Нужно было для этого еще болѣе укоротить права самоуправленія, но рука не поднималась для удара, матерьяльныя послѣдствія коего даже Сипягинъ могъ учесть заранѣе. Принять отъ земства созданныя имъ школы, больницы и дороги было еще возможно, но вести ихъ было бы некому. Поэтому рѣшили сдѣлать предварительный опытъ въ тѣхъ губерніяхъ сѣверо-западнаго края, гдѣ земскія учрежденія не были введены Александромъ II-мъ вслѣдствіе необоснованныхъ опасеній сепаратизма. Еслибъ опытъ удался, то новѣйшее земское положеніе предстояло распространить и на тѣ 34 губерніи, за которыми была четвертъ-вѣковая земская практика. Николай съ легкимъ сердцемъ подписывалъ всякіе вообще законы, указы, манифесты и рескрипты, а что касалось до земства, то личныя воспоминанія о тверскомъ адресѣ и разсыпанной земской соли заставляли его соглашаться на сипягинскіе проекты даже съ особливой радостью. Они казались



Сипягинъ,

бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, убитъ Балмашовымъ 2 апр. 1902 г. Больше извѣстенъ, какъ необыкновенный поваръ. Большой ханжа. Всѣ комнаты его квартиры были украшены вышитыми по атласу изреченіями изъ Евангелія. Во время поѣздокъ купэ вагона уставлялось массой образовъ. Интересный случай разсказывалъ Сипягинъ про охранника Рачковскаго, котораго онъ ненавидѣлъ. Не давъ руки Рачковскому при пріемѣ, онъ черезъ часъ былъ позванъ къ Николаю, который, указывая на стоящаго тутъ же Рачковскаго, встрѣтилъ Сипягина словами: „Рекомендую Вамъ Рачковскаго, котораго особенно люблю".

ему еще слишкомъ уступчивыми, либеральными, потому что сохраняли ненавистныя слова „земство“ „управа“, и т. п., когда умъ и ухо признавали лишь „губернатора“, „исправника“ да „правленіе“ и „присутствіе“.

„Не все сразу“, говорилъ министръ, вводя въ жизнь свое изобрѣтеніе. Но уже срокъ былъ пропущенъ. Инерція общественнаго движенія начинала сказываться, огненные языки то здѣсь, то тамъ лизали корни чиновничьяго лѣса, пока, наконецъ, убійствомъ самого Сипягина не открылась новая эра русской исторіи, революціонная.

Все послѣдующее было уже простымъ заливаньемъ пожара. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, однако, что для локализаціи и прекращенія пламени употреблялись исключительно горючія вещества, и что двадцатый вѣкъ принесъ съ собой ту бюрократическую панику, которая не могла уже спасти положенія абсолютизма. Но въ описываемое время контуры его зданія оставались еще неповрежденными, и только явная враждебность обществу и народу занятаго чиновничествомъ положенія становилась очевидной и для недавнихъ слѣпцовъ. Прозрѣвшіе примыкали, поэтому, къ прогрессивному теченію жизни, а все болѣе становившійся близорукимъ царь поневолѣ тѣснѣе прижимался къ столбамъ нѣкогда прочнаго сооруженія, заслоняясь ими отъ дышавшаго въ лицо и все свѣжѣвшаго вѣтра съ полей Россіи. Его поддерживалъ въ этомъ положеніи и в. к. Сергѣй, продолжавшій полновластно распоряжаться судьбой Москвы, гдѣ все живое подвергалось имъ безпощадному истребленію. Особенно тяжело приходилось здѣсь еврейской части населенія, и гоненія, воздвигнутыя великимъ княземъ на эту народность, достигли своего апогея именно въ тотъ моментъ, когда убійство Сипягина должно было заставить опомниться всякаго реакціонера. Наконецъ, закрытіемъ московскаго юридическаго общества в. к. Сергѣй бросилъ въ ряды активной оппозиціи и всю лучшую часть столичной интеллигенціи.

Такъ своими руками подготовляли постепенно высшія государственныя власти недалекій уже переворотъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Усиленіе дѣятельности политической полиціи. — Умѣренность либеральныхъ круговъ. — Необходимость созданія фикціи ихъ революціонности. — Система застращиванія царей. — Постепенное овладѣніе жандармами и самихъ чиновниковъ. — Мнѣніе объ этомъ А. Лопухина. — Институтъ провокаціи. — Зубатовщина. — Неподатливость рабочихъ.

Мы хотимъ теперь передать слово человѣку, компетентность котораго устанавливается службой во главѣ русской полиціи, и котораго служебная честь и высокая добросовѣстность привели въ холодную сибирскую ссылку, — бывшему директору департамента полиціи, Алексѣю Лопухину.

Въ его небольшой, но полной глубочайшаго значенія книгѣ: „Изъ итоговъ служебнаго опыта“ читаемъ:

„Присущій самодержавно-бюрократическому строю формализмъ представленія о государствѣ, какъ о чемъ то отвлеченномъ отъ народа, вполнѣ послѣдовательно велъ къ отрицанію народа, какъ цѣлаго... Всякая группировка обывателей должна была неминуемо стать въ противорѣчіе съ основной идеей государства, а потому государство разсматривало каждый общественный союзъ, какъ явленіе, ему враждебное. Вынужденное юридическое признаніе общественныхъ организацій государствомъ дѣлало ихъ только терпимыми и... подлежащими съ его стороны надзору.“

Этимъ опредѣлялись задачи и роль полиціи въ ряду учрежденій государства.

Политическая полиція, которой не знаютъ законодательства другихъ европейскихъ государствъ, естественно завершала громоздкій, всю жизнь страны пронизывающій аппаратъ. Основаніе ея было вызвано бунтомъ 14-го декабря 1825 года, и такъ какъ съ самаго начала все учрежденіе поставлено было въ полную независимость отъ мѣстной власти, то оно и не замедлило укорениться и понять всѣ вы-

годы самостоятельности. Николай I-ый, создавшій это коренное русское зло, былъ самъ, къ концу царствованія, въ рукахъ корпуса жандармовъ. Бенкендорфъ, его шефъ, неоднократно указывалъ императору на его собственное „дѣло“ въ жандармскомъ архивѣ, если нужно было побороть волю Николая и получить санкцію новой репрессіи. Охрана самодержавія, первая и послѣдняя задача политической полиціи, осуществлявшаяся до 1871 г. системой доносовъ, съ этого момента становилась обязанностью органа судебнаго изслѣдованія и преслѣдованія политическихъ преступленій. Органъ этотъ получилъ еще большую независимость. Не только губернаторы и сенатъ, но даже и прокуратура не имѣла контролирующей власти надъ видоизмѣненнымъ жандармскимъ корпусомъ, связаннымъ черезъ департаментъ полиціи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но законъ и тутъ такъ тщательно оберегъ жандармскую независимость, что корпусъ въ скоромъ времени сдѣлался надсмотрщикомъ и за самимъ департаментомъ полиціи. Охранныя отдѣленія, учрежденныя въ наиболѣе опасныхъ, въ смыслѣ революціонности, городахъ, должны были отчасти корректировать странное взаимоотношеніе департамента и жандармовъ, но цѣли не достигли, очутившись опять же всецѣло въ рукахъ стоявшихъ во главѣ отдѣленій жандармскихъ офицеровъ.

А. А. Лопухинъ,
бывшій директоръ департамента полиціи и эстляндскій губернаторъ, разоблачившій Азефа. Одна изъ самыхъ драматическихъ фигуръ русскаго лихолѣтія, распла ившійся вѣчной ссылкой въ Сибирь за ошибку — вступленіе въ ряды русской политической полиціи. Тонкій знатокъ административныхъ вопросовъ, лично безукоризненно честный дѣятель, всегда бывшій искреннимъ въ своихъ поступкахъ.

„Будучи поставлено въ такія условія, — говоритъ Лопухинъ, — совершеннѣйшее по качествамъ личнаго состава учрежденіе ничего, кромѣ произвола и, слѣдовательно, вреда для населенія и интересовъ государства, принести не можетъ“.

Впрочемъ, о личномъ составѣ бывшій шефъ полиціи невысокаго мнѣнія:

„При отсутствіи элементарныхъ научныхъ понятій о правѣ, при знакомствѣ съ общественной жизнью только въ ея проявленіяхъ въ стѣнахъ военной школы и полковыхъ казармъ, все политическое міровоззрѣніе чиновъ корпуса жандармовъ заключается въ представленіяхъ о томъ, что существуютъ народъ и государственная власть, что послѣдняя находится въ непрестанной опасности со стороны перваго, что она подлежитъ отъ этой опасности охранѣ, и что для осуществленія таковой всѣ средства безнаказанно дозволены. Когда же такое міровоззрѣніе совпадаетъ со слабо развитымъ сознаніемъ служебнаго долга и неспособностью по умственному развитію разобраться въ сложныхъ общественныхъ явленіяхъ, то основанныя на немъ наблюденія останавливаются только на внѣшнихъ признакахъ этихъ явленій, не усваивая внутренняго ихъ содержанія, и потому всякое явленіе общественное принимаетъ характеръ для государственной власти опаснаго. Вслѣдствіе чего охрана государственной власти въ рукахъ корпуса жандармовъ обращается въ борьбу со всѣмъ обществомъ, а въ конечномъ результатѣ приводитъ къ гибели и государственную власть, неприкосновенность которой можетъ быть обезпечена только

Петербургская полиція, при генералѣ Клейгельсѣ начавшая обращаться отъ уличной службы къ политической.

единеніемъ съ обществомъ. Усиливая расколъ между государственной властью и народомъ, она создаетъ революцію Вотъ почему дѣятельность политической полиціи представляется не только враждебной народу, но и противогосударственной."

Таково и было на дѣлѣ положеніе вещей. Оно носило тѣмъ болѣе трагикомическій характеръ, что либерализмъ широкихъ общественныхъ круговъ, интересовавшій правительство гораздо сильнѣе, чѣмъ революціонность меньшинства, былъ весьма умѣренъ. Впереди всѣхъ продолжали итти все тѣ же земства; да, какъ выясняется изъ исторій платформъ партіи „Земли и Воли" и народовольческой, стремленія даже крайнихъ организацій не шли далѣе скромныхъ конституціонныхъ гарантій, безъ которыхъ, по мнѣнію этихъ группъ, никакое развитіе государственной жизни не было возможно. Чиновничеству хорошо были извѣстны и умѣренность прогрессистовъ, и скромность революціонныхъ •силъ, не шедшихъ дальше единичнаго террора и непонятной народу пропаганды. Но признаніе такого общественнаго настроенія равнялось бы необходимости пойти ему навстрѣчу, а этого чиновничество допустить не могло. Оставалось, за отсутствіемъ широкой революціонной организаціи, создать ея фикцію, и, въ этомъ отношеніи, указанная Лопухинымъ умственная ограниченность жандармовъ была весьма на руку россійскимъ Макіавелли, изъ которыхъ въ то время первое мѣсто по праву занималъ Плеве. Подъ его руководствомъ связь департамента полиціи съ корпусомъ жандармовъ была живой связью, а самый департаментъ началъ дѣйствовать съ еще большей безпринципностью, безконтрольностью и откровенностью. Не только расширялась работа его по устройству обысковъ, административной ссылкѣ и заключенію подъ стражу; но, подобно тому, какъ въ дореформенномъ III-мъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи сѣкли заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности молодыхъ людей, въ департаментъ полиціи вызывались выдающіеся общественные и земскіе дѣятели для внушеній и нотацій, которыхъ не чуждался и самъ Лопухинъ. Разница между нимъ и Плеве была только та, что, въ то время какъ Лопухинъ искренно стремился къ объединенію правительства съ обществомъ, Плеве столь же искренно хотѣлъ уничтожить всякій намекъ на организацію общественныхъ силъ. Но, какъ вѣрно замѣчаетъ Лопухинъ, въ корнѣ испорченное учрежденіе всегда обращалось противъ его творцовъ, и на этотъ разъ оно не пощадило его самого. Только уйдя изъ департамента полиціи, могъ онъ познать ошибочность шага, приведшаго его, выдающагося юриста, представителя рода, давшаго Россіи одну изъ ея царицъ, самостоятельнаго и честнаго человѣка, въ объятія выскочки, мстившаго обществу за свое плебейство, безпринципнаго временщика, В. Плеве. Много позднѣе, когда и Плеве былъ убитъ, и Лопухинъ былъ далекъ отъ всякой служебной дѣятельности, этотъ невѣрный шагъ сказался на его судьбѣ послѣднимъ роковымъ ударомъ.

Если, однако, Плеве могъ обойти такого человѣка, какъ Лопухинъ, то Николай не представлялъ для него и въ этомъ отношеніи никакихъ трудностей. Старинная система запугиванья царей опасностью для ихъ жизни была доведена въ послѣднее царствованіе до небывалаго совершенства путемъ провоцированныхъ полиціей покушеній на ближайшихъ къ императору лицъ. Здѣсь Плеве проявилъ, кромѣ врожденной преступности, такую жестокость души, которой позавидовалъ бы опытнѣйшій изъ профессіональныхъ убійцъ. Но, вызвавъ къ дѣятельности провокаторовъ, онъ и самъ палъ жертвой Азефа. Такъ, въ конечномъ счетѣ, надъ департаментомъ полиціи и надъ самимъ жандармскимъ корпусомъ возвышались вліяніе и власть людей безъ всякой совѣсти, безъ всякаго государственнаго сознанія. Худшій видъ боевого анархизма нагло разваливался на самодержавномъ тронѣ, который такъ тщательно защищали отъ умѣреннаго конституціонализма.

Къ такому концу дѣла пришли, конечно, не сразу. Если для борьбы съ обществомъ довольно было расширенія власти губернаторовъ и усиленной охраны, то противъ движенія въ рабочей средѣ, откуда всегда могли грозить организованныя и массовыя выступленія, требовались иныя мѣры. Обычный шпіонажъ среди подпольно дѣйствовавшихъ соціалистовъ и революціонеровъ не достигалъ цѣли, и Плеве приступилъ, черезъ своихъ агентовъ, къ осуществленію діавольскаго плана, организовавъ рабочихъ, вызвать со стороны ихъ активное выступленіе и однимъ ударомъ раздавить

революціонную гидру. Торопливость тутъ могла только испортить дѣло, нужно было вооружиться терпѣніемъ; и Плеве, уже испытанный въ заговорщицкомъ отношеніи жандармомъ Судейкинымъ, съ которымъ они обсуждали планъ убійства гр. Д. А. Толстого и раздѣленія между ними дѣйствительнаго самодержавія, началъ заплетать свою сѣть очень осторожно.

Москва была центромъ заводско-фабричнаго района, гдѣ издавна существовало броженіе, съ которымъ в. к. Сергѣй, слѣдившій за самой столицей, справиться не могъ. Здѣсь то свилъ себѣ гнѣздо Зубатовъ, имѣвшій, какъ и большинство провокаторовъ, за своей спиной quasi-революціонное прошлое. Въ данное время онъ числился на службѣ въ общей полиціи и дѣйствовалъ съ напускной искренностью человѣка, желающаго рабочимъ всякаго добра. Къ его и Плеве радости, рабочіе весьма быстро пошли на закинутую имъ приманку легальной организаціи, показавъ, при этомъ, выдающіяся способности къ усвоенію себѣ партійной сплоченности и дисциплины. Довольно сказать, что, когда Зубатовъ рѣшилъ демонстрировать правительству свою армію, онъ вывелъ, въ годовщину освобожденія крестьянъ, въ Кремль, къ памятнику Александра II-го, не менѣе пятнадцати, а увѣряли, что и двадцати пяти тысячъ рабочихъ. Они продефилировали съ вѣнками, но безъ рѣчей, передъ безобразной будкой, въ которой былъ заключенъ бронзовый Освободитель, и около которой стоялъ, ни живъ, ни мертвъ, в. к. Сергѣй, вѣроятно, плохо вѣрившій глазамъ своимъ. Но этотъ пролетаріатъ-парадъ былъ и лебединой пѣснью Зубатова. Организація его цѣликомъ попала въ руки болѣе близкихъ по духу рабочимъ людей, и черезъ нѣсколько лѣтъ, на похоронахъ Баумана, убитаго наемнымъ хулиганомъ Михайловымъ, среди двухсотъ тысячъ человѣкъ, провожавшихъ гробъ, покрытый краснымъ знаменемъ, были, вѣроятно, цѣликомъ зубатовскіе ученики.

Подобная же неудача постигла попытку организовать одесскихъ рабочихъ. И только своеобразный талантъ священника Гапона склонилъ на одинъ моментъ вѣсы на сторону наслѣдниковъ убитаго уже Плеве. Но и здѣсь дѣло сорвалось. 9-го января 1905 г. Николай, который могъ бы созерцать изъ своего дворца разстрѣлъ безоружныхъ толпъ, довѣрчиво шедшихъ къ нему со своими мольбами, увидѣлъ бы вставшій надъ залитой кровью площадью призракъ настоящей революціи, призракъ, державшій въ рукѣ манифестъ 17-го октября того же года.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

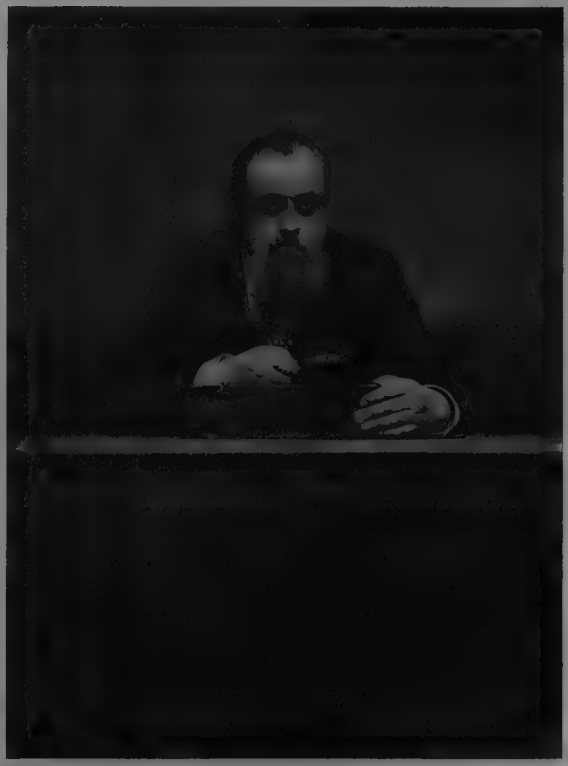
Въ высшей школѣ. — Крушеніе толстовской политики. — Разгонъ лучшихъ профессоровъ по заграничнымъ университетамъ. — Ковалевскій, Виноградовъ, Муромцевъ, Эрисманъ и др. — Кого выдвигалъ Деляновъ на ихъ мѣста. — Пониженіе уровня преподаванія.

Ничего не можетъ быть страннѣе для русскаго гражданина, какъ узнать о томъ, что сынъ какого нибудь европейскаго государя поступилъ въ университетъ; такъ далеко это отстоитъ отъ русскихъ нравовъ. При вотчинномъ взглядѣ царей на землю и народъ, совмѣстное воспитаніе дѣтей ихъ съ дѣтьми рабовъ представлялось невозможнымъ. Еще для поддержанія царскаго престижа въ арміи практиковались фиктивныя зачисленія наслѣдниковъ въ кадетскіе корпуса, и маленькіе князья маршировали иногда на парадахъ въ рядахъ сверстниковъ; но эти акты снисхожденія дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣли, и только полковая служба сближала будущаго царя съ нѣсколькими совершенно случайными товарищами. Ниже мы увидимъ, какія послѣдствія ожидаютъ это совершенное безразличіе государей въ выборѣ товарищей дѣтства для своихъ старшихъ сыновей.

Такимъ образомъ, и въ дѣлѣ образованія не выдерживалась аристократическая система отдѣленія высокорожденныхъ отъ плебса. Только отношеніе къ гражданской школѣ оставалось всегда неизмѣннымъ. Ни стѣны средней школы, ни тѣмъ болѣе университетскія, никогда не видали царскихъ дѣтей. Послѣднія

никогда не слышали веселаго гама, наполняющаго гимназическія залы, не видѣли аудиторіи высшей школы, замершей отъ напряженнаго вниманія во время лекціи любимаго профессора. Онѣ не впитывали въ себя ни единой капли отъ тѣхъ драгоцѣнныхъ юношескихъ порывовъ, воспоминанія о которыхъ впослѣдствіи, на склонѣ дней человѣческихъ, увлажняютъ глаза и разглаживаютъ морщины. А вмѣстѣ съ тѣмъ, вся будущая дѣятельность князей должна была протекать въ связи съ отношеніемъ ихъ къ образованной части подданныхъ. Но, не зная ея совершенно, чѣмъ можно руководиться при выборѣ сотрудниковъ, какъ гарантировать управленіе отъ элементовъ негодныхъ?

И это неудобство, конечно, можетъ умѣряться наличностью чутья, инстинкта, влекущаго интеллигентнаго юношу къ подобнымъ себѣ. Однако, Николаю не предстояло и такого коррективa.



М. М. Ковалевскій.

Знаменитый государствовѣдъ, бывшій профессоръ московскаго университета, проведшій лучшую пору жизни въ изгнаніи, обогащая своими знаніями студентовъ западно-европейскихъ школъ. Членъ первой Думы, потомъ членъ Гос. Совѣта. Гроза министровъ, выступающихъ подъ флагомъ науки; никто такъ мягко не деретъ имъ ушей, но и никто такъ не клеймилъ навсегда невѣжества Столыпина и Ко.

Взгляды, заставлявшіе прежнихъ царей приглашать къ своимъ сыновьямъ просвѣщенныхъ наставниковъ, были чужды Александру III-му, оставленному отцомъ безъ всякаго почти образованія. Своего сына, изъ страха покушеній,

онъ не выпускалъ даже въ кадетскія роты; Николай воспитывался въ полномъ уединеніи, и военные преподаватели играли бо́льшую роль при немъ, нежели профессора.

Это постоянное предпочтеніе арміи, оказываемое русскими монархами, не могло не отражаться и на усиленіи антагонизма между гражданской и военной частями населенія. Ничтожная роль арміи въ мирное время внушала къ ней пренебрежительное отношеніе населенія, отдававшагося производительному труду. Тунеядство военныхъ ложилось тяжело на народъ и въ налоговомъ смыслѣ, и только побѣдоносныя войны вносили равновѣсіе въ отношенія этихъ двухъ государственныхъ факторовъ. Но доминирующимъ всегда оставалось чувство нѣкотораго презрѣнія къ военному ремеслу, и царская фамилія, поголовно несшая службу въ войскахъ, не могла не занять въ общественномъ представленіи того же низкаго мѣста, которое отводилось и ея военнымъ сослуживцамъ. Равнымъ образомъ и князья заражались казарменными навыками, а мышленіе ихъ пріобрѣтало тотъ самоувѣренный, но вполнѣ невѣжественный характеръ, который свойственъ большинству строевыхъ офицеровъ.

Гражданской школѣ, особеннно высшей, здѣсь платили тѣмъ же пренебреженьемъ, что и отъ нея исходило по адресу военныхъ.

При такихъ условіяхъ къ общему прогрессивному тону, которымъ отличалась русская школа со времени Александра II-го, не могли не примѣшиваться и антидинастическія ноты, громко звучавшія при всякомъ случаѣ такъ называемыхъ студенческихъ волненій.

Школьная политика гр. Д. Толстого, доведенная его преемникомъ, Деляновымъ, до абсурда, не принесла ожидавшихся результатовъ. Та умственная нивелировка на уровнѣ мертвой буржуазности, которой добивалась система классическаго образованія, привела только къ тому, что средняя школа выбрасывала ежегодно тысячи юношей, поголовно попадавшихъ въ объятія крайнихъ политическихъ партій, а уцѣлѣвшіе быстро наверстывали потерянное время въ университетскихъ прогрессивныхъ кружкахъ.

Для того, чтобъ правители могли сознать эту простую истину, требуется иногда цѣлый историческій періодъ, и для Россіи онъ еще не закончился. Краткое время освобожденія высшей школы изъ подъ стараго пресса снова смѣнилось его нажатіемъ, снова министерство народнаго просвѣщенія начинаетъ примѣнять къ школѣ деляновскіе пріемы. Невольно приходитъ на память то время, когда лучшіе профессора университетовъ изгонялись со своихъ каѳедръ. Европа, благодаря этому, могла не только познать сущность русской политики, но и использовать освободившіяся силы русской науки для своего юношества. Софья Ковалевская въ Стокгольмѣ, П. Виноградовъ въ Оксфордѣ, М. Ковалевскій и Е. Н. Роберти въ Парижѣ, Эрисманъ въ Цюрихѣ, — всѣ унесли заграницу свои таланты и свѣдѣнія, а на ихъ мѣстахъ водворялись ставленники Делянова, не соображавшагося даже съ научнымъ багажемъ кандидата. Будущіе профессора писали работы, на которыхъ не стѣснялись ставить въ заголовкѣ слова: „по приказанію г. министра народнаго просвѣщенія“, и за это получали каѳедры, съ которыхъ ихъ невѣжество звучало въ пустыхъ аудиторіяхъ.

Низкій уровень преподаванія еще болѣе отваживалъ студенчество отъ научныхъ занятій и склонялъ его къ политическимъ доктринамъ, усвоеніе коихъ носило по большей части академическій характеръ. Не основанныя на личныхъ наблюденіяхъ, не провѣренныя собственнымъ житейскимъ опытомъ, доктрины эти не претворялись во что нибудь живое, а вырождались, усыхали, такъ сказать, еще на корню и надѣлали много вреда освободительному движенію, внеся и въ практическую борьбу то же разслоеніе взглядовъ, даже настоящій расколъ, которыми отличалась словесная борьба прошедшихъ лѣтъ.

Но крупныя выступленія высшей школы еще предстояли. Отдѣльныя вспышки волненій не указывали еще на общее зараженіе студенчества революціонными ученіями и быстро ликвидировались. Школы еще не объединялись между собою и не реагировали сообща при обрушавшихся на одну изъ нихъ репрессіяхъ.

Для того, чтобы свободно примѣнять эти репрессіи, въ царѣ поддерживали постоянное раздраженіе противъ студенчества. Его настолько сбивали, въ этомъ отношеніи, съ толку, что онъ не затруднился, напримѣръ, дать санкцію на отдачу политически неблагонадежныхъ студентовъ въ солдаты. Нужно было, чтобы на посту министра народнаго просвѣщенія очутился именно простой солдатъ, Ванновскій, чтобы отмѣнить распоряженіе, оскорблявшее армію, которая являлась какъ бы арестантскимъ учрежденіемъ, а не красою и честью націи; распоряженіе вредное для самого царя и его правительства, ибо молодежь насаждала въ войскахъ либеральные взгляды; наконецъ, распоряженіе неумное, возбуждавшее смѣхъ, негодованіе, но не устрашавшее рѣшительно никого.

Эта и подобныя ей мѣры привели только къ сплоченію студенческой массы и подготовили солидарныя выступленія ея въ недалекомъ уже тогда будущемъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ арміи. — Результатъ реформъ Ванновскаго. — Пьянство и кулачная расправа. — Драгомировъ. — Отсутствіе живого интереса къ жизни солдата, какъ слѣдствіе введенія всеобщей воинской повинности. — Разложеніе воинскаго духа. — Регрессъ военной техники. — Изобрѣтатели. — Воровство интендантовъ.

Можно было ожидать, что военное образованіе, служба въ строю и управленіе цѣлыми отраслями военнаго дѣла сдѣлали изъ русской царской фамиліи серьезныхъ знатоковъ, способныхъ лично двигать боевой прогрессъ арміи и, во всякомъ случаѣ, способныхъ открывать въ немъ задерживающіе моменты. Но этихъ сторонъ солдатчина ни въ комъ изъ князей никогда не развивала; русскіе императоры оказывались безсильными вносить въ излюбленное ими ремесло что либо, кромѣ новыхъ формъ одежды (не ими, понятно, изобрѣтавшихся) и новыхъ знаковъ отличія. Въ этой области прогрессъ шелъ за то непрерывно, и Николай отмѣтилъ свое царствованіе такимъ длиннымъ спискомъ указовъ о пуговицахъ, кисточкахъ, вырѣзахъ, шапкахъ и надписяхъ, а также такимъ числомъ всякихъ медалей, крестиковъ и значковъ, какъ никто изъ его предковъ. Теперь, послѣ войны, русская армія переодѣта съ ногъ до головы, такъ что само военное министерство запуталось въ разнообразіи формъ. Довольно сказать, что военный министръ Сухомлиновъ бесѣдовалъ на обѣдѣ у германскаго посла въ Петербургѣ съ русскимъ офицеромъ понѣмецки, сочтя его за прусскаго офицера. Кавалеристы опять стали похожи на опереточныхъ гусаръ, а груди гвардейскихъ и особенно полицейскихъ офицеровъ могутъ спорить, въ смыслѣ количества украшеній котилліоннаго характера, съ любымъ знаменитымъ борцомъ или фокусникомъ. Что касается до существа воинскаго дѣла, то оно всегда было неизвѣстно или чуждо царямъ. Николай I-ый зналъ, напримѣръ, о воровствѣ военныхъ инженеровъ, но не могъ его искоренить. Александръ II-ой страшно любилъ только парады, хорошую маршировку, хлесткіе ружейные пріемы. Но за него, по крайней мѣрѣ, работалъ военный министръ, просвѣщенный гр. Милютинъ, благодаря которому русская армія, потерпѣвъ на турецкой войнѣ дипломатическое пораженіе, все же вернулась домой въ ореолѣ славы. Александръ III-ій ничего военнаго не любилъ и знать не хотѣлъ, а его излюбленный министръ Ванновскій былъ старъ, невѣжественъ и только лично честенъ. Подъ его руководствомъ рутина плотно засѣла во всѣхъ отдѣлахъ военнаго хозяйства и управленія. Вслѣдствіе этого понизилась и самая техника дѣла; перевооруженіе пѣхоты и артиллеріи совершалось медленно, опаздывая противъ европейскихъ армій, а тактика не мѣнялась, несмотря на новое оружіе,

Русскіе интенданты.

Фотографія снята по случаю юбилея, но почти всѣ присутствующіе были, состоятъ или будутъ подъ судомъ за хищенія. Если сравнить жалованіе, которое получаютъ эти господа, съ суммой, проживаемой ими, то получится пропорція приблизительно, какъ 1:8.

дѣлавшее веденіе боя со старыми тактическими пріемами невозможнымъ. Главнымъ же недостаткомъ, въ которомъ, впрочемъ, не Ванновскій былъ виноватъ, а институтъ всеобщей воинской повинности, было разобщеніе солдатъ и офицерства. Послѣдніе являлись одни профессіоналами войны, а солдаты выступали подъ знамена на все болѣе короткіе промежутки времени. Отчужденность двухъ частей арміи одна отъ другой вносила разложеніе и въ самый духъ войска, утратившаго всякія традиціи. Одновременно падали и вспомогательныя учрежденія, разныя управленія, школы, заводы. Изобрѣтатели техническихъ усовершенствованій предпочитали продавать ихъ заграницу, нежели годами дожидаться выдачи привилегій или покупки ихъ изобрѣтеній Россіей. Интендантское вѣдомство воровало безнаказанно, подготовляя провалъ японской войны и свой собственный. Словомъ, недостатки арміи вполнѣ отвѣчали самодержавному строю государства, а достоинства — общая повинность, короткій срокъ службы и т. п., — ему не соотвѣтствовали, дѣлали армію ненадежной въ политическомъ отношеніи, что потомъ и сказалось. Все это шло мимо глазъ царя, словно пыль, поднимаемая эскадронами на парадномъ плацу. Онъ, царь, оставался во всемъ военномъ дѣлѣ, какъ и на парадахъ, только машиной, произносящей одно слово: „спасибо“.

М. И. Драгомировъ, одинъ изъ способнѣйшихъ русскихъ генераловъ, привычный алкоголикъ и острякъ, старавшійся подражать Суворову лаконичностью своихъ приказовъ. Бывшій Кіевскій ген.-губернаторъ. Наканунѣ японской войны совѣтовалъ отдать Манджурію обратно, бросить Вост.-Китайскую ж. д. и отойти съ арміей въ исконныя русскія земли Сибири. Будучи скептикомъ и усталымъ человѣкомъ, не сдѣлалъ ничего для того, чтобы разумный совѣтъ его былъ кѣмъ нибудь принятъ ближе къ свѣдѣнію.

ТЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Во флотѣ. — Развращеніе всей среды. — Безотвѣтственность генералъ-адмирала. — Самодурства Константина. — Вел. кн. Александръ Михайловичъ и Кази. — Ихъ интрига. — Кастовый характеръ вѣдомства. — Непотизмъ. — Перепроизводство морскихъ офицеровъ. — Цензовая система. — Хозяйственный способъ постройки судовъ. — Адмиралъ Верховскій. — Частыя крушенія. — „Русалка“, „Гангеутъ“. — Заклепки. — Невниманіе ко всему этому Николая. — Такое же невниманіе его и во всѣхъ другихъ отрасляхъ государственнаго хозяйства.

Еще хуже было положеніе флота. Находясь въ теченіи полустолѣтія подъ совершенно безконтрольнымъ и безотвѣтственнымъ управленіемъ братьевъ государей,

онъ претерпѣлъ такое основательное разложеніе, что, по мнѣнію немногихъ оставшихся честными адмираловъ, исправить теперь уже ничего нельзя. Нужно перемѣнить весь личный составъ, а это равносильно уничтоженію всякаго флота лѣтъ на тридцать, когда образовалось бы новое поколѣніе моряковъ. Пока живы были традиціи

Пожаръ на Галерномъ островѣ 1-го Іюня 1910 г. Остатки броненосца „Витязь". Обгорѣвшіе и разрушенные склады морского вѣдомства и мастерскія. У берега эскадронный броненосецъ „Палада". О причинахъ такихъ пожаровъ въ Россіи двухъ мнѣній не бываетъ: поджогъ начальствомъ, заинтересованнымъ въ сокрытіи преступленій — растратъ.

паруснаго флота, онъ страдалъ отъ самодурства ген.-адмирала Константина, обладавшаго нерѣдкой среди Романовыхъ двойственностью. На морѣ и на сушѣ это были два разныхъ человѣка; въ эпоху освобожденія крестьянъ великій князь всецѣло стоялъ на сторонѣ прогрессивныхъ дѣятелей, окружавшихъ царя, а въ то же время

Миноносцы, построенные на пожертвованія народа послѣ объявленія войны Японіи.
Оказались собранными изъ стараго желѣзнаго хлама и негодными къ бою. Та же участь постигла и транспортъ, на который гр. Строгановъ далъ одинъ милліонъ рублей, — онъ не вышелъ въ море.

во флотѣ сѣкли и били матросовъ, какъ никогда. На душѣ Константина лежитъ и одно изъ самыхъ нелѣпыхъ крушеній XIX вѣка. Военный корабль вышелъ къ кругосвѣтное плаваніе изъ Кронштадта, не закрѣпивъ пушекъ, такъ какъ великій князь приказалъ сдѣлать это на морѣ. Но, спустя моментъ по выходѣ корабля, налетѣлъ легкій шквалъ, пушки одного борта сорвались, перекатились къ другому, и, на виду у родныхъ, махавшихъ еще съ пристани платками, стройный и изящный корветъ перевернулся вверхъ килемъ, унося на дно нѣсколько сотъ жизней. Позднѣе, при в. к. Алексѣѣ и когда корабли стали пловучими крѣпостями страшной цѣнности, около этихъ денегъ быстро развратилось все вѣдомство, гдѣ кастовый характеръ выражался еще сильнѣй, чѣмъ въ арміи. Къ тому же отдѣльныя семьи сдѣлались какъ бы монопольными поставщиками офицеровъ флота, почему и непотизмъ разросся до огромныхъ размѣровъ.

Вел. Кн. Алексѣй Александровичъ,
развративший все морское вѣдомство, глубокій алкоголикъ; въ день цусимскаго пораженія спокойно разъѣзжалъ по Петербургу. Связь его съ Балета, актрисой французскаго театра, была общеизвѣстна, и вел. кн. не считался съ необходимостью соблюдать хотя-бы какой нибудь декорумъ. Подъ конецъ жизни мало что понималъ.

Въ то время в. к. Александръ, одинъ изъ сыновей Михаила Николаевича, служилъ во флотѣ. Безпокойная кровь, которую принесла въ эту семью ихъ мать, в. к. Ольга Феодоровна, бывшая дочерью еврейскаго банкира, и которая сказалась въ жизни и дѣятельности всѣхъ ея дѣтей, заставила молодого князька пойти на удочку ловкаго и умнаго интригана, Кази, директора одного изъ судостроительныхъ казенныхъ заводовъ. Кази, для лучшей обдѣлки собственныхъ затѣй, хотѣлъ спихнуть путемъ разоблаченій ген. адм. Алексѣя и посадить на его мѣсто неопытнаго и молодого Александра, котораго расчитывалъ подчинить своему вліянію, чтобы самому пройти затѣмъ въ морскіе министры. Союзники выпустили для этой цѣли заграницей памфлетъ, но изъ интриги вышло только то, что Кази получилъ отставку, а Александра перевели для „пользы службы“ на второстепенный броненосецъ.

Въ противоположность арміи, гдѣ никогда не хватало офицеровъ и гдѣ производились въ нихъ совершенно необразованные нижніе чины и вольноопредѣлявшіеся, флотъ страдалъ необычайнымъ перепроизводствомъ. Было одно время, когда на трехъ матросовъ приходился одинъ офицеръ. Естественно, что большинство проводило время на сушѣ, стараясь, ничего не дѣлать, и употребляя протекцію лишь для фиктивныхъ зачисленій на плавающія суда. Этимъ выполнялись условія пла-

вательнаго ценза, а кстати и жалованье усиленное получалось, какъ на морѣ. Такимъ образомъ, и молодые мичманы успѣвали развратиться задолго до полученія сколько нибудь отвѣтственныхъ мѣстъ; и когда добирались до нихъ, то взяточничество, растраты, недобросовѣстное отношеніе къ обязанностямъ и карьеризмъ были имъ родственны. Отдѣльныя мѣры не приводили ни къ чему, зло становилось всеобщимъ. Такъ, еще при Александрѣ III-мъ адмиралъ Верховскій выпросилъ разрѣшеніе строить суда хозяйственнымъ способомъ, сдавая съ торговъ отдѣльныя работы по сооруженію. Подрядчики, которые львиную долю подрядной суммы отдавали строителямъ и совѣтскимъ адмираламъ въ видѣ взятокъ, и которые сами должны же были что нибудь нажить, брали *такихъ* рабочихъ и допускали *такія* отступленія отъ условій, что броненосцы начали выходить съ верфей вполнѣ готовыми къ путешествію на морское дно. Дѣйствительно, рядъ крупныхъ аварій и крушеній ознаменовалъ переходъ къ хозяйственной системѣ. Впрочемъ, и прежнія суда были немногимъ лучше, если только сооружались въ Россіи. Достаточно было задуть свѣжему вѣтру, чтобы броненосцы типа „Русалки“ перевертывались и гибли. Малѣйшая царапина киля о подводный камень разворачивала днище на нѣсколько саженъ, и десятимилліонные великаны на глиняныхъ ногахъ шли ко дну, какъ „Гангеутъ“. Когда во время стрѣльбы у о. Крита на „Сысоѣ Великомъ“ разорвало орудіе, и поврежденія заставили ввести этотъ „новѣйшій“ броненосецъ въ докъ Тулона, обшивка судна безъ словъ разсказала французскимъ инженерамъ о государственномъ строѣ, при которомъ только и могутъ твориться такія преступленія. Изъ сотни заклепокъ металлическихъ было не болѣе двадцати пяти, остальныя состояли изъ деревянныхъ пробокъ, тряпокъ, наконецъ — просто суриковыхъ шляпокъ, имитировавшихъ округлые концы заклепокъ.

Лейтенантъ Долгобородовъ разсказываетъ, что, когда онъ велъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ только что спущенный на воду миноносецъ, этотъ послѣдній на серединѣ дороги вдругъ почувствовалъ желаніе нырнуть на дно. Съ трудомъ дотащили обновку до кронштадтской гавани, гдѣ она благополучно и затонула. Но еще на пути водолазы успѣли вытащить штукъ двадцать стеариновыхъ свѣчей, которыми былъ заклепанъ миноносецъ. Лейтенантъ представилъ ихъ при рапортѣ своему начальству. Черезъ нѣкоторое время былъ вызванъ и самъ Долгобородовъ, но не для крѣпкаго рукопожатія благодарнаго адмирала, а для предложенія — взять обратно свѣчи и рапортъ или выйти въ отставку. Онъ взялъ рапортъ обратно, что было недобросовѣстно, но понятно въ человѣкѣ, всецѣло зависѣвшемъ отъ жалованья. На японской войнѣ Долгобородовъ отличился выдающейся отвагой, и, вернувшись домой почти безъ ногъ, былъ назначенъ въ свиту къ Николаю, которому, надѣемся, и разскажетъ когда нибудь о томъ, какъ строится флотъ Его Величества.

То обстоятельство, что даже третья Государственная Дума систематически отклоняетъ ассигновки на постройку новаго флота, лучше всего характеризуетъ его состояніе. Но и въ крупномъ, какъ въ маломъ, человѣкъ остается вѣренъ себѣ. Николай, который не имѣлъ никогда мужества покарать ни одного изъ завѣдомыхъ ему самому казнокрадовъ и продолжалъ навѣшивать ордена на строителей броненосцевъ, которые тонули, и зданій, которыя его самого возмущали, какъ петербургская консерваторія, Николай прикрывалъ собой воровское морское вѣдомство и такъ противился сенаторской ревизіи, какъ будто она и его самого грозила скомпрометировать. Перваго Николая боялись, но обманывали. Затѣмъ боязнь послѣдовательно изъ царствованія въ царствованіе уменьшалась, а обманъ прогрессировалъ. Второго Николая не только не боятся, но смѣются надъ нимъ ближайшіе же совѣтники и слуги, а общее воровство въ имперіи приняло гомерическіе размѣры. Но человѣкъ, защищавшій отъ изгнанія изъ Думы государственнаго измѣнника Шмита, продавшаго секретъ флота и приговореннаго къ лишенію правъ, — такой человѣкъ самъ подготовилъ себѣ неуважительное отношеніе подданныхъ. Ему суждено было, впрочемъ, опуститься еще ниже.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Въ администраціи. — Губернаторы. — Ихъ подготовка. — Безотвѣтственность. — Протекція. — Общее развращеніе на принципѣ: „рука руку моетъ“. — Назначенія военныхъ на административныя мѣста учащаются. — Способности и знанія губернаторовъ. — Взяточники.

Всякое хозяйство, за которымъ хозяинъ не можетъ присматривать самъ, неминуемо переходитъ въ распоряженіе довѣренныхъ людей, и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ значительнѣе убытки. При расширеніи такой системы владѣльцу грозитъ настоящее разореніе.

Эта элементарная житейская истина относится и къ государству, гдѣ управленіе централизовано. Въ Россіи довѣренными людьми издавна были губернаторы, первая и важнѣйшая инстанція на пути отъ престола къ населенію. По смыслу закона они должны бы подчиняться государю; но практика обратила ихъ въ простыхъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и министръ является фактическимъ начальникомъ ихъ. Необходимость согласовать дѣйствія мѣстной власти съ общей внутренней политикой какъ бы объясняла volteface, продѣланную съ губернаторами, а они, конечно, подчинились своей судьбѣ, сохранивъ, въ видѣ всеподданнѣйшихъ ежегодныхъ отчетовъ царю, и фикцію непосредственнаго съ нимъ общенія.

Въ отчетахъ губернаторы опять же писали не то, что стали бы на ихъ мѣстѣ писать люди честные и не заинтересованные матерьяльно, а то, что соотвѣтствовало „видамъ правительства“. Эти два сакраментальныя слова постепенно замѣнили не только законъ, но и царскую волю. Если послѣдняя не соотвѣтствовала чьимъ нибудь видамъ, то и не исполнялась. Правило и въ крупномъ, и въ мелкомъ дѣйствовало одинаково, пока не кончилось дѣло тѣмъ, что царя перестали слушаться не только министры, но и мелкая чиновничья сошка. Такъ, когда адмиралу Рождественскому понадобился второй комплектъ сигнализаціонныхъ флаговъ для эскадры, и онъ лично на то испросилъ разрѣшеніе царя, маленькій чиновникъ сказалъ адмиральскому офицеру, сославшемуся на царскій приказъ: „Не будетъ флаговъ!“ И ихъ не было у Рождественскаго.

И если бы какой нибудь губернаторъ, даже любой изъ его подчиненныхъ, сказалъ то же о личномъ царскомъ распоряженіи, то въ его рукахъ было бы и безнаказанное осуществленіе священной чиновничьей воли.

Зато министерскій циркуляръ былъ для губернаторовъ высшимъ закономъ. Здѣсь кончалось ихъ собственное самодержавіе и начиналось унизительное рабство. Только совершенно безобразный юридическій языкъ циркуляровъ и постоянное противорѣчіе ихъ съ законами, а зачастую и со здравымъ смысломъ, вносили живописное разнообразіе въ отправленія губернаторской власти и приводили иногда къ неурядицамъ, повергавшимъ самихъ министровъ въ отчаяніе.

Всѣ эти причины заставляли обращать особое вниманіе на подготовку опытныхъ губернаторовъ. Они изготовлялись въ петербурскихъ канцеляріяхъ изъ воспитанниковъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній, проходили нѣкоторый стажъ въ великосвѣтскихъ гостиныхъ и, почти ни разу не видавши ни губернскаго города, ни деревни, смѣло пускались управлять краями, величиной съ хорошее германское княжество, съ населеніемъ, иногда не говорившимъ порусски, съ дѣйствующими сепаратными кодексами; словомъ — въ незнакомыя мѣста.

Но единства системы не было и въ назначеніяхъ губернаторовъ. Вдругъ царю приходило въ голову поддержать дворянство. И предводители становились излюбленными кандидатами министра, заискивавшаго при Дворѣ. Когда военные забрали тамъ силу, губернаторы пошли назначаться изъ гвардейскихъ офицеровъ. Въ годы революціи Витте заготовилъ списокъ прогрессивныхъ кандидатовъ и т. д.

Въ общемъ, за все столѣтіе не успѣли наладить губернаторскаго вопроса. Внутренняя политика мѣнялась съ каждымъ новымъ министромъ, а не новымъ царемъ, и колебалась отъ умѣреннаго либерализма до самаго безпробуднаго реакціонерства. Впрочемъ, каково бы ни было направленіе, отличительной чертой, общей всѣмъ эпо-

хамъ, оставалась фактическая безотвѣтственность губернаторовъ, Предвзятая мысль о безошибочности дѣйствій правительства не была чѣмъ то искусственнымъ, притянутымъ за волосы ради выгоды. Нѣтъ, она являлась логическимъ послѣдствіемъ перехода самодержавной власти къ чиновничеству. Царь не можетъ ошибаться и потому безотвѣтственъ. Передавъ бюрократіи свои прерогативы, онъ складывалъ къ ея ногамъ и непогрѣшимость, и безотвѣтственность, самъ за то становясь въ глазахъ народа простымъ смертнымъ, на котораго падали упреки, негодованіе, ненависть его.

Министры, въ свою очередь, должны были для своего укрѣпленія передать безотвѣтственность на слѣдующую ступень, и такъ она докатывалась до самыхъ низовъ чиновничества. Организмъ послѣдняго завершалъ свое развитіе, дѣлался неуязвимымъ и развертывалъ надъ покоренной страной свое знамя, на которомъ по справедливости надлежало бы изобразить двѣ моющія другъ друга руки.

Разъ получивъ абсолютную власть, чиновничеству не было трудно установить такой порядокъ ея отправленія, который гарантировалъ бы и долговѣчность. Жизнь изображалась на бумагѣ такой, какой хотѣлъ ее видѣть данный министръ, и для этого вовсе не нужно было давить на чиновничью совѣсть. Далекая отъ дѣйствительности, всякая канцелярія искренно могла считать себя добросовѣстной, ибо выполняла опредѣленное порученіе начальства, которое и несло отвѣтственность за ея ошибки. Но такъ какъ и начальство исполняло лишь порученіе, то отвѣтственность восходила все выше и выше, пока не достигала министра. Послѣдній же утверждалъ, что исполняетъ только волю монарха.

Итакъ, вся отвѣтственность въ дѣйствительности снова возвращалась на плечи царя, не давая уже ему прежняго мѣста въ управленіи, гарантируя свободу дѣйствій чиновничеству, внося понятное разложеніе во всѣ отправленія государственной машины; послѣдняя становилась игралищемъ страстей, вліяній, злоупотребленій мѣнявшихся у ея котла безотвѣтственныхъ механиковъ.

Такое положеніе не могло долго оставаться незамѣченнымъ.

Еще въ расцвѣтѣ эпохи Николая Перваго носились въ государственной атмосферѣ микробы разложенія, незримые пока для массъ, но очевидные для отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Севастопольская война была результатомъ разрушительной работы этихъ именно микробовъ. Временная очистка воздуха реформой 1861 года не была достаточна, и чиновничество снова одолѣло народъ, чтобы въ 1877—8 г. г. опять разоблачить себя. Цареубійство I-го марта являлось поэтому прямымъ результатомъ отказа народу въ либеральной реформѣ, а разгромъ Россіи въ 1904 г. и революція 1905—06 гг. напомнили Николаю о его обязанности, а правительству о грозящей ему опасности еще настоятельнѣй. Переживаемый теперь реакціонный періодъ не вноситъ увѣренности въ мирномъ характерѣ предстоящей вспышки, такъ какъ никто, конечно, не сомнѣвается въ ея наступленіи. Рано или поздно, наступитъ она; но этотъ вопросъ мы оставляемъ въ сторонѣ, возвращаясь къ прерванному разсказу. Чувствуя себя свободнѣе въ средѣ военныхъ, Николай стремился устраивать своихъ полковыхъ товарищей и на административныя мѣста. Слѣдуетъ, однако, признать, что военно-полицейскій строй государства заставлялъ и предшественниковъ Николая давать нѣкоторыя преимущества военнымъ кандидатамъ на гражданскія должности. Поэтому, напримѣръ, въ Россіи всѣ почти посты исправниковъ, полицеймейстеровъ, становыхъ и урядниковъ замѣщены бывшими военными. Но на губернаторскія мѣста и въ сенатъ строевые офицеры начали попадать только при Николаѣ II-мъ. Слѣдствіемъ этого было новое пониженіе административнаго уровня. Военные приносили съ собой, правда, больше иниціативы; но, основанная на невѣжествѣ и нежеланіи считаться съ законами, она давала только отрицательные результаты. Одинъ изъ любимѣйшихъ ставленниковъ Николая, тамбовскій губернаторъ фонъ-деръ-Лауницъ, гусарскій генералъ, аферистъ и истязатель крестьянъ, разсердившись однажды на чиновника, ссылавшагося на законъ, вскричалъ:

„Да, покажите мнѣ, наконецъ, этотъ сводъ законовъ, на который вы постоянно ссылаетесь!“

И когда ему принесли шестнадцать толстыхъ книгъ, губернаторъ безнадежно махнулъ рукой и подписалъ, не заглядывая въ нихъ, новое свое беззаконіе. Между прочимъ, не имѣя представленія ни о какой вообще систематизаціи, онъ удивлялся умѣнью своего помощника быстро оріентироваться въ сводѣ законовъ и былъ искренно увѣренъ въ томъ, что при всякой справкѣ нужно перелистывать всѣ шестнадцать книгъ.

Не лучше чувствовали себя въ этомъ отношеніи и Нейдгардтъ въ Одессѣ, Веретенниковъ въ Костромѣ, Джунковскій въ Москвѣ, Толмачевъ въ Одессѣ, Треповъ въ Кіевѣ, не говоря уже о военныхъ генералъ-губернаторахъ. Среди нихъ были и добросовѣстные люди; но почти неизмѣнно добросовѣстности сопутствовала такая умственная ограниченность, что все дѣло бывало ею испорчено.

Взяточничество, эта общая болѣзнь русскаго бюрократизма, быть можетъ, менѣе всего было развито въ средѣ губернаторовъ. Правда, они очень произвольно распоряжались своими кредитами и охотно просили о сохраненіи исключительныхъ полномочій, обычно подкрѣплявшихся лишними ассигнованіями. Не брезгали они, какъ кн. Горчаковъ въ Вяткѣ, освѣщать электричествомъ свои дворцы за счетъ города, или, какъ Офросимовъ въ Калугѣ, продавать тому же городу свою мебель при переводѣ въ Петербургъ. Но открытымъ взяточничествомъ отличались немногіе губернаторы, и, не имѣя въ виду никакихъ разоблаченій, мы не упоминаемъ извѣстныхъ намъ героевъ лихоимства.

Н. М. Богдановичъ.

Уфимскій губернаторъ, убитый Гершуни (1903) по наущенію Азефа ни за что, ни про что. Изъ мемуаровъ жандармскаго генерала Новицкаго явствуетъ, что убійства этого желалъ Плеве, которому Б-чъ мѣшалъ на романической почвѣ. Удивляться Плеве нельзя послѣ того, что извѣстно о его переговорахъ съ Судейкинымъ на счетъ убійства министра внутр. дѣлъ, гр. Д. Толстого.

Ежегодно въ опредѣленный мѣсяцъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сосредоточивались первые экземпляры всеподданѣйшихъ докладовъ губернаторовъ. Царю надлежало прочесть вторые экземпляры, сокращенные и принаровленные къ „видамъ правительства“, посылавшіеся непосредственно ему,—по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ такого прочтенія. Но человѣческихъ силъ не можетъ хватить для подобнаго подвига. И вотъ снова приходилось царю полагаться на министра, представившаго сводку всего матеріала, составленную подъ нужнымъ ему угломъ зрѣнія. Для отвода глазъ, въ отчетахъ отмѣчались отдѣльныя мѣста, и царь охотно упражнялся въ лаконизмѣ на поляхъ бумаги. „Отрадно“, „пріятно“, „жаль“, „неужели“ и т. под. помѣтками пестрѣли губернаторскіе отчеты, которые писались по большей части правителями ихъ канцелярій. Наиболѣе же часта была помѣтка Николая: „Прочелъ съ удовольствіемъ“.

Эти три слова сдѣлались въ Россіи такой же поговоркой, какъ „безсмысленныя мечтанія“, „долой самодержавіе“ и т. под. ходовые возгласы послѣдняго времени.

Отмѣтки доводились до свѣдѣнія счастливыхъ губернаторовъ, которые, будучи рабами министра, любили утѣшать себя и другихъ указаніями на службу „государю“, „моему государю“, „царю-батюшкѣ“. Къ нему они чаще обращались въ случаяхъ грозившихъ имъ отставокъ, если находилась только придворная протекція, а это не было рѣдкостью, такъ какъ та же протекція бывала обычно и причиной назначенія на должность.

Въ извѣстныхъ „Запискахъ губернатора“ кн. Урусовъ, членъ первой Думы, откровенно разсказываетъ о томъ, какъ только ѣдучи на службу въ

Кишиневъ, онъ въ вагонѣ сталъ знакомиться съ законами и своими будущими обязанностями. Между тѣмъ онъ получилъ одну изъ самыхъ отвѣтственныхъ губерній. То обстоятельство, что этотъ губернаторъ не довелъ Кишинева до новаго еврейскаго погрома, указываетъ только на его способности и честность, качества, рѣдко совмѣщаемыя у русскихъ администраторовъ. У большинства изъ нихъ не бываетъ ни способностей, ни опыта. Дѣло въ томъ, что министерство именно въ томъ и заинтересовано, чтобъ его первая инстанція состояла изъ безличныхъ, склонныхъ къ послушанію чиновниковъ. Всякая губернаторская инициатива грозитъ заботами и непріятностями; такихъ губернаторовъ торопились убрать, какъ наприм. Косича изъ Саратова.

Н. В. Муравьевъ,
бывш. министръ юстиціи и посолъ въ Римѣ. За 25000 р. вернулъ изъ Сибири сосланнаго по суду. Бралъ и другія взятки; такъ, выдвигалъ карьеры подчиненныхъ за дешево отдаваемыя имѣнія и т. д. Умный, честолюбивый и талантливый человѣкъ; мечтъ его стать во главѣ правительства не суждено было осуществиться. За 50,000 р. онъ уступилъ гр. Витте свое право на поѣздку въ Портсмутъ для заключенія мира съ Японіей.

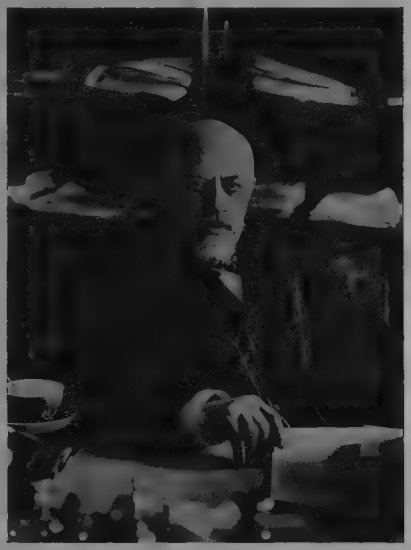
Такимъ образомъ, внутренняя политика реально сосредоточивалась въ рукахъ министра, но дѣлала его совершенно неспособнымъ что нибудь создать. Разростаяся и территоріально, и численно имперія требовала генія, котораго при современныхъ условіяхъ безполезно было ожидать. Поэтому дѣла шли годъ отъ году хуже, и все направлялось не къ тому уже, чтобы хотя медленно, да подвигать впередъ колесницу государственнаго управленія, а чтобы удерживать ея естественную инерцію, парализовать ноги коней, тормазить колеса. Въ этомъ направленіи искусство правительства достигло настоящей виртуозности. Но и оно не могло спасти его отъ краха. И только разрозненность общества послѣ революціи и отсутствіе матеріальныхъ средствъ въ рукахъ рабочихъ массъ могли укрѣпить чиновничество, вновь отсрочивъ его крушеніе на извѣстный промежутокъ времени. Этимъ попутно закрѣплялось и положеніе царя.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Юстиція. — Крушеніе завѣтовъ 1864 г. — Деградація принциповъ правосудія. — Манасеинъ. — Муравьевъ. — Манухинъ. — Его мнѣніе о наказаніи убійцы вел. кн. Сергѣя. — Акимовъ. — Дѣло Ермолова. — Щегловитовъ. — Разложеніе нравовъ судебной магистратуры и самихъ судей. — Сенатъ. — Судейская несмѣняемость. — Новое поколѣніе юристовъ. — Бѣгство въ адвокатуру. — Созданіе особаго типа обвинителя и защитника по политическимъ дѣламъ.

Судьба, видимо, благопріятствовала Николаю, откладывая кризисъ и словно давая опомниться ему и его правительству. Мало того, она оставляла въ ихъ рукахъ аппаратъ, правильное функціонированіе котораго могло принести неисчислимую пользу абсолютизму, если бы только совмѣщался съ нимъ. Такимъ аппаратомъ

была русская юстиція, въ 1864 г. поставленная Александромъ II-мъ на небывалую до того высоту. Судъ присяжныхъ въ высшей степени уживался съ юридическимъ темпераментомъ народа, а притокъ въ судебное вѣдомство лучшихъ интеллигентныхъ силъ того времени сразу далъ тонъ и всей послѣдующей его дѣятельности. Нужно было употребить почти неимовѣрныя усилія, чтобы испортить великую реформу, развратить лучшую отрасль управленія, но русское чиновничество не остановилось передъ такими усиліями, и уже реакціонный періодъ Александра III-го даетъ намъ на посту министра юстиціи реакціонера Муравьева, которому умъ, карьеризмъ и безпринципность давали въ руки всѣ козыри для веденія игры навѣрняка. Въ сравненіи съ нимъ, даже Манасеинъ, предшественникъ по министерству, казался либераломъ, да едва ли не казался такимъ и преемникъ, Манухинъ. По крайней мѣрѣ, когда Каляевъ убилъ в. к. Сергѣя, Манухинъ очень убѣдительно просилъ Николая о дарованіи преступнику жизни. Онъ, видимо, считался съ общими условіями того времени, правильно оцѣнивая общественное настроеніе. Но Николай отказалъ, обуреваемый своей врожденной мстительностью. Онъ лишился, въ лицѣ своего дяди, лучшей опоры. Впослѣдствіи, когда и другой столпъ реакціи, в. к. Владиміръ, сошелъ въ могилу, генералъ Даниловъ, бывшій командиръ гвардейскаго корпуса и довольно близкій къ Николаю человѣкъ, говорилъ:



Акимовъ,
предсѣдатель Гос. Совѣта; глупость, безтакность и грубость Акимова общеизвѣстны. Подставное лицо въ рукахъ Петрушки Дурново въ его интригѣ противъ Столыпина.

„Государь никому теперь не вѣритъ. Послѣ смерти Владиміра Александровича онъ считаетъ, что возлѣ него остались одни революціонеры. Да, да, онъ и в. к. Константина Константиновича, и даже принца П. А. Ольденбургскаго называетъ революціонерами.“

Такое настроеніе не могло не сказаться и на отношеніи Николая къ судебному вѣдомству, продолжавшему еще руководиться закономъ и народной совѣстью. Но министры юстиціи могли охранять свое вліяніе, только подлаживаясь къ царскому образу мыслей, а потому настойчиво проводили новыя требованія среди своихъ подчиненныхъ. Попыткой помиловать безъ суда полицейскаго офицера Ермолова, убившаго въ Москвѣ безоружнаго доктора, помогавшаго раненымъ на улицѣ, и притомъ убившаго его въ домѣ, выстрѣломъ въ спину; словомъ, попыткой помиловать одного изъ гнуснѣйшихъ убійцъ Николай ясно выразилъ общее направленіе своихъ желаній. Министру стоило не малаго труда доказать невѣждѣ царю, что помиловать никогда не будетъ поздно, но что отмѣнять судъ, когда наслѣдниками убитаго (прив.-доцента московскаго университета Воробьева) предъявленъ гражданскій искъ, значитъ подорвать всякую юстицію

Сенатъ въ торжественномъ засѣданіи объявляетъ царскаго сына, Алексѣя, наслѣдникомъ русскаго престола.

въ корнѣ. Упрямый царь покорился. Ермоловъ держалъ себя на судѣ вызывающе. Наказаніе — три года арестантскихъ ротъ — было замѣнено ему монархомъ нѣсколькими днями ареста, послѣ котораго убійца получилъ новое повышеніе по службѣ и переводъ въ Петербургъ, поближе къ особѣ его величества. Тутъ же можно было предсказать будущее отношеніе царя къ погромщикамъ и убійцамъ изъ „Союза русскаго народа".

Въ лицѣ Щегловитова онъ нашелъ дѣятельнаго сотрудника по реакціи. Если Муравьевъ выживалъ изъ вѣдомства старыхъ юристовъ и замѣнялъ ихъ своими креатурами; если Акимовъ не стѣснялся говорить слѣдователямъ по аграрнымъ дѣламъ, что „отъ нихъ самихъ зависитъ обратить невыгоды командировки въ выгоды", намекая на желательное направленіе слѣдствій; то Щегловитовъ не только откинулъ въ сторону всякія стѣсненія, но и оформилъ свои взгляды съ неслыханнымъ цинизмомъ, заявивъ съ думской трибуны о нежеланіи считаться съ закономъ.

Политика водворялась такимъ образомъ и на мѣстѣ юстиціи, какъ давно уже пребывала въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Къ немалому изумленію общества, сенатъ съ большой готовностью раздѣлилъ направленіе генералъ-прокурора и, начавъ съ такъ называемыхъ „разъясненій" избирательнаго закона, въ короткое время опустился до степени простой рептиліи, исполняющей волю министра. При такихъ условіяхъ и несмѣняемость судей должна была неминуемо обратиться въ фикцію, и позднѣе мы увидимъ удивительныя по откровенности удаленія неугодныхъ царю (сенаторъ Арнольдъ), министру (предсѣдатель московскаго суда Н. Давыдовъ) и просто губернатору (предсѣдатель томскаго суда Витте) судей.

Разумѣется, среди магистратуры нашлось, изъ новаго поколѣнія юристовъ, довольно охотниковъ дѣлать карьеру на поводу у Щегловитова; но всѣ прогрессивныя силы вѣдомства начали переходить въ адвокатуру. А такъ какъ поводомъ къ бѣгству была политика, то не замедлилъ создаться какъ бы особый классъ политическихъ защитниковъ, въ противовѣсъ коимъ выдвинуты были спеціально натасканные прокуроры.

Богинѣ правосудія ничего не оставалось, какъ уйти, забравъ съ собой свои вѣсы и оставивъ произволу вершить ея дѣла.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Печать. — Рептиліи. — „Московскія Вѣдомости." — Катковъ. — Петровскій. — Грингмутъ. — Левъ Тихомировъ — Суворинъ. — Ухтомскій. — Мещерскій. — Отношеніе царя къ рептиліямъ. — Юбилей „Московскихъ Вѣдомостей". — Подарокъ царя бывшему революціонеру. — Проблески будущаго черносотенства.

Сокративъ, по возможности, проявленія общественной совѣсти въ судахъ, правительство оставалось теперь наединѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, выражавшимся въ прессѣ. Этотъ врагъ поддавался, къ досадѣ министерства, труднѣе. Здѣсь не мѣсто для изслѣдованія причинъ, приведшихъ къ традиціонной независимости и неподкупности прогрессивной русской прессы; для насъ достаточно установить этотъ, впрочемъ, общеизвѣстный фактъ.

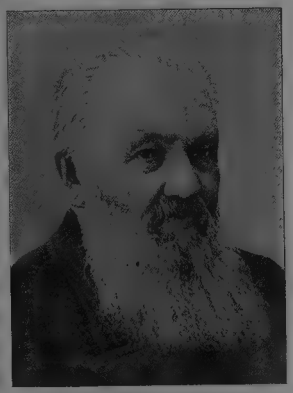
Въ рукахъ власти были лишь два средства воздѣйствія на такую печать, и оба издавна пользовались одинаковымъ неуспѣхомъ. Ни репрессіи по адресу враждебныхъ журналовъ, ни своя собственная рептильная пресса не оказались способными задавить голосъ общества, бывшій, опять же нужно сказать, всегда умѣреннымъ. Но, кажется, въ этой скромности стремленій и лежала причина устойчивости, съ которой тщетно воевало правительство. Много лѣтъ назадъ оно имѣло, въ лицѣ извѣстнаго публициста, измѣнившаго своимъ прежнимъ либеральнымъ принципамъ, Каткова, довольно серьезнаго союзника. „Московскія Вѣдомости" начала восьмидесятыхъ годовъ сумѣли использовать актъ 1-го марта въ интересахъ новаго политическаго курса и создали себѣ извѣстный кругъ читателей, который при слѣдующихъ редак-

торахъ (неизмѣнно получавшихъ субсидіи отъ казны), бездарномъ Петровскомъ, нечистоплотномъ Грингмутѣ, тупомъ Будиловичѣ и измѣнникѣ Тихомировѣ, таялъ не по днямъ, а по часамъ.

Столпомъ реакціонной прессы оставалось одно „Новое Время“ Суворина. Но способность этого органа мѣнять свои мнѣнія въ полную угоду всякому начальству создала ему неуваженіе даже и въ чиновничьихъ кругахъ. Съ нимъ считались лишь, какъ съ полуоффиціозомъ. Остальные органы, въ родѣ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, сданныхъ на кормленіе князю Э. Ухтомскому, царскому товарищу по путешествію, или „Гражданина“ кн. В. Мещерскаго, талантливаго журналиста, но беззастѣнчиваго лгуна и сплетника, еще болѣе извѣстнаго своимъ порочнымъ образомъ жизни, за который его неодно-

Грингмутъ, Карлъ-Амалія,

„истинно-русскій“ нѣмецъ, редакторъ Московскихъ Вѣдомостей, глава московскихъ погромщиковъ, умѣвшій тянуть деньги изъ казны, но не принесшій правительству по бездарности и презрѣнію къ себѣ общества никакой пользы.



А. С. Суворинъ,

ред.-изд. „Новаго Времени“, способный журналистъ, безъ убѣжденій, типичный флюгеръ, переходящій отъ чернаго къ бѣлому и обратно безъ малѣйшаго размышленія. Въ высшей степени соотвѣтствуетъ чиновничьему строю, полуоффиціозомъ котораго его органъ считается. Недавно праздновалъ 50-лѣтіе своей дѣятельности.

кратно били, — такія газеты всегда дышали только на субсидіи, не имѣя вовсе читателей. При губернаторахъ издаются еще губернскія вѣдомости, подписка на которыя обязательна для чиновниковъ и органовъ крестьянскаго и земскаго самоуправленія.

Вліянія на жизнь вся эта пресса рѣшительно не имѣла, что и заставляло правительство все болѣе и болѣе переносить вниманіе свое на репрессіи противъ печати оппозиціонной. Сравнивать, однако, положеніе ея до и послѣ революціи не приходится. Это — пресса двухъ разныхъ историческихъ періодовъ. Несмотря на нес-

Издатель „Гражданина", Кн. В. П. Мещерскій, у себя дома въ обществѣ своихъ друзей.
Было время, когда старый развратникъ такъ же валялся на диванахъ кабинета Александра III-го. Вліяніе миновало, но деньги все еще продолжаютъ по инерціи сыпаться изъ казны въ его карманъ.

слыханное и беззаконное отношеніе послѣднихъ лѣтъ, прогрессивная печать имѣетъ возможность, благодаря наличности Государственной Думы, говорить теперь о вещахъ, о которыхъ и при лучшихъ цензурныхъ условіяхъ дореформеннаго періода думать не смѣла.

Но какъ тогда, такъ и теперь, органы этой печати не доходили до двора. Цари читали или проглядывали отмѣтки, дѣлавшіяся для нихъ въ „Новомъ Времени“ или „Гражданинѣ“, Николай же и такому чтенію удѣлялъ мало времени, занятый играми съ дѣтьми, поддержаніемъ живыхъ сношеній съ черными сотнями и частыми докладами министровъ.

Онъ не упускалъ, однако, случаевъ поощренія рептильной печати. Такъ, въ день 150-лѣтія „Московскихъ Вѣдомостей“, онъ послалъ Грингмуту милостивое поздравленіе. А его замѣстителю, Льву Тихомірову, перекинувшемуся изъ революціонеровъ въ реакціонеры, подарилъ даже чернильницу съ традиціоннымъ двуглавымъ орломъ, на сей разъ какъ бы символизировавшимъ двѣ карьеры Тихомірова.

Будущая черносотенная пресса еще не существовала и лишь намѣчалась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

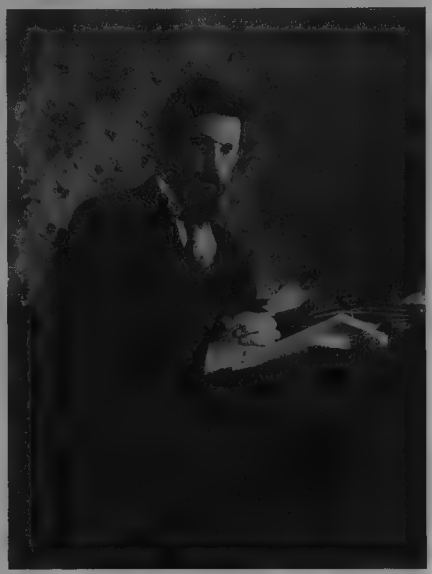
Въ земствахъ. — Усиленіе административнаго гнета. — Неорганизованность реакціонеровъ-гласныхъ помогаетъ сплотиться прогрессивнымъ земскимъ элементамъ. — „Союзъ Освобожденія“ начинаетъ подсказываться общей коньюнктурой.

Была еще одна фабрика общественнаго мнѣнія: земскія учрежденія. Ежегодно собирались люди, уже по одному названію своему — земскіе гласные — бывшіе глубоко подозрительными Николаю. Земство — это антиподъ чиновничества, а гласность, зачѣмъ она нужна для благоденствующихъ подданныхъ? Такое отношеніе къ земству, которое еще Александръ III-ій неоднократно проявлялъ въ своихъ отмѣткахъ на отчетахъ губернаторовъ, не было оставлено безъ вниманія правительствомъ. Хотя оно было очень заинтересовано въ хозяйственномъ процвѣтаніи центра Россіи, видимо начинавшаго хирѣть, и хотя сознавало, что поднять его можетъ только расширеніе компетенціи земства, все-же политическія соображенія взяли верхъ. Несмотря на реформу 1890 г., отдавшую земство во власть губернаторовъ, послѣдніе получили опредѣленную инструкцію всячески тормозить развитіе тѣхъ сторонъ земской дѣятельности, которыя могли увеличивать оппозиціонность населенія. А такъ какъ не было ни одной отрасли земской работы, гдѣ бы она не опиралась на вольнонаемныхъ служащихъ, учителей, агрономовъ, врачей и статистиковъ, то все дѣло въ короткое время стало и развиваться дальше не могло. Право неутвержденія служащихъ привело къ такому упадку хозяйства, а кое гдѣ и къ развитію настоящихъ гнѣздъ эпидемій и эпизоотій, что весь центръ Россіи оскудѣлъ, и это обратило, наконецъ, на себя вниманіе прави-

Кн. Г. Львовъ,
главный инициаторъ и руководитель общеземской организаціи помощи раненнымъ на войнѣ и продовольствія переселенцевъ. Членъ первой Государственной Думы.

тельства. Впослѣдствіи тѣ же причины заставили Витте созвать мѣстныя совѣщанія, сыгравшія весьма полезную роль для недалекаго уже освободительнаго движенія.

Не менѣе безпокоили министерство и тѣ выступленія земствъ, гдѣ они являлись филантропами, напримѣръ—при организаціи помощи голодающимъ. Здѣсь тоже чинились всякія препятствія, а продовольственное дѣло (помощь при неурожаѣ хлѣбовъ) было вовсе изъято изъ рукъ земства. Все это не могло не заботить прогрессивныхъ земскихъ гласныхъ, и обмѣнъ мнѣній между ними невольно долженъ былъ сводиться къ тѣмъ общимъ причинамъ, что вызывали всѣмъ имъ равно досадные дефекты земскаго дѣла. Такъ возникала понемногу та солидарность во взглядахъ, которая потомъ, когда всякій поневолѣ сдѣлался политикомъ, сплотила земскіе голоса, положила начало и „Союзу Освобожденія“ и земскимъ съѣздамъ и вообще помогла выполнить историческую роль земства въ первый революціонный періодъ. Что касается до реакціонеровъ, то они въ то время были совершенно не-сорганизованы, держались порознь, пугливо сторонились всякаго намека на политику и начинали постепенно терять способность орiентироваться среди надвигавшагося хаоса событій.



П. Б. Струве,

выдающійся политическій дѣятель, основатель журнала „Освобожденіе“, сыгравшаго крупную роль въ 1901—05 гг. Впослѣдствіи значительно поддался вправо и обратился къ вопросамъ морали и метафизики, всегда оставаясь глубоко искреннимъ и честнымъ мыслителемъ.

Плеве, въ бытность свою министромъ, учитывалъ это настроеніе, принималъ самыя рѣшительныя мѣры, до сенаторскихъ ревизій включительно; но моментъ былъ пропущенъ. Еще Плеве былъ живъ, когда листки „Освобожденія“, органа „Союза“, ввозились въ Россію изъ Штутгардта въ головахъ алебастровыхъ царей и Венеръ, и цвѣтъ русскаго земства съѣзжался въ Москву для склоненія на всѣ лады ненавистнаго правительству слова „конституція“.

Губернаторы оказались безсильны удержать дырявой сѣтью репрессій потокъ живой воды, и она проложила себѣ русло мимо нихъ, мимо Плеве и царя, къ Государственной Думѣ, завершившей собой недолгій, но бурный періодъ первой половины царствованія Николая. Немудрено, что ненависть къ земству живетъ въ немъ сильнѣе другихъ чувствъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Первыя проявленія броженія. — Рабочіе. — Студенческія волненія. — У Казанскаго собора. — Князь Вяземскій и ген. Клейгельсъ. — Печать. — Терроръ снова усиливается — Карповичъ открываетъ серію министерскихъ убійствъ. — Покушеніе на Побѣдоносцева. — Тупая политика правительства. — Польскій вопросъ. — Поѣздка царя въ Варшаву. — Финляндскій вопросъ. — Бобриковъ и его мнѣніе о финляндцахъ. — Убійство Бобрикова. — Культъ Шаумана. — Кавказъ. — Голицынъ. — Величко. — Армяно-татарская распря. — Раздача нефтеносныхъ земель. — Чиновничье землевладѣніе. — Паденіе русскаго престижа на Кавказѣ. — Батумъ. — Духоборы. — Ихъ выселеніе въ Сѣв. Америку. — Участіе въ этомъ дѣлѣ гр. Льва Толстого. — Старообрядчество. — Насильственное крещеніе дѣтей старообрядцевъ. — Рогожское кладбище. — Повсюду сѣется раздраженіе, но прессъ продолжаетъ завинчиваться. — Принципъ самодержавія начинаетъ колебаться въ народѣ. — Продолжительность отождествленія чиновничества съ царемъ и его возможныя послѣдствія для династіи Романовыхъ.

Довольно пробыть одинъ день въ семьѣ, покой которой тронутъ взаимнымъ раздраженіемъ ея членовъ, чтобы уловить признаки начавшагося разложенія сквозь толщу внѣшнихъ пріемовъ буржуазнаго свѣта. Довольно было прожить въ Россіи первые пять лѣтъ царствованія Николая, чтобы безошибочно опредѣлить степень недовольства въ населеніи, броженія въ интеллигентской средѣ, растерянности администраціи, раздумья высшихъ сферъ, обособленности царя.

Съ 1899 года начинается уже рядъ явленій, послѣдовательное накопленіе которыхъ должно было логически привести въ теченіи ближайшаго же пятилѣтія къ первому серьезному взрыву.

Волненія начались почти одновременно въ рабочихъ и студенческихъ сферахъ. И гораздо раньше Россія видала такіе безпорядки, — достаточно вспомнить стачку 40 000 рабочихъ Морозовской мануфактуры или еще болѣе извѣстное избіеніе демонстрировавшихъ студентовъ московскаго университета мясниками Охотнаго Ряда (центральный рынокъ Москвы). Но эти и подобныя имъ вспышки носили спорадическій характеръ, вызывались случайными поводами и не находили широкаго отклика въ другихъ городахъ, районахъ и школахъ.

Теперь картина рѣзко измѣнилась. Одновременное увлеченіе интеллигенціи и рабочихъ марксизмомъ, словно воскресшимъ послѣ долголѣтней спячки, было вызвано стихійными причинами. Мысль наиболѣе подвижной, и умственно и физически, части народа не случайно фиксировалась на доктринахъ, шедшихъ въ діаметрально противоположномъ направленіи со всей внутренней политикой русскаго правительства. Инерціи реакціи было противопоставлена инерція поступательнаго движенія. И такъ какъ послѣднее всегда было жизненнѣе, и ему недоставало только организованности, то устраненіе послѣдняго недостатка дѣлало кризисъ неизбѣжнымъ.

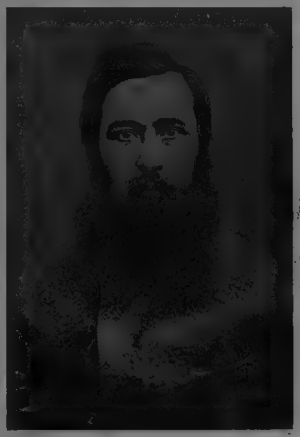
Инстинктивное ожиданіе такого кризиса и становится основнымъ тономъ общественнаго настроенія второй половины девяностыхъ годовъ.

Соціалъ-демократическая пропаганда широкой волной вливается въ высшую школу, фабрики и заводы, затрагиваетъ даже деревню, куда на лѣтніе мѣсяцы возвращаются для полевыхъ работъ большая часть русскихъ рабочихъ, и объединяетъ рабочую и интеллигентскую молодежь въ желаніи чаще и рѣзче проявлять вовнѣ свои чувства и солидарность. Стачка фабричнаго района волнуетъ университетъ ближайшаго центра, студенческія волненія откликаются на заводахъ и фабрикахъ. Но и само общество, все еще недостаточно сдвинувшееся съ узкой позиціи, на которую его загнала реакція, начинаетъ по иному относиться къ новой формѣ движенія, открыто высказывая свои симпатіи стачечникамъ и демонстрантамъ. Даже чопорный Петербургъ мѣняетъ свою физіономію. Такъ, извѣстная демонстрація студентовъ у Казанскаго собора, когда г. Клейгельсъ, сидя верхомъ на конѣ и размахивая по воздуху саблей, велъ въ атаку на безоружную толпу молодежи казаковъ и жандармовъ, заранѣе спрятанныхъ во дворѣ поповскаго дома, демонстрація эта глубоко потрясла столичное населеніе. А благородный поступокъ кн. Вяземскаго, пытавшагося защитить отъ наскока градоначальника студентовъ, столпившихся возлѣ него, горячо одобрялся даже и въ нѣкоторыхъ великосвѣтскихъ кружкахъ. И, несмотря на то, что всѣмъ было извѣстно, что Клейгельсъ не болѣе, какъ воръ, а Вяземскій —

Возвращеніе манифестантовъ съ Казанской площади въ Петербургѣ,
послѣ извѣстнаго избіенія, учиненнаго ген. Клейгельсомъ, послѣ чего Кн. Вяземскій, заступившійся за избитыхъ, былъ удаленъ Николаемъ изъ Гос. Совѣта и высланъ изъ Петербурга. Клейгельсъ же получилъ награду.

человѣкъ, по крайней мѣрѣ, честный, царь отстранилъ послѣдняго на одинъ годъ отъ присутствованія въ Государственномъ Совѣтѣ, а на его мѣсто назначилъ завѣдомаго обманщика и преступника Клейгельса.

Это и подобныя ему событія разносились далеко по странѣ, комментировались въ земскихъ, даже крестьянскихъ кругахъ, понемногу вырабатывали однородность сужденій о царѣ его подданныхъ. Печать все еще безмолвствовала, а если и говорила объ опасныхъ въ цензурномъ отношеніи вопросахъ, то такимъ эзоповскимъ языкомъ, который далеко не всѣмъ былъ понятенъ. Эта вынужденная скромная роль прессы въ подготовительный періодъ революціи должна была печально отразиться и на будущемъ движеніи, такъ какъ вся организація общественныхъ силъ пошла по подпольному пути, слѣдовательно, медленно и съ наклонностью къ неправильному учету силъ. Но развитіе оппозиціонности не могло отъ этого прекратиться, ибо само правительство восполняло своими актами недостатокъ возбудителей въ средѣ народа. *)



Послѣдніе „шлиссельбуржцы".
П. В. Карповичъ,
убившій министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова. Род. въ 1875 г.

Оживленіе шло повсемѣстное, и тамъ, гдѣ сосредоточивались наиболѣе активныя силы оппозиціи, оно должно было сказаться и новымъ подъемомъ боевыхъ выступленій. Къ такимъ именно явленіямъ слѣдуетъ отнести покушенія на жизнь министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова и оберъ-прокурора синода Побѣдоносцева. Нападенія на лично честнаго Боголѣпова и престарѣлаго „великаго инквизитора" ясно указываютъ на степень броженія въ учебныхъ заведеніяхъ и въ глубинѣ страны. Боголѣповъ умеръ отъ раны, Побѣдоносцевъ остался живъ. И, какъ ни печально по существу это явленіе, въ огромныхъ кругахъ населенія опредѣленно сказывалась р а д о с т ь по поводу успѣха Карповича и п е ч а л ь о промахнувшемся Лаговскомъ. Никто, кромѣ родныхъ, не пожалѣлъ министра, но царь, конечно, написалъ на докладѣ: „Незамѣнимая утрата", какъ всегда онъ дѣлалъ при извѣстіяхъ о смерти выдающихся дѣятелей реакціи. Онъ одобрялъ политику своего правительства, а оно изъ за каменныхъ петербургскихъ громадъ продолжало не видѣть жизни страны, давно походившей на встревоженный улей, только смутно улавливая ея непонятный шумъ.

Всегдашнимъ результатомъ чиновничьяго анализа общаго состоянія государства оказывалось въ Россіи подозрѣніе окраинъ. Оттуда, изъ этихъ провинцій, говорившихъ на чужихъ языкахъ, молившихся чужимъ богамъ и не ассимилировавшихся ни на іоту съ Великороссіей, чудились ползущими на родину самодержавія тлетворныя вліянія. Поэтому всякій разъ, что внутри страны замѣчалось наростаніе броженія, первой мѣрой правительства оказывалось новое давленіе на русскія окраины. Девяностые годы кончались при явномъ возбужденіи великороссовъ, значитъ — за послѣднихъ, въ первую голову должны были отвѣчать поляки, финляндцы, жители Кавказа. Умерщвленіемъ жизни по окружности круга расчитывали умертвить и самый центръ.

*) Мы даемъ въ приложеніи (VI) извѣстный протестъ представителей петербургской интеллигенціи противъ избіенія на площади у Казанскаго собора. Подписавшіе всѣ подверглись репрессіямъ.

Въ Польшѣ почему то продолжали расчитывать на Николая. Поэтому, когда дипломатія польскихъ магнатовъ добилась поѣздки царя въ Варшаву, тамъ сдѣлали все возможное, чтобы достойно демонстрировать передъ монархомъ и культуру польскую, и лойяльность. Затрачено было до милліона рублей на пріемъ. Только царь съѣздилъ безрезультатно для себя и Польши, — все осталось постарому. Генералъ-губернаторъ и губернаторы продолжали попрежнему безуспѣшно руссифицировать край, а попечитель учебнаго округа примѣнялъ тѣ же принципы на мѣстной школѣ. Успѣхъ достигался обратный. Ненависть къ русскому правительству доросла

БИБЛИОТЕКА ЦКВ (П. б) ИСТПАРТА

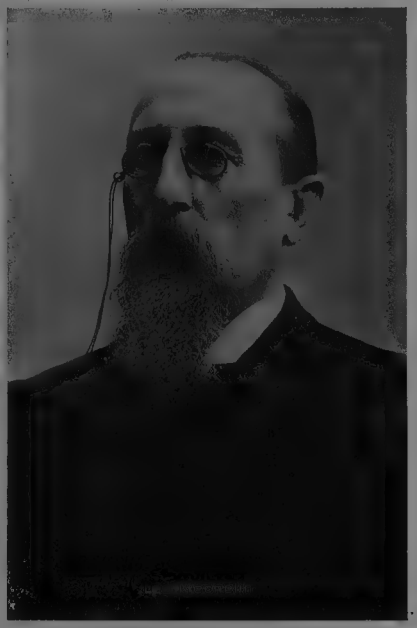
Тѣло министра народн. просвѣщенія Боголѣпова,
умершаго отъ раны, нанесенной студентомъ Карповичемъ, мстившемъ за реакціонную политику въ высшей школѣ. Это убійство было началомъ новой террористической эры 1900—1910 г. г.

до того, что и весь народъ русскій сталъ отождествляться съ чиновничествомъ. Сепаратическія стремленія, при всей ихъ эфемерности, культивировались политикой, имѣвшей противоположныя цѣли*). Польша перестала думать объ ослабленіи режима и направила общественную мысль и дѣло на организацію того же движенія, которое росло уже за ея русскимъ рубежемъ. Окраины спаивались съ центромъ довольно неожиданнымъ для правительства цементомъ: общей къ нему ненавистью.

*) Самые прогрессивные русскіе круги высказались противъ отдѣленія Польши и лишь за ея автономію. На краковскихъ торжествахъ 1910 г. этотъ вопросъ повлекъ за собой словесную стычку между Сѣрошевскимъ и Ѳ Родичевымъ

У Польши оставался еще одинъ, хотя и слабый, поводъ утѣшаться въ неуспѣхѣ своихъ скромныхъ стремленій. Это — познанская политика прусскаго правительства. Къ тому же, живущее поколѣніе русскихъ поляковъ забыло о временахъ автономности, притерпѣлось къ современному режиму.

Не то было въ Финляндіи. Ея своеобразное положеніе въ ряду членовъ государственной семьи тѣмъ болѣе кололо глаза правительства, чѣмъ далѣе послѣднее уклонялось съ пути законности. И, несмотря на очевидную безвыгодность раздраженія тихой и лойяльной провинціи, начиная съ царствованія Александра III-го и до воцаренія его сына, не прекращалось враждебное къ Финляндіи отношеніе правящихъ сферъ. Но Александръ III-ій любилъ задумчивые фіорды финскаго побережья, застѣнчивыхъ бѣлокурыхъ дѣтей, подносившихъ скромные букетики цвѣтовъ его семьѣ, располагавшейся на берегу, какъ дома. И соображенія послѣдовательнаго реакціонера, какимъ былъ этотъ не вполнѣ еще понятый государь, до извѣстной степени умѣрялись интуиціей меланхолическаго туриста.



Лео Мехелинъ,
финляндскій сенаторъ, выдающійся общественный и политическій дѣятель, знатокъ государственнаго права Финляндіи, умѣренный прогрессистъ, заклятый врагъ русскаго правительства и царя.

Николай оказался чуждъ такого рода эмоціямъ. Ловля лососей въ устьяхъ финскихъ рѣкъ и плаванье между скалистыхъ острововъ залива ничего не оставляли въ его душѣ, и чиновники могли свободно вкладывать въ нее то пониманіе финляндскаго вопроса, которое подсказывалось ихъ собственными соображеніями.

Странная мысль — поднятія своего престижа за счетъ угнетенія слабѣйшаго сосѣда — не давала покоя и находила поддержку даже въ такихъ способныхъ дѣятеляхъ, какимъ несомнѣнно былъ и финляндскій генералъ-губернаторъ Бобриковъ.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ изъ Гельсингфорса Бобриковъ долго говорилъ однажды, въ нашемъ присутствіи, о финляндцахъ. Со стороны могло казаться, что здѣсь льется рѣчь блестящаго делегата финскаго народа, прибывшаго въ Петербургъ для защиты интересовъ своей родины, — такъ горячо восхвалялъ генералъ опекаемый имъ край, его учрежденія, культуру, населеніе, нравы, природу.

„Такъ зачѣмъ же вы, Николай Ивановичъ, ведете тамъ политику, пригодную развѣ только для возставшей колоніи?“, спросилъ его одинъ почтенный земскій дѣятель, старый консерваторъ и родственникъ Бобрикова.

Послѣдній молча развелъ руками.

Въ этомъ жестѣ можно было прочесть и то, что „таковы велѣнія высшей государственной мудрости“, и простое: „творю волю пославшаго меня.“

Въ тотъ самый годъ, когда Николай, предваряя готовившійся уже починъ германскаго императора, созвалъ первую мирную конференцію въ Гаагѣ, онъ же совершилъ надъ Финляндіей актъ, вызвавшій глубокое негодованіе всего цивилизованнаго міра. 3-го февраля 1899 года былъ изданъ манифестъ, за оффиціальнымъ названіемъ коего — „Объ основныхъ положеніяхъ составленія, разсмотрѣнія и обнародованія законовъ, издаваемыхъ для имперіи вмѣстѣ съ Финляндіей“ — скрывалось прямое, грубое и непредотвратимое покушеніе на цѣлость финляндской самостоятельности. Въ мартѣ прибыла оттуда депутація, во главѣ съ сенаторомъ Мехелиномъ, для подачи царю прошенія по дѣламъ Финляндіи, но успѣха, конечно, не имѣла.

Похороны финляндскаго ген.-губернатора Бобрикова,
убитаго сыномъ сенатора Шаумана, застрѣлившимся на мѣстѣ совершенія убійства.

На финляндскую прессу, школу, на рѣшенія сеймовъ, на всѣ проявленія финляндской жизни установился одинъ опредѣленный взглядъ, какъ на крамолу, направленную противъ Россіи вообще и Петербурга въ частности; и репрессіи обычнаго типа посыпались одна за другой, какъ капли затяжного осенняго дождя. Результатомъ ихъ были безпорядки въ отдѣльныхъ городахъ края, протесты (особенно по поводу уничтоженія финскихъ войскъ и новаго закона о воинской повинности) и вообще подъемъ общаго раздраженія. Царская семья перестала высаживаться лѣтомъ на финскій берегъ.

Дальше, больше. Губернаторы-финляндцы были замѣнены русскими. Сенаторъ Мехелинъ и многіе другіе были высланы изъ Финляндіи, эмиграція и безпорядки усилились, новобранцы не являлись на службу. Наконецъ 3-го іюня 1904 г. убитъ былъ генералъ-губернаторъ Бобриковъ.

Одна изъ культурнѣйшихъ европейскихъ странъ снизошла до террора, сравнившись только въ этомъ со своей метрополіей. Имя убійцы, сына сенатора Шаумана, покончившаго съ собой на той же площадкѣ сенатской лѣстницы, гдѣ лежалъ трупъ врага его народа, сдѣлалось въ Финляндіи предметомъ своеобразнаго національнаго культа, прочно связавъ въ борьбѣ съ общей опасностью недавно еще враждовавшія мѣстныя партіи.

Только на Кавказѣ, въ обстановкѣ невысокой культуры и южныхъ темпераментовъ, разрушительная политика правительства сопровождалась нѣкоторымъ внѣшнимъ успѣхомъ. Главноначальствующій Кавказа, кн. Голицынъ, привезшій съ собой изъ Петербурга вмѣстѣ съ совершеннымъ незнаніемъ края полную готовность слѣдовать предписаніямъ начальства и, вдобавокъ, литератора Величко, имѣвшаго задачей способствовать въ печати политикѣ divide et impera, Голицынъ оказался на высотѣ своего призванія. Армяно-татарскія отношенія, и безъ того зависѣвшія отъ предвзятаго взгляда мусульманскаго міра на эту способную и промышленную народность, не замедлили обостриться вслѣдствіе явнаго предпочтенія, оказываемаго Голицынымъ и его окружающими татарамъ Кавказа. И здѣсь, какъ въ Финляндіи, дѣло кончилось покушеніемъ на жизнь главноначальствующаго, не сумѣвшаго понять пагубности своего поведенія. И, какъ нерѣдко въ то время бывало, курсъ правительства немедленно сдѣлалъ скачокъ влѣво. Такъ, послѣ убійства Бобрикова ослаблены были мѣры, принятыя противъ печати, обществъ, неявлявшихся новобранцевъ; послѣ демонстраціи у Казанскаго собора Ванновскій былъ назначенъ министромъ и получилъ рескриптъ, признававшій благовременность пересмотра университетскаго устава; послѣ покушенія на Голицына курсъ кавказскаго управленія былъ также измѣненъ влѣво. Такого рода временныя боязливыя колебанія не приносили ничего, кромѣ вреда, свидѣтельствуя о внутренней слабости правительства и отсутствіи въ центрѣ его всякой руководящей идеи. Крайнія партіи видѣли въ нихъ поводы для новыхъ, уже не оправдывавшихся обстановкой, выступленій, умѣренные слои населенія должны были расчитывать только на самопомощь. Кавказскія неурядицы осложнялись еще и матерьяльными промахами казны. Такъ, богатѣйшія нефтеносныя земли раздавались безъ торговъ, въ такъ называемыхъ „путяхъ монаршаго милосердія“, — странныя слова, которыми прикрываютъ въ Россіи явныя беззаконія власти, — лицамъ изъ большого свѣта или царской свиты. Только въ третьей Государственной Думѣ вопросъ этотъ получилъ достойное освѣщеніе, и на немъ потерпѣлъ фіаско quasi-либеральный министръ государственныхъ имуществъ Тимирязевъ, возведшій въ теорію стремленіе царя раздавать не свои земли приближеннымъ богачамъ.

Кавказскія земли вообще интересовали чиновничество. Когда принцъ Ольденбургскій и Витте устраивали кавказскую Ривьеру на черноморскомъ побережьѣ, всѣ лучшіе участки были по дешевымъ цѣнамъ проданы чиновникамъ. Еслибъ взглянуть на эти земли съ высоты аэроплана, мы увидѣли бы своего рода „табель о рангахъ“, демонстрированную парцеллами благодатной земли съ субъ-тропическою растительностью: I-ый классъ у самаго моря, II-ой повыше, и за ними, въ горахъ, остальные двѣнадцать классовъ чиновничества.

Это стремленіе забирать земли было, впрочемъ, отличительной чертой чиновниковъ-плебеевъ; родовитые дворяне и безъ того владѣли огромными латифундіями въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Довольно было прочесть списки высшихъ чиновъ хотя бы одного министерства внутреннихъ дѣлъ того времени, чтобы предвидѣть будущее поведеніе бюрократіи при оглашеніи аграрнаго законопроекта первой Государственной Думы.

Откровенное хозяйничанье русскихъ на Кавказѣ и всякое отсутствіе желанія ихъ ознакомиться, если не съ нуждами, то хоть съ бытомъ Кавказа, привели, съ одной стороны, къ совершенному паденію русскаго престижа, а съ другой, къ той своеобразной исторіи, которая разнесла славу русскаго варварства далеко по свѣту. Мы говоримъ о выселеніи духоборовъ. Семь тысячъ человѣкъ трезвыхъ, работящихъ русскихъ, вносившихъ въ край подлинную и благотворную ассимиляторскую струю, были выброшены за бортъ государства, какъ негодный хламъ, только потому, что не признавали права убивать людей другого государства по приказу начальства.

Въ Америкѣ, куда при дѣятельной помощи гр. Льва Тольстого и его друзей, переселились кавказскіе духоборы, ихъ сумѣли оцѣнить по достоинству, и Канада, ихъ пріютившая, только стала богаче отъ новыхъ трудолюбивыхъ и религіозныхъ колонистовъ.

Эта удивительная наклонность насильственнаго привитія идеи государственнаго единства, которой отличаются всѣ годы русской революціи, логически должна была привести чиновничество и къ религіозному преслѣдованію всѣхъ, кто не раздѣлялъ вѣры господствующей церкви. Не говоря уже о стѣсненіяхъ, испытываемыхъ издавна въ Россіи католической церковью, и подчиненіи, въ которомъ находятся армянская, грузинская и другія автокефальныя церкви, слѣдуетъ отмѣтить систематическое преслѣдованіе старообрядчества. Между прочимъ, и здѣсь наблюдалось то же оригинальное явленіе, что и съ духоборами; старообрядцы въ большинствѣ были богаче, трезвѣе и честнѣе чисто православнаго населенія. И вотъ, чтобы принизить его до общаго уровня путемъ подчиненія православному вѣдомству, Побѣдоносцевъ принимаетъ рядъ мѣръ, совершенно беззаконныхъ, но диктуемыхъ злобнымъ сердцемъ оберъ-прокурора и одобряемыхъ царемъ, для котораго обряды церкви и попы доселѣ являются непререкаемыми авторитетами во всѣхъ вопросахъ совѣсти.

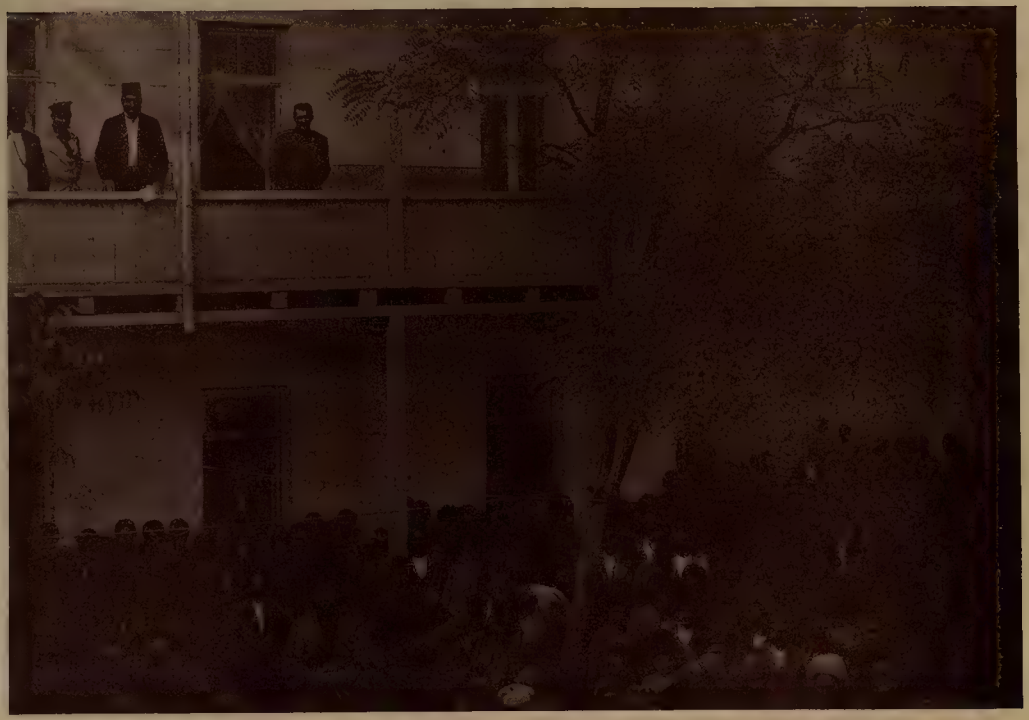
Кн. Г. С. Голицынъ,
бывшій главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ, темный реакціонеръ.

В. к. Сергѣй ретиво содѣйствовалъ разрушительной политикѣ синода. Богатѣйшая изъ старообрядческихъ общинъ Москвы, такъ называемое „Рогожское Кладбище", была закрыта, храмъ ея опечатанъ, и чтимыя членами ея святыни разбросаны по частнымъ рукамъ. Подальше отъ центровъ, дѣло шло еще проще, пока, наконецъ, не дошелъ до нихъ шумъ о поголовномъ насильственномъ крещеніи старообрядческихъ младенцевъ въ одной изъ приуральскихъ эпархій. На этотъ разъ возмущенная общественная совѣсть заставила немного опомниться зарвавшагося оберъ-прокурора, и рѣчь извѣстнаго земскаго дѣятеля М. Стаховича на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ о свободѣ совѣсти послужила толчкомъ къ пересмотру и всей тактики синода. До поры, до времени онъ какъ бы съежился, и старообрядцы вздохнули свободнѣй.

Нечего говорить, что всякій такой неуспѣхъ чиновничества, въ какой бы области управленія ни обнаруживался, сказывался и на настроеніи Николая.

Что было оскорбительно для правительства, то оскорбляло и его; зато все, что было въ общей политикѣ неумнаго, преступнаго, то въ народѣ и обществѣ приписывалось отсутствію здраваго государственнаго смысла и даже духовной испорченности монарха. Исторія съ отлученіемъ отъ церкви Льва Толстого отразила въ себѣ эти взаимоотношенія съ особой силой.

И мы не безъ умысла остановились нѣсколько дольше на деталяхъ чиновничьяго управленія, чтобы указать на предѣлы распространенія недовольства, критицизма,



Армяно-татарская рѣзня на Кавказѣ, —
послѣдствіе политики кн. Голицына. Домъ персидскаго консула; веревкой устроена гравица неприкосновенности. За веревкой находили себѣ убѣжище только немногіе.

Пріѣздъ въ Петербургъ вновь избраннаго армянскаго католикоса Измирліана.

Подъ предлогомъ бесѣды о положеніи армянской школы, патріархъ былъ вызванъ къ царю ранѣе, чѣмъ могъ исполнить церковный обрядъ въ Эчміадзіанѣ, но никакой бесѣды о школахъ не было, а просто хотѣли унизить представителя церкви, всегда бывшей поперекъ синодскаго горла.

Поднятіе колокола на старообрядческую церковь.
одинъ изъ любимыхъ русскихъ религіозныхъ обрядовъ.

Старообрядцы.

Типы женщинъ, живущихъ въ скитахъ (монастыряхъ).

Старообрядческое духовенство.
Либеральный законъ о старообрядцахъ взятъ въ 1911 г. Столыпинымъ обратно изъ Гос. Думы, вмѣстѣ съ другими разумными обѣщаніями 1905—07 гг.

простой злобы. Отъ Або до Баку и отъ Варшавы до Владивостока, повсюду подданные русскаго царя терпѣли въ своей жизни утѣсненія; отовсюду къ нему продолжали еще по инерціи тянуться депутаціи, жалобы, протесты. Но, уже разъ навсегда связавъ судьбу свою съ судьбою чиновничества, Николай твердо стоялъ на принятыхъ рѣшеніяхъ, и его курсъ колебался только тогда, когда убивали министра, или другой какой нибудь испуганный министръ начиналъ склонять его къ перемѣнѣ. Вслѣдствіе этого въ народѣ появилась новая, ранѣе казавшаяся кощунственной, тема разговоровъ.

Старообрядческая церковь въ деревнѣ.

Царское самодержавіе, какъ принципъ, начало вульгаризироваться, колебаться. Видимое безсиліе царя понималось, какъ сознательное соединеніе его съ опротивѣвшимъ народу чиновничествомъ, его кажущееся безволіе трактовалось, какъ скрытіе злой воли. Трезвый инстинктъ народа, создавшаго государство подъ ферулой византійцевъ — русскихъ царей періода собиранія —, подсказывалъ ему и тѣ черты византизма, которыя дѣйствительно были вкраплены въ темпераментъ Николая, но которыя теперь, въ XX вѣкѣ, могли только привести къ гибели государства, еслибъ дать имъ волю развиваться. И тягота чиновничьяго ига понемногу сливалась съ мыслью о тяготѣ для Россіи династіи Романовыхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Невѣдѣніе еще царитъ въ Петербургѣ. — Сипягинъ. — Его личная дружба съ царемъ. — Личныя средства не мѣшаютъ обычному обращенію съ народными. — Дверныя ручки въ министерской квартирѣ. — Проповѣдь самодовлѣющей реакціи. — Упрощенное земское самоуправленіе. — Общая путаница. — Губернаторскія недоумѣнія. — Возсозданіе опричины. — Земскіе стражники. — Убійство Сипягина. — Петербургское настроеніе въ этотъ день. — На него не обращаютъ вниманія.

Процессъ просачиванія въ толщу народной жизни антиправительственныхъ и антидинастическихъ идей совершался, конечно, незамѣтно, слѣдуя закону капиллярности. Поэтому тогдашнее петербургское равнодушіе къ тому, что происходило въ народномъ самосознаніи, легко объяснимо; да и далеко не во всѣхъ интеллигентскихъ центрахъ отдавали себѣ въ то время ясный отчетъ о накопленіи горючаго матеріала въ глухой провинціи. Оптимизмъ, основанный на невѣдѣніи, продолжалъ отличать акты и распоряженія высшей власти.

С. В. Балмашовъ,
убійца Сипягина, министра внутреннихъ дѣлъ. Род. 1881 г. Казненъ 1902 г.

Съ водвореніемъ на посту министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, личнаго пріятеля царя и постояннаго спутника его охотъ, этотъ оптимизмъ принялъ такіе размѣры, что реакція объявлялась уже какъ бы чѣмъ то самодовлѣющимъ, своего рода государственной доктриной. И казалось, что остается сдѣлать еще два-три мастерскихъ удара кистью, чтобы картина полной побѣды бюрократизма, alias самодержавія, была закончена. Легкость этого послѣдняго маневра располагала министра къ устройству своей квартиры вполнѣ по своему вкусу. Будучи лично довольно состоятельнымъ человѣкомъ, одареннымъ, къ тому же, вкусомъ къ вещамъ барскаго обихода, Сипягинъ входилъ въ детальныя указанія архитектору. А такъ какъ дверныхъ ручекъ въ Россіи не оказалось достаточно художественныхъ, за ними былъ на казенный счетъ командированъ за границу одинъ изъ чиновниковъ, которые въ Россіи такъ и называются „чиновниками для особыхъ порученій“. *). Такое легкое отношеніе къ народнымъ средствамъ характерно для многихъ министровъ. Такъ и министръ юстиціи, Н. Муравьевъ (впослѣдствіи посолъ въ Римѣ), за хорошія деньги возвращавшій изъ Сибири сосланныхъ по суду и за земли дававшій высокія назначенія, истратилъ на „ремонтъ“ своей квартиры, бывшей, понятно, въ полномъ порядкѣ, 60 тысячъ рублей.

Итакъ, Сипягинъ покойно вертѣлъ новыми ручками. Для страны у него были готовы два проекта, объ одномъ изъ коихъ, упрощенномъ земствѣ, говорилось выше. Другой, не менѣе простой, заключался въ возстановленіи института, изобрѣтеннаго еще Иваномъ Грознымъ, именно — опричины. Сипягину казалось, что если атрибуты опричника XVI вѣка, — собачью голову и метлу, замѣнить ружьемъ и нагайкой XX-го, то и самый стражъ самодержавія отъ нападенія земщины приметъ европейскій обликъ. Но народъ не далъ провести себя, и за „земскими стражниками“, введенными для пробы въ наиболѣе безпокойныхъ губерніяхъ, такъ и осталась стародавняя кличка

*) Недурно и то, что министерская столовая была скопирована съ Московской Грановитой палаты, для чего командированы архитекторъ и чиновники на казенный счетъ.

„опричниковъ". Деньги, въ размѣрѣ милліоновъ рублей, которыхъ не находилось для народнаго просвѣщенія, нашлись для полицейскаго наблюденія за народомъ. Разумѣется, что съ введеніемъ новаго института циркуляры губернаторамъ еще участились, обшая путаница возросла, число недоразумѣній, побоищъ, убійствъ также.

Но Сипягинъ не успѣлъ даже удивиться этому. Только что собрался онъ, для демонстраціи насажденнаго имъ благоденствія, созвать какой то чиновничій съѣздъ, какъ 2-го апрѣля 1902 года студентъ Балмашовъ совершилъ надъ нимъ самосудъ.

Похороны мин. внутр. дѣлъ Сипягина, убитаго 2. апрѣля 1901 г. Балмашовымъ.

И вотъ что поучительно: Петербургъ, сухая штабсъ-квартира бюрократизма, ясно радовался убійству, и похороны Сипягина забавляли толпу, а не устрашили. Но на это явленіе въ высшихъ сферахъ снова не обратили никакого вниманія. Реакція должна была еще сыграть одинъ актъ старой пьесы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Безъ колебаній. — Назначеніе В. Плеве. — Его характеръ и темпераментъ. — Охрана министра. — Жалованье. — Плеве забираетъ силу — Отношеніе его къ Государственному Совѣту. — Отношеніе къ земству. — Неутвержденіе Д. Шипова. — Ревизіи Зиновьева и Штюрмера. — Подборъ губернаторовъ. — „C'est à en pleurer!" — Выплываютъ будущіе герои безвременья: Гурко, Стишинскій, Шванебахъ. — Ихъ идеологъ С. Шараповъ. — Общество „Пахарь". — Типичный продуктъ разложенія нравовъ. — Реакція усиливается. — Плеве понимаетъ опасность положенія. — Борьба съ С. Витте. — Креатура Вышнеградскаго. — Кто пишетъ рескрипты?

Почти непосредственно послѣ смерти Сипягина былъ назначенъ преемникомъ ему Плеве, словно только и дожидались случая выдвинуть этого человѣка. На

В. К. Плеве и чиновники его министерства въ день юбилея министерства.
Рядомъ съ Плеве фонъ-Валь, направо съ края — П. Дурново.

Курьеры при В. К. Плеве, наполовину бывшіе сыщики.

самомъ дѣлѣ, всѣхъ нетерпѣливѣе дожидался этого случая онъ самъ. Какъ нѣсколько раньше членъ Государственнаго Совѣта Куломзинъ, такъ въ описываемую эпоху Плеве числился постояннымъ кандидатомъ на различные министерскіе посты. Но инстинктъ заставлялъ его не выказывать до поры, до времени своихъ стремленій, и онъ довольствовался ролями товарища министра внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ государственнаго секретаря. Сохранивъ наилучшія связи съ департаментомъ полиціи, въ которомъ онъ частію самъ прошелъ, частію преподалъ курсъ политической провокаціи, Плеве былъ всегда въ курсѣ дѣлъ, касались ли они революціонной работы подполья или придворныхъ и министерскихъ интригъ. Стоя на витяжку передъ царемъ на засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, онъ пронизывалъ его своимъ острымъ взоромъ въ то время, какъ отточенные періоды бюрократической рѣчи сами собой укладывались стройными рядами въ разсѣянномъ мозгу Николая. Засѣдающіе, по обѣ стороны монарха, министры и первые чины государства слушали въ гробовомъ молчаніи доклады государственнаго секретаря, но сквозь почтительныя физіономіи и позы ихъ ясно сквозила затаенная мысль:

„Куда мѣтишь, голубчикъ?“

Плеве мѣтилъ не только на управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но на самое спасеніе Руси отъ надвигавшейся смуты и на самодержавную власть, которой должно было компенсироваться это спасеніе. Вспоминая сорвавшееся покушеніе на гр. Толстого, подготовляя убійство человѣка, нѣсколько мѣшавшаго его любовной связи, перебирая въ памяти наиболѣе выдававшихся агентовъ-провокаторовъ департамента, министръ былъ полонъ всякими комбинаціями и рѣшеніями. Сынъ бѣднаго калужскаго аптекаря, ногами мѣсившій грязь большой дороги, возвращаясь съ каникулъ въ университетъ, онъ зналъ изнанку жизни и хотѣлъ теперь использовать ея казовую сторону. Плебей, онъ затаилъ навсегда презрѣніе къ родовитости и любилъ ставить глуповатыхъ предводителей дворянства и губернаторовъ въ неловкое положеніе умышленно недоступными имъ вопросами. Хорошій юристъ, онъ зналъ цѣну облику законномѣрности, хотя бы она прикрывала, какъ венеціанскіе дворцовые фасады — грязь каналовъ, гнусную грязь провокаціи и предвзятыхъ ревизій. Умный администраторъ, наконецъ, Плеве притворялся передъ всякимъ нужнымъ ему человѣкомъ искреннимъ слугою родины и народа, и любилъ въ туманныхъ выраженіяхъ обнаруживать яко бы таившіяся въ немъ залежи либеральнаго золота, на дѣлѣ бывшаго лишь сѣрнымъ колчеданомъ.

Словомъ, это была нешаблонная, сложная натура, на голову превосходившая всѣхъ вліятельныхъ членовъ правительства. И только Витте мѣшалъ ему на дорогѣ къ безраздѣльной власти надъ Россіей и царемъ. Это была драгоцѣнная жизнь, и на охрану ея не слѣдовало жалѣть ни денегъ, ни людей. Министерскій домъ и улицы, отдѣлявшія его отъ Государственнаго Совѣта, дворцовъ и вокзаловъ, закишѣли агентами охраннаго отдѣленія. Велосипедисты, шмыгавшіе около кареты министра, приличные молодые люди, на рысачкахъ слѣдовавшіе впереди или сзади ея, случайная публика, окружавшая Плеве на ступеняхъ дебаркадера, — все это были чины охраны, въ общей сложности стоившіе странѣ сотни тысячъ рублей за всякій годъ министерской жизни. При этомъ лично Плеве не былъ трусомъ и любилъ обуславливать свои обѣщанія стереотипнымъ:

„Если буду завтра живъ.“

Вознагражденіе министра достигало почтенныхъ размѣровъ. Будучи неподкупнымъ и ничего ранѣе не скопивъ, онъ оставилъ своей семьѣ за два года службы до 150000 рублей.

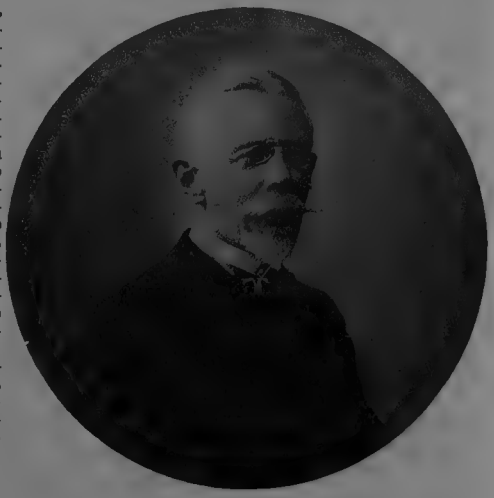
Въ сферахъ, гдѣ протекала подготовительная часть работы Плеве, нетрудно было забрать силу. Умъ, безпринципность и ловкость хищника обезпечивали здѣсь успѣхъ всякому, въ комъ эти качества сочетались. Легкость, съ какою Плеве преодолѣлъ обычныя въ началѣ такой карьеры тренія, располагала его даже къ нескрывавшемуся неуваженію къ окружающимъ, которое выливалось подчасъ въ довольно рѣзкія опредѣленія.

„Государственный Совѣтъ, это — просто стадо валуховъ“ (быковъ, оперированныхъ для увеличенія мясистости), любилъ онъ говаривать о высшемъ органѣ

Жандармы при В. К. Плеве, спеціалисты по политическимъ дѣламъ.

правительственной власти. И онъ обращался съ этимъ стадомъ, въ которомъ было немало почтенныхъ людей, съ аллюрами грубаго пастуха, гонящаго скотину туда, куда хочется.

Само собою разумѣется, что весь административный аппаратъ былъ въ рукахъ Плеве лишь безмолвной пружиной, передававшей въ страну малѣйшее движеніе твердой и властной руки. И наличность въ тридцати четырехъ губерніяхъ центра органовъ самоуправленія оказывалась единственной помѣхой закрѣпощенія бюрократическому Молоху всей народной жизни. Эту помѣху надлежало поскорѣе удалить, потому что изъ земскихъ круговъ уже подымалась туча, заслонявшая всесильному министру чистый до-толѣ горизонтъ его государственнаго идеала. Здѣсь нечего и некогда было разсуждать о практическихъ послѣдствіяхъ сокращенія земской компетенціи. Сначала слѣдовало снести негодную постройку, а тамъ оставалось довольно времени обдумать, чѣмъ замѣнить ее. Но Плеве былъ далекъ отъ простоватыхъ ухватокъ своего убитаго предшественника. Прежде, чѣмъ уничтожать земство, нужно было доказать его разложеніе, ненужность, зловредность. Достаточно, казалось, послать двухъ, трехъ надежныхъ ревизоровъ, чтобы нарисовать передъ царемъ и Государственнымъ Совѣтомъ такую безотрадную картину, какая сама натолкнула бы ихъ на смертельный ударъ лучшей реформѣ Александра II-го. Самъ Плеве остался бы въ сторонѣ; онъ даже вздыхалъ бы о концѣ земства, приговаривая при встрѣчѣ съ бывшими земцами: „Tu l'a voulu, Georges Dandin!“



Сен. Зиновьевъ,
котораго Плеве посылалъ ревизовать губ. земства, чтобы дискредитировать вообще идею земскаго самоуправленія. Пристрастный и готовый на все чиновникъ.

Такими ревизорами были намѣчены Зиновьевъ и Штюрмеръ, бывшіе губернаторы и завѣдомые враги всякаго самоуправленія. Ревизоромъ былъ въ сущности одинъ Зиновьевъ, какъ сенаторъ. Штюрмеръ же получилъ особое высочайшее порученіе разслѣдовать дѣлопроизводства губернскихъ земскихъ управъ. Для этого онъ использовалъ свои связи съ отбросами земскихъ служащихъ, заложенныя еще въ прежнѣй его службѣ предсѣдателемъ тверской управы по назначенію отъ правительства. Три экземпляра этого разслѣдованія, — образцоваго сыщицкаго произведенія, были назначены царю, министру и самому Штюрмеру, но сдѣлались извѣстны и земскимъ кругамъ. Но, такъ какъ „на всякаго мудреца довольно простоты“ бываетъ, то и здѣсь дѣло сорвалось на грубости пріемовъ перестаравшихся слугъ. Общество насторожилось при одной вѣсти о покушеніи на его любимое дѣтище. Всякій шагъ ищеекъ Плеве былъ испорченъ тѣмъ, что нигдѣ не оказывалось почвы, которую можно было бы подготовить для симуляціи непригодности земства. Чиновничество

оставалось попрежнему одинокимъ въ своей враждѣ къ нему, но для этого и не стоило дѣлать ревизій. Раздосадованный первой крупной неудачей, Плеве ограничился мѣрами, которыя только свидѣтельствовали о его собственномъ пораженіи. Онъ не утвердилъ въ должности предсѣдателя московской губернской земской управы Д. Н. Шипова, пользовавшагося заслуженной репутаціей свѣдущаго, умѣреннаго и безукоризненно лояльнаго дѣятеля. Въ тверскомъ земствѣ были посажены чиновники (въ тверской губернской и новоторжской уѣздной управахъ). Всѣ вообще губернаторы земскихъ губерній получили рядъ циркуляровъ, на сей разъ написанныхъ хорошимъ юридическимъ языкомъ, которые наставляли ихъ сокращенію всякаго намека на организацію земскихъ силъ. Распоряженія земствъ по случаю голода, основаніе общеземскаго органа печати, обсужденіе вопроса о мелкой земской единицѣ, — все рѣшительно не допускалось. Роль земства сводилась къ узко-хозяйственнымъ распоряженіямъ и къ обсужденію отдѣльныхъ правительственныхъ проектовъ, вродѣ ветеринарнаго или аптекарскаго, которыми Плеве собирался занять время и рѣчи земскихъ собраній, разъ что проектъ уничтоженія послѣднихъ приходилось отложить до лучшихъ дней.

Х. Х. Шванебахъ,
бывшій управляющій имѣніями гр. Шереметева, за что и проведенъ въ госуд. контролеры. Въ годы реакціи оказался ярымъ черносотенцемъ. Въ контролѣ насадилъ еще большій безпорядокъ, чѣмъ былъ до него.

Но лучшіе дни упорно не являлись на смѣну министерскимъ неудачамъ, и Плеве очень скоро понялъ, гдѣ здѣсь была „похоронена собака". Одинъ онъ не былъ, какъ гласитъ поговорка, „въ полѣ воиномъ", а армія его оказывалась изъ рукъ вонъ плоха. И въ первую голову обнаружился передъ Плеве стародавній, но обострившійся дефектъ, — негодный составъ губернаторовъ. Въ своихъ „Запискахъ" князь Урусовъ довольно живописно рисуетъ передъ читателями одну изъ тѣхъ печальныхъ картинъ, которыя обычно остаются скрытыми отъ обывательскихъ взоровъ. Сорокъ человѣкъ губернаторовъ, собранныхъ министромъ для обсужденія коренныхъ, но элементарныхъ вопросовъ управленія, молчатъ, переглядываются, мычатъ и, какъ школьники, прячутся одинъ за другимъ, чтобы Плеве не вызвалъ къ отвѣту. Такъ ничего и не вышло изъ собранія; и даже одинъ изъ наиболѣе бездарныхъ убожествъ бюрократіи, но понатершійся въ канцеляріяхъ Стишинскій, имѣлъ полное право воскликнуть, покидая залу, гдѣ сконфуженно топтались злополучные губернаторы:

„C'est à en pleurer!" . . .

Передъ Плеве стояла дилемма: управлять одному, ни на кого не надѣясь, или измѣнить весь губернаторскій составъ, поступившись частью собственной иниціативы. Для властолюбиваго человѣка не было здѣсь выбора, и Плеве остался съ

прежними помощниками. Назначеніе кн. Урусова въ Кишиневъ было исключеніемъ, вызваннымъ необходимостью загладить впечатлѣніе слуховъ объ участіи Плеве въ организаціи грандіознаго еврейскаго погрома въ апрѣлѣ 1903 года.

Около себя, въ Петербургѣ, онъ также не имѣлъ никакого выбора въ людяхъ и долженъ былъ выдвигать такихъ чиновниковъ, какъ тотъ же Стишинскій, какъ Шванебахъ, Гурко, будущій герой скандальнаго процесса о поставкѣ хлѣба на голодающія губерніи, и имъ подобныхъ, готовыхъ на все государственныхъ разбойниковъ. Впрочемъ, эти господа имѣли свою „прессу". Систематическимъ восхваленіемъ ихъ занимася даровитый, но безденежный публицистъ, С. Шараповъ, въ своемъ еженедѣльномъ органѣ „Русскій Трудъ". Это была, быть-можетъ, первая ласточка будущей продажности части русской прессы, прикрывавшей грубые расчеты прогрессивнымъ щитомъ. Въ то время Шараповъ, какъ и всегда, впрочемъ, сильно нуждался въ деньгахъ. Его заводъ крестьянскихъ плуговъ не шелъ, давая убытки, и Шараповъ склонилъ дѣло къ тому, чтобы получить субсидію отъ правительства. Для этого нужно было задобрить Витте, но такъ какъ это оказалось невозможнымъ, то оставалось только подкапываться подъ вліятельнаго финансиста. Задача облегчалась общей чиновничьей ненавистью къ выскочкѣ, державшему черезъ финансы въ рукахъ и царя, и правительство. Шараповскія рѣзкости сходили съ рукъ. Наконецъ, видя, что лай этой голодной собаки продолжается, и что длящаяся критика девальваціи оставляетъ въ невѣжественныхъ придворныхъ сферахъ извѣстное впечатлѣніе, Витте выбросилъ Шарапову кусокъ хлѣба, но, конечно, не своего, а казеннаго, и далъ 50 тысячъ рублей на заводъ плуговъ. Онъ же устроилъ Шарапову демонстрацію этихъ, вполнѣ, впрочемъ, негодныхъ, орудій предъ царемъ, въ Петергофѣ. Нечего и говорить, что критика „Русскаго Труда" немедленно смѣнилась восторженными похвалами финансовому генію Витте, но репутація Шарапова была похоронена навѣки.

С. Шараповъ,
даровитый публицистъ, продавшій перо свое гр. Витте за 50.000 рубл. субсидіи заводу негодныхъ „Шараповскихъ" плуговъ.

Плеве такіе люди не были нужны. Его позиція укрѣплялась часъ отъ часу, и пора уже было подумать объ устраненіи послѣдняго занавѣса между нимъ и Николаемъ, о сверженіи Витте.

Ловкій финансистъ, Витте былъ выдвинутъ Вышнеградскимъ, который говаривалъ про него:

„Отогрѣлъ на своей груди змѣю"!

Дѣйствительно, Витте не безъ ехидства вывелъ однажды царя изъ кабинета въ пріемную, гдѣ впадавшій уже въ старческій маразмъ Вышнеградскій безмятежно спалъ, свѣсивъ нѣкогда свѣтлую и мошенническую голову на впалую грудь. Но и только. Старому министру пора было на покой; его мѣсто заступалъ столь же способный. Переходъ къ золотому обращенію подымалъ престижъ Витте очень высоко. Рескрипты слѣдовали одинъ за другимъ. Будучи не у дѣлъ уже, бывшій

временщикъ любилъ перебирать проекты рескриптовъ, не скрывая отъ посѣтителей, что писалъ ихъ самъ. Далѣе этого облегченіе работы самодержца итти уже не могло. Плеве долженъ былъ свалить зазнавшагося временщика.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Записка Витте о земствѣ. — Мѣстныя совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства. — Паденіе Витте. — Развалъ затѣй Плеве. — Восточные проекты. — Пекинскій походъ. — Генералъ Грибскій и благовѣщенское потопленіе трехъ тысячъ китайцевъ. — Разгромъ на Востокѣ подготовляется.

Слѣдуетъ оговориться, что если задача, поставленная себѣ Плеве, была трудна вслѣдствіе ловкости его противника, то она облегчалась комплектомъ такихъ мѣръ въ рукахъ Плеве, которыя Витте были недоступны по его служебному положенію. Наконецъ, въ лицѣ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, Витте указалъ самъ свое уязвимое мѣсто, и съ того момента часы его могущества были сочтены.

Д. Н. Шиповъ,
извѣстный земскій дѣятель, бывшій предсѣд. московской губернской земской управы. Неоднократно приглашался вступить въ ряды правительства, но отказывался. Умѣренный политикъ, мирнообновленецъ.

Плеве заблуждался, если искренне приписывалъ Витте какіе либо реформаторскіе замыслы. Оба они были типичными и одинаковыми продуктами породившаго ихъ чиновничьяго строя, и закрѣпленіе бюрократизма было общей ихъ задачей. Но такъ какъ на верху этой лѣстницы стояло только одно кресло, спинкой котораго служила спина царя, то двоимъ тамъ не было мѣста, и, твердо рѣшивъ возсѣсть на бюрократическій престолъ, Плеве долженъ былъ обезопасить себя отъ претендентовъ. И такъ какъ не было лучшаго средства, какъ играть на скрытой политической неблагонадежности врага, то сюда и направились всѣ ходы Плеве. Здѣсь все годилось: и письма къ Витте отъ людей, отвѣты на которыя должны были скомпрометировать его; и подкупъ прислуги на средства департамента полиціи, не удававшійся только вслѣдствіе колоссальныхъ наградныхъ, которыя выдавалъ ей Витте дважды въ годъ; и поиски финансовыхъ комбинацій, гдѣ дальше игры на биржѣ „Матильды“, жены Витте, ничего нельзя было открыть; и обычныя придворныя нашептыванія, ведшіяся черезъ подставныхъ лицъ, такъ какъ Плеве инстинктивно продолжалъ сторониться отъ Двора.

Витте, разумѣется, не дремалъ и парировалъ удары съ тѣмъ большею легкостью, что его либерализмъ, вѣроятно, смѣшилъ его самого. Онъ надѣялся даже поставить самого Плеве въ невыгодное положеніе своей запиской о „Земствѣ и самодержавіи“. Въ этомъ документѣ, который былъ вскорѣ изданъ заграницей и сталъ извѣстенъ въ обществѣ, Витте со свойственной ему увертливостью и подготовляя путь отступленія стремился, такъ же, какъ Плеве, Сипягинъ и другіе ихъ предшественники до гр. Д'

Толстого, противопоставить понятіе земщины, какъ института самоуправленія, абсолютизму, какъ исконному устою русскаго государственнаго строя.

Карта была неудачна. Изъ Записки не явствовало, зоветъ ли Витте царя на опредѣленное рѣшеніе или предоставляетъ ему и выборъ, и отвѣтственность. Здѣсь Плеве, съ его радикальной программой уничтоженія земства, импонировалъ Николаю безмѣрно бо́льше.

Но роковымъ ходомъ Витте оказались мѣстныя совѣщанія. Плеве, не безъ умысла, конечно, гарантировалъ имъ, по просьбѣ Витте, извѣстную свободу выраженія

Взрывъ бомбы въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“,
одинъ изъ частыхъ случаевъ террористической практики; снарядъ былъ приготовленъ для Плеве, но такъ же, какъ потомъ въ Сѣверной Гостинницѣ, разорвался преждевременно.

мнѣній, за которую отвѣтственность возлагалась на иниціатора совѣщаній. Гарантія эта не помѣшала, разумѣется, Плеве, преслѣдовать потомъ откровенныхъ земцевъ, сослать Бунакова, Михайлова и другихъ; но, объявленная впередъ, она оченъ помогла ему провоцировать общую „неблагонадежность“ совѣщаній. Вѣроятно, и Витте не ожидалъ ни того успѣха, который возымѣла его идея въ земскихъ кругахъ, ни того направленія, въ которомъ двинулись единодушныя заявленія совѣщаній. Это было первой попыткой правительства нащупать пульсъ общества, и если результаты получились неутѣшительные, то теперь, по крайней мѣрѣ, Плеве съ большей точностью могъ намѣтить свою будущую программу. Въ этомъ отношеніи Витте натаскалъ ему своими руками каштановъ изъ огня. Онъ могъ впослѣдствіи считать себя отомщеннымъ, видя куски тѣла соперника въ гробу, а себя, еще немного спустя, — графомъ.

Но промахъ былъ очевиденъ, и Плеве уже не стоило никакого труда, поставивъ вопросъ ребромъ, добиться удаленія Витте съ поста министра финансовъ и временной пріостановки всякой его дѣятельности. Трудно допустить, чтобы неожиданная отставка была пріятна Витте, и едва ли утѣшилъ его послѣдовавшій вскорѣ рескриптъ за десятилѣтнее управленіе финансами. Но онъ, во всякомъ случаѣ, оставлялъ послѣ себя недурное наслѣдство. Если бы не скопленный имъ путемъ займовъ и другихъ финансовыхъ махинацій золотой запасъ, то и Плеве не могъ бы приступить къ выполненію своего плана поднятія престижа самодержавія.

Весьма возможно, что идея дальневосточной войны приходила въ голову не одному министру внутреннихъ дѣлъ. Послѣ того, что Японіи не позволили воспользоваться плодами ея побѣды надъ Китаемъ и вмѣстѣ съ Англіей и Германіей основались на Квантунскомъ побережьѣ для наблюденія за новой силой, — мысль о дальнѣйшихъ захватахъ естественно приводила къ возможности войны. Нельзя было надѣяться, что Китай и Японія будутъ вѣчно давать себя въ обиду Европѣ. Китай не могъ забыть похода на Пекинъ соединеннаго отряда Вальдерзее, послѣ осады посольствъ, и еще больше не могъ забыть подвига генерала Грибскаго, потопившаго въ Амурѣ трехтысячную толпу мирныхъ китайцевъ, которыхъ выстрѣлами загнали въ воду съ русскаго берега. Японія въ молчаніи готовилась къ реваншу. Обѣ державы пристально наблюдали характеры и пріемы европейскихъ правительствъ и не могли не замѣтить рѣзкой разницы между планомѣрными дѣйствіями германцевъ въ Кіао-Джоу или англичанъ въ Вей-ха-Вей и безсистемностью русскихъ; послѣдніе прежде всего приступили къ созданію города Дальняго, тогда же прозваннаго „Лишнимъ“, гдѣ верфи, склады и форты замѣнялись дворцами намѣстника Алексѣева и его штаба, и гдѣ 38 милліоновъ рублей было вложено безъ малѣйшей надежды наверстать ихъ путемъ развитія торговли. Портъ-Артуръ, очищенный японцами и бывшій первоклассной естественной крѣпостью, предполагалось вооружить новѣйшими боевыми приспособленіями, но война 1904 года застала Россію и тамъ неподготовленной. Желѣзная дорога, соединявшая эти пріобрѣтенія съ центромъ, проходила по чужой территоріи, и охрана пути тыла была столь же слаба, какъ и самый путь. Стоившая казнѣ колоссальныхъ денегъ Манджурская дорога даже въ лучшіе годы давала до 7000 р. дефицита на версту пути. Охрана ея была совершенно негодна, и даже жизнь чиновъ послѣдней не была предметомъ заботы правительства. Хунхузы скоро оцѣнили такое положеніе вещей, а японцы воспользовались ихъ уроками. Намѣстничество, учрежденное въ іюлѣ 1903 г., могло только еще скорѣй привести былой престижъ Россіи на Востокѣ къ крушенію, такъ какъ Алексѣевъ съ самаго начала показалъ себя, какъ дипломатъ, съ невыгодной стороны. Его пышные пріемы и повадки сатрапа прикрывали ту же пустоту, то же хищничество окружающихъ, ту же безпечность, что и дѣйствія всякаго самодержца.

Итакъ, на Желтомъ морѣ одни мечтали о грюндерскихъ авантюрахъ, другіе объ отличіяхъ, третьи о захватахъ, но никто не думалъ о возможности разгрома. Въ то же время, безчисленные японскіе шпіоны, при содѣйствіи побитыхъ ими, но родственныхъ китайцевъ, спѣшно доканчивали свои работы въ крѣпости, г. Дальнемъ, въ Манджуріи.

А въ еще болѣе дальнемъ Петербургѣ, гдѣ всѣ расчеты строились на донесеніяхъ Алексѣева, и гдѣ давно министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Муравьевъ, былъ фактически устраненъ отъ политики, хитроумный Плеве подсчитывалъ уже мысленно великіе результаты завоеванія Кореи, инкорпораціи Манджуріи и милліардной контрибуціи. Какъ нѣкогда Ермакъ, онъ хотѣлъ поклониться царю новымъ царствомъ, новымъ титуломъ какого нибудь корейскаго или манджурскаго владыки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Подготовка Японской войны. — Въ Кореѣ — Концессіи на Ялу. — Чьи деньги? — Алексѣевъ, Безобразовъ, Абаза, Павловъ и Ко. — Безошибочный расчетъ Японіи. — Красная книга о японскихъ переговорахъ. — Разговоръ Плеве съ Лопухинымъ. — Способности камарильи развертываются, а царь втягивается въ грязь.

Какъ и въ жизни частнаго человѣка, гдѣ крупныя перемѣны назрѣваютъ какъ бы само собой и внѣ его воли, государства подготовляютъ незамѣтными для населенія актами событія, значеніе коихъ оцѣнивается всегда поздно. За десять тысячъ верстъ отъ Японіи все представлялось въ преуменьшенномъ перспективою видѣ, и въ этомъ отношеніи правительство, общество, народъ, царь, всѣ были одинаково близоруки. Опереточная японско-китайская кампанія, крохотная территорія, населенная низкорослыми, тщедушными людьми, вялый, всему покорный Китай, — какъ все это тускнѣло передъ боевой исторіей „побѣдоноснаго русскаго воинства“, необозримой русской территоріей, предъ блескомъ царя Россіи и его чиновничества!

Адмиралъ Алексѣевъ,
одинъ изъ виновниковъ Японской войны. Велъ себя на Д.-Востокѣ, какъ самодержецъ; послѣ выясненія его преступной дѣятельности остался безнаказаннымъ и въ милости попрежнему.

Ослѣпленный собственнымъ величіемъ, военный министръ, Куропаткинъ, любезно допущенный Японіей къ осмотру ея боевой готовности, проглядѣлъ то, что ему, какъ солдату, прежде всего должно было броситься въ глаза, — духъ націи, отражавшійся въ войскахъ. Послѣ этого коренного просмотра не было уже удивительно, что Куропаткинъ не видѣлъ ни первокласснаго японскаго флота, ни грамотности солдатъ, ни ихъ близости съ офицерами, ни выносливости, ни удобной обмундировки, ни раціональности снабженія арміи всѣми предметами довольствія, ни общей честности. Съ обычной хитроватой усмѣшкой будущій полководецъ объяснялъ, вѣроятно, Николаю, Плеве и Витте ничтожность Японіи въ боевомъ, административномъ и финансовомъ отношеніи. И успокоенные собесѣдники начали строить еще лучшіе воздушные замки, и новые милліоны переводились на Дальній Востокъ, и все досаднѣе было слушать предостереженія незаинтересованнаго гр. Ламсдорфа.

Первая проба силы состоялась на корейской рѣкѣ Ялу. Завоеваніе предполагалось сначала мирнымъ. Отъ концессій на эксплоатацію лѣсныхъ богатствъ до охраны интересовъ „Россіи“ вооруженной силой; отъ договоровъ финансоваго характера до полнаго вліянія на безвольнаго корейскаго императора и его подкупное правительство, — и вотъ уже она, вся Корея, прочно зажата въ когтяхъ россійскаго двуглаваго орла. Бѣда, однако, если блудливая гіена рискуетъ подражать ухваткамъ прямодушнаго хищника, льва, — ее всегда ждетъ неуспѣхъ, а то и смерть.

Какими путями проникли во дворцы и высшія чиновничьи сферы предложенія дать деньги на концессію въ Кореѣ, для насъ безразлично. Важно установить, что,

подобно южно-африканской „Chartered C-ny“, общество для разработки лѣсовъ на Ялу состояло изъ лицъ императорской фамиліи и немногихъ ихъ приближенныхъ. Одни открыто, какъ вдова Александра III и ея сынъ Михаилъ, другіе черезъ подставныхъ лицъ и даже камердинеровъ, внесли крупные, многомилліонные вклады, поступившіе въ полное завѣдываніе компаніи авантюристовъ, среди которыхъ первыя мѣста принадлежали намѣстнику Дальняго Востока, Алексѣеву, его петербургскому alter ego Абаза, послу Павлову и Безобразову, въ короткое время изъ полной неизвѣстности попавшему въ друзья Николая и его статсъ-секретари. Опьяненные запахомъ чужихъ денегъ и собственной властью, эти люди не могли дожидаться естественнаго теченія событій, постепеннаго захвата Кореи. Имъ хотѣлось подготовлять эти событія, скорѣй втиснуться въ эту игру, казавшуюся игрой навѣрняка. Въ азартѣ и алчности забывалось, да и не сознавалось, вѣроятно, что игра ведется за счетъ царя, поставившаго на карту не только извѣстную сумму денегъ, но и судьбу своего народа. А еслибъ и сознавалось, то игроки знали, сколько въ Петербургѣ друзей у нихъ, и какъ мало людей, отдававшихъ себѣ отчетъ въ опасности, да и тѣ все равно не могли открыть глаза Николаю.

Ст.-Секретарь А. М. Безобразовъ,
подбившій царя вложить деньги въ концессіи на р. Ялу, и одинъ изъ иниціаторовъ японской войны. Несмотря на полное разоблаченіе его дѣятельности, остался безнаказаннымъ, даже не исключеннымъ изъ званія ст.-секретаря Е. В. (равносильно ген.-адъютанту). Братъ его командовалъ карательными отрядами въ Приб. краѣ.

Для Плеве восточная комбинація была настоящей находкой. Легкими лаврами, добытыми въ будущей войнѣ, такъ красиво можно было украсить поблеклый принципъ абсолютизма, такъ серьезно пригрозить смутѣ и революціи штыками арміи, влюбленной въ своего верховнаго вождя!

Онъ не могъ даже удерживаться отъ мечтаній своихъ въ присутствіи постороннихъ и такъ же, какъ Николай, раздражался малѣйшимъ противорѣчіемъ заманчивому плану. Такъ, когда А. Лопухинъ выразилъ нѣкоторыя сомнѣнія въ конечномъ результатѣ предполагавшейся войны, Плеве съ неудовольствіемъ замѣтилъ:

„Значитъ, вы считаете, что пятьдесятъ милліоновъ больше ста пятидесяти? Здѣсь простой ариѳметическій расчетъ“.

Ариѳметика именно играла въ исторіи войны самую послѣднюю роль, но министры не всегда знаютъ исторію.

Японіи не представлялось иного выхода, какъ также предупредить событія. Всякій мѣсяцъ отсрочки давалъ Россіи возможность перекидывать лишніе корпуса, кончать портъ-артурскіе форты, укрѣплять берега Ялу. Отдать же безъ боя единственныя земли, гдѣ могъ бы размѣститься избытокъ населенія, отказаться отъ роли своей на китайскомъ материкѣ въ пользу европейцевъ, — было равносильно для Японіи политической смерти и вырожденію расы.

Такимъ образомъ ставки были не равноцѣнны, и весь перевѣсъ, въ дѣйствительности, находился съ самаго начала авантюры на сторонѣ Японіи, движимой могучимъ инстинктомъ самосохраненія. Россію же влекли на Востокъ не пресловутое

стремленіе къ теплому морю, котораго народъ рѣшительно не ощущалъ, а кучка аферистовъ и благосклонное напутствіе Германіи, для которой всякій исходъ войны былъ чистымъ выигрышемъ.

Но и здѣсь Японія показала свою государственную мудрость. Будучи почти увѣрена въ успѣхѣ войны, она хотѣла сберечь средства и своихъ лучшихъ гражданъ и сдѣлала все возможное для того, чтобы предотвратить конфликтъ мирнымъ, даже союзнымъ договоромъ. Графъ Ито, впослѣдствіи убитый на русской территоріи, являлся съ спеціальной миссіей въ Петербургъ, но здѣсь встрѣтилъ совершенно ту же обстановку, какъ если-бъ дѣло происходило въ XVI—XVII вѣкѣ: царь, окруженный наушниками и лукавыми боярами, жалкій во внѣшнемъ великолѣпіи и противный въ лицемѣрномъ благоволеніи рѣчей; народъ, безмолвно ожидающій очередного удара абсолютизма; затаенная мысль о ходѣ, ускоряющемъ роковое рѣшеніе, и эгоизмъ ничтожной группы временщиковъ. Ито заручился, послѣ этого, союзомъ Англіи и обезпечилъ, по крайней мѣрѣ, бой своей родины одинъ на одинъ съ сѣвернымъ колоссомъ. О томъ, что ноги колосса были изъ глины, Японія знала хорошо, и, убѣдившись въ неизбѣжности войны, она съ лихорадочной и веселой быстротой принялась заканчивать приготовленія къ мобилизаціи, десанту, сухопотной и морской кампаніи.

Въ Петербургѣ, впрочемъ, спѣшили не меньше. Но разстояніе, отдѣлявшее русскіе мобилизаціонные пункты отъ будущаго театра военныхъ дѣйствій, одноколейность сибирскаго пути, нераспорядительность и хищничество, отсутствіе новой артиллеріи, особенно пулеметовъ, большая часть которыхъ стояла въ корридорахъ дворцовъ для ихъ охраны, и другіе обычные дефекты сказывались самымъ досаднымъ для Плеве и Алексѣева образомъ. Но дѣлать было нечего. И вотъ, когда уже совсѣмъ ясны стали намѣренія русскаго правительства, и японскій посолъ началъ добиваться пріема у царя для выясненія значенія боевыхъ приготовленій на Востокѣ, съ нимъ въ XX-мъ вѣкѣ поступили совершенно такъ же наивно, какъ поступали триста лѣтъ назадъ съ послами, когда желали затянуть отвѣтъ.

Книга объ этихъ послѣднихъ переговорахъ пестритъ ссылками, въ отвѣтъ послу, на недосугъ царя. То онъ отбылъ на охоту и вернется лишь черезъ недѣлю; то готовится къ св. причастію и никого не принимаетъ; то нездоровъ; то приметъ въ такой то день. Но, когда наступалъ назначенный день, Николай прятался отъ посла за спиной чиновничества, какъ задолжавшій офицеръ его гвардіи отъ сапожника и портного со счетами за спиной своего денщика. Камарилья, къ этому времени вполнѣ спѣвшаяся и изучившая царя до корней его темперамента, дѣйствовала открыто, увлекая русскаго самодержца въ грязь, изъ которой ему уже никогда не суждено было выбраться*).

Здѣсь надлежитъ намъ показать и тѣ черты Николая, на которыхъ играли его приближенные, и которыя привели Россію къ переживаемому ею и теперь лихолѣтью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Потаканье невѣжеству Николая. — Его набожность и устарѣлыя религіозныя понятія. — Аудіенція Л. Л. Толстого. — Клопіада. — Незадачи съ наслѣдникомъ. — Переходъ къ увлеченію спиритизмомъ, понимаемомъ, какъ колдовство. — Филиппъ. — Справка Рачковскаго о судимости этого шарлатана. — Награды Филиппу. — Письмо Николая къ Лубэ. — Использованіе легенды о старцѣ. — Обычная подкладка извлеченія труповъ монаховъ. — Курская исторія. — Губернаторъ Милютинъ. — Серафимовы мощи. — Отказъ архіерея въ признаніи ихъ святости. — Смѣна архіерея. — Саровскія торжества. — Русскій чиновничій Лурдъ. — Вакханалія лицемѣрія. — Мода на Серафима. — Убогіе простаки и фарисеи. — Козельскій юродивый „Митька“; казанскій мужикъ. — Отношеніе къ церкви русскихъ царей. — Побѣдоносцевъ и англиканскій епископъ. — Архіерейскія карьеры. — Леонтій Московскій объ Иверской Божіей Матери. — Растраты, хищенія. — Монастырскія имущества. — Отзывчивость монашества къ народнымъ бѣдствіямъ. — Темное царство.

Вокругъ современныхъ монарховъ плетутся тѣ же сѣти, что и въ вѣка ихъ отдаленныхъ предковъ; но въ то время, какъ одни почти не ощущаютъ на себѣ

*) Изъ опубликованныхъ заграницей документовъ, записки гр. Ламсдорфа и оранжевой книги особаго комитета по дѣламъ востока, явствуетъ, впрочемъ, что Николай очень охотно пошелъ навстрѣчу проектамъ своихъ друзей и до самаго открытія военныхъ дѣйствій скрывалъ свою инициативу съ ловкостью византійца; съ тою лишь разницею, что его предки вели двуличную политику, имѣя въ виду благо государства, а царь — свой кошелекъ. Все мельчаетъ на этомъ свѣтѣ!

петель, свитыхъ изъ лести и сплетни, другіе путаются въ нихъ и спотыкаются на своемъ пути; третьи, наконецъ, перестаютъ различать свѣтъ отъ тѣни и охотно драпируются въ навязываемыя имъ качества, становясь посмѣшищемъ прежде всего своихъ же приближенныхъ. Николай Второй и оказался таковымъ.

Какимъ образомъ внѣшніе признаки культа, во дворцахъ такъ же, какъ и на вершинахъ церковнаго управленія, служащіе лишь цѣлямъ представительства, могли привлечь къ себѣ душу Николая, остается непонятнымъ. Въ дѣтствѣ онъ не отличался особой набожностью, а его юношескій образъ жизни и того меньше обѣщалъ развиться піэтизму, столь пригодившемуся для окружающихъ. Возможно, что избавленіе отъ смерти въ Боркахъ, спасеніе отъ японской сабли и другія сильныя впечатлѣнія молодости и способствовали появленію вѣры въ особое покровительство божества; при томъ искусствѣ, съ которымъ духовники царей связываютъ это воображаемое покровительство съ обрядностью и церковными таинствами, немудрено было использовать подходящую почву и заложить въ сознаніи Николая черты, логически приведшія его, черезъ открытія мощей и паломничества, къ спиритизму и гаданью.

Типы ханжей, не различающихъ вѣры отъ суевѣрія и религіи отъ обрядности, въ русской интеллигенціи отсутствуютъ, и даже среди крестьянской молодежи не встрѣчается теперь того невѣжества, что еще царитъ въ мелко-буржуазномъ обществѣ захолустныхъ уѣздныхъ городковъ, словно упавшихъ съ поѣзда прогресса и обреченныхъ умиранію. Съ этими то косными, ничтожными и пассивными элементами своихъ подданныхъ оказался на одномъ уровнѣ и русскій самодержецъ. Подобно имъ, онъ аккуратно выполнялъ всѣ положенные церковью обряды и вертѣлъ столы тотчасъ послѣ обѣдни. Подобно имъ, онъ умилялся въ положенные дни надъ крестными муками Христа и радовался избіеніямъ своихъ единовѣрцевъ и страданіямъ своихъ единоплеменниковъ.

Нечего и говорить, что этотъ врожденный аморализмъ былъ, какъ нельзя болѣе, подъ стать самому грубому, открытому вліянію, и что такой практикъ, какъ Плеве, не могъ пройти мимо свойствъ монарха, сулившихъ ему полную побѣду надъ нимъ.

Но пока Николай попался въ его лапы, прошло еще не мало времени, когда его слабымъ умомъ и больной волей вертѣли менѣе ловкіе пальцы.

Ни умственная ограниченность, однако, ни безволіе не мѣшали царю глубоко задумываться надъ коренными вопросами правленія. Сквозь сомкнутые ряды придворныхъ, сквозь цѣпи охраны, сквозь листву парковъ до него доносился смутный гулъ жизни Россіи, въ которомъ даже неопытное ухо улавливало дисгармонію нотъ недовольства и отчаянія съ фанфарами благополучія, разыгрываемыми на министерскихъ трубахъ. Отъ времени до времени царь дѣлалъ даже попытки нащупать твердую почву на пути къ своему народу, но всякій разъ они кончались смѣшно и неудачно. Такъ, онъ далъ однажды аудіенцію сыну графа Льва Толстого, Льву Львовичу, извѣстному по литературѣ подъ кличкой Тигра Тигровича. Это былъ не вполнѣ уравновѣшенный, какъ и всѣ дѣти великаго писателя, человѣкъ, въ глубинѣ души завидовавшій славѣ отца, но совершенно бездарный. Свиданіе продолжалось около двухъ часовъ, времени было достаточно, чтобы поговорить о серьезныхъ матеріяхъ. И дѣйствительно, бесѣда коснулась, въ концѣ концовъ, формы правленія. Толстой имѣлъ мужество указать на неизбѣжность конституціи. Царь, какъ часто и потомъ дѣлалъ, увѣрялъ, что его останавливаетъ лишь клятва, данная въ Успенскомъ соборѣ во время коронованія, поддерживать самодержавіе. Впослѣдствіи на этой именно чертѣ отлично сыграли главари черныхъ сотенъ, и вопросъ о самодержавіи, къ радости чиновничества, сталъ поперекъ свободнаго развитія конституціонныхъ учрежденій. Гр. Толстой, подъ конецъ разговора значительно осмѣлѣвшій, сталъ призывать царя къ опрощенію, не убивать животныхъ, не курить, не пить вина. Діалогъ принялъ комическій характеръ и результатовъ никакихъ по себѣ не оставилъ.

Затѣмъ, въ одинъ изъ голодныхъ годовъ, а ихъ въ Россіи до 1909-го было подрядъ пятнадцать, — къ Николаю подпустили нѣкоего Клопова, неизвѣстнаго и ничтожнаго, но обуреваемаго мыслью спасенія родины человѣка. Здѣсь дѣло такъ

Возвращеніе изъ Чудова монастыря въ Москву,
куда привозилъ царя Сипягинъ, чтобы помолиться о дарованіи царицѣ сына. Плеве саровскими мощами только подражалъ своему убитому предшественнику.

пошло на ладъ, что царь далъ Клопову почти неограниченныя полномочія по обслѣдованію голодающихъ губерній. Но такъ какъ ревизія такого рода менѣе всего могла нравиться министру внутреннихъ дѣлъ, то немедленно были преподаны администраціи соотвѣтствующія инструкціи, и „Клопіада“, — какъ окрестили недолгую эпопею въ Петербургѣ, — кончилась такъ же плачевно, какъ и всѣ попытки Николая дѣйствовать помимо чиновниковъ. Чужіе смычки допускались только на религіозную струну, но царь даже и въ этомъ не могъ слѣдовать влеченіямъ своей души, подчиняясь постороннимъ вліяніямъ.

А душа все время находилась въ смятеніи. Поздній бракъ, а главное непрерывный рядъ дочерей и отсутствіе сына дѣлали шаткимъ положеніе престола, около котораго начали уже разыгрываться аппетиты боковыхъ линій. Что то комическое было въ этомъ постоянствѣ рожденій дѣвочекъ; свѣтъ встрѣчалъ бѣдныхъ малютокъ хохотомъ. Огорченный царь катался по ночамъ въ лодкѣ по Невѣ, разсѣивая на влажномъ просторѣ точившую его грусть. Царица со слезами отворачивалась отъ комочковъ мяса въ кружевахъ, и ея молоко было всегда отравлено досадой и дурнымъ настроеніемъ духа. Оба родители становились суевѣрны, видя злой перстъ судьбы несходящимъ со своей жизни. И когда умеръ, уткнувшись лицомъ въ шоссейную канаву, — чахоточный Георгій, у новаго наслѣдника, Михаила Александровича, былъ отнятъ традиціонный титулъ „цесаревича“, изъ суевѣрной боязни, какъ говорили, что титулъ этотъ помѣшаетъ появленію на свѣтъ мальчика. Напрасно Сипягинъ возилъ злополучную пару на поклонъ московскимъ святынямъ, увѣряя, что это поможетъ прекращенію дождя дѣвочекъ. Святыни угрюмо молчали, тѣла монаховъ, лежащія въ открытыхъ гробахъ, и пальцемъ не пошевелили въ отвѣтъ на горячія мольбы Николая и Александры. И, отвратившись отъ реликвій православія, они съ легкимъ сердцемъ примитивныхъ натуръ, усѣлись въ Крыму вертѣть столики, колдовать въ обществѣ французскаго окультиста, Филиппа, къ общему смущенію и смѣху.

Появленію въ Россіи Филиппа предшествовала такая исторія: Въ Парижѣ въ то время служилъ политическимъ агентомъ, проще — шпіономъ, нѣкій Рачковскій, впослѣдствіи занявшій такое видное мѣсто въ исторіи русской провокаціи. На его обязанности, между прочимъ, лежало и доставленіе справокъ обо всѣхъ французахъ, отбывавшихъ въ Россію для надобности Двора. И вотъ добросовѣстный шпіонъ достаетъ четыре справки объ уголовной судимости Филиппа и аттестуетъ его Двору, какъ простого мошенника, по которому, какъ въ Россіи говорятъ, — „Сибирь плачетъ“. Эффектъ получился неожиданный: царь, уже наладившійся колдовать появленіе наслѣдника, не хотѣлъ вѣрить справкѣ, разсердился на Рачковскаго и впервые на собственной кожѣ почувствовалъ неудобства шпіонажа. Конечно, уголовное прошлое не помѣшало Филиппу найти широкое гостепріимство у русскаго императора, ибо здѣсь много было людей того же преступнаго уровня. Никто другъ за друга не краснѣлъ, всякіе новые пальцы крѣпко переплетались съ уже замкнувшимися.

Наступилъ, однако, моментъ, когда чародѣйства Филиппа должны были закончиться. Царица была вновь беременна, и по всему выходило, что мальчикомъ. Обласканный, осыпанный деньгами и награжденный крупнымъ орденомъ, французскій шарлатанъ отправился во-свояси. Упорно говорили, что царь написалъ, по его просьбѣ, письмо президенту Лубэ, въ которомъ рекомендовалъ своего новаго и „ученнаго“ друга вниманію французской академіи наукъ. Но для „alliance“ было довольно милліардовъ, ссуженныхъ Россіи, чтобы еще наводнять ученыя учрежденія Франціи колдунами по рекомендаціи царя. Просьба Николая не была исполнена, и Филиппъ обратился къ своей обычной кліентурѣ и очереднымъ конфликтамъ съ французскимъ уголовнымъ кодексомъ.

На этотъ разъ царица родила даже не дѣвочку, а вовсе ничего (fausse-couche). Наступило временное разочарованіе въ столоверченіи, предсказаніяхъ и гаданьѣ. Мѣсто ихъ снова заняли попы, которымъ, понятно, и въ голову не приходило дѣлать огорченный видъ или указывать царю на соблазнъ, идущій отъ его спиритическихъ занятій по всей странѣ. Они спѣшили использовать свой моментъ и были счастливы найти въ Плеве, въ это время забравшемъ полную силу, хорошаго союзника. Паломничества по монастырямъ уже не годились, безсиліе старыхъ мощей не внушало

„Іордань“,
мѣсто, гдѣ совершается освященіе воды въ день крещенія, 6. января, на Невѣ, противъ Зимняго дворца. Фотографія снята за нѣсколько минутъ до артиллерійскаго салюта, когда одно изъ орудій оказалось заряженнымъ картечью, которая и просвистѣла надъ головами царя и свиты.

къ себѣ довѣрія. Нужно было открыть новыя, самыя чудодѣйственныя, самыя свѣжія, такъ сказать, мощи. По счастію, не только имѣлся на лицо кандидатъ изъ числа неканонизированныхъ монаховъ, но и легенда, которую легко было связать съ затѣвавшимся религіознымъ торжествомъ.

Въ роду царя передавалось, со словъ будто бы очевидца, о существованіи предсказанія Серафима, отшельника въ Саровѣ (Тамбовской губерніи), которое относилось къ ряду будущихъ царствованій. Самый текстъ предсказанія былъ, якобы, записанъ однимъ отставнымъ генераломъ и, по соображеніямъ Александра III-го,

Великая Кн. Елисавета Ѳедоровна

слѣдуетъ за крестнымъ ходомъ вокругъ собора въ день торжества 12-го іюня 1909 г. въ Казинѣ при открытіи мощей Св. Анны. Позади Беннигсенъ, тверской губернаторъ.

долженъ былъ находиться въ архивѣ жандармскаго корпуса, бывшемъ одновременно какъ бы архивомъ самодержавія. Поиски не привели, однако, ни къ чему. Тогда догадались обратиться въ департаментъ полиціи, и здѣсь желанная бумага нашлась. Къ этому моменту неблагополучно вступилъ на престолъ и тотъ царь, о которомъ значилась самая интересная часть серафимова прорицанія.

„Въ началѣ царствованія сего монарха, — говорилось тамъ, — будутъ несчастія и бѣды народныя. Будетъ война неудачная. Настанетъ смута великая внутри государства, отецъ подымется на сына и братъ на брата. Но вторая половина правленія будетъ свѣтлая и жизнь государя долговременная".

На суевѣрнаго человѣка подобный документъ долженъ былъ оказать тѣмъ большее воздѣйствіе, что совпадалъ съ дѣйствительностью. Правда, война и ре-

Сцены во время открытія мощей св. Анны въ гор. Кашинѣ.

Какъ извѣстно, святая эта была старовѣркой, и православные попы, желая обратить мощи всецѣло въ свою пользу, вышили третій палецъ на покровѣ гроба, гдѣ Анна изображена крестящейся двумя пальцами, какъ старовѣрка. Продѣлка не удалась, и пришлось часть останковъ Анны отдать старовѣрамъ. Въ Твери, между прочимъ, возникъ судебный процессъ по аналогичному поводу. На базарѣ сцѣпились торговцы платьемъ, евреи и русскіе; послѣдніе укоряли евреевъ въ мошенничествѣ, но тѣ закричали: „Мы то честно шьемъ, а вотъ ваши портные вашему Мишкѣ (св. Михаилу Тверскому) штаны укоротили!“ На судѣ выяснилось, что дѣйствительно, мощамъ Михаила сшили чрезмѣрно короткіе панталоны, укравъ кусокъ матерьяла, и евреи были оправданы, такъ какъ самое слово „Мишка“ въ устахъ нехристіанъ не было кощунствомъ, а фактъ нечестности русскихъ портныхъ установленъ.

волюція были еще впереди, но Ходынка, голодъ, студенческое и рабочее движеніе, аграрные безпорядки въ Полтавской губерніи, — все это, какъ нельзя болѣе, подходило къ первой части предсказанія.

Серафимъ отличался вліяніемъ на простодушную православную массу. Его отшельническій образъ жизни, долгія стоянія на камнѣ, погруженія въ ледяную воду, добродушіе, молитвенность, — все привлекало въ основанную имъ пустынь ищущихъ утѣшенія церкви людей. Послѣ его смерти монастырь имѣлъ всѣ основанія расчитывать со временемъ на канонизацію Серафима, и столѣтній срокъ, необходимый для пребыванія будущихъ мощей „подъ спудомъ", т. е. подъ землей, по справедливости могъ быть сокращенъ для столь выдающагося слуги Господа.

Все это было учтено Плеве. Онъ зналъ, что монахи, ради выгодъ, которыя сулятъ монастырю торжества и обязательныя чудеса при открытіи мощей, не будутъ слишкомъ педантичны и отступятъ отъ церковныхъ правилъ, если это понадобится. Министру лучше, чѣмъ кому другому, была извѣстна обычная подкладка открытія мощей, служившихъ къ подкрѣпленію не столько православія, сколько монастырскихъ средствъ. Характерно въ этомъ отношеніи дѣло о покушеніи на икону въ курскомъ монастырѣ, случившееся почти одновременно съ саровскими торжествами. Икона считалась чудотворной, но притокъ богомольцевъ сталъ почему то убывать. Время начиналось смутное; то здѣсь, то тамъ вспыхивали небольшія волненія, министровъ убивали. Монахи и задумали, поэтому, симулировать террористическій актъ, направленный противъ святыни. Задача была легка, но техника требовала большой ловкости, такъ какъ нужно было произвести взрывъ съ такимъ расчетомъ, чтобы все кругомъ образа разрушить, а образъ оставить невредимымъ. Чудо явилось бы воочію, дѣла монастыря поправились бы. Подъ иконой былъ прикрѣпленъ прочный металлическій щитъ, который долженъ былъ направить силу взрыва въ безопасномъ направленіи. Ночью монахи заложили свой динамитъ, зажгли шнуръ, и Курскъ былъ разбуженъ оглушительнымъ трескомъ. Немедленно явились власти, не бывшія въ заговорѣ, а поэтому злополучный предохранительный щитъ фигурировалъ въ первыхъ же строкахъ слѣдственнаго производства, явно указывая на причину и авторовъ хитрой выдумки. Дѣло постарались замять, но губернаторъ Милютинъ (сынъ фельдмаршала), не выходившій никогда изъ пьянаго состоянія, любилъ разсказывать о продѣлкѣ монаховъ, платившихъ ему за то открытой ненавистью.

Въ Саровѣ не было надобности въ уголовныхъ деталяхъ, но дѣло все же не обошлось безъ нарушенія закона, на этотъ разъ церковнаго. Дѣло въ томъ, что совершенно необходимымъ условіемъ признанія трупа за мощи является его нетлѣнность. Аскетическій образъ жизни такихъ монаховъ и почвенныя условія монастырскихъ кладбищъ, располагаемыхъ обычно въ песчаныхъ мѣстахъ, парализуютъ процессъ гніенія, и черезъ извѣстное число лѣтъ трупъ усыхаетъ, превращаясь въ коричневую массу съ полнымъ обликомъ человѣка. Въ одной изъ пещеръ Кавказа были найдены сразу семь такихъ мощей, которыя и были расхватаны мѣстными православными и старообрядческими общинами для своихъ храмовъ. Вскорѣ, впрочемъ, обнаружилось, что это лишь трупы извѣстной шайки разбойниковъ, загнанныхъ нѣкогда въ пещеру и умершихъ тамъ отъ истощенія.

Итакъ, былъ полный расчетъ на нетлѣнность Серафима. Но каково же было общее изумленіе, когда въ гробу оказался простой скелетъ съ истлѣвшими волосами и клочками савана, вмѣсто благообразнаго старца, какимъ положили въ гробъ саровскаго праведника! Мѣстный архіерей, скандализированный плачевнымъ состояніемъ останковъ Серафима, отказался подписать протоколъ, въ которомъ говорилось объ ихъ нетлѣнности. Но такая мелочь, какъ мнѣніе высшаго представителя церкви, не могла, разумѣется, остановить Плеве, и непокорный архіерей, послѣ безуспѣшнаго увѣщанія, былъ просто замѣненъ болѣе податливымъ.

Вскорѣ состоялось и самое торжество. Чтобы угодить царю, всѣ приближенные старались пожертвовать что нибудь новому угоднику. Лампады, ковры, всякія украшенія стекались въ счастливый монастырь вмѣстѣ съ богомольцами, заранѣе предвкушавшихъ великолѣпіе церковныхъ служеній, обиліе трапезы, созерцаніе чудесныхъ исцѣленій. Калѣки, убогіе, эпилептики, ревматики съѣзжались со всѣхъ окрестныхъ

Въ Саровѣ.

Въ ожиданіи царскаго прохода. Направо виденъ извѣстный босоногій странникъ Василій, на жезлѣ котораго цѣлая коллекція золотыхъ вензелей высокопоставленныхъ особъ, въ томъ числѣ и Николая (по намекамъ Василія).

Въ Саровѣ.
Лагерь богомольцевъ.

Въ Саровѣ.
Царь обходитъ ряды богомольцевъ, впереди которыхъ стоятъ переодѣтые сыщики и агенты охраннаго отдѣленія.

губерній, и полиціи было не мало трудовъ регулировать это непрерывное стеченіе народа. Погода благопріятствовала. Поля, покрытыя жалкою растительностью, избы, изъ коихъ утварь была продана за недоимки, истощенные голодовками люди, грязныя дѣти, — все было скрыто соотвѣтствующими декоративными измышленіями, которыя такъ хорошо разработаны для обмана великихъ міра сего. Царь, искренне увлеченный всѣми перипетіями канонизаціи, молился въ церквахъ, у камней и источниковъ воды, носилъ образа и дубовую колоду съ серебряными украшеніями, въ которую положили скелетъ Серафима, и думалъ вѣрно, что и все вокругъ съ тою же свѣтлой радостью и надеждой поклоняется новоявленнымъ святымъ мощамъ. Но, кромѣ боль-

Прудикъ, въ которомъ купался нѣкогда Серафимъ.
Царь, а за нимъ и всѣ другіе, продѣлали обрядъ купанія.

ныхъ и наивныхъ крестьянъ, здѣсь не было, быть можетъ, ни одной души, ни одного сердца, бившагося въ контактѣ съ царевымъ. Всѣ, начиная съ хитрыхъ монаховъ и Плеве и кончая послѣднимъ лакеемъ свиты, таили про себя свои думы, учитывали настоящіе или будущіе барыши царской „простоты“ и боялись пропустить всякій лишній случай демонстраціи своего усердія и религіозности. Надъ скромнымъ гробомъ отшельника, такъ хорошо знавшаго цѣну людямъ, отъ которыхъ онъ скрывался въ сосновомъ бору Сарова, разыграна была настоящая вакханалія лукавства, лицемѣрія, двоедушія, всяческаго обмана. Казалось, именно здѣсь, подъ кровомъ святости, разверзлась вся бездна человѣческой порочности, и монастырскіе колокола несли вѣсть о неслыханномъ глумленіи надъ вѣрой въ безоблачныя небеса, къ престолу самого божества!

Царь уѣхалъ, выкупавшись въ прудикѣ Серафима, успокоенный и за появленіе наслѣдника, и за наступленіе свѣтлой половины своего правленія. Но пророчество Серафима не все еще было исполнено судьбой, и, не во время потревоженный, онъ

какъ бы самъ готовился принять участіе въ разгромѣ, уже подготовлявшемся въ то время языческой Японіей.

Всѣ, кто не могъ или не успѣлъ быть въ Саровѣ съ царемъ, спѣшили съѣздить потомъ и довести о своемъ подвигѣ непосредственному начальству. Тамбовскій монастырь сталъ настоящимъ чиновничьимъ Лурдомъ, гдѣ вымаливались мѣста, чины, ордена, сокрытія преступленій, и все за счетъ вѣры Николая въ чудесную силу серафимовскихъ костей.

Тѣмъ временемъ монахи спѣшили наживаться. Изображенія Серафима изготовлялись тысячами, его жизнеописанія и виды разныхъ мѣстъ монастыря широкой

Въ Саровѣ.
По дорогѣ къ главному храму. Молитвенное настроеніе.

волной лились въ провинцію, разнося славу мощей и дѣлая имя Саровскаго старца модньмъ именемъ. Въ его честь сооружались образа, часовни, храмы, благотворительныя учрежденія. Отъ него всѣ вѣрующіе ожидали чудесъ, а невѣрующіе боялись критически относиться къ общему увлеченію. Но все скоро проходитъ въ этомъ мірѣ. Наслѣдникъ не появлялся, война и смута приближались, чиновники новыхъ милостей не получали. И постепенно мода начала проходить, рѣже появлялись въ Саровѣ важные богомольцы, и оно возвращалось къ своей прежней скромной роли мѣстной святыни. Наконецъ, и во дворцѣ начали забывать недавній подъемъ вѣры, пока не наступила новая реакція, снова бросившая царя въ объятія шарлатановъ.

Эта постоянная потребность эмоцій мистическаго характера не могла быть простымъ результатомъ бездѣлья и пустоты придворной жизни. Вѣроятнѣй, что царя не переставали волновать вопросы, непосильные его уму и казавшіеся поэтому

вообще недоступными человѣческому воздѣйствію потусторонними проблемами. И если святые и попы не могли объяснить и рѣшить ихъ, то, быть можетъ, были въ русской землѣ другіе люди, на которыхъ премудрый Творецъ возложилъ бремя полнаго знанія? Оставалось найти такихъ людей, и камарилья скоро угадала это душевное стремленіе Николая.

Въ Козельскомъ уѣздѣ Калужской губерніи расположена живописная Оптина пустынь, нынѣ разросшаяся въ огромный монастырь. Она славилась, благодаря отшельнику Амвросію, дававшему совѣты, утѣшавшему въ скорбяхъ, умѣвшему говорить

Макарьевская пустынь,

Новгородской губ. Проповѣдь любимца православнаго населенія, Арсенія; какъ видно, слушателей не такъ много. Паденіе религіознаго чувства въ народѣ особенно рѣзко сказалось въ 1900—1910 гг.; но духовенство и правительство ничего не извлекаютъ изъ этого предметнаго урока.

и съ крестьянской бабой, и съ великимъ княземъ. Послѣ его смерти дѣла монастыря значительно пошатнулись; нужно было, за отсутствіемъ святого, изобрѣсти его. Тутъ же, въ городѣ Козельскѣ, нашелся и замѣститель Амвросію, юродивый мѣщанинъ Митька, съ дѣтства лишенный членораздѣльной рѣчи, постоянный клієнтъ монастыря. Нашелся другой мѣщанинъ, Ельпидифоръ, который заявилъ, что ему данъ даръ пониманія митькинаго воя, и, такъ какъ провѣркѣ такое заявленіе не подлежало, ему охотно повѣрили. Съ той поры оба мѣщанина перекочевали на постоянное житье въ монастырь, и богомольцы начали разносить славу новаго блаженнаго, въ непонятные звуки котораго, столь же непонятно толкованные переводчикомъ, можно было вкладывать тѣмъ болѣе смысла и значенія, чѣмъ они были безсмысленнѣй.

Царь никогда не узналъ бы о Митькѣ, еслибъ его флигель-адъютантъ, Николай Оболенскій, не былъ козельскимъ помѣщикомъ, и если бы в. князь Константинъ не

жилъ нѣсколько лѣтъ подрядъ вблизи Оптиной Пустыни на дачѣ. Другой братъ Оболенскаго, считавшійся почему то другомъ философа Владиміра Соловьева, съ которымъ онъ на самомъ дѣлѣ не имѣлъ ничего общаго, занимался, — для виду или искренне, это безразлично, — религіозными вопросами и былъ короткое время оберъ-прокуроромъ синода. Этихъ господъ было слишкомъ довольно для того, чтобы Митька могъ очутиться въ Царскомъ Селѣ. Съ Митькой привезли и долмача (переводчика). Обоихъ вымыли, одѣли и показали Николаю. Митька, увидавъ царя, замычалъ. Спросили мѣщанина Ельпидифора: что это значитъ? Тотъ, видимо приготовившись, отвѣтилъ довольно удачно:

„Дѣтей повидать желаетъ."

Чадолюбивому царю это очень понравилось, и дѣтей немедленно вывели. Взглянувъ на такую милую и веселую компанію, юродивый дико завопилъ и проявилъ даже нѣкоторое возбужденіе, которое переводчикъ не замедлилъ объяснить.

„Чаю съ вареньемъ проситъ", — сказалъ онъ. Нелѣпость объясненія кинулась даже въ близорукіе глаза царя. Чаю дали, подержали нѣкоторое время во дворцѣ и отправили на родину. Но всего примѣчательнѣе то, что, спустя нѣкоторое время, Митьку вновь выписали для какихъ то дѣйствій. На второмъ визитѣ слава его, впрочемъ, и погасла. При дворѣ началъ орудовать новый святой, казанскій мужичокъ. Этотъ былъ одаренъ всѣми нужными для тонкаго шарлатана свойствами и такъ ловко использовалъ поголовное невѣжество и нравственную испорченность камарильи, что устроился и самъ хорошо, и чиновниковъ въ лучшія мѣста выводилъ. Одно время многія назначенія шли черезъ него. Неотразимымъ пріемомъ его было

Странникъ Антоній,
любимецъ черныхъ сотенъ. Во время первой Думы призывался къ царю для подачи мудрыхъ совѣтовъ.

выплевываніе изъ своего рта въ ротъ какой-нибудь придворной ханжи такъ называемаго „причастія“. Трудно вѣрится всему этому, но факты слишкомъ общеизвѣстны, чтобъ могло возникнуть сомнѣніе въ нихъ.

Здѣсь уже упоминалось о нейтральномъ отношеніи православной церкви къ занятіямъ царя, бывшимъ, съ ея точки зрѣнія, кощунственными и еретическими. Время патріарховъ, дерзавшихъ дѣлать указанія свѣтскимъ властителямъ, миновало; выгоды матерьяльнаго характера связали накрѣпко духовенство съ чиновничествомъ, а царь былъ узломъ, на которомъ держалась и вся работа. Въ этомъ союзѣ всякій воленъ былъ жить, какъ хочетъ, и слѣдовать любымъ влеченіямъ, лишь бы внѣшность оставалась неизмѣнной.

Всякое постороннее вліяніе отстранялось, поэтому, дружно и ревниво, Такъ, когда еще въ царствованіе Александра III-го, въ Россію прибылъ одинъ изъ епископовъ англиканской церкви съ разумнымъ и выгоднымъ для православія проектомъ соединенія этихъ церквей, Побѣдоносцевъ категорически отказался, за свой синодъ, отъ всякаго обсужденія предложенія. Когда же епископъ неосторожно упомянулъ о своемъ намѣреніи поговорить о дѣлѣ съ царемъ, оберъ-прокуроръ съ достоинствомъ отвѣтилъ: „Государь относится къ церкви, какъ сынъ къ матери“!

Епископъ отъѣхалъ ни съ чѣмъ, а въ управляемой Побѣдоносцевымъ церкви продолжали развиваться привитыя имъ черты, среди которыхъ атеизмъ стоялъ на первомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, нигдѣ такъ не развиты атеистическія воззрѣнія, кощунство, пренебреженіе къ самымъ основамъ христіанства, нигдѣ самое имя галилейскаго учителя не служитъ такъ часто темой насмѣшекъ и непристойныхъ куплетовъ, какъ въ русскихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Отсюда будущіе священники несутъ эти разлагающія черты къ престоламъ своихъ алтарей и далѣе, въ самые верхи православія. Архіерейскіе и митрополичьи посты давно сдѣлались чиновничьими мѣстами, которыхъ жадно добиваются духовные карьеристы, и при замѣщеніи которыхъ связи играютъ такую же роль, какъ и скрытые виды оберъ-прокурора.

Русская церковь давно уже привыкла видѣть въ своей главѣ людей, отличавшихся отъ спящихъ въ кремлевскихъ соборахъ патріарховъ, какъ только воръ и развратникъ можетъ отличаться отъ безсеребренника и аскета.

Когда въ селѣ Ильинскомъ умирала отъ послѣродовыхъ судорогъ несчастная жена в. к. Павла, Александра Георгіевна, въ Москвѣ былъ поднятъ вопросъ о посылкѣ въ Ильинское чудотворной иконы Иверской Божіей Матери, первой изъ московскихъ святынь. Къ митрополиту Леонтію явился почтенный протоіерей, ученый богословъ, съ просьбой о разрѣшеніи взять икону. Леонтій, ухмыляясь, смотрѣлъ на ученаго попа, потомъ, взявъ его за висѣвшій на груди крестъ, спросилъ:

„Это что у тебя?“

— Магистерскій крестъ, Ваше Высокопреосвященство, — отвѣчалъ священникъ.

„Вижу, что магистерскій, вижу . . . Магистръ, магистръ, — насмѣшливо продолжалъ Леонтій, — а еще толкуешь: чудотворная икона. Эхъ, ты! . . .“

То, что позволилъ себѣ сказать попу циникъ и эротоманъ Леонтій, другіе скрывали про себя, продолжая морочить легковѣрныхъ къ своей выгодѣ и вліянію. Архіереи продолжали расхищать епархіальныя имущества (Смоленскъ, Тифлисъ, Новгородъ и др.), которыя потомъ переходили въ частныя коллекціи (кн. Тенишевой, въ с. Талашкинѣ, и др.), или исчезали безслѣдно въ лавкахъ старьевщиковъ. Монастыри попрежнему оставались общинами тунеядцевъ, гдѣ царили пьянство, обжорство, развратъ, и гдѣ народныя бѣдствія, — какъ голодъ и эпидеміи, и народныя нужды, — какъ образованіе и медицина, вызывали не болѣе сочувствія, чѣмъ въ папуасахъ Новой Гвинеи. Народъ все болѣе и болѣе отворачивался отъ своихъ пастырей и, отождествляя ихъ съ религіей, отъ самой религіи, такъ же, какъ отождествляя чиновничество съ царемъ, онъ отворачивался и отъ царя. Сумерки безправія и безвѣрія все болѣе сгущались надъ Россіей, и это темное царство все болѣе отставало отъ прогресса человѣчества, пока не стало, наконецъ, и ему мѣшать, какъ постоянный очагъ революціи.

Общая исповѣдь въ Кронштадтскомъ Соборѣ
при Иванѣ, когда простодушная паства входила въ религіозный экстазъ и громко выкликала грѣхи свои.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Порядочные люди мало по малу устраняются. — Возвышеніе Трепова. — Высокія связи. — Покушеніе на него. — Переводъ въ Петербургъ. — Блестящая атмосфера для развитія его способностей. — Погромы времени Плеве. — Кишиневъ, Гомель. — Письмо Плеве къ губернатору Раабену попадаетъ въ „Times". — Вопросъ Стэда и отвѣтъ ему министра.

БИБЛИОТЕКА ЦК В.К.П.(б) МОСКВА

То же, что въ духовномъ вѣдомствѣ, происходило и во всѣхъ гражданскихъ. Повсюду честные и способные люди устранялись искусственно или сами торопились уйти, предпочитая скромную службу въ земствѣ или частныхъ учрежденіяхъ чиновничьей карьерѣ. Случаи открытія хищеній были рѣдки, являясь скорѣй результатомъ неосторожности, надъ которой всѣ смѣялись и никто не негодовалъ, нежели дѣйствій слѣдственной власти. Тамъ, гдѣ продавались казенные лѣса директорами департаментовъ, брались взятки министрами юстиціи, не преслѣдовались растраты капиталовъ, собранныхъ народомъ на памятникъ Царю - Освободителю, и гдѣ великіе князья подавали примѣръ общему стремленію грабить казну, тамъ не было мѣста порядочнымъ людямъ, порядочнымъ чиновникамъ. Легкія деньги толкали на легкій образъ жизни, и большіе города сдѣлались одновременно центрами общественнаго развращенія. Изрѣдка развѣ раздавался выстрѣлъ, которымъ сановный хищникъ сводилъ счеты съ жизнью, и еще рѣже судъ видѣлъ передъ собой лицо чиновника.

Ген. Треповъ,
бывшій диктаторъ, безъ образованія, безъ способностей вышедшій изъ ничтожной среды кавалерійскаго полка въ настоящіе самодержцы. Организаторъ октябрскихъ погромовъ, круто измѣнилъ тактику въ 1906 году, совѣтуя царю отдаться оппозиціи. Потерялъ за это любовь и вліяніе и умеръ отъ маніи преслѣдованія, оставленный на смертномъ одрѣ Николаемъ.

Въ этой атмосферѣ легко жилось и дышалось только тѣмъ, кто весь безъ остатка отдавался во власть чиновничеству или пристраивался въ ревнивые ряды камарильи. Придворная служба продолжала быть прямой дорогой къ вліянію на царя, и здѣсь рука объ руку шествовали выскочки, вродѣ Витте и Плеве, съ Рюриковичами и потомками любовниковъ Екатерины II-ой; умные авантюристы обнимались съ ограниченными, рядовыми членами царской свиты. Здѣсь языкъ былъ данъ для лжи, глаза для угадыванія выраженія лица, уши для подслушиванія, ноги для подставленія ихъ другимъ. Здѣсь все было дурно направлено, и нельзя было оставаться незараженнымъ общимъ порокомъ никому. Отсюда выбрасывались, какъ негодный элементъ, такіе люди, какъ кн. Павелъ Долгоруковъ, А. А. Мухановъ, Сабуровъ и др., извѣстные обществу за честныхъ, прямыхъ, преданныхъ монархическому принципу дѣятелей. Ихъ мѣста занимались Валями, Клейгельсами, Треповыми.

Послѣдняя фамилія была представлена всѣми сыновьями бывшаго петербургскаго градоначальника, генерала Трепова, въ котораго стрѣляла Вѣра Засуличъ. Всѣ они сдѣлали блестящія карьеры, несмотря на чрезвычайно скромныя способности, но далѣе братьевъ пошелъ Дмитрій Треповъ, красивый офицеръ конной гвардіи. Еще

въ полку онъ проявлялъ свои полицейскія наклонности, разслѣдуя шашни полковой молодежи и копаясь въ грязномъ бѣльѣ товарищей. Но карьера ждала его не въ строю, а въ администраціи, и съ момента назначенія Трепова московскимъ обер-полицеймейстеромъ звѣзда его восходитъ съ быстротой, которой завидуютъ сверст-

Тѣла убитыхъ при Кишиневскомъ погромѣ евреевъ.
Доселѣ живетъ версія объ иниціативѣ Плеве; письмо его объ устройствѣ погрома, найденное въ столѣ губернатора ф.-Раабена, было помѣщено въ Times'ѣ

ники. При дворѣ велик. князя Сергѣя и даже въ его семьѣ Треповъ становился своимъ человѣкомъ, равно близкимъ обоимъ супругамъ, равно необходимымъ, и какъ правая рука генералъ-губернатора, и какъ другъ дома. Съ его помощью организуется крестовый походъ на московскихъ евреевъ, и онъ же способствуетъ организаціи благотворительныхъ учрежденій, въ которыхъ желаетъ заниматься Елисавета Федоровна.

Всероссійскій съѣздъ сіонистовъ въ Минскѣ въ 1902 г.

IV съѣздъ представителей Союза полноправія евреевъ, въ маѣ 1906 г. въ Петербургѣ.

Группа дѣятелей въ первомъ ряду: 1) прис. пов. О. О. Грузенбергъ; 2) прис. пов. Г. Б. Слiозбергъ; 3) прис. пов. М. И. Шефтель; 4) пр. пов. М. Каплanъ; 5) прис. пов. И. М. Каплanъ; 6) Н. І. Каценельсонъ (чл. Гос. Думы); 7) Л. М. Брамсонъ (чл. Г. Думы); 8) прис. пов. М. М. Винаверъ (чл. Гос. Думы.); 9) С. Я. Розенбаумъ (чл. Гос. Думы); 10) прис. пов. В. П. Якубсонъ (чл. Гос. Думы); 11) Г. Я. Брукъ (чл. Г. Д.); 12) Вл. І. Темкинъ; 13) Ш. Х. Левинъ (чл. Г. Думы); 14) С. П. Френкель (чл. Г. Думы); 15) пр. пов. М. Л. Гольдштейнъ; 16) Вл. О. Гаркави.

Москва начинаетъ считаться съ ростущимъ вліяніемъ временщика, и всѣ ея прогрессивные круги оказываются подъ давленіемъ этого необразованнаго, тупого и подозрительнаго человѣка; его, наконецъ, оцѣниваютъ и при царскомъ Дворѣ, гдѣ в. князь Сергѣй даетъ своему другу наилучшія аттестаціи. Мысль Трепова стремится туда же, и, пройдя неизбѣжный террористическій стажъ, онъ покидаетъ, наконецъ, Москву для службы въ Петербургѣ. Тамъ, въ самой гущѣ дьявольскихъ махинацій, безпринципность и готовность на всякія преступленія будутъ тѣмъ болѣе оцѣнены, что къ нимъ присоединятся высокія придворныя связи и возможность вліянія на Николая черезъ третье лицо. Здѣсь пройдется и курсъ организаціи погромовъ.

Незадолго до этого времени Плеве, разочаровавшійся въ надеждахъ на дѣйствіе мощей Серафима и не вполнѣ еще увѣренный въ возможности дальневосточной войны, обратился къ традиціонному средству подновленія патріотизма и самодержавія, — къ погромамъ. Въ апрѣлѣ и августѣ 1903 г. произошли два крупнѣйшихъ погрома той эпохи, въ Кишиневѣ и Гомелѣ. Несмотря на то, что въ обоихъ случаяхъ дѣйствовали однѣ и тѣ же причины, не бывшія ни въ какой связи съ еврейскимъ вопросомъ, общее вниманіе сосредоточилось впослѣдствіи главнымъ образомъ на Кишиневскомъ погромѣ. Произошло это потому, что изъ секретнаго стола губернатора Раабена было вынуто, за огромную сумму, собственноручное письмо Плеве, уличавшее его, какъ иниціатора и организатора бойни, жертвой которой оказались нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ Кишинева.

Техника погромовъ теперь извѣстна всѣмъ, и нѣтъ надобности останавливаться на ней. Князь Урусовъ, назначенный въ Кишиневъ тотчасъ послѣ погрома, говоритъ въ своихъ „Запискахъ губернатора“, что нигдѣ въ дѣлахъ департамента полиціи не могъ найти слѣдовъ участія министра внутреннихъ дѣлъ въ устройствѣ погрома. Нужно быть или притвориться наивнымъ, чтобы ожидать оставленія такимъ испытаннымъ конспираторомъ, какъ Плеве, какихъ нибудь прямыхъ уликъ своего преступленія. Письмо къ Раабену остается пока единственнымъ документальнымъ доказательствомъ вины Плеве*). Можно себѣ представить, какъ былъ взбѣшенъ высокопоставленный погромщикъ, когда „Times“ разнесъ по всему міру текстъ этого документа. Губернаторъ Раабенъ былъ неожиданно смѣщенъ. Не зная, что петербургскій корреспондентъ „Times“ былъ не при чемъ въ извлеченіи письма Плеве изъ стола Раабена, и что это было дѣло рукъ мѣстныхъ евреевъ, а уплачено было за письмо однимъ изъ дѣятелей позднѣйшей эпохи освобожденія, Плеве выслалъ корреспондента изъ Петербурга. Мало того! Въ запальчивости онъ потерялъ мѣру власти и заявилъ высылаемому англичанину, что въ лицѣ его онъ наказываетъ газету „Times“. Заявленіе это вызвало гомерическій хохотъ всей англійской прессы, а извѣстный публицистъ Стэдъ обратился къ Плеве съ открытымъ письмомъ въ своемъ журналѣ „Review of Review“.

Что оставалось дѣлать министру?

Сфабриковать отвѣтъ, гдѣ благородное негодованіе сквозило бы въ сдержанныхъ строкахъ государственнаго человѣка, да назначить хорошаго губернатора въ Кишиневъ? Это и было сдѣлано.

Царь былъ во время погрома въ гостяхъ у брата своей жены, гессенъ-дармштадтскаго герцога, который и показалъ ему письмо Плеве въ „Times“. Николай, пока еще сомнѣвавшійся въ томъ, что кровь подданныхъ можетъ укрѣплять абсолютизмъ и династію, выразилъ неудовольствіе. Нѣсколько спустя, когда маленькая принцесса Ирена, дочь великаго герцога, гостившаго у Николая, умерла со всѣми признаками отравленія, разсказывали, что это была месть Плеве царицину брату, и что отрава только не дошла по назначенію. Разумѣется, версія эта маловѣроятна, но она характерна для общественнаго мнѣнія о человѣкѣ, въ фактическомъ управленіи котораго находилась тогда вся Россія.

*) Существуетъ предположеніе, что это письмо апокрифично, но мы имѣемъ свѣдѣнія отъ лица, все время бывшаго въ сношеніяхъ съ самимъ Плеве, которое подтверждаетъ подлинность документа, опубликованнаго впослѣдствіи въ „Times“.

Чтобы доказать свою непричастность къ Кишиневскому погрому, Плеве допустилъ, въ августѣ того же года, погромъ въ Гомелѣ. Въ тѣхъ же „Запискахъ губернатора“ мы находимъ косвенное указаніе на продолжавшееся преступное вліяніе Плеве.

Между этими двумя погромами Плеве далъ убить уфимскаго губернатора Богдановича, какъ это установлено теперь мемуарами жандармскаго генерала Новицкаго. Россія была въ увѣренныхъ въ себѣ рукахъ: террористы работали не только во славу революціи, но и во славу любовныхъ похожденій министровъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Въ ожиданіи войны. — Круговой обманъ. — Двѣ иностранныхъ политики. — Депеши къ Алексѣеву. — 38-ая параллель и традиціонное „Господь съ вами“. — Наивная вѣра въ помощь Бога преступленіямъ. — Жестокое наказаніе ожидаетъ царя. — Стягиваніе войскъ. — Недочеты вооруженія, одежды, продовольствія. — Поздно исправлять. — Послѣднія приготовленія Японіи. — Внутреннія осложненія одновременно съ возникновеніемъ войны. — Аграрные безпорядки въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. — Кн. И. М. Оболенскій и тѣлесныя наказанія. — Лопухинъ знатокъ аграрнаго вопроса. — Плеве сманиваетъ его въ департаментъ полиціи, но поздно и здѣсь что либо исправлять. — Гроза приближается. — Въ Дальнемъ и Портъ-Артурѣ. — Общее веселье и неосвѣдомленность. — Балъ въ Зимнемъ дворцѣ. — Царь о войнѣ съ Японіей. — Обычная обстановка баловъ. — Гдѣ дѣлаются иногда карьеры? — Разсказы графа О. Келлера.

Въ концѣ 1903 года неизбѣжность войны съ Японіей стала настолько очевидной, что приготовленія къ ней почти перестали скрываться*). По оффиціозу военнаго министерства, „Русскому Инвалиду“ (характерное названіе для органа дѣйствующей арміи), можно было слѣдить за комплектованіемъ частей и подготовкой перевозочныхъ средствъ. Эти свѣдѣнія, во всякомъ государствѣ составляющія секретъ, у насъ ни во что не считались, и японцы изъ первыхъ рукъ и безъ расходовъ могли получать всѣ нужныя справки. То же продолжалось и потомъ, во время кампаніи. Но ни желаніе воевать, царившее въ высшихъ сферахъ правленія, ни полная неготовность арміи, ни равнодушіе населенія къ надвигавшейся бѣдѣ не учитывались тогда въ достаточной мѣрѣ общественнымъ мнѣніемъ Россіи. Оно словно преклонялось предъ фатумомъ, ожидая естественнаго хода событій и привыкнувъ за годы реакціи обсуждать ихъ post factum, когда ничего нельзя уже было исправить или предотвратить. Въ значительной степени это равнодушіе общества было кажущимся. Пресса продолжала изнемогать въ непосильной борьбѣ съ цензурой, свободы собраній и слова не существовало. Но если прослѣдить за внутренней жизнью страны въ мѣсяцы, предшествовавшіе войнѣ, мы повсюду натолкнемся на явные признаки серьезнаго броженія умовъ, даже на прямыя приготовленія къ использованію предстоящей кампаніи въ цѣляхъ освободительнаго движенія. Наружный покой былъ весьма обманчивъ, а безгласность только помогала Безобразову, Абаза и Николаю вести свою иностранную политику внѣ зависимости отъ патентованныхъ дипломатовъ. Между резиденціями царя и его азіатскаго намѣстника Алексѣева происходилъ оживленный обмѣнъ телеграммами, изъ которыхъ очевидна роль Николая въ провокаціи столкновенія, казавшагося выгоднымъ и легкимъ. Нѣсколько ниже мы найдемъ и документальное подтвержденіе тому, что, если царя обманывали, то и самъ онъ платилъ тѣмъ же, лишенный чувства отвѣтственности за свои слова.

Алексѣевъ, при всей своей самоувѣренности и неосвѣдомленности, все же зналъ о подготовкѣ Японіи, для которой Корея была нужнѣй, чѣмъ для Россіи, и не рѣшался начинать войну на свой, такъ сказать, страхъ; поэтому нужно было договориться съ Царскимъ Селомъ о томъ, что считать за casus belli, когда нужно обидѣться и заступиться за честь имперіи. Условились на томъ, что если японцы перейдутъ 38-ую параллель сѣверной широты, то Алексѣевъ начинаетъ военныя дѣйствія. Депеша

*) Говорили, въ началѣ 1904 г., будто царь на новогоднемъ пріемѣ дипломатовъ довольно рѣзко далъ понять японскому посланнику, что Россія велика и сильна, и что воевать съ ней онъ не совѣтуетъ.

На Красной площади 12 Іюня 1904 г.
Молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о дарованіи побѣды надъ врагомъ.

Мобилизація въ деревнѣ.
Призывной проситъ міръ не оставить его семьи въ случаѣ его смерти на войнѣ.

царя кончалась традиціоннымъ призывомъ благословенія Божія на русское оружіе и самого намѣстника*). Эта наивная вѣра въ то, что Творецъ всегда озабоченъ русскими дѣлами, хотя бы это были преступленія, какъ дворцовые перевороты Екатерины II-ой, ея внука Александра I-го, или мошенничества, какъ съ концессіями на Ялу, проходитъ красной нитью черезъ всѣ этапы русской исторіи, запечатлѣнные манифестами, указами и депешами царей. И хотя та же исторія неоднократно давала обратные уроки, подчеркивая пораженіями русской политики обязательность для царей и ихъ правительствъ общепринятой морали, мы снова присутствовали въ 1904 году при кощунственномъ привлеченіи Бога къ благополучному завершенію желанной войны, авантюристскій характеръ которой былъ ясенъ, вѣроятно, и для самого Николая.

Жестокое пораженіе ожидало надежды царя, намѣстника и Плеве; оно ожидало и русскія войска, бывшія вѣрнымъ отраженіемъ всѣхъ сторонъ государственнаго режима. Люди же, которые должны были удобрить своею кровью и костями чужую землю, а также и тѣ, что образовали изъ себя отмели въ водахъ Желтаго моря, являлись какъ бы послѣдней жертвой разоренной самодержавіемъ страны, приносимой року за освобожденіе ея отъ этого зла.

Итакъ, солдаты, лошади и пушки тянулись на Востокъ непрерывной вереницей поѣздовъ. Не обращали вниманія на то, что изъ новыхъ орудій не умѣли стрѣлять, и даже офицеры артиллеріи не знали ихъ устройства, въ чемъ в. к. Сергѣй Михайловичъ убѣдился при инспекторскомъ объѣздѣ батарей. Не считались съ такими дефектами обмундированія и обуви войскъ, которые должны были внести болѣзни, ссадины ногъ, обмораживанія и тѣмъ понизить боевую пригодность арміи, ибо правъ былъ великій Наполеонъ, говоря, что „только хорошо одѣтый, обутый, накормленный и выспавшійся солдатъ годенъ для побѣды“. Интенданство готовилось не къ войнѣ, а къ наживѣ за счетъ всеобщаго разоренія. Солдаты хранили угрюмость, офицеры смотрѣли на предстоявшую кампанію, какъ на военную прогулку, и развлекались карточной игрой, виномъ и женщинами, потянувшимися на Востокъ, какъ стая воронъ, чующая обильную поживу. Мало кто обращалъ вниманіе на отсутствіе плановъ, на общее незнакомство съ китайскимъ и японскимъ языками. Въ штабѣ не представляли себѣ, чтобъ японская армія, пришедшая съ крохотныхъ острововъ, могла сколько нибудь успѣшно маневрировать на безбрежныхъ плоскогорьяхъ восточной Азіи, гдѣ, наоборотъ, было гдѣ разгуляться русскимъ, привыкшимъ къ широкимъ маневрамъ на пространствахъ сотенъ тысячъ квадратныхъ верстъ.

„Шапками закидаемъ“! Этотъ глупый и праздный кличъ шовинистовъ раздавался въ Петербургѣ, гдѣ не свою вѣдь кровь собирались лить во славу самодержавія. Крестьяне готовились къ отдачѣ своихъ лучшихъ сыновей, и изъ солдатскихъ пѣсенъ мы давно знаемъ, съ какимъ печальнымъ настроеніемъ они идутъ въ бой, творятъ чудеса храбрости, проигрываютъ, по бездарности полководцевъ, битвы и возвращаются домой, гдѣ ожидаютъ ихъ новыя эпохи разоренія, гнета, невыносимой пустоты жизни и безрадостности труда.

Въ сторонѣ держалась пролетарская интеллигенція. И изъ ея рядовъ много пошло на войну, много сложено головъ; но она вознаградила себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что не только принесла домой правдивыя вѣсти о войнѣ, но и тамъ, на театрѣ сраженій, не теряла времени для просвѣщенія темной солдатской массы. Можно быть разныхъ мнѣній о вовлеченіи арміи въ политическое движеніе, и мы принадлежимъ къ числу противниковъ этихъ опасныхъ экспериментовъ; но въ дѣлѣ русскаго освободительнаго движенія пропаганда, ведшаяся въ войскахъ и, между прочимъ, совершенно не могшая отразиться на исходахъ боевъ, такъ какъ никто еще не обвинилъ солдата въ трусости или сознательномъ уклоненіи отъ сраженій, сыграла немалую роль.

*) Вотъ подлинный текстъ этой депеши: Пб. 26. 1. 1904. „Желательно, чтобы японцы, а не мы, открыли военныя дѣйствія. Поэтому, если они не начнутъ дѣйствій противъ насъ, то вы не должны препятствовать ихъ высадкѣ въ южную Корею или на восточный берегъ, до Гензана включительно. Но если на западной сторонѣ Кореи ихъ флотъ съ десантомъ или безъ онаго перейдетъ къ сѣверу черезъ 38-ую параллель, то вамъ предоставляется ихъ атаковать, не дожидаясь перваго выстрѣласъихъстороны. Надѣюсь на васъ. Помоги вамъ Богъ!“ (Слѣдуетъ подпись царя).

Мобилизація въ деревнѣ.
Родительское благословленіе передъ отъѣздомъ призывного на войну.

Будь гр. Витте прямодушнѣй и смѣлѣй, а Куропаткинъ умнѣй, почетный миръ съ Японіей былъ бы также обезпеченъ, какъ и безкровный успѣхъ революціи. Манифестъ 17-го октября можно было бы продиктовать на полгода раньше, и не изъ Петербурга, а изъ Сибири. Войска и царь принесли бы присягу на вѣрность конституціи, и исторія Россіи пошла бы по иному пути.

Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, объ этомъ никто не загадывалъ. Приходилось расхлебывать круто заваренную кашу, хотя смутная тревога уже носилась въ воздухѣ. Дѣло въ томъ, что, чѣмъ ближе подвигалась развязка переговоровъ

Мобилизація запасныхъ въ Петербургѣ.
Медицинскій осмотръ въ медицинской коммиссіи.

съ Японіей, тѣмъ чаще приходили свѣдѣнія о непорядкахъ внутри Россіи. Потому ли, что у всей администраціи было много хлопотъ съ мобилизаціей, и вообще военными приготовленіями, или вообще надзоръ за жизнью поослабъ, но только положеніе было не хорошее. Достаточно бѣгло взглянуть на хронику послѣднихъ мѣсяцевъ передъ объявленіемъ войны, чтобы понять степень начинавшагося броженія.

СЕНТЯБРЬ 1903 года. Во время пріема армянскихъ церковныхъ имуществъ произведены крупные безпорядки армянами городовъ Карса, Баку, Елисаветполя и Нухи.
Вторичная стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Борисоглѣбскѣ.
Въ Елисаветполѣ казнено четверо.
Усиленная охрана введена въ пяти городахъ Закавказья.
Въ Владикавказѣ обнаруженъ складъ оружія.

ОКТЯБРЬ. Въ г. Уфѣ убитъ предсѣдатель суда.
Главноначальствующій на Кавказѣ, кн. Голицынъ, тяжело раненъ.

Усиленная охрана въ г. Витебскѣ и Двинскѣ (сѣв.-зап. край).
Тюремные безпорядки въ четырехъ городахъ.
Стачка въ г. Ревелѣ.
Взрывъ бомбы въ городѣ Ригѣ.

НОЯБРЬ. Нападеніе на бѣлостокскаго полицеймейстера.
Забастовка фабричныхъ рабочихъ въ г. Бѣлостокѣ.
Студенческіе безпорядки въ г. Кіевѣ.
Безпорядки въ Николаевѣ и Бахмутѣ.
Антиправительственная демонстрація въ Харьковѣ.
Въ Херсонѣ казнены двое.

ДЕКАБРЬ. Студенческіе безпорядки въ Варшавѣ и Кіевѣ.
Рядъ аграрныхъ волненій въ южныхъ губерніяхъ.
Наконецъ, въ январѣ 1904 г. совершаются покушенія на жизнь ломжинскаго губернатора, барона Корфа, и тифлисскаго полицеймейстера.

Несомнѣнно, однако, что всѣ эти случаи меньше волновали и заботили правительство, чѣмъ аграрныя волненія, которыя, помимо ихъ будущаго развитія, должны были и теперь отразиться на настроеніи солдатъ и новобранцевъ, отправлявшихся на Дальній Востокъ. Ниже, говоря объ аграрномъ законодательствѣ Государственныхъ Думъ, мы остановимся на причинахъ, вызвавшихъ такія широкія волненія въ средѣ крестьянства. Здѣсь упомянемъ только, что предвѣстникомъ будущей бури оказалось расхищеніе амбаровъ гр. Карловой, жены одного изъ многочисленныхъ въ Россіи мекленбургскихъ герцоговъ. Отсюда безпорядки довольно быстро распространились по всей Полтавской губерніи и перешли въ сосѣднюю, Харьковскую. Полтавскій губернаторъ Бельгардтъ, не желавшій прибѣгать къ карательнымъ экзекуціямъ, былъ уволенъ въ отставку. Харьковскій же, кн. И. М. Оболенскій, широко примѣнялъ розги и въ короткое время добился покушенія на свою собственную жизнь. А. Лопухинъ, который служилъ въ то время прокуроромъ харьковской судебной палаты, собралъ обширный матеріалъ по дѣламъ о волненіяхъ и могъ, благодаря этому, представить впослѣдствіи царю составленную, по порученію князя Святополкъ-Мирскаго, записку, въ которой не только предсказывалъ съ чрезвычайной точностью расцвѣтъ аграрнаго террора на слѣдующіе годы, но и предупреждалъ о готовящемся заговорѣ на жизнь самого Николая. Записку эту царь прочелъ въ день своихъ именинъ, 6-го декабря 1904 г., и она ему не понравилась своимъ трезвымъ, дѣловымъ тономъ. Лопухинъ съ этого момента сталъ ему непріятенъ, потому что не лгалъ для успокоенія, а между строкъ приглашалъ думать, заботиться, работать.

Впрочемъ, время и въ этомъ отношеніи было давно упущено. Нужно было недюжинное мужество, чтобы прервать приготовленія къ войнѣ и приняться за внутреннія реформы. Царю это было непосильно, Плеве — невыгодно. И Лопухинъ, котораго Плеве не могъ не оцѣнить, какъ первокласснаго работника, и котораго ему удалось таки сманить изъ Харькова въ департаментъ полиціи, вдвойнѣ ошибся, расчитывая и полицію реформировать, и вниманіе правительства на переустройство всей русской жизни направить. Туча на Дальнемъ Востокѣ сгустилась уже настолько, что отъ грозы не спасли бы теперь никакіе громоотводы. Тамъ все и велось именно къ тому, чтобы привлечь на себя разряды скопившагося политическаго электричества, но, какъ часто при этомъ бываетъ, менѣе всего безпокоились въ томъ углу имперскаго зданія, которому больше всего грозила опасность.

Въ г. Дальнемъ пріемы и балы у намѣстника чередовались съ увеселительными прогулками по морю. Въ Портъ-Артурѣ копошились на батареяхъ, мирно работали надъ сооруженіемъ сухого дока и развлекались картами и виномъ. На эскадрѣ же, стоявшей въ рейдѣ и разбросанной по разнымъ пунктамъ корейскаго и русскаго побережья, такъ были увѣрены въ неподготовленности японскаго флота, что не принимали никакихъ мѣръ по огражденію броненосцевъ отъ нечаяннаго нападенія, а самый рейдъ все еще не былъ минированъ, какъ надлежало. Это было тѣмъ болѣе недопустимо, что большая часть портъ-артурскихъ судовъ была заграничной стройки, а потому находилась въ исправности.

Январь 1904 г. кончался. На 19-ое былъ назначенъ большой балъ въ Зимнемъ дворцѣ. Войны ждали съ часу на часъ и почему то были увѣрены, что царь самъ объявитъ о ней собравшимся гостямъ. Но все шло своимъ порядкомъ, о войнѣ никто не говорилъ, только общая нервность выдавала важность момента.

Наконецъ, во время ужина за царскимъ столомъ зашла таки рѣчь о конфликтѣ съ Японіей и притомъ рѣчь съ самимъ Николаемъ. Въ запискахъ очевидца читаемъ:

„За ужиномъ возлѣ царя сидѣла жена посла въ Лондонѣ, графиня Бенкендорфъ. Вдругъ, посреди незначущаго разговора, она спрашиваетъ Николая Александровича:

„Ваше Величество, будетъ у насъ война съ Японіей?" И видя, что даже этого застѣнчиваго человѣка покоробила ея безтактность, добавила:

„Я спрашиваю Васъ не изъ любопытства, и не какъ жена Вашего посла въ Лондонѣ, а какъ мать. Вѣдь у меня сынъ въ Портъ-Артурѣ, на эскадрѣ!"

Семейныя чувства всегда трогаютъ царя, и онъ тотчасъ же отвѣтилъ:

„Войны не будетъ. Я ея не хочу и сдѣлалъ все, чтобъ ея не было".

Здѣсь не знаешь, чему больше удивляться. Способности ли сознательно затемнять правду, выгораживая свою инициативу за стѣну правительства, — ибо телеграмма о 38-ой параллели была уже редактирована, — или же наивности царя, продолжавшаго, быть можетъ, думать, что Японія только шутитъ, что она откажется въ послѣдній моментъ тягаться съ Россійской имперіей?

Итакъ, у царя танцовали за недѣлю до начала разгрома. Здѣсь, кстати будетъ привести и характеристику этихъ царскихъ праздниковъ, сдѣланную бывшимъ гвардейскимъ офицеромъ. При очевидной преувеличенности и устарѣлости, она характеризуетъ взаимоотношенія царей, чиновничества и дворянства, оставшіяся и понынѣ тѣми же. Вотъ что пишетъ авторъ:

„Не знаю, какъ теперь, но двадцать лѣтъ назадъ придворные балы служили прекраснымъ экзаменомъ культурности высшаго петербургскаго свѣта. Не говорю о томъ, что пускались въ ходъ всевозможныя средства, чтобы попасть на балъ, а, попавъ, подвертываться почаще на глаза великихъ міра сего; это — обычныя свойства людей, въ долголѣтней матерьяльной зависимости отъ правительства или двора потерявшихъ чувство собственнаго достоинства: обычныя свойства профессіональной прислуги, одинаковой всюду, гдѣ сохранилась возможность ихъ проявлять. Но что было поразительно, такъ это стадная жадность на такія вещи, которыя у каждаго гостя и дома могли найтись. Дѣло въ томъ, что вдоль большой, прелестной залы Зимняго дворца, гдѣ свободно помѣщались тысячи двѣ человѣкъ, тянулся корридоръ, сплошь занятый открытымъ буфетомъ съ чаемъ, тортами, конфектами, фруктами и цвѣтами. Считалось почему то, что маленькія придворныя карамельки въ простыхъ бѣлыхъ бумажкахъ отличаются особеннымъ вкусомъ; онѣ пересыпались другими сортами, не привлекавшими алчнаго вниманія приглашенныхъ; фрукты же и цвѣты — самые обыкновенные гіацинты, гвоздики, кое гдѣ ландыши, хорошія груши и яблоки, вотъ и все. Забавно было смотрѣть, какъ увѣшанные звѣздами и лентами сановники и нарядныя дамы лавировали по залу, становясь такъ, чтобы и царскій выходъ не пропустить, и къ дружной атакѣ буфета не опоздать. И вотъ, когда кончался третій туръ польскаго, и царская фамилія скрывалась на минуту въ сосѣдней комнатѣ, вся эта чиновная и военная знать кидалась, какъ дикое стадо, на буфетъ, и во дворцѣ русскаго императора, въ концѣ XIX вѣка, происходила унизительная сцена, переносившая мысль къ тѣмъ еще временамъ, когда ради забавы русскіе бояре кидали съ высокихъ крылецъ въ толпу черни мѣдныя монеты и пряники, любуясь давкой и драками.

Столы и буфеты трещали, скатерти съѣзжали съ мѣстъ, вазы опрокидывались, торты прилипали къ расшитымъ мундирамъ, руки мазались въ кремѣ и мягкихъ конфектахъ; хватали, что придется; цвѣты рвались и совались въ карманы, гдѣ все равно должны были смяться; шляпы наполнялись грушами и яблоками. И черезъ три минуты нарядный буфетъ являлъ грустную картину поля битвы, гдѣ трупы растерзанныхъ сладкихъ пирожковъ плавали въ струяхъ шеколада, меланхолически капавшихъ на мозаичный паркетъ корридора. Величественные придворные лакеи,

давно привыкшіе къ этому базару пошлости, молча отступали къ окнамъ и дожидались, когда пройдетъ порывъ троглодитскихъ наклонностей; затѣмъ спокойно вынимали заранѣе приготовленные дубликаты цвѣтовъ, вазъ и тортовъ, и въ пять минутъ приводили все въ прежній видъ, который и поддерживался до конца бала, такъ какъ начинались танцы, и отъ времени до времени государь проходилъ по корридору и заламъ, говоря по парѣ словъ знакомымъ ему чинамъ."

Тотъ же авторъ повѣствуетъ далѣе о томъ, какъ на такихъ балахъ дѣлались карьеры, и какъ вообще цари пополняли свои свиты.

„Мнѣ разсказывалъ гр. Ѳ. Э. Келлеръ, какъ онъ попалъ въ флигель-адъютанты къ императору. У Келлера смолоду была особенность, — одна половина бороды сѣдая, другая рыжая.

„Стою я на балу, — разсказывалъ онъ, — въ корридорѣ; проходитъ царь (судя по времени, описываемому здѣсь, Александръ II-ой, тѣмъ болѣе, что Александръ III-ій не говорилъ уже „ты" офицерамъ и чиновникамъ), и говоритъ:

— Когда это ты, Келлеръ, обрѣешь свою бороденку? —

„Я, не долго думая, бѣгу въ комнату перваго попавшагося придворнаго лакея, прошу бритву, наскоро сбриваю бакенбарды и опять являюсь въ залу. Снова проходитъ Александръ, вглядывается въ меня:

„Ты, Келлеръ?"

„Такъ точно, Ваше Императорское Величество!

„Поздравляю тебя флигель-адъютантомъ!"

Гр. Ѳ. Э. Келлеръ,
бывшій губернаторъ; на Японской войнѣ командовалъ корпусомъ, искалъ смерти, удрученный неурядицей и видимымъ крушеніемъ русской военной мощи. Способный генералъ. Убитъ въ сраженіи при Вафангоу.

Въ другой разъ Александръ II-ой шелъ по Лѣтнему саду, зимой; тамъ дѣлались для гулявшихъ высокіе мостки. Навстрѣчу попался П., тогда еще молодой саперъ, огромнаго роста*); чтобы дать дорогу царю, П. сошелъ съ мостковъ, увязъ по колѣни въ снѣгу и всетаки оказался выше Александра, который за это и взялъ его въ свиту."

Наконецъ находимъ описаніе конца придворнаго бала:

„Котильонъ подходитъ къ концу, скоро ужинъ; для трехъ тысячъ человѣкъ все сервировано въ нѣсколькихъ большихъ залахъ; танцующіе имѣютъ привилегію на такъ называемый „золотой" залъ, съ золоченными колоннами, гдѣ на небольшомъ возвышеніи стоитъ и царскій столъ, покрытый цвѣтами. Еще задолго до открытія дверей въ этотъ залъ, возлѣ нихъ начинаетъ толпиться народъ, преимущественно дамы, старые генералы и тѣ изъ нетанцующей молодежи, кто знаетъ, что въ золотомъ залѣ посвѣжѣе провизія, — ибо приготовить большой ужинъ на три тысячи душъ даже и придворная кухня не можетъ меньше, чѣмъ въ три, четыре дня. Попалъ и я разъ, признаться, въ эту толпу, влекомый желаніемъ получше поѣсть. Со всѣхъ сторонъ окружали меня женщины въ открытыхъ бальныхъ туалетахъ, притомъ исключительно пожилыя; недостатки бюстовъ возмѣщались искуснымъ размѣщеніемъ на-

*) Вѣроятно Прескотъ, нынѣ инженеръ-генералъ.

личнаго матеріала на какихъ то полочкахъ, которыя я поневолѣ созерцалъ, будучи выше ихъ ростомъ. Спины, покрытыя прыщами и припудренными пятнами старческой экземы, острый запахъ пота, не заглушаемый никакими духами, — все это создавало атмосферу лисятника, а не дворца; наконецъ мнѣ просто стало больно, такъ напирали со всѣхъ сторонъ. Градоначальникъ Гресссеръ (погибшій впослѣдствіи отъ вспрыскиванія себѣ какой то молодящей жижи) съ искаженнымъ злобой лицомъ заслонялъ своей огромной фигурой заповѣдную дверь и тщетно призывалъ дамъ не тискаться. Но вотъ замеръ послѣдній звукъ музыки. Гресссеръ распахнулъ дверь и немедленно былъ отброшенъ въ сторону потокомъ женскихъ тѣлъ, стремившихся занять мѣста за столами." И т.д.

Не совсѣмъ такъ, но въ этомъ же родѣ протекалъ и балъ 19-го января 1904 г. И не успѣли улечься его впечатлѣнія, какъ въ исторіи Россіи наступилъ роковой для династіи поворотъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

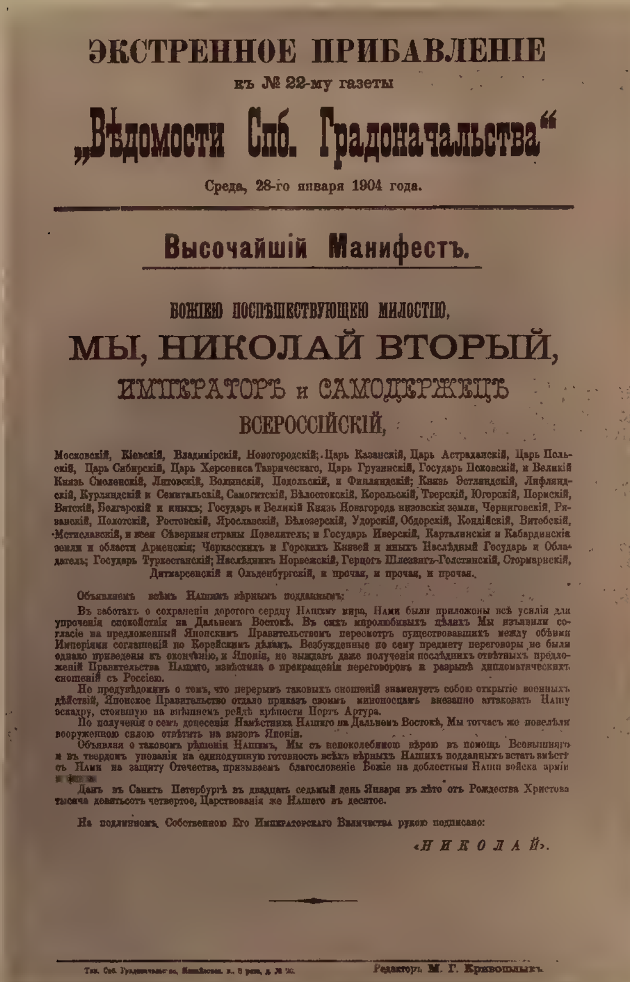
Взрывъ трехъ броненосцевъ. — „Коварный врагъ." — Манифестъ. — „Укусъ блохи". — Первыя впечатлѣнія. — Патріотическій подъемъ. — „Варягъ". — Черносотенныя демонстраціи.

26-го января, въ то самое время, когда офицеры портъ-артурской эскадры веселились на именинахъ своей адмиральши, и когда въ темнотѣ рейда блестѣли только освѣщенные иллюминаторы броненосцевъ, три японскихъ миноносца подошли, не торопясь, безъ шума къ самымъ бортамъ „Цесаревича", „Ретвизана" и „Побѣды" и выпустили свои мины.

Такъ началась война. Хорошая конструкція судовъ и отсутствіе стеариновыхъ заклепокъ спасли ихъ отъ немедленнаго потопленія, но надолго вывели изъ строя. Въ Портъ-Артурѣ заторопились, рейдъ начали минировать, причемъ потопили не мало собственныхъ судовъ и транспортовъ, натыкавшихся на всплывавшія мины. Комендантъ крѣпости, Стессель, составившій себѣ славу пекинскимъ походомъ, абсолютно бездарный, невѣжественный и трусливый человѣкъ, обращалъ больше вниманія на свои личныя дѣла, нежели на гарнизонъ; онъ ссорился съ адмиралами, съ собственными подчиненными, говорилъ войскамъ праздныя слова, вызывая жидкіе крики „ура" у людей, уже предвидѣвшихъ ужасы осады. Въ штабѣ Стесселя находился одинъ лишь дѣльный, не терявшійся человѣкъ, генералъ Кондратенко, впослѣдствіи погибшій на передовой позиціи, и которому гарнизонъ обязанъ лучшими страницами своей боевой исторіи. Все остальное начальство точно на подборъ отличалось неспособностью, необразованностью, трусостью. На процессѣ о сдачѣ Портъ-Артура съ поражающей ясностью нарисована была картина безпомощности командировъ передъ лицомъ врага, за которымъ, съ легкой руки Николая, осталась кличка „коварнаго".

Царь, повидимому, былъ увѣренъ, что всякой войнѣ съ Россіей*) предшествуетъ оффиціальное объявленіе ея правительствомъ враждебной стороны, нѣчто вродѣ древняго вызова славянскихъ князей: „Иду на васъ!" И хотя международное право совершенно не знаетъ такого обычая, а около Николая всегда терся знатокъ этой науки, профессоръ Мартенсъ, ему всетаки не объяснили закономѣрности японскихъ дѣйствій. Въ Царскомъ Селѣ полагали такимъ образомъ, что рубить втихомолку чужіе лѣса и возводить укрѣпленія на чужой еще территоріи значитъ осуществлять какое то право, а объявлять войну не бумагой, а миной — есть непозволительное коварство. Такъ таки въ манифестѣ царя и значилось: „коварный врагъ." Но и здѣсь Николай не былъ искрененъ: одно изъ двухъ, — или событіе въ Портъ-Артурѣ потрясло его, и тогда во всѣхъ отзывахъ о немъ онъ долженъ былъ оставаться въ-

*) Для Россіи же, какъ видно изъ его депеши Алексѣеву, такого правила не полагалось.



ЭКСТРЕННОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ

въ № 22-му газеты

„Вѣдомости Спб. Градоначальства“

Среда, 28-го января 1904 года.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ ПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новогородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій, Государь Псковскій, и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій, и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскія, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Въ заботахъ о сохраненіи дорогого сердцу Нашему мира, Нами были приложены всѣ усилія для упроченія спокойствія на Дальнемъ Востокѣ. Въ сихъ миролюбивыхъ цѣляхъ Мы изъявили согласіе на предложенный Японскимъ Правительствомъ пересмотръ существовавшихъ между обѣими Имперіями соглашеній по Корейскимъ дѣламъ. Возбужденные по сему предмету переговоры не были однако приведены къ окончанію, и Японія, не выждавъ даже полученія послѣднихъ отвѣтныхъ предложеній Правительства Нашего, извѣстила о прекращеніи переговоровъ и разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Россіею.

Не предувѣдомивъ о томъ, что перерывъ таковыхъ сношеній знаменуетъ собою открытіе военныхъ дѣйствій, Японское Правительство отдало приказъ своимъ миноносцамъ внезапно аттаковать Нашу эскадру, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ Артура.

По полученіи о семъ донесенія Намѣстника Нашего на Дальнемъ Востокѣ, Мы тотчасъ же повелѣли вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи.

Объявляя о таковомъ рѣшеніи Нашемъ, Мы съ непоколебимою вѣрою въ помощь Всевышняго и въ твердомъ уповавіи на единодушную готовность всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ встать вмѣстѣ съ Нами на защиту Отечества, призываемъ благословеніе Божіе на доблестныя Наши войска арміи и флота.

Данъ въ Санктъ Петербургѣ въ двадцать седьмый день Января въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, Царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ, Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Тип. Спб. Градоначальства, [illegible] Редакторъ М. Г. Кривошлыкъ.

Facsimile манифеста объ открытіи военныхъ дѣйствій
противъ Японіи, напечатаннаго въ полицейской газетѣ, вечеромъ 28 января 1904 г.

„Герои" Чемульпо въ Петербургѣ.

Какъ теперь всѣмъ извѣстно, въ Чемульпо русскіе броненосцы не проявили мужества, а скорѣй — наоборотъ.

ренъ впечатлѣнію, или нѣтъ, — тогда нечего было говорить громкихъ словъ. Но именно въ эти же ближайшіе къ 25-му января дни царь поражалъ всѣхъ веселостью и легкомысленнымъ отношеніемъ къ начинавшейся драмѣ.

Такъ, когда кишиневскій губернскій предводитель дворянства Крупенскій, представляясь ему, заговорилъ о потопленіи судовъ, сдѣлавъ приличную случаю мину, Николай небрежно замѣтилъ:

„Ну, знаете ли, я смотрю на это, какъ на укусъ блохи!"

На общество начало войны произвело иное впечатлѣніе. Даже въ тѣхъ сферахъ, гдѣ оппозиціонныя чувства никогда не остывали, и гдѣ умѣли связывать такіе случаи, какъ потопленіе броненосцевъ, съ общими условіями русскаго государственнаго строя, даже и тамъ къ горечи подтвержденія недостатковъ этого строя, примѣшивалось пробужденіе здороваго патріотизма, Онъ будилъ заснувшихъ въ реакціонную ночь, толкалъ лѣнивыхъ, указывалъ новые пути дѣйствія заблудившимся между прогрессивныхъ доктринъ.

Если представить себѣ народъ, какъ аморфный растворъ соли, то 26-ое января было той послѣдней крупицей ея, послѣ прибавленія которой процессъ кристаллизаціи совершается съ чрезвычайной быстротой.

Моментъ этотъ всякое иное правительство сумѣло бы использовать для укрѣпленія своей политики. Колоніи Англіи не сочувствовали войнѣ съ бурами, но помогли метрополіи, зная, что авантюризмъ начала кампаніи не поведетъ къ угнетенію бывшей трансваальской республики, а принесетъ ея населенію всѣ блага англійскаго конституціонализма. Но русское правительство достаточно ясно вело себя, чтобы кого бы то ни было ввести въ заблужденіе относительно конечныхъ своихъ цѣлей. Сознательный подданный Николая отлично зналъ, что война затѣяна не для его блага, а для царскаго, что всякое укрѣпленіе абсолютизма равнозначуще увеличенію гнета надъ страной, усиленію чиновничества. Поэтому и патріотизмъ подданныхъ не думалъ выражаться въ сочувствіи къ царю или одобреніи правительства, а съ самаго начала принялъ направленіе къ уменьшенію страданій народа и его дѣтища — арміи. Органы самоуправленія первые откликнулись на призывъ къ пожертвованіямъ, и тамъ, гдѣ не вмѣшивались губернаторы, и гдѣ реакціонеры были въ меньшинствѣ, назначали свои ассигнованія исключительно на лазаретъ, питательные пункты, помощь семьямъ убитыхъ. Но были и такія учрежденія, что дали себя обмануть искаженными версіями о гибели портъ-артурскихъ судовъ, а особенно „Варяга" и „Корейца", яко-бы геройски прорывавшихся изъ Чемульпо, и назначили большія суммы на постройку миноносцевъ. Въ томъ же направленіи вели агитацію въ деревняхъ и земскіе начальники.

Много трудовыхъ копеекъ пошло на это дѣло, но теперь извѣстно, что среди построенныхъ на крестьянскія и земскія жертвы миноносцевъ были такіе, гдѣ развѣ одни флаги были новые, все же остальное сдѣлано было изъ стараго хлама, валявшагося въ кладовыхъ и на дворахъ судостроительныхъ заводовъ. Даже и тѣ суда, что спѣшно строились въ то время на нѣкоторыхъ иностранныхъ верфяхъ, оказались потомъ негодными, какъ напр. работы Виккерса или газолиновые моторы Никольса. Купленный на милліонъ рублей, данныхъ графомъ Строгановымъ, транспортъ тоже оказался неспособнымъ къ плаванію и такъ и не вышелъ изъ Балтійскаго моря. Словомъ, правительство, а въ частности морское министерство, оказались на прежней высотѣ разложенія; да иного нельзя было и ожидать.

Хорошо сознавая свою непопулярность и видя, что ни манифестъ, ни басни о „Варягѣ", ни портреты восточныхъ героевъ, — Алексѣева и Стесселя, не вызываютъ восхищенія населенія, Плеве счелъ благовременнымъ симулировать это восхищеніе. Губернской администраціи было предписано организовать повсемѣстно патріотическія демонстраціи, привлекая для этого всѣ подходящіе элементы, не выключая и школъ.

Въ Россіи, гдѣ флаги вывѣшиваются и иллюминаціи зажигаются по распоряженіямъ полиціи, и гдѣ общественныя чувства выражаются по командѣ, нетрудно было устроить шествія по городскимъ улицамъ съ хоругвями, царскими и алексѣевскими портретами, съ хорами музыки. На то, что „народъ" составляли двор-

ники, босяки, хулиганы, переодѣтые полицейскіе, и что только впереди процессій замѣчались иногда ученики школъ и гимназій, довольные всякимъ случаемъ пошумѣть, не обращалось вниманія. И только, когда оказалось, что поднятое изъ своихъ берлогъ городское отребье не желаетъ ограничиться выраженіемъ патріотизма, а стремится заодно къ разбитію кабаковъ, къ скандаламъ въ общественныхъ мѣстахъ и зданіяхъ, даже къ грабежамъ, то поняли опасность и поспѣшили прекратить демонстраціи. Царь охотно разсказывалъ представлявшимся чинамъ, какъ тамъ то и тамъ ему дѣлались, какъ онъ выражался, „демонстраціи съ портретами". Возможно, что онъ не подозрѣвалъ, что портреты эти выдавались дворникамъ изъ полицейскихъ участ-

Царь благословляетъ идущихъ на войну солдатъ,
отъ души вѣруя въ то, что небесныя силы считаются лишь съ молитвами, а не дѣлами людей.

ковъ, что флаги шились тамъ же, и что народъ начисто отсутствовалъ въ скандальныхъ процессіяхъ. Цари воспитываются въ сознаніи, что любовь и преданность къ нимъ подданныхъ заложены въ русской крови, какъ шарики гемоглобина, и что проявлять эти чувства во всю для нихъ такъ же естественно, какъ дышать. Какой наивный самообманъ!

Полоса демонстрацій сплыла такъ же быстро и по тому же полицейскому распоряженію, какъ и была вызвана. Но, вѣроятно, никому не приходило тогда въ голову, что правительство, тоже, быть можетъ, безсознательно, произвело обширный и очень для себя удачный опытъ. Не дальше, какъ черезъ тридцать шесть мѣсяцевъ, онъ пригодился для симуляціи контръ-революціи, выразившейся въ рядѣ погромовъ и основаніи „Союза русскаго народа". Полицейскій государственный строй, не имѣвшій корней въ народѣ, долженъ былъ самъ изыскивать суррогаты этихъ корней и этого народа, и нашелъ ихъ въ участковыхъ регаліяхъ и жителяхъ городскихъ тру-

Царь благословляетъ Новочеркасскій полкъ.
Влѣво виденъ вел. кн. Владиміръ Александровичъ въ скучающей позѣ человѣка, которому смертельно надоѣли всѣ эти церемоніи.

217-ый Крымскій пѣх. полкъ провожаетъ царя, послѣ благословленія на походъ на Дальній Востокъ.

щобъ. Деревня продолжала жить обособленной жизнью и въ расчеты не входила; когда было нужно, приговоры патріотическаго характера писались земскими начальниками, доставлялись губернаторами Николаю, и его неизмѣнныя отмѣтки: „прочелъ съ удовольствіемъ“ передавались на крестьянскихъ сходахъ, недоумѣвавшихъ о причинахъ царской радости. Участникамъ сходовъ было теперь не до того: мобилизація отнимала послѣднихъ работниковъ. Резервисты плелись къ знаменамъ и пушкамъ подъ вой женщинъ и дѣтей, и русская водка обильно смѣшивалась со слезами, которыми Россія встрѣчала укусъ блохою ея самодержца.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Война. — Тюренченъ. — Артуръ. — Осада его. — Г-жа Стессель. — Цѣны продуктовъ. — Моряки. — Назначеніе Макарова. — Гибель Петропавловска съ Макаровымъ и Верещагинымъ. — Разсказъ Рыдзевскаго. — Лаоянъ. — Мукденъ — Терпѣливый полководецъ. — Эскадра Рождественскаго — Небогатовъ. — Небывалый морской переходъ. — Угольныя станціи. — Потопленіе англійскихъ рыбаковъ. — Пробоина „Авроры“. — Цусима. — Общее раздраженіе. — Развалъ арміи. — Линевичъ — Петербургскія вліянія. — Гриппенбергъ. — Кандидатура в. к. Николая Николаевича. — Дѣти в. к. Владиміра на войнѣ. — Объѣзды войскъ по городамъ. — Серафимъ не помогаетъ. — Неслыханный позоръ. — Крушеніе престижа Россіи на Западѣ и Востокѣ.

Мы не имѣемъ намѣренія долго останавливаться на Японской войнѣ. Отчасти исторія ея общеизвѣстна, отчасти постоянный характеръ ея, отступленія русской арміи и побѣды японской, дѣлаетъ лишнимъ описаніе отдѣльныхъ періодовъ. Подъ Тюренченомъ обнаружились тѣ самыя качества военоначальниковъ, дезорганизація войскъ и техническіе дефекты, что привели Куропаткина къ Лаояну и Мукдену. Портъ-Артуръ, гдѣ совершенно напрасно надѣялись на выручку съ суши, былъ въ свое время отрѣзанъ, и супруги Стессели могли обратиться къ торговлѣ съѣстными припасами, предоставивъ гарнизону умирать отъ тифа, цынги и японскихъ „шимозъ“. Беря за корову пятьсотъ, за индѣйку 50, за курицу 25 рублей, можно было обезпечить заранѣе покупку дома по сдачѣ Артура. И когда Стесселю надоѣли укоры генерала Кондратенко, а слащавыя депеши къ „матушкамъ царицамъ“ и „батюшкѣ-царю“ стали оставаться безъ отвѣтовъ, негодный трусъ и лавочникъ просто послалъ своего офицера къ маршалу Ноги и не только подписалъ позорную капитуляцію, но еще и лошадь свою подарилъ побѣдителю и фотографію снялъ совмѣстную, чѣмъ, вѣроятно, особенно поразилъ его. Съ гарнизономъ Артура къ японцамъ переходили запасы провіанта и снарядовъ, достаточные для нѣсколькихъ мѣсяцевъ осады. Но такъ какъ условія, въ которыхъ боролся Артуръ, были вообще тяжелы, а роль Стесселя въ то время еще не была выяснена, то ему со всѣхъ сторонъ выражали симпатіи, и, какъ извѣстно, даже императоръ Вильгельмъ хотѣлъ пожаловать будущему подсудимому высокій знакъ отличія. Флотъ, запертый въ Портъ-Артурской бухтѣ, медленно таялъ, не принося ни малѣйшаго вреда японскому; наши снаряды не долетали до судовъ,

Жена портъ-артурскаго „героя“ Стесселя,
стяжавшая громкую славу продажей жизненныхъ припасовъ по баснословнымъ цѣнамъ. Послѣ сдачи крѣпости вывезла десятки возовъ скарба; въ Россіи купила доходный домъ.

съ которыхъ русскіе броненосцы разстрѣливались безошибочно. На назначеніе адмирала Макарова возлагали особенныя надежды, и это было характерно для оцѣнки общаго упадка духа въ крѣпости. Но „Петропавловскъ“ наткнулся на мину, повидимому, нами же поставленную, и затонулъ въ такое короткое время, что спаслись лишь очень немногіе. Утонулъ и Макаровъ, а съ нимъ и лучшій русскій баталистъ-художникъ Верещагинъ. Едва не погибъ и сынъ Владиміра, в. к. Кириллъ.

Въ Россіи гибель „Петропавловска“ была сочтена за начало конца, да такъ оно и было. Но въ Царскомъ Селѣ не унывали.

Въ день гибели Макарова должность министра Двора исполнялъ одинъ изъ развратнѣйшихъ генераловъ свиты, Рыдзевскій, — бар. Фредериксъ былъ въ отпуску. У Рыдзевскаго въ три часа дня былъ назначенъ докладъ царю. Крайне огорченный тяжелой вѣстью съ войны, Рыдзевскій съ ужасомъ думалъ о той сценѣ, которая должна была разыграться въ кабинетѣ, гдѣ искренно любимый имъ Николай останется съ нимъ наединѣ и дастъ волю обуревающему его отчаянію. Утромъ была надежда на отмѣну доклада, но въ 3 часа Рыдзевскаго вызвали во дворецъ.

Складень Куропаткина.

Одинъ изъ безчисленныхъ образовъ, которыми заваливали Куропаткина во время войны. Онъ вправѣ былъ бы сказать, что этими складнями загородили все поле его недалекаго зрѣнія, и что онъ не видѣлъ арміи изъ за барьеровъ священныхъ изображеній. Въ музеѣ Токіо эти реликвіи развѣшаны по стѣнамъ комнаты; тутъ же монументальная кровать Куропаткина подъ розовымъ атласнымъ одѣяломъ и фортепіано.

„Пріѣзжаю я, — разсказываетъ онъ, — оказывается, государь на панихидѣ по Макаровѣ. Ну, думаю, еще хуже вышло все. Но вотъ служба кончается. Николай, въ морской формѣ, возвращается изъ церкви, весело здоровается со мной, тянетъ за руку въ кабинетъ и говоритъ, указывая на окна, въ которыхъ порхали крупныя снѣжинки:

„Какая погода! Хорошо бы поохотиться, давно мы съ вами не были на охотѣ. Сегодня что у насъ — пятница? Хотите, завтра поѣдемъ?“

Совершенно сконфуженный и сбитый съ толку Рыдзевскій пробормоталъ что-то въ отвѣтъ и, скомкавъ свой докладъ, поспѣшилъ откланяться. Въ пріемной онъ встрѣтился, однако, съ пріятелемъ и нѣсколько минутъ поговорилъ съ нимъ. А когда спускался по лѣстницѣ въ вестибюль, то въ окно увидѣлъ Николая, стрѣлявшаго въ саду воронъ изъ небольшой винтовки.

Невольно просится сопоставленіе съ Людовикомъ XVI-мъ, отмѣчавшимъ дни, когда не было охоты, словами: „ничего не было“, хотя именно тогда его задерживали въ Парижѣ революціонныя вспышки, и французскій тронъ трещалъ по всѣмъ швамъ.

Съ тою же развязностью встрѣчалъ царь и дальнѣйшія пораженія своей арміи. Нельзя думать, что такое отношеніе покоилось на полномъ нравственномъ уродствѣ, тѣмъ болѣе, что, наряду съ равнодушіемъ къ народу, Николай проявлялъ нѣжную любовь къ дѣтямъ и милое вниманіе къ отдѣльнымъ лицамъ изъ придворнаго и чиновничьяго міра. Вѣрнѣе, здѣсь наблюдалось временное притупленіе мышленія, вы-

званное рядомъ неудачъ и ощущеніемъ своего безсилія. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ сопротивленіемъ, которое въ это время царь обнаруживалъ всякому длительному разговору или докладу, посвященному войнѣ и внутреннимъ дѣламъ, приводя непріятную бесѣду скорѣй къ концу. Онъ точно зажмуривался отъ страшныхъ картинъ синематографа реальности, смутно предчувствуя, что онѣ являются лишь прелюдіей къ драмѣ, личное участіе въ которой сдѣлается для него непредотвратимымъ. Въ этомъ естественномъ психологическомъ процессѣ была, тѣмъ не менѣе, одна глубоко печальная сторона, это — постепенное отвращеніе къ непріятной правдѣ, ко всему, что заставляло углубляться въ себя, къ мотивировкѣ рѣшеній, къ

Поѣздка въ Ревель,

передъ отправкой эскадры адмирала Рождественскаго на Д. Востокъ. Икона, безъ чего нельзя обойтись, была вручена адмиралу грудянымъ младенцемъ Алексѣемъ, который и составляетъ центръ этой группы.

детальной критикѣ. На самомъ верху правленія водворялся дилетантизмъ, притомъ дурного сорта, ибо исходилъ не изъ положительныхъ, а изъ отрицательныхъ сторонъ царскаго интеллекта. Онъ подсказывалъ огульныя опредѣленія, вродѣ того, что „всѣ евреи — кадеты, а вмѣстѣ они — масоны", что наоборотъ — „союзники" оклеветаны и въ политическихъ убійствахъ неповинны. Что губернаторы всегда правы, а земцы всегда виноваты. И т. д.

Такимъ образомъ и самый неуспѣхъ военныхъ дѣйствій продолжалъ объясняться „коварностью" японцевъ, а не неспособностью генераловъ, во главѣ съ Куропаткинымъ. Армія являлась какъ бы обманутой безчестнымъ врагомъ, который не вывозилъ своихъ орудій на видныя мѣста, а стрѣлялъ изъ враговъ и горныхъ ущелій перекиднымъ способомъ; который не жалѣлъ своихъ войскъ и генераловъ и

дѣлалъ обходы цѣлыми арміями, притомъ въ сотни верстъ, а не атаковалъ нашихъ позицій въ лобъ. И если главнокомандующій Куропаткинъ, созерцавшій все это, терпѣлъ, приглашая и всѣхъ остальныхъ къ терпѣнію, то почему было не терпѣть и сдѣлаться наконецъ, равнодушнымъ къ разгромамъ и самому царю, жившему за восемь тысячъ верстъ отъ полей сраженій, отъ госпиталей, отъ скотскихъ вагоновъ, гдѣ въ навозѣ метались въ бреду раненные подданные, отъ блиставшихъ электричествомъ поѣздовъ, гдѣ жировали его генералы и кузены, отъ куропаткинскихъ роялей, на которыхъ упражнялся въ музыкѣ терпѣливый стратегъ, и его кроватей, съ розовыми шелковыми одѣялами, нынѣ украшающими музей трофеевъ въ Токіо?

Ген. Кондратенко, герой Портъ-Артура.

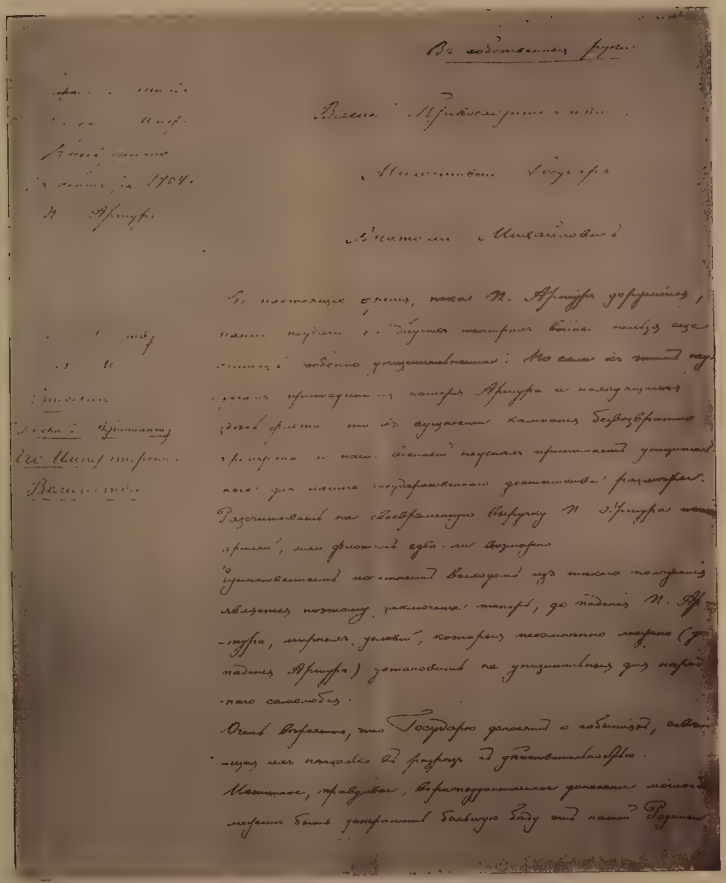
Здѣсь, въ меланхолическомъ покоѣ царскосельскихъ садовъ, глохли впечатлѣнія страшныхъ вѣстей, и битва при Лаоянѣ не казалась тѣмъ, чѣмъ была, т. е. величайшей изъ битвъ, извѣстныхъ военной исторіи міра, а обычной неудачей, произошедшей отъ того, что какой нибудь полкъ или дивизія опоздали на десять минутъ.

Здѣсь, на мягкомъ коврѣ дѣтской комнаты, быть можетъ, изображавшемъ въ этотъ моментъ море, и гдѣ шесть веселыхъ дѣтскихъ тѣлецъ копошились, играя въ морскую войну, вѣсть о Цусимѣ не звучала, какъ memento mori для престижа Россіи и самого самодержавія, а была досадной помѣхой бывшей въ разгарѣ забавы.

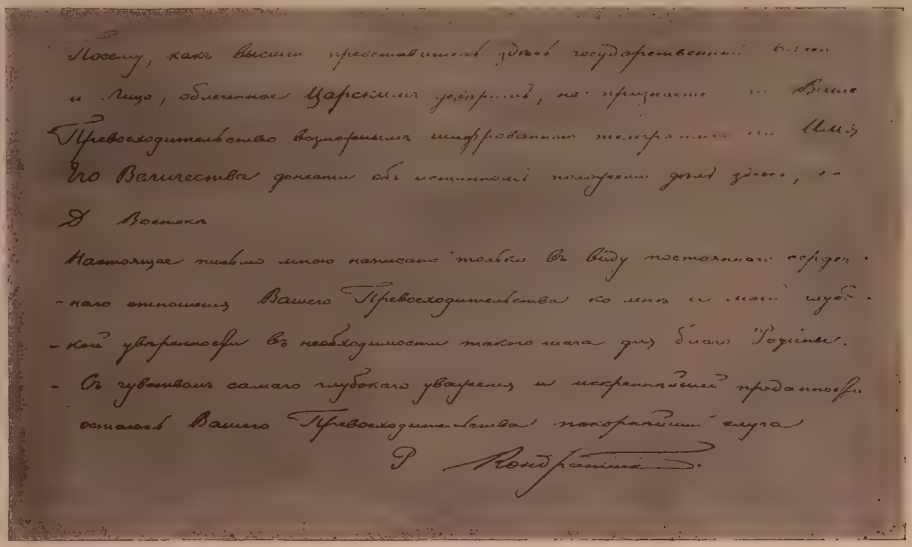
Здѣсь, наконецъ, на какой нибудь охотѣ, преслѣдуя съ гончими стадо испуганныхъ лосей, мчащихся въ паникѣ черезъ кусты и канавы, не хотѣлось думать о томъ, что подъ Мукденомъ такими лосями были русскіе полки, и что японскіе маршалы испытывали тѣ же чувства, что и царственные охотники въ Бѣловѣжьѣ или Гатчинѣ....

Между тѣмъ, постоянныя пораженія такъ же сопровождались чудесами храбрости, какъ и славныя побѣды прошлаго времени. Солдаты умирали именно терпѣливо, какъ того и хотѣлъ Куропаткинъ. Если начальники не бѣжали, то цѣлые полки гибли, не сходя съ мѣста подъ дождемъ шимозъ, и во рвахъ укрѣпленій русскіе и японскіе трупы свидѣтельствовали объ одинаковомъ ожесточеніи, озвѣрѣлости съ обѣихъ сторонъ. Да и на морѣ, наряду съ отвратительными деталями разложенія нравовъ, были обнаружены такія традиціи славнаго флота временъ Нахимовыхъ и Корниловыхъ, которыя вызывали и вражеское изумленіе. Адмиралъ Рождественскій, получившій въ команду эскадру, составленную изъ всякаго морского хлама, съ экипажами, пополненными арестантами морскихъ тюремъ, съ снарядами не рвавшимися и пушками рвавшимися*), провелъ эту

*) Между прочимъ, когда собственнымъ снарядомъ была пробита „Аврора", во время Гулльскаго боя съ рыбаками, и экипажъ счелъ это за японское нападеніе, командиръ поспѣшилъ успокоить его, заявивъ: „Если-бъ это были японцы, снарядъ разорвался бы, а этотъ не разорвался. Наши стрѣляютъ!"



Facsimile письма ген. Стесселю
въ сентябрѣ 1904 г. о почетномъ мирѣ.



Facsimile письма ген. Стесселю въ сентябрѣ 1904 г. о почетномъ мирѣ.

Перевезеніе тѣла ген. Кондратенко,
одного изъ немногихъ героевъ русско-японской войны, съ Николаевскаго вокзала въ Петербургѣ на кладбище.

Армаду вокругъ всего земного шара безъ потерь, безъ отставшихъ, безъ серьезныхъ нарушеній дисциплины. Не его вина, если одинъ слухъ о нахожденіи японскихъ миноносцевъ у Доггеръ-банки вызвалъ въ офицерствѣ панику и стрѣльбу по рыбацкимъ судамъ, которыя своими маневрами дѣйствительно напоминали маневры атакующихъ миноносцевъ. И скандальный третейскій судъ нуженъ былъ не ему, Рождественскому, хладнокровно шедшему навстрѣчу гибели, а тѣмъ офицерамъ, которые боялись итти на Востокъ и хотѣли спасаться съ эскадры на берегъ. Адмиралъ не былъ причиной и тому, что его капитаны неспособны оказались хранить ввѣренныя имъ

Адмиралъ Того и Рождественскій. Въ морскомъ госпиталѣ въ Сасебо.

тайны, а значитъ неспособны и къ морской войнѣ. Когда онъ собралъ ихъ къ себѣ, въ Ревелѣ, передъ выходомъ въ море, чтобы передать названіе мѣста, гдѣ должна была произойти первая нагрузка угля, онъ отобралъ у всѣхъ честное слово въ держаніи названія въ секретѣ. Всѣ дали слово, а къ вечеру, еще не выходя изъ Ревеля, послѣдній матросъ зналъ, гдѣ встрѣтятся угольныя суда! Между тѣмъ вопросъ этотъ отличался особой деликатностью, въ виду обязательности для державъ нейтралитета. Извѣстно теперь, что вопросъ объ углѣ былъ рѣшенъ личной перепиской Николая съ однимъ изъ европейскихъ государей, и что послѣдній лично вручилъ царю списокъ мѣстъ, гдѣ угольщики должны были ожидать эскадру. Нейтралитетъ несомнѣнно нарушался, но за то угольная промышленность была щедро поддержана, и, главное, произведенъ широкій опытъ снабженія углемъ судовъ во время войны. Опытъ блестящій, ибо черезъ часъ, два по приходѣ Рождественскаго

Отступленіе русской арміи изъ-подъ Мукдена.

въ условленное мѣсто, на горизонтѣ показывались дымки угольщиковъ, и перегрузка совершалась безъ шума и опозданія.

Когда эскадра стояла у Мадагаскара, изнемогая отъ жары, бурь и бездѣлья, такъ какъ снарядовъ было слишкомъ мало для того, чтобы практиковаться въ стрѣльбѣ, пришелъ французскій крейсеръ. Съ него спустили шлюпку, и черезъ нѣсколько минутъ на бортъ „Суворова“ поднялся офицеръ, блѣдный, съ трудомъ говорившій и потребовавшій адмирала для передачи ему пакета. Когда пакетъ былъ переданъ, офицера пригласили въ каютъ-кампанію, гдѣ онъ и впалъ въ истерику, упорно отказываясь объяснить ее и прося отпустить его на свой крейсеръ. Онъ привезъ вѣсть

В. кн. Борисъ Владиміровичъ,
извѣстный скандалистъ и кутила. Выпускалъ голыхъ француженокъ въ общую залу ресторана „Медвѣдь“; повезъ съ собой въ Манджурію цѣлый гаремъ подъ видомъ сестеръ милосердія, а Куропаткину оцарапалъ саблей носъ за выговоръ. Этого почтеннаго родственника Николай уполномочилъ въ 1911 г. замѣнять его на коронаціи англійскаго короля.

Ген. Гриппенбергъ,
бѣжалъ съ войны въ Петербургъ жаловаться на Куропаткина. Николай I-й повѣсилъ бы его, а Николай II-й повѣсилъ . . . . . лишнюю звѣзду на негоднаго генерала.

о сдачѣ Портъ-Артура. Это потрясеніе, испытанное офицеромъ чужого флота, гдѣ къ союзнической жалости могло бы примѣшаться извѣстное профессіональное злорадство, полезно сопоставить съ отношеніемъ русскаго царя къ событіямъ на войнѣ.

Эскадра вышла въ подавленномъ настроеніи. И когда Того разстрѣливалъ ея суда, какъ перепеловъ, которые отъ ожирѣнія не могутъ подняться съ поля, броненосцы терпѣливо гибли, хороня въ холодныхъ, чужихъ водахъ всѣ секреты своего пораженія, всѣхъ людей, повинныхъ въ немъ и неповинныхъ. Сдача отряда Небогатова, бѣгство къ Владивостоку уцѣлѣвшихъ судовъ, черты позора — въ оставленіи бѣдствующихъ товарищей безъ помощи, преступное поведеніе адмирала Ухтомскаго, — все это осталось ничтожными штрихами на картинѣ морского побоища, передъ которымъ гибель эскадры Сервера у о. Кубы была небольшой стычкой игрушечныхъ корабликовъ.

Для Россіи этого было довольно. Послѣ Цусимы и Мукдена общее настроеніе переходитъ изъ отчаянія и апатіи въ рѣзкое возбужденіе, печать развязываетъ языкъ, люди начинаютъ собираться и говорить о томъ, что пора положить конецъ государственному позору. Въ арміи обнаруживается серьезное броженіе; газеты, приходящія съ родины, будятъ интересъ къ ней, обращаютъ солдатскія мысли на общія причины неуспѣха, заставляютъ различать вліянія отдѣльныхъ лицъ отъ вліянія всей совокупности условій русской жизни. Поэтому ни смѣна полководцевъ, когда Куропаткинъ не сумѣлъ даже съ достоинствомъ уступить мѣсто Линевичу и, изъ нежеланія потерять богатый окладъ жалованья, остался при арміи; ни петербургскіе

Куропаткинъ, истощивъ запасъ терпѣнія, передаетъ командованіе арміей ген. Линевичу.

слухи о томъ, что главнокомандующимъ будетъ назначенъ в. к. Николай Николаевичъ, для возбужденія храбрости арміи, ни скандальное бѣгство изъ арміи генерала Гриппенберга, котораго во всякой другой странѣ разстрѣляли бы за это, — все это уже мало интересовало. Въ штабахъ чудачили еще о томъ, какъ вѣли себя на войнѣ дѣти в. к. Владиміра, особливо Борисъ, привезшій съ собой цѣлый гаремъ, среди котораго были японскія шпіонки, какъ онъ бранился съ Куропаткинымъ и даже оцарапалъ ему саблей носъ, и т. под. . . . Но общій тонъ становился серьезенъ. Чувствовалось. что съ окончаніемъ войны, которую продолжать было уже невозможно, наступитъ второй актъ, тамъ, въ оставленной позади Россіи.

Итакъ, Серафимъ не помогъ. Напрасно царь благословлялъ его изображеніями войска и съ лощади, и съ земли, и изъ коляски; напрасно Куропаткинъ былъ

заваленъ образами всѣхъ возможныхъ святыхъ. Боги не дали себя обмануть и предоставили суровой Правдѣ разобрать споръ между авантюристами, грабителями и развратниками, съ одной стороны, съ руководителями народа, увлеченнаго идеей отечественной славы и пользы, съ другой.

Престижъ Россіи рушился въ мірѣ. Отнынѣ страна царей переходила на послѣднія роли въ постоянно разыгрываемой пьесѣ; съ ней можно было не считаться. Наступалъ выгодный для Германіи и Австріи историческій періодъ. А для Россіи наступалъ революціонный.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Негодованіе наростаетъ. — Раскаяніе земства и другихъ учрежденій въ ассигнованіяхъ на войну. — Красный Крестъ и общеземская организація. — Исторія съ ген. Сухомлиновымъ. — Хищенія открываются. — Интендантство и пожары складовъ. — Организація общественныхъ силъ начинается. — Убійство Плеве. — „Плевокъ“. — Участіе Азефа установлено.

Хроника второй половины 1904 г. пестритъ событіями, указывающими наступленіе внутреннихъ осложненій. Отъ былого стремленія притти на помощь къ правительству, оказавшемуся въ бѣдѣ, ничего не остается; наоборотъ, неудачи его вызываютъ открытое злорадство общества, и это явленіе характеризуетъ одновременно и слабое культурное развитіе страны, и безнадежность позиціи, занятой царемъ и чиновничествомъ. Всѣ точно разбрелись въ разныя стороны, почувствовавъ себя чужими другъ другу. Земства начали каяться въ своихъ ассигнованіяхъ на войну, изнемогая отъ обязательныхъ по закону расходовъ на семьи резервистовъ. Служащіе земскихъ управъ и даже правительственныхъ учрежденій стали брать назадъ свои постановленія объ отчисленіяхъ изъ жалованья на нужды арміи и флота. Крестьяне вовсе перестали жертвовать.

Ген. Сухомлиновъ,
военный министръ, малоспособный кавалер. офицеръ. Бывшій кіевскій ген.-губернаторъ; погромовъ не устраивалъ, но денегъ мѣстнаго „Краснаго Креста“ не берегъ.

Общеземская организація, работавшая на войнѣ параллельно съ „Краснымъ Крестомъ“ и избравшая своею спеціальностью устройство питательныхъ пунктовъ, одна продолжала пользоваться общими симпатіями, и стоявшій во главѣ ея князь Г. Львовъ не переставалъ получать отъ земствъ средства. Въ „Красномъ“ же Крестѣ открывались такіе непорядки, послѣ которыхъ назначеніе судебнаго слѣдствія бываетъ обычнымъ явленіемъ. Но, подобно тому, какъ Николай прикрывалъ собой отъ ревизій и суда морское вѣдомство, его мать, Марія Ѳедоровна, прикрывала собой хищниковъ Краснаго Креста. Какъ бы предполагалось, что цари не могли ошибаться въ выборѣ лицъ, и что ихъ присутствіе, хотя бы и номинальное, обращало учрежденія, извѣстныя

Группа тверскихъ земцевъ (съ [illegible]тамъ въ Твери 11—19 Октября 1905)

1) В. Ф. Гассеръ, 2) В. М. Воскресенскій, 3) С. А. Масняковъ, 4) Н. А. Бзавжинскій, 5) [illegible] Ромейко, 6 М. Г. Зайцевъ, 7) Ѳ. И. Родичевъ, 8) стенографистка, 9) кн. Н. С. Путятинъ, 10) Д. Н. Квашнинъ-Самаринъ (получилъ ударъ камнемъ въ грудь и вышелъ послѣдн[illegible] въ пилающаго зданія управы), 11) И. И. Ревякинъ, 12) Г. В. де-Роберти, 13) Б. Н. Тихъ, 14) В. Д. фонъ-Дервизъ, 15) Н. К. Милюковъ (сильно израненъ), 16) М. И. Петрункевичъ, 17) А. А. Бакунинъ, 18) М. А. Потемкинъ, 19) А. С. Медвѣдевъ (переломъ обѣихъ ногъ), 20) С. Д. Квашнинъ-Самаринъ, 21) К. Я. Крюковъ, 22) В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, 23) [illegible] Петрункевичъ, 24) С. В. де-Роберти, 25) Н. Н. Лошаковъ, 26) бар. И. С. Вревскій, 27) В. Н. Карпухинъ, 28) А. Б. Кудрявцевъ, 29) [illegible] П. Литвиновъ, 30) Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ.

народу за притоны хищничества и лѣни, въ храмы безкорыстія и усердія. Отдѣльныя вспышки негодованія, напр. по поводу кіевской исторіи съ ген. Сухомлиновымъ (нынѣ военный министръ), допустившимъ растрату 55.000 рублей, съ бар. Мейендорфомъ, распустившимъ своихъ петербургскихъ подчиненныхъ до полной откровенности въ устройствѣ своихъ дѣлъ, и т. п., — обычно заминались вліятельными людьми, и высокіе покровители навѣшивали quasi-обиженнымъ лишніе значки и подписывали лишніе рескрипты.

Еще покрупнѣе аферы начинали открываться въ интендантствѣ. Ни одна изъ предыдущихъ кампаній Россіи не давала этому вѣдомству такой обильной поживы.

Остатки кареты, въ которой находился **Плеве** въ моментъ взрыва.

Благодаря Куропаткинской системѣ постоянныхъ отступленій, явилась возможность сжигать всѣ склады съ похвальной цѣлью не оставлять ихъ японцамъ. Но такъ какъ некому было провѣрять обгорѣлыя груды запасовъ, то писать въ отчетахъ можно было что угодно, и хищенія приняли гомерическій характеръ. Вагоны исчезали тысячами, если въ нихъ были хорошія вещи, которыя можно было продать китайцамъ, и, наоборотъ, загромождали станціи, если шли порожними или съ ранеными. Въ общей неурядицѣ, царившей въ арміи съ самаго начала войны, обычные дурные инстинкты людей должны были гипертрофироваться до чудовищныхъ размѣровъ, а всякій страхъ отвѣтственности исчезнуть. Попутно развращались и строевые офицеры, а легкія деньги и жизнь по станціямъ (ибо армія была точно приклепана къ рельсамъ сибирскаго пути) поощряли трусость, тунеядство, заставляли не брезговать самыми наивными симуляціями, самыми позорными способами, чтобы только не возвра-

щаться въ строй, а тереться возлѣ интендантовъ и, скопивъ денегъ, эвакуироваться на родину.

Съ такимъ фундаментальнымъ распадомъ одной части населенія можно было бороться только усиленной мобилизаціей другой.

Къ этому времени и относится начало организованныхъ выступленій общества.

Процессъ этотъ, который мы разсмотримъ ниже, протекалъ въ неблагопріятной для себя обстановкѣ. Повсемѣстное безпокойство, — гдѣ за родныхъ, находившихся на войнѣ, гдѣ за имущества, все болѣе не обезпеченныя отъ нападеній и рас-

Все, что осталось отъ Плеве,

послѣ взрыва бомбы, брошенной Сазоновымъ въ окно кареты. Сазоновъ, нынѣ лишившій себя жизни въ акатуйской тюрьмѣ, вслѣдствіе истязаній его администраціей тюрьмы, разсказывалъ, что въ моментъ бросанія снаряда взглядъ Плеве встрѣтился со взглядомъ Сазонова, и этого выраженія предсмертнаго ужаса послѣдній никогда не могъ забыть. Нынѣ установлено, что главнымъ устроителемъ покушенія былъ Азефъ. Направо и внизу большое пятно крови.

хищенія, гдѣ за собственную свободу, какъ въ интеллигентскихъ кругахъ, — дѣлалю всѣ взаимоотношенія обостренными, приподнятыми. Вслѣдствіе этого и тѣ чисто теоретическія разномыслія, что могли бы волновать только въ аудиторіяхъ, переносились теперь и на самое существо вырабатывавшихся въ горнилѣ страданій убѣжденій. Будущіе политическіе нелады намѣчались уже въ оцѣнкѣ такихъ, казалось бы, безспорныхъ вопросовъ, какъ военное пораженіе, революціонная пропаганда въ войскахъ, отношеніе къ плѣннымъ японцамъ, которыхъ чествовали кое-гдѣ, какъ избавителей, и т. под. Но въ общемъ русское общество никогда еще не переживало такого эмоціональнаго и идейнаго подъема, какъ въ описываемое время. Такое на-

строеніе неизбѣжно должно было отразиться и на дѣятельности крайнихъ организацій. Хроника даетъ рядъ чисто антиправительственныхъ демонстрацій, изъ коихъ наиболѣе грандіозной была варшавская, а равно и аграрныхъ безпорядковъ рѣшительнаго и вызывающаго характера.

Наступалъ моментъ, когда и провокація, поскольку она становилась самостоятельнымъ институтомъ русской жизни, могла проявить себя съ выгодой для будущихъ махинацій. Евно Азефъ, давно промѣнявшій карьеру инженера на прибыльное ремесло шпіона и имѣвшій за собой нѣсколько благополучно сошедшихъ

Гробъ съ останками В. К. Плеве.

террористическихъ актовъ, приступилъ къ выполненію плана, который долженъ былъ открыть ему неограниченное довѣріе центральнаго революціоннаго комитета или выдвинуть въ первые ряды правительства, если-бъ оно уцѣлѣло отъ разгрома. Игра шла на двѣ стороны, успѣхъ былъ обезпеченъ.

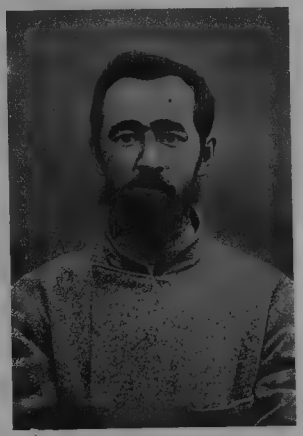
Азефъ рѣшилъ убить самого Плеве.

Въ его рукахъ за это время находились ниги охраны министра и нити, соединявшія между собой извѣстнѣйшихъ дѣятелей комитета. Намѣтить среди нихъ подходящихъ людей было нетрудно, — многіе рвались къ совершенію политическихъ убійствъ. Не было надобности и въ особой конспиративности, такъ какъ отъ Азефа зависѣло выдать въ любой моментъ участниковъ заговора, и онъ же могъ отвести отъ нихъ вниманіе непосвященныхъ въ дѣло чиновъ охраны Плеве. Какъ курьезъ можно отмѣтить, что даже самое изготовленіе снарядовъ, предназначавшихся для Плеве, было произведено по его, Плеве, приказанію, переданному Азефомъ пиро-

технической мастерской военнаго министерства. Скорпіонъ готовился нанести себѣ смертельный ударъ собственнымъ жаломъ.

Нужно было спѣшить. Убійство ген. Бобрикова въ Гельсингфорсѣ, бывшее неожиданнымъ для революціонеровъ, подготовило почву для новаго акта, который явился бы планомѣрнымъ осуществленіемъ одного широкаго заговора. И черезъ пять недѣль послѣ этого событія Сазоновъ бросилъ у Варшавскаго вокзала бомбу въ окно кареты Плеве, который, какъ говоритъ убійца, успѣлъ взглянуть въ глаза

Е. С. Сазоновъ,
убійца Плеве, род. 1879 г. Лишилъ себя жизни на каторгѣ вслѣдствіе истязаній въ 1911 г.; фотографія снята незадолго до совершенія убійства.



Е. С. Сазоновъ,
въ 1906 г. на каторгѣ. Разительная перемѣна за четыре года.

его и понять ужасъ своего положенія, прежде чѣмъ отъ тѣла и кареты остались небольшіе куски.

Извѣстно также, что убійство в. к. Сергѣя было организовано тѣмъ же Азефомъ. И не тому ли слѣдуетъ приписать аналогичныя послѣдствія взрывовъ обѣихъ каретъ (ихъ силу и направленіе), что снаряды были изготовлены по всѣмъ правиламъ пиротехнической науки въ казенныхъ мастерскихъ?

Въ Россіи все шло точно наизнанку. Снаряды, которые должны были рваться на войнѣ, дѣлались изъ дрянныхъ матеріаловъ, а тамъ, гдѣ элементарныя соображенія должны были внушить подозрѣнія и отказъ отъ работы, послѣдняя совершалась безукоризненно *).

*) Появившіяся, въ серединѣ 1910 г., разоблаченія Савинкова, одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Азефа, категорически подтверждаютъ участіе этого излюбленнаго слуги правительства, котораго защищалъ Столыпинъ съ думской трибуны, въ убійствѣ в. к. Сергѣя, Богдановича и др. лицъ. „Почему же Лопухинъ въ ссылкѣ?" На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ все содержаніе этой работы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Союзъ Освобожденія. — Его печатный органъ и мнѣнія о немъ въ Россіи. — Программа союза. — Временное замѣшательство правительства. — Назначеніе кн. Святополкъ-Мирскаго. — Эра „довѣрія". — Нѣсколько новыхъ назначеній. — Безсиліе отдѣльныхъ лицъ. — Правитель канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, Любимовъ, какъ символъ бюрократической живучести. — Борьба кн. Святополкъ-Мирскаго съ камарильей. — Тверское земство. — Возвращеніе высланныхъ земцевъ. — Наслѣдіе Ширинскаго-Шихматова. — Земство оживаетъ и готовится къ организованному выступленію. — Департаментъ полиціи также. — Банкеты. — Съѣздъ земцевъ 6—8 ноября 1904 г. — Резолюціи большинства и меньшинства. — Адреса царю земскіе и дворянскіе — Неудовольствіе чиновниковъ. — Указъ 12-го декабря 1904 г. — Недовѣріе общества. — Что думали лучшіе представители бюрократизма? — Совѣщаніе о созывѣ Земскаго Собора.

Въ то самое время, когда открыто приготовлялись бомбы для министровъ и великихъ князей, всякое проявленіе общественной самодѣятельности преслѣдовалось, а потому неизмѣнно оставалось конспиративнымъ. Это было одинаково для террористовъ и мирныхъ теоретиковъ конституціонализма, для экспропріаторовъ и буржуазной демократіи. Нечего и говорить, что работа въ подобныхъ условіяхъ совершалась медленно, шла подчасъ окольными путями къ цѣлямъ, находившимся въ двухъ шагахъ, и придавала полезной для государства подготовительной дѣятельности прогрессистовъ заговорщицкій характеръ. Тѣмъ не менѣе нужно было или примѣняться къ русскимъ условіямъ, или вовсе не работать. И появленіе „Союза Освобожденія" прошло подъ тѣмъ же кровомъ тайны, какъ если бы это была боевая революціонная партія.

Нужно, однако, замѣтить, что Союзъ былъ чистъ отъ той заразы, которая возникаетъ одновременно съ рожденіемъ всякой нелегальной организаціи. Въ немъ рѣшительно не было мѣста шпіонажу, такъ какъ входившіе въ составъ Союза земцы и представители науки и литературы органически были неспособны къ выдачѣ товарищей.

Плеве поименно зналъ большинство Союза; прошлое его членовъ ручалось министру за ихъ участіе въ партіи, представлявшейся ему тѣмъ болѣе опасной, чѣмъ болѣе она была неуловима. И однако Союзъ періодически собирался на засѣданія, бывшія иногда многолюдными, причемъ составлялись протоколы ихъ, велась постоянная переписка бюро съ отдѣльными членами. Мало того, у „Союза" былъ и свой органъ, извѣстное всѣмъ „Освобожденіе", издававшійся въ Штудтгартѣ подъ редакціей Петра Струве. Листки и нумера „Освобожденія" циркулировали по всей Россіи, журналъ корреспондировалъ со всѣми. Большая часть оглашавшихся въ немъ дѣяній правительства и отдѣльныхъ лицъ бюрократическаго и придворнаго міра снабжалась доказательствами полученія свѣдѣній изъ первоисточниковъ. Язва Освобожденія заползала, такимъ образомъ, въ святыя святыхъ чиновничества, и дѣло дошло до того, что кн. В. Мещерскій, всегда игравшій въ искренность, привѣтствовалъ въ своемъ реакціонномъ „Гражданинѣ" разоблаченія революціоннаго „Освобожденія".

Союзъ выработалъ свою политическую программу (см. приложеніе I-ое), которая впослѣдствіи вошла въ программу партіи конституціоналистовъ-демократовъ и выразилась также въ адресѣ первой Государственной Думы. Умѣренность программы зависѣла какъ отъ личнаго состава членовъ Союза, такъ и отъ ихъ житейскаго опыта. Большинство еще раньше успѣло выработать въ себѣ то именно міровоззрѣніе, которое объединяло Союзъ и отражалось на его работахъ и резолюціяхъ.

Такъ Плеве и умеръ, не успѣвъ переловить членовъ Союза Освобожденія и даже не помѣшавъ его развитію.

Убійство второго министра внутреннихъ дѣлъ нѣсколько обезкуражило придворныя и правительственныя сферы. Курсъ заколебался, самые противорѣчивые слухи заходили въ обществѣ относительно ближайшей политики Николая. Но уже поворотъ въ финляндскомъ вопросѣ предвѣщалъ новую либеральную диверсію; и дѣйствительно, назначеніемъ кн. Святополкъ-Мирскаго показали, что чистокровное чиновничество скомпрометировано въ глазахъ царя, и онъ хочетъ освѣжить его составъ относительно новымъ и независимымъ человѣкомъ.

Министръ внутр. дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскій и его личная канцелярія.
Правитель ея Любимовъ (за стуломъ), замеръ въ почтительной позѣ; такъ же вытягивался раньше при Плеве, а потомъ при Дурново; теперь въ Вильнѣ губернаторствуетъ.

На свой ли рискъ, или по совѣту съ Николаемъ, только Мирскій съ первыхъ же дней управленія министерствомъ началъ проявлять довольно необычныя для бюрократа свойства. Въ сентябрѣ 1904-го года онъ произнесъ свою извѣстную рѣчь, одно слово которой окрестило потомъ и всю недолгую эпоху, предшествовавшую революціи. „Довѣріе“, сказалъ министръ, должно лежать въ основѣ взаимоотношеній правительства и общества; и это, казалось бы, шаблонное и безспорное опредѣленіе, было такой новостью въ Россіи, что около него немедленно начали собираться надежды, робкія попытки открытыхъ организацій, скромныя общественныя выступленія. Органы же земскаго и городского самоуправленія, какъ болѣе подготовленные факторы освободительнаго движенія, не замедлили широко и совершенно искренно откликнуться на призывъ министра, сдѣланный какъ бы отъ имени правительства и царя. Со всѣхъ сторонъ на Мирскаго посыпались сочувственныя привѣтствія, въ которыя кое-гдѣ вставлялись и намеки на то, что земскіе люди готовы принять и болѣе активное участіе въ работѣ правительства по переустройству государства.

Поскольку упованія земства были чистосердечны, они были и наивны. Чиновничество оставалось глухо къ смѣнѣ настроеній во дворцѣ и населеніи; оно давно привыкло къ самостоятельному существованію, кристаллизовалось, пріобрѣло традиціи; и даже, если откинуть въ сторону соображенія матерьяльнаго характера, не могло тронуться съ насиженнаго мѣста съ тою же охотой, съ какой сошли съ него общество, народъ и самъ министръ. Чувство самосохраненія подсказало ему, поэтому, немедленно и соотвѣтствующія мѣры, и — чтобы не ходить далеко за примѣромъ, — тотчасъ вслѣдъ за либеральной рѣчью Мирскаго, его товарищъ, завѣдывавшій корпусомъ жандармовъ, былъ назначенъ завѣдывать и всей полиціей, что объединяло дѣйствіе двухъ главныхъ столповъ самодержавія. Съ тѣхъ поръ все короткое пребываніе у власти обратилось для Святополка въ скрытую войну противъ реакціонно настроенныхъ подчиненныхъ и въ еще того болѣе тонкую борьбу съ камарильей, гдѣ генералъ-адъютайту Мирскому все было извѣстно лучше, чѣмъ министру Мирскому — въ средѣ бюрократовъ. Въ рукахъ послѣднихъ находились къ тому же козыри, дѣлавшіе шансы игры неравными. Конецъ 1904 г. ознаменовался рядомъ новыхъ антиправительственныхъ демонстрацій и, въ противовѣсъ имъ, еврейскихъ погромовъ, которымъ тѣмъ легче было приписать политическій характеръ, что они устраивались провокаторами, бывшими на службѣ у департамента полиціи. Такъ и чередуются данныя хроники: демонстраціи въ Петербургѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Харьковѣ и Гельсингфорсѣ, — погромъ въ Могилевѣ (черезъ недѣлю послѣ демонстраціи), всегда, впрочемъ, съ перевѣсомъ чистаго броженія надъ подставнымъ. Мирскій же, по натурѣ умѣренный человѣкъ, естественно склонялся къ умѣреннымъ общественнымъ кругамъ, а таковыми были именно земскіе и городскіе дѣятели. Поэтому первымъ дѣломъ его было возобновить сношенія, грубо порванныя близорукой политикой Плеве. Въ короткое время были возвращены изъ ссылки Родичевъ, Петрункевичъ, Буняковъ и др. лица; земствамъ, гдѣ было ограничено право самоуправленія, дозволено было вернуться къ обычному и законному порядку. А такъ какъ главнымъ очагомъ раздоровъ считалось тверское земство, то Мирскій поспѣшилъ убрать изъ Твери губернатора Ширинскаго-Шихматова, организовавшаго весьма наивную, но все же вредную систему взаимныхъ доносовъ, и назначилъ туда кн. Урусова, показавшаго себя въ Кишиневѣ съ хорошей стороны.

Это назначеніе и нѣсколько другихъ, менѣе замѣтныхъ, не могли, разумѣется, ни на іоту измѣнить общій чиновничій строй управленія и были тѣми каплями дождя въ засуху, которыя только раздражаютъ жаждущаго путника, не принося ему облегченія. Мирскій могъ бы убѣдиться въ своемъ безсиліи, не выходя даже изъ канцеляріи: ея правитель, Любимовъ (сынъ бывшаго профессора физики въ московскомъ университетѣ и доносчика на товарищей, про котораго говорили, что онъ „не профессоръ, не ученый и даже просто не порядочный человѣкъ“), встрѣчалъ либеральнаго начальника съ тою же чиновничьей граціей, какъ и его реакціоннаго предшественника, котораго запросто величалъ (какъ и всѣ, впрочемъ, чины министерства внутреннихъ дѣлъ) — „Плевкомъ“; онъ готовъ былъ хоронить Мирскаго съ тою же

почтительностью, какъ и двухъ убитыхъ раньше министровъ. Это былъ олицетворенный символъ самого русскаго бюрократизма, сохранявшаго жизнеспособность и устойчивое равновѣсіе въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. И когда, въ моментъ открытія первой Государственной Думы, Лѣбимовъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Вильнѣ, — лучшаго признака чиновничьяго неунынія нельзя было и выдумать.

Помощники этого типа тормазили, каждый въ мѣру своихъ специфическихъ способностей, дѣятельность Святополка, уже начинавшаго ощущать непосильность борьбы на три фронта: съ тенденціями бюрократіи, крайнихъ политическихъ партій и Дворомъ, спѣшившимъ вооружить царя противъ либерала-министра. Когда же, по вопросу о возвращеніи правъ тверскому земству, обнаружилось, что Николай съ такою же готовностью можетъ вернуть права и вовсе ихъ лишить, и что онъ продолжаетъ не разбираться въ азбукѣ устройства собственнаго государства, Мирскій долженъ былъ притти въ полное отчаяніе. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи честнаго управляющаго, попавшаго къ помѣщику, котораго всѣ кругомъ обманываютъ, и который не знаетъ толкомъ даже границъ своего имѣнія.

Помѣстье на сей разъ было слишкомъ обширно, а обманъ слишкомъ глубокъ, чтобы кто нибудь изъ людей могъ въ одиночку управить и одолѣть ихъ. Только созывъ народныхъ представителей могъ помочь Мирскому, и сюда начали направляться его дѣйствія. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ наравнѣ съ лучшими общественными силами, но такъ какъ онѣ не были еще достаточно организованы, Мирскій не могъ удержаться одинъ противъ арміи чиновниковъ и отстранился отъ дѣла послѣ того, какъ 9-го января 1905 эта армія дала освободительному движенію генеральный бой. Будь, однако, министръ моложе, здоровѣй и опытнѣй, онъ понялъ бы, что на площади Зимняго Дворца одержана были пиррова побѣда, и что ею открывалась новая эра, эра недовѣрія Россіи къ своему царю; совершалось истинное крушеніе абсолютизма, окончательное скомпрометированіе въ народныхъ массахъ и самого монархическаго принципа. Но тутъ уже должны были вступить въ бой новыя силы, и въ предстоявшей сѣчѣ не могъ бы удержаться вообще никакой руководитель правительства.

Какъ-бы то ни было, но съ министерствомъ кн. Святополкъ-Мирскаго связаны даты крупнѣйшихъ событій предреволюціоннаго полугодія. Это — съѣздъ земскихъ дѣятелей 6—8 ноября, указъ царя отъ 12-го декабря и провокація Гапона 9-го января. Всѣ эти даты оставили глубокіе слѣды въ послѣдующемъ движеніи, какъ бы намѣтивъ и тѣ вѣхи, по которымъ должна была направиться ближайшая исторія Россіи, т. е. продолжающуюся умѣренность политическихъ и соціальныхъ требованій русской интеллигенціи; нарушенія царемъ своихъ торжественныхъ обѣщаній и даже клятвъ, поскольку это относится къ Финляндіи, напримѣръ; наконецъ, расцвѣтъ азефовщины и окончательное смѣшеніе крайнихъ революціонныхъ и контръ-революціонныхъ элементовъ.

Послѣ разгрома земства въ 1890 году, ни одна серія земскихъ собраній не проходила при такомъ повышенномъ настроеніи земскихъ сферъ, какъ въ 1904 г. Къ осени этого года выяснилось окончательное пораженіе на Востокѣ, общее недовольство въ центрѣ, революціонное броженіе на окраинахъ и намѣреніе правительства свернуть съ своего традиціоннаго пути. Несмотря на то, что всѣ эти факторы движенія наростали въ извѣстной послѣдовательности, моментъ оказался все же какъ бы неожиданнымъ, а общество — неподготовленнымъ. Этимъ обусловливалась, повидимому, и та спѣшка, съ которой земства, города, печать, общество, университеты приступили къ мобилизаціи своихъ силъ, къ демонстраціи прогрессивныхъ убѣжденій, къ нащупыванію союзниковъ. И такъ какъ общее стремленіе было влѣво, то и подошелъ такой періодъ, когда могло казаться, что все, что стоитъ противъ абсолютизма и чиновничества, есть чисто революціонная масса, что крайнія дѣйствія одобряются на обоихъ флангахъ оппозиціи, и что терроръ и вооруженное возстаніе исповѣдуются чуть не самыми умѣренными земскими элементами. Заблужденіе было очевидно, но правительство охотно поддалось ему, и съ этого момента размежевалось окончательно съ народомъ, мысленно объявивъ ему войну. Департаментъ

полиціи дѣятельно началъ готовиться къ первому сраженію и, вѣрный своей практикѣ выставилъ для этого фальшивый стягъ — пропаганду Гапона.

Рядомъ съ этой грязью открытыя дѣйствія Союза Освобожденія принимаютъ особенно свѣтлый характеръ. Первоначально Мирскій даетъ разрѣшеніе на созывъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Петербургѣ: приглашенія разсылаются, представители земствъ начинаютъ уже съѣзжаться, какъ вдругъ въ Царскомъ Селѣ взглядъ мѣняется, и Мирскому предлагаютъ не допускать съѣзда. Однако поздно это дѣлать и неудобно; съѣздъ объявляется только закрытымъ, частнымъ собраніемъ, на которое министръ обѣщаетъ „смотрѣть сквозь пальцы".

Отъ 6 до 8-го ноября, въ квартирѣ Брянчанинова происходило первое оффиціальное собраніе русскихъ конституціоналистовъ, большинство коихъ принадлежало къ „Союзу Освобожденія". Сплоченность, дисциплина, умѣнье разбираться въ вопросахъ, вести пренія, формулировать рѣшенія, — всѣмъ этимъ съѣздъ былъ обязанъ предыдущей дѣятельности Союза.

Идеи, одушевлявшія участниковъ историческихъ ноябрскихъ засѣданій, получили въ то время широкое распространеніе. Начиналась полоса банкетовъ, на которыхъ впервые раздалось смѣлое слово вчерашнихъ рабовъ бюрократизма, почувствовавшихъ свое завтрашнее освобожденіе. Нельзя было ожидать, чтобы эти первыя и пылкія рѣчи были взвѣшены и продуманы, чтобы онѣ имѣли большое воспитательное значеніе. Это были крики измученныхъ людей, возбуждавшіе повсюду откликъ и объединявшіе разные круги населенія скорѣй по чувству, нежели по разсудку. А такъ какъ чувства были однородны, то снова получалась иллюзія полнаго единодушія русскаго общества; смѣшивалась общая ненависть къ чиновничеству съ единствомъ политическихъ и соціальныхъ идеаловъ. Зрительному и слуховому обману поддавались обѣ стороны, и онъ сыгралъ свою роль въ ходѣ событій. Въ то время, какъ общество, видимо переучитывая свои силы, набиралось смѣлости и все рѣзче наступало на чиновничество, послѣднее начало сомнѣваться въ своемъ всемогуществѣ и сдѣлало первую уступку, выразившуюся въ царскомъ указѣ 12-го декабря.

Въ приложеніяхъ къ этой книгѣ приводятся оба документа: и резолюція съѣзда 6—8 ноября, и первый указъ Николая, свидѣтельствовавшій о сходѣ абсолютизма съ рельсовъ (см. прил. II и III).

Въ самый развалъ войны и домашнихъ заботъ, вызванныхъ убійствами Бобрикова и Плеве, родился, наконецъ, у Николая давно жданный наслѣдникъ. Событіе прошло незамѣченнымъ народомъ, да и правительство на сей разъ не рекламировало царской радости, погруженное въ свои дѣла. Но земства, рѣшившія воспользоваться осенней сессіей для представленія адресовъ царю по поводу новаго курса, не могли обойти важнаго для Николая случая; отсюда произошла та странная двойственность многихъ адресовъ, которая можетъ поразить будущаго изслѣдователя. Почтительныя поздравленія, невольно слагавшіяся во фразы, свойственныя взаимнымъ отношеніямъ самодержца и слугъ, дисгармонировали съ настойчивостью указаній неизбѣжности измѣненія государственнаго строя. Нѣкоторыя земства, во избѣжаніе этого, расчленили поздравленія и конституціонныя стремленія свои и послали параллельные адреса. Такъ поступило и калужское земство, бывшее первымъ въ этой цѣпи демонстрантовъ.

Теперь курьезно звучатъ ultra-умѣренныя выраженія его адреса, о которомъ царь сказалъ, что онъ „сердечно написанъ". Вотъ что сказали Николаю калужскіе земцы:

„Государь, Вашему Императорскому Величеству угодно было ознаменовать сороковую годовщину русскаго земства словами довѣрія, высказаннаго черезъ министра Вашего Величества. Одушевленное ими, калужское губернское земское собраніе радостно приступаетъ къ своимъ очереднымъ трудамъ, въ твердомъ упованіи на то, что вмѣстѣ съ земскими работниками, чувства которыхъ Вамъ, Государь, извѣстны, и всѣ лучшіе люди, облеченные довѣріемъ общества, сплотятся вокругъ великаго престола, готовые защитить его отъ враговъ твердаго правопорядка. Вѣрьте, Государь, что искренно лишь свободное слово, производителенъ лишь трудъ равноправныхъ и лично неприкосновенныхъ гражданъ, чиста лишь свободная совѣсть, и горяча молитва въ открытыхъ храмахъ всѣхъ исповѣданій. И если настанетъ день, когда Вашему Величеству угодно будетъ призвать къ государственной работѣ выбор-

ныхъ представителей земли, они образуютъ ту мощную рать, которая поможетъ монарху вывести прекрасную страну его на торный путь мирнаго развитія всѣхъ духовныхъ и промышленныхъ ея силъ, ко благу грядущихъ поколѣній и къ неувядаемой славѣ царствованія Вашего Величества."

По этому типу составлены были адреса и другихъ земствъ. Дворянство незамедлило потянуться по той же дорогѣ, но его адреса по большей части повторяли заѣзженныя выраженія вѣрноподданической преданности, и проходили незамѣченными печатью и бюрократіей. Дворянство въ это время было вообще на плохомъ счету, его игнорировали.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что серія однородныхъ земскихъ и городскихъ адресовъ столь же повліяла на появленіе указа 12-го декабря, какъ и резолюціи съѣзда 6—8 ноября. Полное умолчаніе указа о дворянствѣ еще подтверждаетъ это предположеніе (дворянскіе адреса пошли только съ января 1905 г., а земство, разумѣется, о дворянскихъ привилегіяхъ и нуждахъ не заикалось), и въ общемъ конъюнктура слагалась благопріятно для прогрессивной части населенія.

Но недовѣріе общества, воспитанное политикой всѣхъ русскихъ царей, а тѣмъ больше — чиновничества, нельзя было поколебать такимъ неопредѣленнымъ актомъ, какъ указъ 12-го декабря. Россія привыкла къ громкимъ фразамъ и тихимъ дѣламъ и нуждалась въ реальныхъ доказательствахъ твердости намѣреній правительства. Поэтому и въ декабрѣ продолжались тѣ же волненія, банкеты и съѣзды, невольно симулируя наличность революціи, бывшей, на самомъ дѣлѣ, только въ зародышѣ. Бюрократія, въ свою очередь, была недовольна быстротой и широтой уступокъ Николая и Мирскаго и волновалась не меньше своихъ враговъ. Лишь весьма немногіе представители правительства отнеслись къ намѣреніямъ царя сочувственно, считая ихъ серьезными, другіе просто не вѣрили своему монарху, хорошо зная его готовность на мѣры самого противоположнаго характера. Къ числу первыхъ немногихъ принадлежалъ министръ земледѣлія Ермоловъ, который такъ писалъ, въ частномъ обращеніи къ пріятелю, объ указѣ 12-го декабря:

„....Я долженъ высказать убѣжденіе, что указъ 12-го декабря, при томъ развитіи, которое предположено дать намѣченнымъ въ немъ началамъ, составитъ эру въ исторіи нашей жизни, послѣ которой возвратъ къ старому будетъ уже невозможенъ. Комитетъ министровъ собирается теперь два раза въ недѣлю и твердо стоитъ на возвѣщенной Государемъ почвѣ законности, свободы совѣсти, гарантій правъ личности и т. п.

Мы дѣлаемъ только часть дѣла, къ дальнѣйшему развитію котораго несомнѣнно будутъ въ той или иной формѣ привлечены и общественныя силы.... Мы пока кладемъ только основы дѣлу, даемъ ему дальнѣйшее направленіе, которое несомнѣнно будетъ итти далѣе не исключительно бюрократическимъ путемъ.... Какъ это будетъ, я еще не знаю, но увѣренъ въ томъ, что будутъ оправданы тѣ ожиданія, которыя вызываетъ въ русскомъ обществѣ указъ 12-го декабря".

Выдержка эта характерна какъ для правительства, готоваго сколько угодно стоять на почвѣ законности, но не двигаться съ нея, такъ и для наивности бѣднаго министра, которому первому пришлось испытать на себѣ прелести „не исключительно бюрократическаго пути". Ермоловъ былъ высаженъ Николаемъ изъ министерскаго кресла такъ, какъ не расчитываютъ теперь и прислугу, т. е. безъ всякаго предупрежденія и объясненій. Просто всталъ утромъ министръ и прочелъ въ газетѣ о своемъ увольненіи.

Но въ одномъ министръ земледѣлія былъ правъ: указъ составилъ эру и, при содѣйствіи революціи, привелъ таки къ положенію вещей, отъ котораго возврата къ прошлому не можетъ быть, несмотря ни на какую реакцію.

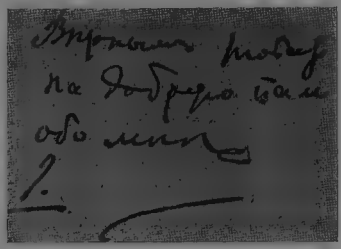
Въ февралѣ 1905 года состоялось совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ царя о созывѣ Земскаго Собора.

Удержаться на позиціи не помогъ и Гапонъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Священникъ Гапонъ. — Рабочія организаціи. — Генералъ Фулонъ. — Двойная игра. — Грандіозный планъ. — Приготовленія къ шествію. — Наканунѣ 9-го января. — Безсиліе кн. Святополкъ-Мирскаго. — Совѣщанія въ редакціи „Сына Отечества". — Хожденія по министрамъ. — Въ царской семьѣ. — Трусость эксплоатируется иниціаторами бойни. — Свита и великіе князья. — Угрозы в. к. Владиміра. — День 9-го января. — Все разыгрывается, какъ по нотамъ. — Общія впечатлѣнія. — Въ рабочихъ сферахъ. — Письма Гапона къ царю, рабочимъ и крестьянамъ. — Неудача провокаціи. — Революція дѣлается неизбѣжной. — Убійство въ Москвѣ в. к. Сергѣя Александровича.

Гапонъ былъ тюремнымъ священникомъ и, по свидѣтельству политическихъ заключенныхъ тюрьмы, отличался всегда грубой жестокостью и реакціонностью въ проповѣдяхъ, произносимыхъ послѣ воскресной службы. Онъ никогда не смотрѣлъ въ глаза собесѣдника и въ ту пору своей жизни не имѣлъ, повидимому, друзей, такъ какъ никто не можетъ разсказать, какимъ образомъ попалъ онъ изъ тюремной церкви въ петербургскія рабочія организаціи. Но уже одинъ фактъ, что организаціи эти были устроены по зубатовскому плану, намѣчаетъ путь, по которому Гапонъ пришелъ къ трагедіи 9-го января. Тамъ, въ тюрьмахъ, полицейскихъ департаментахъ, въ жандармскихъ застѣнкахъ хорошо знаютъ способности и темпераменты сослуживцевъ. Предложеніе могло быть сдѣлано Гапону



Автографъ священника Гапона.

9-е января 1905 г.
У Нарвскихъ воротъ, откуда началось шествіе безоружныхъ рабочихъ.

въ такой формѣ, которая сразу разбудила его честолюбіе, внушила вѣру въ свои силы и окрылила надежды занять выдающееся мѣсто. Въ чемъ или гдѣ именно, — натуры

Свящ. Гапонъ и петерб. градоначальникъ Фулонъ

въ одномъ изъ собраній Общества трезвости рабочихъ петербургскаго фабричнаго района. Въ такихъ собраніяхъ Гапонъ пропагандировалъ освободительныя идеи, подготовляя демонстрацію 9-го января. Ген. Фулонъ былъ посвященъ во всѣ детали провокаціи, которую и провелъ до ея кроваваго конца.

двойственныя, какими всегда бываютъ талантливые провокаторы, онъ и самъ не зналъ. Работая на два фронта, онъ могъ не сомнѣваться въ побѣдѣ одной изъ сторонъ и расчитывать оправдаться отъ обвиненій другой.

Можно сказать, что провокаторы типа Гапона и Азефа такъ и останутся навсегда загадками, и только Гартинги, Рачковскіе и т. под. dii minores провокаціи являются шаблонными отбросами человѣчества, въ которыхъ сосредоточены всѣ низменныя стороны его, при полномъ отсутствіи воображенія. Что касается до Гапона, то роль его теперь установлена, и то обстоятельство, что правительство продолжало якшаться съ нимъ долго спустя послѣ январской исторіи, ясно указываетъ на происхожденіе ея. Гапонъ работалъ сначала для Плеве, потомъ для Витте, для Трепова

9-е января 1905 г.

У Александровскаго сада. Рота Семеновскаго полка и полу-эскадронъ конной гвардіи приготовляются преградить дорогу толпѣ.

и вообще для всѣхъ тѣхъ, кто изъ рабочихъ волненій или ихъ подавленія думалъ извлечь для себя выгоду. Поэтому то и послѣ смерти Плеве рабочія собранія продолжались, лекціи попрежнему сбивались на политическую пропаганду, и случайные посѣтители аудиторій незамѣтно организовывались въ отряды, готовые итти за своими вождями. Князь Мирскій не могъ не знать объ этомъ, не могъ не знать о вліяніи Гапона; но, какъ честная натура, легко поддался обману и видѣлъ здѣсь, вѣроятно, какъ бы пріоткрытый клапанъ, въ который понемногу выходятъ пары революціи. Что Гапону легко было закрыть этотъ клапанъ и сразу довести котелъ до взрыва, никто не думалъ, Гапонъ меньше всѣхъ. Онъ увѣренно шелъ къ тому, чтобы подставить рабочихъ подъ пули войскъ безоружными, но, какъ человѣкъ умственно ограниченный, едва ли сознавалъ, что этой жертвой онъ одновременно удовлетворяетъ заказчиковъ провокаціи и зажигаетъ революціонный костеръ.

Вторая половина 1904 года прошла въ дѣятельной подготовкѣ рабочихъ. Гапонъ былъ неутомимъ, его ораторскія способности развились отъ постоянной практики, возлѣ него подбирался уже штабъ изъ вожаковъ отдѣльныхъ фабричныхъ

районовъ; кое-кто изъ нихъ былъ потомъ уличенъ въ сотрудничествѣ съ Гапономъ, а одинъ изъ обманувшихся въ вождѣ — застрѣлился.

Указъ 12-го декабря былъ лучшимъ моментомъ для мирной демонстраціи рабочихъ, еслибъ гапоновскій планъ былъ чистъ. Но задача была иная. Нужно было показать царю, что, чѣмъ больше онъ уступаетъ, тѣмъ шире разливается море броженія; нужно было подготовить въ Николаѣ раздраженіе противъ общества и народа, вынудить у него разрѣшеніе на разстрѣлъ толпы, запугать однимъ разомъ и царя, и страну.

Поэтому подождали еще мѣсяцъ, пораспустили немного административныя и

9-е января 1905 г. На Невскомъ проспектѣ.

полицейскія вожжи, допустили выходъ такой ярко окрашенной въ красный цвѣтъ газеты, какъ „Сынъ Отечества".

Гапонъ, въ дѣятельномъ общеніи съ петербургскимъ градоначальникомъ, свитскимъ генераломъ Фулономъ, и департаментомъ полиціи, приступалъ къ послѣднимъ приготовленіямъ. По диспозиціи, выработанной для 9-го января, сразу видно, что одному попу немыслимо было составить ее, сколько бы рабочихъ не помогало при этомъ. Чувствовалась рука спеціалиста, в о е н н а г о, которыхъ не мало среди жандармовъ. Одиннадцать рабочихъ отдѣловъ соединялись въ нѣсколько колоннъ, маршруты которыхъ были расчитаны такъ, чтобы дефилировать къ центру города неодновременно, и чтобы еще раньше можно было бить ихъ съ хорошаго обстрѣла. Царскіе портреты и флаги были розданы заранѣе. Условились подымать руки въ знакъ невооруженности, и Гапонъ обѣщалъ всѣмъ колоннамъ итти впереди самъ.

Параллельно съ послѣдними распоряженіями Гапона, шла по петербургскимъ казармамъ раздача патроновъ, готовились лазаретныя линейки и походныя кухни; офицеры съ вечера собирались къ своимъ частямъ. Здѣсь тоже все было расписано,

какъ на царской охотѣ: дичь должна была попасть подъ выстрѣлы не только въ назначенномъ мѣстѣ, но и въ опредѣленную минуту. Вечеромъ 8-го января, въ то самое время, какъ о предстоящемъ побоищѣ зналъ весь Петербургъ, и только рабочіе продолжали вѣрить Гапону, когда нѣсколько представителей столичной интеллигенціи обивали пороги министровъ, умоляя предотвратить кровопролитіе, Гапонъ держалъ къ народу свою послѣднюю рѣчь. Мѣсто было довольно необычное: онъ говорилъ съ подоконника второго этажа дома, vis-à-vis котораго высилась Невская полицейская часть. Приставъ этой части, полковникъ и честный служака, стоялъ на запруженной народомъ улицѣ и, не вѣря ушамъ, слушалъ революціонную рѣчь попа. Онъ имѣлъ

9-е января 1905 г. Все еще мирно.

распоряженіе допустить ее. Но когда Гапонъ перешелъ всѣ границы и началъ грубо поносить Николая, полковникъ рѣшилъ потревожить по телефону генерала Фулона и доложилъ ему о невозможномъ поведеніи Гапона. Градоначальникъ приказалъ оставить Гапона въ покоѣ. Сомнѣній у пристава быть не могло: Гапонъ былъ агентомъ правительства.

Хуже всего чувствовалъ себя кн. Мирскій, на котораго падала отвѣтственность за актъ, въ которомъ онъ не былъ виноватъ. Непонятная слабость его, заставившая ждать съ прошеніемъ объ отставкѣ, вмѣсто того, чтобы 8-го уже оставить министерство, объясняется, быть можетъ, той коренной чертой славянскаго темперамента, которая всегда склоняетъ къ затяжкѣ рѣшеній, въ смутной надеждѣ, что все еще можетъ измѣниться въ послѣдній моментъ.

Но ничего не измѣнилось. 9-го, въ тусклый петербургскій день, рабочіе были разстрѣлены войсками, дѣйствовавшими въ увѣренности, что передъ ними революціонеры, угрожающіе царю. Царь же дрожалъ, вмѣстѣ съ семьей, въ своемъ заго-

9-е января 1905 года.

На Дворцовой площади. Въ этотъ день было убито, благодаря провокаціи Гапона, нѣсколько тысячъ безоружныхъ рабочихъ и мирныхъ гражданъ Петербурга, въ томъ числѣ многія дѣти, гулявшія въ Адмиралтейскомъ скверѣ.

родномъ дворцѣ, потому что, давъ позволеніе убивать подданныхъ, онъ не былъ увѣренъ ни въ поведеніи войскъ, ни въ безсиліи толпы, ни въ вѣрности своихъ приближенныхъ. Трусость Николая, который отлично зналъ о своей непопулярности въ странѣ, вообще развязывала во многихъ отношеніяхъ руки вліявшихъ на ходъ политики лицъ. Только у труса можно было испросить разрѣшеніе стрѣлять въ безоружныхъ, только передъ дворцомъ труса можно было убивать дѣтей и нянекъ въ Адмиралтейскомъ скверѣ. Только на труса племянника могъ кричать в. к. Владиміръ, грозившій дворцовымъ переворотомъ въ случаѣ ущерба самодержавію. Николай пряталъ свою волю подъ чужія вліянія съ той же поспѣшностью, какъ голову отъ японскихъ ударовъ подъ крѣпкія руки греческаго королевича.

9-е января 1905 года. По дорогѣ къ кладбищу.

Итакъ, день 9-го января прошелъ, какъ пьеса, разыгрываемая безъ суфлера, не отступая отъ расчетовъ. Пока разстрѣливали рабочихъ, и пока непричастные заговору чиновники уподобляли ихъ парижскимъ коммунарамъ, а Фулона — генералу Галлифэ, въ редакціи „Сына Отечества“ совѣщались тѣ же представители столичнаго общества, что наканунѣ ходили по министрамъ. Вскорѣ всѣ они были арестованы по подозрѣнію въ намѣреніи „объявить себя временнымъ правительствомъ въ случаѣ успѣха возстанія“. Но обвиненіе было обставлено столь наивно, что арестованныхъ пришлось выпустить.

Нѣсколько тысячъ труповъ валялись въ этотъ день на петербургскихъ улицахъ, и населеніе не скрывало своего возмущенія. По адресу войскъ, особливо офицеровъ, отовсюду раздавались оскорбительные возгласы, и были единичные случаи насилія надъ военными. Въ нѣкоторыхъ частяхъ города агитаторы революціонныхъ партій, пользуясь повышеннымъ настроеніемъ толпы, пытались вызвать безпорядки, валили телеграфные столбы для баррикадъ, шумѣли. Но все это такъ мало походило на революцію, что войскамъ не было поводовъ къ новымъ разстрѣламъ. Рабочіе въ угрюмой тишинѣ собраній, бывшихъ съ этого момента уже нелегальными, обсуждали поступки своихъ руководителей. Та цѣль, къ которой стремилось правительство, не была достигнута, но освободительное движеніе выиграло въ этотъ день крупную побѣду. Престижъ царя долженъ былъ крушиться именно тамъ, гдѣ сосредоточивались главные кадры будущей революціи, въ рабочихъ кварталахъ столицы, по всѣмъ вообще фабричнымъ районамъ Россіи.

Гапонъ, симулировавшій бѣгство и не безъ ловкости устроившій себѣ выступленіе въ одномъ изъ собраній того же дня, причемъ вывелъ его не кто другой, какъ Максимъ Горькій, поддавшійся общему довѣрію къ попу-провокатору, Гапонъ рвалъ и металъ, что дѣло сорвалось, что не послѣдовало попытки вооруженнаго возстанія, столь нужной правительству. Именно злоба на неуспѣхъ могла продиктовать бывшему тюремному священнику тѣ слабыя обращенія къ народу, рабочимъ и царю, которыя начали циркулировать въ Петербургѣ съ 10-го января и которыя никого уже не могли ввести въ заблужденіе, хотя Гапона и не обвиняли еще въ тотъ моментъ въ провокаціи. Достаточно прочесть самое скромное изъ этихъ произведеній неумнаго агента полиціи, чтобы вся природа событій тѣхъ дней сдѣлалась очевидной. Беремъ первое посланіе Гапона къ рабочимъ.

Преображенское кладбище.
Могилы погибшихъ на улицахъ Петербурга въ день 9-го января и въ другіе дни 1905 г.

„Родные, кровью спаянные братья-товарищи рабочіе, — писалъ попъ, притворяясь „душой на-распашку", — мы мирно шли девятаго къ царю за правдой. Мы предупредили объ этомъ его опричниковъ — министровъ, просили убрать войска, не мѣшать намъ итти къ нашему царю. Самому царю я послалъ 8-го письмо въ Царское Село, прося его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой. Цѣною собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же! Невинная кровь все-таки пролилась. Звѣрь-царь, его чиновники, казнокрады и грабители русскаго народа, сознательно захотѣли быть и сдѣлались убійцами безоружныхъ нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей.

Пули царскихъ солдатъ, убившихъ за Нарвской заставой рабочихъ, несшихъ царскіе портреты, прострѣлили царскіе портреты и убили нашу вѣру въ царя. Такъ отомстимъ же, братья, проклятому народомъ царю и всему его змѣиному царскому отродью, министрамъ и всѣмъ грабителямъ несчастной русской земли! Смерть имъ

всѣмъ, кто чѣмъ и какъ можетъ! Я призываю всѣхъ, кто искренно хочетъ помочь трудовому русскому народу свободно жить и дышать, на помощь. Всѣхъ интеллигентовъ, студентовъ, всѣ революціонныя организаціи (соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ), всѣхъ. Кто не съ народомъ, тотъ противъ народа! Братья! товарищи, рабочіе всей Россіи! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, своихъ женъ и дѣтей, разрѣшаю вамъ брать гдѣ и какъ можете. Бомбы, динамиты, все разрѣшаю, не грабьте только частныхъ жилищъ, и лавокъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія, не грабьте бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными! Лучше оставить девять сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте баррикады! Громите царскіе дворцы и палаты! Уничтожайте ненавистную народу полицію! Солдатамъ и офицерамъ, убивающимъ своихъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, всѣмъ угнетателямъ народа, мое пастырское проклятіе! Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться свободы, мое благословеніе! Ихъ солдатскую клятву измѣннику-царю, приказавшемупролить неповинную кровь, ихъ солдатскую клятву разрѣшаю.

Дача въ Озеркахъ,
куда заманили Гапона для совершенія убійства. Несмотря на точность медицинскаго и судебнаго изслѣдованія, доселѣ живетъ легенда о томъ, что Гапонъ не убитъ и появится въ одинъ прекрасный день.

Дорогіе товарищи-герои! Не падайте духомъ, вѣрьте, скоро добьемся свободы и правды! Неповинно пролитая кровь тому порукой. Перепечатывайте, переписывайте всѣ, кто можетъ, и распространяйте между собой и по всей Россіи это мое посланіе и завѣщаніе, зовущее всѣхъ угнетенныхъ, униженныхъ и обездоленныхъ на Руси возстать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ, если разстрѣляютъ, продолжайте борьбу за свободу! Помните всегда данную мнѣ вами, сотнями тысячъ честныхъ рабочихъ, клятву! Боритесь, пока не будетъ созвано учредительное собраніе на основаніи всеобщаго, прямого, тайнаго избирательнаго права, гдѣ будутъ избранные вами самими защитники вашихъ правъ и интересовъ, выставленныхъ въ вашей петиціи измѣннику-царю. Да здравствуетъ грядущая свобода русскаго народа! СПБ. 9 Января, 12 часовъ ночи. Священникъ Гапонъ.

Въ каждый изъ II отдѣловъ собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ послано за собственноручной моею подписью одно такое посланіе."

Когда и этотъ призывъ остался безъ послѣдствій, Гапонъ испробовалъ болѣе краткій стиль; во второмъ письмѣ къ рабочимъ онъ говоритъ:

„ . . . . Неповинная народная кровь пролилась. Затаимъ же чувства злобы и мести къ звѣрю-царю и къ его шакаламъ-министрамъ. И вѣрьте, близокъ тотъ день, когда рабочая рать, болѣе грозная, болѣе сознательная, — встанетъ, какъ одинъ

человѣкъ, встанетъ за свою свободу, за свободу всей Россіи! Не плачьте же по погибшимъ героямъ, утѣшьтесь! Мы разбиты, но не побѣждены. Разорвемъ лучше всѣ портреты кровопійцы-царя и скажемъ ему: да будешь ты проклятъ со всѣмъ своимъ августѣйшимъ змѣинымъ отродьемъ! Свящ. Георгій Гапонъ".

Наконецъ, чтобы окончательно „навести лакъ" на казавшуюся Гапону искусной махинацію, онъ распространилъ слѣдующую версію своего письма къ царю, написаннаго имъ 7. февраля 1905 г., изъ-за границы:

„Письмо къ НИКОЛАЮ РОМАНОВУ, БЫВШЕМУ ЦАРЮ и НАСТОЯЩЕМУ ДУШЕГУБЦУ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Вскрытіе тѣла бывшаго священника Гапона,
повѣшеннаго рабочими за измѣну на дачѣ въ Озеркахъ, близъ Петербурга. Трупъ былъ найденъ полуразложившимся.

Съ наивной вѣрой въ тебя, какъ въ отца народа, я мирно шелъ къ тебѣ съ дѣтьми твоего же народа. Ты долженъ былъ знать, ты зналъ это.

Неповинная кровь рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей малолѣтнихъ навсегда легла между тобой, о, душегубецъ, и русскимъ народомъ! Нравственной связи у тебя съ нимъ никогда уже быть не можетъ. Могучую же рѣку сковать во время ея разлива никакими полумѣрами, даже вродѣ Земскаго Собора, ты уже не въ силахъ.

Бомбы и динамитъ, терроръ единичный и массовый надъ твоимъ отродьемъ и грабителями безправнаго люда, — все это должно быть и будетъ непремѣнно! Море крови, какъ нигдѣ, прольется!

Изъ-за тебя, твоего всего дома, Россія можетъ погибнуть. Разъ навсегда пойми это и запомни! Отрекись же лучше поскорѣй со всѣмъ своимъ домомъ отъ русскаго престола и отдай себя на судъ русскому народу! Пожалѣй дѣтей своихъ и Россійскія страны, о ты, предлагатель мира для другихъ народовъ, а для своего — кровопійца!

Иначе, вся имѣющаяся пролиться кровь на тебя падетъ, палачъ, и твоихъ присныхъ!

Георгій Гапонъ.

„Знай, что письмо это — оправдательный документъ грядущихъ революціонно-террористическихъ событій въ Россіи!

Г. Гапонъ."

(Петиція, бывшая при рабочихъ 9-го января, находится въ приложеніи IV).

Стиль письма къ Николаю рѣзко разнится отъ стиля Гапона и заставляетъ предполагать, что въ Парижѣ, куда отправился лукавый священникъ, онъ показался искреннимъ революціонному комитету. Впрочемъ, среди членовъ послѣдняго въ то

Мѣсто убійства в. кн. Сергія Александровича,
на другой день послѣ его совершенія.

время игралъ уже видную роль Азефъ, и сношенія съ Гапономъ были использованы въ цѣляхъ дальнѣйшей, но болѣе ловкой провокаціи.

Нельзя отрицать, что досада Гапона могла временно повернуть его намѣренія въ иную сторону, въ расчетѣ, что успѣхъ будущей революціи, становившейся послѣ исторіи 9-го января несомнѣнной и неизбѣжной, будетъ и его, Гапона, успѣхомъ и реабилитаціей. Но возобновленныя вскорѣ сношенія съ департаментомъ полиціи указываютъ, что, если и былъ поворотъ, то краткій, послѣ чего Гапонъ не разъ дѣлаетъ попытки организовать новыя выступленія петербургскихъ рабочихъ. Когда же всѣ они сорвались, Гапонъ собрался устраниться отъ дѣлъ на болѣе долгій срокъ, для обезпеченности прихвативъ часть принадлежавшихъ рабочимъ организаціямъ денегъ. Но судъ бывшихъ товарищей былъ недалекъ: на дачѣ въ Озеркахъ бывшій сотрудникъ Плеве, Азефа и Рачковскаго былъ удушенъ въ апрѣлѣ 1906 г. рабочими и найденъ, спустя нѣсколько дней, разложившимся.

Январская драма оставила по себѣ глубокій слѣдъ. Рабочіе стали подозрительнѣй относиться къ своимъ вожакамъ, возникъ рядъ своеобразныхъ судовъ въ

ихъ средѣ, начались разногласія и раздробленіе силъ, бывшія столь пріятными правительству. Въ этомъ отношеніи Гапонъ оправдалъ его надежды. Въ другихъ — онъ сыгралъ на руку революціи.

Съ февраля 1905 года общій тонъ недовольства дѣлается ощутительнѣй. Въ свою очередь, у правительства не остается въ запасѣ ни новыхъ мощей, ни новыхъ кампаній, ни даже новой провокаціи. Силы снова дѣлаются болѣе или менѣе равными, общество поднимаетъ голову, организуетъ новыя выступленія. Сверху начинается рядъ уступокъ. Правда, вмѣсто кн. Мирскаго, послѣ 9-го января вышедшаго въ отставку, назначается завѣдомый реакціонеръ и глупецъ Булыгинъ, но зато министромъ земледѣлія дѣлаютъ прогрессиста Кутлера. Закрываютъ газеты „Нашу Жизнь“ и „Наши Дни“, но допускаютъ новые съѣзды и петиціи.

Въ замутившейся водѣ всплываютъ темные дѣльцы, ставленники Плеве и жандармовъ, нынѣ переходящіе въ вѣдѣніе Трепова, назначеннаго петербургскимъ ген.-губернаторомъ. Неудача 9-го января ведетъ за собой новую: къ царю приводятъ депутацію отъ рабочихъ, составленную наполовину изъ стариковъ-черносотенцевъ, наполовину изъ агентовъ полиціи. Старикамъ настрого приказано было молчать, что бы ни говорилъ Николай, агентамъ даны были инструкціи.

Рѣчь царя на этотъ разъ была не въ шапкѣ, а въ рукахъ, и, произнеся ее, Николай самъ роздалъ по экземпляру делегатамъ.

Въ рабочихъ кругахъ аудіенція произвела еще худшее впечатлѣніе, чѣмъ въ обществѣ.

Старики были осмѣяны, царскіе листки разорваны. Всѣ вообще убѣдились въ готовности Трепова опуститься на самое дно провокаціи, и онъ вскорѣ показалъ себя.

Въ то же время Азефъ совершаетъ убійство его, Трепова, благодѣтеля, в. к. Сергѣя Александровича.

4-го февраля 1905 г., немного не доживъ до смерти новаго своего помощника по охранѣ Москвы, гр. Шувалова, убитаго во время пріема просителей, погибъ отъ бомбы Каляева московскій сатрапъ.

И. П. Каляевъ,
убившій в. к. Сергія Александровича въ Москвѣ. Казненъ въ Шлиссельбургѣ. Убійство было устроено Азефомъ. Послѣ этого отношеніе къ Азефу правительства становится особенно для чиновничества характернымъ, а для Николая — угрожающимъ.

Событіе это въ равной мѣрѣ потрясло Николая и жену Сергѣя, Елисавету Ѳедоровну. Первый обратился къ уступкамъ, скрывая точившую его злобу и готовясь при случаѣ все отобрать назадъ. Вторая простила отъ души, изгнала изъ памяти образы людей, приведшихъ къ гибели ея мужа, и отдалась благотворительности не за страхъ, а за совѣсть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Роль интеллигенціи въ начавшемся движеніи. — Съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей. — Высочайшіе указы переходного времени. — Депутація земцевъ у царя 6-го іюня. — Составъ депутаціи. — Обоюдныя впечатлѣнія. — Острота гр. Гейдена. — Значеніе делегаціи и рѣчи кн. С. Трубецкого. — Булыгинъ. — Характеристики его, сдѣланныя царемъ и „Петрушкой" Дурново. — Булыгинская Дума. — Назначеніе Трепова товарищемъ къ Булыгину. — Просьба объ отставкѣ Булыгина и кн. Урусова. — Резолюція Николая на прошеніи Булыгина. — Треповъ забираетъ силу. — Волненія растутъ. — Избіеніе дѣтей и Булыгинское остроуміе.

Ни одинъ періодъ русской исторіи не давалъ въ руки Романовыхъ столь удобнаго случая согласовать выгоды династіи съ выгодами государства, какъ время между концомъ японской кампаніи и великой октябрской забастовкой. На всемъ его протяженіи мы встрѣчаемъ попытки умѣренныхъ, но прогрессивныхъ силъ страны притти на помощь царю и даже чиновничеству, разработать для нихъ канву реформъ, необходимость коихъ сознавалась тогда и въ правящихъ сферахъ. Безъ всякаго усилія со стороны бюрократіи намѣчался солидный центръ будущаго парламента, опираясь на который она могла бы надолго закрѣпить свое положеніе, отрѣшившись только отъ безконтрольности и безотвѣтственности. Даже и въ такой тревожный моментъ, какой переживался тогда Россіей, работы организованной части общества носили дѣловой, покойный характеръ. Документальнымъ закрѣпленіемъ ихъ являются программы демократическихъ партій и даже первая программа октябристовъ (времени гр. Гейдена и М. Стаховича).

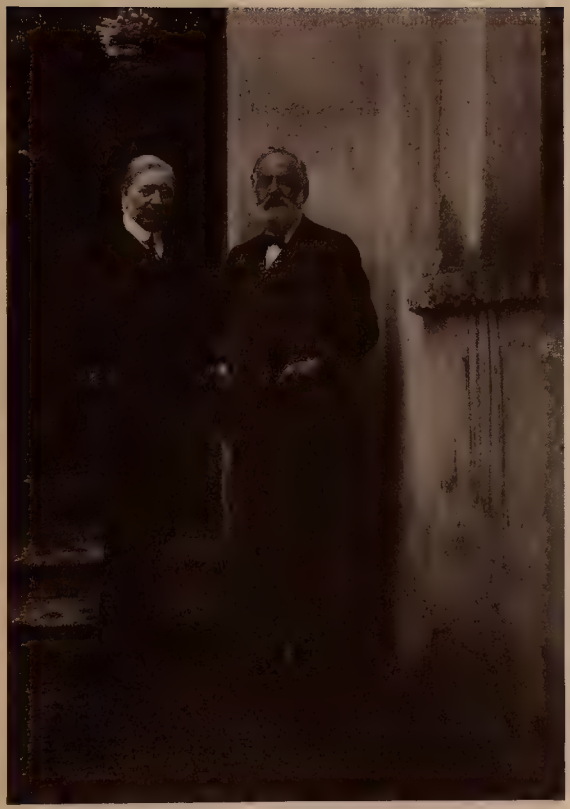
Что касается до адреса первой Думы, то одно сопоставленіе его съ обстановкой, въ которой созвана была и открыта Дума, подчеркиваетъ лойяльность палаты, въ которой всякое разумное правительство, всякій мудрый монархъ располагали бы подавляющимъ большинствомъ. Но бюрократизмъ никогда не лечитъ своихъ болѣзней самъ или у хорошаго врача, предпочитая дожидаться уличнаго кровопускателя; и самодержцу, повидимому, кажется столь же невозможнымъ склониться передъ возведшимъ его народомъ, какъ каменному истукану передъ своимъ благочестивымъ ваятелемъ. Въ обоихъ случаяхъ насиліе привходитъ въ наилучшія стремленія народа; жирондизмъ, при всей его духовной красотѣ, никогда не былъ рѣшающимъ факторомъ государственныхъ переворотовъ.

Тѣ дѣятели, что періодически съѣзжались со всѣхъ концовъ страны для выработки конституціи, и были русскими жирондистами, не переставшими до послѣдняго дня надѣяться на то, что воодушевляющія ихъ идеи найдутъ откликъ въ царѣ и чиновникахъ, что тамъ, въ развращенномъ мірѣ правителей, проявится благородство духа, трезвый государственный смыслъ, уваженіе къ народу, кормящему ихъ, наконецъ, сознаніе своей отвѣтственности передъ судомъ исторіи.

Все это были мечтанія и, какъ грубо сказалъ Николай, „безсмысленныя", съ точки зрѣнія Кліо, ни разу еще не встрѣчавшей въ своихъ анналахъ ихъ осуществленія. Вотъ почему, если мы и находимъ въ 1905 году рядъ высочайшихъ указовъ, дающихъ или обѣщающихъ какія нибудь реформы, то всѣ они вынуждаются не вниманіемъ къ голосу умѣренныхъ подданныхъ царя, все еще остававшихся монархистами, а страхомъ, низкимъ и злобнымъ, передъ крайними партіями, импонировавшими русскому правительству тѣмъ, чѣмъ оно само было сильно: терроромъ, неразборчивостью средствъ, нетерпимостью, неуваженіемъ къ чужимъ правамъ. Двѣ разнозначущія силы сталкивались въ бою не на жизнь, а на смерть, и между ними тщетно кидались, стараясь унять бойцовъ, безоружные мечтатели, получая увѣсистые удары и насмѣшки съ обѣихъ сторонъ. Нужно было довести этотъ нейтральный элементъ до выборгскаго манифеста, чтобы онъ усвоилъ себѣ давнишнюю истину, что абсолютныя монархіи умираютъ только насильственно. Той скромной революціонности, которой продиктованъ былъ этотъ историческій документъ, не было и признаковъ въ резолюціяхъ съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, ни, тѣмъ болѣе, въ ихъ декларацiи Николаю, сдѣланной кн. С. Трубецкимъ 6-го Іюня 1905 года.

Бюро съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей;
слѣва: Астровъ, кн. Пав. Долгоруковъ, Кокошкинъ, И. Петрункевичъ, гр. Гейденъ, Н. Щепкинъ, Полнеръ.

Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Засѣданіе въ домѣ кн. Долгорукова въ Москвѣ.



П. Милюковъ и Вильямъ Стэдъ,

англійскій журналистъ, вмѣшивавшійся въ русскія политическія дѣла въ роли примирителя правительства съ оппозиціей. Снято во время одного изъ съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, когда Стэду была сдѣлана Милюковымъ и Родичевымъ должная отповѣдь.

Между тѣмъ, съ 9-го января настроеніе петербургскихъ круговъ было далеко не воинственнымъ, уступки слѣдовали одна за другой, и въ союзникахъ должны были нуждаться. Правда, Николай ухитрялся и тутъ одной рукой отнимать то, что давалъ другой, и издавалъ взаимно противорѣчащіе акты, помѣченные иногда однимъ и тѣмъ же днемъ. Такъ, всеобщее изумленіе вызвали указъ сенату 18-го февраля и манифестъ того же числа.

Въ указѣ предписывалось Совѣту министровъ заняться разсмотрѣніемъ поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учрежденій „видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства“; а въ манифестѣ тѣ же, очевидно, „частныя лица и учрежденія“ назывались „ослѣпленными гордыней злоумышленными вождями мятежнаго движенія“, „дерзновенно посягающими на .... основные устои Государства Россійскаго“, полагающими, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и, вмѣсто онаго, учредить новое управленіе страною на началахъ, отечеству нашему не свойственныхъ“. Въ заключеніе Николай призывалъ сплотиться возлѣ него всѣмъ, „вѣрнымъ завѣтамъ родной старины“, для укрѣпленія „истиннаго Самодержавія“.

Что манифестомъ этимъ царь удовлетворялъ какія то особыя группы, — повидимому великокняжескую и придворную, — явствуетъ изъ того, что, опять же 18-го февраля, онъ издаетъ рескриптъ Булыгину, въ которомъ прямо говоритъ о „лучшихъ выборныхъ людяхъ“, призываемыхъ къ законодательству, т. е. объ институтѣ, кореннымъ образомъ противорѣчащемъ всякому, и „истинному“, и подставному абсолютизму*).

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ удовлетворенію тѣхъ самыхъ требованій, которыя вчера еще признавались за крамолы. Частію они касаются вопросовъ религіи, какъ указъ 25-го февраля о разрѣшеніи печатать богослужебныя книги въ Малороссіи на мѣстномъ языкѣ; частію регулируютъ окраинную политику, — указы о возстановленіи намѣстничества на Кавказѣ и объ отмѣнѣ ограниченій по пріобрѣтенію поляками недвижимости въ Царствѣ Польскомъ; частію относятся къ болѣе ограниченнымъ, но зато и сильнѣе наболѣвшимъ нуждамъ населенія: такъ, 5-го апрѣля даются голодающему народу серьезныя льготы и сложеніе со счетовъ по уплатѣ продовольственныхъ и сѣмянныхъ долговъ. Опять же и здѣсь, словно боясь, какъ бы крестьяне не запросили чего больше, Николай утверждаетъ неразумное и вредное представленіе чиновничества „объ имущественной отвѣтственности сельскихъ обществъ, крестьяне коихъ принимали участіе въ происходившихъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ безпорядкахъ“. Не говоря о томъ, что безпорядки происходили на почвѣ хроническаго голоданія, а, слѣдовательно, и нищеты, и что сложеніе однихъ долговъ съ обремененіемъ новыми не согласовалось; но и явно карательный характеръ новой мѣры могъ только разжечь новыя страсти, повести къ новымъ безпорядкамъ. Наконецъ, юридически этотъ актъ противорѣчилъ отмѣнѣ круговой поруки крестьянъ тѣмъ же царемъ въ 1903 г.

Самымъ важнымъ указомъ слѣдуетъ, однако, признать актъ 17-го апрѣля 1905 г. „объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости“. Имъ ликвидировалась вѣковая вражда православной церкви со старообрядчествомъ, возвращались части населенія права, считавшіяся имъ болѣе дорогими даже, нежели права политическія, и возбуждалось хорошее, радостное чувство въ тѣхъ, хотя бы и мало культурныхъ, слояхъ народа, которыми брезговать правительству, опирающемуся на штыки, никогда не приходится.

Но даже и этотъ актъ не былъ вызванъ ни моральными, ни утилитарными соображеніями, а голымъ страхомъ передъ революціей. Лучшее тому доказательство послѣдующая судьба закона о свободѣ совѣсти въ третьей Думѣ, въ 1910 году,

*) Совѣтъ министровъ, пораженный нелѣпостью, совершенной царемъ, выѣхалъ къ нему въ полномъ составѣ и настоялъ на изданіи второго, опровергающаго указа. Спѣшили такъ, что Сенату посланъ на распубликованіе черновикъ, писанный карандашемъ.

когда страхъ миновалъ, и когда все данное отбиралось обѣими руками и съ такой жадной торопливостью, что отъ нея претило даже небрезгливымъ октябристамъ.

Такимъ образомъ то двойственное положеніе, въ которомъ находилась Россія со времени разгрома на Востокѣ, не только не устранялось работами правительства, хотя бы и реакціонными, но однообразными, но и поддерживалось противорѣчивыми актами, питая иллюзіи обѣихъ сторонъ, чиновничества и народа, толкая обѣ къ новымъ конфликтамъ. Отъ взоровъ Союза Освобожденія и земскихъ съѣздовъ не могла не ускользнуть опасность такой политики, и организаціямъ этимъ не оставалось, повидимому, иного средства, какъ путемъ личнаго обращенія къ Николаю

Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Засѣданіе подъ предсѣдательствомъ кн. П. Долгорукова. С. Муромцевъ докладываетъ проектъ конституціи.

выяснить, съ одной стороны, серьезность его намѣренія созвать народныхъ представителей, а съ другой — и самому царю открыть глаза на положеніе страны, словно застрявшей между Сциллой абсолютизма и Харибдой революціи. Къ этому времени будущая конституціонная программа была уже почти выработана Союзомъ и съѣздами. На засѣданіяхъ 22—26 апрѣля 1906 г. были детально разработаны извѣстные одиннадцать пунктовъ ноябрскаго съѣзда 1904 г. (см. приложеніе V).

Пораженіе при Цусимѣ было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія русской Жиронды. Отъ умѣреннѣйшей ея части, именно отъ группы, примыкавшей къ извѣстному земскому дѣятелю Д. Н. Шипову (меньшинство ноябрскаго съѣзда), исходило на этотъ разъ предложеніе созвать „коалиціонный съѣздъ" земствъ и городовъ.*) Онъ состоялся въ Москвѣ 24—26 Мая, объединивъ весьма

*) Самая инціатива съѣзда принадлежала извѣстному московскому психіатру и общественному дѣятелю, проф. Н. Н. Баженову.

разнообразные круги интеллигенціи въ намѣреніи добиться отвѣта царя на мучившій страну вопросъ. Отсюда и настойчивый тонъ адреса, съ которымъ рѣшено было обратиться къ Николаю:

„Ваше Императорское Величество! — писали члены съѣзда — Въ минуту величайшаго народнаго бѣдствія и великой опасности для Россіи и самого престола Вашего, мы рѣшаемъ обратиться къ Вамъ, отложивъ всякую рознь и всѣ различія, насъ раздѣляющія, движимые одной пламенной любовью къ Отечеству.

Государь! Преступнымъ небреженіемъ и злоупотребленіемъ Вашихъ совѣтниковъ Россія ввергнута въ гибельную войну, наша армія не могла одолѣть врага, нашъ флотъ уничтоженъ, и, грознѣе опасности внѣшней, разгорается внутренняя усобица.

Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ.

Увидавъ, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Вашимъ, всѣ пороки ненавистнаго и пагубнаго приказного строя, Вы положили измѣнить его и предначертали рядъ мѣръ, направленныхъ къ его преобразованію. Но предначертанія эти были искажены и ни въ одной области не получили надлежащаго исполненія. Угнетеніе личности и общества, угнетеніе слова и всяческій произволъ множатся и ростутъ. Вмѣсто предуказанной Вами отмѣны усиленной охраны и административнаго произвола, полицейская власть усиливается и получаетъ неограниченныя полномочія, а подданнымъ Вашимъ преграждаютъ путь, открытый Вами, дабы голосъ правды не могъ доходить до Васъ.

Вы положили созвать народныхъ представителей для совмѣстнаго съ Вами строительства земли, и воля Ваша осталась безъ исполненія донынѣ, не смотря на все грозное величіе совершающихся событій; а общество волнуютъ страхи о проектахъ, въ которыхъ обѣщанное Вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказной строй, замѣняется сословнымъ совѣщаніемъ.

Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ маѣ 1905 года, въ Москвѣ.
Закрытіе засѣданія полиціей. Предсѣдатель, гр. Гейденъ, объясняется съ приставомъ Носовымъ. Другой приставъ нарочно толкнулъ аппаратъ фотографа въ моментъ снимка, отчего послѣдній и неотчетливъ.

Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ.
Группа членовъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей во дворѣ дома кн. Долгорукова въ Москвѣ.

Государь! Пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими. Пусть рѣшатъ они въ согласіи съ Вами жизненный вопросъ государства, вопросъ о войнѣ и мирѣ, пусть опредѣлятъ они условія мира или, отвергнувъ его, превратятъ эту войну въ войну народную. Пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію, не раздѣленную болѣе, не измогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи и сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго! Пусть установятъ они въ согласіи съ Вами обновленный государственный строй!

Государь, въ рукахъ Вашихъ честь и могущество Россіи, ея внутренній миръ, отъ котораго зависитъ и внѣшній миръ ея! Въ рукахъ Вашихъ Держава Ваша, Вашъ Престолъ, унаслѣдованный отъ предковъ! Не медлите, Государь! Въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность Ваша передъ Богомъ и Россіей!"

Въ составъ делегаціи, которая должна была представить Николаю этотъ адресъ, вошли слѣдующія лица:

1. Графъ П. А. Гейденъ, предводитель дворянства опочецкаго уѣзда, извѣстный общественный и судебный дѣятель. 2. кн. Г. Е. Львовъ, предсѣдатель тульской губернской земской управы и глава общеземской организаціи помощи раненымъ и больнымъ. 3. Н. Н. Львовъ, предводитель дворянства балашевскаго уѣзда и предсѣдатель саратовской губерн. земской управы, будущій основатель партіи мирнаго обновленія. 4. И. И. Петрункевичъ, ветеранъ тверского земства, полжизни проведшій въ административной ссылкѣ и возвращенный Николаемъ по настойчивому требованію кн. Мирскаго. 5. Ѳ. А. Головинъ, предсѣдатель московской губерн. земск. управы. 6. Князь Павелъ Долгоруковъ, предводитель дворянства рузскаго уѣзда, камергеръ Высочайшаго Двора. 7. Н. Н. Ковалевскій, предсѣдатель харьковской губернск. земской управы, инициативѣ коего Харьковская губернія обязана введеніемъ всеобщаго обученія. 8. Ю. А. Новосильцевъ, предводитель дворянства темниковскаго уѣзда. 9. Ѳ. И. Родичевъ, тверской земецъ и будущій трибунъ. 10. Кн. Д. И. Шаховской, будущій секретарь первой Думы. 11. Князь С. Н. Трубецкой, профессоръ московскаго университета, философъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ людей эпохи. 12. Баронъ П. Л. Корфъ, старый петербургскій гласный. 13. А. Н. Никитинъ, замѣститель предсѣдателя петербургской городской думы и 14. И. П. Ѳедоровъ, петербургскій гласный.

Изъ этого перечня видно, что делегатами являлись исключительно дворяне, болѣе чѣмъ на половину титулованные, причемъ всѣ прошли долгій и трудный стажъ земской дѣятельности. Добавимъ, что всѣ были не только обезпеченными, но и богатыми людьми. Наконецъ, текстъ адреса свидѣтельствовалъ о крайней умѣренности желаній представителей этой якобы революціонной, крамольной части населенія.

Пріему во дворцѣ предшествовали долгіе переговоры съ министромъ Двора, классическая глупость котораго еще больше тормазила ихъ, нежели традиціонныя бюрократическія оттяжки. Бар. Фредериксъ настаивалъ, между прочимъ, на сообщеніи ему текста рѣчи, съ которой предполагалъ обратиться къ царю кн. Трубецкой, но земцы не давали его. Кое какъ съ этимъ вопросомъ уладили. Начались споры изъ за состава делегаціи. Особенно возставалъ Фредериксъ противъ И. И. Петрункевича, котораго Николай почему то считалъ своимъ личнымъ врагомъ. Наконецъ гр. Гейденъ своей шуткой кончилъ и съ этимъ дѣломъ.

„Э! баронъ, сказалъ онъ, Францъ-Іосифъ ни за что не хотѣлъ принимать гр. Андраши, а тотъ не только вошелъ во дворецъ, но и сдѣлался другомъ императрицы!"

6-го іюня 1905 года состоялась первая встрѣча царя съ людьми, открыто назвавшими бюрократическій строй „пагубнымъ и ненавистнымъ". Это было равносильно тому, какъ если бы тѣ же эпитеты были приложены ими къ понятію „самодержавіе", и Николай долженъ былъ сознавать это. Съ другой стороны, делегаты хорошо знали, кто, въ сущности, будетъ стоять передъ ними, въ полковничьемъ мундирѣ, съ застывшей улыбкой и внимательнымъ взоромъ, съ заранѣе приготовленнымъ отвѣтомъ, соображеннымъ не съ нуждами страны, а съ реальнымъ соотношеніемъ силъ чиновничества и оппозиціи. При такихъ условіяхъ взаимныя впечат-

Депутація отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, 6-го іюня 1905 г.,
въ лицѣ кн. С Трубецкого заявившая царю о необходимости конституціи. Сидятъ (слѣва направо): бар. Корфъ, гр. Гейденъ, И. Петрункевичъ, М. Ѳедоровъ, Никитинъ. За ними (тоже слѣва): Н. Львовъ, Родичевъ, кн. Г. Львовъ, Головинъ, Н. Ковалевскій, кн. Пав. Долгоруковъ, кн. С. Трубецкой, Ю. Новосильцевъ, кн. Шаховской.

лѣнія и неблагопріятность ихъ для обѣихъ сторонъ и самого дѣла можно было предвидѣть.

Царь, очень хорошо держащійся во всѣхъ вообще случаяхъ представительства и умѣющій, какъ большинство Романовыхъ, быть пріятнымъ въ обращеніи съ малознакомыми людьми, принялъ делегатовъ любезно.

Князь Трубецкой сказалъ ему: (текстъ столь важнаго обращенія, конечно, былъ продуктомъ коллективной работы, но, благодаря одушевленію, охватившему въ этотъ моментъ оратора, онъ обратился какъ бы въ импровизацію, что только могло бы усилить впечатлѣніе на Николая, привыкшаго къ иному стилю, инымъ мыслямъ. Но этого не произошло):

„Ваше Императорское Величество! Позвольте выразить Вашему Величеству глубокую, искреннюю благодарность за то, что Вы приняли насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представлялъ насъ, общественныхъ и земскихъ дѣятелей, чуть ли не измѣнниками Престолу и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство — любовь къ отечеству и сознаніе долга передъ Вами.

Мы знаемъ, Государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ Вашему Величеству теперь въ такой необычайной формѣ, то вѣрьте, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознаніе общей опасности, которая велика, Государь.

Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патріотизма, не утратилъ вѣры въ Царя и въ несокрушимое могущество Россіи; но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; онъ чувствуетъ себя обманутымъ, и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ царя. И когда народъ видитъ, что Царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что Царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія Вашего Величества урѣзываются, и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ, то такое убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово „измѣна“ произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ: и въ генералахъ, и въ совѣтникахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ „господахъ“ вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплуатируется. Одни натравливаютъ народъ на помѣщиковъ, другіе — на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Однѣ части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряется нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и растетъ; и она тѣмъ опаснѣе, что вначалѣ облекается въ патріотическія формы, — тѣмъ болѣе она заразительна, чѣмъ легче зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущіе на мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи, и о которой мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія В. И. Величества. Единственный выходъ изо всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій, это — путь, указанный Вами, Государь, — созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію; объединенію, а не раздѣленію частей населенія, и, наконецъ, оно должно служить „преобразованію государственному“, какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ итти по намѣченному Вами пути“.

(Николай сдѣлалъ жестъ, что продолжаетъ слушать со вниманіемъ).

Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные, — равно и безъ различія, — чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя группы населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самимъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобъ всѣ Ваши подданные, хотя бы чужіе намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое Отечество, въ Васъ — своего Государя; чтобъ они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ русскій Царь, а не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій, а Царь всей Руси, такъ и выборные люди, отъ всего населенія призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе.

Далѣе, народное представительство должно служить дѣлу преобразованія государственнаго. Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ и, осуждая ее, мы винимъ не отдѣльныхъ лицъ, а приказный строй. Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной.

Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе народныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой въ старой системѣ бюрократическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между нимъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда призовете избранниковъ народа и станете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами.

Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участію въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходима самая широкая возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же, въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь."

Послѣ этого М. П. Федоровъ добавилъ нѣсколько словъ о нуждахъ городовъ и сказалъ, между прочимъ:

„У Вашего Величества есть, правда, люди, и люди талантливые, но ихъ немного, и они могутъ присматриваться къ потребностямъ и нуждамъ только изъ своихъ кабинетовъ и канцелярій, тогда какъ предстоящая работа потребуетъ людей, стоящихъ у самой жизни. Вотъ почему и города всецѣло присоединяются къ голосу земскихъ людей."

Николай отвѣтилъ на эти рѣчи съ обычнымъ видомъ искренности и словами, которыя можно было бы только привѣтствовать, еслибъ они оправдались дѣлами:

„Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви къ родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко мнѣ.

Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ моимъ всей душой скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ.

Отбросьте ваши сомнѣнія! Моя воля, воля Царская, созывать выборныхъ отъ народа — непреклонна; привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день спѣшу и стою за этимъ дѣломъ.

Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ. Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія.

Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ. Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ."

Депутаты почтительно склонились передъ царемъ и направились къ выходу.

Было во всемъ происшедшемъ нѣчто, не поддающееся точному опредѣленію словами, но ощущавшееся, повидимому, всѣми делегатами. Кн. С. Трубецкой, какъ натура въ высшей степени нервная, впечатлительная и тонкая, формулировалъ, быть можетъ, правильно мысли своихъ товарищей.

„И это — царь!" сказалъ онъ съ горечью, спускаясь по пышной дворцовой лѣстницѣ.

Тамъ, наверху, за плотно закрывшимися массивными дверями краснаго дерева, впечатлѣніями дѣлились проще и въ болѣе прямыхъ выраженіяхъ. Ни делегаты не понравились, ни того больше — ихъ рѣчи. У жены Николая вырвалось даже опредѣленіе, отнюдь не вытекавшее изъ словъ Трубецкого, но характерное для самихъ царей, все еще воображающихъ себя помѣщиками, вотчинниками.

„Они торгуются!"

Въ Россіи вообще удивлялись быстрому приспособленію нѣмецкой принцессы къ самодержавнымъ навыкамъ, но извѣстно, что дурныя привычки заразительны. Культурные европейцы, попадающіе въ африканскія колоніи, быстро опускаются до уровня самоуправства и даже ниже того, до преступленій. Жена русскаго товарища министра путей сообщенія судилась не дальше, какъ въ 1910 году, за побои, причиненные своей горничной. И нужно прямо сказать, что крѣпостническія тенденціи доселѣ живы въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ, особенно придворныхъ, гдѣ онѣ поддерживаются традиціоннымъ, вошедшимъ въ кровь, пресмыкательствомъ передъ царской фамиліей. Доселѣ разные генералы и сановники норовятъ цѣловать руку царю при пріемахъ, и всѣ старшіе великіе князья продолжали до самой смерти говорить знакомымъ и незнакомымъ русскимъ — ты. Грубость нравовъ вытекала изъ этихъ привычекъ логически; самая способность разбираться въ ощущеніяхъ была принижена въ царской фамиліи, и рѣчь ея представителей всегда отличалась неинтеллигентностью. Что касается до Николая, то, какъ намъ не разъ придется убѣдиться, всѣ рѣчи его отличались грубой конструкціей, если не были написаны другими, а его помѣтки на докладахъ, особенно по дѣлу Лопухина, свидѣтельствуютъ о врожденной невоздержности языка, а, значитъ, и невоспитаннаго мышленія.

Несмотря на обоюдное разочарованіе, свиданіе 6-го іюня для обѣихъ сторонъ не осталось безъ послѣдствій. Царь и чиновники должны были задуматься надъ рѣчами, за которыми слышалась сила земской организаціи, и умѣренность которыхъ не могла скрыться отъ правительства. Дѣятели же съѣздовъ могли, путемъ широкаго распространенія среди крестьянства рѣчи Трубецкого и отвѣта Николая, совершить крупную агитаціонную и организаторскую работу и въ значительной степени парализовать ею пропаганду крайнихъ партій. Дѣйствительно, послѣдующее теченіе аграрныхъ безпорядковъ указало, что крестьянство не склонно было къ истребленію помѣщиковъ, и терроръ выразился лишь въ уничтоженіи инвентарей. Кромѣ этого, аудіенція 6-го іюня повысила темпъ дѣятельности тѣхъ коллегій, которымъ высочайшими указами этого года поручалась разработка отдѣльныхъ реформъ, а въ частности и Булыгинъ зашевелился въ своемъ покойномъ креслѣ. О его способностяхъ можно судить по отзыву собственнаго товарища по кабинету, „Петрушки" Дурново, которому при всей его порочности нельзя отказать въ трезвомъ умѣ:

„Булыгинъ, что это такое?.. — говаривалъ онъ, — „просто толстый человѣкъ въ креслѣ, который сидитъ и улыбается." Но кажется, что эти то черты и нравились всего болѣе лимфатической натурѣ царя, потому что ни разу еще въ дѣловыхъ рескриптахъ не давалось ни одному сановнику такого высочайшаго патента на добрый характеръ, какъ рескриптъ Булыгину о разработкѣ „Положенія о Думѣ".

„...хорошо зная многолѣтнюю административную Вашу опытность и цѣня спокойную увѣренность характера Вашего, я признаю за благо"... и т. д., включительно до обычнаго Божія благословенія.

Министръ вн. дѣлъ Булыгинъ,
его жена, урожденная Дельянова, и чины собственной канцелярiи, поражающiе невыразительностью своихъ лицъ.

Итакъ, Булыгинъ торопился со своимъ проектомъ. Интересно отмѣтить, что, работая вмѣстѣ съ Крыжановскимъ, бывшимъ толстовцемъ и либераломъ, Булыгинъ настолько не имѣлъ какого либо собственнаго мнѣнія о природѣ будущаго русскаго парламента, что составилъ, на всякій случай, два параллельныхъ проекта, одинъ либеральный, другой реакціонный, точно и впрямь готовясь къ торговлѣ, сообразно спросу минуты. И такъ какъ русскій мелочной торгашъ всегда норовитъ всучить покупателю товаръ поплоше сортомъ, то и правительство выдвинуло въ первую голову реакціонный проектъ Булыгина. Но потребитель не далъ провести себя. Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей въ іюлѣ того же года вынесло резолюцію, въ коей говорилось:

„Осуществленіе проекта гофмейстера Булыгина или иного проекта, построеннаго на сходныхъ съ нимъ основаніяхъ и потому не создающаго народнаго представительства, въ истинномъ смыслѣ этого слова, не можетъ внести успокоенія въ страну, предотвратить всѣ опасности, ей угрожающія, и вывести ее изъ настоящаго состоянія анархіи на путь правильнаго и мирнаго развитія на основахъ твердаго государственнаго правопорядка."

Въ свою очередь съѣздъ опубликовалъ въ газетахъ свой проектъ „основного закона имперіи", который былъ встрѣченъ правительствомъ очень враждебно. Мѣстной администраціи немедленно же было поручено всячески бороться съ забиравшимъ силу вліяніемъ земцевъ, и съ этого времени ни работа на мѣстахъ, ни съѣзды въ Москвѣ уже не проходили безъ вмѣшательства властей и полиціи. Начиная съ закрытія собраній и до сенаторскаго слѣдствія все было пущено въ ходъ. Характеренъ для того момента разговоръ въ Англійскомъ клубѣ въ Москвѣ съ Камышанскимъ, впослѣдствіи стяжавшимъ широкую реакціонную славу по дѣлу о выборгскомъ возваніи, а тогда состоявшимъ при сенаторѣ Постовскомъ, искавшемъ земскую крамолу. На привѣтствіе отдѣльныхъ членовъ клуба по случаю раскрытія революціонныхъ замысловъ земцевъ, Камышанскій заявилъ, что не только ничего революціоннаго въ работахъ съѣздовъ не найдено, но, наоборотъ, они являютъ собою именно то, что теперь Россіи всего нужнѣе. Разговоръ получилъ огласку и снова окрылилъ земскія надежды на мирный ходъ освободительнаго движенія. Но расчетъ дѣлался безъ хозяина. Какъ разъ въ эту же половину 1905 г., когда уступчивость правительства выражалась всего яснѣй, оно принимало рѣшительныя мѣры для борьбы съ движеніемъ, видимо предпочитая революцію кровавую, дававшую поводъ для примѣненія грубой силы, революціи мирной, для борьбы съ которой годились только широкія реформы. Такимъ образомъ снова сходились желанія чиновничества и крайнихъ партій, снова оставалась между молотомъ и наковальней русская Жиронда. И даже, когда 6-го іюня царь совѣтовалъ земцамъ „отбросить сомнѣнія", имъ былъ уже совершенъ самый „сомнительный" для народа шагъ. Треповъ былъ назначенъ, оффиціально — товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ подчиненіемъ ему полиціи, жандармовъ и губернаторовъ, а на самомъ дѣлѣ — диктаторомъ, сосредоточившимъ въ своихъ рукахъ всю внутреннюю политику и всю власть.

Было совершенно очевидно, что для прекращенія тѣхъ безпорядковъ, которые весной 1905 г. выражались въ забастовкахъ и единичныхъ случаяхъ террора, не было нужды въ диктатурѣ, и что назначеніе Трепова мѣтило въ иную область государственной жизни. Чиновничество и Дворъ соединились для совмѣстнаго выступленія противъ всякихъ серьезныхъ реформъ и сошлись на человѣкѣ, готовомъ на все, любимомъ царемъ и платившемъ послѣднему чисто собачьей преданностью. Выборъ былъ настолько удаченъ, а цѣль назначенія такъ ясна, что для сколько нибудь уважающаго себя администратора не оставалось возможности продолжать службу. Но бюрократія такъ была деморализована, что среди нея нашлось всего двое лицъ, демонстративно выразившихъ Николаю свое негодованіе. Это были тверской губернаторъ кн. Урусовъ и самъ министръ Булыгинъ. Урусову отставку дали, а на булыгинскомъ прошеніи Николай написалъ слѣдующія слова, опять указывающія на его невѣжество и непониманіе своего мѣста въ ряду органовъ власти:

„У насъ не республика, министры выходятъ въ отставку не тогда, когда они хотятъ, а когда я хочу. Пока я вамъ довѣряю, вы останетесь на своемъ посту".

Булыгину оставалось повторить свою просьбу и лишиться вмѣстѣ съ мѣстомъ всего содержанія, или использовать „спокойную увѣренность“ своего характера, что онъ и предпочелъ, принявшись, съ горя, за проектъ Государственной Думы.

Какъ и слѣдовало ожидать, съ водвореніемъ въ министерствѣ Трепова безпорядки не уменьшились, а продолжали расти. Въ нихъ приняли участіе, какъ рабочіе, разочарованные въ коммиссіи Шидловскаго, созванной для пересмотра законодательства о рабочихъ, и всѣ болѣе дисциплинированные своими вожаками, такъ и крестьяне, недовольные голодомъ и безземельемъ. Начинали доходить слухи о глухомъ броженіи въ арміи и особенно въ черноморскомъ флотѣ. Общественная нервозность возрастала, и ею умѣло пользовались активные дѣятели движенія, организуя

Кн. С. Н. Трубецкой на столѣ передъ положеніемъ въ гробъ.

общества, союзы, агитируя въ прессѣ и собраніяхъ, размножаясь на глазахъ властей, словно по волшебству. Московскій губернскій предводитель дворянства, кн. Трубецкой, рѣшился вновь напомнить царю о неотложности реформъ, указывая на безпорядки, и прямо сказалъ ему: „Государь, это не возмушеніе, а р е в о л ю ц і я“.

Но какія реформы можно было проводить съ Булыгинымъ и Треповымъ!

Нужно признать, что, еслибъ Николай и былъ искрененъ и сердечно желалъ бы обновить русскій государственный строй, ему н е к о м у, буквально, было бы поручить такую работу, до того косно, бездарно, развратно было чиновничество революціоннаго періода. Оно было способно только тормазить, осаживать, не пускать. А такъ какъ чувствовалось уже, что испытанные тормаза отказываются служить, осаживающія руки слабѣютъ, то оставался единственный путь, — путь контръ-революціоннаго движенія, а за невозможностью создать его, — симуляція. Для этой цѣли Треповъ, съ его безпринципностью, губернаторы, не имѣвшіе ни воли, ни разсудка, ни опыта, и низшіе полицейскіе агенты, въ большинствѣ состоявшіе изъ людей невысокаго культурнаго и нравственнаго уровня, были такимъ аппаратомъ, который долженъ былъ оправдать самыя смѣлыя надежды кучки заговорщиковъ, съ

Похороны кн. С. Н. Трубецкаго,
умершаго отъ разрыва сердца въ засѣданіи Совѣта Министровъ, обсуждавшемъ положеніе высшей школы, незадолго до открытія первой Думы. У Николаевскаго вокзала въ Петербургѣ.

в. к. Владиміромъ во главѣ. Они предоставляли царю говорить земцамъ и кому угодно либеральныя слова, сыпать обѣщанія пригоршнями, путаться въ противорѣчіяхъ, а сами шли точно намѣченной, но глухой тропой къ тому, чтобы возстановить самодержавіе въ его полномъ значеніи.

И вотъ съ весны 1905 г., наряду съ извѣстіями о стачкахъ, аграрныхъ безпорядкахъ, студенческихъ волненіяхъ, все чаще начинаютъ мелькать антиеврейскіе погромы, патріотическія демонстраціи и, наконецъ, избіенія людей. Проба была сдѣлана, какъ это ни кажется низкимъ, на дѣтяхъ. Школьники всегда чутки къ тому, что происходитъ за стѣнами классовъ, а юношеская экспансивность и моральная неиспорченность всегда толкаютъ къ демонстраціямъ, въ которыхъ смыслъ часто приносится въ жертву благородству побужденій. Такъ и здѣсь, на общія волненія откликнулись за студентами и школяры, и изъ многихъ городовъ приходили вѣсти о шествіяхъ гимназистовъ, о пѣніи въ гимназіяхъ революціонныхъ пѣсенъ, о кошачьихъ концертахъ нелюбимымъ наставникамъ и т. п. Натравить на малышей ту самую публику, которая въ началѣ войны таскала по улицамъ царскіе портреты и флаги, было пустымъ дѣломъ, а невозможность сопротивленія со стороны дѣтей разнуздывала и поощряла.

Затѣя оказалась, однако, не изъ удачныхъ. Правда, въ нѣсколькихъ мѣстахъ дѣти были избиты толпой городскихъ хулигановъ, а въ Курскѣ — родинѣ извѣстнаго думскаго скандалиста, Маркова 2-го, избіеніе приняло довольно трагическій характеръ. Но общее возмущеніе выразилось такъ ярко, что Треповъ долженъ былъ приказать отмѣну. Какъ трудно было, работая въ такой клоакѣ, не заразиться міазмами ея, показалъ въ это время Булыгинъ. Давно ли онъ подавалъ въ отставку, не желая служить съ Треповымъ? А теперь, когда рядъ общественныхъ и земскихъ дѣятелей обратились къ нему съ телеграммами о недопущеніи дѣтскихъ погромовъ, министръ сдѣлалъ строгія внушенія всѣмъ, кому по службѣ можно было только ихъ передать. Въ своихъ депешахъ губернаторамъ Булыгинъ предлагалъ земцамъ „раньше подавать въ отставку, а потомъ ужъ протестовать".

Отождествленіе правительства съ государствомъ всегда диктовало бюрократіи подобные взгляды.

„Или со мной, или противъ меня".

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Стачечное движеніе. — Надежды крайнихъ партій. — Ликвидація войны. — Миръ въ Портсмутѣ. — Соревнованіе Муравьева и Витте. — „Отступное". — На фабрикахъ и въ деревнѣ. — Популярность стачечнаго принципа. — Волненія во флотѣ — „Потемкинъ". — Въ Севастополѣ. — Великая забастовка. — Москва и Петербургъ. — Общее сочувствіе и соучастіе. — Въ Царскомъ Селѣ. — Смятеніе. — Витте въ роли спасителя отечества.

До 1905 года русскіе рабочіе были весьма слабо организованы. Общее число ихъ доходило тогда до 3 милліоновъ (теперь меньше — вслѣдствіе промышленнаго кризиса), изъ которыхъ едва ли сотня тысячъ состояла членами какихъ нибудь профессіональныхъ союзовъ. Первой серьезной пробой способности ихъ къ организованнымъ дѣйствіямъ, была провокаторская попытка Зубатова. По волѣ судьбы, всѣ крупнѣйшіе факторы революціи создались руками русскаго правительства, и если одни изъ нихъ, какъ напримѣръ, вооруженное возстаніе въ Москвѣ, были выгодны для чиновничества, то другіе, какъ стачечное движеніе, привели самодержца къ 17 октября и продолжаютъ грозить всякому реакціонному строю и въ будущемъ. Что касается до способности русскихъ крестьянъ, изъ которыхъ состоитъ большинство фабрично-заводскихъ рабочихъ, къ организаціи, то кому извѣстна исторія артельнаго начала въ Россіи, тотъ не удивится тому мастерскому выполненію всеобщей стачки, которымъ варварская Русь поразила въ октябрѣ 1905 г. высококультурную Европу. Скорѣй можно удивиться, что рабочіе пошли, послѣ успѣховъ въ октябрѣ, на явно пагубныя повторныя забастовки. Общій высокій подъемъ духа, на который всего

больше надѣялся Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, можетъ быть не обманулъ бы и дальше, еслибъ самъ Совѣтъ не увлекся и не далъ сигнала къ новымъ стачкамъ, не обезпечивъ ихъ матерьяльно. Но въ расчеты Совѣта рабочихъ входило одно обстоятельство, отъ благопріятнаго учета котораго было трудно воздержаться; это — настроеніе арміи и флота. Перетянувъ ихъ рѣшительно на сторону революціи,

Мирная конференція въ Портсмутѣ.
Русскіе и японскіе главные уполномоченные вмѣстѣ съ президентомъ Рузвельтомъ.

можно было бы диктовать и правительству, и либераламъ любыя условія; и, хотя побѣда была бы во всякомъ случаѣ недолговременной, кто устоялъ бы противъ увлекательной мечты?

Дѣйствительно, ликвидація войны совершалась въ томъ же безпорядкѣ, въ какомъ начиналась и велась самая война. Какъ около назначенія генераловъ и даже плановъ кампаніи оплетались петербургскія вліянія и интриги, такъ миссія Витте въ Портсмутѣ служила игралищемъ бюрократическихъ сферъ. Бывшему министру юстиціи Муравьеву хотѣлось ѣхать мириться съ японцами не менѣе, чѣмъ Витте; оба видѣли

въ командировкѣ средство выплыть снова на широкую воду. Кончилось тѣмъ, что Витте далъ, какъ говорили, Муравьеву, который всегда былъ падокъ на подкупъ, 50.000 руб. и откупился, такимъ путемъ, отъ опаснѣйшаго конкуррента. Провожаемый благословеніями Николая и овaціями уличной толпы, С. Витте поплылъ за море добывать себѣ новое вліяніе и графскій титулъ; а главари рабочаго движенія поспѣшили использовать предстоящее возвращеніе резервистовъ и самихъ войскъ. Агитаціонная литература, никогда не блиставшая разборчивостью средствъ и крупно сыпавшая революціонную соль на туманные посулы соціальнаго блаженства, переправлялась на востокъ чуть не вагонами, а недовольные войной солдаты упивались ею, мечтая о

С. В. Куринъ,
председатель крестьянскаго съѣзда въ 1906 году.

М. Орѣховъ,
организаторъ и глава всеобщей желѣзнодорожной забастовки 1905 г.

расправѣ съ надоѣвшимъ начальствомъ и легкой жизни за счетъ „господскихъ“ земель и средствъ. На фабрикахъ и заводахъ пропаганда къ тому времени была уже ненужна, тамъ открыто совѣщались о предстоявшихъ стачкахъ, и только въ деревнѣ стачечный принципъ не былъ еще достаточно популяренъ; частые перерывы работъ на фабрикахъ отражались на достаткахъ деревни, плохо вѣрившей въ хорошій исходъ борьбы (и бывшей, по своему, правой). И, быть можетъ, не столько привычка къ стачкамъ, становившимся хроническими, сколько толки о возмущеніяхъ въ черноморскомъ флотѣ придали подозрительному землепашцу вѣры въ свои силы и растопили ледъ между деревней и фабрикой.

Вѣсть о возмущеніи на броненосцѣ „Потемкинъ Таврическій“ была для Россіи неожиданной. Мятежный корабль, бросившій офицеровъ въ воду, пытавшійся, при благожелательномъ нейтралитетѣ другихъ судовъ эскадры, бомбардировать Одессу, диктовавшій свою волю генераламъ, и уплывшій, наконецъ, къ берегамъ Румыніи, все это было до такой степени дико для русскаго ума, что общее замѣшательство длилось довольно долго, прежде чѣмъ были приняты необходимыя мѣры укрощенія, и за это время деревня почувствовала силу организованнаго народа.

Союзъ инженеровъ,
петербургскій отдѣлъ, центр. комитетъ. Здѣсь сосредоточивались дѣла всероссійскаго „Союза союзовъ", весьма способствовавшаго общественной организованности осенью 1905 г.

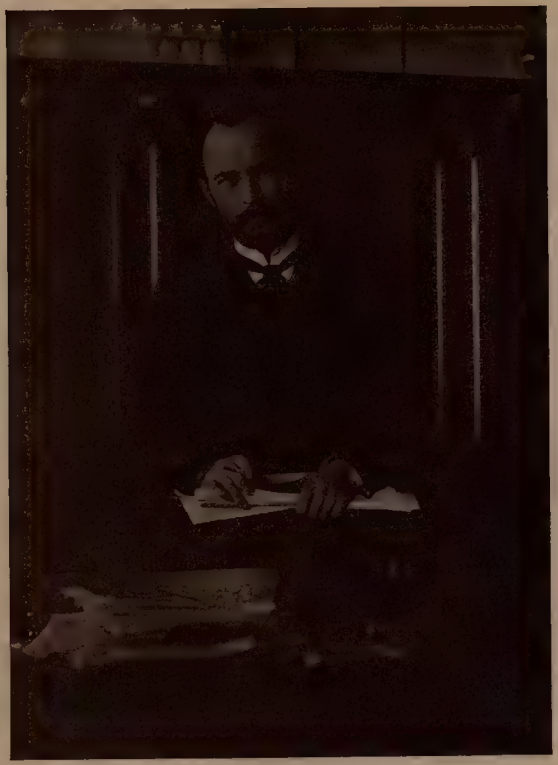
Памяти фаворита Екатерины не везло: броненосецъ его имени началъ кровавую часть русской революціи, въ его петербургскомъ дворцѣ дѣлались приготовленія для представителей революціи мирной.

Конецъ лѣта (исторія во флотѣ относится къ половинѣ іюня 1905 г.) прошелъ въ частичныхъ забастовкахъ и окончательной организаціи „Союза союзовъ“ и Центральнаго Совѣта рабочихъ депутатовъ. Въ предвидѣніи близкаго боя сомкнули свои ряды даже враждовавшія политическія группы, — лихорадочная дѣятельность разволновала всѣхъ. Школы еще съ весны были закрыты, на казенныхъ заводахъ работы прекращались еще чаще, чѣмъ на частныхъ, всѣ словно сговорились противъ правительства; быть можетъ, одинъ Треповъ съ жандармами и департаментомъ полиціи не

Забастовка фабричныхъ. Разгонъ митинга.

поддались въ это тревожное время отчаянію. Но ихъ часъ еще не наступилъ, и Николай оставался пока безпомощенъ предъ надвигавшейся бѣдой.

Въ концѣ сентября общая стачка стала неизбѣжной, а съ 4-го октября извѣстія о новыхъ примыкающихъ къ ней районахъ и органахъ дѣлаются непрерывными. Если вѣрить даннымъ книги „Полгода русской революціи“ Обнинскаго, — ея цифры скорѣй преуменьшены, — то съ 4-го по 19-ое октября было 163 извѣстія о присоединеніяхъ къ общей стачкѣ, въ которой, участвовало, по подсчетамъ автора, болѣе милліона гражданъ. Изъ телеграммъ правительственнаго агентства видно также, что „не было такой общественной группы, которая не имѣла бы своихъ представителей среди бастовавшихъ: ученики всевозможныхъ заведеній, начиная съ дѣтей школьнаго возраста и кончая студентами высшихъ школъ; желѣзнодорожные служащіе отъ стрѣлочниковъ до инженеровъ; сельскохозяйственные рабочіе и рабочіе фабрикъ и заводовъ; телеграфисты и почтовые чиновники, наборщики типографій и редакцій, газетъ и журналовъ; врачи, цѣлыя войсковыя части, земскія и городскія управы, чиновники захолустныхъ присутствій и огромныхъ центральныхъ учрежденій, гдѣ не стѣснялись



Хрусталевъ-Носарь,

предсѣдатель Совѣта рабочихъ депутатовъ, одинъ изъ главныхъ устроителей всеобщей забастовки 1905 г. Нынѣ эмигрировалъ въ Парижъ, гдѣ бѣдствуетъ вслѣдствіе безработицы. По поводу страннаго общенія гр. Витте съ Носаремъ въ „Плювіумѣ", черносотенномъ сатирическомъ журналѣ, было помѣщено слѣдующее четверостишіе:

„Милостивый Государь,
Разрѣшите два вопроса,
Отчего одинъ — Носарь,
А другой — совсѣмъ безъ носа?"

Извѣстно, что у Витте носъ искусственный.

БИБЛИОТЕКА ЦКВ (Л.б) ИСТПАРТА

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и защитники на процессѣ.
За столомъ сидятъ (слѣва): Малянтовичъ, Грузенбергъ, Муравьевъ, Маргуліесъ, кн. Эристовъ, кн. Андронниковъ.

освистывать министровъ, какъ это было, напримѣръ, въ Государственномъ банкѣ, адвокаты и судьи, домашняя прислуга, официанты ресторановъ, служащіе водопроводовъ и газовыхъ заводовъ, аптекари и фармацевты, дворники и полиція и т. д. и т. д."

Столицы словно вымерли. Ночью на улицахъ было темно, какъ въ средніе вѣка. Въ больницахъ нельзя было оперировать, такъ какъ не было въ водопроводахъ воды. Прекращались банковскія операціи, и вексельному обращенію грозилъ такой же кризисъ, какъ и промышленности. Биржевыя цѣнности стремительно летѣли внизъ, и были дни, когда въ конторахъ Государственнаго банка не принимали къ размѣну и покупкѣ собственной ренты болѣе, чѣмъ на 500 рублей. Крупная буржуазія несла грандіозные убытки и волновалась, но это и былъ единственный моральный союзникъ правительства. Все остальное населеніе имперіи, отъ средняго чиновника и интеллигента до самаго скромнаго рабочаго, было объято какой то сверхъестественной солидарностью, объясняющей длительность и дружность главнаго момента стачки—недѣли передъ 17-ымъ октября.

Провинція была отрѣзана отъ центровъ, и только правительственный телеграфъ работалъ, съ грѣхомъ пополамъ, разнося распоряженія Трепова. Но въ эти дни и его престижъ не былъ выше курса ренты. Губернаторы хранили угрюмое молчаніе, безпомощно опустивъ бразды своего правленія. Никто не жаловался имъ на забастовку, ниоткуда не приходило вѣстей о проявленіи „здороваго" народнаго негодованія и возвращеніи къ работѣ фабрикъ или желѣзныхъ дорогъ.

Существуетъ расчетъ, что Европа можетъ выдержать не болѣе восьми сутокъ всеобщей стачки, далѣе должна будетъ начаться рѣзня, борьба всѣхъ противъ всѣхъ; и современное отрицательное отношеніе къ принципу генеральной стачки со стороны руководителей европейской соціалъ-демократіи говоритъ только объ ихъ способности учитывать соотношеніе силъ, такъ какъ побѣда либерально-буржуазныхъ элементовъ должна быть, при конъюнктурѣ начала XX вѣка, несомнѣнной. Можетъ быть, и русскій опытъ позволилъ произвести этотъ учетъ точнѣе, но, какъ бы тамъ ни было, октябрская стачка должна была поразить міръ своими размѣрами. Поэтому нельзя удивляться охватившей Царское Село и Петербургъ (чиновничій) паникѣ и готовности правительства и царя пойти на любыя уступки народу, неожиданно показавшему такіе острые зубы.

Здѣсь, не безъ торжественности, выступилъ въ роли новаго миротворца, герой Портсмута, вчерашній графъ, Сергѣй Витте. Онъ рѣшился сказать, что спасетъ Россію и Царя, и ему повѣрили съ тѣмъ большей охотой, что ничего иного и не оставалось дѣлать.

17-го октября, послѣ краткаго совѣщанія съ кн. Оболенскимъ и нѣсколькими другими не потерявшими головы сановниками, Витте переписалъ начисто проектъ манифеста и повезъ его къ царю, который отсиживался, ни живъ, ни мертвъ, въ Петергофѣ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

17-го октября. — Манифестъ. — Сцены во дворцѣ. — Неподготовленность администраціи. — Забастовка Булыгина. — Витте бездѣйствуетъ. — Треповъ не теряется. — Синодъ и армія. — Наверху раздѣляются на два лагеря. — Темныя силы торжествуютъ. — Митинги. — Демонстраціи. — Общее ликованіе. — Опять „безсмысленныя мечтанія". — Предвѣстники новой „Ходынки".

Несмотря на то, что остановка всей жизни, наступившая съ 10-го октября, когда начали примыкать къ стачкѣ желѣзныя дороги, должна была подготовить общественное вниманіе къ рѣшительному шагу правительства, манифестъ оказался какъ бы сюрпризомъ. Едва ли главари стачки ожидали большаго; имъ лучше, чѣмъ кому иному, было извѣстно, что боевое настроеніе забастовщиковъ идетъ на убыль вслѣдствіе голодовки семей, и что дольше 19-го октября стачка не продержится. Впослѣдствіи чиновники упрекали гр. Витте за торопливость, намекали на то, что онъ

зналъ о слабости стачки и игралъ манифестомъ въ руку революціи, чуть ли не изъ расчетовъ на кресло президента будущей русской республики.

Во всемъ этомъ не было тѣни истины. Витте о положеніи стачки зналъ не больше другихъ, такъ какъ состояніе кассы ея не было никому, кромѣ Совѣта депутатовъ, извѣстно; забастовщики, правда, голодали, но въ Россіи этимъ никого не удивишь, рабочіе нерѣдко голодаютъ и безъ всякихъ стачекъ. Еслибъ стачка кончилась сама собой до манифеста, то все равно послѣдовалъ бы новый подъемъ возмущенія, въ другой, быть можетъ, формѣ, но еще болѣе внушительный. Страна была настолько единодушно настроена, что нечего было и думать отдѣлаться отъ ея требованій „булыгинской“ Думой.

Въ манифестѣ 6-го августа, говоря о законодательномъ характерѣ будущей Думы, царь еще рѣшался подчеркивать неприкосновенность основного закона „о существѣ самодержавной власти“ и выражать надежду на то, что будущіе депутаты „покажутъ себя передъ всей Россіей достойными царскаго довѣрія“. Даже и въ такой серьезный моментъ Николай не могъ отдѣлаться отъ вотчиннаго взгляда на Россію и обнаружилъ непониманіе депутатскихъ обязанностей. И снова читаемъ праздныя слова объ особомъ отношеніи къ Россіи Бога, безъ чего не обходится ни одинъ государственный актъ этого царствованія.

Манифестъ не произвелъ сильнаго впечатлѣнія, совѣщательной Думѣ никто не придавалъ вѣры и значенія, всѣ понимали, что она будетъ безъ остатка проглочена чиновничествомъ.

Тоже самое было бы и въ октябрѣ, и еслибъ Николай выступилъ бы съ чѣмъ нибудь подобнымъ, умиротворенія не наступило бы.

Мѣсяцемъ, двумя позднѣе, но сдача правительства была столь же неизбѣжна, какъ въ свое время и миръ съ Японіей. И какъ портсмутскій договоръ, несмотря на разгромъ Японіи, можно считать однимъ изъ удачнѣйшихъ актовъ русской дипломатіи, такъ и манифестъ 17-го октября, независимо отъ послѣдующей судьбы своей, былъ началомъ новой эры русской исторіи, внѣ всякой зависимости отъ стараній отдѣльныхъ лицъ. Оба эти событія были логическимъ результатомъ невозможности для Россіи вести войну на два фронта. И будь только правительство искренне, а Николай честенъ въ держаніи слова, то миръ внутренній оказался бы не менѣе прочнымъ, чѣмъ внѣшній. Но такъ какъ бурная сцена во дворцѣ, гдѣ великіе князья нападали на царя чуть не съ кулаками, а женская половина истерически рыдала, сдѣлалась тотчасъ же извѣстной, то можно было съ увѣренностью расчитывать на скорое раскаяніе Николая въ своемъ рѣшеніи подписать манифестъ. Это вовсе не была сильная натура, чтобы до конца противостоять родственнымъ вліяніямъ, и не трезвый умъ, чтобы отличать мнѣнія придворныхъ и чиновниковъ отъ требованій своего народа. Да, наконецъ, всѣ тѣ черты его темперамента и характера, которыя мы бѣгло намѣтили выше, и которыя были до глубины изслѣдованы окружающими, ручались за двойственное, нерѣшительное отношеніе къ важнѣйшему акту царствованія. Съ другой стороны, и самый манифестъ носилъ на себѣ слѣды торопливости, несогласованности, неясности, былъ изложенъ не юридическимъ языкомъ. Даже на равнодушнаго читателя онъ долженъ былъ произвести впечатлѣніе вынужденной испугомъ уступки, а не обдуманнаго шага, кладущаго начало новому государственному пути. А, между прочимъ, только этому характеру октроированія конституціи обязаны мы дальнѣйшимъ теченіемъ революціи. Только онъ развязывалъ въ равной мѣрѣ руки Трепову, в. к. Владиміру и др. погромщикамъ, съ одной стороны, и крайнимъ партіямъ, шедшимъ съ этого момента на поводу провокаціи, — съ другой. Не опираясь на послѣдующія распоряженія закрѣпляющаго характера, манифестъ повисалъ въ воздухѣ, какъ простая тряпка на вѣтру, колеблемая революціонной бурей.

„Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи нашей, — говорилъ царь 17-го октября, — великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце наше. Благо россійскаго государя неразрывно съ благомъ народа и печаль народная его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единства державы нашей.

18-е Октября 1905 года.

Возлѣ петербургскаго университета, традиціонное мѣсто демонстрацій, чаще бывавшее свидѣтелемъ кровопролитія и избіеній, нежели радости.

„Великій обѣтъ царскаго служенія повелѣваетъ намъ всѣми силами разума и власти нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства.

„На обязанность правительства возлагаемъ мы выполненіе непреклонной нашей воли:

Студенческая демонстрація 18-го октября 1905 г. на улицахъ Петербурга.

„1) Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

„2) Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку, и

„3) Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей.

Богослуженіе на Сѣнной Площади въ Петербургѣ, по случаю дарованія конституціи.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиной, помочь прекращенію неслыханной смуты и вмѣстѣ съ нами напречь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ."

Какъ видно, даже и въ той, меньшей, половинѣ манифеста, которая имѣла сколько нибудь дѣловое значеніе, все было глухо и темно, возбуждало недоумѣніе. Поэтому особое значеніе придавалось приложенному къ манифесту докладу гр. Витте съ помѣткой царя „принять къ руководству". И одновременное опубликованіе обоихъ документовъ, и категорическое указаніе Николая дѣлали изъ доклада законодательный актъ, съ которымъ слѣдовало считаться правительству. Мы приводимъ здѣсь произведеніе гр. Витте цѣликомъ, такъ какъ сопоставленіе актовъ, одинъ изъ коихъ былъ продиктованъ чиновничьимъ, а другой — гражданскимъ смысломъ, весьма поучительно и объясняетъ наступившую послѣ созыва первой Думы и полнаго устраненія отъ дѣлъ Витте неразбериху дѣйствій правительства. Переставъ руководиться докладомъ опальнаго министра, кабинетъ не зналъ, на что опереться въ двусмысленныхъ фразахъ манифеста, и онъ далъ себя увлечь, вмѣстѣ съ царемъ, въ черносотенную яму, гдѣ Треповъ и Ко. намѣревались возстановлять неограниченное самодержавіе.

Вотъ что докладывалъ графъ Витте:

... „Волненіе, охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо, какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія несомнѣнно лежатъ глубже. Они — въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы. Въ уровень съ одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены внѣшнія формы русской жизни. Первую задачу правительства должно составлять стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ Государственную Думу, основныхъ элементовъ правового строя: свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности. Укрѣпленіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ политической жизни общества должно послѣдовать путемъ нормальной законодательной разработки, наравнѣ съ вопросами, касающимися уравненія передъ закономъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Само собою разумѣется, что предоставленіе населенію правъ гражданской свободы должно сопутствоваться законнымъ ограниченіемъ ея для твердаго огражденія правъ третьихъ лицъ, спокойствія и безопасности государства. Слѣдующей задачей правительства является установленіе такихъ учрежденій и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы. Задача эта сводится къ устроенію правового порядка. Соотвѣтственно цѣлямъ водворенія въ государствѣ спокойствія и безопасности, экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу широкихъ народныхъ массъ, разумѣется, съ огражденіемъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ, признанныхъ во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Намѣченныя здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ основанія правительственной дѣятельности для полнаго своего осуществленія требуютъ значительной законодательной работы и послѣдовательнаго административнаго устроительства. Между выраженнымъ съ наибольшей искренностью принципомъ и осуществленіемъ его въ законодательныхъ нормахъ, а въ особенности проведеніемъ этихъ нормъ въ нравы общества и пріемы правительственныхъ агентовъ, не можетъ не пройти нѣкоторое время. Принципы правового порядка воплощаются лишь постолько, посколько населеніе получаетъ къ нимъ привычку, гражданскій навыкъ. Сразу пріуготовить страну съ 135 милліоннымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему далеко недостаточно власти выступить съ

Грандіозная демонстрація въ Варшавѣ въ октябрѣ 1905 г.
Число участвовавшихъ — около 200 000 человѣкъ.

лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность.

Для осуществленія сего, необходимымъ условіемъ является однородность состава правительства и единство преслѣдуемой имъ цѣли. Но и министерство, составленное, по возможности, изъ лицъ одинаковыхъ политическихъ убѣжденій, должно еще приложить всѣ старанія, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всѣхъ агентовъ власти отъ высшихъ до низшихъ. Заботой правительства должно быть практическое водвореніе въ жизнь главныхъ стимуловъ гражданской свободы. Положеніе дѣла требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній. Съ этой цѣлью правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ Государственную Думу и, между прочимъ, искреннее стремленіе къ осуществленію мѣръ, предрѣшенныхъ указомъ 12 декабря.

Въ отношеніи къ будущей Государственной Думѣ заботой правительства должно быть поддержаніе ея престижа, довѣріе къ ея работамъ и обезпеченіе подобающаго сему учрежденію значенія. Правительство не должно явиться элементомъ противодѣйствія рѣшеніямъ Думы, поскольку эти рѣшенія не будутъ, что невѣроятно, кореннымъ образомъ расходиться съ величіемъ Россіи, достигнутымъ тысячелѣтней ея исторіей. Правительство должно слѣдовать мысли, высказанной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ манифестѣ объ образованіи Государственной Думы, что Положеніе о Думѣ подлежитъ дальнѣйшему развитію въ зависимости отъ выяснившихся несовершенствъ и запросовъ времени. Правительству надлежитъ выяснить и установить эти запросы, руководствуясь, конечно, господствующей въ большинствѣ общества идеей, а не отголосками хотя бы и рѣзче выраженныхъ требованій отдѣльныхъ кружковъ, удовлетвореніе которыхъ невозможно уже потому, что они постоянно мѣняются. Но удовлетвореніе желаній широкихъ слоевъ общества путемъ той или иной формулировки гарантій гражданскаго правопорядка необходимо.

Весьма важно сдѣлать реформу Государственнаго Совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборнаго элемента, ибо только при этомъ условіи можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и Государственной Думой.

Не перечисляя дальнѣйшихъ мѣропріятій, которыя должны находиться въ зависимости отъ обстоятельствъ, я полагаю, что дѣятельность власти на всѣхъ ступеняхъ должна быть охвачена слѣдующими руководящими принципами:

1. Прямота и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы.
2. Стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній.
3. Согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ правительства.
4. Устраненіе репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно не угрожающихъ обществу и государству, и
5. Противодѣйствіе дѣйствіямъ, явно угрожающимъ обществу и государству, опираясь на законъ и въ духовномъ единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества.

Само собою разумѣется, что осуществленіе поставленныхъ выше задачъ возможно лишь при широкомъ и дѣятельномъ содѣйствіи общества и при соотвѣтствующемъ спокойствіи, которое позволило бы направить силы къ плодотворной работѣ. Слѣдуетъ вѣрить въ политическій тактъ русскаго общества. Не можетъ быть, чтобы русское общество желало анархіи, угрожающей, помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ государства".

Теперь, несмотря на незначительный, относительно, промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ этихъ документовъ, мы обладаемъ достаточной исторической перспективой для ихъ оцѣнки. Въ Россіи каждому извѣстно, что докладъ гр. Витте тоже не былъ продуктомъ обдуманной и коллегіальной работы, да это явствуетъ изъ его текста. Мало того, онъ былъ написанъ уже послѣ манифеста и съ тою же торопливостью. Но, какъ мы говорили, авторами доклада (Витте, кн. А. Д. Оболенскій и др.) руководили иныя соображенія, чѣмъ тѣ, которыя они, по свойственнымъ бюрократамъ опасливости и изворотливости, вложили въ слова манифеста. Они

Чтеніе Высочайшаго манифеста о Гос. Думѣ на сельскомъ сходѣ
въ д. Радѣлово, Тверской губ., въ августѣ 1905 г.

Одинъ изъ митинговъ въ Тифлисѣ, въ октябрѣ 1905 года.

просто стали на минуту русскими гражданами, которые въ большинствѣ раздѣляли умѣренныя и трезвыя положенія этого доклада.

Но именно поэтому нельзя было ожидать ихъ осуществленія. Прямо противоположныя стремленіямъ высшаго чиновничества и царской фамиліи, положенія эти должны были раздражать Дворъ и правительство, побудить Трепова къ скорѣйшему выступленію и подготовить царя къ тому, чтобы симуляція контръ-революціи была принята за голосъ народа, ожесточившагося ущербомъ самодержавію.

Витте послѣ 17-го октября оказался почти одинокъ въ средѣ придворныхъ и чиновниковъ, и ему оставалось только попробовать привлечь къ себѣ тѣхъ общест-

Патріотическая манифестація въ Одессѣ.
Видно, изъ кого вербуются участники такихъ манифестацій.

венныхъ дѣятелей, имена которыхъ ручались бы обществу за искренность намѣреній власти. Но въ эти же дни начались погромы, все спуталось, и темныя силы повсюду встрѣтили такую открытую поддержку администраціи, которая навсегда устраняла довѣріе русскаго народа къ ней и министерству. Администрація была неподготовлена къ проведенію реформъ, но къ погромамъ вполнѣ готова.

При завѣдомой безпринципности мѣстныхъ агентовъ, развращенныхъ десятилѣтіями безпрекословнаго послушанія петербургскимъ начальникамъ, такимъ же безпринципнымъ, успѣхъ миссіи Трепова былъ заранѣе обезпеченъ, и для установленія живой связи между нимъ и губернаторами было довольно четырехъ мѣсяцевъ пребыванія его у власти. Булыгинъ послѣ неудачи со своей отставкой, самъ, въ сущности, присоединился къ стачечникамъ, такъ какъ ровно ничего не дѣлалъ. Вообще въ это

критическое для Николая время одинъ Треповъ хранилъ видъ увѣренности въ себѣ и долженъ былъ чрезвычайно импонировать запуганному Двору. Въ два, три дня послѣ манифеста онъ получилъ неограниченное вліяніе на дѣла, а чуткіе къ петербургскому вѣтру губернаторы сразу это поняли. Поэтому Витте могъ, сколько ему было угодно, совѣщаться съ Д. Н. Шиповымъ, кн. Е. Н. Трубецкимъ, кн. С. Урусовымъ и другими людьми, — отъ этого затѣя Трепова и в. кн. Владиміра не становилась невозможной. Разумѣется, что приглашаемые въ министерство дѣятели прекрасно учли дѣйствительныя силы Витте и, не считая для себя возможнымъ рисковать своими репутаціями союзомъ съ заранѣе скверной кампаніей, одинъ за другимъ отказались отъ предлагаемыхъ портфелей. Въ то время многіе прогрессисты обвиняли ихъ за отказъ, но ближайшіе же погромные дни оправдали ихъ и доказали ихъ политическую дальновидность.

Такъ, съ чрезвычайной быстротой и интенсивностью, совершались послѣдніе этапы общественной, чиновничьей и придворной дифференціаціи. Всѣ спѣшили примыкать къ единомышленникамъ, использовать моментъ замѣшательства, неорганизованности, кажущейся растерянности администраціи. Духовенство, не привлеченное, такъ же, какъ и армія, къ перевороту, охотно стало на сторону чиновничества, всегда сливаясь съ нимъ въ стремленіяхъ и политикѣ. Отсутствіе присяги конституціи со стороны царя и его властей какъ бы еще больше развязывало руки заговорщиковъ противъ манифеста и давало возможность представлять Николаю актъ 17-го октября, какъ вынужденный графомъ Витте, скрытымъ революціонеромъ, замышлявшимъ едва ли не сверженіе династіи. Для царя, не забывавшаго своей коронаціонной присяги, такая интерпретація была, какъ нельзя болѣе, по плечу, и всякій послѣдующій шагъ къ отобранію дарованныхъ народу свободъ оправдывался приближеніемъ къ status quo ante неограниченнаго самодержавія, этого устоя монархіи и спеціально для Россіи Богомъ предназначеннаго извѣчнаго института.

До царя, однако, долженъ былъ бы доходить, еще раньше погромнаго, веселый гулъ ликованія общества, вызваннаго манифестомъ. Безчисленные митинги, засѣданія обществъ, резолюціи собраній, пресса, все рѣшительно было посвящено новорожденной конституціи, и русская жиронда праздновала недолгій часъ безкровной побѣды надъ старымъ, опостылѣвшимъ строемъ. Волны гимновъ свободѣ, привѣта дѣятелямъ освобожденія, мнѣнія общества и настроеній народа докатывались до Петербурга, не ослабѣвая. Но на крошечномъ пути до Царскаго Села онѣ словно въ бездну вливались, болотомъ впитывались. А поверхъ нихъ шли театральныя волны просьбъ о сохраненіи самодержавія, рабскихъ чувствъ, вилянья рептилій. И эти то декоративные, наивные въ своемъ духовномъ убожествѣ суррогаты общественнаго мнѣнія впускались во дворецъ во всѣ окна и двери, наполняли его атмосферу, жадно подхватывались всѣми окружающими царя и имъ самимъ, какъ желанный голосъ помощи въ бѣдѣ, какъ свѣтъ спасательной ракеты. Треповъ могъ теперь покойно дать сигналъ къ контръ-революціи.

Опять послѣ „безсмысленныхъ мечтаній“ о мирномъ переходѣ къ новому строю Россію ожидала своего рода ходынская катастрофа — „Ходынка“, какъ говорятъ въ Россіи про массовое истребленіе людей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Контръ-революція. — Простота организаціи. — Готовность чиновничества къ перевороту. — Старыя дрожжи. — Еврейскіе погромы. — Типографія въ департаментѣ полиціи. — Треповъ, Рачковскій, Коммиссаровъ, Будоговскій, Богдановичъ, Николай — погромщики. — Прокламаціи. — Климовичъ и др. — Матерьяльныя средства. — Отдѣльныя сцены погромовъ. — Разстрѣлы въ Минскѣ, Ревелѣ и другихъ городахъ. — Участіе полиціи и войскъ. — Негодованіе въ Россіи и за границей.

Недѣля послѣ манифеста 17-го октября навсегда останется однимъ изъ самыхъ сложныхъ и поучительныхъ моментовъ русской исторіи. Словно во главѣ правленія былъ не Николай II, а геніальнѣйшій изъ дѣтей Сатаны, сѣявшій одной рукой добро,

а другой зло, чтобы хохотать надъ общимъ смятеніемъ, натравливать другъ на друга цѣлые общественные классы, утомить самыя несокрушимыя энергіи, развратить и обездолить цѣлое человѣческое поколѣніе.

Дѣйствительно: въ тѣ самые дни, когда царь подписывалъ указъ объ амнистіи, правда, далеко не полной и не безпристрастной; когда онъ возвращалъ Финляндіи ея автономію, отнятую въ 1899 году; когда онъ слагалъ съ крестьянъ, изъ страха аграрной революціи, выкупные платежи на десятки милліоновъ рублей; когда, наконецъ, упразднялъ Треповскую диктатуру, — онъ подписывалъ также и все то, что подсовывалъ ему Треповъ, клялся великимъ князьямъ въ несокрушимости самодержавія,

Погромъ въ Екатеринославѣ.
Озерный базаръ послѣ погрома въ октябрѣ 1905 г.

посылалъ генералъ-адъютантовъ и карательные отряды въ охваченныя волненіями губерніи, назначалъ министромъ внутреннихъ дѣлъ „Петрушку“ Дурново, а Трепова бралъ къ себѣ поближе, въ дворцовые коменданты. Онъ давалъ ему при этомъ право руководить всѣми дѣлами департамента полиціи, снабжалъ средствами для погромной дѣятельности, которую называлъ „организаціей общественныхъ силъ“, и готовился повѣсить на Рачковскаго станиславскую звѣзду съ приложеніемъ 75 тысячъ рублей за его провокаторскую работу. 20-го января 1906 г. деньги эти и были вручены Рачковскому.

Если не считать высшее чиновничество и жандармовъ, матерьяльно заинтересованныхъ въ поддержкѣ постояннаго броженія и репрессіяхъ, то контръ-революціонныхъ элементовъ въ странѣ не было. Ни среднее и мелкое чиновничество, ни внѣшняя полиція, ни низшіе классы городского населенія ничего не проигрывали отъ конституціи. Наоборотъ, извѣстное упорядоченіе служебныхъ отношеній гарантиро-

вало отъ начальничьяго произвола, освобождало отъ тягчайшаго изъ видовъ рабства — служебнаго. Городское отребье и въ новыхъ условіяхъ продолжало бы праздную и пьяную жизнь, пока филантропія и разумныя мѣры исправленія не оказали бы на него своего воздѣйствія. О крестьянствѣ и говорить нечего; — да и Треповъ не имѣлъ его въ виду при организаціи погромовъ.

И тѣмъ не менѣе, ничего не могло быть легче, какъ устроить кровавую баню для новорожденной конституціи. Административный аппаратъ находился въ исправности и полномъ подчиненіи у Трепова. Среди губернаторовъ было довольно такихъ, которымъ можно было довѣрить непосредственное устройство погромовъ; у другихъ находились полицеймейстеры, готовые отличиться, у третьихъ — такіе же

Одесса въ октябрѣ 1905 г. Сгорѣвшіе склады соли.

чины низшей полиціи. Жандармы и охранники умѣло и быстро передавали имъ всякое приказаніе начальства. Между кабинетомъ Трепова и логовищемъ какого нибудь босяка, предназначаемаго для убійства и поджоговъ, было, въ практическомъ смыслѣ, не больше инстанцій, чѣмъ между двумя абонентами телефона.

Еслибъ даже не было установлено факта провокаціи погромовъ департаментомъ полиціи и участія въ этомъ дѣлѣ Трепова и царя, — онъ вытекалъ бы изъ самого развитія октябрской травли. Ни великая забастовка, ни грандіозныя демонстраціи, съ красными, черными и всякими другими флагами, послѣ манифеста, не вызвали нигдѣ никакихъ возмущеній, столкновеній и вообще противодѣйствія. Демонстранты ограничивались пѣніемъ рабочей марсельезы и похороннаго марша; на митингахъ тысячныя толпы, ровно ничего не понимавшія въ законѣ ренты и учредительномъ собраніи, выслушивали длинныя рѣчи соціалъ-демократическихъ ораторовъ, но не устремлялись къ экспропріаціи имуществъ и выборамъ временнаго правительства, а спокойно расходились по своимъ домамъ и дѣламъ. Словомъ, не было злобы ни съ той, ни съ другой стороны. Контръ-революціонныя прокламаціи не имѣли бы ни

малѣйшаго 'вліянія на населеніе, знавшее цѣну неорганизованнымъ выступленіямъ, еслибъ не сопровождались не только организованными дѣйствіями агентовъ Трепова, но и денежными подачками.

Схема дѣйствій была проста и всегда одна и та же. Жандармскія отдѣленія получали прокламаціи, инструкціи и деньги. Губернаторы получали предложенія „допустить“ патріотическую манифестацію; военному начальству предлагали „не отказывать“ въ оркестрахъ музыки, духовенству — въ молебнахъ на площадяхъ. Срокъ назначался трехдневный, какъ при еврейскихъ погромахъ. Въ прокламаціяхъ, распространявшихся на базарахъ и окраинахъ, къ „жидамъ“ нужно было присоединить только студентовъ, земцевъ и вообще „крамольниковъ“, — все остальное должно

Одесса въ октябрѣ 1905 года.
Одинъ изъ участковъ разрушенной желѣзной дороги со сгорѣвшими зданіями.

было протекать по шаблону. Погрому политическому предпосылалась, правда, чиновничья демонстрація. Губернаторъ и архіерей, въ сопутствіи чиновниковъ и военныхъ, проходили съ казенными флагами и портретами царя, выданными изъ присутствій, по главнымъ улицамъ города. На площади изъ толпы требовали молебенъ, духовенство немедленно облачалось и служило. Въ это время въ задникъ рядахъ толпы бывало уже не мало пьяныхъ, среди коихъ сновали агенты Трепова. Эти же агенты толклись возлѣ губернатора для имитаціи якобы народныхъ требованій посылки царю патріотическихъ депешъ. Губернаторъ выражалъ полную готовность, телеграммы посылались, и на другой день царскій отвѣтъ служилъ къ началу настоящаго уже погрома, съ убійствами, разбитіемъ винныхъ лавокъ, поджогами. На четвертый день все, какъ по мановенію ока, прекращалось, и губернаторы вводили обязательныя постановленія о недопущеніи вообще никакихъ сборищъ. Въ городахъ

еврейской осѣдлости сигналомъ къ убійствамъ служилъ традиціонный выстрѣлъ полицейскаго въ воздухъ и крикъ другого: „Жиды убиваютъ“! Въ центральныхъ городахъ за такимъ провокаціоннымъ выстрѣломъ слѣдовалъ возгласъ: „Революціонеры бьютъ!“ Варіантовъ и отступленій отъ испытаннаго способа почти не случалось. Развѣ тамъ только, гдѣ во главѣ мѣстнаго гарнизона стоялъ толковый и честный генералъ; дѣло обходилось безъ участія войскъ; но въ такихъ случаяхъ губернаторы не передавали своей власти военному начальству, и погромщиковъ охраняли одни полицейскіе. Если же генералъ былъ глупъ и безсовѣстенъ, онъ получалъ полноту власти, и въ гарнизонѣ всегда находились части и офицеры, принимавшіе дѣятельное участіе

Одесса въ Октябрѣ 1905 г.
Сгорѣвшая эстакада, многомилліонное сооруженіе.

въ убійствахъ и грабежахъ. Что этимъ развращались войска, не задумывались. Нужно было любою цѣною вызвать видимость контръ-революціи, чтобы дать этимъ въ руки правительства право суровыхъ репрессій и подавленія общественной самодѣятельности.

Что могло противоставить такому плану Трепова русское общество? Умѣренные его слои не участвовали ни въ какихъ милиціяхъ, не сочувствовали ни политическому, ни аграрному террору, не имѣли навыка къ боевымъ выступленіямъ. Слои крайніе были ослаблены длительной забастовкой, стремились къ заработку, не были, наконецъ, вооружены. Да еслибъ и образовались солидныя боевыя дружины, войска разбили бы ихъ шутя, по обязанности не допускать гражданскихъ сраженій. Расчетъ Трепова былъ элементаренъ; но если простота и выдала его и Николая съ головой, то отъ этого жертвамъ октябрскихъ погромовъ не было легче. Въ сотнѣ

съ небольшимъ городовъ было убито въ октябрѣ 1905 г. около четырехъ тысячъ человѣкъ и ранено и изувѣчено болѣе десяти тысячъ. Убытки должны быть исчислены въ сотни милліоновъ рублей.

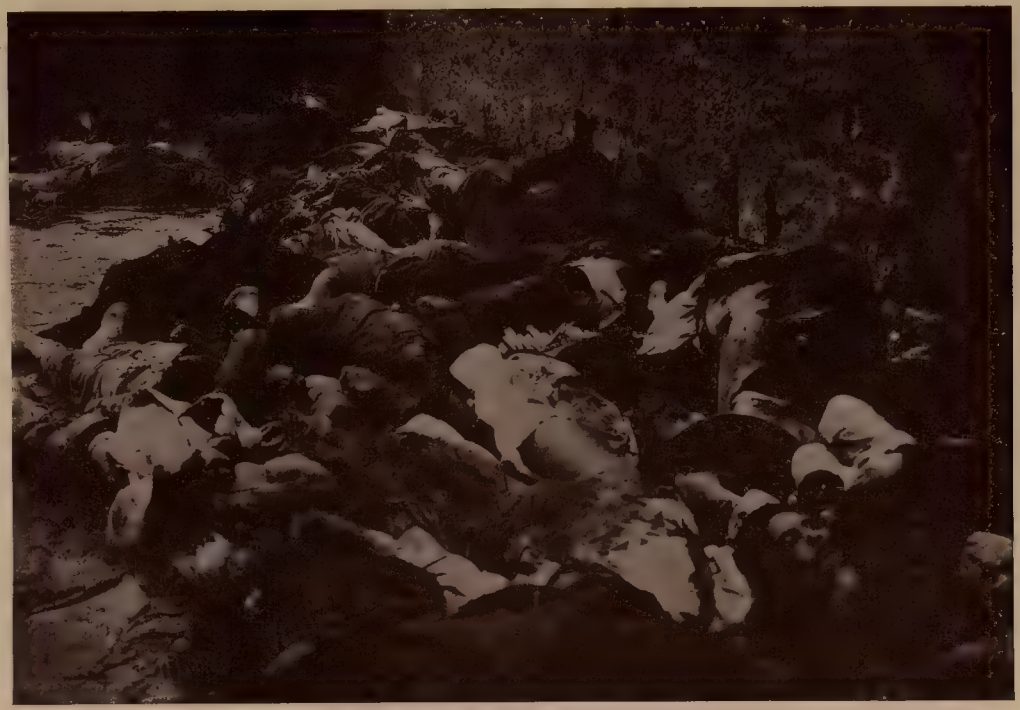
Здѣсь нѣтъ возможности перечислить даже наиболѣе выдающіеся случаи. Въ Томскѣ, напримѣръ, былъ подожженъ театръ, въ которомъ сгорѣло тысяча человѣкъ, причемъ губернаторъ Азанчевскій-Азанчеевъ смотрѣлъ на это живописное зрѣлище изъ окна своего дворца, а архіерей благословлялъ погромщиковъ съ соборной паперти. Между прочимъ, когда назначали въ Томскъ этого губернатора, царю хорошо было извѣстно, что онъ простой воръ-рецидивистъ, избѣгшій суда и тюрьмы только потому, что жилъ и служилъ въ Россіи. Впрочемъ, Николай не постѣснился

Баку. Октябрскіе пожары 1905 года.

Сгорѣвшіе нефтяные промыслы въ Балаханахъ. Нефтяные короли получили за это 20 милліоновъ отъ правительства, а разоренные погромами евреи въ разныхъ городахъ ничего не получили.

однажды формулировать свой взглядъ на взяточничество и казнокрадство, говоря, что если полицейскій возьметъ слишкомъ много, то это преступленіе, а если „по чину“, то это какъ бы дополненіе къ жалованью. Вотъ почему, когда погромщики обнаружились, и когда оказалось, что большинство изъ нихъ было одновременно и ворами, это послѣднее обстоятельство не помѣшало царю миловать и награждать ихъ наравнѣ съ честными, такъ сказать, громилами въ родѣ Нейдгардта.

Въ столицахъ было почти невозможно организовать избіенія, и операціи Трепова носили партизанскій характеръ. Такъ, когда послѣ амнистіи былъ выпущенъ изъ тюрьмы врачъ Бауманъ, то на него направили мелкаго вора домашнихъ вещей Михалина, который и убилъ его ломомъ, вскочивъ въ извозчичью пролетку, въ которой возвращался къ семьѣ Бауманъ. Похороны его обратились въ грандіозную демонстрацію, своего рода генеральный смотръ московскаго пролетаріата. За гробомъ



Жертвы погрома въ Баку.
Послѣдствіе провоцированной національной вражды между армянами и татарами.

шло не менѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ, причемъ порядокъ не былъ нигдѣ нарушенъ, и полиція отсутствовала. Но на возвращающіяся съ кладбища группы были произведены нападенія; казаки, спрятанные въ манежѣ, стрѣляли, въ сумеркахъ, по тротуару, ведущему къ университету и поранили и убили около тридцати человѣкъ. То же было, нѣсколько спустя, послѣ похоронъ кн. С. Н. Трубецкого, больное сердце котораго не выдержало эмоцій этого бурнаго года, и который умеръ въ засѣданіи коммиссіи, обсуждавшей университетскій вопросъ. Въ Петербургѣ дѣло ограничилось отдѣльными нападеніями на прохожихъ, и хотя полиція вообще въ погромные дни

Безпорядки въ Баку.

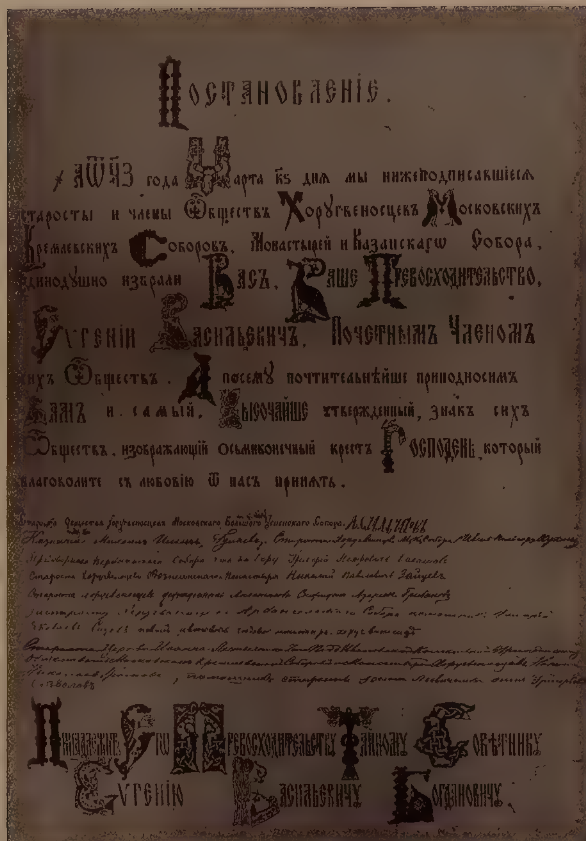
Батарея на позиціи, по окончаніи погрома и пожаровъ, какъ это и всегда бываетъ въ погромной практикѣ. „Царь приказалъ три дня бить", — эта легендарная фраза бываетъ въ дни погромовъ на устахъ всякаго солдата — погромщика. Дѣйствительно традиціонное теченіе погрома — трое сутокъ.

отсутствовала (частію по приказу, частію вслѣдствіе личнаго участія), вскорѣ наступило спокойствіе, такъ какъ милиціонеры изъ рабочихъ жестоко расправлялись съ хулиганами. Убійца Баумана былъ, конечно, помилованъ.

Въ нѣсколькихъ городахъ зато Трепову выпала особая удача, это гдѣ губернаторы и начальники гарнизоновъ были одинаковы ретивы и безцеремонны. Въ Минскѣ, напримѣръ, Курловъ устроилъ настоящую бойню заманенной къ вокзалу мирной толпы; войска давали перекрестные залпы по бѣгущимъ и перебили множество людей безъ малѣйшаго сопротивленія. Курловъ вскорѣ былъ повышенъ по службѣ и нѣкоторое время состоялъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина; его даже прочили на мѣсто послѣдняго, такъ какъ царю импонируетъ его рѣшитель-

Глава черносотенцевъ, отставной генералъ Е. В. Богдановичъ,

принимаетъ депутацію общества хоругвеносцевъ (они же устроители еврейскихъ погромовъ). Александръ III выгналъ Богдановича съ военной службы за постоянныя авантюры, взяточничество и развратную жизнь. При Николаѣ II эти качества расцвѣли особенно пышно. Богдановичу принадлежатъ тексты погромныхъ прокламацій къ войскамъ. Генералъ „почти слѣпъ“ — это придаетъ ему особую смѣлость въ рѣчахъ. Незаурядный ораторъ.



Постановленіе.

҂аѿчз года Марта ке дня мы нижеподписавшіеся старосты и члены Обществъ Хоругвеносцевъ Московскихъ Кремлевскихъ Соборовъ, Монастырей и Казанскаго Собора, единодушно избрали Васъ, Ваше Превосходительство, Евгеній Васильевичъ, Почетнымъ Членомъ сихъ Обществъ. А посему почтительнѣйше приподносимъ Вамъ и самый, Высочайше утвержденный, знакъ сихъ Обществъ, изображающій осьмиконечный крестъ Господень, который благоволите съ любовію отъ насъ принять.

Староста Общества Хоругвеносцевъ Московскаго Большого Успенскаго Собора ...

Казначей Михаилъ Ильинъ Гуляевъ ...

Староста Хоругвеносцевъ Вознесенскаго Монастыря Николай Павловичъ Зайцевъ

Принадлежитъ Его Превосходительству Тайному Совѣтнику Евгенію Васильевичу Богдановичу.

Адресъ Богдановичу.

Facsimile постановленія, подписаннаго погромщику Е. Богдановичу его поклонниками, обществомъ хоругвеносцевъ. Здѣсь характерны и аляповатость патента, и подпись предсѣдателя этого почтеннаго общества.

ность*). Этотъ же Курловъ, будучи нѣсколько раньше вицегубернаторомъ въ Курскѣ, сѣкъ розгами крестьянъ послѣ манифеста объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Все это хорошо зналъ Николай. Онъ не переживалъ въ эти дни тѣхъ тяжелыхъ мученій, что выпадаютъ на долю людей, хотя бы и жестокихъ по натурѣ, но сознающихъ свою отвѣтственность за пролитіе крови. Наоборотъ, послѣдующее отношеніе царя къ подвигамъ карательныхъ отрядовъ и его личныя симпатіи къ такимъ администраторамъ, какъ фонъ-деръ-Лауницъ, указываютъ, что кровавыя сцены погромовъ доставляли ему извѣстное удовольствіе. Ниже мы приведемъ и другія

Безпорядки въ Кронштадтѣ осенью 1905 г.
Пожаръ на площади Андреевскаго собора и разгромленный базаръ. Усмирять буянившихъ матросовъ были присланы полки гвардіи изъ Петербурга.

подтвержденія взгляда, въ русскомъ обществѣ прочно сложившагося, что въ лицѣ Николая имперія имѣетъ монарха съ явными признаками моральнаго вырожденія, почти „нравственнаго урода“, какъ называютъ такихъ людей учебники психіатріи. Въ октябрѣ 1904 г. черты эти начали обнаруживаться, но только близкіе люди, какъ Треповъ, Рачковскій, в. кн. Владиміръ и т. под., могли знать, что нѣтъ той картины человѣческихъ страданій, которая могла бы тронуть это высушенное вырожденіемъ сердце, нѣтъ предѣла полномочій, которыя царь не былъ бы готовъ дать кому угодно для нещаднаго избіенія своихъ подданныхъ. Эти господа поэтому покойно печатали прокламаціи въ департаментѣ полиціи. Ихъ слуги въ провинціи, сдѣлавшіе потомъ

*) Но эта же популярность можетъ привести и къ иному концу. Воскресенскій, убившій жандармскаго полковника Карпова, представилъ суду списокъ лицъ, на которыхъ покушенія разрѣшались; въ немъ фигурировалъ и Курловъ.

Безпорядки въ Севастополѣ осенью 1905 г.
Невинная жертва революціи.

Безпорядки въ Севастополѣ.
Невинная жертва революціи. За все время можно насчитать не одну сотню погибшихъ русскихъ дѣтей, и въ смертяхъ ихъ равно повинны правительство и народъ.

всѣ поголовно прекрасныя карьеры, разбрасывали эти прокламаціи по городскимъ улицамъ и площадямъ, какъ Климовичъ, Цихоцкій и др., или собирали черносотенныя дружины, какъ жандармъ Будоговскій. Генералъ Богдановичъ писалъ тексты тѣхъ воззваній, что назначались для войскъ, и по стилю они не лишены своеобразной красоты и ловкости. Треповъ сочинялъ мало; ему больше нравились простые, грубые обороты, открытые призывы къ убійствамъ. Классическими стали его слова: „патроновъ не жалѣть!“, которыми онъ встрѣтилъ радость Петербурга о конституціи.

Средства на погромы понадобились не малыя. Десятимилліонный фондъ, употребляемый на нужды, „извѣстныя Его Императорскому Величеству“, былъ къ

Въ Севастополѣ въ дни революціи.
„Вѣчная память“ убитымъ.

концу года, какъ водится, почти розданъ разнымъ царскимъ protégés, частію расхватанъ не забывавшими себя министрами. Значитъ, деньги были даны особымъ распоряженіемъ царя, такъ какъ безъ его вѣдома ни одинъ министръ не рѣшился бы подписать ассигновки на внѣбюджетный расходъ. Это называлось „организаціей общественныхъ силъ“, все равно какъ приготовленіе бомбъ Азефомъ, Гартингомъ и Рачковскимъ называлось „техническими изслѣдованіями“.

Россія была ошеломлена погромами Трепова не менѣе, чѣмъ и весь остальной міръ. Какъ то не вѣрилось никому, чтобы изъ того критическаго положенія, въ которомъ находились царь и чиновничество, они рѣшились выйти такимъ антигосударственнымъ способомъ. И тѣмъ не менѣе, какъ показала дальнѣйшая судьба освободительнаго движенія, контръ-революція, хотя бы и симулированная, сыграла выгодную для Николая роль. Она возбудила новую волну негодованія, а негодова-

Охрана петербургскаго почтамта во время всеобщей забастовки 1905 г.,
когда представители петербургскаго общества заняли мѣста почтовыхъ служащихъ, и когда въ отдѣлѣ денежныхъ переводовъ обнаружились недостачи суммъ. Послѣ этого любительская служба была пріостановлена.

ніе плохой совѣтчикъ, оно всегда толкаетъ къ рѣзкимъ рефлексамъ. Такимъ именно рефлексомъ было московское вооруженное возстаніе; а подавленіе его правительствомъ подымало престижъ твердой власти, окрыляло надежды и усилія чиновниковъ, одушевляло черныя сотни и, прежде всего, самого царя. Будущее уже не представлялось такимъ мрачнымъ, безысходнымъ. Съ Думой можно было поотттянуть немного, а о выборномъ давленіи Николай былъ, какъ увидимъ, иного мнѣнія, нежели Витте.

Вообще погромы вносили осложненіе, занимали общество, отвлекали его отъ покойной, планомѣрной организаціи. Волновали страсти, перекатывались кое гдѣ запоздалымъ эхомъ и понемногу выясняли, что „черныя сотни“ въ хорошихъ рукахъ могутъ пригодиться и на будущее время. Въ это время и самое слово „черныя сотни“ получило право гражданства.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Революція развивается. — Умышленное бездѣйствіе администраціи. — Броженіе въ рабочей средѣ. — Во флотѣ. — Лейтенантъ Шмидтъ. — На окраинахъ. — Балтійское движеніе. — Въ Польшѣ. — На Кавказѣ. — Необходимость репрессій. — Терроръ усиливается. — Убійство губернаторовъ Богдановича, Старынкевича и Блока.

Трудно допустить, чтобы правительство разсчитывало на прекращеніе революціи послѣ погромовъ. Въ его средѣ было не мало трезвыхъ головъ, не потерявшихъ за обдѣлываніемъ своихъ дѣлъ способности разбираться въ государственныхъ ошибкахъ, а треповскіе погромы относились къ числу послѣднихъ. Послѣ нихъ не только не наступало тишины, а, наоборотъ, гулъ недовольства переходилъ въ настоящую бурю. Но, какъ извѣстно, правительство въ эти мѣсяцы не имѣло ни малѣйшаго вліянія на администрацію, находившуюся попрежнему въ полномъ подчиненіи у Трепова, и это повело къ тому исключительному въ исторіи революціи поведенію мѣстной власти, которое можно назвать чиновничьей забастовкой. Внезапно, точно по уговору, ослабъ тотъ надзоръ за покойнымъ теченіемъ городской жизни, который обязателенъ для администраціи. Репрессіи направились исключительно въ сторону политики; даже внѣшняя полиція была цѣликомъ привлечена къ сотрудничеству съ жандармами и охранниками и не имѣла времени для выполненія своихъ нормальныхъ функцій. Конечно, отъ класса, живущаго преступленіями, не могъ укрыться удобный моментъ, и изъ всѣхъ щелей городовъ повыползли уголовные элементы, чтобы на дневномъ свѣту и въ относительной безопасности продѣлывать то, что раньше требовало ночного времени и риска. Начальство какъ бы говорило обществу:

„Вы хотѣли гражданской свободы, конституціи, — вотъ вамъ плоды ихъ; смотрите сами, подходитъ ли новый строй Россіи“?

Погромъ изъ явленія спорадическаго становится хроническимъ, и нельзя отказать Трепову въ своеобразной изобрѣтательности. Онъ только не учелъ современнаго развитія общества и основъ его настроенія. За четверть вѣка, отдѣлявшую эру его погромной дѣятельности отъ убійства Александра II-го, въ Россіи одновременно совершались два глубокихъ внутреннихъ процесса, изъ коихъ первый вызывалъ другой, какъ неизбѣжный результатъ: *разложеніе правительства* и *мобилизація общественныхъ силъ*. Между убійствомъ готоваго даровать конституцію государя, въ балансѣ котораго числились раскрѣпощеніе милліоновъ рабовъ, судебные уставы и земское положеніе; убійствомъ царя, бывшаго при арміи на Балканахъ и слезами провожавшаго солдатъ въ бои; между этимъ актомъ и манифестомъ 17-го октября, вырваннымъ у Николая II-го, за плечами котораго видѣлись призраки убитыхъ на Ходынкѣ, на Дворцовой площади, и въ другихъ мѣстахъ, который обзывалъ „безсмысленными“ благороднѣйшія стремленія и, вмѣсто себя, посылалъ на войну иконы Серафима, — здѣсь была цѣлая пропасть, заполнить которую нельзя было ни погромами, ни чѣмъ другимъ.

Лейтенантъ Шмидтъ, глава мятежа черноморскаго флота. Исключительно одаренная, но психологически неуравновѣшенная натура. Монархическія и соціалистическія начала уживались въ его программѣ, но не могли ужиться на дѣлѣ. Монархъ, которому онъ продолжалъ вѣрить, отказалъ въ помилованіи одному изъ лучшихъ русскихъ гражданъ. Для дѣла революціи однимъ этимъ приговоромъ сдѣлано больше, чѣмъ годами реакціи и безправія.

Пять лѣтъ спустя, въ 1910 г., Столыпинъ, этотъ законнѣйшій сынъ отъ брака Двора и бюрократіи, долженъ былъ признать всеобщее недовольство въ Россіи, и указаніе его на то, что Россія собой недовольна, не было софизмомъ. Да, къ ненависти къ чиновничеству примѣшивалось и недовольство собой, своей неорганизо-

Лейтенантъ Шмидтъ съ семьей.
Одна изъ тѣхъ идиллій, за которыми въ Россіи часто чудятся висѣлица или взрывъ бомбы террориста.

ванностью, своимъ утомленіемъ, неизбѣжностью нѣкотораго періода бездѣйствія. Но на этой базѣ вести разрушительную политику было государственнымъ безуміемъ, а мы какъ разъ видѣли рядъ актовъ разрушительнаго, даже революціоннаго характера, которыми ознаменовалась эра оффиціальнаго успокоенія страны.

Эта неспособность къ созиданію отличаетъ всѣ русскія правительства реакціоннаго періода, но послѣ революціи она обратилась въ истинное уничтоженіе культур-

Команда „Очакова", принявшая участіе въ мятежѣ подъ предводительствомъ Шмидта.

ныхъ и правовыхъ основъ жизни, въ своего рода манію, достигшую апогея въ моментъ наибольшей общественной слабости.

Въ описываемое время соотношеніе силъ было, впрочемъ, инымъ; нужно было разслоить общество, натравливать части его одну на другую, дѣлать буржуазную обстановку непокойной, агитировать противъ всякихъ свободъ, какъ факторовъ распущенности, анархіи. Будущіе октябристы тогда еще только намѣчались, черныя сотни оставались безъ идеологовъ, и Николай еще не становился въ ихъ главѣ, не ласкалъ еще вниманіемъ воровъ и не пожималъ грязныхъ и красныхъ рукъ. Положе-

Мятежъ на „Очаковѣ".

Офицеры и команда броненосца „Очаковъ", арестованные Шмидтомъ въ день мятежа.

ніе чиновничества продолжало оставаться критическимъ, и, наряду съ описанными здѣсь ухищреніями Трепова, идутъ и работы по созыву первой Думы.

Но въ тѣ дни, когда преступная бездѣятельность администраціи была у всѣхъ на виду, работы кабинета графа Витте, въ который такъ таки и не вошло ни одного прогрессиста, если не считать товарища министра внутреннихъ дѣлъ, кн. Урусова, прослужившаго нѣсколько мѣсяцевъ, оставались подъ покровомъ тайны. Когда этотъ покровъ былъ приподнятъ первой Думой, за нимъ оказались результаты пониманія правительствомъ неотложности крупныхъ реформъ, именно: проекты о перестройкѣ прачешной и сооруженіи оранжереи при одномъ изъ университетовъ. Больше ровно ничего.

Недовѣріе къ чиновничеству оказалось правильнымъ; поэтому, когда къ обычному его законодательному бездѣйствію присоединилась еще и административная стачка, обществу ничего иного не оставалось, какъ продолжать организовываться, творить самосудъ, волноваться, корить правительство, пропагандировать революціонныя идеи. Время реформъ отступало все далѣе и далѣе, а разладъ жизни,

водворившійся одновременно съ войной, не ждалъ ни минуты; каждый упущенный моментъ усложнялъ общее положеніе въ геометрической прогрессіи. Въ такой же прогрессіи росли и политическія требованія и программы. Если при Плеве были бы рады законосовѣщательной Думѣ, а при Булыгинѣ законодательной, то при Треповѣ нужно было уже учредительное собраніе. Если бы въ 1904 г., вмѣсто войны, поднесли народу самыя скромныя свободы, онъ поддержалъ бы династію на много лѣтъ, а въ концѣ 1905 г. не было ни одной деревенской улицы, гдѣ бы Николая не

Товарищи лейтенанта Шмидта:
кондукторъ Частникъ (налѣво), общій любимецъ, казненъ; студентъ Пятинъ, случайно оставшійся на „Очаковѣ“ и не имѣвшій прямого отношенія къ мятежу (направо); въ серединѣ рабочіе; всѣ трое были приговорены къ каторгѣ, но бѣжали. Шмидтъ и Частникъ, побѣгъ которыхъ тоже можно было организовать, отказались отъ него.

оскорбляли словами, не называли „цыганомъ“, т. е. обманщикомъ, не желали бы ему и всей его семьѣ всего худшаго. Въ русскомъ воздухѣ начинали носиться самыя несвойственныя ему идеи о вооруженныхъ возстаніяхъ, а на окраинахъ съ нерусскимъ населеніемъ идеи эти стали уже реальностями. Экзальтированныя головы находились повсюду, и за ними народъ валилъ, какъ за пророками, куда ни поведутъ.

Однимъ изъ такихъ импровизированныхъ вождей былъ и лейтенантъ флота Шмидтъ, имя котораго извѣстно теперь всякому европейцу. Иллюминатъ по натурѣ, идеалистъ по убѣжденіямъ, Шмидтъ пользовался симпатіями матросовъ, не привыкшихъ къ человѣческому отношенію начальниковъ. Освободительное движеніе за-

хватило его цѣликомъ, и ни при какихъ другихъ условіяхъ его качества не могли бы вспыхнуть такъ ярко. Въ короткое время Шмидтъ дѣлается настоящимъ народнымъ трибуномъ, зажигаетъ толпу, самъ зажигается отъ нея и приходитъ къ фантастическому выводу, что вооруженное возстаніе флота можетъ вывести его родину изъ кризиса и принести народу соціалистическій рай, въ которомъ богомъ будетъ не кто иной, какъ Николай II-ой. Ему, этому будущему Богу, шлетъ онъ свои телеграммы, гдѣ вѣрноподданнаго нельзя отдѣлить отъ революціонера: ему онъ готовъ кричать „ура“ и играть гимнъ за реформу того строя, къ разрушенію котораго безумный лейтенантъ

Лейтенанта Шмидта ведутъ на судебное засѣданіе
съ гауптвахты, гдѣ онъ содержится въ г. Очаковѣ.

собирается призвать черносотенную эскадру. Интересная, красивая личность, судьба, трагизмъ которой тонетъ въ ореолѣ славы и мученичества.

Попытка Шмидта крушится о неорганизованность командъ и полное отсутствіе сочувствующихъ возстанію офицеровъ флота, прикрывшихъ патріотизмомъ свое безсиліе къ какой бы то ни было работѣ. „Очаковъ“ разстрѣленъ, эскадра приводится къ новой присягѣ, Шмидта съ немногими главарями изъ матросовъ разстрѣливаютъ на о. Березани.

Николай наглядно показываетъ своему идеологу, къ чему онъ питаетъ большую склонность, нежели къ реформамъ. Смерть Шмидта залегла между флотомъ и его руководителями непроницаемой переборкой. Обычная ненависть матросовъ къ своимъ офицерамъ питается теперь еще и легендами о „добромъ лейтенантѣ“, жела-

вшемъ мира и царю, и народу, а себѣ ничего не просившемъ. Исторія учитъ насъ, какъ возлѣ такихъ легендъ возникали цѣлыя движенія. Убитъ одинъ Шмидтъ, на его мѣсто выростутъ въ неожиданный для царя моментъ десятки. Эту безвыгодную для Николая казнь можно сравнить съ казнью Феррера, сдѣлавшей личную безопасность Альфонса и вліяніе испанскихъ клерикаловъ еще болѣе проблематичными.

При всякихъ иныхъ обстоятельствахъ исторія возстанія на черноморской эскадрѣ и жизнь Шмидта сдѣлались бы предметами обширныхъ историческихъ и психіатрическихъ изслѣдованій. Но въ 1905 г. въ Россіи событія развивались съ

Дѣло лейтенанта Шмидта.

Налѣво обвиняемые матросы, изъ которыхъ одинъ казненъ (×), направо—стража; дружескія отношенія между этими двумя группами ни разу не нарушались.

такой калейдоскопическою быстротой, что и теперь, черезъ пять лѣтъ, трудно слѣдить за ихъ хронологичностью и взаимной связью. Не слѣдуетъ забывать, что, одновременно съ мятежами на Черномъ морѣ, шли крупныя волненія на двухъ русскихъ окраинахъ, въ Прибалтійскомъ краѣ и на Кавказѣ, не говоря объ аграрныхъ безпорядкахъ въ центральной Россіи. Все расползалось по швамъ. Сводились счеты съ давнишними врагами, ликвидировались національныя отношенія, въ злостности коихъ повинна была все та же политика русскихъ царей и чиновниковъ. Нельзя обвинять современное правительство за то, что оно противопоставляло вооруженнымъ выступленіямъ народа вооруженную же силу. Но мудрыя правительства знаютъ мѣру репрессій. Отъ русскаго никто этой мѣры не ждалъ, ея и не

было; поэтому даже и въ той области, гдѣ дѣйствія Николая и чиновниковъ были наиболѣе законными и цѣлесообразными, они осуждались народомъ; онъ какъ будто переставалъ признавать за государствомъ право самосохраненія и переходилъ къ анархическому образу жизни. Здѣсь наблюдалось то же антикультурное явленіе, что и въ массовомъ сочувствіи къ террору. Даже такіе акты, какъ убійство, по одобренію Плеве, губернаторовъ Богдановича, Старынкевича и Блока, совершенныя при участіи Азефа и его агентовъ, не волновали общества своей безсмысленностью, ненужностью. Междутѣмъ убиты были примѣрные, честные администраторы. Просто считалось естественнымъ охотиться на властей, какъ естественно весной ходить на тягу, а зимой на волковъ.

Защитники лейтенанта Шмидта.

Сидятъ: Балавинскій и Врублевскій, за ними стоитъ Зарудный; направо — Александровъ. Всѣ были душевно измучены до послѣдней степени; защита прерывалась слезами, да и за судейскимъ столомъ иные вытирали глаза; одинъ Шмидтъ неизмѣнно сохранялъ то спокойствіе, которое приносится человѣку сознаніемъ до конца рѣшенной житейской задачи.

Островъ Березань. Мѣсто казни лейтенанта Шмидта.

Съ собственноручнаго рисунка Шмидта, сдѣланнаго на транспортѣ „Прутъ“ (плавучая тюрьма).

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Аграрное движеніе. — Лауницъ, Струковъ. — Пантелѣевъ, Сахаровъ. — Курловъ. — Движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ и на Кавказѣ. — Въ Сибири. — Карательныя экспедиціи. — Ихъ составъ. — Кавалерія и казаки. — Орловъ, Безобразовъ, Меллеръ-Закомельскій, Соллогубъ, Ренненкампфъ. — Офицеры, солдаты, матросы. — Сиверсъ и баронъ Корфъ. — „Молодецъ"!. — „Лѣсные братья". — Озвѣрѣніе съ обѣихъ сторонъ. — Ермолаевъ, Левицкій, Веверн, Алихановъ. — Старосельскій и Наливкинъ. — Скалонъ, Бурчакъ и др. — Генералъ Рудовъ. — Филоновъ и Луженовскій. — Открытое письмо Короленко. — Аврамовъ и Ждановъ. — Отношеніе царя къ явленіямъ самоуправства. — Отличіе Лауница за его поведеніе въ Тамбовской губерніи. — Жена офицера Данилова и инженеръ Яновскій. — Общій безпорядокъ въ дѣлахъ. — Паденіе курса. — Почтово-телеграфная забастовка. — „Петрушка" Дурново выдвигается. — Новые съѣзды, резолюціи и волненія въ войскахъ. — Земцы у гр. Витте. — Союзники у царя. — Новыя попытки забастовокъ. — На наклонной плоскости революціи.

Устремивъ все вниманіе на города, правительство невольно ослабило надзоръ за деревней, гдѣ пропаганда не прекращалась со времени первыхъ волненій въ Пол-

Голодъ.
Жилая изба, которая скоро будетъ покинута.

тавской губерніи. Съ ней не могли совладать ни стражники, ни войска, ни губернаторы. Изъ избы въ избу переходила крамольная зараза, неуловимая и неумолимая. Она ставила крестьянство передъ дилеммой: рѣшить аграрный вопросъ самимъ или дожидаться Думы. И такъ какъ никто тогда не могъ предвидѣть столь рѣшительной побѣды „кадетовъ" и рѣшимости ихъ настаивать на принципѣ принудительнаго отчужденія земель, какія были проявлены полгода спустя, то крестьянству не особенно вѣрилось въ Думу, и его легко было увлекать къ рискованнымъ дѣйствіямъ. Странно

было бы ждать при этомъ проявленій культурности отъ массы, которую систематически держали въ невѣжествѣ. Въ теченіи столѣтій она находилась подъ давленіемъ духовенства и боярщины, и только сорокъ лѣтъ тому назадъ земскія учрежденія внесли первый свѣтъ туда, гдѣ царила власть тьмы. И крестьяне разоряли вѣковыя помѣщичьи гнѣзда съ тою же ненужной жестокостью, съ какою дѣти ихъ разоряли весной птичьи.

Творенія геніальныхъ зодчихъ екатерининской и александровской эпохъ жглись и разрушались, вмѣстѣ съ хранившимися въ нихъ собраніями стильной мебели,

Голодъ.
Семья крестьянина; совершенно отупѣвшая старуха умираетъ на печи.

картинъ, фарфора и бронзы. Мало того, убивался породистый скотъ и лошади, вырубались сады, уничтожались посѣвы и огороды. Дѣйствія толпы всегда напоминали поступки безумцевъ. Но, спрашивается, что было имъ дѣлать въ моментъ всеобщаго развала, въ предчувствіи государственнаго краха, среди слуховъ о повсемѣстныхъ возстаніяхъ и нелѣпыхъ карательныхъ подвиговъ солдатъ и полиціи? А главное, смута политическая съ новой и небывалой еще остротой вызывала смуту аграрную. Земля! земля! та кормилица, изъ чахлой груди которой Россія высасывала свой двухмилліардный бюджетъ, вѣдь она сама питалась трудами и руками крестьянства и была ему близка, какъ ни одно дитя не можетъ быть близко и дорого, близка и чувствительна, какъ собственная кожа.

Вѣдь вѣчное созерцаніе помѣщичьихъ пустырей и латифундій, облагаемыхъ значительно меньшими налогами, нежели ничтожные крестьянскіе надѣлы; помѣщичьихъ усадьбъ и своихъ разваливающихся отъ вѣтра лачугъ; веселой помѣщичьей жизни лѣтомъ, въ страдную для крестьянства пору, — развѣ все это не подсказывало

Голодъ. Исхудалый мальчикъ.

Голодъ.
Крыши избъ разбираются на топливо и кормъ скота. Семьи переходятъ изъ разоренныхъ избъ къ сосѣдямъ. Отъ тѣсноты, грязи и голода развиваются цынга, трахома, тифъ.

дикой, невѣжественной массѣ, что отъ господъ, если они и въ Думу попадутъ, земли не получишь, что лучше взять ее силой? Они не задумывались надъ тѣмъ, что захватное землевладѣніе не будетъ прочно, что при низкомъ сельско-хозяйственномъ уровнѣ и большіе участки не принесутъ достатка, что никакое правительство не закрѣпитъ за ними революціей добытаго имущества. Ослѣпленные незнаніемъ, голодомъ, угнетеніемъ, отчаяніемъ, русскіе крестьяне произвели невиданное еще въ Россіи опустошеніе въ деревнѣ. Но тѣмъ болѣе изумительно ничтожное число аграрныхъ убійствъ: оно было въ дни революціи меньше, чѣмъ въ самое тихое время до

Голодъ. Типы голодающихъ татаръ.

нея. Мирный характеръ населенія, тотъ самый характеръ, который отражался въ солдатскихъ и въ свѣтскихъ пѣсняхъ, та неугасимая вѣра въ правду и справедливость, которыя рано или поздно должны же быть оказаны русской землѣ ея горькою судьбою, — всего этого не могли искоренить ни цари, ни попы, ни чиновники. Не ихъ вліянію, не пропагандѣ обязаны помѣщики сохраненіемъ своихъ жизней, а чертамъ народнаго темперамента, на которыхъ всякое иное правительство, иная династія, иная религія воздвигли бы счастье и радость народныя.

Впрочемъ, кажется, и Николай понималъ, что однимъ устрашеніемъ не избыть аграрной революціи. Наслышавшись о полезности генералъ-адъютантскихъ ревизій, онъ послалъ въ главные очаги волненій трехъ членовъ своей свиты, генераловъ Пантелѣева, Струкова и Сахарова. Но Пантелѣевъ былъ старъ и глупъ, кромѣ своего строя ничего не зналъ. Струковъ считался со своими помѣщичьими привычками и черносотенными воззрѣніями. Въ погромные дни онъ, вмѣстѣ съ курскимъ губерн-

скимъ предводителемъ дворянства, гр. Доррером, раздавалъ громиламъ деньги, натравливая ихъ на дома своихъ политическихъ враговъ. Сахаровъ, наконецъ, бывшій военный министръ, преждевременно одряхлѣвшій отъ обжорства, былъ, какъ всѣ обжоры, скорѣй добродушенъ, но потому то и не могъ ничего подѣлать тамъ, гдѣ требовались твердость, безпристрастіе и энергія, и былъ во время своей ревизіи убитъ. Всѣ подобныя миссіи оставались безъ результатовъ, и правительство считало себя послѣ того особенно въ правѣ предписывать неумолимость начальникамъ карательныхъ отрядовъ.

Движенія прибалтійское и кавказское осложнялись національными усобицами, неравенствомъ правъ, угнетеніемъ слабыхъ сильнѣйшими. Къ тому же, при всей культурности латышей и эстовъ, въ ихъ темпераментѣ отсутствовала русская мягкость, даже вялость, сказали бы мы, и движеніе повлекло за собой, наряду съ разгромами

Ген. Н. К. фонъ Ренненкампфъ.
Знаменитый сибирскій палачъ, казнившій многія сотни людей, зачастую безъ вины и суда. Отчетъ его карательной экспедиціи составитъ одну изъ тягчайшихъ страницъ исторіи русской революціи. Какимъ то чудомъ уцѣлѣлъ въ эпоху террора.

Ген. Сахаровъ, бывшій военный министръ.
Убитъ террористкой во время командировки его для разслѣдованія причинъ аграрныхъ волненій.

усадебъ, и убійства бароновъ. На Кавказѣ дѣйствовали еще иныя черты, — легкая возбудимость южанъ и религіозный мусульманскій фанатизмъ, искусственно разжигавшійся русскими властями. Такимъ образомъ, общее положеніе шло, усложняясь отъ центра къ окраинамъ, упираясь, наконецъ, въ международныя границы и привлекая на себя опасливое вниманіе сосѣдей. Что касается Сибири, то тамъ со времени войны осталась чисто революціонная закваска: рядъ сибирскихъ городовъ и гарнизоновъ выступили съ такими лозунгами и намѣреніями, которые такъ же мало можно было допускать, какъ аграрный терроръ.

Убѣдившись въ томъ, что вожжи окончательно выпущены изъ рукъ гражданской власти, правительство передало все дѣло успокоенія въ руки военныхъ. И мы вступаемъ въ фантастическую полосу русской исторіи, когда, наряду съ приго-

товленіями къ выборамъ въ первый парламентъ, шла истинная вакханалія военныхъ разгромовъ, диктатура солдатъ и офицеровъ, когда установилось какое то карательное самодержавіе. Усмиреніе безпорядковъ должно было бы отличаться отъ карательныхъ дѣйствій, независимо отъ того, что послѣднія всегда бываютъ обоюдоостры. Но, благодаря чрезвычайной готовности властей, гражданскихъ и военныхъ, къ злоупотребленію полномочіями, всѣ вообще выступленія ихъ обратились въ карательныя. Оно и неудивительно. Послѣ реформъ Ванновскаго, возстановившаго кадетскіе корпуса, образовательный уровень офицерства сильно понизился; а раздраженіе, вызванное позоромъ войны, диктовало излишнее усердіе въ войнѣ внутренней. Трусость, проявленная въ битвахъ съ японцами, компенсировалась истинно „беззавѣтной“, какъ любятъ писать въ реляціяхъ, храбростью при встрѣчахъ съ безоружными крестьянскими толпами. Полное неравенство силъ вызывало ожесточеніе, свойственное хищникамъ при умерщвленіи своихъ слабыхъ жертвъ; и такъ какъ обѣ стороны — бунтующіе крестьяне и солдаты — были одинаково слѣпы и невѣжественны, то никакихъ третьихъ рѣшеній не бывало; отрядъ счелъ бы миссію свою не исполненной, еслибъ не перебилъ и не перекалѣчилъ извѣстнаго числа людей даже и въ томъ случаѣ, когда безпорядки прекратились до его прихода. Не расчитывая, однако, на всю армію, правительство исключило изъ состава карательныхъ отрядовъ всю армейскую пѣхоту и артиллерію. Взамѣнъ ихъ назначались части гвардейскаго корпуса, не ходившаго на войну и менѣе тронутаго революціонной пропагандой. Николаю выгодно было подчеркивать преторьянскую роль гвардіи, роль, давно уже вышедшую изъ репертуара самодержавія. Тамъ же, гдѣ требовалась особая безпощадность, вербовались смѣшанные отряды изъ матросовъ бунтовавшихъ экипажей, принесшихъ раскаяніе. Изъ офицеровъ, стремившихся въ командировки, выбирались тѣ, кто былъ связанъ съ безпокойной мѣстностью какими нибудь личными интересами. Такъ, въ прибалтійскихъ отрядахъ насчитывалось не мало барономъ, вообще нѣмцевъ, а двое изъ наиболѣе прославившихся усмирителей, Орловъ и Безобразовъ, были женаты на родныхъ сестрахъ, графиняхъ Стембокъ-Ферморъ, мѣстныхъ помѣщицахъ. На Кавказѣ орудовали генералы кавказскаго происхожденія, также помѣщики. Идея была злостная, но, съ точки зрѣнія Николая, правильная. Онъ давалъ своимъ слугамъ армію на поддержаніе, такъ сказать, для ликвидаціи броженія, разорявшаго одинаково и аграріевъ, и династію. Но такъ какъ регулярныхъ войскъ не хватало, пущены были казачьи полки, за которыми шла традиціонная слава грабителей, и которые нарочно держались въ особомъ невѣжествѣ, для чего въ свое время были уничтожены земскія учрежденія въ Области Войска Донского. Что

Бар. Меллеръ-Закомельскій, извѣстный „карательный“ генералъ.

Въ молодости убилъ въ Ташкентѣ за карточной игрой своего партнера, за что былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ и отъ суда избавленъ. Задатки убійцы въ немъ пышно расцвѣли въ Прибалтійскомъ краѣ въ 1906 г.

Прибалтійскій край.
Внутренній видъ сожженнаго баронскаго замка.

Прибалтійскій край.
Карательный отрядъ выступаетъ изъ Риги внутрь страны въ январѣ 1906 г.

волненія были велики, видно изъ ряда повторныхъ мобилизацій казачьихъ частей, съ явнымъ, притомъ, нарушеніемъ закона, разрѣшающаго царю призывать вторыя и третьи очереди казаковъ лишь въ случаѣ в н ѣ ш н е й войны.

Было бы безполезно перечислять случаи звѣрствъ, допускавшихся отрядами; о нихъ существуютъ и правительственныя данныя, въ изслѣдованіяхъ комиссій (Вейденбаума и др.), и показанія членовъ кабинета въ Думѣ, неоднократно формулированныя Столыпинымъ (повторявшимъ, впрочемъ, сравненіе, сдѣланное „Петрушкой"), что, „когда горитъ зданіе, о разбитыхъ стеклахъ не жалѣютъ". Эти люди не думали,

Прибалтійскій край.

Казачья сотня передъ выступленіемъ на поиски революціонеровъ.

повидимому, о томъ, что въ лицѣ гражданъ и ихъ имущества они уничтожали не стекла, а само зданіе, и что если кто и могъ быть приравниваемъ къ стекламъ, которыя можно достать въ любой лавчонкѣ, то это сами чиновники, — штампованные на одинъ образецъ и пригонявшіеся къ любому отверстію, лишь бы блестѣть и загораживать притокъ свѣжаго воздуха.

Итакъ, карательные отряды отправлялись внутрь страны, напутствуемые благословеніями царя и циркулярами начальства, развязывавшими всѣ руки и обѣщавшими безотвѣтственность. „Арестованныхъ не имѣть", — говорилось часто въ приказахъ, и это означало, что всѣ подозрительные встрѣчные будутъ перестрѣлены безъ суда и слѣдствія. Когда отрядамъ пришлось раздробиться для партизанскихъ дѣйствій по отдѣльнымъ деревнямъ и волостямъ, эти страшныя полномочія были переданы младшимъ офицерамъ.

Прибалтійскій край. Сожженіе отобраннаго у революціонеровъ оружія.

Прибалтійскій край. Защита замка „Кокенгаузенъ".

И не рѣдкость было видѣть, какъ какой нибудь корнетъ или мичманъ являлся и слѣдователемъ, и судьей, и палачомъ въ трибуналѣ, состоявшемъ изъ него одного. Генералы Соллогубъ, Орловъ, Безобразовъ, Меллеръ-Закомельскій и др. сидѣли въ штабсъ-квартирахъ, бесѣдовали съ представителями мѣстной прессы о томъ, что непомѣщеніе нужной для правительства статьи грозитъ разстрѣломъ, и одобряли дѣйствія своихъ подчиненныхъ, по телеграфу и эстафетами. Подчиненные убивали людей залпами и бѣглымъ огнемъ, виновныхъ и невиновныхъ, дѣлали изъ тяжкаго долга веселую забаву, забывая, что каждымъ выстрѣломъ осложняютъ и безъ того нелегкое положеніе правительства. Нарушеніе элементарныхъ велѣній совѣсти было

Прибалтійскій край.

Карательный поджогъ деревни подъ охраной солдатъ.

настолько очевидно, что, какъ только она просыпалась въ офицерахъ, они свершали надъ собой тотъ же скорый и тоже неправый судъ, лишая и себя жизни. Такъ погибли баронъ Корфъ, Назимовъ, Зальца и др., но ихъ трупы не лежали поперекъ побѣдоноснаго шествія Николаевыхъ преторіанцевъ. Латышскія фермы пылали наравнѣ съ замками, и поля бѣдняковъ вытаптывались, а плодовыя деревья рубились такъ же, какъ поля и сады богачей. Надъ цвѣтущимъ краемъ стояло непреходящее зарево гражданской войны, воздухъ былъ наполненъ стонами недострѣленныхъ людей, и такіе офицеры, какъ Сиверсъ, считали себя мягкосердными, когда изъ револьверовъ добивали корчившихся во рвахъ латышей. На рапортѣ военнаго министра о преданіи суду одного изъ подобныхъ командировъ царь написалъ: „Молодецъ"!, чѣмъ сконфузилъ честнаго шведа Редигера, понявшаго тогда, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Кончилось тѣмъ, что цѣлыя селенія бросали свои дома, переселялись въ лѣса, дичали тамъ отъ голода и непогоды, начинали разбойничать и убивали неосторожныхъ сол-

датъ, приближавшихся къ ихъ логовищамъ. Не было недостатка и во взаимныхъ дракахъ и поджогахъ среди мѣстнаго населенія, въ которомъ всегда находились богатѣи, любимцы барономъ, тянувшіе ихъ сторону и сочувствовавшіе карательнымъ отрядамъ. Бывало и такъ, наконецъ, что поджогъ и убійство грозили человѣку съ обѣихъ сторонъ. Офицеръ обѣщалъ разстрѣлять его за то, что не донесъ, а какой нибудь разыскиваемый „лѣсной братъ“ — за доносъ. И если солдаты не успѣвали застрѣлить этого „лѣсного брата“, онъ сводилъ свои счеты съ доносчиками.

Исторія балтійскаго усмиренія пестритъ картинами вандализма и озвѣренія,

Прибалтійскій край.
Пожаръ въ мѣст. Глазманка, который позволили тушить.

проявленныхъ обѣими сторонами; разница заключалась развѣ въ томъ, что одни звѣрѣли отъ отчаянія и призрака разоренія и смерти, а другіе симулировали раздраженіе, для котораго серьезныхъ причинъ не было.

Совершенно то же видимъ и на Кавказѣ; только отдаленность его отъ центра управленія, климатъ и топографическія условія придавали работѣ войскъ яркость, обращавшую мысль къ временамъ гунновъ, когда кровь лилась и дома загорались не въ боевомъ чаду, а какъ бы для украшенія пиршества извращенныхъ и дикихъ людей. Цѣлыя провинціи, даже царства, какъ Грузія, напримѣръ, приводились въ разореніе, а на спасавшихся отъ разгрома накладывались контрибуціи, явно непосильныя. Беззаконіе доходило до того, что секвестрованныя безъ суда земли продавались новымъ лицамъ, и правительственныя мѣста документально закрѣпляли акты, гдѣ на одной сторонѣ было беззаконіе, а на другой безправіе. Насиловались не

Прибалтійскій край. Сгорѣвшее мѣстечко.

Прибалтійскій край. Разгромленная ферма.

Прибалтійскій край. Приготовленія къ разстрѣлу.

Прибалтійскій край. Разстрѣлъ.

только дѣвушки и жены грузинъ и армянъ, но и дѣти, и семидесятилѣтнія старухи. Когда данныя ревизіи были оглашены въ третьей Думѣ, то одинъ изъ представителей ея центра, октябристъ Половцевъ, позволилъ себѣ закричать на всю палату, что онъ, Половцевъ, такихъ старухъ не сталъ бы*)... Если такой цинизмъ былъ проявленъ депутатомъ, считавшимъ себя чуть не конституціоналистомъ, и пять лѣтъ спустя послѣ кавказскихъ звѣрствъ, то можно себѣ представить, что продѣлывали тамъ офицеры и солдаты, ровно ничѣмъ не связанные.

Здѣсь оба элемента арміи не отличались другъ отъ друга; если на Японской

Прибалтійскій край. Забытый послѣ разстрѣла.

войнѣ это были два разныхъ лагеря, то въ карательныхъ отрядахъ, гдѣ подборъ былъ сдѣланъ мастерски, простымъ призывомъ всѣхъ негодныхъ къ культурной работѣ людей, единодушіе царило полное. Къ военнымъ примыкали и чиновники. Нѣкій Ермолаевъ, напримѣръ, лично обливалъ керосиномъ дома (изъ которыхъ не было сдѣлано ни одного выстрѣла, ибо такихъ отряды избѣгали, оберегая себя отъ опасностей), жегъ ихъ, созерцалъ насилія надъ женщинами и вообще велъ себя такъ, что благодарное начальство, вопреки мнѣнію ревизора, пыталось выхлопотать ему значительное повышеніе по службѣ. Съ нимъ соперничали по безсмысленной жестокости офицеры Веверн, Левицкій, Алихановъ и другіе. Всѣ были осыпаны въ свое время царскими орденами и террористическими бомбами. На Кавказѣ самосудъ свилъ себѣ прочное гнѣздо еще раньше, чѣмъ началось общее броженіе. Извѣстный провокаторъ бакинскихъ погромовъ, губернаторъ Накашидзе, о преданіи котораго суду

*) Мы не рѣшаемся повторить подлинное его выраженіе.

безуспѣшно хлопоталъ ревизоръ, сенаторъ Кузьминскій, дождался, вмѣсто суда, казни отъ руки простого бакинскаго обывателя.

Среди всеобщаго превышенія власти странное впечатлѣніе производили два администратора того времени: кутаисскій губернаторъ Старосельскій и одинъ изъ вице-губернаторовъ Закаспійской области, Наливкинъ. Оба принадлежали къ лѣвому крылу оппозиціи, причемъ Наливкинъ былъ впослѣдствіи членомъ второй Думы, и оба совмѣщали соціалъ-демократическіе взгляды со службой самодержцу. Какъ живой анахронизмъ, они свидѣтельствовали о томъ хаосѣ, что господствовалъ въ верхахъ правленія, гдѣ кандидатовъ на отвѣтственныя мѣста попрежнему не нахо-

Прибалтійскій край. Похороны убитаго латыша.

дилось. Такіе опасные пункты, какъ Польша, вручались управленію бездарныхъ генераловъ, подъ ферулой которыхъ расцвѣтали самоуправство низшихъ военныхъ чиновъ и лихоимство гражданскихъ. Позднѣйшая ревизія учрежденій Царства Польскаго обнаружила такіе плоды правленія ген.-губернатора Скалона, которые должны были бы и его привести на скамью подсудимыхъ. Но какъ было сдѣлать это, когда Скалонъ былъ видный генералъ свиты Николая! Какъ было удерживать Витте и кому бы то ни было Орловыхъ, Безобразовыхъ, Меллеровъ и всѣхъ другихъ начальниковъ карательныхъ отрядовъ, когда все это были свитскіе генералы и полковники, „милые“ люди и собутыльники царя! Нужно было недюжинное мужество‘ чтобы докладывать Николаю объ ихъ подвигахъ, и не всякому было пріятно расходиться съ нимъ въ мнѣніяхъ относительно того — вѣшать ли разбойника или давать ему орденъ и аттестацію „молодца“. Когда же судъ добирался до кого нибудь изъ мелкихъ преступниковъ, вродѣ корнета Бурачка-Абрамовича, разгромившаго мирное село и лично убившаго нѣсколькихъ крестьянъ, прятавшихся отъ него

по погребамъ, то его ждало полное помилованіе добраго государя и повышеніе на другой служебной лѣстницѣ.

Во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ населеніе отличалось наибольшей приниженностью, вслѣдствіе долговѣковаго чиновничьяго гнета, съ нимъ расправлялись безъ малѣйшей церемоніи. Черниговскій жандармскій генералъ Рудовъ, который и теперь на лучшемъ счету у царя, выжигалъ цѣлыя деревни, объявляя о своихъ нашествіяхъ заранѣе, и держалъ губернію въ такой паникѣ, какой не испытывали, вѣроятно, предки флегматичныхъ малороссовъ при вѣсти о приближеніи печенѣжскихъ полчищъ. Въ этихъ безотвѣтныхъ провинціяхъ разнуздывались самыя низменныя страсти. Въ

Прибалтійскій край.

Разгромленный замокъ Ремерсгофъ, бар. Сиверса, на р. Двинѣ. Родственникъ владѣльца, поруч. Сиверсъ, былъ однимъ изъ самыхъ жестокихъ карателей и лично разстрѣливалъ латышей изъ револьвера. Николай написалъ на докладѣ о преданіи суду этого офицера: „Молодецъ".

Полтавѣ совѣтникъ правленія, Филоновъ, поролъ розгами подрядъ все населеніе деревень, не выключая женщинъ и дѣтей, заставлялъ ихъ передъ экзекуціей стоять цѣлыми часами на колѣняхъ въ снѣгу, подъ дулами казацкихъ винтовокъ и, сидя въ креслѣ, любовался эффектами, напоминавшими ему театральныя драмы и щекотавшими его нервную систему. Онъ подчинялся тому же чувству, что заставило и Николая сказать своему кузену, в. к. Николаю Михайловичу, въ развалъ революціи:

„Это щекотно!"

Извѣстный писатель, В. Короленко, обратился къ Филонову съ открытымъ письмомъ въ газетахъ, прося объяснить или опровергнуть свѣдѣнія о его похожденіяхъ. Но послѣдній не могъ уже этого сдѣлать, такъ какъ былъ убитъ.

Такъ же былъ убитъ и тамбовскій чиновникъ, Луженовскій, устроившій себѣ изъ карательныхъ наѣздовъ родъ спорта. Его убила М. Спиридонова, до того и не

мечтавшая о карьерѣ террористки, — до такой степени были взвинчены безнаказанными истязаніями нервы мѣстнаго общества. На долю Спиридоновой выпала громкая извѣстность, благодаря тѣмъ насиліямъ, которыя произвели надъ ней казачьи офицеры, Аврамовъ и Ждановъ, и тѣмъ беззаконіямъ, что были допущены при судебномъ слѣдствіи полиціей. Общественное мнѣніе единодушно требовало суда надъ истязателями, но тщетно. И оба были убиты. Изъ общей среды выдѣлились для этого два новыхъ убійцы, тоже не думавшіе о своей палаческой роли, — истинные уполномоченные всенароднаго суда, совершившаго свое производство не въ канцеляріяхъ, а въ сердцахъ!

Вѣроятно, злоупотребленія описаннаго типа были бы значительно рѣже, если-бъ не стала общеизвѣстной печальная любовь Николая къ исторіямъ самоуправства, къ описаніямъ пожаровъ, экзекуцій, разстрѣловъ. Его приводилъ въ настоящее восхищеніе тамбовскій губернаторъ Лауницъ.

Это былъ гусарскій генералъ, за злоупотребленія по какой то опекѣ предназначенный къ исключенію изъ дворянства Харьковской губерніи, и такъ же ловко лавировавшій между русскими судами, какъ и между эскадронами своего полка. Что губернія была провоцирована Лауницомъ, явствуетъ изъ того, что, когда онъ былъ назначенъ въ Петербургъ, безпорядки прекратились въ день его выѣзда изъ Тамбова. Онъ совершенно не зналъ удержа. Арестовывалъ адвокатовъ во время защиты на судѣ, засѣкалъ до смерти крестьянъ деревень, п о о ш и б к ѣ принятыхъ за безпокойныя, и довершалъ циклъ своихъ преступленій аферами по скупкѣ по дешевымъ цѣнамъ земель и продажѣ ихъ по в ы с ш и м ъ — поземельному банку.

Царь такъ полюбилъ за все это Лауница, что назначилъ его петербургскимъ градоначальникомъ и въ свою свиту, гдѣ стало еще однимъ мошенникомъ больше.

Прибалтійскій край.

Одинъ изъ карательныхъ офицеровъ, мичманъ кн. Путятинъ. Такіе господа совмѣщали въ себѣ роли: начальника отряда, слѣдователя, судьи и часто — палача. Подборъ производился умѣло, но были случаи самоубійствъ (бар. Корфъ, Назимовъ и др.) отъ угрызенія совѣсти послѣ совершенія безсудныхъ казней.

Случалось, что подвиги такихъ офицеровъ не раздѣлялись ихъ семьями, и тогда возникали тяжелые конфликты, разводы супруговъ, самоубійства дѣтей и т. п. А бывало и наоборотъ, когда жены ободряли мужей, сопутствовали въ походахъ. Особой славой пользовалась жена начальника карательнаго отряда Витебской губерніи, Данилова. Она дѣлала моментальные снимки съ разстрѣловъ, и, быть можетъ, ей обязана эта книга иллюстраціями экзекуцій въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ также избивалъ ея мужъ. Между прочимъ, этому выродку обязанъ былъ спасеніемъ жизни инженеръ брестской желѣзной дороги, Яновскій, предназначенный къ разстрѣлу Даниловымъ. Въ этотъ моментъ жена его случайно отсутствовала, но взяла съ мужа слово, что онъ безъ нея Яновскаго не разстрѣляетъ, такъ какъ фотографія обѣщала быть особенно занимательной. Но черезъ три часа по арестѣ инженера явились

гражданскія власти, слѣдствіе пошло своимъ ходомъ, непричастность Яновскаго къ вооруженному возстанію была доказана, и онъ живетъ и по сію пору, благодаря, быть можетъ, Бога за жестокость развращенной женщины.

Затянувшіяся карательныя операціи неминуемо должны были отразиться на матерьяльныхъ взаимоотношеніяхъ населенія. Никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Помѣщикъ ждалъ разгрома усадьбы, крестьянинъ — казаковъ и Филоновыхъ, купецъ — экспропріаціи, фабрикантъ — стачки, интеллигентъ — ареста и административной ссылки; всѣ прибергали деньги на черные дни и мало по малу остановилось

Кавказъ.

Группа лицъ, объявившихъ Гурію республикой, а себя временнымъ правительствомъ. 1) Чхиквишвили, 2) офицеръ Д. Кавцирхидзе. Впослѣдствіи всѣ попали подъ судъ.

то обращеніе капитала, которое одно поддерживаетъ финансовое равновѣсіе современныхъ государствъ. Вслѣдствіе этого курсъ ренты понизился еще больше, а въ области промышленности и сельскаго хозяйства водворился хроническій кризисъ, спутавшій расчеты не только русскаго, но и европейскаго рынковъ. Въ довершеніе всего грандіозная почтово-телеграфная забастовка прервала всякое общеніе внутри страны и такъ разстроила денежныя операціи, что пришлось рядомъ высочайшихъ указовъ возстанавливать вексельные сроки. Не мало темныхъ дѣлъ было сдѣлано, благодаря общей неурядицѣ, особливо по части продажи съ торговъ просроченныхъ имуществъ, когда банки отговаривались (въ томъ числѣ и отдѣленія крестьянскаго*) неполученіемъ платежей отъ заемщиковъ. Доказывать, что деньги не могли быть

*) Виленское, напр.

Кавказъ.
Картлинскій радикалъ (нев.-анархистъ) Хубашвили со своей женой.

Кавказъ.
Засада революціонеровъ и стычка съ войсками въ Наса Киралахъ.

Трупы кавказскихъ революціонеровъ, убитыхъ мѣстными черносотенцами;
(средній Мерквиладзе, предводитель отряда).

Наливкинъ, бывшій вице-губернаторъ и членъ соц.-демокртич. партіи.
Членъ 2-ой Гос. Думы

Ген.-лейт. М. Алихановъ,
бывшій Кутаисскій временный генералъ-губернаторъ. Убитъ 3 Іюля 1907 года въ Александрополѣ.

посланы вслѣдствіе почтово-телеграфной забастовки, было нелегко, и много имѣній перешло къ господамъ, вродѣ Лауница.

Причины этой забастовки, поражавшей своей выдержкой и организаціей даже послѣ октябрской, лежали глубже общихъ политическихъ условій той эпохи. Въ Россіи трудъ почтовыхъ служащихъ доселѣ оплачивается такъ скудно, а работа такъ тяжела, скучна и отвѣтственна, что нужно еще удивляться безконечному терпѣнію этого несчастнаго, заброшеннаго правительствомъ класса. Такимъ образомъ, онъ не могъ пропустить удобнаго момента для профессіональной стачки, и хотя не добился серьезныхъ облегченій, но по крайней мѣрѣ показалъ способность къ организованному высту-

Скалонъ, варшавскій ген.-губернаторъ,
безъ суда казнившій 16 человѣкъ. Сенатъ нашелъ дѣйствія его правильными, такъ какъ о каждомъ случаѣ Скалонъ доносилъ царю, а по чрезвычайному закону молчаливое одобреніе царя покрываетъ незаконность распоряженія власти. И здѣсь на царя взваливается чиновниками все худшее, что они творятъ.

пленію. Считаясь съ нею, правительство дало впослѣдствіи нѣкоторыя льготы, улучшило общее положеніе почтовыхъ парій.

На этой стачкѣ, между прочимъ, сдѣлалъ себѣ имя „Петрушка“ Дурново, сломившій упорство забастовщиковъ со всею ловкостью старой полицейской крысы школы графа Д. Толстого. Здѣсь все было пущено въ ходъ: и подкупъ, и провокація, и застращиваніе, и ссылка, и даже грандіозная комедія добровольнаго отправленія почтовой повинности представителями петербургскаго свѣта, комедія, приведшая

Кавказъ.

Комната инспектора дворянской школы въ Тифлисѣ, Чхитадзе, разгромленной войсками по подозрѣнію, будто изъ оконъ ея стрѣляли, чего на дѣлѣ не было. Самъ Чхитадзе былъ тутъ же убитъ. Слѣдствіе установило непричастность его къ революціи.

къ пропажѣ безчисленнаго числа пакетовъ и значительной суммы денежныхъ отправленій.

1905 годъ завершался, такимъ образомъ, въ еще большемъ смятеніи, нежели его предшественникъ. Жиронда Россіи сдѣлала новую попытку внести миръ въ разбушевавшіяся революціонныя страсти. Депутація земскихъ съѣздовъ была у гр. Витте съ цѣлью договориться о формѣ будущей конституціи*) и указать портсмут-

*) Въ приложеніи (V) мы даемъ проектъ конституціи, выработанный первымъ к.-д. съѣздомъ.

Гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ,

намѣстникъ Кавказа. Достаточно было ему оставаться просто честнымъ чиновникомъ, чтобы навлечь на себя гнѣвъ черносотенцевъ. Новое Время систематически травило Воронцова, а „правые“ въ Гос. Думѣ дѣлали запросы о крамольномъ ген.-адъютантѣ.

Ген. фонъ-деръ-Лауницъ,

погромщикъ, засѣкалъ въ Тамбовской губ. крестьянъ до смерти, жегъ деревни. За это былъ взятъ Николаемъ въ свиту. Занимался скупкой дворянскихъ имѣній по дешевой цѣнѣ и перепродажей ихъ крестьянскому банку по дорогой. Былъ въ постоянномъ общеніи съ убійцами Герценштейна; устраивалъ кражи орудій съ цѣлью открытія ихъ и полученія наградъ. Одинъ изъ темнѣйшихъ слугъ Николая. Убитъ на освященіи богадѣльни, будучи градоначальникомъ Петербурга.

скому миротворцу, что пора заключить миръ съ Россіей. Но одновременно и царь принималъ главарей нарождавшагося черносотеннаго „Союза русскихъ людей“, гдѣ самымъ комическимъ образомъ были соединены представители всѣхъ сословій государства. Царь не рѣшался еще въ то время высказываться по душѣ и потому упомянулъ о неизмѣнности акта 17-го октября. Но онъ снова повторилъ свой при-

П. Н. Дурново, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ,
нынѣ опальный членъ Гос. Совѣта. „Столыпинъ говоритъ, — сказалъ онъ, — что мы интриганы, такъ онъ увидитъ, что такое настоящая интрига“. Къ сожалѣнію своихъ друзей, Дурново почти ослѣпъ, но живой и хитрый умъ еще сохранился.

зывъ помогать властямъ въ дѣлѣ „водворенія спокойствія“, и этимъ открылъ двери союзу къ вооруженію револьверами и убійствамъ.

Всѣ вообще заспѣшили. И Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, совершивъ рядъ тактическихъ ошибокъ повторными забастовками въ ноябрѣ и декабрѣ, самъ провоцировалъ недалекое уже московское возстаніе и ставилъ все дѣло революціи, поскольку оно было въ его рукахъ, на наклонную плоскость, ведущую прямо въ реакціонное болото.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Московское вооруженное возстаніе. — Была ли здѣсь провокація? — Вліяніе провокаціи и шпіонажа на теченіе русской революціи. — Участіе въ подготовленіи возстанія войскъ, студентовъ и рабочихъ. — Явное сочувствіе населенія. — Дружинники. — Домъ Фидлера. — Прѣсня. — Адмиралъ Дубасовъ. — Семеновцы. — На Казанской жел. дорогѣ. — Минъ. — Риманъ. — Награды. — Подавленіе возстанія.

Вооруженное возстаніе въ условіяхъ нашего времени слѣдуетъ разъ навсегда признать средствомъ для усиленія реакціи, если только армія не находится на сторонѣ революціи; но такъ какъ очевидно, что въ случаѣ сочувствія войскъ и надобности въ вооруженномъ выступленіи общества не будетъ, то приходимъ къ тому же выводу безполезности боевъ въ современныхъ столицахъ міра; ни въ техническомъ, ни въ моральномъ отношеніяхъ возставшіе не могутъ преодолѣть правительственныя войска и инерцію городского населенія, жизнь котораго не можетъ быть надолго остановлена.

Вотъ почему можно было заранѣе осудить московскую попытку. Подобно тому, какъ въ шахматной партіи наступаетъ моментъ, когда невыгодный ходъ является неизбѣжнымъ результатомъ прежнихъ ошибокъ, а не невѣрнаго расчета на будущую игру, такъ и въ Москвѣ пришлось расплатиться за промахи повторныхъ забастовокъ.

Трудно допустить поэтому, что возстаніе было провоцировано самимъ правительствомъ. Азефъ, Рачковскій и др., конечно, приложили свои руки къ этому дѣлу, но имъ пришлось подталкивать уже катившуюся внизъ колесницу, а не сдвигать ее съ мѣста. Въ этомъ отношеніи крайнія партіи такъ явно играли въ руку своихъ враговъ, что со стороны послѣднихъ было бы непростительно просмотрѣть всю выгодность возстанія для реакціи. Расчеты однако не оправдались съ обѣихъ сторонъ. Пролетаріатъ вышелъ изъ возстанія ослабленнымъ, а правительство не нашло въ населеніи сочувствія своей карательной московской недѣлѣ. Быть можетъ даже, что урокъ, данный властью народу, принесетъ послѣднему больше пользы, чѣмъ первой, и что „поправка на провокацію“, которую надлежитъ теперь дѣлать во всѣхъ планахъ борьбы со старымъ строемъ (гдѣ бы такая борьба ни происходила), позволитъ избѣжать многихъ тактическихъ ошибокъ. Что касается до революціи русской, она обязана провокаціи наиболѣе красными своими страницами, и кровь, пролившаяся съ обѣихъ сторонъ, лежитъ цѣликомъ почти на совѣсти одной изъ нихъ — правительственной. Въ особенности кровь 9-го января и декабрская. Какъ въ январѣ 1905 года рабочіе весело готовились къ своей мирной демонстраціи, увлекаемые общественнымъ сочувствіемъ, такъ и въ декабрѣ Москва шла на встрѣчу дубасовскому избіенію безъ тѣни сомнѣнія въ успѣхѣ. Это увлеченіе охватывало далеко не одни революціонные круги, оно сказывалось и въ чисто буржуазной части

Адмиралъ Дубасовъ,
покоритель Москвы, безжалостный глава московской администраціи, отсиживавшійся за тремя цѣпями охраны во время возстанія. Азефская бомба случайно не прекратила жизни, наполненной зла и неправды.

московскаго населенія. Незначительныя части войскъ, студенчества и рабочихъ, близкихъ къ приготовленіямъ, — организаціи боевыхъ и санитарныхъ дружинъ, покупки и экспропріаціи оружія и т. под., совершенно тонули въ инертной массѣ, продолжавшей торговать, ходить на службу, веселиться. И, однако, эта самая масса не только не протестовала въ ожиданіи неудобствъ, связанныхъ съ возстаніемъ, но своимъ нескрываемымъ сочувствіемъ ускоряла его наступленіе, если не провоцировала. И когда 7-го декабря была объявлена новая всеобщая стачка, съ переходомъ въ вооруженное возстаніе, народъ не попрятался пугливо по домамъ, а весь высыпался на московскія улицы, посматривая, когда начнутъ валить телеграфные столбы, сры-

Московское вооруженное возстаніе Баррикады

вать для баррикады вывѣски и ворота, скатывать съ рельсовъ вагоны трамвая. Прислушивались не къ голосу благоразумія, диктовавшему отмѣну безумной затѣи, а къ тому, не грохочатъ ли гдѣ первые выстрѣлы, не выходятъ ли дружинники съ красными знаменами, горящими глазами и съ пѣснями о свободѣ

Гарнизонъ Москвы дѣйствительно былъ ненадеженъ — пропаганда вел сь тамъ издавна и успѣшно. Но т. к. въ рукахъ военнаго начальства было могучее средство — деньги, то неудовольствіе солдатъ, питавшееся, главнымъ образ мъ, экономическими, вообще служебными причинами, быстро смѣнилось признательностью за мыло, водку и мясо; недовольные были выданы головой, разсажены по тюрьмамъ, и въ рукахъ Дубасова, тогдашняго ген.-губернатора, очутился из ядный кадръ войскъ, вѣрныхъ долгу. И если Николай прислалъ изъ Петербурга часть своихъ преторіанцевъ, то это не потому произошло, что съ дружинами не могли бы совладать полки мѣстнаго гарнизона, а потому, что ему хотѣлось наказать

Московское вооруж ное возстаніе.
Неоконченная баррикада на окраинѣ города.

Московское вооруженное возстаніе.
Баррикада въ центрѣ города на Садовой, гдѣ всего дольше задерживались войска.

Во время возстанія. „Не ходи".

Москву, разгромить ее, если потребуется. Онъ спускалъ на революціонеровъ худшіе элементы гвардіи съ тѣмъ злораднымъ чувствомъ, съ которымъ охотники спускаютъ на волка злобныхъ собакъ, готовыхъ не только душить звѣря, но и терзать его.

Въ самомъ дѣлѣ, общее число дружинниковъ не доходило до полуторы тысячъ, а число ружей было и того меньше — револьверы преобладали. Организація ихъ хромала, дислокація была случайная, сообщенія плохи; распоряженія изъ центра къ периферіи и свѣдѣнія въ обратномъ направленіи передавались несвоевременно. Звѣрь былъ не только неопасенъ, но даже жалокъ своей слабостью. Загонять его въ теченіи трехъ, четырехъ дней въ тотъ уголъ Москвы, гдѣ рабочее населеніе ютилось въ лачугахъ, и громить нищенскіе кварталы изъ пушекъ можно

Кровавые дни въ Москвѣ.
Пожаръ отъ разорвавшихся снарядовъ на Міусской площади, въ Пыховомъ переулкѣ.

было лишь въ цѣляхъ карательныхъ. Обстрѣливать бульвары и улицы, давать залпы по окнамъ частныхъ квартиръ, убивая вмѣсто революціонеровъ кормилицъ съ дѣтьми (въ одной найдено было шесть пуль), бить прохожихъ на выборъ съ колоколенъ церквей и изъ оконъ жандармскихъ казармъ — это не значило подавлять небывшее возстаніе, а устрашать буржуазію, вселять въ ней слѣпую ненависть къ свободѣ и спасительный страхъ къ власти. Наконецъ отправкой Семеновцевъ на желѣзныя дороги московскаго узла наводилась паника на всю губернію, фабрики которой лѣпились возлѣ рельсовъ. Семеновцы, офицеры и солдаты, устращали московскихъ людей съ тѣмъ же хладнокровіемъ, что и латышей. Но если ненавистью немногочисленнаго племени правительство могло пренебрегать, какъ величиной ничтожной, то ненависть великорусскаго большинства имперіи едва ли входила въ его расчеты. Между тѣмъ, форма подавленія московскаго возстанія возбудило такое омерзеніе къ роли гвардіи, къ Дубасову и въ такой степени пошатнула авторитетъ царя, торопившагося навѣсить на палачей свои ордена и наговорить имъ ласковыхъ словъ, что это сказалось на послѣдующемъ періодѣ чрезвычайно рѣзко. Вѣдь, вмѣсто ожидавшейся

Кровавые дни въ Москвѣ.
Одно изъ помѣщеній въ сгорѣвшемъ домѣ товарищества И. Д. Сытина.

Московское вооруженное возстаніе. Въ Кудринѣ.

Московское вооруженное возстаніе. На сожженной Пресн.

возможности оттянуть созывъ Думы и возстановить абсолютизмъ, правительство рѣшилось поторопиться съ выборами. Общественное мнѣніе продолжало прорываться въ прессѣ и резолюціяхъ; жизнь страны не упорядочивалась послѣ ухода карательныхъ отрядовъ, а дѣлалась только безпокойнѣй. И сцены, происходившія при разстрѣлѣ реальнаго училища Фидлера, гдѣ дѣти играли въ революцію, избіенія при разгонѣ митинга въ „АкваріумѢ", казни на Казанской жел. дорогѣ — все это усугубляло сочувствіе къ боровшимся за свободу, а не возстановляло противъ нихъ.

Тысяча слишкомъ человѣкъ пала въ одной Москвѣ, не считая разстрѣленныхъ на Москвѣ рѣкѣ и въ полицейскихъ участкахъ. Изъ нихъ только тридцать пять при-

Московскіе дни.

Тѣло студента Шмидта, владѣльца фабрики мебели, разрушенной войсками во время московскаго вооруженнаго возстанія. Шмидтъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ его нашли въ камерѣ мертвымъ, всего изрѣзаннаго стекломъ. Самоубійство ли или убійство было здѣсь — осталось необнаруженнымъ.

ходятся на долю войскъ, полиціи и жандармовъ. Зато дѣтей убито 97, а женщинъ 126. Этихъ цифръ довольно, чтобы характеръ геройской бойни обнаружился изъ-за громкихъ реляцій Дубасова. Но слѣдуетъ и то сказать, что, потерявъ изъ состава боевыхъ дружинъ всего двѣнадцать душъ, организаторы возстанія должны бы признать, что возстанія не было. Одни были неосторожны, объявивъ, что начинаютъ возстаніе; другіе сдѣлали видъ, что повѣрили, и на всякій случай переколотили тысячу человѣкъ. Престижъ воителей отъ этого не повысился. Главари революціонныхъ партій должны были еще больше отдалиться отъ требованій момента, топя въ безпробудной рѣзкости слова и выступленій свою досаду; и то же оставалось дѣлать чиновничеству, вступившему на путь самодовлѣющей репрессіи, объявляя войну всѣмъ встрѣчнымъ. Этотъ путь, какъ какой нибудь московскій бульваръ, начинаетъ

Голутвино, ст. Казанской жел. дор.,
гдѣ отрядъ Семеновскаго полка, подъ начальствомъ полк. Римана, разстрѣливалъ праваго и виноватаго, и гдѣ происходили раздирающія душу сцены, т. к. вооруженнаго сопротивленія никто не оказывалъ. За эти то экзекуціи семеновцы и осыпались наградами.

съ декабря 1905 г. обстрѣливаться изъ министерскихъ пулеметовъ такими мѣрами, послѣ которыхъ всякое проявленіе жизни общественной дѣлается актомъ смѣлости, а не обыденной картиной жизни правового государства. Здѣсь начинается та странная полоса русской исторіи, гдѣ параллельно идутъ явленія неукротимаго произвола и конституціонныя, гдѣ на парламентѣ реакціонное правительство выѣзжаетъ, какъ на боевомъ конѣ, и гдѣ царь, протягивая одну руку Хомякову или Гучкову, другой такъ нѣжно обнимаетъ убійцу Дубровина, мошенника Коновницына и другихъ представителей черной сотни, какъ еслибъ это были любимыя его дѣти.

Такое неестественное положеніе вещей опиралось и на нестественные законы.

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Чрезвычайные законы вмѣсто свободъ. — Краткая исторія ихъ. — Мнѣнія П. Дурново, Хрулева и др. реакціонеровъ. — Затяжной произволъ власти. — Неуваженіе къ закону. — Неумѣніе остановиться во-время и поощреніе безпорядка въ управленіи. — Частичныя отмѣны. — Обманъ Европы.

Правда, Россія привыкла къ такимъ законамъ, а правительству они должны были казаться столь естественными, что, когда дѣло дошло до „свободъ“, лежащихъ въ основѣ конституціи, то замѣна ихъ новыми порціями исключительныхъ положеній произошла какъ бы сама собой.

„Положеніемъ 14 Августа 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ мы обязаны реакціи, наступившей послѣ убійства Александра II. Нужно ли было въ то время это „положеніе“ или нѣтъ, насъ можетъ не интересовать. Но то обстоятельство, что законъ этотъ просуществовалъ безъ перерыва, все болѣе толстѣя отъ дополненій и покойной жизни, до 1905 года, а послѣ этого завершился военно-полевымъ судомъ en permanence — заставляетъ признать за этимъ институтомъ значеніе незыблемой основы русскаго государственнаго строя. Самодержавіе царя свергнуто, парламентъ работаетъ, Готскій Альманахъ рекомендуетъ Россію, какъ „une empire constitutionelle sans un Zar autocrate“, но чиновничій абсолютизмъ не тронулся съ мѣста ни на вершокъ, ибо нѣтъ лучшаго внѣшняго выраженія этого абсолютизма, какъ постоянное замѣщеніе общихъ законовъ исключительными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ даже такіе столпы реакціи, какъ П. Дурново, Хрулевъ, главный начальникъ тюремнаго вѣдомства, и большинство членовъ СовѣтаМинистровъ единодушно высказались въ 1904 году по поводу длительности и даже вреда исключительныхъ законовъ. „Какъ показываетъ опытъ, — говоритъ Особое Совѣщаніе 1904 г. — постепенное обращеніе ихъ въ постоянную форму управленія ведетъ къ ослабленію ихъ воздѣйствія, ибо къ нимъ приспособляются до извѣстной степени и населеніе, и органы власти; и мѣры эти въ конечномъ выводѣ, вмѣсто пользы, приносятъ одинъ вредъ, способствуя притупленію чувства законности въ общественномъ сознаніи.“ — Въ частности объ охранныхъ отдѣленіяхъ и жандармахъ дали правдивые, но отрицательные отзывы Хрулевъ, сенаторъ Кузьминскій и др. чины правительства, а на потерю народомъ чувства законности и нарастаніе недовольства произволомъ власти и оппозиціонности указываетъ и особое совѣщаніе. Въ его журналѣ подробно говорится о традиціонныхъ проявленіяхъ исключительнаго положенія, арестахъ, обыскахъ, ссылкѣ, штрафахъ и т. д.; и всѣ эти мѣры подвергаются уничтожающей критикѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя теперь снова стоятъ у власти и снова управляютъ страной негодными, по ихъ признанію, способами. Вопіющее противорѣчіе, вытекающее отсюда, есть, однако, лишь оптическій обманъ. За тридцать лѣтъ существованія исключительнаго положенія воспиталось цѣлое чиновничье поколѣніе; эти люди привыкли къ отравленному воздуху, ихъ легкія не выдерживаютъ давленія атмосферы законности, ихъ руки прикладываются къ нарушенію элементарныхъ гражданскихъ правъ, какъ къ единственной пищѣ, пріемлемой чиновничьей утробой. Безъ боязни впасть въ преувеличеніе, можно сказать, что чиновничество

нынѣшней формаціи уже не виновато въ своей политикѣ. Другой оно не можетъ вести. Несчастіе заключается въ томъ, что, прикрывая свои разоряющія дѣйствія именемъ царя, оно придаетъ имъ тотъ характеръ законом'рности, всякое выступленіе противъ которой является политическимъ преступленіемъ. Систематически нарушая законы имперіи, чиновники должны были пріучить къ тому же и Николая, чтобы союзъ былъ проченъ. Отсюда и постоянныя противорѣчія въ актахъ, лежащихъ на личной отвѣтственности монарха, отсюда унизительныя даже для частнаго лица нарушенія своихъ словъ и торжественныхъ обѣщаній, которыми пестритъ жизнь Николая. Отсюда, наконецъ, распространеніе и на него того презрѣнія, той ненависти, того издѣвательства и осмѣянія, которыми издавна даритъ чиновничество весь русскій народъ. Это неуваженіе къ носителю идеи законности отмѣтилъ для Россіи извѣстный Флетчеръ еще четыре вѣка тому назадъ, и двадцатое столѣтіе вмѣстѣ съ конституціей принесло имперіи царей такой расцвѣтъ озлобленія, такое глубокое проникновеніе въ народъ анархическихъ принциповъ, которые, помимо всякихъ внѣшнихъ проявленій революціи, могутъ сточить и снести съ лица земли, вмѣстѣ съ чиновниками и царями, и весь тотъ скромный запасъ культурности, что съ такими лишеніями скопила Россія трудами своихъ лучшихъ сыновъ. Безпорядокъ управленія поощряется потому, что сталъ принципіальнымъ, и что только при немъ могутъ прожить еще немного приверженцы самодержавія, понимаемаго какъ самоуправство. Частичными отмѣнами исключительныхъ положеній (причемъ всѣ предыдущія распоряженія администраціи остаются въ силѣ) можно обмануть вниманіе Европы, но не русское. 90 процентовъ поверхности имперіи продолжаетъ пребывать во власти положенія 1881 года въ 1911 году.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

Учрежденіе Государственной Думы. — Отношеніе къ ней различныхъ общественныхъ группъ. — Нѣкоторое вліяніе ихъ на будущій центръ Думы. — Политическія партіи организуются.

Именно традиціонному недовѣрію народа ко всякому акту царя или его правительства обязано было „Учрежденіе Думы“ встрѣчей, оказанной ему обществомъ. Въ то время, какъ русскіе жирондисты, не приведенные въ равновѣсіе духа ни погромами, ни подавленіемъ московскаго возстанія, привѣтствовали новый законъ, какъ основу будущаго государственнаго благополучія, радикальные круги и организаціи не стѣснялись открытымъ выраженіемъ пренебреженія къ новому канцелярскому произведенію, кое какъ сшившему булыгинскія измышленія съ поправками, внесенными манифестомъ 17-го октября. Въ этихъ кругахъ идея бойкота Думы нашла столько же сторонниковъ, какъ и въ августѣ, послѣ оглашенія проекта Булыгина. Что идея эта была пагубна и просто нетактична, показали выборы въ слѣдующія Думы, когда лѣвыя партіи въ гораздо уже худшей обстановкѣ рѣшили участвовать въ выборахъ. Но, освободивъ оппозицію отъ крайняго большинства, бойкотъ первой Думы имѣлъ то хорошее значеніе, что царь и правительство могли лучше учесть настроеніе массъ, опредѣлить свое мѣсто среди различныхъ теченій общественной и политической мысли, взвѣсить силы и намѣтить будущій курсъ. — И если чиновники и Николай не пошли вслѣдъ за умѣреннымъ конституціоннымъ большинствомъ парламента, а предпочли путь революціоннаго законодательства Столыпина, то этимъ они только лишній разъ подтвердили справедливость мнѣнія о себѣ, которое мы кратко формулировали выше.

Строй, порядокъ, твердость закона, все это было ядомъ для тунеядцевъ, воровъ и разбойниковъ, стоявшихъ во главѣ управленія, и они не замедлили подобрать себѣ сторонниковъ изъ подонковъ народа. Изъ самой конституціи они ухитрились извлечь выгоду для себя, организовавъ черныя сотни и предоставивъ имъ широкую свободу въ третьей Думѣ, когда, путемъ переворота 3-го іюня 1907 года, Николай съ легкимъ сердцемъ еще лишній разъ обманулъ своихъ подданныхъ. Въ то время, впрочемъ, черныя сотни только еще намѣчались. Радикализмъ почти

безраздѣльно царилъ въ рядахъ оппозиціи, и нельзя отрицать, что подъ его вліяніемъ прошли не только выборы въ Думу, но сложились и нѣкоторыя части политическихъ программъ тогдашнихъ умѣренныхъ партій. Никто не задумывался надъ тѣмъ, что правительство являлось реальной силой, въ борьбѣ съ которой компромиссъ могъ бы оказаться однимъ изъ орудій. Казалось, что изъ принципа „все или ничего", свойственнаго всѣмъ не жившимъ еще политически народамъ, нельзя убавить ни одной іоты, и избиратели напутствовали своихъ кандидатовъ требованіями не уступать царю и чиновникамъ ни одной пяди своихъ программъ, составленныхъ безъ точнаго расчета на немедленное осуществленіе. Сдвинувшись съ мѣста, общественное настроеніе стремительно полетѣло впередъ и вверхъ. Но когда пришлось спуститься въ Таврическомъ дворцѣ до земнаго уровня, то первое же соприкосновеніе съ треніемъ нижнихъ слоевъ политической атмосферы воспламенило страсти, и первая Дума, мелькнувъ, какъ красивый метеоръ, сгорѣла безъ остатка, разсыпавъ осколки свои по русскимъ тюрьмамъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Центръ: кадеты, партія „демократическихъ реформъ". — Правое крыло: октябристы перваго призыва. — Лѣвое крыло: радикалы, трудовики, соц.-демократы, соц.-революціонеры. — Анархисты. — Дашнакцутюнъ. — Максимализмъ. — Симпатіи Николая лежатъ внѣ этой амплитуды настроенія массъ. — Причины въ воспитаніи и обычномъ невѣжествѣ русскихъ царей. — Приспособленіе къ этимъ чертамъ вызываетъ организацію черныхъ сотенъ.

Теперь, когда репутаціи Столыпина, его товарищей и самой третьей Думы установились прочно, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ лицѣ перваго парламента Россія имѣла представительство умѣренной части русскаго народа, далекой отъ пропаганды и дѣланія революціи. Въ этомъ отношеніи Столыпинъ съ его аграрнымъ и финляндскимъ законами стоитъ гораздо ближе къ тактикѣ боевыхъ революціонеровъ, не считающихся обыкновенно ни съ чѣмъ, кромѣ собственнаго увлеченія, и возлагающихъ на все исцѣляющее время обязанность ликвидировать эксцессы настоящаго. Но въ ту пору, передъ созывомъ первой Думы, въ Петербургѣ были увѣрены въ прочномъ союзѣ всей оппозиціи и въ яркой ея революціонности. Къ сожалѣнію, тактическаго союза не было, какъ впослѣдствіи въ Турціи. Соціальная сторона движенія, впервые въ исторіи доминировавшая надъ узко-политической, клиномъ входила въ самыя искреннія попытки объединиться. Былъ только общій подъемъ настроенія, независимо отъ чьей бы то ни было воли имитировавшій реальное объединеніе прогрессивныхъ русскихъ элементовъ. Никто, впрочемъ, изъ активныхъ членовъ партій, а равно никто въ освѣдомленныхъ чиновничьихъ кругахъ не дѣлалъ себѣ иллюзій. Не заглядывая въ программы различныхъ партій, можно было по одному составу ихъ предсказать то или иное отношеніе къ движенію, къ роли будущей Думы, къ судьбамъ страны.

Въ началѣ 1906 года, когда все должно было толкать на объединеніе, мы и замѣчаемъ наибольшее стремленіе къ раздробленію. Точно люди, изъ темноты и рабства брошенные капризною судьбою въ прекрасное, свѣтлое и просторное зданіе, гдѣ всѣ имѣютъ одни права, одно значеніе, одну свободу, начали, вмѣсто соединеннаго труда по укрѣпленію новаго положенія, строить отдѣльныя каморки, запихиваясь въ тѣсноту, стѣсняя своихъ единомышленниковъ не меньше, чѣмъ рабовъ, предавая анаѳемѣ иначе вѣрующихъ не менѣе страстно, чѣмъ дѣлали это средневѣковые иллюминаты.

Стоитъ прочесть списокъ открыто заявившихъ себя тогда партій, чтобы понять, почему новорожденная политическая свобода осталась у нихъ, какъ дитя у семинянекъ, — безъ глазу. Вотъ онѣ, слѣва направо:

Соціалъ-революціонеры.
Соціалъ-демократы.
Радикалы.

Предвыборное собраніе.

Одно изъ предвыборныхъ собраній въ началѣ 1906 г. въ Соляномъ Городкѣ въ Петербургѣ, передъ выборами въ первую Гос. Думу, устраиваемыхъ партіей Народной свободы (к.-д.) Такія собранія устраивались партіей еженедѣльно, одновременно въ разныхъ частяхъ города. На устройство этихъ собраній кн. Бебутсвымъ было дано 30 тысячъ рублей.

Городской комитетъ партіи „Народной свободы“ (к.-д) въ Петербургѣ.
Засѣданіе передъ выборами во 2-ую Думу.

Съѣздъ партіи октябристовъ.
Предсѣдатель Милютинъ, налѣво отъ него А. Гучковъ.

Свободомыслящіе.
Конституціоналисты-демократы.
Демократическій союзъ конституціоналистовъ.
Умѣренные прогрессисты.
Прогрессивно-экономическая партія.
Всероссійскій торгово-промышленный союзъ.
Союзъ 17-го Октября.
Партія правового порядка.
Монархисты-конституціоналисты.
Русскій народническій всесословный союзъ.
Отечественный союзъ. Русское собраніе.

Потомъ большинство этихъ партій изчезло безъ слѣда. Другія измѣнили свои названія, третьи — тактику, четвертыя — программу. Дифференціація, это неизбѣжное и живящее начало политической жизни, въ русскихъ условіяхъ приняла уродливыя формы и углубила различія между партіями, значительно сокративъ ихъ число. Черезъ пять лѣтъ оставались: соціалъ-демократы (эс-деки), соціалъ-революціонеры (эс-эры), трудовики (народные соціалисты), партія народной свободы (кадеты), мирнообновленцы, союзъ 17-го Октября (октябристы), союзъ русскаго народа (черная сотня). Среди нихъ терялись съ одной стороны максималисты, анархисты и кавказскій „дашнакцутюнъ“, съ другой думскіе націоналисты, не имѣвшіе корней внѣ Таврическаго дворца.

Къ первымъ тремъ группамъ попрежнему принадлежала учащаяся молодежь, земскіе служащіе, рабочія массы и немногіе крестьяне; къ четвертой и пятой — всѣ прогрессивные и умѣренные слои населенія, не склонные къ доктринерству, но глубоко ненавидящіе абсолютизмъ и демократичные по натурѣ. Ибо демократизмъ буквально влитъ въ русскую кровь, издавна смѣшивавшуюся по всевозможнымъ перекрестнымъ направленіямъ. Аграріи и служилое дворянство числились въ октябристахъ, къ которымъ, по недоразумѣнію, примыкало десятка полтора вполнѣ достойныхъ, искренніхъ людей. Какъ будто ихъ пугалъ кадетскій радикализмъ. Наконецъ, въ черносотенныхъ организаціяхъ концентрировались совершенно негодные элементы, все неспособное къ труду, къ искренности; все подкупное, безпринципное. Симпатіи Николая, какъ и слѣдовало ожидать, лежали внѣ широкой амплитуды соціализма — октябризма. Онъ не смогъ возвыситься до примиренія со своей участью, участью монарха, у котораго народъ отнялъ имъ же нѣкогда дарованное самодержавіе. Въ его темпераментѣ, быть можетъ, еще больше, чѣмъ въ традиціонномъ невѣжествѣ русскихъ царей и ихъ необразованности, заложены были черты, на которыхъ такъ легко было играть союзникамъ. Онъ глубоко затаилъ въ себѣ ненависть ко всему, что такъ или иначе соприкасалось съ днемъ 17. октября, днемъ слабости, днемъ измѣны клятвѣ о самодержавіи, днемъ радости русскаго народа. Съ истинно византійскимъ лукавствомъ Николай продолжалъ участвовать въ приготовленіяхъ къ созыву Думы, подписывалъ указы конституціоннаго характера, принималъ депутаціи. Но помыслы его склонялись всегда къ перевороту, къ возвращенію неограниченной возможности жить безконтрольно, раздавая полномочія свои по частямъ чиновникамъ, обезпечивающимъ за то покой и иллюзіи народной любви. Сдѣлать въ этомъ направленіи можно было, конечно, немного. Чиновничество не могло уже обезпечить прежняго покоя. Лишь долго спустя, въ 1910 г., рискнули выпустить Николая въ экипажѣ по Петербургу и такъ довольны были этимъ малымъ успѣхомъ, что повсюду даже депеши разослали, — дескать, Государь прослѣдовалъ въ открытой коляскѣ, и народъ привѣтствовалъ его. Какой народъ, чиновники и камарилья хорошо знаютъ; въ столицѣ, гдѣ однихъ дворниковъ, числящихся лишь номинально за домохозяевами, а на дѣлѣ полицейскаго резерва, нѣсколько десятковъ тысячъ, не говоря уже о мелкотѣ изъ лавокъ и мастерскихъ, тамъ можно симулировать народные восторги. Этимъ дѣло и кончилось. Не имѣя ничего за собой въ странѣ, оставалось и бюрократамъ, и придворнымъ, и самому самодержцу опереться на черную сотню. Только она предлагала (за вознагражденіе, понятно), свои услуги. Этимъ шагомъ союзъ русскаго народа поднялся на небывалую высоту. И одновременно полетѣлъ въ пропасть всесвѣтнаго позора и презрѣнія Николай Романовъ.

Комитетъ партіи народныхъ соціалистовъ,
впослѣдствіи преданный суду за нелегализованность. 1) Н. Ѳ. Анненскій — предсѣдатель Вольно-Экономическаго общества, 2) Пѣшехоновъ, 3) Танъ (Богоразъ), 4) Демьяновъ — членъ 2-ой Гос. Думы.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЯТАЯ.

Черныя сотни. — Ихъ составъ. — Поведеніе администраціи и духовенства. — Центральный органъ. — Центральныя средства. — Апологетъ черносотенства, Е. Богдановичъ. — Его прошлое и настоящее. — Сабля Буланже. — Дубровинъ. — Кацауровъ. — Полубояринова. — Марковъ 2-ой. — Гр. Дорреръ. Развитіе Союза русскаго народа. — Возложеніе знаковъ Союза на царя и наслѣдника. — Окончательное вступленіе ихъ въ организацію погромовъ и убійствъ. — Пріемъ черносотенныхъ делегацій. Извозчики. — Положеніе упрощается. — Кажущаяся двойственность царя. — Витте о политическихъ убѣжденіяхъ Николая. — Столыпинъ, Гучковъ и Милюковъ борятся съ ними.

Какъ ни печально въ этомъ сознаваться, но Россія, за исключеніемъ Финляндіи и нѣсколькихъ небольшихъ округовъ западной окраины, должна быть названа страной некультурной; ея наука, литература и искусство, хотя и давно держатся на общеевропейскомъ уровнѣ, но еще не успѣли углубить корней своихъ въ широкихъ массахъ населенія, которое продолжаетъ не знать или игнорировать своихъ лучшихъ представителей. Въ такой разрѣженной атмосферѣ не могло существовать и сплоченности общественныхъ силъ, и если событія 1904—07 гг. выяснили, съ одной стороны, чрезвычайную способность русскихъ къ организаціи и единодушнымъ выступленіямъ, то съ другой, онѣ же показали и отсутствіе культурнаго фундамента; стоило пройти революціонному порыву, какъ казавшееся прочнымъ зданіе осѣло и дало трещины, въ которыя свободно задулъ вѣтеръ реакціи, занося его пылью и грязью. Вышесказаннымъ объясняется, почему и черносотенное движеніе вылилось въ Россіи въ тѣ уродливыя формы, которыя подъ названіемъ „погромовъ“ стали извѣстны всему міру, и которыя граничили, въ крайнихъ проявленіяхъ своихъ, съ максималистской практикой лѣвыхъ. Не сила убѣжденія, не вѣра въ полезность извѣстныхъ дѣйствій, а сила физическая и вѣра въ безнаказанность руководили черными сотнями, составъ коихъ и не могъ не совпадать съ преступными или дикими элементами населенія. Они, эти элементы, органически не могли выдвинуть изъ своихъ рядовъ вожаковъ контръ-революціоннаго движенія, и правительство Николая должно было само стать во главѣ его, взявъ на себя самую технику и руководство. Административный аппаратъ, основанный на повиновеніи за страхъ и на безпринципности, этихъ отличительныхъ качествахъ русской бюрократіи, былъ въ распоряженіи правительства; духовенство, по крайней мѣрѣ монашествующая его часть, примкнуло къ правительству ради продленія своихъ привилегій. Съ этими силами можно было объявить войну народу, и рядъ сраженій — погромовъ лучше всякихъ манифестовъ указалъ Россіи истинныя

Докторъ Дубровинъ, предсѣдатель Союза русскаго народа,

организаторъ убійствъ Герценштейна, Іоллоса и друг. прогрессивныхъ дѣятелей; неоднократно удостаивался аудіенцій у царя и разныхъ знаковъ царскаго вниманія и одобренія. Нынѣ разоблаченъ, но подъ судомъ еще не былъ. Уговаривая Столыпина вступить въ Союзъ русскаго народа, Николай сказалъ: „Вѣдь Дубровина теперь нѣтъ, отчего же Вы не хотите?“ Столыпинъ не посмѣлъ сказать ему, что верхъ непониманія своего долга, — вступать царю въ политическую партію.

намѣренія ея царя и чиновничества. Въ центрѣ организаціи помѣстился Союзъ русскаго народа, за спиной котораго орудовали высокопоставленные погромщики — великіе князья, архіереи и министры; деньги притекали широкой волной изъ разныхъ параграфовъ государственной смѣты, и народъ, такимъ образомъ, оплачивалъ изъ своихъ кармановъ не только революцію, но и контръ-революцію. Послѣдней тоже нужны были апологеты, и она нашла ихъ въ лицѣ генерала Богдановича, поповъ Иліодора, Ивана Кронштадскаго и нѣсколькихъ другихъ, болѣе мелкихъ персонажей съ уголовнымъ или распутнымъ прошлымъ. Богдановичъ, бывшій мичманъ флота, въ севастопольскую войну былъ осужденъ за трусость; вмѣсто казни, его выгнали

Главари союзниковъ и содержательница Главнаго Совѣта, Полубояринова.

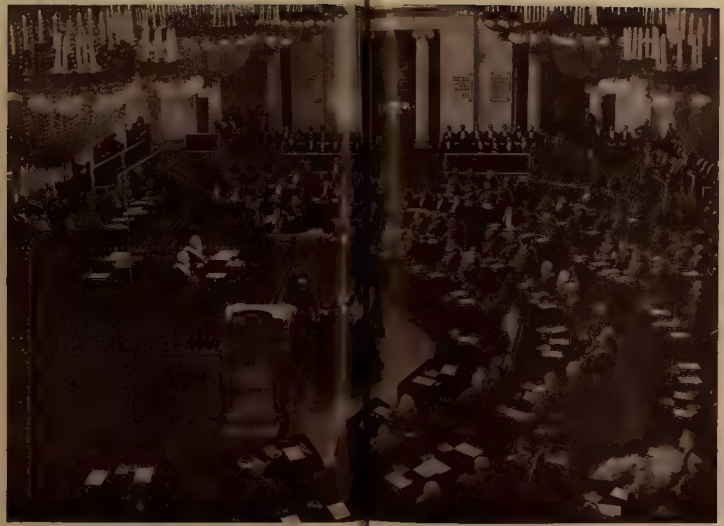
со службы, — онъ вымолилъ прощеніе у богомольнаго генерала Остенъ-Сакена, простоявъ передъ генеральскими образами цѣлую ночь на колѣняхъ. Затѣмъ вся его служба протекала по этому же шаблону. Протекція ставила на мѣста, преступленія всякого рода приводили къ изгнанію и т. д. до генеральскаго чина, до растратъ церковныхъ суммъ исакіевскаго собора, вымоганія средствъ у кого придется на патріотическія изданія, отвратительной семейной жизни, и, наконецъ, физической слѣпоты, наступившей позднѣе моральной. Человѣкъ даровитый, недюжинный ораторъ, красавецъ собой, Богдановичъ въ условіяхъ русской жизни могъ широко развить свои отрицательныя черты и по справедливости можетъ быть поставленъ во главѣ другихъ авантюристовъ, построившихъ свое житейское благополучіе на гнилой абсолютистской почвѣ. Наклонность къ чисто политической авантюрѣ сказалась у слѣпого генерала гораздо раньше, чѣмъ наступила революціонная эра. Въ томъ году, когда ген. Буланже началъ играть роль будущаго спасителя Франціи, и когда Рошфоръ такъ же расчитывалъ на него, какъ и какой нибудь неугомонный роялистъ, Богдано-

вичъ собралъ большую сумму денегъ на „почетную“ саблю герою парижскихъ бульваровъ и поднесъ ее, якобы по порученію и отъ лица русской арміи. Онъ называлъ себя при этомъ другомъ императора Александра III-го и на своихъ визитныхъ карточкахъ именовался „ген.-адъютантомъ Его Величества“, хотя въ свитѣ никогда не бывалъ. За эти продѣлки „другъ“ выгналъ его вовсе изъ военной службы, но связи пересилили монаршій гнѣвъ, и Богдановичъ пристроенъ былъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, пока Николай II-ой не вытащилъ его вмѣстѣ съ другими выгнанными его отцомъ мошенниками, вродѣ фонъ-Валя, Петра Дурново, Клейгельса и др., снова на свѣтъ Божій. Въ погромные годы Богдановичъ отблагодарилъ своего повелителя добросовѣстно. Это онъ писалъ прокламаціи для войска и для черныхъ сотенъ, это онъ разбрасывалъ ихъ съ автомобилей въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, это онъ открывалъ мѣстные отдѣлы Союза рускаго народа. Передъ нимъ и его работой совершенно тускнѣютъ громкіе подвиги другихъ черносотенцевъ, доктора Дубровина, Кацаурова, Полубояриновой, дающей только деньги, гр. Доррера, оплачивавшаго курскихъ погромщиковъ, даже Маркова 2-го, мелкаго мошенника и скандалиста. Не будь Богдановича, возложеніе знаковъ союза русскаго народа на царя и наслѣдника не носили бы торжественнаго характера и, быть можетъ, не состоялось бы неслыханнаго въ исторіи факта открытаго зачисленія императора и его наслѣдника въ составъ контръреволюціонной партіи, гдѣ боевая дружина устраивала убійства, грабежи и поджоги.

Видный „союзникъ“, Пурышевъ,
дающій деньги, подаривший даже домъ Союзу русскаго народа. Удостоенъ ордена. Снятъ (направо) съ Кривошлыкомъ, редакторомъ оффиціоза петерб. градоначальства, подъ царскимъ портретомъ.

Послѣ этого аудіенціи всякимъ черносотеннымъ депутаціямъ дѣлаются заурядным явленіемъ. Здѣсь не нужно готовиться къ дипломатическимъ рѣчамъ, къ обходамъ непріятныхъ вопросовъ, къ притворнымъ знакамъ вниманія; созерцая звѣрскія и тупыя лица союзниковъ, въ томъ числѣ ломовыхъ извозчиковъ и просто хулигановъ, можно было и самому распоясаться, выражать свои мысли въ краткихъ, но многозначущихъ словахъ, коими впослѣдствіи вполнѣ освящались и оправдывались погромы.

„Объединяйтесь, истинно-русскіе люди“ . . . „Благодарю за службу“ . . . „Вы мнѣ нужны“ . . . . „Буду миловать преданныхъ“ . . . — все крѣпко запоминалось тѣми, кто изъ погромовъ дѣлалъ себѣ карьеру. И царь хорошо держалъ э т и слова, не



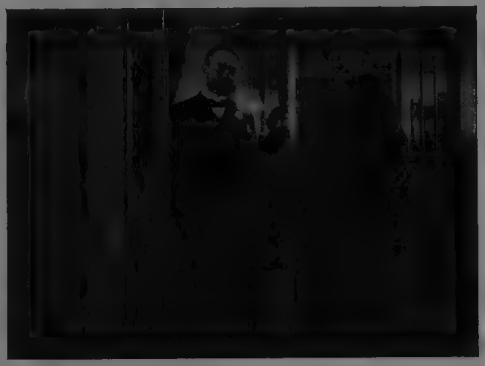
Новый Госуд[illegible]ный Совѣтъ.
На предсѣдательскомъ мѣстѣ гр. Сольскій и Фрамъ[illegible]ане въ Дворянскомъ собраніи 27-го апрѣля 1906 г

Одно изъ первыхъ собраній Союза русскаго народа въ Михайловскомъ манежѣ, въ Петербургѣ, когда Иванъ Кронштадскій и другіе призывали къ погромамъ.

Шествіе союзниковъ со знаменами по Невскому проспекту въ пору расцвѣта.
Нынѣ этого не повторить. Народъ давно понялъ, что его обманываютъ, и Союзъ можно считать уже распавшимся.

то, что обѣщаніяманифестовъ, или слова, дававшіяся земской делегаціи или первой Думѣ. Въ Николаѣ черная сотня имѣла достойнаго капитана, настоящаго „отца-командира," какъ зовутъ солдаты хорошихъ начальниковъ. Въ этой области колебанія не было и положеніе вещей упрощалось, уяснялось для обѣихъ сторонъ. А опредѣленность всегда лучше сомнѣній. Въ этомъ отношеніи Николай гораздо больше сослужилъ будущему движенію, нежели его правительство, все еще играющее съ октябристами въ конституцію.

Мы достаточно долго останавливались на центральной фигурѣ нашей книги, русскомъ царѣ, чтобы имѣть право здать себѣ, и не въ первый разъ, вопросъ о томъ, не сказываются ли въ немъ черты двойственности, обычной въ этихъ сферахъ, и возможной наслѣдственности, въ которой не можетъ быть сомнѣнія. Полагаемъ, беря en bloc всю психологію Николая, что двойственность существуетъ въ дѣйствительности. Патріархальность и измѣны женѣ; любовь къ дѣтямъ и казнямъ; скромная обстановка жизни и поощреніе роскоши у другихъ; ласковость въ обращеніи и нанесеніе удара въ спину (отставка гр. И. Толстого, которому царь сказалъ, что желаетъ оставить его на мѣстѣ, въ то время, какъ Кауфманъ былъ уже назначенъ имъ министромъ народнаго просвѣщенія); наконецъ, и оффиціальная двойственность — знаменитые указы 18-го февраля 1905 г. о Думѣ и противъ Думы; — все рисуетъ намъ психическій обликъ Николая въ двухъ краскахъ. Но былъ уголокъ его души, ярко сказывавшійся и въ жизни, гдѣ царь оставался всегда неизмѣннымъ, всегда ровнымъ, всегда откровеннымъ, своеобразно честнымъ и вѣрнымъ въ словѣ, это — въ его привязанности къ черносотенству и контръ-революціи. И вовсе не потому, что онъ какъ нибудь особенно понималъ самодержавіе, пользу Россіи, вѣрилъ въ провиденціальное значеніе монархическаго принципа; и даже не потому, что путемъ реставраціи хотѣлъ выполнить свою клятву о поддержкѣ существовавшаго тогда строя. Нѣтъ, онъ просто ненавидѣлъ прогрессъ, культуру, цивилизацію, все то, что заставляло думать, перестраивать свою и чужія жизни и отношенія, работать, совершенствоваться. Эту ненависть переносилъ онъ и на людей, не слѣдовавшихъ за нимъ въ его направленіи и которыхъ онъ огуломъ зачислялъ въ ряды революціонеровъ.



П. Милюковъ и А. Гучковъ въ Москвѣ, передъ лекціей Милюкова.

„Взять бы всѣхъ этихъ революціонеровъ да утопить въ заливѣ", мечтательно изрекъ онъ, въ бесѣдѣ съ однимъ общественнымъ дѣятелемъ, глядя въ окно на мутныя финскія воды, схоронившія въ себѣ тѣла казненныхъ матросовъ.

Когда революція пошла на убыль, а черносотенство расцвѣло, и газета „Вѣче" сдѣлалась органомъ погромовъ и предсказателемъ убійствъ, которыя и совершались, гр. С. Витте говорилъ однажды съ однимъ изъ близкихъ себѣ людей о царѣ. По старой чиновничьей привычкѣ, онъ разсыпался въ льстивыхъ и ненужныхъ эпитетахъ, называлъ его ангеломъ и т. п.

„Ну, графъ, — перебилъ его собесѣдникъ, — скажите же однако о политическихъ убѣжденіяхъ государя; теперь вѣдь всякій долженъ имѣть ихъ...."

„О политическихъ убѣжденіяхъ? — отвѣтилъ Витте, и лукавый огонекъ блеснулъ въ глазахъ кровно обиженнаго царемъ бюрократа; — газету „Вѣче“ знаете?“

— Знаю, пробормоталъ изумленный гость.

„Такъ вотъ, они вполнѣ соотвѣтствуютъ направленіямъ этого органа.“ . . . .

Это было правдой, правдой до конца. Открытая проповѣдь контръ-революціи, шедшая съ престола, до нельзя стѣсняла правительство, которое не могло итти за царемъ въ это болото. Столыпинъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы бороться съ афишируемыми царемъ взглядами, и не разъ, по совѣту министра, въ Государственной Думѣ Гучковъ и Милюковъ выступали противъ Союза русскаго народа, клеймя его членовъ названіями „убійцъ“ „погромщиковъ“ и т. под. Но все было тщетно, и царь тоже не разъ говаривалъ преданному слугѣ, Петру Аркадьевичу: „Отчего вы не запишетесь въ Союзъ русскаго народа? Вѣдь Дубровина теперь тамъ нѣтъ?“

Да, Дубровина то не было, за то Николай оставался. Люди понемногу отвращались отъ него.

ГЛАВА СОРОКЪ ШЕСТАЯ.

Выборы въ первую Думу. — Витте отказывается отъ давленія на выборы. — Упреки Николая. — Какъ въ Европѣ дѣлаютъ. — Дурново волнуется. — Неожиданные результаты. — Бойкотъ Думы соц.-демократами. — Повсемѣстная побѣда к.-демократовъ. — Имперскій съѣздъ. — Приподнятое настроеніе. — Временное сокращеніе террора. — На это обращаютъ вниманіе Азефа и его помощниковъ, которые и подготовляютъ покушеніе на адмирала Дубасова и убійство адмирала Кузьмича. — Бюрократы, въ свою очередь, торопятся съ изданіемъ основныхъ законовъ. — Небрежная редакція ихъ. — Откровенность гр. Витте по этому поводу. — Отставка кабинета гр. Витте. — Новое министерство. — Горемыкинъ, Столыпинъ, Щегловитовъ. — Отношеніе царя къ будущему парламенту выясняется.

Какъ ни хотѣлось правительству оттянуть срокъ выборовъ въ первую Думу, и какъ ни муссировалось для этой цѣли впечатлѣніе московскаго возстанія и не прекращавшихся, хотя и частичныхъ, стачекъ, срокъ этотъ наступилъ. Съ начала 1906 г. идетъ безконечный рядъ предвыборныхъ собраній, на которыхъ впервые принципы конституціонализма дѣлаются открытымъ, незапретнымъ достояніемъ избирательной массы. Административное вмѣшательство почти отсутствуетъ, и это обстоятельство производитъ тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе, что во всѣхъ другихъ областяхъ внутренней жизни страны проводится планомѣрное и жестокое репрессивное начало. Нѣсколько позднѣе, изъ надписи царя на прошеніи объ отставкѣ графа Витте, дѣло выясняется. По причинамъ, оставшимся доселѣ скрытыми, портсмутскій миротворецъ и авторъ манифеста 17-го октября проявилъ большую настойчивость въ вопросѣ о правительственномъ давленіи на выборы. Сомнительно, чтобъ онъ, подобно Петру Дурново, ожидалъ побѣды умѣренныхъ элементовъ или чтобъ онъ вѣрилъ, какъ впослѣдствіи Столыпинъ, въ „здоровый консерватизмъ народныхъ массъ.“ Скорѣе, и здѣсь проявлялась коренная черта авантюризма, — рискъ, но рискъ, никогда не доведенный до конца и упирающійся въ трусость. Трусость же ярче всего сказалась на повторныхъ прошеніяхъ Витте объ отставкѣ; не только перспектива появленія передъ Думой въ качествѣ отвѣтственнаго главы кабинета министровъ, но и страхъ за исходъ выборовъ диктовали свою волю нѣкогда всесильному временщику. Однако, царю точно хотѣлось помучить своего заклятаго врага, и онъ не только не давалъ отставки, но еще и язвилъ Витте своими помѣтками на его просьбахъ.

„А что касается до выборовъ, — пишетъ онъ своимъ неровнымъ почеркомъ, выдающимъ дрожаніе пальцевъ, — то вы сами виноваты въ ихъ результатѣ. Это вы потребовали(!) у меня, чтобы правительство не оказывало на нихъ давленія, тогда какъ во всей Европѣ такое давленіе дѣлается.“ — Это нескрываемое противопоставленіе интересовъ династіи и чиновничества интересамъ народа и государства характерно для Николая, и потомъ настойчиво проводившаго ту же основную точку зрѣнія во всѣхъ своихъ актахъ. Съ одной стороны положеніе упрощалось, съ другой, — вслѣдствіе большой еще жизнеспособности стараго

Члены первой Думы отъ г. Петербурга и Петербургскаго уѣзда,
вмѣстѣ съ выборщиками города и членами центральнаго и городского комитетовъ партіи народной свободы (к.-д.).

правительственнаго организма, грозило осложненіями; и послѣдующее пятилѣтіе именно и характеризуется изоляціей царя и бюрократіи въ крѣпости реакціи, откуда нѣтъ иного выхода, какъ капитулятивнаго.

Еще больше, чѣмъ Витте, волновался министръ внутреннихъ дѣлъ, Дурново, для котораго побѣда прогрессистовъ была синонимомъ вынужденной отставки и отстраненія отъ казенныхъ фондовъ, изъ которыхъ ловкому хорьку перепадало немало сверхсмѣтныхъ тысячъ. Разумѣется, „Петрушка“ не одобрялъ церемонности своего начальника и охотно перервалъ бы горло всѣмъ либераламъ, для чего въ его распоряженіи было довольно административныхъ средствъ. Но приходилось подчиняться и все больше и больше съеживаться подъ наплывомъ извѣстій о

Коммиссія по выборамъ въ первую Госуд. Думу.
Московскій районъ г. Петербурга.

повсемѣстныхъ побѣдахъ опаснѣйшей для правительства политической группы — конституціоналистовъ-демократовъ. Соціалъ-демократія, вступившая еще со времени великой забастовки на сомнительный и опасный путь переучета собственныхъ силъ, воздержалась отъ выборовъ въ первую Думу, и этой новой грубой ошибкой была увлечена на рядъ столь же пагубныхъ, какъ московское возстаніе, дѣйствій въ періодъ существованія Думы и особенно послѣ ея разгона. На этомъ пути ждали эту партію сѣти провокаціи, и она запуталась въ нихъ такъ основательно, что и теперь, послѣ окончательнаго разоблаченія системы Азефа-Рачковскаго, ей не удается выйти на то чистое мѣсто, гдѣ съ такимъ успѣхомъ работаетъ, скажемъ, нѣмецкая соціалъ-демократія.

Какъ бы то ни было, бойкотъ рабочихъ и большей части интеллигентнаго пролетаріата далъ Думѣ нѣсколько десятковъ лишнихъ кадетскихъ депутатовъ, спо-

собствовалъ еще большей устойчивости и единодушію перваго русскаго парламента и позволилъ умѣренной программѣ большинства вылиться въ такой кристализованной формѣ, что и донынѣ адресъ Думы, въ коемъ программа эта выражалась, сохраняетъ обликъ настоящаго политическаго канона, внѣ коего никакая либеральная реформа уже не мыслится.

Побѣда не вскружила головъ кадетовъ, но настроеніе ихъ было, естественно, приподнятымъ, и это особенно сказалось на имперскомъ съѣздѣ партіи передъ открытіемъ Думы. Въ свою очередь и общественное вниманіе фиксировалось на этомъ съѣздѣ, гдѣ можно было ознакомиться какъ съ будущей физіономіей парламента, такъ и съ его тактикой. И если обществу знакомство это сулило широкія, но умѣренныя реформы, то правительству должны были достаться одни тернія. Опаснымъ для него признакомъ было и временное сокращеніе террора, какъ будто крайнія партіи также готовились признать новый строй, обѣщавшійся кадетской программой.

Всегда, какъ только существованію бюрократіи грозила серьезная опасность, выступала изъ своего логовища гнусная провокація, и такъ было и на этотъ разъ. Успокоеніе, наступившее въ странѣ, жаждавшей порядка и вѣрившей въ способность Думы этотъ порядокъ водворить, нужно было во что бы то ни стало нарушить. И Азефъ выступаетъ съ своимъ планомъ убійства московскаго ген.-губернатора Дубасова, подогнаннымъ къ самому открытію Думы. Для того же, чтобы одновременно взбудоражить общественное мнѣніе обѣихъ столицъ, въ Петербургѣ приносится въ жертву бюрократическому Молоху безобидный адмиралъ Кузьмичъ, начальникъ одного изъ казенныхъ заводовъ, любимецъ рабочихъ. Махинація удается, какъ нельзя лучше. Азефъ, сидя въ кофейной, рядомъ съ Дубасовскимъ дворцомъ, самъ подслушиваетъ взрывъ и радуется спасенію адмирала, который потомъ поможетъ реакціи. А случайное совпаденіе аплодисментовъ на съѣздѣ кадетовъ съ объявленіемъ о покушеніи даетъ поводъ правительству обвинить ихъ чуть не въ антропофагіи и представить Николаю будущій парламентъ, какъ сборище революціонеровъ, не останавливающихся ни передъ чѣмъ. Поэтому и изданіе основныхъ законовъ за три дня до открытія Думы, этотъ явный знакъ недовѣрія и пренебреженія къ народному представительству, выдается за актъ глубокой государственной мудрости. И только наличіе въ этомъ законѣ такихъ статей, какъ о жалованьѣ и пенсіяхъ высшихъ чиновъ, да совершенно небрежная, неюридическая редакція всего закона вскрываютъ передъ нами истинную его природу. Все здѣсь диктовано страхомъ передъ сокращеніемъ штатовъ, окладовъ и наградъ, все клонится къ тому, чтобы, какъ можно выше, вывести стѣну между новымъ строемъ и развалинами стараго. Четыре года спустя откровенность графа Витте позволила возстановить жалкую картину торопливаго составленія основного закона Имперіи кучкой дрожащихъ, растерявшихся сановниковъ, какъ бы нарочно изыскивавшихъ неопредѣленные термины, чтобы потомъ сыграть на этой неопредѣленности, какъ это было съ интерпретаціей 2-ой ст. о Финляндіи, 87-ой о правѣ правительства издавать законы въ періоды бездумья и т. д.

Растерянность Двора и чиновниковъ, несмотря на такія возможности, какъ изданіе основныхъ законовъ или заключеніе безъ вѣдома Думы грандіознаго займа, продолжала рости. Кстати сказать, союзная Франція оказала русской реакціи огромную услугу, ссудивъ ей столько денегъ и заранѣе обезпечивъ успѣхъ разгона Думы и всей послѣдующей полосы репрессій; иначе вознагражденіе полиціи и администраціи, а главное — передвиженіе и содержаніе всей арміи, обращенной на народъ, были бы невозможны. Плоды этой услуги еще впереди; въ моментъ ликвидаціи эпохи милитаризма мощный союзникъ окажется въ военномъ отношеніи никуда негоднымъ, и Франція будетъ предоставлена собственнымъ силамъ на восточной своей границѣ*).

Кабинетъ Витте, запятнанный казнями, разстрѣлами, карательными экспедиціями и т. под. актами бѣлаго террора и чувствовавшій себя хорошо лишь въ кровавой борьбѣ, совершенно не былъ подготовленъ къ конституціоннымъ отношеніямъ и долженъ былъ пасть наканунѣ открытія Думы, безъ малѣйшаго давленія русской оппозиціи. Царь, все больше и больше склонный къ рѣзкой откровенности сужденій, не постѣснился написать на новой просьбѣ гр. Витте объ отставкѣ:

*) Опасеніе это оправдывается теперь.

Всероссійскій съѣздъ к.-д. партіи передъ открытіемъ 1-ой Гос. Думы.
Засѣданіе подъ предсѣдательствомъ С. А. Муромцева въ зданіи Тенишевскаго училища. П. Милюковъ читаетъ докладъ о тактикѣ партіи въ Думѣ.

„Теперь, когда новый заемъ заключенъ, я могу отпустить васъ, тѣмъ болѣе, что вы жалуетесь на упадокъ силъ."

Витте палъ вторично и на сей разъ, повидимому, безповоротно. Дальнѣйшее его поведеніе было рядомъ жалкихъ, ненужныхъ безтактностей, унизительныхъ маневровъ по направленію къ трону, который поторопились окружить новые люди, призванные Николаемъ быть посредниками между нимъ и народными представителями. Впрочемъ, „новыми" можно было назвать этихъ господъ лишь въ хронологическомъ смыслѣ; на дѣлѣ перетасовывалась все та же засаленная и помятая колода картъ, изъ которой вотъ уже тридцать лѣтъ выдергиваютъ все тѣхъ же червонныхъ валетовъ бюрократизма, воображая, что они спасутъ самодержавіе и династію отъ ждущаго ихъ конца. Уже самый премьеръ вызывалъ недоумѣніе и смѣхъ. Что могъ дать Горемыкинъ, старый жуиръ и ловеласъ, глубоко равнодушный ко всему, кромѣ женщинъ и денегъ? У него не было никакой иниціативы, товарищи по кабинету не могли уважать его, и быть можетъ, было бы тогда же лучше назначить предсѣдателемъ Совѣта министровъ молодого Столыпина, когда за нимъ еще сохранялись намеки на политическую чистоплотность, отъ которой онъ съ такимъ быстрымъ успѣхомъ сумѣлъ отдѣлаться потомъ. Въ его лицѣ монархъ имѣлъ вѣрнаго и энергичнаго слугу, умѣренно-либеральные круги — приличнаго губернатора, бюрократія — работника, правительственная программа — яркаго защитника. Впрочемъ, только два мѣсяца отдѣляло этого новоявленнаго избавителя отъ высшей власти и возможности перейти къ чисто революціонной политикѣ въ аграрномъ и окраинномъ вопросахъ. Изъ остальныхъ членовъ кабинета выдавался только Шегловитовъ, изъ либераловъ открыто перевалившій въ крайній правый лагерь и игравшій всѣми цвѣтами безпринципности и сервилизма; остальные были завѣдомо бездарны или просто неумны. Всѣ однако должны были жаться другъ къ другу, заранѣе обреченные на травлю въ Думѣ, и всѣ молчаливо согласились выпускать на послѣднюю своихъ худшихъ собакъ, Гурко и Павлова; первый отстаивалъ „священную" собственность земельную, а второй не менѣе священную для чиновничества висѣлицу. Смѣна произошла быстро, кабинетъ и физически не могъ быть готовъ къ открытію Думы. Общій безпорядокъ продолжалъ увеличиваться, а организація общественныхъ силъ — крѣпнуть.

ГЛАВА СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

Созывъ Государственной Думы. — На мѣстахъ. — Проводы депутатовъ. — Кто прошелъ въ Думу. — Депутаты съѣзжаются въ Петербургъ. — Обыски. — Охрана повсюду. — Петербургъ оживляется. — Молодая царица раскладываетъ мантію. — Ея отношеніе къ готовящемуся событію. — 27 Апрѣля. — На улицахъ. — Во дворцѣ. — Офицерство. — Государственный совѣтъ. — Сенатъ. — Министерство. — Царская трибуна. — Клака. — Тронная рѣчь. — Скандальное молчаніе Думы. — Впечатлѣнія на царской трибунѣ. — На Невѣ. — Кресты. — У Таврическаго дворца. — Маневры артиллеріи. — Гусары практикуются. — Острота фонъ-деръ-Лауница. — Въ Думѣ. — Молебенъ. — Открытіе Думы. — Фришъ. — Министры. — Избраніе Муромцева. — Требованіе амнистіи и значеніе этого вопроса въ дальнѣйшемъ ходѣ событій. — Наивность и неосвѣдомленность депутатовъ. — Присяга и титулъ самодержца. — Когда началось паденіе Трепова. — Докладъ Муромцева и знакомство его съ царемъ — Кадетскій клубъ.

На 27-ое Апрѣля 1906 года было назначено открытіе Думы, и это событіе отзывалось повсемѣстно лихорадочной спѣшкой, нервностью общественнаго настроенія, обостреніемъ партійной борьбы. Выборы закончились еще въ мартѣ, и населеніе имѣло время ознакомиться со своими первыми избранниками. Успѣхъ всякаго выступленія прогрессивныхъ депутатовъ, шумныя и часто трогательныя демонстраціи довѣрія къ нимъ, торжественные проводы въ Петербургъ, — все указывало правительству, что будущая Дума найдетъ въ народѣ, если и не организованную поддержку, то во всякомъ случаѣ такое открытое сочувствіе, съ которымъ, въ случаѣ конфликта съ парламентомъ, придется такъ или иначе считаться. Какъ мы увидимъ дальше, сочувствіе это было переучтено и самой Думой. Въ то время буйнаго роста

Выходъ царя въ тронную залу Зимняго Двора къ Гос. Думѣ и Гос. Совѣту.
Передъ молебствіемъ. Обращаетъ на себя вниманіе удрученное выраженіе лица Александры Ѳедоровны, начинавшей уже тогда выказывать признаки душевнаго разстройства.

Пріемъ членовъ Гос. Совѣта и первой Думы въ Зимнемъ Дворцѣ. Тронная рѣчь.
Мантія на тронѣ разложена была наканунѣ пріема и зарисована молодой Царицей.

всѣхъ гражданскихъ и политическихъ сторонъ жизни нетрудно было обмануться въ стойкости новыхъ побѣговъ, тѣмъ болѣе, что барометръ правительственнаго настроенія продолжалъ падать. Даже и такія мѣры, какъ обыски у депутатовъ и назойливое слѣдованіе за ними сыщиковъ, указывали на панику, а не на силу власти, готовившейся предстать на судъ народа со всѣми своими старыми грѣхами.

Въ Петербургѣ царило особенное оживленіе; въ министерствахъ перебирали завалявшіеся проекты реформъ, но не находили ничего дѣльнаго, никакой программы; въ чиновничьихъ и придворныхъ сферахъ учитывали шансы сокращенія окладовъ и

Депутаты первой Гос. Думы выходятъ изъ Зимняго дворца.
Въ центрѣ престарѣлый докторъ Долженковъ, курскій депутатъ.

контроля наградъ; во дворцѣ готовились къ пріему обѣихъ палатъ. Въ тронной залѣ Александра Ѳедоровна сама раскладывала по креслу, на которомъ долженъ былъ сидѣть Николай, горностаевую мантію, продолжая не скрывать злобы и ненависти къ новымъ учрежденіямъ и чуя женскимъ инстинктомъ, что мужъ ея пользуется такой же любовью народа, какъ и она сама. Немудрено, поэтому, что въ царской семьѣ ждали дня 27-го апрѣля, какъ своего рода смертнаго часа. Абсолютизмъ готовился скрѣпить актъ 17-го октября всенароднымъ объявленіемъ о рожденіи и крещеніи своего преемника — россійскаго конституціонализма. Чѣмъ больше выяснялась радость по этому случаю населенія столицы, тѣмъ смущеннѣе становились власти. И прокладывая свой путь черезъ толпы, запрудившія всѣ прилегающія ко дворцу улицы и набережныя, по молчанію, провожавшему мундиры, и крикамъ привѣтствія

по адресу черныхъ депутатскихъ одеждъ можно было безошибочно опредѣлить безвозвратность былого престижа самодержавія. Опора послѣдняго, офицерство, попрежнему наполняло огромныя дворцовыя залы, но не имѣло прежняго побѣдоноснаго вида. Старый Государственный Совѣтъ, среди расшитыхъ мундировъ котораго терялись фраки членовъ по избранію, размѣстился напротивъ Думы, и молчаливое созерцаніе другъ друга обѣими палатами не было лишено комичности. Сенатъ сохранялъ видъ безстрастія, еще не опредѣливъ своего будущаго отношенія къ народному представительству. Министерство являло видъ довольно жалкій. Отставные

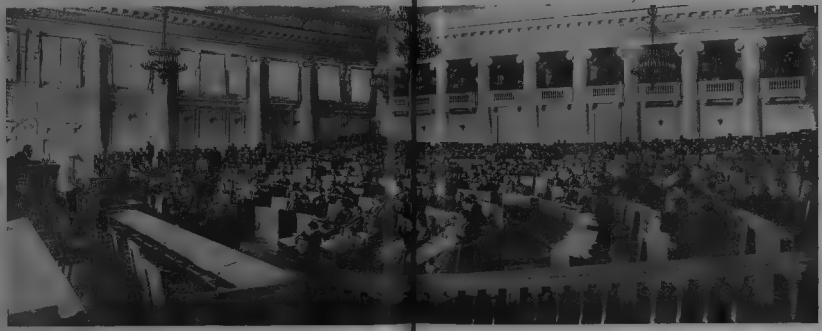
Члены первой Думы по выходѣ изъ Зимняго дворца, 27-го апрѣля 1906 г.
Впереди представители польскихъ крестьянъ.

Витте и Дурново смотрѣли даже бодрѣе, какъ школяры, успѣвшіе удрать отъ начальнической розги и наблюдающіе изъ-за угла, какъ будутъ расправляться съ оставшимися въ классѣ. На трибунѣ для царской фамиліи царилъ альпійскій холодъ. Брилліанты дамъ и золото мужскихъ одеждъ блестѣли на весеннемъ солнцѣ невеселымъ блескомъ, словно символизируя непрочность царскаго бытія, не обвѣяннаго тепломъ изъ долины народной жизни. На хорахъ толпились какіе то черные и сѣрые люди, клака, мудро припасенная распорядителями спектакля на случай провала перваго актера.

Николай вошелъ съ царицей и сталъ между Думой и Совѣтомъ, пока попы служили молебенъ. Его лицо, съ припухшими вѣками глазъ и заученной складкой

С. А. Муромцевъ въ своемъ кабинетѣ въ Государственной Думѣ.

рта, не выражало смущенія. Привычка быть на виду у сотенъ глазъ, а, главное, искренняя набожность, проявляемая при всякомъ богослуженіи, заслоняли страхъ передъ минутой привѣтствія людей, явившихся сюда живымъ результатомъ волненій послѣдняго времени; людей, едва ли привезшихъ съ собой прочную привязанность къ династіи, довѣріе къ желанію правительства работать вмѣстѣ.



Общій видъ залы засѣданій Государственной Думы

По окончаніи службы царь вошелъ по ступенямъ на тронъ, присѣлъ на секунду на оставшійся непокрытымъ мантіей кусочекъ его сидѣнія, потомъ всталъ и, взявъ у Фредерикса, министра двора, листъ бумаги, прочелъ громко и внятно свою рѣчь, досказ остающуюся единственнымъ непосредственнымъ обращеніемъ царя къ депутатамъ парламента.

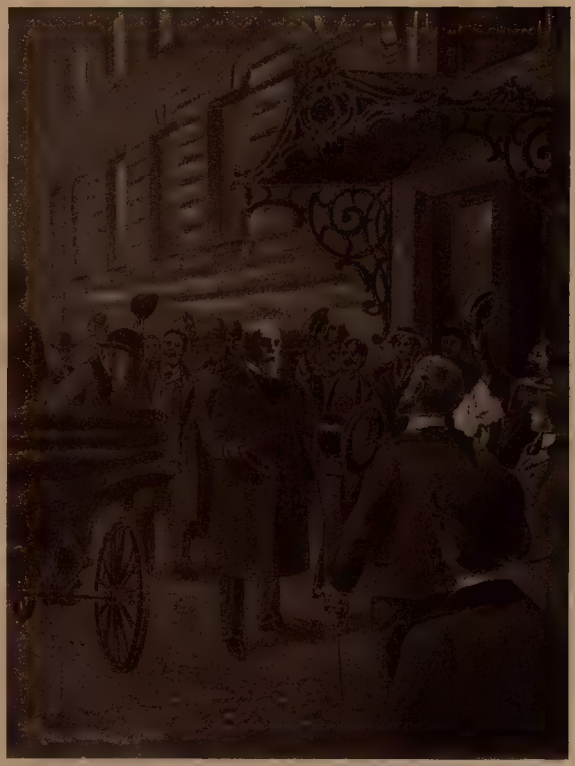
„Всевышнимъ промысломъ врученное Мнѣ попеченіе о благѣ отечества побудило Меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи, Я привѣтствую въ лицѣ Вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя

Трудная, сложная работа предстоитъ Вамъ. Вѣрю, что любовь къ родинѣ, горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ Васъ.

Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя, съ твердой увѣренностью, что Вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе отечеству для вырѣшенія нуждъ столь близкаго Моему сердцу крестьянства (при этомъ царь взглянулъ по направленію Думы), просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія, памятуя, что для духовнаго величія и благоденствія государства необходимъ порядокъ на основѣ права

Да исполнятся горячія Мои желанія видѣть народъ Мой счастливымъ и передать сыну Моему въ наслѣдіе государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.



С. А. Муромцевъ у подъѣзда к.-д. клуба привѣтствуется гражданами Петербурга.

Господь да благословитъ труды, предстоящія Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой (новый взглядъ на палаты), и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика земли русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую я Васъ призвалъ, и оправдайте достойно довѣріе царя и народа.

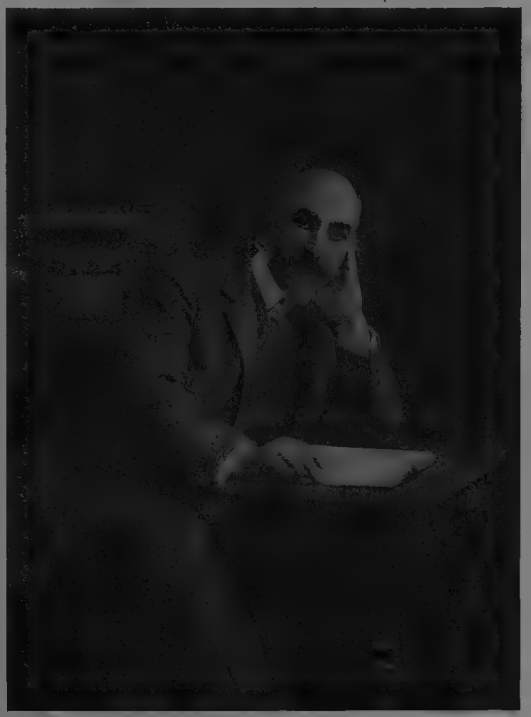
Богъ въ помощь Мнѣ и Вамъ".

Нерѣшительность выраженій этого документа, подчеркиванье вотчиннаго взгляда на страну, игнорированіе правды, создавшей день 27-го апрѣля, обычное празднословіе и злоупотребленіе божьимъ именемъ, а главное — полное умолчаніе объ амнистіи, — всего было слишкомъ довольно для того, чтобы опредѣлилось единодушное отношеніе Государственной Думы къ царскимъ словамъ. Не сговариваясь, не думая о послѣдствіяхъ, депутаты отвѣтили Николаю хмурымъ молчаніемъ. Съ высоты трона оно было особенно зсмѣтно, и ни усердіе клаки на хорахъ, ни офицерскія глотки, кричавшія „ура" по обязанности, ни старческое шамканье членовъ Совѣта не могли скрасить или скрыть неожиданнаго скандала. На царской трибунѣ лица словно одеревенѣли, фигуры застыли. Ротъ царицы сжался въ еле замѣтную линію. Николай сошелъ съ возвышенія. Пріемъ кончился. Разсказываютъ, что на половинѣ царя злобно подавленное настроеніе его разрѣшилось спазмой въ горлѣ (globus hystericus), и что два часа Николай не могъ произнести ни слова. Правда это или нѣтъ, но по сравненію съ оживленіемъ на улицахъ, даже въ тюрьмахъ, гдѣ ожидали съ часу на часъ амнистіи, Зимній дворецъ былъ словно изолированнымъ, зачумленнымъ мѣстомъ.

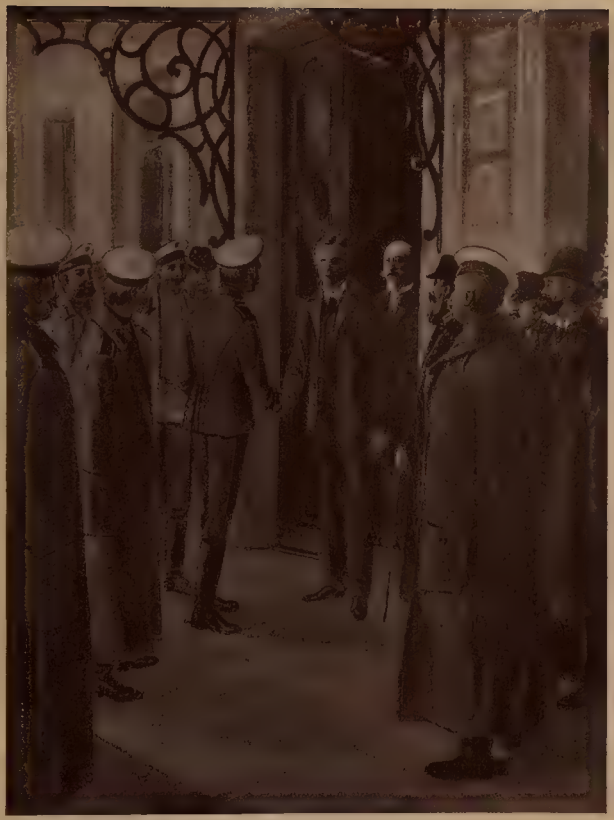
Тѣмъ временемъ депутаты плыли по Невѣ къ Таврическому дворцу, мимо безчисленныхъ толпъ народа, подъ нескончаемые возгласы радости и привѣта. Мрачное

И. И. Петрункевичъ, одинъ изъ старѣйшихъ борцовъ за освобожденіе Россіи, чл. центр. комитета к.-д. партіи. Въ день открытія первой Думы требовалъ отъ ея лица амнистіи.

зданіе „Крестовъ“, политической тюрьмы, расцвѣтилось бѣлыми и красными платками, которыми заключенные махали проходившимъ пароходзмъ, откуда депутаты отвѣчали тѣмъ же. У Таврическаго дворца пришлось имъ пробираться черезъ плотную толпу людей, хватавшихъ своихъ избранниковъ за руки, закидывавшихъ ихъ спѣшными вопросами и цвѣтами. А еще за два дня до этого на широкихъ улицахъ, окаймлявшихъ зданіе Думы, маневрировали артиллерійскія орудія, словно репетируя осаду и разгромъ революціоннаго конвента, ибо именно въ стремленіи Думы обратиться въ конвентъ не сомнѣвались на верху русскаго правленія. И еще часъ спустя послѣ открытія засѣданія нѣсколько гусаръ выскочили изъ казармъ кавалерійской школы, расположенной здѣсь же, и съ гикомъ и брзнью начали „очищать“ улицу отъ народа, и безъ того расходившагося. Эти небольшія детали, какъ и напыщенная острота петербургскаго градоначальника, извѣстнаго уже читателю фонъ-деръ-Лауница, что онъ „сумѣетъ умереть при атакѣ Таврическаго дворца“, — лучше всякихъ историческихъ документовъ живописали истинную природу взаимоотношеній правительства и народа. Но депутаты далеки были отъ этихъ сопоставленій. Моментъ открытія перваго парламента, въ какой бы обстановкѣ онъ ни протекалъ, всегда захватываетъ безъ остатка мышленіе счастливцевъ, на чью долю выпадаетъ участіе въ этомъ торжествѣ народа надъ деспотомъ, всегда украшаетъ радужнымъ ореоломъ будущее, всегда толкаетъ отъ сердца къ мозгу нѣ-



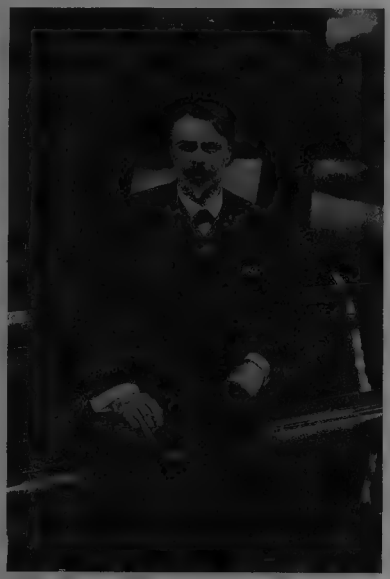
Кн. Д. І. Бебутовъ, иниціаторъ и предсѣдатель перваго политическаго клуба въ Россіи — „Клуба Народной свободы“ (к.-д.).
Общественный дѣятель и неутомимый работникъ оппозиціи.



Депутація отъ нижнихъ чиновъ Кавалергардскаго полка
привѣтствуетъ депутата Родичева у подъѣзда к.-д. клуба 27-го апр. 1906 г.

сколько лишнихъ унцій крови. Поэтому новый молебенъ въ кулуарахъ Думы не привлекъ къ себѣ, кромѣ министровъ и десятковъ трехъ крестьянскихъ депутатовъ, никого; всѣ толпились въ залѣ засѣданій, ожидая открытія засѣданія.

Наконецъ всѣ скамьи заполнились, министры начали чувствовать себя неловко подъ взглядами четырехсотъ паръ недружелюбныхъ взглядовъ, и старый Фришъ съ трудомъ поднялся на высокую предсѣдательскую трибуну, чтобы привѣтствовать Думу и предложить ей избрать себѣ предсѣдателя. Какъ извѣстно, Муромцевъ былъ избранъ таковымъ единогласно: Дума съ перваго шага обнаружила единодушіе, къ которому призывалъ ее въ своей рѣчи Николай. Она была столь же объединена и въ требованіи политической амнистіи, которое въ трогательныхъ словахъ было заявлено съ ораторской трибуны И. Петрункевичемъ, однимъ изъ старѣйшихъ членовъ Думы, испытаннымъ бойцомъ за мирное освобожденіе народа отъ гнета самодержавія. Когда, въ отвѣтъ на его слова, вся Дума поднялась, какъ одинъ человѣкъ, и слово „Амнистія!“ загремѣло подъ сводами потемкинскаго дворца, какъ раскатъ недалекой бури, лица министровъ замѣтно удлинились. Первая встрѣча ихъ съ представителями народа не предвѣщала ничего хорошаго.



Ѳ. И. Родичевъ, излюбленный трибунъ русской оппозиціи, авторъ крылатаго слова о „Столыпинскомъ галстухѣ“ (петля висѣльника), гроза крайней правой въ 3-ей Думѣ. Одинъ изъ немногихъ к.-д., прошедшихъ черезъ всѣ три Думы.

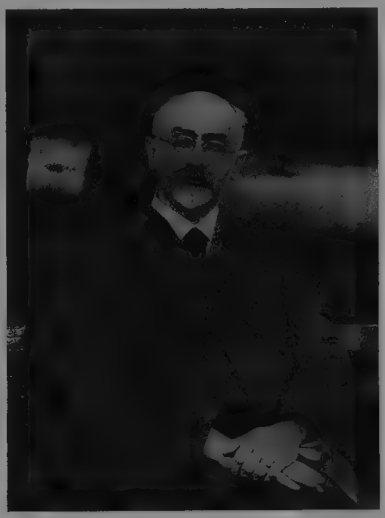
Между тѣмъ заблаговременное и положительное рѣшеніе вопроса объ амнистіи могло бы устранить большую часть препятствій съ пути примиренія народа съ царемъ. Въ свою очередь Дума держалась бы иной тактики съ правительствомъ, а послѣднее не рѣшилось бы столь открыто перейти на сторону черныхъ сотенъ и начать конституціонную эру недостойной травлей парламента на страницахъ оффиціальнаго „Правительственнаго Вѣстника“. Конечно, еслибъ депутаты знали въ то время истинное настроеніе царя, которое и толкало его окружающихъ на возбужденіе въ немъ ярко выраженныхъ черносотенныхъ чувствъ и актовъ, то не было бы ни волненій первыхъ дней Думы, ни надеждъ на примиреніе, ни вѣры въ прочность новаго порядка. Работа парламента, вѣроятно, протекала бы въ иномъ руслѣ: и кто знаетъ, быть можетъ — и Дума оказалась бы долговѣчнѣй. Но неосвѣдомленность депутатовъ граничила съ наивностью, и, вѣроятно, многіе изъ нихъ воображали, что оговорка, съ которой расписывались члены Думы на листѣ присяги, гдѣ стояло слово „самодержецъ“, не была истолкована, какъ дерзкій вызовъ царю, а требованіе амнистіи — какъ революціонный кличъ, достойный штыковой расправы. Между Таврическимъ и Петергофскимъ дворцами было слишкомъ довольно передаточныхъ инстанцій, чтобы

все, что дѣлалось въ первомъ, могло являться во второмъ въ желательномъ для приближенныхъ Николая свѣтѣ.

Послѣ своего избранія Муромцевъ также обратился къ Думѣ съ рѣчью, умѣренный тонъ которой нѣсколько дисгармонировалъ съ только что происшедшей сценой требованія амнистіи. Въ этой рѣчи царь впервые названъ былъ конституціоннымъ монархомъ. И не это ли оригинальное совпаденіе присяги самодержцу и оффиціальнаго объявленія конституціи дало поводъ Готскому альманаху поставить послѣ слова: „Russie“ — „L'empire constitutionelle sous un tzar autocrate“.

Между прочимъ, еще задолго до открытія Думы можно было уяснить себѣ отношеніе Николая хоть бы къ одному этому слову „самодержецъ“. Когда Треповъ въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ царя, отвѣтилъ на вопросъ объ ограничивающемъ значеніи манифеста 17-го октября, что „послѣ этого акта русскій монархъ перестаетъ быть самодержцемъ“, то карьера временщика была уже кончена. Онъ впалъ въ немилость, и все послѣдующее въ его жизни было лишь агоніей, приведшей къ неизбѣжному концу — забвенія въ самый моментъ смерти.

Итакъ, Дума была открыта. Предсѣдатель ея долженъ былъ лично доложить Николаю о своемъ избраніи и такимъ образомъ „познакомиться“ съ царемъ. Когда начался выборгскій процессъ, царь требовалъ Муромцеву особаго наказанія, именно ссылаясь на то, что „онъ со мной знакомъ былъ“.



М. Я. Герценштейнъ, членъ первой Думы, убитъ 18-го іюня 1906 г. въ Терiокахъ наемными убійцами Союза русск. народа; значки этой организаціи носятъ Николай II-й и его сынъ.

Большая часть депутатовъ отправилась въ клубъ партіи народной свободы (к.-д.), первый открытый политическій клубъ въ Россіи, сыгравшій въ общемъ движеніи огромную роль. Устроенный стараніями князя Бебутова, портретъ котораго постановленіемъ общаго собранія рѣшено было повѣсить въ залѣ клуба, онъ пережилъ первую Думу тремя днями, и былъ закрытъ въ день возвращенія депутатовъ изъ Выборга. Этотъ клубъ при слѣдующихъ Думахъ не возродился уже въ прежнемъ объемѣ и значеніи. Въ то же время здѣсь билъ пульсъ всей политической жизни, и, вѣроятно, кабинетъ Горемыкина не меньше прислушивался къ тому, что происходило въ стѣнахъ клуба, чѣмъ къ думскимъ засѣданіямъ. И тамъ, и здѣсь кипѣла работа. Словно предчувствуя скорую смерть, Дума торопилась жить, говорить и дѣйствовать.

ГЛАВА СОРОКЪ ВОСЬМАЯ.

Конституированіе Думы. — Партіи. — Адресъ царю. — Союзъ автономистовъ. — Крестьянская группа. — Ерогинское общежитіе. — Отсутствіе черносотенцевъ. — Депутаты Способный и Ильинъ. — Кто оказался на правой. — Центръ и его лидеры. — Лѣвые и ихъ лидеры. — Умѣренные и ихъ лидеры. — Общая характеристика первой Думы. — Начало раскола. — Работоспособность

министерства Горемыкина. — Его ораторы: Столыпинъ, Павловъ, Гурко, Макаровъ, Коковцовъ. — Президіумъ Думы. — Коммиссіи. — Видъ залы засѣданій. — Телеграммы въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". — Переписка Муромцева и Горемыкина по этому поводу. — Карты раскрываются. — Декларація 13-го Мая. — Первый запросъ Думы о типографіи въ Департаментѣ полиціи. — Рѣчь кн. Урусова. Двойственность Столыпина обнаруживается. Письма къ нему кн. Урусова и Лопухина. — Невѣжество министра. — Первомайскіе погромы. — Вологда. — Жандармъ Пышкинъ. — Тонъ рѣчей Столыпина и Гурко. — Пренія по аграрному вопросу. — Герценштейнъ, „иллюминаціи". — Принципъ принудительнаго отчужденія. — Надъ Государственной Думой собираются тучи. — Слѣпота центральныхъ партійныхъ комитетовъ. — Переговоры о кадетскомъ министерствѣ. — Мнѣніе лѣвыхъ о немъ. — Общая атмосфера. — Надежды народа на Думу. — „Ходоки". — Поѣздки депутатовъ

Депутатъ Родичевъ держитъ рѣчь къ собравшимся у к.-д. клуба гражданамъ въ день открытія первой Гос. Думы.

Наканунѣ открытія Думы въ клубѣ к.-д. собралась вся Дума, всѣ партіи и ихъ центральные комитеты, для выясненія тактики первыхъ дней. Тутъ же былъ рѣшенъ вопросъ о выборѣ С. А. Муромцева въ предсѣдатели.

на родину. — Бѣлостокскій погромъ. — Подготовка войскъ. — Прокламаціи генерала Богдановича. — Безсиліе гражданской власти. — Губернаторъ Кистеръ. — Предупрежденіе въ европейской прессѣ. — Деркачевъ и Шереметьевъ. — Отзывы мѣстныхъ депутатовъ о взаимоотношеніяхъ еврейскаго и христіанскаго элементовъ населенія. — Отдѣльныя сцены погрома. — На вокзалѣ. — Трехдневный срокъ. — Какъ реагировала на погромъ Гос Дума. — У Столыпина. — Парламентская анкета. — Ея результаты. — Приготовленія къ разгону Думы заканчиваются. — Треповскіе переговоры. — Правительственныя сообщенія о Бѣлостокѣ и аграрное контръ-сообщеніе Думы. — Его перипетіи. — Срывъ сообщенія. — Лѣвые и польское „коло". — Междупарламентскій конгрессъ. — Въ ожиданіи разгона. — Манифестъ заготовленъ. — Легенда о Горемыкинскомъ покоѣ. — Столыпинъ-обманщикъ. — Логичность разгона.

Исторія первыхъ парламентовъ довольна однообразна. Созываемые подъ давленіемъ внутреннихъ потрясеній и въ моменты правительственной паники, они обычно не удовлетворяютъ ни одной изъ борящихся сторонъ и крушатся вмѣстѣ съ побѣдой

любой изъ нихъ. Самая работа такихъ законодательныхъ палатъ носитъ на себѣ признаки общественной нервности, протекаетъ бурно, и рѣдко остается отъ нея сколько нибудь замѣтный слѣдъ въ послѣдующей болѣе мирной эпохѣ.

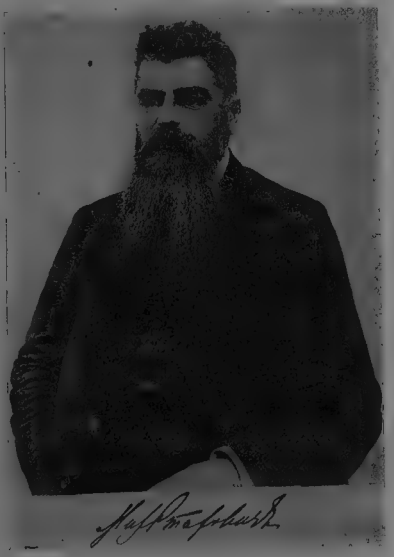
Судьба первой русской Думы не вполнѣ уложилась въ этотъ историческій шаблонъ. Несмотря на новизну дѣла и общее напряженное состояніе страны, выборы прошли, въ общемъ, въ удивительномъ порядкѣ; это — одна изъ крупнѣйшихъ заслугъ гр. Витте, настойчиво твердившаго Николаю о невмѣшательствѣ — читай, не давленіи правительства. Отдѣльные случаи арестовъ кандидатовъ и стѣсненія предвыборной агитаціи, конечно, были, но отъ нихъ не застрахованы и отстоявшіяся въ

Такъ называемое „Ерогинское“ общежитіе крестьянъ-депутатовъ, вскорѣ распавшееся.

представительномъ строѣ государства. Съ другой стороны, предыдущая практика большинства депутатовъ, — въ земствѣ, въ городскихъ думахъ, въ земскихъ съѣздахъ и „Союзѣ Освобожденія“ — выработала изъ нихъ достаточно опытныхъ парламентаріевъ, способныхъ съ перваго же дня приняться за органическую работу. Наконецъ, — и это самое важное, — молодой парламентъ обладалъ внушительнымъ большинствомъ, умѣреннымъ, являвшимъ въ программномъ отношеніи ту равнодѣйствующую столкнувшихся общественныхъ силъ, къ которой стоило только примкнуть правительству, чтобы ликвидировать смуту.

Вотъ почему конституированіе Думы не заняло много времени. Оно шло одновременно съ обсужденіемъ отвѣта на тронную рѣчь (см. приложеніе), съ окончательной кристаллизаціей фракцій, по которымъ разбивались безпартійные крестьянскіе депутаты, съ организаціей новой группы, такъ наз. „Союза автономистовъ-федералистовъ“. Въ конечномъ счетѣ, изъ пятисотъ почти депутатовъ осталось всего

десятка три безпартійныхъ; преимущественно крестьянскихъ представителей; они жили вмѣстѣ въ такъ называемомъ „Ерогинскомъ общежитіи“. Ерогинъ, бывшій офицеръ генеральнаго штаба, а тогда — депутатъ Гродненской губерніи, былъ подговоренъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, П. Дурново, организовать крестьянскую группу въ Думѣ. Лукавому бюрократу казалось легкимъ дѣломъ противопоставить прогрессивному интеллигентскому большинству темныхъ крестьянъ, въ монархизмѣ коихъ правительство все еще было тогда убѣждено. Затѣя кончилась проваломъ, самъ Ерогинъ какъ то стушевался, и немногіе жильцы его квартиры стали предметомъ насмѣшекъ своихъ товарищей. Итакъ, черносотенцы въ первой Думѣ отсутствовали. Ихъ имитировали два, три человѣка, въ томъ числѣ адвокатъ Способный, говорившій за сохраненіе смертной казни, и московскій крестьянинъ Ильинъ, демонстрировавшій отъ времени до времени свой патріотизмъ; это было все, что сочувствовало въ первой



М. А. Стаховичъ
Бывшій членъ Государственной Думы, теперь членъ Гос. Совѣта.

Кн. С. Д. Урусовъ,
членъ 1-ой Г. Думы, бывш. товарищъ мин. вн. дѣлъ. Всѣмъ памятна его рѣчь, выяснившая существованіе особой типографіи при департаментѣ полиціи для провоцированія погромовъ.

Думѣ старому режиму. На крайней правой оказались такіе почтенные дѣятели, какъ М. Стаховичъ, гр. П. Гейденъ, кн. Н. Волконскій и другіе члены бывшихъ земскихъ съѣздовъ.

Въ центрѣ размѣщались 161 представитель кадетской партіи съ ихъ лидерами — И. Петрункевичемъ, Набоковымъ, Кокошкинымъ и др., давно себя опредѣленно зарекомендовавшими общественными дѣятелями. Новыми людьми были только соціалъ-демократическіе депутаты да „трудовики“, составлявшіе ступень между первыми и кадетами. Они выдвинули рядъ недюжинныхъ ораторовъ, изъ которыхъ наибольшую извѣстность стяжалъ себѣ Аладьинъ, выплывшій изъ заграничной эмигрантской массы ко дню созыва первой Думы и канувшій туда же послѣ ея роспуска.

П. Милюковъ и депутатъ Аладьинъ,
въ Таврическомъ саду, въ перерывѣ засѣданія первой Думы.

Насколько намъ извѣстно, его партія тяготилась своимъ лидеромъ, рѣзкость коего какъ то диссонировала съ общимъ тономъ Думы, была ненужна, звучала фальшиво. Другіе ораторы трудовой группы, Жилкинъ и Аникинъ, производили лучшее впечатлѣніе, и за ними чувствовалась та демократическая масса, отъ имени которой они выступали. Болѣе умѣренная, чѣмъ кадетская, партія „демократическихъ реформъ", прозванная въ шутку „партіей лидеровъ безъ партіи", состояла изъ извѣстныхъ ученыхъ, вродѣ М. Ковалевскаго, Кузьмина-Караваева и др., и изъ тѣхъ дѣятелей, какъ кн. С. Урусовъ, которые не находили почему либо возможнымъ примкнуть къ большинству. Польское „коло" и депутаты другихъ окраинъ Россіи составляли ядро

Соц.- демокр. депутаты первой Гос. Думы.

Стоятъ (слѣва): Гомартели, Савельевъ, Шуваловъ, Михайличенко, Ильинъ, Жорданія, Ершовъ, Джапаридзе, Церетели. Сидятъ (слѣва): Выровой, Чурюковъ, Антоновъ, Смирновъ, Рамишвили.

союза автономистовъ и держались вмѣстѣ, правѣе кадетъ. Наконецъ, на крайней лѣвой сидѣли кавказскіе соціалисты и члены „дашнакцутюна", — революціонной партіи, о которой въ то время ходили самые фантастическіе слухи. Общій видъ залы засѣданій указывалъ на чрезвычайную пестроту населенія государства, а выступленія Думы — ея удивительную сплоченность; послѣдняя обусловлена была не столько общностью политическаго и соціальнаго міровоззрѣнія, сколько ненавистью къ правительству и всему старому государственному строю. Нѣкоторый расколъ обнаружился только послѣ разсадки депутатовъ по партіямъ и по образованіи фракціонныхъ бюро. Какъ ниже увидимъ, правительство ловко воспользовалось этимъ расколомъ передъ разгономъ Думы. Наряду съ работоспособностью и горячимъ желаніемъ работать новаго органа власти, старый оказался въ исключительно смѣшномъ поло-

женіи. Не только не было подготовлено къ открытію Думы ни одного законопроекта, но было совершенно очевидно, что ихъ и не умѣли, и не желали создавать. Никто не могъ расчитывать на такой цинизмъ правительства, иначе партіи заготовили бы еще до Думы свои проекты. Теперь же Дума оставалась какъ бы висящей въ воздушномъ пространствѣ, импотентной при высшемъ напряженіи силъ; но вѣра въ себя спасала ее отъ взрыва негодованія, столь естественнаго въ такомъ неслыханномъ состояніи, и недаромъ удивлялись посѣщавшіе засѣданія иностранцы тому покойному тону, въ которомъ проходили даже самыя горячія пренія, той внѣшней выдержкѣ и дисциплинѣ, которыя такъ выгодно отличали первый русскій парламентъ отъ его европейскихъ предковъ.

Лидеры трудовой группы первой Думы: Аладьинъ, Жилкинъ, Аникинъ.

Спокойствіе Думы было тѣмъ болѣе удивительно, что отдѣльные чины министерства Горемыкина не уставали провоцировать парламентскія бури — умышленно или неумышленно, это безразлично. Какъ часто бываетъ, пустота содержанія стремилась заполнить ся шумихой фразъ, патріотическихъ выкликовъ, демонстраціей преданности царю, передержками основныхъ законовъ.

Ретивый Столыпинъ стремительно наскакивалъ на Думу, сопровождая рѣчи вызывающими взглядами и крученіемъ усовъ. Главный военный прокуроръ Павловъ бралъ на себя неблагодарную задачу защищать смертную казнь и систематически сгонялся съ трибуны возгласами депутатскаго возмущенія. Неумолкаемый фонтанъ краснорѣчія министра финансовъ Коковцова столь же успѣшно прикрывалъ его бездарность, какъ и сквозившую изъ каждой фразы радость о томъ ,что крупный заемъ на нужды реакціи лежалъ уже въ государственномъ казначействѣ.

Карьеристы минуты, вродѣ Макарова, тов. мин. вн. дѣлъ, пытались подводить идеологическое основаніе подъ безнадежныя правительственныя распоряженія, и, наконецъ, завѣдомые воры и мошенники, какъ Гурко — излюбленный человѣкъ высшихъ сферъ —, нагло издѣвались въ своихъ рѣчахъ надъ самимъ существомъ народнаго представительства.

Странно дисгармонировали эти убогія фигуры бюрократическаго міра съ величественнымъ обликомъ перваго народнаго избранника, С. Муромцева, со всѣмъ вообще президіумомъ Думы, состоявшимъ изъ лицъ, всю жизнь проведшихъ въ созидательной дѣятельности тамъ, въ глубинѣ страны. Еще болѣе странно было бы представить себѣ этихъ героевъ безвременья дающими объясненія въ коммиссіяхъ, но этого первой Думѣ не довелось дождаться. Правда, всѣ коммиссіи были организованы въ свое время, въ каждой разсматривались собственные законопроекты, но правительство то ничего туда не вносило, а потому не для чего было приглашать и его членовъ для объясненій. Во главѣ бюджетной коммиссіи стоялъ И. Петрункевичъ, въ коммиссіи о гражданскомъ равноправіи — кн. С. Урусовъ; предсѣдателемъ коммиссіи по запросамъ — гр. Гейденъ и аграрной, самой большой (99 человѣкъ), Мухановъ, бывшій губернскій предводитель дворянства и камергеръ Его Величества, тогда уже уволенный отъ своей придворной должности за допущеніе либеральнаго адреса отъ черниговскаго дворянства. Вообще, всякій русскій гражданинъ, слѣдившій за движеніемъ послѣднихъ лѣтъ и попавшій въ одно изъ засѣданій первой Думы, могъ убѣдиться, что большинство излюбленныхъ Россіей людей было собрано здѣсь, даже и при несовершенномъ избирательномъ законѣ. Симпатіи народа были имъ обезпечены, и съ этого началась и та непристойная игра черносотеннаго антуража Николая, къ которой поневолѣ примкнулъ кабинетъ Горемыкина, и которая логически привела страну въ то состояніе политическаго маразма, въ коемъ она и сейчасъ пребываетъ. Симпатіи народа кололи царскосельскіе глаза, и тотчасъ нашлись люди, симулировавшіе обратныя чувства. „Союзъ русскаго народа", руководимый не столько д-ромъ Дубровинымъ, котораго можно было купить за недорогую цѣну, сколько в. к. Владиміромъ и Ко., организовалъ цѣлую серію вѣрноподданническихъ телеграммъ; онѣ лились со всѣхъ концовъ Россіи, потому что во всякомъ городишкѣ за казенный деньги былъ купленъ чей нибудь голосъ; эти никому невѣдомые люди, къ которымъ въ то время еще стѣснялись открыто примыкать губернаторы и архіереи, добросовѣстно списывали присланный изъ Петербурга текстъ телеграммы царю и на субсидируемые рубли отправляли ихъ въ столицу, мало заботясь о хохотѣ, которымъ встрѣчало общество это странное единомысліе и тождество текстовъ. Еще вульгарнѣй, конечно, было правительство, изо дня въ день печатавшее черносотенныя

Чл. Гос. Думы епископъ Э. Ю. бар. фонъ-деръ-Роопъ.
Лишенъ должности и высланъ за политическую дѣятельность.

Главный воен. прокуроръ ген. Павловъ, прозванный Гос. Думой „палачомъ". Когда его убили, царь написалъ на докладѣ: „Незамѣнимая утрата".

оскорбленій, роняющихъ достоинство прежде всего самого правительства, и Дума перешла къ другимъ своимъ дѣламъ.

13-го мая кабинетъ окончательно раскрылъ свои карты декларацiей, бывшей отвѣтомъ на думскій адресъ. Не представляя никакой дѣловой программы, декларація сплошь состояла изъ отрицательныхъ отвѣтовъ на требованія адреса. Нужно было быть не только безсовѣстнымъ, чтобы выступить передъ народными представителями съ подобной декларацiей, но и совершенно потерявшимъ пониманіе дѣйствительности. Одной силы, чувствовавшейся за этими громкими фразами и впослѣдствіи себя показавшей, было мало для Россіи, жаждавшей реформъ и успокоенія, какъ истощенное засухой растеніе. Но бюрократизмъ никогда не рождалъ живыхъ дѣтей, и 13-ое мая было только однимъ лишнимъ абортомъ негоднаго организма. Впрочемъ, мы несовсѣмъ правы. Тамъ, гдѣ дѣло касалось собственной шкуры, чиновничество, рука объ руку съ царемъ, депеши на столбцахъ всевыносящаго своего оффиціоза. Одной Думѣ было не до смѣха. Подъ нее именно и подкапывались изъ погромнаго центра, почти совпадавшаго съ великокняжескими дворцами; и дерзостное неуваженіе, оказывавшееся парламенту отъ имени царя, ласково отвѣчавшаго на самые возмутительные выкрики, требовало соотвѣтствующаго отпора. Но что, кромѣ запроса, могла сдѣлать Дума, тщательно избѣгавшая конфликтовъ? Горемыкинъ отвѣчалъ Муромцеву глупымъ и напыщеннымъ письмомъ, имѣвшимъ тотъ единственный смыслъ, что позиція правительства обрисовывалась теперь вполнѣ рельефно. Не только о совмѣстной работѣ нельзя было думать, но и о простомъ нейтралитетѣ бюрократизма. Думѣ боялись открыто объявить войну и задирали разными непристойностями, въ расчетѣ на какой нибудь эксцессъ съ ея стороны. Но расчетъ былъ неоснователенъ; Муромцевъ отвѣтилъ выжившему изъ ума Горемыкину достойнымъ письмомъ, упоминавшимъ объ обязанности Думы не допускать

В. Н. Коковцовъ. Со времени убійства Столыпина предсѣдатель Совѣта Министровъ.

Всероссійскій съѣздъ впер[illegible]ъ Петербургѣ въ маѣ 1905 г.,
подъ предсѣдательствомъ гр. А. Бобринскаго. Единственный представитель армянскаго [illegible], Сергѣевъ (сидитъ впереди), былъ секретаремъ съѣзда и получилъ за это камеръ-юнкерство.
За Сергѣевымъ виденъ гр. Доррeръ, глава курскихъ черносотенцевъ, [illegible]вшій вмѣстѣ съ ген. Струковымъ деньги громиламъ въ октябрѣ 1905 г.

Аграрная коммиссія первой Гос. Думы.
Предсѣдатель Мухановъ (×); возлѣ него Герценштейнъ и Медвѣдевъ, товарищъ предсѣдателя и секретарь; всѣ трое нынѣ уже не живутъ.

порождало и такія явленія, жизнеспособность которыхъ слишкомъ очевидна, чтобы быть оспариваемой. Думѣ пришлось натолкнуться на одно изъ этихъ явленій, и мы отступимъ на сей разъ отъ необходимой краткости изложенія, чтобы остановить вниманіе читателя на центральномъ мѣстѣ длящейся русской драмы. Съ этого именно пункта открываются взору какъ дѣйствующія за кулисами жизни лица, такъ и самая суть разыгрываемой пьесы и даже ея возможный исходъ. Мы хотимъ подробно разсказать исторію съ печатаніемъ погромныхъ прокламацій въ департаментѣ полиціи, какъ она изложена въ данныхъ архива одного высокаго лица, слишкомъ близкаго ко двору, чтобъ мы имѣли право злоупотреблять его любезностью, и въ данныхъ

Похороны перваго умершаго депутата Андреанова.
Печальный кортежъ на пути къ вокзалу.

думской канцеляріи. Но прежде всего слѣдуетъ напомнить современнику, забывшему о раздѣленіи бывшаго III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи — всероссійскаго охраннаго отдѣленія, — что она была раздѣлена на департаментъ полиціи, перешедшій нынѣ въ министерство внутренн. дѣлъ и имъ инкорпорированный, и такъ называемый „корпусъ жандармовъ“, остающійся и по сейчасъ главной опорой двора, царя и абсолютизма. Какъ въ свое время Александръ II жаловался на стѣсненія и даже давленія со стороны III отдѣленія, перлюстрировавшаго его собственную корреспонденцію, такъ и теперь корпусъ жандармовъ слѣдитъ за Николаемъ не менѣе тщательно. И теперь надъ болѣе либеральными великими князьями существуетъ полицейскій надзоръ, какъ былъ, напримѣръ, надъ покойнымъ Константиномъ Николаевичемъ. Департаментъ же полиціи работаетъ на большемъ свѣтѣ законовъ, а потому обычно враждуетъ съ корпусомъ жандармовъ. Наше время застаетъ ихъ, однако, солидарными, координирующими свои дѣйствія, и это потому, что Треповъ получилъ право требовать къ себѣ всѣ дѣла департамента, оставаясь дворцовымъ комендантомъ, и

что Рачковскій, не числясь въ департаментѣ, оставался въ немъ однимъ изъ важнѣйшихъ чиновъ. Что произошло отъ такого объединеннаго погромнаго министерства, гдѣ Николай, оставаясь въ сторонѣ, былъ вдохновителемъ, а Треповъ и Рачковскій исполнителями, мы сейчасъ и увидимъ.

Начиная съ ноября 1905 г., т. е. недолго спустя послѣ погромовъ, слѣдовавшихъ за манифестомъ о конституціи, къ гр. Витте, какъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, начали во множествѣ поступать жалобы на распространеніе въ войскахъ и среди нижнихъ городскихъ ремесленниковъ погромныхъ прокламацій. Всѣ онѣ отпечатаны были на прекрасной бумагѣ, и содержаніе отдѣльныхъ листовъ было не только литературно, но и не лишено извѣстнаго таланта. Гр. Витте направлялъ какъ

Похороны депутата Андреанова.
Депутатъ Аладьинъ говоритъ рѣчь у траурнаго вокзала.

жалобы, такъ и образцы прокламацій къ Лопухину, которому поручилъ изслѣдовать дѣло и опредѣлить центръ, изъ котораго сыпались листки. Кое кто изъ мѣстныхъ властей вызывался даже для допроса въ Петербургъ, но всегда оказывалось, что тюки прокламацій попадали къ нимъ въ руки неясными путями, и что распространеніе листковъ лица эти считали дѣломъ патріотическимъ. Къ розыску привлеченъ былъ завѣдывавшій секретнымъ отдѣломъ департамента полиціи, Макаровъ, который дѣлился обычно своими свѣдѣніями съ Лопухинымъ. Въ серединѣ января 1906 г. Макаровъ явился къ Лопухину, жившему въ то время въ одномъ домѣ съ министромъ внутрен. дѣлъ, П. Дурново, и разсказалъ ему слѣдующее: „Я давно уже замѣтилъ, что въ моемъ секретномъ отдѣленіи завелась манера — запирать особымъ замкомъ одну изъ комнатъ, и что далеко не всѣ служащіе знаютъ о ея новомъ назначеніи. Путемъ длинныхъ операцій розыскнаго характера мнѣ удалось заставить одного изъ чиновниковъ признаться въ томъ, что онъ проникалъ въ эту таинственную лабораторію, и что въ ней изготовлялось. А изготовлялись именно тѣ прокламаціи,

Митингъ соц.-революціонеровъ въ Теріокахъ во время первой Думы.
На одномъ изъ такихъ собраній присутствовалъ переодѣтымъ тогдашній директоръ департамента полиціи, Трусевичъ.

происхожденіе которыхъ мы столько мѣсяцевъ не могли опредѣлить. Я знаю — продолжалъ Макаровъ, — что о существованіи типографіи извѣстно директору департамента полиціи, Вуичу, что печатаетъ прокламаціи жандармскій офицеръ Комиссаровъ, переодѣвающійся для сего въ гражданское платье, и что тексты прокламацій поступаютъ изъ Царскаго Села, за подписями, повидимому, Трепова. Рачковскій является частію передаточной инстанціей между дворцомъ и типографіей, частію техникомъ, достающимъ шрифты, машины и т. п. Какъ быть теперь?"

На совѣтѣ — такъ какъ разговоръ происходилъ при свидѣтеляхъ — рѣшено было, что Макаровъ не можетъ не доложить обо всемъ своему министру — Дурново, а что Лопухинъ, съ другой стороны, обязанъ довести до свѣдѣнія гр. Витте о концѣ своей миссіи по разслѣдованію погромнаго центра. У Макарова былъ уже заготовленъ рапортъ министру — на другой день появившійся въ газетахъ, — и онъ отправился наверхъ. Поздно вечеромъ вернувшись отъ „Петрушки", онъ сказалъ: „Или эта старая лисица слишкомъ ужъ хитра, или она вправду не знала о существованіи типографіи. Министръ сказалъ мнѣ, что онъ считаетъ такого рода дѣйствія нецѣлесообразными, вредными, просто глупыми; что онъ никогда не прибѣгалъ къ нимъ и тѣмъ болѣе не сталъ бы прибѣгать, будучи министромъ. Что я долженъ оставаться служить и помочь ему ликвидировать эту гадость".

На слѣдующее утро Лопухинъ видѣлся съ Витте. Для портсмутскаго миротворца была выработана его искренними въ то время доброжелателями слѣдующая программа дѣйствій: печатаніе прокламацій начиналось въ 9 часовъ вечера; Витте долженъ былъ къ 10 часамъ созвать всѣхъ министровъ, а самъ, въ 9 час., въ сопровожденіи болѣе близкихъ ему членовъ кабинета, какъ Шиповъ, Тимирязевъ и др., и сильнаго наряда полиціи и чиновниковъ нагрянуть въ домъ департамента, поймать Комиссарова en flagrant délit, обыскать, отобрать подлинники съ помѣтками Трепова и оттиски, запечатать комнату своей печатью и, приставивъ къ ней надежную стражу, вернуться къ 10 часамъ въ Совѣтъ, которому и доложить все дѣло. Одновременно оповѣщались о происшедшемъ всѣ главнѣйшіе органы столичной прессы, и дѣло замять представлялось бы уже невозможнымъ. Было очевидно, что совѣтъ министровъ долженъ былъ уполномочить гр. Витте доложить обо всемъ царю, и послѣднему не оставалось бы ничего иного, какъ или отпереться отъ всякой солидарности съ Треповымъ, Рачковскимъ и Ко, и сказать: „дѣлайте, какъ хотите", или наоборотъ, выразить этимъ господамъ свое довѣріе; въ послѣднемъ случаѣ Витте и совѣтъ выходили въ отставку съ честью, реабилитировавъ свои имена въ глазахъ общества — русскаго и европейскаго; Витте ровно ничего не терялъ, въ практическомъ отношеніи, такъ что гражданскаго мужества особеннаго и не требовалось. Но и такого запаса не оказалось у этого третьестепеннаго авантюриста. Выслушавъ Лопухина, Витте забѣгалъ по комнатѣ, заохалъ, сталъ симулировать удушье, и послалъ, вмѣсто министровъ, за докторомъ. Нужно ли говорить, что на другой день въ типографіи не оказалось ни листка бумаги, и даже новую прекрасную машину зачѣмъ то сломали. Еще немного спустя, на одномъ великосвѣтскомъ обѣдѣ жена Витте сказала: „А Рачковскому 75,000 рублей дали за типографію". Дѣйствительно, 16-го января царь написалъ на докладѣ Трепова о дѣятельности Рачковскаго: „выдать 75,000 рублей за успѣшное использованіе общественныхъ силъ" (не вполнѣ дословно). Кромѣ того, старый парижскій шпіонъ получилъ звѣзду Станислава. Комиссарову, который самъ признался Дурново, что оригиналы прокламацій находятся въ надежномъ мѣстѣ, дали орденъ Владиміра. Вуичъ получилъ повышеніе, равно какъ и всѣ распространители прокламацій на мѣстахъ. Такъ, напр., Климовичъ, разбрасывавшій ихъ въ г. Вильнѣ, былъ назначенъ помощникомъ московскаго градоначальника, гдѣ, совмѣстно съ послѣднимъ, проворовался, и т. д.

Такъ вотъ откуда шла погромная война, вотъ гдѣ фабриковалась „исконная ненависть народа" къ крамольникамъ, къ евреямъ, къ интеллигенціи. Вотъ на что шли народныя деньги, и вотъ какія заслуги награждались царемъ въ недолгіе мѣсяцы, отдѣлявшіе его манифестъ отъ открытія Государственной Думы. Всероссійскій самодержецъ одной рукой уничтожалъ то, что создавалъ другой, и былъ какъ бы живой эмблемой того заколдованнаго погромнаго цикла, разорвать который удалось, лишь

благодаря сцѣпленію простыхъ случайностей. Будь гр. Витте хоть сколько нибудь честнымъ государственнымъ дѣятелемъ, онъ могъ бы въ эти памятные для него дни, 14—18 января 1906 г., повернуть руль управляемаго имъ корабля такъ круто отъ гнилыхъ береговъ самодержавія, что послѣднее было бы теперь за горизонтомъ жизни. А вышло такъ, что спустя три мѣсяца послѣ открытія Макарова, самъ Витте обратился въ трупъ, какъ активный членъ правительства. Всѣ дальнѣйшіе его шаги только больше загоняли его въ то болото, изъ котораго онъ могъ и себя и страну вывести. Николай же послѣ всей этой исторіи открыто сталъ принимать черносотенцевъ, отличавшихся въ погромахъ, возложилъ на себя и сына значки „Союза русскаго народа", боевая дружина котораго занималась политическими убійствами, и вообще разъ навсегда открылъ свою душу напоказъ всему крещенному и некрещенному міру. Вотъ это то дѣло о типографіи въ департаментѣ полиціи и о ея послѣдствіяхъ, погромахъ 1 Мая 1905 г., и было предметомъ одного изъ первыхъ запросовъ первой Думы. На немъ, какъ на судѣ, обнаружились обѣ стороны: честная, умѣренная и монархически настроенная палата и двуличное, жалкое въ своей трусости, министерство Горемыкина.

Единственнымъ депутатомъ, который могъ бы дать вѣскія объясненія по волновавшему всѣхъ вопросу, былъ бывшій товарищъ министра внутр. дѣлъ, кн. С. Урусовъ, и понятно, что рѣчи его ждали съ нетерпѣніемъ. Она не содержала въ себѣ ничего сенсаціоннаго, кромѣ указанія на готовившійся въ Кіевѣ грандіозный погромъ, но за то въ такой отчетливой формѣ выражала отношеніе къ политикѣ правительства всего русскаго общества, что успѣхъ ея былъ столь же великъ, какъ и заслуженъ. Слова Урусова облетѣли весь міръ, всюду вызывая рѣзкое порицаніе режиму, гдѣ царя приходится насильно отдирать отъ излюбленной имъ погромщицкой клики, дабы хоть сколько нибудь поддержать монархическій принципъ.

Столыпинъ, въ то время еще неопытный министръ внутр. дѣлъ, не смогъ, несмотря на кажущуюся ретивость, занять въ этомъ дѣлѣ достойной позиціи и обнаружилъ не только обычныя для бюрократа съ большимъ окладомъ черты безпринципности, но и ту двойную игру, въ которой онъ такъ искусился впослѣдствіи, балансируя между дворцомъ и третьей Думой. Но тогда ему еще вѣрили и, желая помочь новичку, кн. Урусовъ и Лопухинъ обратились къ нему съ письмами, въ которыхъ раскрывали нѣкоторыя детали скандальнаго дѣла. Столыпинъ не отвѣтилъ кн. Урусову, а Лопухина просилъ оставить его съ совѣтами. Послѣ этого отъ честолюбиваго, но ограниченнаго человѣка начали отступаться всѣ сколько нибудь порядочные люди, и въ концѣ своей жизни Столыпинъ пожиналъ плоды своей двуличности, снѣдаемый зудомъ реформаторства, травимый партіей Дурново и Акимова, теряющій престижъ при томъ дворѣ, холопомъ коего онъ такъ любилъ всегда расписываться.

Какъ бы иллюстрируя безсиліе оффиціальной власти, погромщики учинили 1-го мая рядъ избіеній въ городахъ Россіи, окончившихся сравнительно благополучно, лишь благодаря тому, что мѣстная администрація не знала еще, какого курса придерживаться послѣ открытія Думы. Понятно также, что Столыпина никто не подозрѣвалъ въ сочувствіи погромамъ; на столько то у него хватало такта и разума. Жандармы, однако, вели свою линію, и одинъ изъ нихъ, Пышкинъ, настолько былъ уличенъ въ Вологдѣ, что пришлось убрать его въ Пермь, гдѣ онъ и былъ позднѣе убитъ однимъ изъ тѣхъ фанатиковъ, которыхъ безправіе однихъ и безнаказанность другихъ плодили въ то время, какъ дождь — грибы.

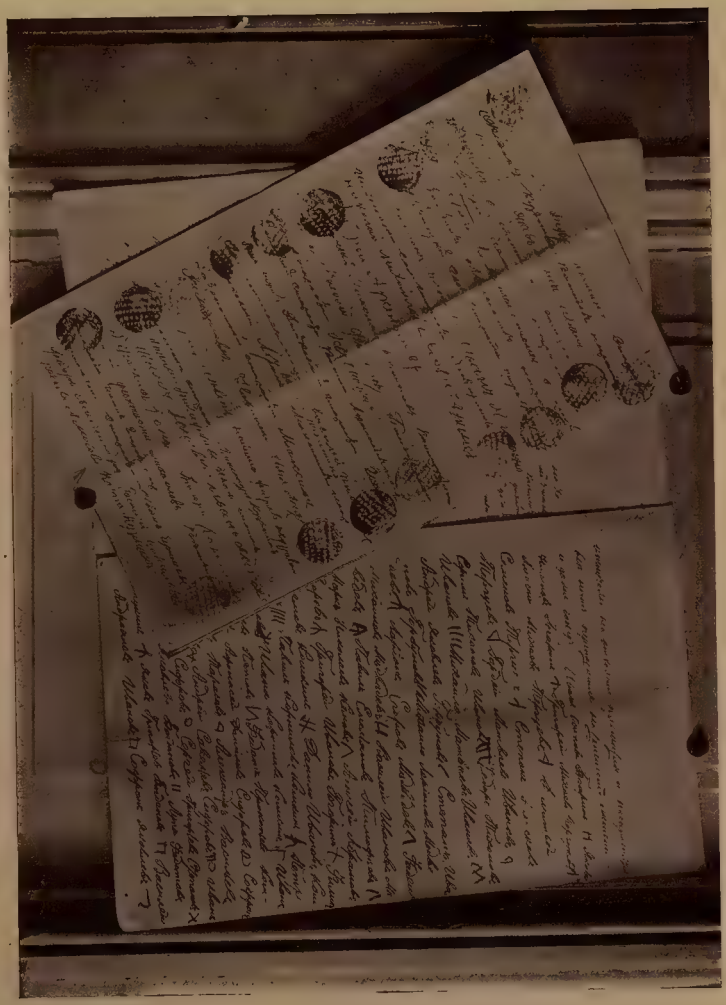
Чѣмъ болѣе очевиднымъ становилось, что внутри страны правительство продолжаетъ реакціонную политику, игнорируя Думу, тѣмъ болѣе измѣнялся и тонъ думскихъ рѣчей, причемъ обѣ стороны начинали уже нервничать. Наростанію раздраженія не мало помогли и пренія по аграрному вопросу, который справедливо считается основой всего русскаго движенія.

Проектъ большинства, при всей своей умѣренности, носилъ въ себѣ довольно взрывчатаго матеріала, чтобы испортить путь къ мирному исходу первой сессіи Думы. Принципъ принудительнаго отчужденія разорялъ не помѣщичью массу, и безъ того разоренную, а десятка три ландъ-лордовъ, богатыхъ монастырей, да отчасти вели-

кихъ князей и царя, отъ которыхъ должны были отойти за вознагражденіе ихъ латифундіи. Этого было слишкомъ довольно, чтобы возбудить противъ Думы ярость этихъ сферъ и классовъ. Первый выпадъ былъ сдѣланъ любимымъ заступникомъ ихъ, Гурко, въ то время готовившимся къ растратѣ (совмѣстно съ торговцемъ клозетами Лидвалемъ и корсетницей Эстеръ) около милліона денегъ, ассигнованныхъ на голодающихъ крестьянъ. Его рѣчь, дышавшая плохо скрытой злобой и вся построенная на передержкахъ и подтасовкѣ лживыхъ свѣдѣній, была встрѣчена съ возмущеніемъ даже крестьянскими депутатами. Отвѣчалъ Гурко депутатъ Герценштейнъ, ученый знатокъ аграрнаго вопроса, умѣренный кадетъ и ничѣмъ не увлекающійся практикъ. Никто не предполагалъ тогда, что этой рѣчью Герценштейнъ подписывалъ свой смертный приговоръ, и что съ негодованіемъ произнесенное имъ слово „иллюминаціи“ будетъ потомъ выставлено въ видѣ призыва къ аграрнымъ поджогамъ со стороны мирной кадетской партіи. Отъ словеснаго мошенничества чиновниковъ, очевидно, такъ же мало застрахованы честные парламентаріи, какъ отъ лихоимства и казнокрадства — народъ. Въ то же самое время частью депутатовъ началъ овладѣвать непонятный и малообоснованный оптимизмъ. Рѣзкіе выпады Столыпина, Гурко, Павлова и друг. истолковывались, какъ раздраженіе собственнымъ безсиліемъ; какіе то фантастическіе слухи о готовности царя смѣнить министровъ — чиновниковъ на министровъ — депутатовъ бродили въ думскихъ кулуарахъ и кружили честолюбивыя головы. Будущіе кандидаты не задумывались, повидимому, надъ тѣмъ, что въ ихъ рукахъ не окажется ни одного изъ главныхъ рессурсовъ управленія, — ни денегъ, ни арміи, ни даже с в о е й, преданной новымъ идеямъ, администраціи. Какъ бабочки на огонь, летѣли они на всякіе переговоры о будущемъ кабинетѣ министровъ, производя, вѣроятно, смѣшное впечатлѣніе на искусившихся въ формализмѣ бюрократовъ. Если даже и допустить, что желаніе перемѣны въ правящемъ составѣ было, и что Треповъ велъ переговоры съ Милюковымъ не на всякій случай, а выполняя порученіе Николая, то и въ такомъ случаѣ дѣло было безнадежно, ибо верхи бюрократизма были безконечно могущественнѣе самодержца; а вѣдь вопросъ вставалъ о самомъ существованіи ихъ, и, зная теперь о погромной организаціи, можно себѣ представить, на что пошли бы чиновники, чтобы сохранить свое мѣсто въ государственномъ строѣ. Между тѣмъ страна не только нуждалась въ обновленіи этого строя новыми людьми, но и встрѣтила бы ихъ съ рѣдкимъ единодушіемъ. Это видно было по отношенію крайнихъ лѣвыхъ къ вопросу о кадетскомъ министерствѣ. Когда слухи о немъ стали настойчивѣй, зашли разговоры съ лидерами думской лѣвой объ отношеніяхъ ихъ фракцій и партій къ будущей кадетской политикѣ. Указывалось на возможность обостренія чисто революціоннаго движенія, осо-

Одинъ изъ „ходоковъ“ первой Думы.

Ходокъ въ первую Думу.
Депутатъ Ворсобинъ записываетъ просьбу „ходока" отъ его губерніи (Рязанской) въ саду Таврическаго дворца.



Facsimile одного изъ многихъ крестьянскихъ адресовъ первой Гос. Думѣ.
Характерны знаки безграмотныхъ и печати сельскихъ старостъ.

бенно въ арміи и флотѣ, и вытекавшей отсюда необходимости вооруженнаго подавленія мятежей. „Ну что-жъ, и пострѣляете“, — заявили соціалъ-демократы, — мы въ Думѣ будемъ для порядка бранить васъ за это, да вѣдь нельзя же допускать анархіи“. И т. д. Несомнѣнно, что общее расположеніе къ умѣренной, выполнимой программѣ кадетской партіи должно было усыплять наблюдательность, столь нужную въ смутное время. Для тѣхъ, кто не терялъ въ эти бойкія недѣли первой Думы самообладанія и смотрѣлъ на происходившее, какъ на шахматную партію, было очевидно, что переговоры о передачѣ власти кадетамъ или безпочвенны съ обѣихъ сторонъ, или явно недобросовѣстны съ одной изъ нихъ — треповской. Какъ бы то ни было, слухи одинъ другого сенсаціоннѣй проникали въ народъ, окрыляя надежды на Думу. Со всѣхъ сторонъ тянулись въ Петербургъ такъ называемые „ходоки“, уполномоченные крестьянскихъ обществъ; почта приносила вороха прошеній, доносовъ на власти, жалобъ. Поѣздки депутатовъ на родину еще болѣе укрѣпляли связь провинціи съ Думой и вносили не мало обманчивости въ надежды на обоюдную силу. Дума начинала жить не столько вѣрой въ искренность правительства, сколько въ поддержку широкихъ народныхъ массъ; послѣднія же готовы были на словахъ обѣщать, что угодно, не имѣя за собой опыта координированныхъ дѣйствій. Нельзя было считать за таковыя ни всеобщую забастовку, ни аграрныя стачки, протекавшія въ другой атмосферѣ. Между тѣмъ расчетъ на политическую зрѣлость народа и погубилъ кадетъ въ Выборгѣ, выжавъ изъ нихъ то слабое произведеніе манифестаціоннаго искусства, которое вывело изъ строя русскаго движенія его лучшія силы, не давъ ничего народу.

Высѣченные „ходоки“.

Эти три крестьянина были послѣ роспуска первой Думы высѣчены за то, что были „ходоками“ въ Думу по общественному порученію. Тѣлесныя наказанія, отмѣненныя Николаемъ еще въ 1904 г., вообще широко практикуются администраціей; въ томъ числѣ недавній шефъ жандармовъ Курловъ сѣкъ крестьянъ, будучи губернаторомъ.

Но въ описываемое время о роспускѣ Думы весьма немногіе думали. Правительство, впрочемъ, весьма прозрачно намекало на него своими выступленіями, а допущенный имъ погромъ въ Бѣлостокѣ долженъ былъ бы, въ сущности, открыть глаза самымъ ослѣпленнымъ изъ депутатовъ. Послѣ разгрома департаментской типографіи и временнаго удаленія Комиссарова, Треповъ отнюдь не палъ духомъ и лишь фиксировалъ направленіе прокламаціоннаго потока на армію, преимущественно въ районѣ еврейской осѣдлости, гдѣ экономическая рознь никогда не прекращалась, и гдѣ использовать ее было легче. Ген. Богдановичъ, о которомъ приходилось уже говорить, былъ главнымъ авторомъ зажигательныхъ листковъ; здѣсь не хватаетъ мѣста для приведенія образчиковъ этого стиля, но можно одно сказать, — прокламаціи были много даровитѣй написаны, чѣмъ циркуляры и деклараціи горемыкинскаго кабинета.

О томъ, что въ Бѣлостокѣ подготовлялось грандіозное кровопусканіе, не могли не быть освѣдомлены, кромѣ царскосельскихъ иниціаторовъ, министры внутр. дѣлъ и военный, но оба не приняли мѣръ къ его предотвращенію. Губернаторъ Кистеръ довольно откровенно заявилъ представителямъ еврейскаго населенія о неизбѣжности погрома, но самъ не смогъ перенести позора своего малодушія и ушелъ въ отставку, опровергнувъ только оффиціальную версію о причинахъ погрома. Мало того, что гражданская власть устранилась на все время погрома, но послѣдній настолько инсценировался, что представилось возможнымъ описать программу перваго дня въ берлинскихъ газетахъ; такимъ образомъ, за два часа до начала погрома въ

Бѣлостокъ.
Тѣло еврейки, подвергшейся истязаніямъ.

Бѣлостокѣ берлинцы могли ознакомиться съ событіемъ, предотвратить которое могла бы развѣ депеша Вильгельма къ Николаю. Но, какъ извѣстно, это было бы „вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла“ дружественной державы. Поэтому три дня громились дома, избивались старики, женщины и дѣти; самыя изощренныя пытки блекли предъ изобрѣтательностью распущенныхъ солдатъ, и полиція безучастно созерцала сцены, одно описаніе коихъ способно было бы вызвать слезы негодованія на самыя сухія очи. Теперь установлено, что полицеймейстеръ Бѣлостока, расположенный къ евреямъ, Деркачевъ, былъ убитъ по наущенію пристава Шереметова, который за погромъ получилъ мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ и былъ тяжко раненъ немного спустя террористомъ. Войскамъ данъ былъ благодарственный приказъ генераломъ Хитрово, военный губернаторъ получилъ орденъ. Здѣсь, въ Бѣлостокѣ, произведена была первая широкая попытка в о е н н а г о погрома, повторенная потомъ начисто, такъ ска-

зать, въ Сѣдлецѣ. Разумѣется, министерство отписалось и въ данномъ случаѣ племенной враждой и пропагандой еврейскаго „Бунда“, но депутаты Бѣлостока, — русскіе крестьяне, — въ такихъ яркихъ краскахъ обрисовали дѣйствительное, совершенно мирное соотношеніе мѣстнаго населенія, что не было надобности въ заявленіяхъ Думы, которыя можно было бы объяснить ея самодовлѣющей оппозиціонностью. Пришедшія позднѣе описанія отдѣльныхъ сценъ, особенно избіенія на вокзалѣ и на площади передъ нимъ, выдавали съ головой всю организацію, и Столыпинъ корчился подъ натискомъ депутатовъ, какъ Мефистофель передъ крестами горожанъ изъ „Фауста“.

Коммиссія по запросамъ рѣшила послать въ Бѣлостокъ трехъ депутатовъ,

Гробъ съ тѣломъ Деркачева,

бѣлостокскаго полицеймейстера, любимаго евреями; онъ былъ убитъ агентомъ своего помощника, Шереметова, который на этой почвѣ создалъ погромъ въ іюлѣ (1—4) 1906 г. Шереметовъ получилъ повышеніе въ Петербургѣ, погромщики-солдаты — благодарность, евреи — сотни убитыхъ и раненыхъ и колоссальные убытки.

которые привезли оттуда обширный и вполнѣ изобличающій бездѣйствіе мѣстной и центральной власти матеріалъ. Ниже мы поймемъ, почему эти власти бездѣйствовали, и на чье высокое благоволеніе расчитывали погромщики здѣсь. Нужно только отмѣтить, что, дѣйствительно, правительство въ это время было нѣсколько растеряно и что оно такъ же переучитывало силу Думы, какъ и послѣдняя — свою собственную. Иначе нечѣмъ объяснить допущеніе депутатовъ къ слѣдствію о Бѣлостокскомъ погромѣ, а особенно то, что не рѣшились Думу распустить, сыгравъ на популярномъ въ реакціонной части населенія еврейскомъ вопросѣ. Между тѣмъ нынѣ доподлинно установлено, что приготовленія къ роспуску въ іюнѣ шли уже полнымъ ходомъ; администрація проявляла рѣдкую старательность въ преслѣдованіи всякой партійной дѣятельности, и жалобы на репрессіи усилились, какъ въ Думѣ, такъ и въ печати. Весьма возможно, что только незаконченность приготовленій задержала роспускъ, и правительству пришлось воспользоваться другимъ поводомъ къ нему. Въ Думѣ про-

Бѣлостокъ.
Тѣла убитыхъ отца и сына; ноги послѣдняго буквально оголены до костей.

Бѣло̀стокъ.
У стѣнъ еврейской больницы.

Бѣлостокъ.
Плачущія еврейскія женщины.

Засѣданіе к.-д. клуба.
Предсѣдатель клуба докладываетъ о прибытіи членовъ Гос. Думы, командированныхъ въ Бѣлостокъ разслѣдовать причины погрома.

должались пренія по аграрному вопросу, и интересъ къ нему крестьянскихъ массъ доставлялъ кабинету не мало тревогъ; сельскохозяйственныя стачки протекали такъ дружно и на такихъ огромныхъ площадяхъ черноземной полосы, что и сборъ урожая, главнаго вывозного элемента, дѣлался проблематичнымъ. Это обстоятельство заставило правительство выпустить сообщеніе народу; но, не имѣя въ своемъ запасѣ ничего, кромѣ заѣзженныхъ и лживыхъ чиновничьихъ пріемовъ, оно составило декларацію такъ, что никакого результата она принести не могла. Зато молчаніе Думы на документъ, въ которомъ ея роль сводилась къ роли какого нибудь незначущаго департамента, могло быть истолковано народомъ, какъ признаніе своей слабости и подчиненности; а потому Дума и рѣшила выступить съ контръ-сообщеніемъ. Можно спорить о соотвѣтствіи такого акта со смысломъ „Положенія о Думѣ“ и, во всякомъ случаѣ, министерство имѣло довольно времени, чтобы предупредить Думу о незаконности ея намѣренія и послѣдствіяхъ его исполненія; но оно не сдѣлало этого, ибо твердо рѣшило само воспользоваться первымъ предлогомъ къ роспуску. Депутаты смутно предчувствовали опасность, но отступать назадъ было и принципіально, и по существу невозможно. Поэтому контръ-сообщеніе, составленное и тщательно обсужденное аграрной коммиссіей, проходило обычныя стадіи сложныхъ парламентскихъ актовъ, что заняло довольно времени и позволило докончить приготовленія къ роспуску вводомъ въ Петербургъ войскъ изъ дальнихъ гарнизоновъ. Помимо оффиціальнаго повода, — незаконности обращенія Думы къ народу, — у Горемыкина были и болѣе существенные: съ одной стороны — недовѣріе Думы и неспособность правительства приспособиться къ новому строю, а съ другой — распадъ думской сплоченности. На текстѣ аграрнаго сообщенія партіи впервые рѣзко раскололись. Причинъ тому было тоже нѣсколько: главная — желаніе кадетскаго центральнаго комитета сорвать сообщеніе, чтобы не повредить теченію переговоровъ съ Треповымъ, въ котораго наивные честолюбивцы продолжали еще вѣрить; и второстепенныя — уклоненіе отъ обсужденія польскаго „коло“, шедшаго на поводу іезуита Гралевскаго, и лѣвыхъ, управлявшихся Азефомъ и Ко. Наконецъ, нѣсколько вліятельныхъ депутатовъ отсутствовали по случаю междупарламентской конференціи въ Лондонѣ. Въ результатѣ — обсужденіе и голосованіе думскаго аграрнаго сообщенія являло столь обычную картину разложенія парламентской силы, что не воспользоваться имъ было бы просто глупо. Поэтому общее настроеніе и въ Думѣ и въ странѣ сразу и рѣзко измѣнилось; въ воздухѣ наступила затишь, — вѣрный признакъ надвигающагося шквала, и только одни кадетскіе лидеры продолжали хранить свой оптимизмъ.

О томъ, что въ эти дни происходило во дворцѣ, извѣстно очень мало. Настроеніе было измѣнчиво, и только ненависть къ новому учрежденію оставалась постоянной и все росла въ объемѣ. Повидимому, Треповъ рѣзко измѣнилъ фронтъ послѣ бѣлостокскаго погрома и искренно искалъ сближенія съ либералами. Какъ онъ понималъ положеніе вещей, такимъ онъ его и рисовалъ Николаю, но въ это время вліяніе нѣкогда всесильнаго диктатора клонилось уже къ горизонту; его мѣсто заняли великіе князья, которые были еще невѣжественнѣе и еще рѣшительнѣе Трепова, ибо орудовали изъ-за кулисъ, будучи въ личной безопасности. Николай, душа котораго всецѣло была на сторонѣ крайнихъ дѣйствій, конечно, склонялся къ разгону Думы и къ санкціи всѣхъ будущихъ репрессій, и только неувѣренность въ побѣдѣ, которой министры не могли гарантировать, удерживала отъ подписи уже заготовленнаго манифеста. 8-го іюля онъ былъ подписанъ, и Столыпинъ еще разъ показалъ себя обманщикомъ, увѣривъ Муромцева, что 10-го іюля онъ выступитъ съ рѣчью по поводу бѣлостокскаго погрома. 7-го провалилось аграрное сообщеніе Думы, а 8-го вечеромъ и она сама послѣдовала за нимъ въ Лету исторіи. Говорили потомъ, что Горемыкинъ хотѣлъ задержать печатаніе манифеста, надѣясь на новое направленіе дворцоваго вліянія, и что будто бы манифестъ былъ оглашенъ только вслѣдствіе того, что не рѣшились потревожить сна сибарита — министра. Но это неважно. Логика событій неумолима. Дума была барьеромъ на жизненномъ пути россійскаго бюрократизма, а послѣдній далеко не утратилъ еще своей жизнеспособности. При такихъ условіяхъ, уже 9-го іюля 1906 г. можно было провидѣть и слѣдующій этапъ реакціи — переворотъ 3-го іюня 1907 г. — измѣненіе избирательнаго закона.

ГЛАВА СОРОКЪ ДЕВЯТАЯ.

Манифестъ 9-го іюля. — Около Думы. — Въ Выборгѣ. — Воззваніе. — Его неуспѣхъ. — Принципъ пассивнаго сопротивленія. — Распоряженія Столыпина на мѣстахъ. — На конгрессѣ въ Лондонѣ. — Рѣчь Кемпбелль-Баннермана. — Проектъ англійской делегаціи. — Черносотенцы протестуютъ. — Пуришкевичъ. — „Новое Время“ снова п ворачиваетъ флюгеръ. — Общее настроеніе. — Нѣмецкіе миноносцы у Петергофа. — Угроза иностраннымъ вмѣшательствомъ на страницахъ оффиціоза.

Какъ и всѣ манифесты Николая, актъ 9-го іюля былъ составленъ чиновниками, отражавшими въ немъ не только свою собственную, но и царскую психологію; рядомъ съ напыщенными фразами, вродѣ того, что: „Царь вашъ призываетъ васъ, какъ Отецъ своихъ дѣтей“, шли туманныя завѣренія крестьянъ въ томъ, что „пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получитъ тамъ, гдѣ существуетъ тѣснота земель-

Въ день роспуска первой Думы
Депутатъ кн. Волконскій у Таврическаго дворца: „Какъ? Нельзя войти?!“

ная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе“; чувствуя, наконецъ, что рано еще наносить рѣшительный ударъ манифесту 17-го октября, но что народъ не сомнѣвается въ этомъ стремленіи, царь подписываетъ слова, вдвойнѣ позорныя: и какъ невольное признаніе въ томъ, что народъ не вѣритъ царскому слову, и какъ завѣдомая ложь: „подтверждаемъ... неизмѣнное намѣреніе наше сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи этого установленія — Гос. Думы.“

Роспускъ, не объявленный съ трибуны парламента, съ выставленнымъ въ манифестѣ обвиненіемъ и сопровождавшійся военнымъ положеніемъ и опечатаніемъ залы засѣданій и канцеляріи Думы, былъ, безъ сомнѣнія, также государственнымъ переворотомъ. Дума не могла не увидѣть въ этомъ актѣ попранія тѣхъ основъ конституціи, безъ коихъ послѣдняя, обращалась, какъ теперь принято говорить, въ конституцію въ ковычкахъ („конституція“), другими словами—аннулировалась. Потребность протеста была очевидной, вопросъ былъ только въ формѣ его. Обычное представленіе

о вводѣ въ залу засѣданія войскъ, стрѣльбы по депутатамъ, красивыхъ патетическихъ сценахъ и крови народныхъ представителей, освящающей завоеваніе политической свободы, — все это въ условіяхъ XX вѣка отходило въ область неосуществимаго; кстати, по случаю воскреснаго дня даже проникнуть въ Таврическій дворецъ было невозможно, и депутаты должны были искать иного мѣста для собранія. Въ Петербургѣ такое собраніе было бы немедленно и безъ всякой революціонной помпы разогнано до своего начала. Близость финляндской, тогда еще вполнѣ свободной, территоріи сама указывала пунктъ, гдѣ безъ помѣхи можно было бы обсудить свое положеніе. 9-го вечеромъ, въ выборгской гостиницѣ „Бельведеръ“ засѣдалъ ужъ

Выборгъ.
Гостиница „Бельведеръ“, въ которой происходило собраніе депутатовъ первой Думы, въ память котораго въ залѣ прибита доска.

думскій кворумъ. Междупартійное треніе, которое съ такой силой дѣйствовало еще наканунѣ, не могло исчезнуть даже подъ давленіемъ общности свалившейся бѣды, и, благодаря ему, воззваніе обрекалось заранѣе на нѣкоторую безцвѣтность. Наконецъ, не замѣчалось ни въ комъ изъ лидеровъ того подъема, вдохновенія, безъ которыхъ манифесты заранѣе обращаются въ макулатуру. Самое же главное — никто, повидимому, не былъ достаточно освѣдомленъ о степени способности народа оказать Думѣ активную поддержку. Что касается до способовъ ея выраженія, то нельзя не признать, что призывъ русской массы къ различнымъ формамъ пассивнаго сопротивленія — неплатежу повинностей, отказу отъ воинской службы и т. д. — былъ до послѣдней степени наивенъ. Пройдутъ, быть можетъ, десятилѣтія, пока

народъ будетъ достаточно для этого организованъ и политически развитъ. Здѣсь же сами авторы воззванія еще два дня назадъ явили яркій образецъ неорганизованности и недомыслія въ вопросѣ объ аграрномъ контръ-сообщеніи. Словомъ сказать, выборгское воззваніе было слабымъ и по формѣ и по содержанію документомъ, безопаснымъ для правительства и лишеннымъ даже тѣни героизма, составляющаго единственное оправданіе подобнымъ выступленіямъ. Нужно было сдѣлать кабинету Столыпина и начинавшимъ забирать силу придворнымъ черносотенцамъ рядъ глупостей, чтобы исправить ошибку выборгскаго собранія и окружить авторовъ воззванія тѣмъ ореоломъ мученичества, безъ котораго въ исторіи не остается ни слѣда отъ работы людской.

Выборгъ.
Зала въ гостиницѣ „Бельведеръ", гдѣ засѣдали члены разогнанной первой Думы

Въ столицѣ все было покойно, около Думы бродили кучки любопытныхъ; приготовленія боевыхъ дружинъ черносотеннаго „Союза русскаго народа", дѣлавшіяся наканунѣ разгона, оказались ненужными, и онѣ стали готовиться къ ряду отдѣльныхъ убійствъ изъ-за угла; въ Теріоки командированы были Дубровинымъ, камергеромъ Майковымъ, барономъ Бугсгевденомъ и др. придворными наемными убійцами люди для убійства депутата Герценштейна. Списокъ жертвъ пополнялся быстро, хотѣлось уничтожить всѣхъ „выборжцевъ".

За границей разгонъ Думы произвелъ, повидимому, больше впечатлѣнія, чѣмъ въ Россіи; тамъ преувеличивали революціонное настроеніе, ожидали новаго общаго взрыва; и къ отвлеченному негодованію и презрѣнію къ царю, шутя игравшему самыми животворящими элементами государственной жизни, выростало и опасеніе, какъ бы съ огромнаго русскаго пожара не полетѣли искры и на западъ, гдѣ было довольно своихъ счетовъ съ развивавщимся соціалистическимъ и анархическимъ движеніемъ. Въ Англіи, гдѣ такой опасности не существовало, общее возмущеніе

Засѣданіе членовъ первой Думы въ Теріокахъ (на дачѣ Герценштейна)
послѣ разгона и поѣздки въ Выборгъ.

Трудовая группа въ Теріокахъ.
Послѣднее совѣщаніе членовъ трудовой группы первой Думы, послѣ подписанія выборгскаго воззванія.

приняло формы демонстраціи. Наиболѣе внушительной была овація, сдѣланная на одномъ изъ засѣданій междупарламентскаго конгресса мира, членами коего были 5 депутатовъ только что разогнанной Думы. Печатью всего міра было отмѣчено крупное международное значеніе рѣчи предсѣдателя конгресса и перваго министра Англіи, Кемпбелль-Баннермана, законченной возгласомъ:

„La Douma est morte, vive la Douma!"

Николаю наносилось оскорбленіе дѣйствіемъ на виду цивилизованныхъ странъ и лицомъ, высокое положеніе коего исключало возможность игнорированія. Тогда же возникла и мысль о посылкѣ въ Россію особой делегаціи съ привѣтственнымъ адресомъ отъ представителей англійскихъ палатъ, печати и общества.

Редакція соц.-дем газеты „Мысль",
снятая незадолго до ареста ея, въ іюнѣ 1906 г. Направо сидитъ Бондаревъ, членъ первой Думы, приговоренный за участіе въ газетѣ къ году крѣпости.

„Мы, члены парламента, представители муниципальныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій и другіе британскіе граждане, — говорилось въ адресѣ предполагавшейся делегаціи, — желаемъ, въ виду закрытія первой сессіи перваго русскаго парламента, передать ему выраженіе нашихъ симпатій и уваженія. Наша собственная исторія научила насъ той истинѣ, что только представительный образъ правленія и гражданская свобода суть единственныя надежныя основы, на которыхъ могутъ покоиться національный прогрессъ и народное благосостояніе. Полные добрыхъ пожеланій по отношенію къ Россіи, мы слѣдили съ живѣйшимъ интересомъ и горячими надеждами за созданіемъ Думы и за ея борьбой за власть. Мы научились преклоняться передъ геніемъ русскаго народа. Сердца всѣхъ мужественныхъ людей были тронуты зрѣлищемъ его героизма, его жертвъ и страданій, претерпѣнныхъ имъ въ его долгой и тяжелой борьбѣ за свободу. Мы надѣемся, что въ недалекомъ будущемъ свобода восторжествуетъ въ Россіи, и тогда, наконецъ, сдѣлается возможнымъ для народовъ Англіи и Россіи оформить ту дружбу, которая соединитъ ихъ, — дружбу, основанную на общности идеаловъ культуры, опирающейся на миръ".

Митингъ протеста,
послѣ разгона первой Думы, въ Петровскомъ паркѣ, въ Петербургѣ. Такіе митинги съ іюня 1906 г. неуклонно разгонялись нагайками и оружіемъ.

„Казанская депутація".

Послѣ роспуска первой Думы возникла несчастная мысль симулировать радость подданныхъ по случаю этого акта. Въ Казанской губ. была набрана депутація, но ею дѣло и кончилось, — подтасовка была даже и для Царскаго Села слишкомъ грубой: народъ занимался въ это время совсѣмъ другимъ, демонстрируя свое сочувствіе Думѣ.

Возвращеніе членовъ первой Думы изъ Выборга.
Вокзалъ финляндской жел. дор. въ Петербургѣ. За снятіе шляпы передъ депутатами былъ арестованъ Хижняковъ.

Само собой разумѣется, что пріемъ делегацій могъ вырости въ грандіозную демонстрацію оппозиціонности русскаго общества и, того больше, его ненависти къ правительству и царю. Воздѣйствовать на англійское правительство было невозможно, — ни по очевидной его симпатіи къ Думѣ, ни вслѣдствіе исключительной неспособности русскаго посла въ Лондонѣ, гр. Бенкендорфа. Поэтому оставалось прибѣгнуть къ помощи черныхъ сотенъ, благо это было и привычно для правящихъ сферъ, и симпатично царю. Симулировать негодованіе яко-бы оскорбленнаго въ своихъ чувствахъ народа стоило ровно столько, сколько стоили телеграммы, посланныя изъ разныхъ городовъ по данному изъ Петербурга сигналу. Погромная практика этихъ патріотовъ ручалась и за то, что при благосклонномъ нейтралитетѣ полиціи пріемъ англійской делегаціи могъ повлечь за собой избіенія и во всякомъ случаѣ скандалъ. Итти навстрѣчу такимъ явленіямъ значило профанировать самую идею привѣтствія, по существу — глубоко мирную, и оффиціальный пріѣздъ англичанъ не состоялся*). Непристойный гвалтъ черносотенной прессы опьянялъ вдохновителей, и они подъ конецъ дошли до такой наглости, что начали разсылать телеграммы коронованнымъ особамъ, требуя самыхъ странныхъ вещей: такъ, императору Вильгельму посланъ былъ приказъ не принимать гр. Витте, и т. под. Европа становилась, такимъ образомъ, не только свидѣтельницей, но какъ бы и участницей происходившихъ въ Россіи кликушескихъ выходокъ приверженцевъ абсолютизма, купленныхъ за небольшія, въ сущности, деньги. Эти выходки трепали царское имя, какъ никогда не трепали его самые крайніе революціонеры, и никто не способствовалъ въ такой мѣрѣ крушенію династическаго и даже монархическаго начала въ русскомъ народѣ, какъ ихъ защитники. Всего плачевнѣй было въ то время поведеніе признаннаго за оффиціозъ „Новаго Времени“, которое, въ сотый разъ измѣнивъ свое направленіе, начало издѣваться надъ прогрессивною частью общества и подводить идеологическое основаніе подъ преступную дѣятельность „Союза русскаго народа“ и родственныхъ этой партіи организацій. Общее настроеніе продолжало, однако, оставаться неопредѣленнымъ и тревожнымъ, и, несмотря на рѣшительность дѣйствій, ни правительство, ни Николай не чувствовали себя прочно. Въ Петергофѣ даже не шутя готовились къ бѣгству въ случаѣ всеобщаго возстанія, и на рейдѣ долго спустя послѣ 8-го іюля все еще болталась какая то флотилія нерусскаго происхожденія и службы. Атмосфера двора не могла быть веселой, какъ и всегда, впрочемъ, и въ ней трудно было зарождаться трезвымъ и продуманнымъ государственнымъ актамъ. Въ области же чувства нетронутые культурой представители царствующаго дома и во главѣ ихъ необразованный и лѣнивый Николай могли склоняться лишь къ крайнимъ, всегда грубымъ и часто пахнущимъ кровью рѣшеніямъ. Здѣсь абсолютно отсутствовали не только минимальная доза любви къ родинѣ и народу, но и самая элементарная національная гордость. Довольно сказать, что не постѣснились преподать оффиціозу, „Россіи“, мысль припугнуть общество иностраннымъ вмѣшательствомъ въ русскія дѣла. Глубокое негодованіе было отвѣтомъ на эту недостойную выходку, отвѣтомъ, черезъ головы вліятельной камарильи, самому царю, не понимавшему, вѣроятно, степени своего паденія въ глазахъ народа. Одно было хорошо въ этомъ актѣ русской драмы, что характеры персонажей окончательно обозначались, и будущіе ихъ поступки и взаимоотношенія обрисовывались съ достаточной полнотой. Предстояли еще долгіе годы борьбы, и учетъ силъ былъ болѣе, чѣмъ когда либо, необходимъ. Силъ моральныхъ, такъ какъ грубая, физическая сила оставалась постарому въ рукахъ Николая и его правительства.

*) Пріѣзжали только трое представителей Англіи, вручившіе адресъ Муромцеву на вечерѣ у предсѣдателя кадетскаго клуба.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

Междудумье. — Переговоры съ мирнообновленцами. — Визитъ Н. Львова къ царю. — Убійства Герценштейна и Іоллоса. — Казанцевъ. — Возстаніе въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ. — „Память Азова". — Казни начинаются. — Взрывъ волненій въ арміи и деревняхъ. — Терроръ усиливается. — Аптекарскій островъ. — Графъ Игнатьевъ. — Ген. Павловъ — Фонъ-деръ-Лауницъ. — Замѣшательство властей. — Сѣдлецкій погромъ. — Полковникъ Тихановскій и жандармъ Пѣтуховъ. — Награды и слѣдствіе. — Общественное мнѣніе о погромѣ. — Столыпинъ невозмутимъ. — Презрѣніе къ нему распространяется. — Военно-полевые суды. — Какъ крушится просьба о помилованіи приговореннаго къ смерти. — Разлагающее вліяніе полевыхъ судовъ на армію. — Казни безъ суда въ Варшавѣ и генералъ-губернаторская власть. — Экспропріаціи. — Ограбленія поѣздовъ. — Анархія. — Озлобленіе умѣренныхъ буржуазныхъ круговъ. — Кризисъ промышленности и финансовъ. — Досадное разложеніе оппозиціи. — Разочарованіе рабочихъ круговъ. — Заигрываніе съ арміей. — „Семеновцы, дорогіе мои"! — Россія переходитъ фактически къ федерально-анархическому строю.

Наступилъ критическій для Столыпина моментъ. Нужно было и конституціонный декорумъ соблюсти и контръ-революціонерамъ нѣкоторую волю дать, чтобы самому удержаться на мѣстѣ. Лавировать между такими противоположными позиціями было бы не подъ силу и самому Макіавелли, не то что его россійскимъ подражателямъ. Вотъ почему смѣхомъ была встрѣ-

Влад. Набоковъ,
членъ первой Гос. Думы, одинъ изъ вождей партіи Народной Свободы („выборжецъ")

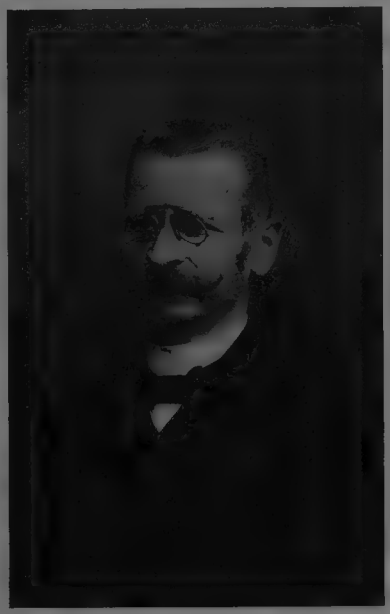
М. М. Винаверъ,
членъ первой Гос. Думы, предсѣдатель Общества для достиженія полноправія евреевъ.

чена попытка Столыпина заручиться согласіемъ нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей войти въ составъ его кабинета. Ни гр. Гейденъ, ни Н. Львовъ, ни Д. Шиповъ не рѣшились связать судьбу своихъ добрыхъ именъ съ именемъ Столыпинскаго кабинета и поставили условія, которыя были непріемлемы для правительства, распустившаго парламентъ, требовавшій того же, т. е. выполненія царемъ обѣщаній, данныхъ 17-го октября.

Между тѣмъ отказъ этихъ лицъ толкалъ Столыпина въ объятія самыхъ крутыхъ реакціонеровъ, и объ стороны сознавали это; вотъ почему Столыпинъ и ввернулъ въ сообщеніи о неудачномъ исходѣ переговоровъ фразу о томъ, что они прервались внѣ доброй воли договаривавшихся. Министръ проговорился или, вѣрнѣе, свалилъ вину на царя, который, разумѣется, и слышать не хотѣлъ о какихъ либо уступкахъ, развѣ ихъ вынудилъ бы новый взрывъ революціи. Для виду Николай принялъ у себя Н. Львова, человѣка настолько преданнаго монархизму, что ему приписываются слова: „Если бъ этимъ можно было спасти Россію, то я не задумался бы пойти въ „Союзъ русскаго народа".

Львовъ былъ потрясенъ ауді-енціей. „Я ожидалъ, — говоритъ онъ, — увидѣть государя, убитаго горемъ, страдающаго за родину и свой народъ; а вмѣсто этого ко мнѣ вышелъ какой то веселый, разбитной малый въ малиновой рубашкѣ и широкихъ шароварахъ, подпоясанный шнурочкомъ" . . . . (форма стрѣлковаго баталіона императорской фамиліи, гдѣ Николай любитъ бывать и много пить; однажды онъ пустился даже въ присядку въ присутствіи солдатъ, оравшихъ непристойныя пѣсни, среди поголовно пьяныхъ офицеровъ).

Разговоръ соотвѣтствовалъ костюму и настроенію. Львовъ въ тотъ же день заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ и долго не могъ оправиться отъ свиданія со своимъ идеаломъ. Царю не нужны были такіе люди, — они или казались ему жителями иныхъ міровъ, или онъ издѣвался надъ ихъ идеализмомъ и искренностью, чуждый этимъ понятіямъ отъ природы. Ему понятнѣй, милѣй были разсказы Лауница о засѣченныхъ крестьянахъ и спаленныхъ деревняхъ, а еще лучше — детали погромовъ и патріотическихъ манифестацій.



А. Петражицкій,

членъ первой Гос. Думы, выдающійся правовѣдъ, умѣренный кадетъ („выборжецъ").

Въ этомъ отношеніи ближайшіе же къ роспуску дни несли ему веселыя развлеченія. 18-го іюля былъ убитъ въ Теріокахъ депутатъ Герценштейнъ и, какъ теперь установлено, убитъ членами той партіи, къ которой и принадлежалъ самъ царь, не понимавшій неприличія партійности для монарха. Позднѣе, когда убили Іоллоса, тоже члена первой Думы и друга Герценштейна, выяснилась и система этихъ убійствъ, гдѣ не брезговали никакими средствами, чтобы уничтожить кого нибудь изъ мирныхъ дѣятелей. Такъ, убійца Іоллоса, Казанцевъ, воображалъ, что дѣйствуетъ по постановленію революціоннаго комитета, и что Іоллосъ былъ черносотенцемъ. За этотъ обманъ Казанцевъ впослѣдствіи отплатилъ убійствомъ

Похороны М. Я. Герценштейна въ Теріокахъ.

Хоронить въ Петербургѣ или Москвѣ не было разрѣшено. Градоначальникъ фонъ-деръ-Лауницъ объявилъ, что въ случаѣ перевезенія Герценштейна въ столицу всѣ присутствующіе на похоронахъ будутъ разстрѣляны.

Мѣсто убійства Герценштейна въ Теріокахъ.

Памятникъ на могилѣ Герценштейна, убитаго 18 іюля 1906 г. въ Теріокахъ.

же одного изъ своихъ вдохновителей. Вообще въ террористической дѣятельности союзниковъ отсутствовалъ единственный моральный мотивъ — убѣжденіе въ нужности радикальныхъ дѣйствій, такъ сказать — террористическая честность, но этого качества не было, какъ видно по всѣмъ поступкамъ царя и его правительства, и въ центрѣ правленія. Оттуда исходили акты, имѣвшіе всю разрушительную силу террора, и безчестные по своей внутренней природѣ. Наряду съ ними самыя безчисленныя и кровавыя страницы послѣдующихъ за роспускомъ Думы недѣль являются въ ореолѣ героизма; самыя звѣрскія детали возстаній блѣднѣютъ передъ хладнокровіемъ, съ какимъ на виду Петергофа разстрѣливали мятежниковъ, погружая потомъ ихъ тѣла

Депутатъ Г. Б. Іоллосъ въ гробу.

Убитъ черной сотней въ Москвѣ, весною 1907 г. Убійца Казанцевъ былъ введенъ иниціаторами (гл. совѣтомъ Союза русскаго народа) въ обманъ и думалъ, что убиваетъ революціонера, измѣнившаго своимъ. За это онъ впослѣдствіи убилъ одного изъ своихъ вдохновителей и принесъ печатно повинную передъ русскимъ обществомъ.

въ воды залива, плескавшіяся и у ступеней Монплезира, одного изъ царскихъ увеселительныхъ домиковъ.

Возстанія въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ, слѣдовавшія одно за другимъ почти безъ перерыва, были неудавшимся сигналомъ къ мятежу всѣхъ русскихъ крѣпостей и всего флота. Неудавшимся не потому, что начались преждевременно, а потому, что во главѣ ихъ стояли несвѣдующіе люди, что среди офицеровъ было только ничтожное число лицъ, способныхъ къ риску, что разобщеніе офицеровъ и нижнихъ чиновъ есть теперь неизбѣжное явленіе во всѣхъ арміяхъ, какъ послѣдствіе введенія всеобщей воинской повинности. Явленіе это губительно отзывается на современныхъ войнахъ, но полезно для правительствъ, боящихся революціи. Такъ и вышло, что мятежъ флота выразился въ спорадическихъ вспышкахъ, показавъ озлобленіе матросовъ, трусость офицеровъ (повальное бѣгство съ „Памяти Азова“ при первомъ на-

На финляндской границѣ въ 1906 году.
Осмотръ паровоза — нѣтъ ли оружія.

намекѣ на бунтъ) и отсутствіе координаціи дѣйствій. За то казни, которыя начались тотчасъ вслѣдъ за подавленіемъ мятежей, рисовали озлобленіе правительства, его храбрость въ совершеніи безнаказанныхъ убійствъ и организованность репрессіи.

То же разложеніе начинало замѣчаться и въ деревнѣ. Лишившись надежды на Думу, крестьяне охотнѣй поддавались крайней пропагандѣ, слѣдствіемъ чего было учащеніе поджоговъ усадьбъ, а слѣдовательно, и карательныхъ отвѣтовъ власти. Обоюдное озлобленіе создавало еще болѣе страстную обстановку, чѣмъ это было въ худшіе мѣсяцы додумской революціи, и естественнымъ результатомъ оказалось

Въ Гельсингфорсѣ въ дни свеаборгскаго мятежа.
Красная гвардія Кука на площади передъ Соборомъ.

необычайное развитіе террора. Словно эпидемія уничтоженія охватила людей, вчера еще не помышлявшихъ о томъ, что сегодня руки ихъ должны обагриться кровью своихъ ближнихъ. Ряды болѣе или менѣе профессіональныхъ террористовъ начали пополняться случайными людьми, зачастую молодежью, почти дѣтьми. Техника приготовленія всякихъ разрушительныхъ веществъ и снарядовъ, слѣдуя закону спроса и предложенія, пошла такимъ ускореннымъ темпомъ, что вскорѣ всякій могъ домашнимъ способомъ изготовить снарядъ любой силы. Услѣдить за всѣми такими лабораторіями было невозможно, а потому и жертвы террора стали почти повседневнымъ явленіемъ. Мѣсяцъ спустя послѣ роспуска Думы самъ Столыпинъ едва не попалъ въ ихъ число. Его дача на Аптекарскомъ островѣ была полуразрушена страшнымъ снарядомъ, заключеннымъ въ портфель переодѣтаго жандармомъ террориста, шедшаго съ тремя товарищами на вѣрную гибель. Здѣсь было много случайныхъ жертвъ,

Въ Гельсингфорсѣ во время свеаборгскаго мятежа.
Красная гвардія Кука. Кукъ (×) эмигрировалъ.

и неслыханное еще покушеніе заставило предположить, что самый терроръ подвергся эволюціи; народился максимализмъ.

Въ ту же зиму были убиты одинъ за другимъ — генералъ Павловъ, главный военный прокуроръ, графъ Игнатьевъ, глава камариль и, генералъ фонъ-деръ-Лауницъ, петербургскій градоначальникъ, — все излюбленные Николаемъ люди. Какъ и раньше бывало въ подобныхъ случаяхъ, правительство растерялось и готово было опять итти на уступки. Но теперь нельзя уже было расчитывать на общественное довѣріе, — довольно было обмановъ; и, быть можетъ, только эта безнадежность и заставила власть воздержаться отъ новаго заигрыванія съ народомъ и направила ея дѣйствія

Гельсингфорсъ. Красная гвардія выходитъ на позицію.

въ сторону сугубой репрессіи. Выходъ былъ спасителенъ, хотя бы и временно, такъ какъ общество еще меньше могло строить свое благополучіе на терроръ, чѣмъ бюрократизмъ на уступкахъ.

Весь періодъ между первыми двумя Думами, періодъ тѣмъ болѣе интересный, что впервые самодержавіе возстановляло себя подъ конституціонной вывѣской, — можно разсматривать, какъ битву крайнихъ элементовъ государства, битву тѣмъ болѣе ожесточенную, что обѣ стороны обладали послѣдними новинками военной техники и, отбросивъ всѣ правила и законы войны, вцѣпились другъ другу въ горло. Тревожно оставалось положеніе арміи, гдѣ мятежи перебрасывались изъ одной части въ другую, и гдѣ не было ни одного вполнѣ вѣрнаго полка. Нужно было лечить ее героическими средствами: снова полетѣли прокламаціи Богдановича, царскаго друга, снова нашлись командиры, взявшіе на себя организацію погрома.

Мѣсто найти было легко, — любой городъ въ чертѣ еврейской осѣдлости подходилъ для этого. Выбрали Сѣдлецъ. Полковникъ Тихановскій, начальникъ мѣстнаго гарнизона, велъ приготовленія къ погрому такъ открыто, что жандармское

Гельсингфорсъ. Аресты красногвардейцевъ.

Въ Гельсингфорсѣ. Непріятель.

Отправка матросовъ бунтовавшихъ экипажей
въ разныя воинскія и флотскія части, гдѣ они будутъ прививать среди товарищей тѣ же революціонныя идеи.

Гельсингфорсъ.
Переноска убитаго Линдберга, бывш. воспитанника кадетскаго корпуса, красногвардейца.

отдѣленіе могло слѣдить за каждымъ его шагомъ и доносить Столыпину. Поэтому министръ никакъ не могъ отговориться невѣдѣніемъ; да и передача властью гражданской своихъ полномочій Тихановскому была заранѣе извѣстна въ Петербургѣ. Погромъ съ начала и до конца былъ чисто военнымъ, кровавымъ пиромъ. Какъ всегда, не было ни одного убитаго солдата и сотни убитыхъ или раненныхъ евреевъ и другихъ горожанъ; ни одного ограбленнаго военнаго и расхищенные магазины. Ни одного возгласа противъ царя, слѣдившаго съ жадностью каннибала за перипетіями погрома изъ далекаго отсюда кабинета, и звуки гимна, портреты и хоругви, какими это избіеніе прикрывалось въ надеждѣ, что хоть одна пуля попадетъ въ изображеніе полковника съ невинными, тускловатыми очами. Впрочемъ, когда нужно было провоцировать погромъ, полицейскіе револьверы и ножи служили уничтоженію эмблемъ еще лучше бундовскихъ (кстати, сказать, безсмысленность такихъ оскорбленій была слишкомъ очевидна, чтобы кто-нибудь изъ революціонеровъ шелъ на нихъ).

Жандармскій офицеръ Пѣтуховъ составилъ правдивое описаніе сѣдлецкаго погрома, нынѣ оглашенное въ печати. Для вида было назначено слѣдствіе, но не могли утерпѣть, и раньше, чѣмъ слѣдователь могъ взяться за свое перо, послѣдовали высочайшія и болѣе мелкія благодарности войскамъ сѣдлецкаго гарнизона, награды Тихановскому и его товарищамъ по погрому; все дѣло предстало въ своемъ естественно-безобразномъ видѣ и вызвало не только единодушное осужденіе въ Европѣ, но и нѣкоторыя дѣловыя напоминанія ея правительствъ и особенно банкировъ, — послѣ чего погромы словно отрѣзало. И мы полагаемъ, что въ ближайшее время они невозможны. Одесса держалась дольше, благодаря тому, что ея губернаторы не стѣснялись, подобно ялтинскому сатрапу, Думбадзе, дѣйствовать какъ бы отъ имени царя, но и тамъ погромы начали затихать къ концу этого бурнаго періода.

Гельсингфорсъ. Забытый на улицѣ.

Столыпинъ оставался невозмутимъ; лишенный чувства человѣчности и въ рабскомъ пресмыканіи передъ монархомъ видящій какъ бы провиденціальное назначеніе русскаго дворянина, онъ все болѣе замыкался въ кругу скрытыхъ и явныхъ погромщиковъ, и все дальше отходили отъ него сколько нибудь порядочные люди. Презрѣніе къ нему становилось все шире, пока онъ не началъ терять престижъ свой и въ дворцовыхъ сферахъ. Обычный результатъ безпринципной, себя не уважающей дѣятельности. Отъ переговоровъ съ мирнообновленцами (отдѣлившись отъ октябристовъ, гр. Гейденъ, кн. Е. Трубецкой, М. Стаховичъ и др. образовали партію „Мирнаго Обновленія“) — до учрежденія постоянныхъ полевыхъ судовъ путь Столыпина былъ очень коротокъ. Смертная казнь въ какіе нибудь два мѣсяца настолько популяризировалась, что перестала устрашать даже простыхъ воришекъ. Негодованіе общества, однако, росло и въ извѣстныхъ письмахъ Льва Толстого навсегда получило свое закрѣпленіе. Но нельзя не признать, что съ годами и общество какъ бы притерпѣлось къ висѣлицамъ, и протестъ противъ казней изъ крика души обратился въ отвлеченную проповѣдь. И тутъ, въ самомъ остромъ, пробномъ

Покушеніе на Столыпина.
Послѣдствіе взрыва внѣ дачи министра: остатки экипажа, въ которомъ пріѣхали максималисты.

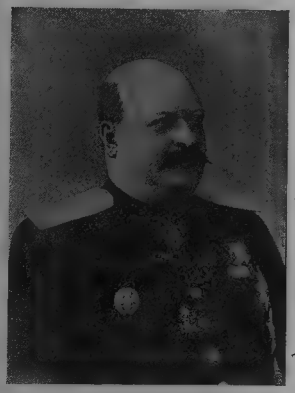
Покушеніе на Столыпина.
Внѣшній видъ дачи Столыпина послѣ взрыва. Въ верхнемъ этажѣ тяжело ранена старшая дочь министра.

Покушеніе на Столыпина.

Внутренній видъ пріемной на дачѣ Столыпина. Одно изъ самыхъ страшныхъ террористическихъ покушеній послѣднихъ лѣтъ; много невинно погибшихъ.

для человѣческой совѣсти, вопросѣ помилованія приговоренныхъ къ смерти, Николай и Столыпинъ оказались достойными другъ друга; своего рода „Робертомъ и Бертрамомъ“. Николаю не хотѣлось получать изо дня въ день просьбы о помилованіи; никому непріятно вѣчное напоминаніе о его порочныхъ привычкахъ. Поэтому онъ сложилъ единственную драгоцѣнность царей — право миловать — на Столыпина, а тотъ былъ такъ жестокъ и грубъ душой, что принялъ это право съ предвзятой мыслью не пользоваться имъ. Вотъ чѣмъ объясняются систематическіе отказы на просьбы безчисленныхъ русскихъ morituri и безнаказанность генералъ-губернаторовъ, введшихъ типическій для русской реакціи институтъ административной казни. Для видимости, каждая просьба о помилованіи совершала циклъ по канцеляріямъ, а Столыпинъ покойно отвѣчалъ на мольбы и запросы, что „не отъ него зависитъ отказъ“. Онъ становился какъ бы наемнымъ убій-

Голова убійцы ген. Лауница.
Неизвѣстный, подосланный Азефомъ, былъ убитъ на мѣстѣ преступленія сабельнымъ ударомъ въ високъ. Потомъ голову положили въ спиртъ и долго выставляли для опознанія.



Гр. А. П. Игнатьевъ,
одинъ изъ главарей „тайнаго“ правительства Николая. Убитъ въ Твери въ 1906 г. во время земскаго собранія Ильинскимъ.

цей, безнаказанность которому гарантировалась. Имѣть во главѣ правленія такой дуумвиратъ — царя и Столыпина, для страны значило быть обреченной на вполнѣ самодовлѣющую реакцію, что она и испытала въ послѣдующіе годы. Лишенная творческихъ силъ, погрязшая въ крови, развратѣ и казнокрадствѣ, реакція эта вносила, à la longue, немалую дозу разложенія и въ далеко отстоявшія общественныя и политическія сферы, и въ этомъ, быть можетъ, лежитъ разгадка и ея жизненности. Всякое движеніе пресса несло съ собой и немедленный эффектъ, въ видѣ ли трупа или сосланнаго, забитаго, оштрафованнаго, и залогъ будущаго, въ видѣ ослабленія всѣхъ связокъ общественнаго организма. Армія начала разлагаться первой, потому

что ея офицеры входили въ полевые трибуналы, а солдаты были постоянными и дешевыми палачами на службѣ этихъ трибуналовъ. Правда, за самими палачами нужно было иногда присматривать; такъ, въ Варшавѣ, потомъ въ Ригѣ, были случаи, когда за разстрѣливающими взводами ставились роты другихъ полковъ, чтобы стрѣлять по своимъ товарищамъ, въ случаѣ отказа ихъ отъ экзекуціи. Въ Варшавѣ вообще казни получили особое развитіе, такъ какъ къ безпощадному мѣстному военному и военно-полевому суду присоединялась еще иниціатива столь же безпощаднаго ген.-губернатора Скалона. Это именно ему, а потомъ московскому ген.-

Погромъ въ Сѣдлецѣ.

Домъ, пробитый артиллерійскимъ снарядомъ, тогда какъ со стороны горожанъ вообще не было ни одного выстрѣла.

Янъ Марковскій,

17 лѣтъ, разстрѣлянный безъ вины и суда въ Люблинѣ. Онъ доказалъ свое alibi, но былъ казненъ, т. к. агентъ охраннаго отдѣленія сказалъ, что онъ „похожъ" на человѣка, стрѣлявшаго въ русскаго чиновника.

губернатору Гершельману, принадлежала счастливая мысль о безсудныхъ казняхъ. По единоличному рѣшенію Скалона, безъ тѣни предварительнаго слѣдствія, казнены были за время его начальствованія шестнадцать человѣкъ. Гершельманъ велѣлъ повѣсить троихъ, отмѣнивъ единоличной властью рѣшеніе полевого суда, коимъ эти люди были приговорены къ каторгѣ. Не это, впрочемъ, удивительно, — реакція такъ же склонна къ эксцессамъ, какъ и революція, — а то, что долго спустя, когда уже и самый пылъ у палачей миновалъ, сенатъ, высшее судилище, цитадель безпристрастія, нашелъ безсудныя казни дѣйствіями закономѣрными. Вотъ — когда реакція принесла худшій изъ ея обычныхъ плодовъ. Но и здѣсь царя не миновала

Погромъ въ Сѣдлецѣ. Въ больницѣ.

Похороны ген. Мина,
командира Семеновскаго полка, убитаго Коноплянниковой на петергофскомъ вокзалѣ осенью 1906 г.

А. Венедиктова,
казненная по подозрѣнію (!) въ участіи въ кронштадскомъ военномъ мятежѣ въ 1906 г., т. к. случайно находилась тамъ въ дни мятежа. Повѣшена беременной.

З. В. Коноплянникова,
убившая ген. Мина; казнена въ 1906 г.

участь самодержцевъ, — отвѣчать морально за всѣхъ мошенниковъ, его окружающихъ. Сенатъ нашелъ, что одинъ изъ параграфовъ исключительнаго положенія даетъ право генералъ-губернатору принимать всякія мѣры, предусмотрѣнныя закономъ, лишь бы о томъ было „извѣстно Его Императорскому Величеству“. Сатрапы дока-

Высѣченная безъ вины.

Спина дѣвушки См., изсѣченная кавалергардскими солдатами безъ всякой причины, въ припадкѣ черносотенной радости. Всѣ остались безнаказанными (1906 г.).

зали, что они своевременно доносили царю, и такимъ образомъ открылся новый видъ убійствъ, небывалый и во времена Ивана Грознаго. За Николаемъ незамѣтно укоренялась кличка „кроваваго“, пока услужливый Пуришкевичъ не закрѣпилъ ее съ думской трибуны.

Тѣмъ временемъ цѣнность человѣческой жизни понижалась съ той же быстротой, какъ и цѣнность государственной ренты. Максимальное наказаніе вызывало

Семеновскій пріемъ.

Групов офицеровъ и нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка съ царской семьей, снятая за недѣлю до убійства командира этого полка, ген. Мина (напрево отъ царя). Солдаты увѣшаны медалями за карательныя дѣйствія въ Москвѣ и на Казанской ж. д. въ декабрѣ 1905 г. Эти знаки отличія часто служили къ бойкоту нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка со стороны частныхъ лицъ и об.ественныхъ учрежденій.

максимализмъ и въ чисто уголовной области; если человѣка казнили за ограбленіе одного рубля, одной бутылки водки (факты), то ужъ лучше было ему запастись парой бомбъ и товарищей и взорвать желѣзнодорожный поѣздъ, банкирскую контору, почту, казначейскую карету и т. п. ... Экспропріаціи стали принимать гомерическіе размѣры, превосходя самое пылкое воображеніе авторовъ уголовныхъ и сыщицкихъ романовъ. Образовались многолюдныя шайки, сплоченныя дисциплиной и богато снабженныя полевыми телефонами, сигнальными аппаратами, чуть ли не оркестрами

Экспропріація на Екатерининскомъ каналѣ въ Петербургѣ.

Одно изъ особенно смѣлыхъ преступленій этого рода. Похищено было около 400.000 руб. казенныхъ суммъ, которые потомъ такъ и не нашлись. Главарь шайки былъ арестованъ и казненъ.

трубачей. Жить или служить на станціяхъ, въ банкахъ и большихъ магазинахъ сдѣлалось такъ же рисковано, какъ въ Техасѣ полвѣка тому назадъ. Къ обычнымъ жертвамъ террора стали присоединяться ни въ чемъ неповинные граждане, пока число ихъ далеко не переросло въ синодикахъ убитыхъ числа служащихъ. Водворялась худшая изъ анархій, и было время, когда даже тѣнь законности исчезла съ лица нѣкогда могущественной имперіи. Буржуазные классы должны были бы первые озлобиться и всецѣло перейти на сторону правительства; можно даже предполагать, что оно било на это, до-нельзя отвлекая полицію большихъ городовъ къ чисто политическимъ функціямъ. Но расчетъ не оправдался. Злоба была на экспропріаторовъ и

Своеобразный отголосокъ экспропріаціи.

Унт.-офиц. Куликовскій пьетъ чарку за здоровіе караула, начальникомъ котораго онъ былъ въ день нападенія экспропріаторовъ на линію Николаевской ж. д. На судѣ было установлено, что устроителями этой экспропріаціи были два агента охраны.

такая же на правительство; ему какъ бы говорили: „Думы, стѣснявшей васъ, нѣтъ; деньги и солдаты есть, законы новые хоть ежедневно издавайте въ порядкѣ 87 статьи основн. законовъ; а гдѣ же порядокъ? Чья жизнь, чья честь, чье имущество обезпечено въ вашемъ царствѣ?“

Съ каждымъ днемъ правительство теряло сторонниковъ, царь—монархистовъ. Съ каждымъ мѣсяцемъ русская промышленность погружалась все глубже и глубже

Вооруженные монахи.
Съ разрѣшенія курскаго епископа, въ виду возможныхъ нападеній съ цѣлью грабежа на Гелинскую пустынь, Курской губерніи, мѣстные монахи вооружены и обмундированы стражниками для охраны во главѣ съ курскимъ епископомъ (въ центрѣ). Вдали видна Гелинская пустынь.

въ полосу кризиса. Съ каждымъ полугодіемъ заботы министра финансовъ возростали, преддумскій заемъ таялъ въ карательныхъ отрядахъ, ген.-губернаторствахъ, черносотенныхъ субсидіяхъ и тому под. „полезныхъ“ для государства мѣропріятіяхъ. Но ни курсъ бумагъ, ни остановка жизни не страшили такъ правительство, какъ организованность оппозиціи. И самыя ухищренныя мѣры принимались къ ея распиленію Во время Думы обострению отношеній между кадетами и соц.-демократами много способствовали Азефъ и его товарищи по двойной службѣ — Николаю и революціи.

Послѣ Думы пригодились исключительные законы, снова загнавшіе въ подполье все, что стояло лѣвѣе кадетъ. Кадетъ же изгоняли систематически отовсюду, чуть не съ частной даже службы. Въ результатѣ усиленная травля и привела къ тому, что оппозиція разбилась, разбрелась по своимъ угламъ, занялась домашними дѣлами, притаилась до лучшаго времени. Вышло, что разлагавшееся правительство было крѣпче организовано разлагавшейся общественной массы, что сила его была въ безсиліи на-

Экспропріаторъ Савицкій съ товарищами.

Савицкій, воспитанникъ реальнаго училища, былъ однимъ изъ богато одаренныхъ людей, инициатива которыхъ въ странахъ, подобныхъ Россіи, направляется дурно. Его поразительная экспропріаторская практика сдѣлала Савицкаго легендарнымъ героемъ народныхъ разсказовъ. Онъ подвергалъ ограбленію только богатыхъ, а бѣднымъ и угнетеннымъ помогалъ всячески, и простой народъ смотрѣлъ на него, какъ на своего защитника, любилъ и укрывалъ его. Убитъ былъ полиціей, долго тщетно за нимъ гнавшейся, вслѣдствіе измѣны одного изъ членовъ шайки.

рода. Рабочіе круги, всегда шедшіе въ первыхъ рядахъ освободительной арміи, были разочарованы въ своихъ вождяхъ, скомпрометировавшихъ себя со времени повторныхъ мятежей; какъ послѣдніе, стачки потеряли сцѣпленіе, сдѣлались случайными. Армія революціи разбивалась на партизанскіе отряды, и шайка чиновниковъ разбивала ихъ поочередно, все болѣе опьяняясь побѣдой, все глубже запуская щупальцы репрессіи. Съ подлинной же арміей начиналось сверху небывалое еще заигрываніе. Не говоря уже о матерьяльныхъ подачкахъ, — улучшеніи пищи, одежды, казармъ, или о

смягченіи условій службы, но и въ самомъ отношеніи начальства и особенно царя сказалась яркая перемѣна. Все дѣлалось открыто съ цинизмомъ людей, прижатыхъ нуждою къ стѣнѣ. Части гвардіи вызывались одна за другой въ царскую резиденцію; Николай выходилъ къ солдатамъ, неизмѣнно неся на рукахъ наслѣдника; продѣлывая весь ритуалъ взбадриванія патріотическихъ чувствъ, передавая малютку на руки какого нибудь стараго вахмистра, снимаясь въ общей группѣ съ офицерами, угощая

Адская машина въ Тифлисѣ. Взрывъ на Армянскомъ базарѣ. Картина разрушенія.

солдатъ чаемъ. Одновременно изобрѣтались для нихъ всевозможные жетоны, медали, крестики и другіе знаки отличія, всегда — за подавленіе чего нибудь. Наконецъ, совершенно отмякнувъ душой при видѣ семеновцевъ, отъ которыхъ единодушно отвращались взоры его подданныхъ, царь воскликнулъ, въ концѣ своего обращенія къ нимъ:

„Семеновцы! Дорогіе мои!!!“

Семеновцы должны были прослезиться; но, мѣсяцъ спустя, офицеры этого полка увѣряли, что не только пропаганда среди ихъ солдатъ существуетъ, но и пре-

дотвратить ее они безсильны. Нѣсколько позднѣе, командиръ этого полка, Минъ' былъ убитъ Коноплянниковой.

Такимъ образомъ и здѣсь не было ничего вѣрнаго, анархія доползла до самого трона, а Россія съ ея генералъ-губернаторствами переходила, въ сущности, къ федеральному строю. Все запуталось, закружилось въ бѣшенномъ вихрѣ беззаконія и репрессій.

Ген. Гершельманъ,
московскій ген.-губернаторъ и палачъ, приказывавшій казнить людей безъ суда. Любимецъ царя, противъ котораго и Столыпинъ ничего не могъ сдѣлать. Покушеніе на Г. не удалось.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ.

Выборы во вторую Думу. — Сенатскія разъясненія. — Переходъ къ „европейскимъ" порядкамъ. — Открытое давленіе администраціи обличается повальнымъ устраненіемъ прогрессивныхъ кандидатовъ. — „Выборжцы". — Составъ ихъ преступленія. — Снятіе бойкота съ Думы лѣвыми партіями и одновременное обостреніе отношенія ихъ къ кадетамъ. — Почему всѣ нападали на кадетъ. — Результатъ выборовъ. — Дума лѣвѣетъ. — Безнадежное положеніе чиновничества.

Распуская Государственную Думу, правительство прекрасно сознавало, что настроеніе избирательной массы не можетъ сколько нибудь замѣтно измѣниться; а послѣдовавшія за симъ событія указали, что если и произошло измѣненіе, то въ сторону радикализма. Между тѣмъ, въ манифестѣ 9-го іюля царь обязывался созвать

Съѣздъ к.-д. въ Гельсингфорсѣ.
Татаринъ Максудовъ произноситъ рѣчь на французскомъ языкѣ въ отвѣтъ на привѣтствіе представителя гельсингфорскаго университета, Мандельштама, на к.-д. съѣздѣ въ ноябрѣ 1906 г.

Съѣ дъ к.-д. въ Гельсингфорсѣ.
Залъ засѣданій к.-д. съѣзда въ ноябрѣ 1906 г., въ домѣ Ньюландскаго студенчества, въ Гельсингфорсѣ, гдѣ к.-д. были радушно принимаемы населеніемъ столицы Финляндіи.

вторую Думу по старому избирательному закону и, при всей беззастѣнчивости чиновничества, неудобно было мѣнять этотъ законъ безъ особаго повода. Перспектива получить еще болѣе оппозиціонную Думу улыбалась тѣмъ менѣе, что въ періодъ бездумья правительство опять начало привыкать къ самовласти и безконтрольности, и впереди какъ бы свѣтился уже отрадный идеалъ — реставрація самодержавія.

Прославившаяся пепельница.

Послѣ разгона первой Думы полиція жестоко штрафовала к.-д. за всякое собраніе. Такъ былъ оштрафованъ на 1000 рублей адвокатъ Н. Е. Кедринъ, имущество котораго за невзносъ штрафа было описано и назначено въ продажу. За пепельницу, шедшую при аукціонѣ первой вещью, кн. Бебутовъ далъ 1001 рубль; послѣ этого штрафовать стѣснялись, положеніе администраціи стало смѣшнымъ.

Нужно было изобрѣсти коррективъ къ старому избирательному закону, а за такими изобрѣтеніями дѣло въ Петербургѣ никогда не стояло. Несмотря на царское же обѣщаніе — расширять кругъ избирателей пониженіемъ цензовыхъ требованій и введеніемъ въ политическую жизнь новыхъ классовъ населенія, кабинетъ Столыпина вошелъ въ соглашеніе съ сенатомъ, и это продажное учрежденіе охотно приняло на себя роль, которой въ благоустроенномъ государствѣ погнушилась бы сыщицкая контора. Сенатъ взялся „разъяснять“ избирательный законъ; и вотъ сотни тысячъ изби-

Выборгскій процессъ.
Члены первой Думы во главѣ съ С А. Муромцевымъ наканунѣ процесса сбсуждаютъ въ к.-д. клубѣ способъ защиты.

Выборгскій процессъ.

Члены трудовой группы и соц.-демокр. фракціи первой Гос. Думы съ ихъ защитниками. Въ центрѣ группы сидятъ: прис. повѣренные Н. Д. Соколовъ и В. Я. де-Планконъ. За ними стоятъ обвиняемые: прис. пов. Луниъ и грузинскій депутатъ Рамишвили.

Выборгскій процессъ.
Группа защитниковъ. Въ центрѣ сидятъ: Тесленко, Маклаковъ и Пергаментъ.

Выборгскій процессъ.

Первый день суда. Предсѣдатель — Крашенниковъ, дѣлавшій карьеру на политическихъ процессахъ. Налѣво отъ него сословные представители: гр. Гудовичъ, предводитель дворянства Петерб. губ., тов. городск. головы Чагинъ и волостной старшина (всѣ трое подали голоса за оправданіе).

Выборгскій процессъ.

Обвинитель, прокуроръ Зибертъ. За успѣшное проведеніе процесса ему было обѣщано мѣсто въ Петербургѣ; привычный алкоголикъ, въ состояніи запоя стрѣлявшій изъ пистолета по людямъ, принимая послѣднихъ за привидѣнія По наущенію Камышанскаго, началъ рѣчь съ анекдота о томъ, будто бы Муромцевъ открылъ въ Выборгѣ засѣданіе словами: „Засѣданіе Гос. Думы продолжается". Остановленный криками: „ложь, неправда!", сбился съ тона, скомкалъ рѣчь и мѣста не получилъ.

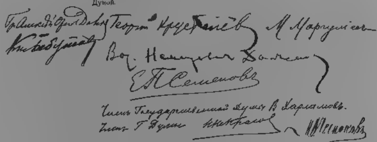
Выборгскій процессъ.

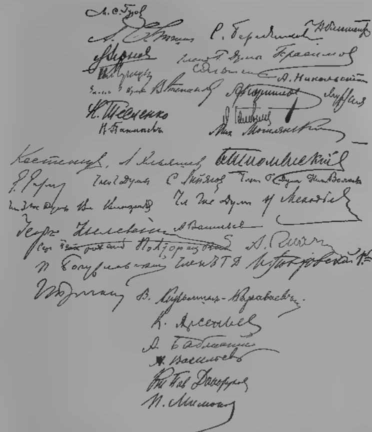
Члены первой Думы во дворѣ петербургскаго суда, въ одинъ изъ дней Выборгскаго процесса: М. И. Петрункевичъ, Винаверъ, Жилкинъ, Бородинъ, Ломшаковъ, Шефтель, Брамсонъ.

Депутатамъ Первой Думы, вышедшимъ изъ тюрьмы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разорвавъ оковы вѣкового гнета, русскій народъ возложилъ на Васъ великую отвѣтственность представительства своихъ интересовъ, защиты своихъ правъ, созданія правовыхъ условій своего существованія и развитія. Вы бодро вняли призыву своего народа и смѣло пошли на служеніе лучшимъ началамъ права и свободы. Истомившаяся, истосковавшаяся по правдѣ страна напутствовала Васъ благословеніемъ, провожала Васъ съ тревогой и надеждой. Старая Россія, казалось, умерла. Прочное основаніе будущаго правового строя казалось заложено — создана законодательная Дума, свѣтлый залогъ свѣтлаго будущаго, радостный символъ новой Россіи, къ которому всегда въ пестрой смѣнѣ грядущихъ событій будетъ возвращаться мысль и чувство русскаго народа. Но въ глухой борьбѣ прошлаго съ новыми теченіями жизни Васъ временно одолѣло тяжелое наслѣдіе стараго строя поколебленной, но не умершей еще, подневольной Россіи. Вы сдѣлали послѣднее усиліе, оно привело Васъ въ тюрьму.

Твердо вѣря въ торжество тѣхъ началъ, которыя начертаны на знамени освобождающагося народа, тѣхъ началъ, которымъ служили Вы, первые русскіе народные избранники, горячо привѣтствуемъ Ваше возвращеніе къ служенію дорогимъ и безсмертнымъ началамъ свободы, вѣря, что въ совмѣстной работѣ съ Вами Русскій народъ съумѣетъ осуществить дорогіе завѣты, завѣщанные Первой Государственной Думой.





Адресъ, поднесенный выборжцамъ,

осужденнымъ за воззваніе къ народу, послѣ выхода изъ тюремъ. Одинъ изъ многихъ листовъ съ подписями.

Выборжцы, отбывавшіе заключеніе въ московской тюрьмѣ,
наканунѣ заключенія, у А. Р. Ледницкаго (слѣва направо): Нечаевъ, Садиринъ, Лебедевъ, Якушкинъ, кн. Урусовъ, Шершеневичъ, Муромцевъ, Кокошкинъ, Коммиссаровъ, Иваницкій и кн. П. Долгоруковъ.

Выборжцы въ тюрьмѣ.
Корпусъ петербургской тюрьмы „Кресты", въ верхнемъ этажѣ котораго отбывали заключеніе члены первой Гос. Думы за выборгское воззваніе.

рателей полетѣли изъ списковъ, какъ пыль подъ щеткой усерднаго лякея; вмѣсто расширенія праѣ. получилось планомѣрное сокращеніе демократическаго избирательскаго слоя и соотвѣтственное усиленіе дворянско-помѣстнаго. Всѣхъ „разъяснили“, и русскій языкъ обогатился новымъ словомъ, означавшимъ отнынѣ всякое изгнаніе, увольненіе отъ службы и т. под. бѣды. Шулерскій пріемъ былъ употребленъ въ удачный моментъ, — протесты общества были платоничны, не представлялось вѣдь никакихъ средствъ парализовать дѣйствіе сенатскихъ разъясненій. Отсюда переки-

Выборжцы въ тюрьмѣ.

Члены первой Думы садятся въ тюрьму въ Петербургѣ. Фонъ-Рутценъ, М. Петрункевичъ, Протопоповъ.

дывался мостъ къ тѣмъ „европейскимъ“ порядкамъ, о которыхъ съ такой завистливой досадой писалъ Николай въ своей помѣткѣ на Виттевской просьбѣ объ отставкѣ. Нечего было даже инструировать губернаторовъ и предсѣдателей кассаціонныхъ избирательныхъ инстанцій; какъ оголодавшая стая гончихъ, они и сами накинулись на избирателей, забывъ всѣ охотничьи правила, хватая зубами направо и налѣво, нагло издѣваясь надъ самыми ясными указаніями закона. Привычное сервилистическое ухо ловило съ полуслова, съ простого намека угодное въ Царскомъ Селѣ, и царь покрывалъ своей мантіей новое беззаконіе, какъ дѣлалъ это неоднократно и до, и послѣ періода бездумья. Ему и въ самомъ дѣлѣ казалось, что онъ наводитъ европейскіе порядки, но они столь же напоминали Европу, сколько водка, ввозимая къ

дикарямъ, является цивилизующимъ факторомъ въ рукахъ авантюристовъ и купцовъ. Дикарями были, понятно, администраторы, такъ какъ народъ прекрасно понималъ свои интересы и еще въ первую избирательную кампанію показалъ себя достаточно зрѣлымъ для использованія благъ представительнаго строя. Открытое давленіе правительства облегчалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что наиболѣе опасные кандидаты въ Думу были устранены отъ выборовъ, какъ привлеченные къ суду за выборгское воззваніе. Эсли откинуть сто крестьянскихъ депутатовъ да тридцать

Выборжцы въ тюремномъ заключеніи.
Жены депутатовъ Протопопова и фонъ-Рутцена и предсѣдатель к.-д. клуба подъ воротами тюрьмы „Кресты" въ ожиданіи свиданія съ заключенными за выборгское воззваніе.

„польскаго кола", тактика которыхъ заранѣе была извѣстна и безвредна, то двѣ сотни кадетскаго большинства являли собой такую силу, противъ которой и сенатскія разъясненія оказались бы безсильными, еслибъ не пришелъ на помощь выборгскій процессъ. Правда, неуспѣхъ воззванія давалъ въ руки лѣвыхъ партій, бойкотировавшихъ первую Думу, солидный козырь для избирательной борьбы; но увеличеніе радикальнаго крыла Думы не могло входить въ разсчеты Столыпина, и для него легче было пойти на рискъ, — уничтожить центръ за счетъ усиленія фланговъ, изъ коихъ одинъ, правый, былъ бы на сторонѣ правительства. Здѣсь не мѣсто для разбора степени основательности привлеченія авторовъ выборгскаго воззванія къ суду. И въ

спеціальной, и въ общей прессѣ достаточно убѣдительно было доказано, что за преступленіе, совершенное на финляндской территоріи, нельзя было судить на русской. Наконецъ отсутствовалъ и corpus delicti — оригиналъ воззванія (хранящійся, впрочемъ, и теперь на самомъ виду правительства весьма просто), и были только неясныя указанія на распространеніе воззванія двумя, тремя депутатами. Организовать при такихъ условіяхъ судилище было нелегко даже и для Щегловитова, похва-

Выборжцы въ московской тюрьмѣ.
Одна изъ камеръ московской тюрьмы, гдѣ отбывали наказаніе за Выборгское воззваніе депутаты, фамиліи которыхъ здѣсь значатся. Длина 5 аршинъ, ширина 3.

лявшагося съ думской трибуны необязательностью для него законовъ. Съ трудомъ подыскали слѣдователя, согласившагося вести слѣдствіе, и, такъ какъ онъ былъ въ отпуску, написали приказы заднимъ числомъ. Изъ провинціальнаго суда пригласили алкоголика-прокурора Зиберта, которому обѣщали мѣсто въ Петербургѣ, если онъ возьмется обвинять выборжцевъ. Одинъ предсѣдатель судебной палаты, Крашенниковъ, готовъ былъ отъ души приняться за остатки перваго парламента, угнетенный

тѣмъ, что кое-кто изъ его семейныхъ былъ осужденъ за политическія преступленія. На депутатахъ вымещалась досада за семейныя неурядицы, и это было еще единственнымъ объяснимымъ мотивомъ; во всемъ остальномъ дѣло шло подъ открытымъ флагомъ произвола и политическаго расчета, обманувшаго, впрочемъ, относительно исхода выборовъ во вторую Думу.

На самомъ процессѣ мы больше не останавливаемся и возвращаемся къ вы-

Та же камера.
У двери, въ углу, т. н. „параша".

борамъ. Для крайнихъ лѣвыхъ урокъ, данный бойкотированіемъ первой Думы, не пропалъ даромъ. Хотя политика правительства, создавшаго вокругъ бывшихъ депутатовъ ореолъ страданія, и не позволяла использовать лѣвымъ промаха, сдѣланнаго воззваніемъ, они не могли не разсчитывать, что радикальные взгляды должны были быть еще очень живы въ неуспокоившихся рабочихъ массахъ. И дѣйствительно, соц.-демократы, снявъ бойкотъ съ Думы, получили тамъ значительно большее число мѣстъ, нежели при выборахъ въ первую. Побѣда не могла быть истолкована, какъ результатъ паденія кадетскаго престижа, и объяснялась вышеуказанными дѣйствіями прави-

тельства. Но и лѣвымъ, и правымъ хотѣлось выставить ее именно въ такомъ свѣтѣ; поэтому отношеніе къ кадетской программѣ начало такъ же быстро и неосновательно обостряться, какъ и отношеніе къ кадетской тактикѣ. Между тѣмъ, если и былъ драматизмъ въ этой стадіи освободительнаго движенія, то онъ заключался не въ соотвѣтствіи программы и тактики прогрессивнаго интеллигентскаго большинства, а именно въ ихъ п р о т и в о р ѣ ч і и. Правительство было по своему право въ своей злобѣ, ибо программа была жизненна, гарантировала тотъ Existenzminimum политическаго существованія, который одновременно былъ моральнымъ ядомъ для чиновническаго строя. Мѣры его поэтому сводились не къ тому, чтобы ослабить кадетскую тактику,

Выходъ изъ „Крестовъ“ членовъ первой Думы,

сидѣвшихъ за выборгское воззваніе. Корреспонденты, опоздавшіе къ выпуску депутатовъ, интервьюируютъ единственнаго его свидѣтеля кн. Бебутова, успѣвшаго еще застигнуть депутатовъ, которыхъ полиція начала выпускать въ 6 час. утра по одиночкѣ, чтобы избѣгнуть демонстрацій. Напр.во стоитъ членъ второй Думы Юреневъ, налѣво М. Зензиновъ.

а уничтожить, по возможности, самую партію. Съ другой стороны, лѣвые должны были бы радоваться слабости кадетской тактики, обезцѣнивавшей достоинства программы; но они предпочитали нападать на программу, невольно выдавая этимъ свое слабое мѣсто; опять же оказывалось, что требованія кадетъ были минимальны, осуществимы и должны были популяризироваться съ каждымъ новымъ промахомъ справа и слѣва Правило — „минимумъ программы и максимумъ тактики“ выполнялось въ это время однимъ правительствомъ, — программы не было никакой, а казни учащались съ каждымъ днемъ. Въ борьбѣ Столыпина съ революціей кадеты были непріятными свидѣтелями; да, впрочемъ, обѣ стороны начинали въ то время сознавать, что результатомъ ихъ борьбы только и можетъ быть взаимоуничтоженіе, и что, хотя бы и

Банкетъ въ честь „выборжцевъ“
по выходѣ ихъ изъ петербургской тюрьмы, въ помѣщеніи к.-д. клуба. Предсѣдательствуютъ кн. Бебутовъ, М. П. Ѳедоровъ и Водовозовъ.

Члены второй Думы отъ г. Петербурга вмѣстѣ съ выборщиками:
1. Кутлеръ, 2. I. Гессенъ, 3. Струве, 4. Ѳедоровъ, 5. Родичевъ.

временно, но опустѣвшимъ полемъ овладѣютъ тѣ умѣренные общественные круги, мимо которыхъ на верхнюю ступень государственнаго развитія все равно не пройти. Очевидно, что ненависть къ людямъ, не принимавшимъ участія въ бою и начинавшимъ покойно выжидать его исхода, должна была усилиться.

Такимъ образомъ, черезъ всю эпоху бездумья проходитъ доминирующая цѣль — ослабить, распилить мирную оппозицію; а непокорную легко было донять арміей и полевыми судами.

Результаты выборовъ во вторую Думу были для правительства, пожалуй, еще болѣе неожиданными, нежели въ первую. Дума рѣзко полѣвѣла. Исключенные изъ

Центральный комитетъ партіи мирнаго обновленія,

основанной послѣ разгона первой Думы. Стоятъ (слѣва): Янчевскій, гр. Бенингсенъ, Дементьевъ, И. Н. Коковцевъ, П. Рябушинскій. Сидятъ (слѣва): А. Вишняковъ, М. Стаховичъ, Д. Шиповъ, гр. Гейденъ, Байдакъ, Ефремовъ, Н. Львовъ, кн. Е. Трубецкой. Партія оказалась нежизнеспособной, какъ и самая идея мирнаго обновленія при наличности бѣлаго террора.

избирательныхъ списковъ умѣренно-либеральные члены бывшихъ „Союза Освобожденія“ и земскихъ съѣздовъ, замѣнены были менѣе извѣстными, но болѣе радикальными представителями образованной демократіи. Рабочіе, впервые участвовавшіе въ кампаніи, торопились наверстать упущенное въ 1906 г. и послали самыхъ махровыхъ представителей россійскаго соціализма, — превосходный матерьялъ для провокаціи Азефовъ. Съ Кавказа снова пріѣхали революціонеры. Партія народной свободы была отброшена въ залѣ засѣданій вправо и очутилась въ незавидномъ сосѣдствѣ съ правыми, среди которыхъ чернѣли фигуры Пуришкевича, Крушевана и др. представителей черносотенства, столь прославившагося потомъ своей тактикой въ третьей Думѣ.

Можно было расчитывать на рядъ скандаловъ, на разслоеніе голосовъ при обсужденіи злободневныхъ запросовъ, но на совмѣстную работу съ этой Думой правительство было еще менѣе способно, нежели съ первой. Впрочемъ, миѳъ объ этой „совмѣстной работѣ“ былъ давно разсѣянъ. Болѣе откровенные люди изъ правительственнаго лагеря сами не скрывали этого. Такъ, Гурляндъ, способный и честолюбивый, но совершенно безпринципный человѣкъ, изъ профессоровъ Ярославскаго лицея попавшій въ редакторы оффиціальной „Россіи“, самъ говорилъ:

„Какая тамъ совмѣстная работа! Ни бюрократизмъ, ни царь не могутъ существовать одновременно съ Думами; кто-нибудь долженъ уступить путь, погибнуть въ борьбѣ; я хорошо знаю, что погибнутъ, въ концѣ концовъ, мои хозяева, но я нанялся ихъ защищать и сдѣлаю все возможное, чтобы продлить дни ихъ жизни“.

Бывшій провокаторъ Зубатовъ говорилъ о томъ же строѣ: „Эхъ, еслибъ не нужда въ пенсіи, я бы поразсказалъ хорошаго про всѣхъ этихъ господъ!“

Когда нибудь и онъ, и Азефъ, подобно жандармскому генералу Новицкому, и разскажутъ намъ о намѣреніяхъ, планахъ и идеалахъ тѣхъ самихъ лицъ, что продолжали еще дѣлать пріятныя улыбки россійской конституціи и готовились нынѣ предстать предъ народными представителями, привезшими съ мѣстъ въ Таврическій дворецъ все ту же ненависть къ абсолютизму, все то же недовѣріе къ бюрократіи, которыя стали традиціонными съ эпохи восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРАЯ.

Вторая Дума. — Начало эры парламентскихъ скандаловъ. — Ихъ подкладка и вдохновители. — Субсидированіе скандалистовъ. — 10-ти милліонный фондъ. — Прошлое нѣкоторыхъ скандалистовъ. — Зурабовскій инцидентъ — Придирка правительства и союзниковъ. — Открытая подготовка разгона. — Созданіе легенды о заговорѣ противъ царя. — Разгонъ. — Конфузъ правительства. — Торжество черныхъ сотенъ. — Народъ безмолвствуетъ. — Переворотъ 3-го іюня 1907 г. — Новое положеніе о Думѣ. — Наивность правящихъ.

Уже первое засѣданіе второй Думы давало представленіе о будущей ея физіономіи. Предсѣдатель Головинъ собралъ 356 голосовъ изъ 458, — правые почувствовали свою силу. Эру скандаловъ открыли, однако, не люди, а самъ Таврическій дворецъ. Словно въ отчаяніи отъ созерцанія происшедшей съ Думой перемѣны, потолокъ залы засѣданій рухнулъ, въ самоубійственномъ порывѣ, незадолго до четвертаго засѣданія парламента, вся короткая жизнь коего была рядомъ проваловъ. По суровой иронiи судьбы были размозжены мѣста оппозиціи, преимущественно кадетъ; но только въ пылу негодованія можно было заподозрѣть здѣсь, какъ сдѣлали иные изъ членовъ Думы, адское покушеніе на жизнь оппозиціи, которая еще не расписывалась устами своего лидера, Милюкова, въ своихъ чувствахъ къ Его Величеству, а была оппозиціей Николаю и его министрамъ.

Дума горячо принялась за дѣло. Продовольственный вопросъ, помощь голодающимъ, законопроектъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ, аграрное законодательное предложеніе, роспись государственная и другія неотложныя дѣла были одновременно пущены въ ходъ; но какъ разъ работоспособность парламента и не нравилась правительству. Не будучи въ состояніи конкурировать съ нимъ на этомъ поприщѣ, кабинетъ изыскалъ лучшее приложеніе своимъ дѣйствительнымъ наклонностямъ и занялся наускиваньемъ крайнихъ фракцій противъ центра. Интерпелляціи давали для этого богатую почву. Безсудныя казни, совершенныя московскимъ ген.-губернаторомъ Гершельманомъ, избіенія въ Акатуйской каторжной тюрьмѣ, насилія надъ мирными гражданами въ Камышинѣ, Ланчхутахъ и другихъ городахъ, наконецъ избіеніе депутата Сигова и многихъ другихъ въ г. Красноуфимскѣ, — все это были

охапки жару, который подбрасывался кочегарами правительства подъ ненавистный ему котелъ парламентаризма, чтобы онъ скорѣе взорвался. Истязанія въ рижской тюрьмѣ, приведенія къ разстрѣлу солдатами заключенныхъ въ камерахъ арестантовъ, причемъ ружья покойно просовывались въ рѣшетки дверей, за которыми въ паническомъ страхѣ жались заключенные, дало поводъ царю написать на докладѣ министра:

„Молодцы конвойные не растерялись".

Подобныя выходки не могли не вліять еще болѣе раздражающе на общую

День открытія второй Думы.
У Таврическаго дворца.

атмосферу, и это было только выгодно Столыпину и солидарной съ нимъ камарильѣ. Подогрѣвали всякаго сообразно съ его темпераментомъ. На засѣданіяхъ крайнихъ лѣвыхъ ораторствовалъ Азефъ, издѣваясь въ душѣ надъ наивностью аудиторіи и ея бездарнаго лидера, деп. Алексинскаго; крайнихъ правыхъ можно было купить за деньги и субсидіи, которыя подъ разными видами давались и обѣщались щедрой рукой. Фондъ, „употребленіе коего извѣстно Его Величеству", какъ говорится въ легальномъ титулѣ росписи, былъ теперь производительнѣе расходуемъ, нежели раньше, когда изъ него черпали одни дворцовые и министерскіе проходимцы. Впрочемъ, ихъ думскіе конкурренты не были церемонны; прошлое многихъ изъ нихъ соприкасалось съ уголовнымъ кодексомъ, другихъ бивали по физіономіямъ, третьи только что оставили казнокрадство. Такимъ людямъ не было ни малѣйшаго дѣла

Открытіе второй Гос. Думы членомъ Гос. Совѣта Голубевымъ.
Госуд. Секретарь читаетъ статьи законовъ. На переднемъ планѣ спины министровъ; вверху новыя трибуны для публики.

Президіумъ второй Гос. Думы въ кабинетѣ предсѣдателя.

Обвалъ потолка Таврическаго дворца.

Обвалившійся за два часа до засѣданія потолокъ залы засѣданій второй Гос. Думы. Особенно пострадали бы к.-д. и лѣвые. Потолокъ былъ плохъ еще при первой Думѣ; огромная ремонтная сумма была, какъ всегда, наполовину разворована придворными архитекторами и подрядчиками.

После ... потолка.
Засѣданіе второй Гос. Думы послѣ обвала потолка въ Таврическомъ дворцѣ. Сто... объясненія по этому поводу. Засѣданіе происходитъ въ залѣ Дворянскаго Собранія

ни до достоинства Государственной Думы, ни до народнаго блага, ни даже до здраваго смысла, не оставляющаго ни одного вора и разбойника на рискованной работѣ. Здѣсь рискъ отсутствовалъ, и это разнуздывало самые низменные инстинкты. Дума впервые должна была примѣнять 38 ст. „Учрежд. Гос. Думы“ къ зарывавшимся скандалистамъ; такъ были удалены изъ залы засѣданій депутаты Пуришкевичъ, Келеповскій, Сазоновичъ сразу на 15 засѣданій; но Дума не одерживала такими мѣрами побѣдъ; напротивъ, она рубила сукъ, на которомъ держалась. Ее подстерегали на

Кн. Пав. Долгоруковъ,

членъ 2-ой Гос. Думы и извѣстный общественный и политическій дѣятель.

Г. А. Алексинскій,

лидеръ с.-д. фракціи второй Гос Думы, непримиримый врагъ правительства и близорукій политикъ, бывшій plus royaliste que le roi — Марксъ; нынѣ эмигрировалъ и потерялъ, вмѣстѣ съ партіей, вліяніе на ходъ освободительнаго движенія.

каждомъ шагу; и когда депутатъ Зурабовъ позволилъ себѣ въ закрытомъ засѣданіи неуважительно отозваться объ арміи, правые и министерство подняли шумъ, явно бившій на рѣзкій рефлексъ думскаго большинства и разгонъ. Въ сущности, извиненіе, достаточно унизительное для Думы и принесенное ея предсѣдателемъ военному министру, было уже началомъ конца ея. Въ дальнѣйшемъ можно было почти не считаться съ Думой, и оставалось только подготовить мотивъ къ роспуску, не повторивъ ошибокъ, совершенныхъ „по неопытности“ въ іюлѣ 1906 г.

Въ началѣ мая, среди разгара преній по аграрному вопросу, начинаютъ носиться слухи о якобы раскрытомъ заговорѣ на жизнь царя. Слухи крѣпнутъ, проникаютъ въ Думу, и 7-го мая 33 депутата вносятъ запросъ по этому поводу; Дума

Крестьяне, депутаты второй Думы, у себя дома въ Петербургѣ.

Польскіе крестьяне, члены второй Гос. Думы, у себя дома.

послѣ неопредѣленнаго (не все еще готово было) отвѣта Столыпина переходитъ къ очереднымъ дѣламъ. Въ тотъ же день она принимаетъ запросъ объ обыскѣ въ квартирѣ члена Думы Озоля и арестѣ его, и съ тѣхъ поръ всякое спокойствіе исчезаетъ изъ Таврическаго дворца. Сознаніе безпомощности передъ надвигающейся провокаціей обезоруживаетъ самыхъ стойкихъ оптимистовъ. А тутъ, словно на смѣхъ, начинаютъ проявлять разрушительную иниціативу и такіе элементы, которые раньше

БИБЛИОТЕКА ЦК ВКП(б) ИСТПАРТА

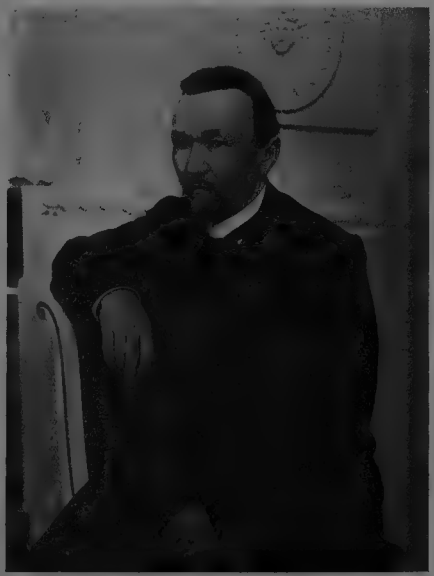
Членъ второй Думы Зурабовъ,
извѣстный по рѣчи въ закрытомъ засѣданіи о контингентѣ новобранцевъ; его слова объ арміи едва не послужили поводомъ къ роспуску Думы. Снятъ на думской трибунѣ.

робѣли выступать. Въ половинѣ мая всѣ священники, члены лѣвыхъ фракцій, получили предписаніе своего начальства выйти изъ состава этихъ фракцій. Это неслыханное издѣвательство надъ правами депутатовъ служило лучшимъ показателемъ непрочности Думы, и она ровно ничего не прибавила къ своему существованію тѣмъ, что въ тотъ же день, когда признала предложеніе синода не подлежащимъ своему разсмотрѣнію, выразила такъ долго вынуждавшееся у нея порицаніе политическимъ убійствамъ и террору.

Тѣмъ временемъ правительство какъ бы нарочно подсовывало Думѣ законопроекты, бившіе въ самыя больныя мѣста русской жизни и завѣдомо непріемлемые.

Группа мусульманъ депутатовъ второй Гос. Думы.

Такъ, въ половинѣ мая Дума должна была обсуждать законопроектъ объ отвѣтственности за восхваленіе преступныхъ дѣяній въ рѣчи и печати; нѣсколько дней спустя — объ усиленіи отвѣтственности за распространеніе среди войскъ противоправительственныхъ ученій и сужденій и т. д. Дума отклоняла такіе проекты, раздражая сферы и какъ бы понуждая ихъ скорѣе приступить къ намѣченному разгону. И вотъ, 1-го іюня Столыпинъ требуетъ закрытаго засѣданія, въ которомъ предлагаетъ Думѣ ни много ни мало, какъ немедленно устранить всѣхъ членовъ соц.-демократической фракціи, а шестнадцать изъ нихъ разрѣшить немедленно арестовать. Здѣсь



Докторъ Караваевъ,
лидеръ трудовой группы второй Думы. Убитъ въ Екатеринославѣ во время выборовъ въ третью Думу, по наущенію мѣстныхъ черносотенныхъ кандидатовъ въ Думу.

снова Столыпинъ показалъ себя во весь ростъ; онъ прекрасно зналъ, насколько эфемерно все дѣло о заговорѣ на царя, и кто стоялъ во главѣ этой жалкой провокаціи, — все тотъ же Азефъ; мало того, въ рукахъ министра давно уже находился новый избирательный законъ, который нельзя же было составить за одинъ день до опубликованія (3-го іюня). Словомъ, Дума была просто схвачена за горло и задушена, какъ проѣзжій на большой дорогѣ — разбойниками. При такихъ условіяхъ можно ли было ожидать, чтобъ она выдала часть своихъ членовъ? Это было бы и безполезно, какъ безполезно ожидать пощады грабителя, вынужденнаго убійствомъ замести слѣды преступленія. Дума снова показала полную лойяльность, передавъ требованіе правительства въ коммиссію и давъ ей самый краткій срокъ для отвѣта.

Соц.-революціонная фракція второй Гос. Думы.
Поражаютъ ея численность сравнительно съ первой Думой и возрастной цензъ членовъ.

Трудовая группа второй Гос. Думы.
Въ первомъ ряду докторъ Караваевъ (×), вскорѣ убитый въ г. Екатеринославѣ черной сотней. Дѣло замято судебной властью въ виду выяснившагося участія въ убійствѣ видныхъ представителей реакціи.

Священники Григорій Петровъ и Конст. Колокольниковъ (к.-д. и с.-р.), члены второй Думы, нынѣ лишенные сана.

Но царь не сталъ дожидаться отвѣта, и 3-го іюня однимъ махомъ разогналъ Думу и обнародовалъ новый избирательный законъ, бывшій, по признанію самихъ оффиціозовъ, государственнымъ переворотомъ. Какъ всегда, наряду съ откровенными дѣйствіями — нарушеніемъ слова, даннаго 17-го октября и торжественно подкрѣпленнаго 9-го іюля 1906 г., въ манифестѣ красовалась и ложь, и столько же неумная, сколько и ненужная, о причинахъ роспуска второго парламента.

Но громкія фразы о покушеніи на драгоцѣнную жизнь монарха рѣшительно никого не умиляли; монархическій принципъ рушился въ народѣ еще со времени

Бессарабскіе черносотенные депутаты.

Члены второй Гос. Думы отъ Бессарабской губ., гнѣзда черносотенцевъ и скандалистовъ 2-ой и 3-ей Думъ. Сидятъ (слѣва): Пуришкевичъ, Крупенскій, Демяновичъ, Синадино, Крушеванъ — всѣ неоднократно отличались дикими выходками и стремленіемъ къ кулачной расправѣ съ политическими противниками.

первой Думы; народъ, какъ неорганизованная масса, не выступалъ и теперь активно, сознавая силу административнаго и военнаго аппарата и безсиліе оппозиціи. Ликовали одни черносотенные журналы, обязанные къ тому субсидіями или замаскированными подачками.

Правительство настолько было наивно въ подготовкѣ и выполненіи переворота, что не озаботилось даже о муссированіи народной радости по случаю раскрытія заговора. Поздравленія поступали туго, церкви пустовали, повсюду чувствовался какъ бы конфузъ отъ того, что, какъ говоритъ пословица: „не посмотрѣвъ въ святцы, бухнули въ колоколъ". Новымъ избирательнымъ закономъ окраины Россіи были почти лишены представительства въ Думѣ; вмѣсто принципа „Россія для русскихъ" вводился принципъ „Россія для чиновниковъ и черносотенцевъ"; самодержавіе начинало вставать изъ гроба, распространяя тотъ же гнилостный запахъ, съ

Послѣ разгона 2-ой Думы.

Собраніе депутатовъ 2-й Гос. Думы и членовъ центральн. к.-д. комитета послѣ роспуска ея, въ к.-д. клубѣ. Докладъ о причинѣ роспуска и представленіи въ коммиссію Думы не подлиннаго производства о соц.-дем. депутатахъ, обвинявшихся въ заговорѣ, а копіи съ постановленіемъ прокурора о привлеченіи ихъ къ суду. Коммиссія отказала въ арестѣ и устраненіи привлекавшихся, и именно это провоцировалъ Столыпинъ, въ рукахъ котораго былъ въ это время подписанный царемъ новый избирательный законъ.

Послѣ разгона второй Думы.
Члены второй Гос. Думы, послѣ ея разгона, въ Теріокахъ, на дачѣ Милюкова, вмѣстѣ съ делегатами московск. и петерб. центр. к.-д. комитетовъ.

которымъ оно было похоронено въ октябрѣ 1905 г. Сдѣлавъ главное — уничтоживъ либеральную оппозицію въ палатѣ депутатовъ и зажавъ ей ротъ внѣ стѣнъ Таврическаго дворца, — правительство наивно вообразило, что все теперь пойдетъ хорошо. Жизнь показала очень скоро, что, вмѣсто уничтоженной, народилась оппозиція съ другой стороны, и что союзъ съ черными сотнями не больше гарантировалъ жизнь чиновничеству, чѣмъ съ революціонерами. Наконецъ само министерство должно было перенять у своихъ враговъ чисто революціонный методъ дѣйствій.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЯ.

Николай становится центромъ реакціоннаго похода на народъ. — Личныя симпатіи. — Симпатіи царицы. — Орловъ. — Совѣты в. кн. Владиміра. — Опасность ссоры съ родными. — Неосвѣдомленность. — Безпринципность. — „Кормленіе“ прежняго времени и современное взяточничество. — Разсказы Коковцова. — Любезности по адресу полиціи. — Подъемъ полицейскаго духа. — Потаканіе войскамъ. — Новыя формы. — Интимная сторона царской жизни, какъ предметъ пересудовъ въ кордегардіи. — Преторьянскій полкъ. Ненадежность семеновцевъ и конвоя. — Зависимость отъ охраны все растетъ. — Теперь, пожалуй, не щекотно. — Растетъ и общее озлобленіе, направляемое на личность Николая — Алкоголизмъ. — Карикатуры.

Еще со времени диктатуры Трепова, при которомъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Булыгинъ, не больше значилъ, чѣмъ какая нибудь архивная крыса, было хорошо извѣстно о существованіи второго правительства, не совпадавшаго вполнѣ ни съ явнымъ, ни съ камарильей. Это было правительство погромовъ, провокацій, бѣлаго террора. Достаточно изобличенное первой Думой, оно не думало складывать оружіе, ибо ничто не указывало на перемѣну въ настроеніи и симпатіяхъ Николая, возлѣ котораго группировались высокопоставленные погромщики. Да и не одни высокопоставленные. Со свойственной всѣмъ Романовымъ памятью на фамиліи, царь при представленіяхъ губернаторовъ прежде всего освѣдомлялся, въ добромъ ли здоровьи пребывали его друзья. Ярославскій губернаторъ, Римскій-Корсаковъ, союзникъ, всегда, напримѣръ, передавалъ Кацаурову, мѣстному устроителю погромовъ, о томъ, что „Его Величество изволилъ о Васъ освѣдомляться“. Въ Москвѣ были Грингмутъ, Ознобишинъ, Восторговъ; въ Почаевѣ — о. Виталій, редакторъ-издатель погромныхъ „Почаевскихъ Листковъ“; въ Саратовѣ епископъ Гермогенъ, въ Царицынѣ — Иліодоръ и т. д. и т. д. Д-ръ Дубровинъ, предсѣдатель Союза русскаго народа и организаторъ политическихъ убійствъ, жилъ въ Петербургѣ, въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ дворцовыми сферами. Онъ удостаивался милостивыхъ телеграммъ и всякихъ иныхъ знаковъ монаршаго вниманія, а послѣ 18-го іюля, послѣ убійства Герценштейна — окончательно вообразилъ себя диктаторомъ, союзниковъ — своими рабами, а ихъ кассу — собственнымъ капиталомъ.

Постепенно царь отдалялся отъ порядочныхъ людей, еще встрѣчавшихся среди придворной и чиновной знати, и, въ свою очередь, они отъ него отказывались. Сами не мало помогши моральному дегрессу Николая, они оставили его на произволъ черносотенцевъ, отъ которыхъ можно было научиться только маніи преслѣдованія, — въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ этого понятія. Худшее было еще впереди; они играли только на струнѣ самодержавія, а царю всего болѣе хотѣлось соблюсти свою „клятву“ во время коронаціи. Онъ могъ бы, конечно, не очень расчитывать на Божью помощь въ своихъ обманахъ народа, потому что ни Ходынская катастрофа, ни того болѣе — страшныя поминки по этому злосчастному дню 14-го мая при Цусимѣ не давали на это права. Да и почти полное совпаденіе октябрскихъ датъ для крушенія поѣзда въ Боркахъ и абсолютизма въ Петербургѣ, должно было бы воздѣйствовать на религіозное міросозерцаніе царя. Но злоба дня всѣхъ одинаково подчиняетъ себѣ, а когда она вполнѣ соотвѣтствуетъ злобѣ монарха на личныя неудачи, то и народу приходится съ ними считаться, расплачиваясь своими боками за удары, не такъ давно еще нанесенные имъ своему повелителю. Всякій получалъ по дѣламъ своимъ: крестьяне — поджоги, совершамые разными карательными генералами, и убійства, совершаемыя корнетами и стражниками; рабочіе — массовыя высылки, ихъ хозяева — субсидіи и поощреніе къ локаутамъ; прогрессивная оппозиція

— изгнаніе со службы, тюрьму, убійства (Герценштейнъ, Іоллосъ, Караваевъ, Яковлевъ и др.). Лѣвые — казни, казни и казни. Евреи — погромы. Въ этомъ своеобразномъ „саду пытокъ", въ который волею самодержца обратилась имперія его предковъ, было гдѣ разгуляться мстительному воображенію, выказать свои симпатіи, и

Николай съ семьей.

Николай широкими жестами являлъ ихъ всему міру. Царица въ это время раздѣляла тревоги, которыя приноситъ жертвамъ своимъ страшная mania persecutiva, съ бывшимъ прибалтійскимъ усмирителемъ, молодымъ и красивымъ генераломъ Орловымъ. Связь была всѣмъ извѣстна, да на этихъ высотахъ праздности и сытости трудно не возникать всевозможнымъ излишествамъ, запретнымъ развлеченіямъ и фаворитизму

Мужу не могли нравиться эти отношенія, его самолюбіе отца семейства страдало, но отвлечь жену не было ни умѣнья, ни, можетъ быть, охоты. Его больше еще тревожили отношенія къ нему великихъ князей—дядей и кузеновъ. Какъ ни старался онъ исполнять совѣты Владиміра и возстановлять значеніе своего титула, проклятая конституція все еще чадила на всю Россію и кружила головы подданнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родственные совѣты сопровождались весьма прозрачными угрозами устроить дворцовый переворотъ, если царь откажется отъ черносотенной политики. Правда, душа его очень лежала къ ней, но чего не сдѣлаешь ради спасенія своей жизни и

Николай II съ женой въ автомобилѣ
со своимъ излюбленнымъ шоферомъ, кн. Орловымъ.

династіи; а чего добраго, либералы, хотя бы въ родѣ павшаго Витте, могли опять увлечь, какъ сирены, на дно конституціоннаго моря. И Николай съ особенной готовностью шелъ въ объятія Богдановича, Дубровина, Восторгова, писалъ рескрипты и депеши погромщикамъ, украшалъ орденами убійцъ. А ужъ ихъ дѣло было отстранять отъ него опасныхъ людей, хотя бы и приходилось для сего спускать бомбы въ печь Виттевскаго кабинета.

Неосвѣдомленность царя была велика, но и понятна; ни цари, ни министры обычно ничего не знаютъ, но въ то время, какъ послѣдніе могутъ иногда ориентироваться въ окружающемъ ихъ океанѣ лжи и преступленій, руководясь прежнимъ служебнымъ и житейскимъ опытомъ, для царей нѣтъ иного выхода, какъ или всѣмъ вѣрить, или никому не вѣрить. Случается, и русскій царь тому примѣръ, что начинаютъ съ перваго и кончаютъ послѣднимъ. Возврата тогда къ довѣрію нѣтъ, и вся политика принимаетъ ultra-личный и шаткій характеръ, а мѣста свѣдущихъ совѣтни-

ковъ занимаютъ или проходимцы, кликуши, гадальщики, или низшіе придворные служители. Если же къ неосвѣдомленности присоединяется и безпринципность, какъ было въ данномъ случаѣ, то нѣтъ границъ тому беззаконію, которое въ самое короткое время можетъ водвориться на мѣстѣ права. Всякій можетъ тогда, прикрываясь только фиговымъ листкомъ вѣрноподданничества, разгуливать нагишомъ среди одѣтыхъ людей, попирая ихъ права и не выполняя ни одной изъ своихъ обязанностей. Наконецъ, самыя обычныя и жалкія черты человѣческой низости дополазаютъ, какъ зловредныя испаренія къ верхушкамъ пальмъ, къ подножію трона, и народу является картина царя, ничѣмъ не отличающагося отъ любого казнокрада. Въ старину дѣло было проще: воеводы посылались въ провинціи столько же на управленіе ими, какъ и на свое „кормленіе“, и эта система жила еще на нашихъ глазахъ въ Персіи; нынѣ

Николай во время прогулки по морю.

взяточники должны прикрывать свои „художества“; но, по пословицѣ: „грошоваго вора вѣшаютъ, а рублеваго — чествуютъ“, прикрытіе, по мѣрѣ возвышенія ранговъ, становится все прозрачнѣй, пока, наконецъ, самъ царь не устанавливаетъ руководящаго принципа словами:

„Если городовой возьметъ триста рублей, то это — взятка, а если тридцать — дополненіе къ содержанію“.

Другими словами: „по чину бери“!

Руководствуясь приблизительно столь же почтенными мотивами, Его Величество подписало не дальше, какъ осенью 1910 года, одной княгинѣ высочайшее повелѣніе министру финансовъ — выдать ей сто двадцать тысячъ рублей. Коковцовъ, который самъ разсказывалъ объ этомъ предсѣдателю бюджетной коммиссіи третьей Думы, Алексѣенко, иллюстрируя свою фразу: „Трудно у насъ быть министромъ финансовъ“, отвѣчалъ княгинѣ (назвать онъ не пожелалъ): „Высочайшее повелѣніе я долженъ исполнить, и 120,000 рублей Вы получите, но я долженъ буду доложить государю объ ихъ источникѣ“. Высокой дамѣ было рѣшительно все равно, докладывай, кому хочешь, только деньги были бы на лицо, и она предовольная отбыла въ свой дворецъ. Министръ же такъ доложилъ Николаю:

„10-ти-милліонный фондъ исчерпанъ, по бюджету нѣтъ ни одного параграфа, который позволялъ бы покрыть выданную сумму безъ вѣдома Государственной

Думы. Посему не представляется иного источника, какъ рессурсы кабинета Вашего Величества".

Царь помолчалъ секунду и сказалъ нехотя:

„Ну, что жъ"...

Вскорѣ послѣ этого, — продолжалъ Коковцовъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ одна изъ фрейлинъ государыни, княжня Орбеліани, привозитъ собственноручную записку государя о выдачѣ ей 10,000 рублей. Я извинился и сказалъ, что по запискѣ выдать не могу, необходимо высочайшее повелѣніе. Княжна храбро отвѣтила: „Хорошо" и уѣхала. Какъ то встрѣчаю ее во дворцѣ, немного спустя, и спрашиваю шутя: „Ну, что высочайшее повелѣніе?"

Царь въ одной изъ новыхъ формъ,

которыми думали прикрыть военное разложеніе русской арміи; въ этомъ отношеніи воцарилась такая анархія, что однажды военный министръ разговаривалъ на обѣдѣ у нѣмецкаго посла съ русскимъ офицеромъ поиѣмецки, все время принимая его за иностранца.

„Ни за что не даетъ"...

Чѣмъ это лучше распоряженія какого нибудь помѣщика XVIII вѣка, приказывавшаго управляющему собрать на деревнѣ денегъ для какой нибудь его забавы? И какъ ярко сказался въ этой небольшой детали нашего управленія в о т ч и н н ы й взглядъ Николая на Россію!

Порядокъ помѣщичьей вотчины поддерживался сельской полиціей, и Россія держалась всегда тѣмъ же учрежденіемъ. Когда роль полиціи усиливалась обстоятельствами, приходилось особо награждать, даже заискивать передъ ней. Полицейскій строй не дѣлалъ исключенія для монарха, а взявъ на себя охрану его самого и его интересовъ, требовалъ подчиненія себѣ, самъ какъ бы становился самодержцемъ. Нынѣшнее царствованіе и есть по преимуществу царство полицейскихъ, имъ на долю выпало всего больше наградъ, денежныхъ, служебныхъ и орденскихъ. Теперь хорошій городовой на Невскомъ украшенъ, какъ какой нибудь профессоръ черной и бѣлой магіи, не только россійскими, но и иностранными медалями, а различныя даты правленія Николая увѣковѣчены на его груди разнообразными значками, гдѣ эмблемы власти и божія промысла переплетаются, насколько только хватаетъ воображенія составителей.

Въ арміи эти аллюры не нравились, но и ее ждало утѣшеніе. За пуговицами съ орлами, вмѣсто гладкихъ, и другими мелочами послѣдовала вскорѣ послѣ восточнаго разгрома полная перемѣна формъ. Можно было подумать, что подвиги войскъ были такъ грандіозны, что необходимо стало запечатлѣть ихъ пестрой одеждой, высокими киверами, помпонами, шнурами, чтобы еще издали мирные обыватели замѣчали фигуры побѣдителей и приготовлялись къ изъявленію своего почтенія и благоговѣнія передъ ними. Увы, это были только битые справа налѣво, спереди и сзади офицеры, умѣвшіе побѣждать только русскія деревни и фабрики; и обыватели, завидя ихъ, спѣшили скорѣй перебираться на другую сторону улицы, чтобы не попасть

Похороны ген. Трепова въ отсутствіи царя,
уѣхавшаго въ Шхеры наканунѣ смерти бывшаго своего любимца.

подъ выстрѣлы или сабельные удары удальцовъ, черпавшихъ свой патріотизмъ по ресторанамъ и веселымъ домамъ. Небывалое число убійствъ и пораненій, совершаемыхъ теперь почти безнаказанно, — военные суды оправдываютъ, по приказаніямъ свыше, всѣхъ такихъ господъ, — лучше всего характеризуетъ то моральное разложеніе офицерскаго состава русской арміи, съ которымъ, полагаемъ, „добрые сосѣди" считаются при разныхъ ультиматумахъ и свиданіяхъ не меньше, чѣмъ съ другими дефектами нашего развинченнаго режима.

Какъ ни странно, всѣ эти авансы и отличія не прибавили увѣренности въ преданности арміи, и ни Семеновскій полкъ, ни даже конвой царя не гарантировали ему полноты покоя въ Царскомъ Селѣ. Пришлось учредить изъ бывшаго „сводно-гвардейскаго" полка особый полкъ, чисто преторьянскаго характера, который и несетъ теперь охрану царской семьи, задариваемый, задабриваемый, сдѣлавшійся не только свидѣтелемъ великолѣпія и пышности царской жизни, но и ея изнанки. Въ лѣтніе дни, когда окна всѣхъ этажей открыты, изъ нихъ доносятся до караульныхъ солдатъ, коротающихъ на скамьяхъ гауптвахты свое время, не только звуки

рояли или дѣтскаго смѣха, но и перекоры царя съ царицей, темой коихъ бываетъ и генералъ Орловъ, нынѣ умершій, но и въ могилѣ близкій. Приходится дежурнымъ офицерамъ докладывать о такихъ невольныхъ свидѣтельствахъ по начальству, дрязги и сплетни волной плывутъ по дворцу, выливаются, черезъ ряды охраны и высокіе заборы, на улицу и, мѣшаясь съ ея обычною грязью, размазываются по всей землѣ русской, подтачивая престижъ царя, династіи, монархизма.

Еще болѣе, чѣмъ отъ внѣшней охраны, стала зависѣть судьба Николая и его семьи отъ охраны тайной. Совершенно невѣроятно было бы предположить, что онъ принималъ участіе въ обсужденіи погромовъ, прокламацій и въ т. п. треповскихъ и великокняжескихъ дѣлахъ; но духъ его былъ съ ними, оправдывалъ ихъ, радовался успѣхамъ; и охрана жадно присасывалась къ царскому имени, укрывалась подъ горностаевой мантіей самодержца, высовывала свое ядовитое жало изъ подъ трона россійскаго; держава ея была сильна, сплочена, организована, какъ только воровскія и разбойныя шайки бываютъ крѣпки, потому что иначе — всѣмъ сразу конецъ; и широкія полномочія были ея скипетромъ. Чувствуетъ царь свою зависимость отъ охранниковъ и будетъ чувствовать ее до конца жизни, и не только потому, что, отвернись онъ отъ нихъ, и будетъ убитъ какимъ нибудь Азефомъ но и потому, что всегда грозитъ ему шантажъ, бояться коего есть всѣ основанія.

Когда начиналась революція, царь, лишенный всякаго пониманія своей роли въ государствѣ, сказалъ однажды одному изъ своихъ кузеновъ:

„Cela me chatouille".

Теперь, пожалуй, ему не было щекотно: зависимость отъ хода революціи смѣнилась еще горшей зависимостью отъ жандармовъ, дворцоваго коменданта, отъ Гартинговъ, Азефовъ, отъ того человѣческаго отребья, которое самодержавіе должно было воплотить въ себѣ, чтобы продлить свой жалкій вѣкъ хоть на нѣсколько лѣтъ. Совершенно понятно, что общее озлобленіе на давленіе тайной полиціи, замѣчаемое въ самыхъ отдаленныхъ отъ дворца областяхъ жизни, связывается, переходитъ и укореняется, какъ озлобленіе на царя, на его несчастную звѣзду и дегенеративную, злую волю. Какъ щепка, попавшая въ сложный механизмъ подъ театральной сценой, Николай мѣшаетъ смѣнѣ декорацій, какую бы пьесу не затѣвали играть. Это онъ останавливаетъ, однимъ своимъ существованіемъ, смѣну режима. И съ обѣихъ сторонъ, справа и слѣва, устремлено на него злобное вниманіе; на давленіе отвѣчаетъ давленіе милліоновъ человѣческихъ ненавистей, ждущихъ случая, чтобы воплотиться въ революціонную форму. Жить въ такой обстановкѣ, дышать такимъ воздухомъ очень трудно. Хочется забвенія отъ мыслей, приходящихъ сами собой, не спрашиваясь, царская ли это голова, или голова каторжнаго, загубившаго десятокъ человѣческихъ жизней. Алкоголь, вотъ другъ мятущихся умовъ, терзаемыхъ совѣстью душъ, усталыхъ отъ корсета представительства тѣлъ. Алкоголь, этотъ поставщикъ львиной доли бюджетныхъ поступленій, по праву занимаетъ и въ обиходѣ царя высокое мѣсто. Алкоголь хочетъ проявлять себя не въ одномъ буйствѣ разодѣтаго павлиномъ гусара или въ ламентаціяхъ голоднаго, но пьянаго мужика, а и въ управленіи имперіи, поддерживать которую на международномъ торжищѣ онъ имѣетъ высокую честь и пріятную обязанность...

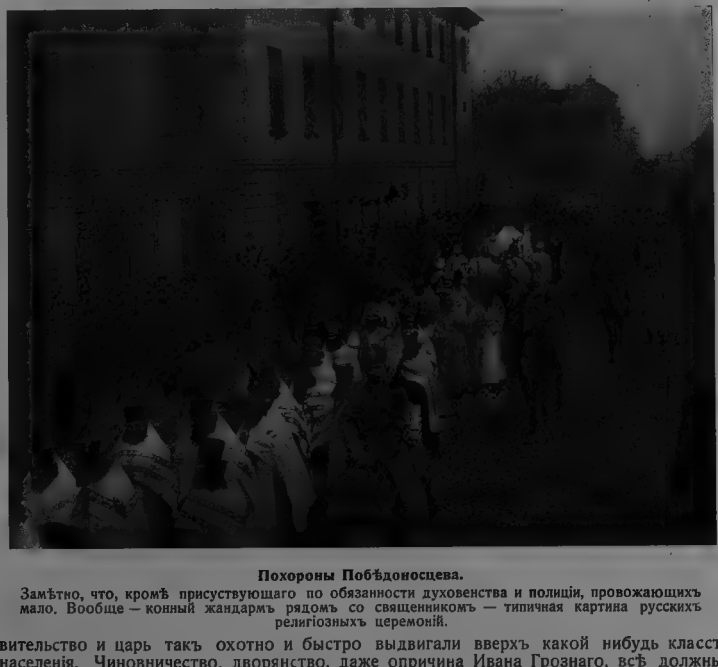
Жизнь Николая невесела, нехороша. Это неисчерпаемый источникъ сатиры, карикатуры и издѣвательства, какимъ всегда бываетъ появленіе въ общественномъ верху отрицательныхъ типовъ, героевъ безвременья. Дикимъ улюлюканьемъ, гомономъ, насмѣшками отвѣчаетъ толпа на всякій шагъ балансирующаго на вышинѣ, не очень трезваго и не очень твердаго эквилибриста властью, пока не валится онъ въ ея объятія, чтобы быть навсегда уничтоженнымъ, затертымъ, переходя и въ самую исторію подъ какой нибудь позорной кличкой.

Вотъ чѣмъ объясняется невѣроятное число карикатуръ на Николая, ихъ злобность и остроуміе. Всѣ народы чувствуютъ на себѣ гнетъ, исходящій изъ восточной половины Европы. Всѣмъ насолилъ и продолжаетъ солить русскій абсолютизмъ, и за него долженъ расплачиваться тотъ, кто лицемѣрно плачется о невозможности измѣнить присягѣ, данной при коронованіи. Бѣдные клятвопреступники, давшіе Европѣ конституціи, тяжело имъ видѣть съ того свѣта этого крѣпкаго собрата!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Расцвѣтъ „Союза русскаго народа“. — „Вѣче“, „Русское Знамя“, „Русская Земля“, „Новое Время“. — Унизительная роль Суворина. — „Земщина“. — „Виттова пляска“. — Губернаторы и архіереи открыто ломятся въ ряды Союза. — Ликвидація погромовъ. — Систематическое помилованіе. — Повышенія по службѣ для погромщиковъ. — одесскіе союзники. — Гр. Коновницынъ. — Ген. Каульбарсъ. — Резины. — Одесскіе погромы — Въ Одесскомъ университетѣ. — Процессы Васьковскаго, кн. Гагарина, Пассека. — Союзники смѣняютъ губернаторовъ и телеграфируютъ европейскимъ монархамъ. — Покушеніе на жизнь гр. Витте. — Каморра народной расправы. — Боевая дружина Союза. — Дезобри. — Въ Бессарабіи. — Крушеванъ. — Братья Крупенскіе. Пуришкевичъ. — Въ Курскѣ. — Гр. Доррер. — Марковъ. — Касаткинъ-Ростовскій. — Говоруха-Отрокъ. — Преслѣдованіе независимыхъ судей. — Витте, Арнольдъ, Скарятинъ, Бибиковъ и др. — „Три тысячи“ отдѣловъ Союза русск. нар. — Оффиціальная хлестаковщина. — Растраты — Протоіерей Восторговъ и икона. — Грингмутъ. — Сотрудники „Россіи“. — Гурляндъ, Сыромятниковъ — Бутерброды и казенныя перья. — Концентрація всего бездарнаго, преступнаго и безпринципнаго. — Поправѣніе октябристовъ. — Устойчивость кадетской программы и тактическія ошибки. — Утомленіе. — Попытки организаціи оппозиціи. — Слухи о возрожденіи русскаго масонства.

Наступало время, когда русскія черныя сотни могли развернуть свои силы на расчищенномъ для нихъ полѣ. Не было еще примѣра въ нашей исторіи, чтобы пра-



Похороны Побѣдоносцева.

Замѣтно, что, кромѣ присуствующаго по обязанности духовенства и полиціи, провожающихъ мало. Вообще — конный жандармъ рядомъ со священникомъ — типичная картина русскихъ религіозныхъ церемоній.

вительство и царь такъ охотно и быстро выдвигали вверхъ какой нибудь классъ населенія. Чиновничество, дворянство, даже опричина Ивана Грознаго, всѣ должны были хоть сколько нибудь потрудиться, чтобы снискать монаршее благоволеніе и

извлечь изъ него матерьяльныя или иныя выгоды. Здѣсь же не только не было заслугъ — если не считать погромовъ, — но и вся то группа людей, такъ задушевно принятая въ царскія объятія, висѣла, такъ сказать, въ воздухѣ, была невѣсома, не поддавалась численному учету. Разумѣется, что когда выяснилась роль, отводимая для всего черносотеннаго, нашлось довольно людей, спѣшащихъ всегда половить рыбу въ мутной водѣ, а еще больше — всякаго отребья, кинувшагося на подачки, безплатное оружіе, дешевый чай съ хлѣбомъ и т. п. немудрыя приманки. Деньги лились сверху довольно полновѣсной струей, но, какъ теперь установлено, главная часть ихъ систематически застревала въ карманахъ центральнаго совѣта Союза русскаго народа, а всего больше у Дубровина.

На субсидіи же продолжали издаваться погромныя газеты, находившія себѣ читателей въ такъ наз. „чайныхъ“ союза, — притонахъ, гдѣ подъ покровительствомъ администраціи шла самая открытая пропаганда контръ-революціонныхъ идей. Особенно отличались „Вѣче“, подходившее, по мнѣнію гр. Витте, къ міросозерцанію Николая, и „Русское Знамя“, лейбъ-органъ д-ра Дубровина. Здѣсь не только травилась вся оппозиція гуртомъ, но и провоцировались убійства отдѣльныхъ лицъ. Какіе то мрачные значки печатались во главѣ листовъ, и по нимъ мѣстные „отдѣлы“ выступали коллективно. На непосвященный глазъ выходило, что существуетъ мощная и единодушно настроенная организація; на дѣлѣ же орудовала небольшая шайка аферистовъ и мошенниковъ, по большей части уголовныхъ типовъ, опиравшаяся на вынужденное содѣйствіе безпринципной администраціи. За этими то героями реакціи потянулся и издатель „Нов. Времени“, Суворинъ, давно уже стяжавшій себѣ славу хорошо подмазаннаго флюгера, при малѣйшемъ вѣткѣ мѣняющаго свое направленіе. „Русская Земля“, потомъ „Земщина“, все это вышло изъ подъ его руки. Но сомнительно, чтобы правительство извлекло существенную пользу изо всей этой прессы, не выключая и самого „Нов. Времени“, главными читателями котораго пребываютъ доселѣ тѣ же чиновники и военные, т. е. люди и безъ того утратившіе, въ зависимости отъ службы, мужество открыто исповѣдывать свои мнѣнія. У черныхъ сотенъ были и сатирическіе журналы; и слѣдуетъ признать, что „Виттова пляска“ (она же „Плювіумъ“) была вообще самымъ остроумнымъ изъ всѣхъ сатирическихъ изданій того времени. Однако даже остроуміе не могло спасти журнала отъ краха, и нынѣ съ трудомъ перебиваются лишь „Земщина“ да „Русское Знамя“; хорошій доходъ даютъ, правда, „Московскія Вѣдомости“, при 2500 подписчикахъ; но зачѣмъ поддерживаетъ правительство такую прессу, сказать трудно, если не думать, что по

Баронъ Каульбарсъ, одесскій погромщикъ,

съ которымъ не могли справиться даже представленія иностранныхъ державъ. Во время страшнаго погрома въ Одессѣ онъ открыто заявилъ на оффиціальномъ пріемѣ: „Всѣ мы сочувствуемъ этому погрому“.

оскудѣнію ея кліентуры оно можетъ отчасти учитывать возростаніе оппозиціонности въ странѣ. Какъ бы то ни было, черныя сотни стали одно время на первомъ мѣстѣ въ строѣ управленія. Губернаторы и архіереи возлагали на себя знаки Союза, открывали чайныя заведенія, служили молебны, подвывали, сообща съ чиновниками, пьяной голытьбѣ, оравшей національный гимнъ, писали вѣрноподданническія депеши и открыто прислуживались къ тѣмъ членамъ этой оригинальной партіи, кто былъ понаглѣе. Главнымъ дѣломъ, послѣ организаціи погромовъ, были просьбы о помилованіи осужденныхъ судами погромщиковъ. Равнымъ образомъ просили о помилованіи простыхъ воровъ и убійцъ, если можно было установить ихъ участіе въ какомъ либо погромѣ. Царь миловалъ погромщиковъ систематически, это общеизвѣстно и покрыло его позоромъ въ глазахъ всего міра. Онъ выразилъ свой взглядъ гр. Коновницыну, рецедивисту - вору, одесскому союзнику, отъ котораго открещивается даже предводимый имъ отдѣлъ, въ такой формулѣ:

„Я знаю, что русскіе суды относятся къ участникамъ погрома съ излишней строгостью и педантично; даю вамъ мое царское слово, что буду всегда исправлять ихъ приговоры по просьбамъ дорогого мнѣ Союза русскаго народа".

„Услужливый дуракъ опаснѣе врага". Коновницынъ самъ разгласилъ слова, послѣ которыхъ становилось очевиднымъ, что правосудіе самимъ царемъ признавалось чѣмъ то враждебнымъ, неумѣстнымъ, ненужнымъ. Погромщики чиновные — полицейскіе, губернаторскіе и др. — повышались по службѣ, равно какъ и всѣ провокаторы-жандармы. Списокъ ихъ занялъ бы цѣлую главу, — явленіе стало общимъ; за то честные полицейскіе и жандармы упорно обходились по службѣ, и вскорѣ водворился въ ней такой повальный развратъ, какого не видывала Россія ни въ какія времена. По мѣрѣ роста реакціоннаго засилья срывались послѣдніе фиговые листы, и люди, связавшіе судьбы свои съ современнымъ режимомъ, утрачивали всякій стыдъ, торопясь нажиться и просто нагуляться за счетъ все болѣе терявшагося правительства, потакавшаго стремленіямъ государя. Дошло до того, что одесскіе, напр., погромы стали явленіемъ обычнымъ, что мѣстные союзники были сплошь вооружены резинами, ножами и револьверами, и что ген.-губернаторы и командующій войсками Каульбарсъ потаканіемъ погромщикамъ совершенно разорили нѣкогда цвѣтущій городъ,

Караулъ на крышѣ дома въ Одессѣ,
въ которомъ жилъ командующій войсками и устроитель погромовъ, бар. Каульбарсъ. На этой же крышѣ храбрый генералъ совершалъ свой ежедневный моціонъ.

такъ что иностранные консулы должны были жаловаться на него своимъ правительствамъ.

„Всѣ мы въ душѣ сочувствуемъ погрому", — сказалъ однажды ген. Каульбарсъ на оффиціальномъ пріемѣ властей послѣ одного изъ самыхъ кровавыхъ избіеній. Сказалъ не только по глупости, но и для того, чтобы быть услышаннымъ въ Царскомъ Селѣ. Мѣстный университетъ сдѣлался какъ бы очагомъ погромовъ, т. к. среди студентовъ-евреевъ были на всѣхъ курсахъ вкраплены провокаторы, а черносотенная студенческая клика являлась на лекціи всегда вооруженной. Администрація вмѣшивалась въ чисто академическія дѣла, а позднѣе, путемъ временнаго устраненія

Митингъ въ петербургскомъ политехникумѣ,
въ 1907 г., въ день обыска помѣщеній.

части профессоровъ такъ же, какъ въ городской думѣ — гласныхъ, проводила въ совѣтъ (и городскую управу) своихъ ставленниковъ, черносотенцевъ. Все дѣлалось открыто, въ сознаніи своей силы. Одновременно ликвидировали дѣла и въ другихъ университетахъ. Одинъ за другимъ послѣдовали процессы ректоровъ Пассека, Васьковскаго, кн. Гагарина, обвинявшихся въ допущеніи въ 1905—06 г. г. различныхъ отступленій отъ регулярной академической жизни, но главнымъ образомъ въ принадлежности къ оппозиціи. Забывали, что, только благодаря умѣренности ихъ и популярности среди студентовъ, безпорядки никогда не раздувались въ бушующее революціонное пламя, и что научныя занятія продолжались иногда подъ грохотъ мятежей и въ самый разгаръ казней. Довольно было союзникамъ сдѣлать доносъ, хотя бы и явно лживый, на совѣтъ какого нибудь университета, какъ изъ Петербурга сыпались репрессіи, а послушная русская Ѳемида снимала повязку съ глазъ и, подобострастно слѣдя за указаніями Щегловитова, разсовывала по разнымъ угламъ имперіи заслуженныхъ ученыхъ и педагоговъ, затягивая университетскій кризисъ до самаго послѣдняго времени. Впрочемъ, не лучше жилось и ставленникамъ самого Столыпина, губернаторамъ. И всегда то составъ этихъ первыхъ слугъ правительства хромалъ, — бюрократизмъ не сумѣлъ воспитать ни одного даровитаго поколѣнія своихъ питомцевъ; всегда отвѣтственные губернаторскіе посты замѣщались людьми, знавшими

одну лишь фразу: „Чего изволите?“, часто глупыми и иногда просто безграмотными (кстати, главный начальникъ управл. по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, Гербель, и до сихъ поръ пишетъ, какъ какая нибудь малограмотная кухарка, да и не одинъ онъ изъ высшихъ чиновъ малограмотенъ). Теперь, когда всякая административная дѣятельность была парализована требованіемъ „бороться съ крамолой“, въ губернаторы стали попадать и гвардейскіе капитаны (Нейдгардтъ, Джунковскій, гр. Татищевъ, Веретенниковъ и многіе др.), и совершенно безпринципные люди изъ департаментской мелкоты, выдвигавшіеся исключительной готовностью исполнять приказанія начальства. Такъ вотъ и такіе то губернаторы не всегда находили возможнымъ потакать мѣстнымъ погромщикамъ и раздражали ихъ излишней законопѣрностью своихъ дѣйствій. По доносамъ какихъ нибудь сапожниковъ изъ мѣстнаго „отдѣла“, такіе губернаторы

Солдаты перевозятся на трамваѣ къ политехникуму въ день обыска.

переводились въ другіе города или увольнялись въ отставку. Озорство союзниковъ доходило, какъ мы уже упоминали, до телеграфированія европейскимъ государямъ, — королю Эдуарду о неприсылкѣ депутаціи, императору Вильгельму о непріемѣ гр. Витте и т. д. Самому Витте спустили въ печку разрывной снарядъ, другимъ грозили убійствами, третьимъ поджогами; вообще за угрозами дѣло не стояло, и не было, кажется, тогда сколько нибудь честнаго чиновника, который не ожидалъ бы себѣ за свою честность всякихъ непріятностей — и снизу, и сверху. Образовалась какая то „каморра народной расправы“ (вѣроятно, та же боевая дружина Союза р. н.), которая и разсылала свои приговоры на визитныхъ карточкахъ съ грубымъ изображеніемъ черепа и костей; такія карточки получили въ свое время Герценштейнъ и Іоллосъ. Въ боевой дружинѣ орудовалъ, въ качествѣ главаря, нѣкій Дезобри, поддѣлыватель векселей и обвинявшійся по многимъ другимъ уголовнымъ дѣламъ. Его тщетно разыскивали курьеры судовъ, но въ квартирѣ его всегда дежурили парадно одѣтые городовые, охранявшіе драгоцѣнную особу громилы отъ его же собственныхъ дружинниковъ, которыхъ онъ всячески обсчитывалъ. Бессарабія, страна всякихъ дворянскихъ эксцессовъ, поставляла почему то особенно много членовъ въ Союзъ, и одно время вся Россія знала имена Крушевана, Пуришкевича, Крупенскихъ и др. молдавско-россійскихъ вліятельныхъ черносотенцевъ. Потомъ всѣ эти союзники перегрызлись между собой, не подѣливъ то ли денегъ, то ли сферы вліянія. Дру-

гимъ гнѣздомъ черной сотни оказалась Курская губернія. Отсюда появились гр. Доррер̀ъ, губ.-предводитель дворянства, устроитель курскаго погрома, гдѣ онъ, сообща съ ген.-адъютантомъ Струковымъ, исполнявшимъ въ это время сенаторскую миссію, раздавали громиламъ деньги; Марковъ, членъ 3-ей Думы, имитирующій Петра Великаго и излюбленный гость Николая, человѣкъ тоже обвиняемый въ разныхъ уголовныхъ преступленіяхъ; Говоруха-Отрокъ, — цѣпной песъ „объединеннаго дворянства"; кн. Касаткинъ-Ростовскій, воскликнувшій на одномъ изъ съѣздовъ, что онъ всегда сумѣетъ „издохнуть у ногъ своего государя", но которому судьба уготовала обычную смерть на собственной постели. Все это былъ настолько бездарный и, главное, темный народъ, что, несмотря на все ихъ стремленіе къ власти, имъ такъ и не удалось добиться какихъ нибудь хлѣбныхъ постовъ. При помощи избирательнаго закона 3-го іюня, они проникли только въ Государственную Думу, гдѣ и доселѣ раздаются ихъ изступленные голоса, дѣлающіе царю столь любимый имъ succès de scandale. Вліяніе такихъ лицъ было бы совершенно незамѣтно, еслибъ высокое покровительство, оказываемое имъ Николаемъ, не заставляло играть въ ихъ дудку болѣе способныхъ людей, стоявшихъ во главѣ разныхъ министерствъ. Несмотря на упорство, съ какимъ Столыпинъ уклонялся отъ тѣснаго сближенія съ Союзомъ русскаго народа, онъ не могъ уберечь своего кабинета отъ членовъ этой партіи; одни открыто, какъ Рухловъ, министръ путей сообщенія, или Кривошеинъ, министръ земледѣлія, другіе тайно — какъ Щегловитовъ и Коковцовъ, но всѣ они тянули въ руку союзникамъ, раздавали мѣста и выгоняли со службы по указкѣ дубровинской команды. Особенно усердствовалъ Щегловитовъ, человѣкъ способный, бывшій „либералъ", хорошій юристъ, но продавшій богу честолюбія свою совѣсть. Онъ объявилъ открытый походъ противъ судейской честности, ввелъ политику въ стѣны судовъ и обратилъ несмѣняемость судей въ фикцію. Въ дружномъ единеніи со своимъ повелителемъ, онъ смѣнилъ въ короткое время съ десятокъ всѣми уважаемыхъ судей и другихъ чиновъ вѣдомства; кого перевелъ, кого въ отставку. Назовемъ хотя бы Витте, предсѣдателя томскаго суда, Арнольда, предсѣдателя московской

Полиція въ коридорахъ общежитія политехникума въ день обыска. Обыскъ вообще имѣлъ цѣлью смѣщеніе совѣта, во главѣ съ ректоромъ кн. Гагаринымъ, бывшимъ гвард. артиллеристомъ, и увольненіе нѣсколькихъ сотенъ студентовъ.

Учредители академическаго союза студентовъ.
Въ центрѣ адмиралъ Бирилевъ, бывш. морской министръ, Пуришкевичъ, Полубояринова, Замысловскій.

судебной палаты; его брата, прокурора московскаго суда; Скарятина, Бибикова и т. д. Остававшихся на службѣ и подозрѣваемыхъ въ либерализмѣ судей упорно обходили наградами, переводами на лучшія мѣста и при всякомъ удобномъ случаѣ вызывали въ министерство для отеческихъ внушеній.

Щегловитову прекрасно были извѣстны истинныя силы черныхъ сотенъ. Его нельзя было запугать цифрой „трехъ тысячъ“ отдѣловъ Союза русскаго народа. Общее число подписчиковъ черносотенныхъ газетъ не достигало этого числа, и большинство отдѣловъ состояло изъ пары, другой мѣстныхъ пьяницъ, предводимыхъ какимъ нибудь мелкимъ чиновникомъ, причемъ всѣ они субсидировались понемногу изъ центральной кассы. Знали объ этомъ и Рухловъ и Кривошеинъ, вообще всѣ, — можетъ быть, и самъ царь зналъ.

Почему же министры вели такую политику, нарушали и законы, и здравый государственный смыслъ? Почему покрывали они своимъ авторитетомъ невѣроятную хлестаковщину, развившуюся въ нѣдрахъ Союза, растраты союзныхъ суммъ, наконецъ, убійства и погромы? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: царь былъ самъ „союзникомъ“, и если не числился въ его боевой дружинѣ, то развѣ только по ненужной скромности. А время было таково, что за отсутствіемъ подходящихъ кандидатовъ на русскій тронъ опасности дворцоваго переворота ни откуда не грозило, и положеніе Николая укрѣпилось. Было и еще одно обстоятельство, съ которымъ министры невольно должны были считаться, разъ уже они вступили на круто склоненную плоскость реакціи. Это открытое недовѣріе къ нимъ дворцовыхъ сферъ, вліявшихъ на царя въ еще болѣе активномъ контръ-революціонномъ направленіи. Царь довѣрялъ лишь немногимъ мелкимъ слугамъ, а душа его лежала къ людямъ грубымъ, необразованнымъ, безпринципнымъ, преступнымъ; на ихъ фонѣ онъ еще чувствовалъ себя человѣкомъ, не потерявшимъ обличья извѣстной душевной опрятности; словомъ, онъ стоялъ здѣсь выше окружающихъ его проходимцевъ, и тѣмъ сильнѣе выражалось его къ нимъ благоволеніе. Нечего говорить, что изъ-за выгодъ, приносимыхъ этимъ царскимъ расположеніемъ, не замедлили народиться интриги между самими союзниками; а такъ какъ за каждымъ числилось не мало уголовнаго, то взаимныя разоблаченія вскорѣ достигли сказочныхъ размѣровъ, и къ 1910 г. не оставалось ни одного такъ или иначе не ошельмованнаго союзника. Даже извѣстный попъ Восторговъ, передъ которымъ, ради его близости съ царемъ, униженно заискивалъ Святѣйшій Синодъ, не смогъ реабилитироваться въ обвиненіяхъ въ растлѣніи ученицъ ставропольской гимназіи, взяткахъ и т. п. хорошихъ дѣлахъ; махнувъ на все рукой, Восторговъ началъ вести себя такъ, какъ обычно ведутъ себя продажные люди, открыто издѣвающіеся надъ своими хозяевами. Такъ, онъ съ ехидной радостью разсказываетъ о томъ, какъ, поднося маленькому наслѣднику какую то икону, онъ выдалъ ее за величайшую рѣдкость, въ его, Восторгова, роду передававшуюся изъ поколѣнія въ поколѣніе. „А икону то я наканунѣ купилъ въ лавочкѣ, да и не за дорого“, добавлялъ царскій другъ; слушатели, союзники, надрывались отъ смѣха, а царь въ это время, быть можетъ, усердно молился на новую дворцовую святыню о „великихъ щедрыхъ милостяхъ“!

Такъ же издѣвались надъ нимъ, въ интимныхъ бесѣдахъ, и сотрудники его второго оффиціоза, газеты „Россіи“, Гурляндъ, Сыромятниковъ, Гурьевъ и другіе писатели по заказу, „казенныя перья“, какъ ихъ называютъ въ Россіи. Поѣдая казенные бутерброды, строча статьи на любыя темы и въ любомъ направленіи, эти невѣрные слуги абсолютизма переставали подъ конецъ уважать хотя бы купленную совѣсть, и имъ оставалось продавать плативших имъ и, во главѣ ихъ, самого монарха. Они дѣлали это, участвуя, параллельно съ „Россіей“, въ прогрессивныхъ изданіяхъ (Гурьевъ въ „Утрѣ Россіи“, московской газетѣ), или же компрометируя правительство разоблаченіемъ секретнѣйшихъ переговоровъ о вмѣшательствѣ Германіи въ наши внутреннія дѣла, отторженіи Польши за деньги и т. под. комбинацій, понемногу открывавшихъ глаза самымъ слѣпымъ изъ еще преданныхъ царю людей.

Такъ то, мало по малу, выяснялись силы, способности, численность „союзниковъ“, и опредѣлилась ихъ роль въ будущей фазѣ освободительнаго движенія. Все бездарное, безпринципное и даже преступное, что породили годы реакціи, водвори-

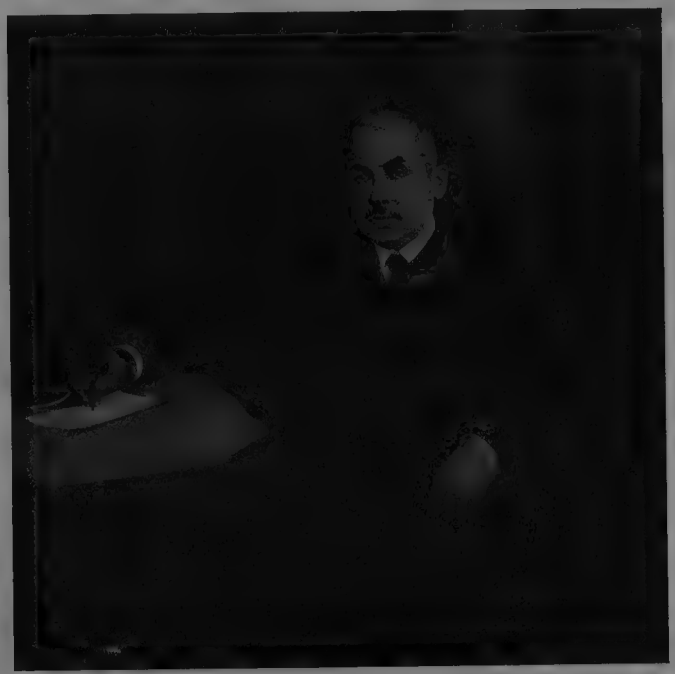
Царь среди студентовъ-черносотенцевъ,
въ одной изъ палатъ царскосельскаго дворца. Печка налѣво очень хороша, — рѣдкій образчикъ стараго голландскаго изразца, добытый еще при Екатеринѣ II-й.

вшейся прочно съ Александромъ III-мъ, составляло кадръ, изъ коего черпали министерства, начиная съ гр. Д. Толстого и кончая Столыпинымъ. Однако, прежде, по крайней мѣрѣ, хотя все та же перебиралась старая и грязная чиновничья колода, но хоть какой нибудь служебный опытъ числился за каждой изъ приглядѣвшихся ея фигуръ. Теперь понабрались новые люди, похожіе на крапленыя, шулерскія карты, съ помощью которыхъ обманывались одинаково хорошо и Россія, и царь, и Европа. Одновременно понизились и цензовыя претензіи къ уму и честности; воровство было признано съ высоты престола дополненіемъ къ жалованью, убійства — высшимъ выраженіемъ вѣрноподданническаго патріотизма, изувѣрство — расцвѣтомъ православія.

Въ такой обстановкѣ легко было разбираться и тѣмъ общественнымъ кругамъ, которые, напуганные революціей, продолжали сторониться всякой „политики". Между правительствомъ, потакавшимъ царю-союзнику, и умѣренной прогрессивной оппозиціей оставалось все меньше и меньше мѣста. Одни октябристы, руководимые честолюбцемъ Гучковымъ, которому даже до Витте было такъ же далеко, какъ водамъ Роны до вершины Монблана, продолжали кидаться за столыпинскимъ перстомъ всюду, куда бы послѣдній ни направлялся. Но давно извѣстно, что, кто не уважаетъ себя, того и никто не уважаетъ; поэтому одновременно съ общественнымъ презрѣньемъ къ „партіи послѣдняго правительственнаго сообщенія", какъ назвалъ ее кн. Е. Трубецкой, росло презрѣніе къ октябристамъ и самого правительства. Оно хотѣло на что нибудь опираться, а можно ли было опираться на болотную жижу, изъ которой только по недоумѣнію кое-гдѣ торчали кочки, въ родѣ бар. Мейендорфа, Н. Хомякова, проф. Капустина и другихъ немногихъ приличныхъ политическихъ дѣятелей. Къ концу 3-ей Госуд. Думы вліяніе этой партіи сведено было къ нулю народившейся націоналистической группой. Гучковъ потерялъ „тонъ", безъ коего не дѣлается политической музыки, и позиціи царя со Столыпинымъ вычертились на фонѣ общей враждебности еще рѣзче. Тогда то и пришлось прибѣгать къ такимъ оживляющимъ вспрыскиваньямъ, какъ нашумѣвшій случай съ колѣнопреклоненіемъ Шаляпина и хора оперы, и другимъ сильно дѣйствующимъ патріотическимъ выходкамъ, аранжированнымъ охотниками отличиться.

Среди хаоса, въ который повергало страну разнуздавшееся министерство Столыпина, среди крушенія программъ партій, стоявшихъ вправо и влѣво отъ кадетской, только эта послѣдняя пребывала устойчивой. Становилось очевиднымъ, что выведенный еще до революціи балансъ государственной реформы былъ близокъ къ той средней линіи, что раздѣляла абсолютизмъ отъ соціализма, и по которой должна была двинуться послѣ 17-го октября Россія. Между тѣмъ, программа эта не была никѣмъ использована, а люди, ее составившіе, не только не употреблены въ дѣло, но отстранены отъ него на возможно долгій срокъ. Къ сожалѣнію, пассивное положеніе кадетъ не способствовало пересмотру ихъ обычной тактики полумѣръ, и послѣдняя продолжала наносить престижу партіи серьезные удары. Впослѣдствіи рядъ удачныхъ выступленій Милюкова и, главнымъ образомъ, новые промахи „гучковскихъ молодцовъ" (октябристовъ) выправили этотъ престижъ до его прежней высоты; одновременно съ этимъ снова начали усиливаться репрессіи противъ партіи и ея печати, а такъ какъ и та, и другая замѣтно увеличили число своихъ адептовъ, то получилось впечатлѣніе общаго нажатія пресса. Выходило, что среди всеобщаго молчанія и успокоенія правительство продолжало угнетать народъ уже безо всякой нужды, и этимъ самымъ расписывалось въ окончательной неспособности къ какимъ бы то ни было реформамъ. Казалось, наступало время и для оппозиціонныхъ силъ выступить противъ явно ослабленнаго врага. Но силы эти продолжали бездѣйствовать. Періодъ утомленія былъ тѣмъ болѣе естественъ, чѣмъ бѣднѣе и некультурнѣе была въ этотъ моментъ своей исторіи Россія. Первый этапъ освободительнаго движенія потребовалъ весь запасъ средствъ и лицъ, и реакція поглотила ихъ почти безъ остатка. Легенда о еврейскихъ и японскихъ милліонахъ, данныхъ на „революцію", была лишь легендой; люди были выброшены съ насиженныхъ мѣстъ и изъ привычныхъ профессій, и должно было пройти время, раньше чѣмъ накопилась общественная энергія. За счетъ слабости общества была сильна реакція, сама не обладавшая ни одной калоріей политической теплоты, бывшая хладной, какъ трупъ.

Нечего говорить, что попытки объединенія оппозиціонныхъ силъ производились постоянно, но онѣ терпѣли неудачу столько же вслѣдствіе партійной дифференціаціи, сколько и утомленія общества. Конецъ 1910 г. принесъ, однако, одновременно съ указаніемъ на разростаніе оппозиціонности, и признаки извѣстнаго пробужденія отъ спячки. Событіями, вызвавшими наружу эти признаки, были кончины предсѣда-

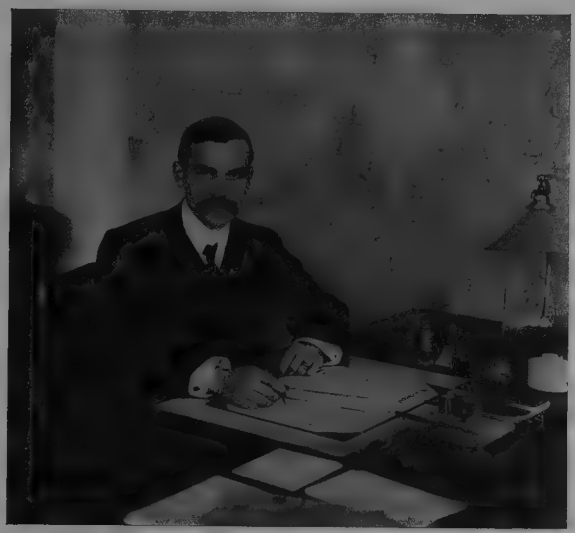


Н. А. Хомяковъ,

первый предсѣдатель третьей Думы, бывшій предвод. дворянства. Типичный представитель лучшей части вымирающаго дореформеннаго дворянства, но со всѣми его недостатками: въ мѣру уменъ, не въ мѣру склоненъ къ сомнительнымъ остротамъ, сибаритъ, мало думающій о дѣлѣ и выходящихъ изо рта словахъ, далекій отъ пониманія дѣйствительности. Хорошія средства лежатъ въ основѣ этихъ чертъ.

теля первой Думы Муромцева и Льва Толстого. На ихъ значеніи мы остановимся впослѣдствіи, но организующее вліяніе ихъ было ясно въ самый моментъ появленія, и правительство поспѣшило съ новыми репрессіями, особенно въ высшей школѣ. Возлѣ волненій молодежи можетъ нарости новая волна движенія, въ которой будутъ повинны не политическія партіи, а только само правительство, всегда бредшее

ощупью, даже и среди бѣла дня. До чиновниковъ доходятъ всякіе слухи, и на всякій случай они борятся со всѣми одинаково, не жалѣя средствъ и циркуляровъ. Недавно большой смѣхъ возбудило ассигнованіе 160 тысячъ рублей на борьбу съ масонскими ложами, якобы возобновившимися въ Россіи послѣ столѣтняго почти промежутка.



Бар. Мейендорфъ,
чл. 3-ей Гос. Думы, одинъ изъ лучшихъ типовъ того консерватизма, который долженъ появиться въ Россіи тогда, когда ей будетъ что хранить.

Разумѣется, если масоны и существуютъ, то бокъ о бокъ съ министерскими дворцами, и ловить ихъ безполезно. Мы думаемъ, однако, что въ настоящее время сколько нибудь широкое распространеніе ордена въ Россіи невозможно. Страхъ, напущенный азефщиной, еще не разсѣялся, и взаимное недовѣріе всѣхъ конспиративно дѣйствующихъ группъ слишкомъ велико, чтобы число адептовъ масонства могло быть велико.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТАЯ.

Выборы въ третью Думу. — Наконецъ удача по-европейскому рецепту. — Центръ и правительство. — Ихъ взаимоотношенія. — Президіумъ. — Эстрада. — Водевили и скандалы. — Недолгое торжество кабинета. — Опасности возникаютъ съ другой стороны. — 87 ст. основныхъ законовъ. — Ея слабость. — Одновременно слабѣетъ и темпъ государственной жизни. — Промышленники лѣвѣютъ. — Совѣщанія ихъ съ прогрессистами. — Спасеніе Столыпина. — Націоналисты. — Клубъ и Союзъ. — Русское собраніе. — Противовѣсъ Союзу русскаго народа. — Столыпинскій галстухъ. — Моральная слѣпота Николая. — Итоги четырехлѣтней работы третьей Думы. — Общее разочарованіе. — Смѣна предсѣдателей. — Аудіенція Хомякова въ Царскомъ. — Хомяковъ — совѣтчикъ.

Осенью 1907 г. произведены были выборы въ третью Думу, обновили законъ 3-го іюня. По дорогѣ, расчищенной для дворянъ-помѣщиковъ, могли двигаться

А. И. Гучковъ, бывшій предсѣдатель третьей Гос. Думы,

честолюбецъ и склонный къ авантюризму человѣкъ; эти качества скоро свели вліяніе его къ нулю, т. к. твердость равно отсутствовала и въ темпераментѣ этого дѣятеля, и въ его политическ. программѣ

безъ всякой предвыборной подготовки кандидаты правительства — черносотенцы и октябристы; остальныя партіи почти лишены были возможности агитировать за своихъ кандидатовъ, такъ придирчива стала, послѣ соотвѣтствующаго циркуляра, администрація. „Европейскій" рецептъ, попавшій въ русскую избирательную аптеку, превратился въ препаратъ, отъ котораго кадеты и даже мирнообновленцы должны были гибнуть, какъ мухи. Въ результатѣ въ Таврическій дворецъ явились подонки русской интеллигенціи, среди коихъ десятка два способныхъ людей сразу пріобрѣли видъ и аллюры политическихъ вождей; съ мнѣніемъ ихъ понемногу привыкла считаться пресса, затѣмъ читатели. Такимъ образомъ, помимо того, что правительство дѣлало видъ, что опирается на бездарное большинство, и этимъ дискредитировало себя, но и самый принципъ парламентаризма какъ бы отцвѣталъ, не успѣвши расцвѣсти. Худшія стороны его были привиты правительствомъ, которое, быть можетъ, безсознательно, но дѣйствовало въ данномъ случаѣ въ соотвѣтствіи со своими интересами.

Центръ занимали октябристы съ А. Гучковымъ во главѣ. Партія носила въ себѣ элементъ разложенія, не успѣвъ еще проявить себя въ Думѣ; среди полутораста членовъ ея была дюжина тѣхъ людей, изъ которыхъ при другомъ режимѣ могли бы выработаться хорошіе типы консерватизма. Здѣсь имъ дѣлать было нечего, такъ какъ хранить нечего было, а товарищи по фракціи столь очевидно тянули вправо, что о какой нибудь разумной парламентской работѣ и вліяніи на ходъ внутренней политики и думать было нельзя. Столыпинъ, называвшій октябристовъ „сливками" русскаго прогрессивнаго общества, былъ лишь грубымъ и циничнымъ льстецомъ, такъ какъ самъ презиралъ лакействующую партію

Родзянко, предсѣдатель третьей Думы,

октябристъ – реакціонеръ, недалекій человѣкъ, ведущій узко партійную политику. Совершенно непопуляренъ, заслугъ въ прошломъ не имѣетъ.

Члены третьей Гос. Думы, ѣздившіе на поклонъ въ Царское Село.
Старая холопская закваска — колѣнопреклоненіе — начала давать себя знать еще на петербургскомъ вокзалѣ.

„Союзники" третьей Гос. Думы.
Стоятъ (слѣва): Вераскинъ, Подольскій, Машкевичъ, Гулькинъ, Образцовъ, Тимошкинъ, Марковъ 2-ой и др. Сидятъ въ центрѣ: Пуришкевичъ, еп. Митрофанъ, Якубовъ, Вязигинъ и др.

Духовенство въ третьей Гос. Думѣ.
Поражаетъ количество. Въ центрѣ сидятъ столпы крайней правой, епископы Митрофанъ и Евлогій.

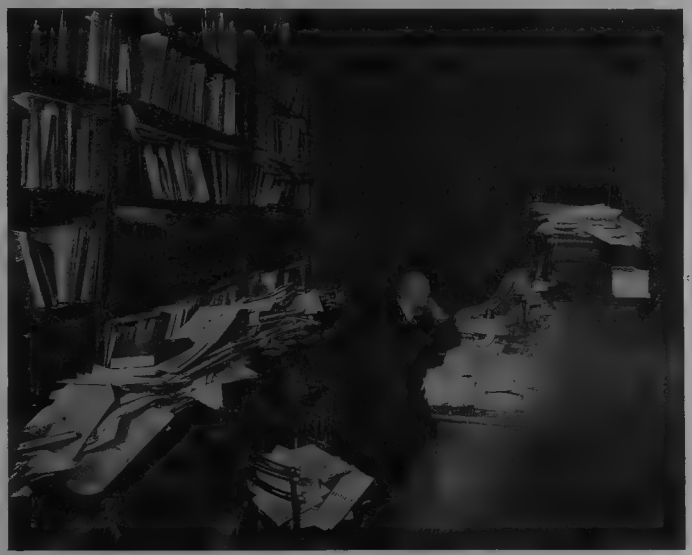
Гучкова, — какъ всегда лакеи презираютъ другъ друга. Онъ и не подумалъ „совмѣстно“ работать съ этими господами, а просто перешелъ къ приказамъ о поддержкѣ всего, что ему угодно было проводить въ русскую жизнь, — главнымъ образомъ его аграрнаго закона, которымъ насаждалось частное крестьянское землевладѣніе за счетъ уничтоженія общиннаго строя. Оппозиція, все еще не вполнѣ объединенная, была безсильна даже и въ моменты единодушія и утѣшалась развѣ тѣмъ, что безъ труда громила пошлости и глупости, которыя угодно было изрекать съ трибуны ораторамъ центра

Кн. Волконскій,

товарищъ предсѣдателя третьей Гос. Думы. Въ бытность свою предводителемъ дворянства въ Тамбовской губ. считался однимъ изъ недалекихъ и малоспособныхъ представителей своего сословія. Безъ образованія; карьеру сдѣлалъ, примкнувъ къ правымъ, у которыхъ всѣ остальные были еще слабѣе въ умственномъ и образовательномъ отношеніяхъ.

и правой. Слѣдуетъ отмѣтить, что вульгарный тонъ, водворившійся въ Думѣ, насажденъ былъ самимъ предсѣдателемъ, Н. Хомяковымъ. Богатый помѣщикъ, сибаритъ по привычкамъ, безудержный острякъ, что неминуемо влечетъ къ плоскости, отяжелѣвшій физически, — этотъ человѣкъ началъ свою политическую карьеру съ того, что назвалъ трибуну Думы „эстрадой“. На этой „эстрадѣ“, за которой видѣлась дремлющая фигура Хомякова, просыпавшагося только для шутки или bon mot сомнительной цѣнности, скандалисты и шуты Думы поставили за четыре года своего ангажемента цѣлый рядъ водевилей и выдающихся скандаловъ. Здѣсь

родился, выросъ и пышно разросся своеобразный парламентскій жаргонъ, раньше и на площадяхъ вызывавшій суровыя реплики полицейскихъ. Здѣсь публика бывала подчасъ слушательницей такихъ откровенностей, отъ которыхъ и не однѣ дамы краснѣли. Въ боевые дни въ воздухѣ залы засѣданій можно было, по русской поговоркѣ, „хоть топоръ вѣшать“: такъ густо пропитывался онъ бранью, улюлюканьемъ, истерическимъ визгомъ Пуришкевича, Маркова и К-о. Здѣсь очень скоро „правые“ поняли свою силу и смяли октябристовъ, которые не рѣшались протестовать противъ выходокъ своихъ сосѣдей. Не рѣшалось протестовать противъ этого,



П. Милюковъ въ рабочемъ кабинетѣ.
Лидеръ к.-д. партіи, не только выдающійся публицистъ и ученый историкъ, но и прекрасный музыкантъ, скрипачъ.

хотя бы закулисно, и правительство, конституціонное лицемѣріе котораго тутъ же и всплыло наружу. Увидѣвъ, что вмѣсто „красной“ опасности съ лѣвой стороны, возникаетъ „желтая“ справа, Столыпинъ съ товарищами безцеремонно повернулись спиной къ только что организованному закономъ 3-го іюня центру и начали всячески заигрывать съ горланами крайней правой. Не забудемъ, что созывъ 3-ьей Думы совпалъ съ расцвѣтомъ Союза русскаго народа. Царь открыто исповѣдывалъ и проповѣдывалъ свое съ нимъ братское единеніе, а придворные прихлебатели открыто тянули въ сторону модныхъ черносотенцевъ. Министрамъ, кичившимся всегда честью отвѣтственности „только передъ государемъ“, и не оставалось ничего иного дѣлать, какъ подчиниться союзникамъ, иначе они летали съ мѣстъ, какъ мячики. Всѣ до одного дѣлали, скрѣпя сердце, видъ горячихъ сторонниковъ дубровинской шайки, и

всѣ, понятно, старались не запачкаться черезчуръ, чтобы не потерять пути къ отступленію въ тотъ моментъ, когда престижъ Союза долженъ былъ упасть. Но вліяніе черныхъ сотенъ продолжалось настолько долго и отражалось въ жизни такъ далеко, что съ нимъ, въ концѣ концовъ, пришлось считаться не только правительству, а, слѣдовательно, и всей чиновничьей арміи, не только октябристскому большинству, но даже и оппозиціи, которую всегда можно провоцировать на какую нибудь демонстрацію и послѣдствія таковой. Либеральная пресса ежедневно цитировала черносотенную, и уже одно это подкрѣпляло престижъ Союза въ глазахъ непосвященныхъ въ дѣйствительную силу и численность царской банды. Да и на самомъ дѣлѣ, во всѣ отрасли управленія вводились пріемы и обычаи, такъ рѣзко отличавшіеся отъ того, что творилось въ до-революціонные годы, что невольно обывателю приходилось воскликнуть: „При Плеве куда лучше было!“

В. А. Карауловъ,
выдающійся депутатъ 3-ей Гос. Думы, бывшій „народоволецъ“ и каторжникъ. Пользовался всеобщимъ уваженіемъ за искренность и правдивость свою. Былъ спеціалистомъ по вѣроисповѣднымъ вопросамъ. Умеръ въ 1910 г.

В. А. Маклаковъ,
извѣстный адвокатъ и политикъ. Его рѣчи въ Гос. Думѣ всегда составляютъ злобу дня и часто наносятъ непоправимыя пораженія членамъ правительства, противъ коихъ обрушиваются фундаментальная логика и пламенное краснорѣчіе московскаго депутата.

Эта фраза сдѣлалась припѣвомъ общихъ жалобъ, и казалось, что общество было бы радо возвращенію и той доли закономѣрности дѣйствій властей, что существовала при убитомъ министрѣ-реакціонерѣ. Центральный органъ — кабинетъ министровъ — подавалъ первый и самый внушительный примѣръ деморализаціи власти, обезпечивая за правительствомъ, посредствомъ 87 ст. основныхъ законовъ, возможность законодательствовать во время парламентскихъ каникулъ. Но составители этой статьи все же не имѣли въ виду того употребленія, какое сдѣлалъ изъ нея доморощенный русскій Бисмаркъ—Столыпинъ. Слабость редакціи этой статьи, дававшей широчайшій просторъ министерской изобрѣтательности, была использована Столыпинымъ

до конца. Разогнавъ вторую Думу и не опасаясь третьей, онъ всей тяжестью своей власти обрушился на аграрный вопросъ. Здѣсь мы не будемъ разбирать ни самого закона, ни его послѣдствій; признаемъ только, что это есть единственное дѣловое выступленіе нынѣшняго кабинета, но и оно покоится на разрушеніи вѣкового института русской общины, самими правительствами признававшагося основой нашей государственности. Мало того, мѣра Столыпина вводилась чисто революціоннымъ путемъ, и только безотвѣтственность придавала ей видимость законномѣрности. Насильственно разрушая деревенскій укладъ и создавая, наряду съ сотнями „сильныхъ хуторянъ", тысячи пролетаріевъ худшей разновидности — сельско-хозяйственной, Столыпинъ велъ себя, какъ едва ли повелъ бы любой изъ соціалистскихъ главарей, попавъ ко власти. Были и другіе случаи примѣненія 87-ой статьи, главнымъ образомъ, въ области репрессій. Вслѣдствіе этого постепенно слабѣлъ и самый темпъ, такъ сказать, русской жизни; между безвольнымъ царемъ, ограниченнымъ министромъ и бездарной Думой страна должна была или возстать, или погрузиться въ спячку; послѣднее, какъ мы уже доказывали, было естественнѣе. А такъ какъ одновременно съ упадкомъ государственныхъ силъ наступалъ и промышленный кризисъ, то сильный торгово-промышленный классъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ дѣятельности правительства. Оставивъ традиціонную косность и преданность „исконнымъ" завѣтамъ монархизма, классъ этотъ постепенно переходилъ на сторону прогрессивной оппозиціи. Въ цѣляхъ согласованія его интересовъ съ тѣмъ государственнымъ строемъ, котораго добивались умѣренныя политическія партіи, начались такъ называемыя „бесѣды" видныхъ московскихъ купцовъ и промышленниковъ съ представителями партій, главнымъ образомъ — кадетской.

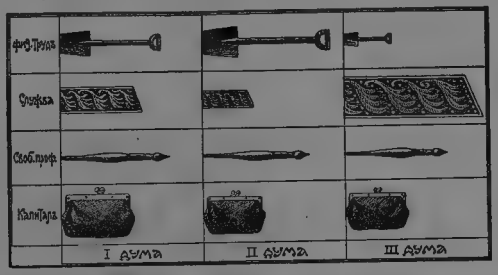
О. Я. Пергаментъ,
выдающійся цивилистъ и математикъ, членъ третьей Гос. Думы, одинъ изъ защитниковъ на Выборгскомъ процессѣ. Преждевременно погибъ вслѣдствіе травли и неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ.

Столыпину и Коковцову эти бесѣды не предвѣщали ничего добраго, но прекратить ихъ не хватало рѣшимости, да и невыгодно было. Считая, совершенно ошибочно, газету „Утро Россіи" (въ Москвѣ) органомъ объединившихся купцовъ и кадетъ, Столыпинъ предписалъ московскому градоначальнику Адріанову душить эту газету штрафами и при первомъ подходящемъ случаѣ — закрыть. Но порядочность Адріанова, съ одной стороны, и явная безпринципность „Угро Россіи", съ другой, сохранили этотъ органъ П. Рябушинскаго (основателя и „бесѣдъ") отъ разгрома.

Видя неудачу съ октябристами, неудачу съ промышленниками, наконецъ — неудачу съ союзниками, Столыпинъ обратился къ мысли организовать, съ помощью администраціи, новую политическую группу, объединивъ въ ней все чиновничество, дворянство (помѣстное) и тѣхъ изъ разночинцевъ, кто почему либо не примкнулъ къ другимъ партіямъ. Объединяющимъ лозунгомъ былъ выдвинутъ націонализмъ, не замедлившій, конечно, обратиться въ карикатуру и вызвавшій рядъ націоналистиче-

скихъ выступленій въ Думѣ и оффиціозной прессѣ. Съ помощью правительства, денежной и моральной, основались „Союзъ націоналистовъ“ и клубъ. Черносотенцы, въ свою очередь, основали, съ царской субсидіей, „Русское собраніе“, гдѣ пріютились

Распредѣленіе членовъ 1-ой, 2-ой и 3-ей Гос. Думы по занятіямъ.



Соц.-дем. фракція третьей Гос. Думы.

Стоятъ слѣва: Астраханцевъ, Воронинъ, Путятинъ, Войлошниковъ, Косоротовъ, Покровскій 2-ой, Сурковъ и Кузьмо. Сидятъ (слѣва): Захаровъ 2-ой, Полетаевъ, Кузнецовъ, Гегечкори, Гайдаровъ и Предкальнъ.

и „союзники“. Націоналистическіе марши игрались, такимъ образомъ, сразу на двухъ барабанахъ, а въ Думѣ имъ вторили депутаты, навербованные гр. Бобринскимъ изъ октябристовъ и правыхъ. Къ общему удивленію, идея захватила и нѣсколько про-

Русское Собраніе.

Клубъ реакціонеровъ. На сооруженіе зданія Николай II далъ 100,000 рублей. Торжественное открытіе новаго помѣщенія.

Первый всероссійскій съѣздъ націоналистовъ.
Въ залѣ петербургской гор. думы. Предсѣдатель — кн. [Урусовъ.]

Съѣздъ губернскихъ предводителей дворянства,

неспокойныхъ за матеріальное свое положеніе при новомъ строѣ. Сидятъ (слѣва): Ознобишинъ, Салтыковъ, Драшусовъ, А. Самаринъ, Гевличъ, кн. Салтыковъ, кн. Чолокаевъ, Кушелевъ, гр. А. Бобринскій, Зиновьевъ, кн. Голицынъ. Стоятъ (слѣва): князь Куракинъ, С. Толстой, Сухомлиновъ, Ребиндеръ, Леоновъ, Наумовъ, А. Крупенскій, кн. Щербатовъ, бар. Пилларъ-фонъ-Пильхау, Булычевъ, гр. Рейтернъ, Лавриновскій, Еропкинъ.

свѣщенныхъ людей изъ оппозиціи, которые выступали съ проповѣдью какого то „здороваго“ націонализма. Этотъ эпитетъ, прилагаемый у насъ и къ „консерватизму“, и къ „патріотизму“, и къ чему угодно, лучше всего указываетъ на обратное — глубокое нездоровье государственнаго организма, разъѣдаемаго чиновничьей гангреной и анархіей сильнѣе, чѣмъ революціей.

Шатаніе изъ стороны въ сторону, къ которому какъ-то всѣ привыкли, регулировалось только маятникомъ казней. Изо дня въ день тянулись къ эшафотамъ люди разныхъ профессій, партій и классовъ, и В. Стэдъ, кажется, нарочито для опроса Столыпина, пріѣзжалъ по этому поводу въ Россію. Мы уже знаемъ, что, взявъ на себя отъ царя право помилованія, Столыпинъ являлся центральной фигурой періода казней; безотвѣтственный передъ Думой, онъ именно въ ней, однако, нашелъ свой приговоръ, который въ мѣткомъ опредѣленіи депутата Родичева, перейдетъ и въ исторію. Говоря о казняхъ въ одномъ изъ засѣданій, когда Столыпинъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, Родичевъ назвалъ веревку висѣльника „столыпинскимъ галстухомъ“. (Опредѣленіе было не ново, т. к. во времена усмиренія Польши та же веревка называлась тамъ „муравьевскимъ галстухомъ“ — по имени Муравьева-Вѣшателя). Скандалъ былъ большой, Родичевъ принесъ министру извиненіе, но „слово не воробей, вылетитъ — не поймаешь“. Царь, узнавъ о случаѣ, выразилъ Столыпину свое сожалѣніе, но въ такой формѣ, что даже преданный ему не за страхъ, а за совѣсть министръ сказалъ, выйдя изъ кабинета: „Какъ онъ не понимаетъ, что вѣдь у меня же сынъ есть!“, признавая неизбѣжной преемственность клички изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Итоги дѣятельности третьей Думы были до такой степени ничтожны или отрицательны, что, кажется, ей самой это стало подъ конецъ очевиднымъ. По крайней мѣрѣ, октябристы и правые боятся выборовъ въ четвертую Думу, которая должна быть радикальнѣй, въ прежнемъ смыслѣ, — слишкомъ уже сильно и всеобще негодованіе на безплодность нынѣшняго состава. Предсѣдатель Хомяковъ, не мало способствовавшій обращенію парламента въ балаганъ, самъ не выдержалъ плодовъ своей сонливости и балагурства и, послѣ одного изъ устроенныхъ ему Марковымъ и Ко. кошачьихъ концертовъ, такъ же флегматично сошелъ навсегда со своей „эстрады“, какъ и входилъ на нее въ ноябрѣ 1907 г. Покой былъ ему всего дороже. Но, когда приходилось бывать у царя, въ Хомяковѣ просыпался духъ его отца, извѣстнаго въ свое время славянофила, и онъ пускался въ разсужденія, которыя Николаю казались столь же непонятными, какъ и безтактными. Въ послѣднюю же аудіенцію Хомяковъ напросто посовѣтовалъ царю не слушать приближенныхъ, которые де всѣ обманываютъ его, не говорятъ правды, не понимаютъ, ведутъ Россію къ гибели. Царь началъ приподыматься со стула, собираясь, вѣроятно, подать голосъ въ защиту Столыпиныхъ и Марковыхъ, но Хомяковъ еще раньше всталъ и сказалъ, какъ еслибъ говорилъ со старымъ пріятелемъ:

„Вы ужъ извините, Ваше Величество, а я домой поѣду, на крещенскій парадъ не останусь (дѣло было 6-го января), нездоровится“...

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТАЯ.

Дворцовая жизнь входитъ въ свою колею. — Гадалка. — Царь начинаетъ снова показываться на улицахъ. Смѣна вліяній — Смерть Орлова. — Семейные нелады. — Психическая болѣзнь царицы. — „Штандартъ.“ — Блиндированный подвалъ въ царскосельскомъ дворцѣ. — Такая же комната для Столыпина въ Таврическомъ Дворцѣ. — Пулеметы на войнѣ и въ дворцовыхъ коридорахъ. — Новые заказы. — „Высочайше“ установленные образцы гарантируютъ военныя пораженія.

Смѣна трехъ Думъ не оставила во дворцѣ царя ни малѣйшаго конституціоннаго запаха. Проходившіе черезъ кабинетъ Муромцевъ, Головинъ, Хомяковъ и Гучковъ оставались для хозяина людьми съ другой планеты, которыхъ онъ органически неспособенъ былъ понимать. Здѣсь реагировали на иныя событія. Былъ страхъ

передъ революціей, и манифестъ 17-го октября былъ данъ съ тѣмъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ отъ него отвертѣться. Былъ блудливый ужасъ въ моментъ разгона первой Думы, и миноносцы стояли съ разведенными парами, готовые умчать царскую семью за предѣлы столь любящаго ея государства. Было стремленіе пытать судьбу — доставали юродивыхъ, какъ Митьку, и шарлатановъ, какъ Филиппъ или Папюсъ. Нападалъ приступъ богомольства, отрывали монашескіе трупы и справляли канонизацію, какъ бы навязывая синодскимъ циркуляромъ самому Творцу новаго святого. Крупныя впечатлѣнія перемѣшивались съ повседневными мелочами, дрязгами, сплетнями, гдѣ адюльтеръ всегда доминировалъ, и общая атмосфера пышнаго дворца не

Парадъ морякамъ въ Царскомъ Селѣ.

Со времени революціи воинскія части привозятся поочередно въ Царское Село для представленія царю, долго не ѣздившему въ опасный и крамольный Петербургъ.

отличалась существенно отъ атмосферы уѣзднаго городка или армейской казармы. Искусство, литература, наука — все это годилось для плебса, кормившаго немногочисленную группу тунеядцевъ и неучей, для которыхъ жизнь должна была походить на цвѣточный коверъ подъ безоблачнымъ небомъ. Должна, но не была. И съ этой общечеловѣческой точки зрѣнія царь, его семья и приближенные были одинаково достойны сожалѣнія и участія. За годъ войны и революціи настроеніе этихъ людей должно было претерпѣть радикальную метаморфозу, и въ сознаніе ихъ, помимо воли, проникъ цѣлый рядъ представленій, тѣмъ болѣе страшныхъ, чѣмъ новѣе, непривычнѣе они были. Вотъ почему, вмѣстѣ съ освободительной волной, отхлынула и большая часть дворцовыхъ тревогъ; тамъ вѣдь тоже хотѣлось отдохнуть, забыться, вернуться къ скабрезнымъ анекдотамъ, охотѣ, безмятежному farniente въ обществѣ любовницъ и любовниковъ. Постепенно смягчались вѣсти снаружи, рѣдко приставали

Полтавскія торжества.

200-лѣтній юбилей полтавской побѣды. Союзники ожидаютъ царскаго выхода. Ими предводительствуетъ Марковъ 2-ой (×).

Полтавскія торжества.

Выходъ на поле бывшей битвы русскихъ со шведами къ панихидѣ по убитымъ воинамъ. Типы духовенства представлены здѣсь довольно полно.

министры съ непріятными, сложными дѣлами, и въ затихавшемъ воздухѣ дворца люди-пауки заплетали свои паутины, окутывая всѣхъ и все сѣрыми, однообразными петлями пошлости и житейской пустоты. Вотъ и привычная фигура гадалки мелькаетъ изъ-за позолоты и парчи; Столыпинъ можетъ завѣрять клятвой, что стало безопасно на улицахъ, террористы переловлены и перевѣшаны, царь все съ опаской выѣхалъ бы въ открытомъ экипажѣ за предѣлы своего парка; но стоило гадалкѣ прикинуть судьбу Россіи на кофейной гущѣ, бобахъ или картахъ и сказать, что покушенія не предвидится, какъ Николай успокаивается и начинаетъ выѣзжать туда и сюда. Оффиціозамъ

Открытіе Троицкаго моста,

при постройкѣ котораго даны были колоссальныя взятки городской управѣ, какъ это обнаружила сенаторская ревизія. Строитель подноситъ царицѣ контактъ для подачи сигнала къ открытію моста.

остается только дѣлать видъ, что народъ снова боготворитъ своего монарха, и усиленно подчеркивать, что „Его Величество изволили прослѣдовать въ открытомъ экипажѣ."

Шли годы, тревоги чередовались съ надеждами, мѣнялись и дворцовыя вліянія; и, какъ мельчала окружающая дворецъ жизнь, такъ мельчали и окружавшіе царя совѣтчики; сильныя фигуры гр. Игнатьева, Трепова, Побѣдоносцева сошли въ могилы, водворились посредственности, въ черносотенномъ смыслѣ: Дедюлины, Оболенскіе; ихъ смѣняли Восторговы, а этихъ — Распутины, профессіональные растлители и святоши. Въ общемъ, вліянія не отличались планомѣрностью и вращались возлѣ интересовъ матерьяльныхъ, а не политическаго характера. За это время и въ жизни государыни, и безъ того надтреснутой и ненормальной, произошла большая перемѣна: умеръ ея фаворитъ, ген. Орловъ. Манія преслѣдованія наложила на него свою руку

тяжелѣе, чѣмъ на другихъ, и скрутила молодой еще организмъ въ какіе нибудь два, три года. Тѣмъ искреннѣй и горше были высочайшія слезы, проливавшіяся надъ безвременной могилой прибалтійскаго усмирителя; и это были одинокія слезы, генералъ не оставилъ по себѣ доброй памяти. Императрица долго продолжала посѣщать дорогую могилу, и такъ какъ паломничества эти не могли не быть извѣстны ея мужу, то семейные нелады, отъ которыхъ никакая власть не страхуетъ, обострялись; учащались сцены и увеличивалось число ихъ невольныхъ свидѣтелей. Во дворцѣ было такъ же тошно, какъ въ буржуазной семьѣ наканунѣ распада. На бѣду, психическое состояніе Александры Федоровны внушало все худшія опасенія; подкравшись, какъ

Депутація отъ евреевъ
привѣтствуетъ царя по случаю его пріѣзда въ Ливадію (Крымъ).

всегда, незамѣтно, по закоулкамъ, устроеннымъ коварной наслѣдственностью, тяжкій психозъ выбралъ удачную минуту и громко заявилъ, водворясь поплотнѣе въ бѣдномъ человѣческомъ мозгѣ:

„J'y suis, j'y reste."

Этимъ удобнымъ случаемъ было крушеніе императорской яхты „Штандартъ" въ финляндскихъ шхерахъ. Не крушеніе, — простая постановка на мель зазѣвавшимися придворными мореплавателями, — но кто пойметъ это въ первый моментъ? Царицу съ дѣтьми посадили на шлюпку и отправили на первый попавшійся островокъ. Къ несчастію, острова кишѣли солдатами, которымъ даны были прямолинейныя, но мало продуманныя инструкціи палить безъ предупрежденія по всякому приближающемуся судну. Они и открыли бѣглый огонь по катеру со „Штандарта". Было отъ чего „въ отчаяніе придти", всякая мать пойметъ это; и больная царица сдѣлалась еще больнѣй. Къ обычной формѣ маніакальнаго помѣшательства

примѣшалась вскорѣ странная, но непреоборимая любовь къ одной изъ придворныхъ дамъ, къ Вырубовой. Разлуки съ ней приводили жену Николая въ такое возбужденіе, что однажды пришлось изъ шхеръ посылать за возлюбленной фрейлиной миноносецъ, и тогда царица успокоилась. Слухи проникали въ народъ, помѣшательство царицы становилось общеизвѣстнымъ и связывалось съ судьбой ея сына, рожденнаго уже послѣ начала болѣзни. Но Алексѣй когда еще выростетъ, да и будетъ ли царствовать; а вотъ мужу и дѣтямъ сообщество психически больной жены и матери было и тяжело, и опасно; поэтому испробовано было все, что могли дать

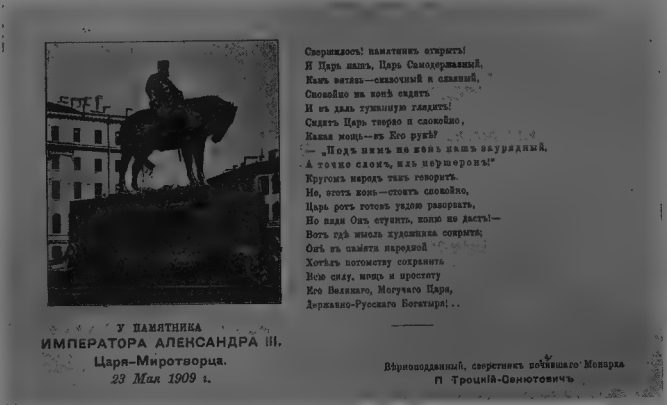
Празднованіе 200-лѣтняго юбилея г. Петербурга.
Къ этому дню были вырублены прекрасныя деревья возлѣ памятника Петру, а нынѣ вырублены и тѣ, что видны на заднемъ планѣ. Предлогъ — открыть видъ на соборъ, причина — удобство обстрѣла толпы на случай новой вспышки революціи.

богатство и власть. Держали въ Вилла-Франкѣ яхту для изоляціи на морѣ, строили дворецъ въ Крыму, для изоляціи на сушѣ, интернировали за рѣшетками замка Фридберга близъ Наугейма. Осматривали больную свѣтила міровой медицины, молились о ней архипастыри всѣхъ церквей; общее сочувствіе родного нѣмецкаго народа могло быть полезно, какъ успокаивающее средство. Ничто не помогало. Надъ семьей Николая нависло, вдобавокъ къ прежнимъ, новое бѣдствіе, и хорошо еще дѣтямъ, что отецъ ихъ чадолюбивъ и милъ съ ними.

Слѣдуетъ думать, однако, что все это молодое поколѣніе заражено повышенной психической возбудимостью, ибо вся обстановка дворцовой жизни слагалась за эти годы такъ, чтобы дурно вліять на дѣтскую мозговую систему. Невозможно было утаить отъ дѣтворы, которой нужна беззаботность, что во дворцѣ устраивались блиндированныя подземныя помѣщенія. Отъ кого хотѣли скрываться? Не отъ народа, если войска вѣрны, а пулеметы на мѣстахъ и заряжены? Значитъ, отъ самихъ войскъ? Значитъ, на преторьянцевъ такъ же мало надежды, какъ на какихъ

Открытіе памятника Александру III-му въ Петербургѣ.

нибудь урупскихъ казаковъ, стрѣлявшихъ изъ-за баррикадъ? Гдѣ же вѣрные люди, на кого можно положиться, кто силенъ на самомъ дѣлѣ, а не по виду? Все это были естественныя темы для размышленій подъ дѣтскими пологами въ тѣ вечерніе часы, когда во всякой частной семьѣ ребятишки безмятежно засыпаютъ подъ напѣвы няни или мурлыканье раскормленнаго сѣраго кота. Какъ всегда на войнѣ стремятся разрушить прежде всего прикрытіе, щитъ, заслоняющій вражескую грудь, такъ и народъ, сражающійся съ чиновничествомъ, устремляетъ самыя разрушительныя силы свои на щитъ, которымъ одѣта грудь этого чудовища, на царя, именемъ коего освящается и новая солдатская пуговица и убійство невиннаго младенца, подозрѣваемаго въ метаніи бомбы или выстрѣлѣ, никого не убившемъ. Приходится блиндироваться и



Стихи на открытіе памятника Александра III.
Facsimile „открытки", продававшейся въ день освященія памятника Александру III-му.

другимъ героямъ этой многоактной драмы. Для того случая, когда Столыпинъ могъ бы надолго остаться въ Таврическомъ дворцѣ или даже заночевать, была блиндирована одна изъ комнатъ 2-го этажа: это выяснилось случайно, когда коммиссія, завѣдующая зданіемъ, хотѣла приспособить тамъ какое то изъ думскихъ учрежденій, отдѣленіе библіотеки или что-то въ этомъ родѣ. Недоставало только поставить возлѣ двери въ этотъ своеобразный альковъ пару пулеметовъ вмѣсто традиціонныхъ бронзовыхъ львовъ или грифовъ. Между прочимъ, пулеметами щедро украшены всѣ наружные коридоры царской резиденціи, и видѣть ихъ можетъ даже непосвященный въ технику охраны. Это смертоносное оружіе стояло здѣсь и въ то время, когда на Дальнемъ Востокѣ за каждый пулеметъ можно было бы дать по цѣлому батальону солдатъ; но охрана имперіи была далеко не такъ близка сердцу ея цзря, какъ охрана своего дома, въ которомъ онъ все болѣе плохо себя чувствовалъ. Пулеметы оставались на своихъ мѣстахъ, а для арміи спѣшно заказывались заграницей новые. Въ коммиссіи по оборонѣ третьей Государственной Думы объ этихъ пулеметахъ зашла рѣчь весьма интересная. Нужно сказать, что коммиссія не могла нахвалиться присылаемыми изъ морского и военнаго министерствъ „свѣдущими людьми", техниками, дававшими объясненія по смѣтѣ. Все это, по словамъ членовъ коммиссіи (кадетовъ), были, повидимому, честные, образованные и умные люди,

которыми всякое государство могло бы гордиться. Одна черта только и отличала ихъ отъ европейцевъ; былъ пунктъ, дѣйствовавшій на нихъ, какъ прикосновеніе волшебной палочки, при наименованіи котораго офицеры эти впадали въ настоящій трансъ и разучались членораздѣльной рѣчи. Эти слова были: „высочайшій указъ“ и „высочайше установленный образецъ“. Произнеся ихъ, свѣдущее лицо становилось невинно, какъ новорожденный младенецъ, ласкающій дуло направленнаго на него пистолета.

— Вы заказали такому то заводу полторы тысячи пулеметовъ, какъ видно изъ параграфа такого то этой смѣты?“

— Да.

„Отвѣчаютъ ли они послѣднему слову техники?“

— О да, это высочайше установленный образецъ 1905 г. —

„Очень хорошо. А патроны къ нимъ заказаны?“

— Какъ же. —

„Чѣмъ они снаряжаются?“

— Порохомъ, конечно. —

„Какого образца?“

— Высочайше установленнаго образца 1908 г. —

„А вамъ извѣстно, что этотъ порохъ приблизительно въ четыре раза разрушительнѣй того, которымъ снаряжались патроны для пулеметовъ 1905 г.?

— Извѣстно ...

„И что такіе патроны будутъ рвать стволъ пулемета?“

„Дда ... будутъ ...“

„Такъ какъ же вы заказываете пулеметы одни, а патроны къ нимъ другіе?“

„Это высочайше установленные образцы“, — невозмутимо произносятъ техники, и по лицамъ ихъ не видно, издѣваются они надъ думской коммиссіей, надъ самими собой, надъ этими глупыми, ничего не означающими словами, надъ самимъ царемъ, наконецъ, или говорятъ серьезно? ...

То же было и съ заказами угля, и съ постройкой броненосцевъ и съ чѣмъ угодно. Однѣ пуговицы и покрои панталонъ не возбуждали сомнѣній и недоумѣній въ встревоженныхъ депутатахъ, считавшихъ, кажется, себя не на шутку отвѣтственными передъ родиной за состояніе ея вооруженныхъ силъ. Только въ области одежды и медалей царское имя не компрометировалось, и по всей справедливости можно было предоставить эту область въ полное распоряженіе самодержца. Все остальное было уже явнымъ злоупотребленіемъ чиновныхъ воровъ въ штатскихъ и военныхъ мундирахъ.

Страна жила, не думая о томъ, что всѣ прошлыя и всѣ будущія военныя пораженія совершаются и будутъ совершаться по заранѣе предусмотрѣнному и „высочайше установленному образцу!“

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАЯ.

Герои нашего времени. — Гурко и Лидваль. — М-me Эстеръ. — Духовное пѣснопѣніе передъ корсетной мастерской. — Думбадзе. — Его статьи и подвиги. — Покрытіе его грѣховъ изъ казенныхъ суммъ. — Дружба со столыпинскими дѣтьми. — Четверостишіе о Пергаментѣ сердечно трогаетъ перваго министра. — Думбадзе наглѣетъ. — Телеграмма Бекману. — Отставка послѣдняго — Не Ивановъ ли 17? — Суворинъ клевещетъ на Герарда — Меньшиковъ. — Его статьи о федерализмѣ и погромахъ. — Аудіенція въ Царскомъ Селѣ. — Подъ царскія выходки подводится идеологическое основаніе. — Дубровинъ и дѣло Герценштейна. — Юскевичъ-Красковскій и Гамзей Гамзеичъ. — Бар. Бугсгевденъ. — Скандальное помилованіе. — Союзники въ Ливадіи. — Марковъ въ Царскомъ Селѣ. — Маразмъ Богдановича. — Веретенниковъ. — Горчаковъ. — Толмачевъ. — Гершельманъ — Скалонъ. — Драчевскій и погромъ въ Ростовѣ. — Рейнботъ. — Почаевская лавра. — Иліодоръ. — Иванъ Кронштадскій. — Паденіе его престижа въ народѣ. — Гоненія на либеральныхъ министровъ. — Кауфманъ. — Шварцъ. — Щегловитовъ развертывается — Принципъ необязательности закона. — Петрушка Дурново снова всплываетъ. — Интриги въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ. — Склоненіе вліянія Столыпина. — Морскіе штаты. — Царь зоветъ Столыпина въ Союзъ русскаго народа.

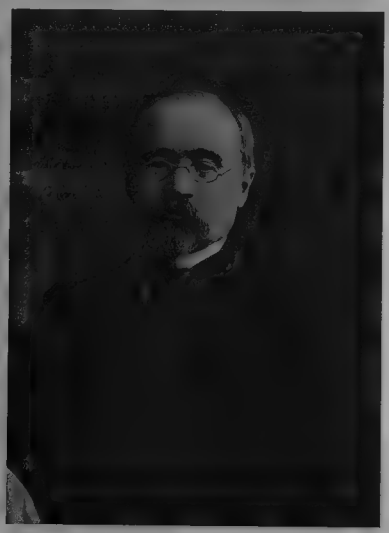
Независимо отъ какого либо руководства или плана, слагалась изъ пестрыхъ событій описываемыхъ здѣсь лѣтъ опредѣленная и очень яркая картина русской дѣй-

П. А. Столыпинъ съ семьей въ паркѣ Елагина Дворца.

Жена бывш. премьера урожд. Нейдгардтъ; отсюда вытекаетъ пристрастіе его къ этой фамиліи и откровенное окруженіе себя родными (сен. ревизоръ Нейдгардтъ и членъ Гос. Совѣта — братья жены Столыпина; Кассо, мин. народн. просв., также въ родствѣ со С-мъ черезъ эту фамилію и т. д.)

ствительности. Фонъ ея, поскольку входили въ ея составъ широкіе слои населенія, разрозненно дѣйствовавшіе, но единодушные въ своей ненависти къ угнетающему ихъ режиму, мы пытались набросать въ предыдущемъ изложеніи; теперь намъ остается взять наудачу нѣсколько фигуръ, выступившихъ волею судебъ на первый планъ картины, фигуръ настолько характерныхъ, чтобы не нужно было разбрасываться въ поискахъ иныхъ типовъ. Сдѣлать это тѣмъ болѣе легко, что люди эти еще живутъ, и всякій день приноситъ доказательства тому, что ихъ жизнь и работа типичны для современнаго уклада, и что, благодаря имъ, самая государственность русская полу-

Ген. Бекманъ,
финляндскій ген.-губернаторъ, смѣщенъ за то, что хотѣлъ выполнять законы.



Меньшиковъ,
извѣстный публицистъ „Новаго Времени", презираемый даже сотрудниками этого органа, продажная совѣсть и продажное перо. Весьма способный человѣкъ, бывшій либераломъ и готовый стать имъ завтра, если это будетъ выгодно. Носитъ прозвище „Іуды".

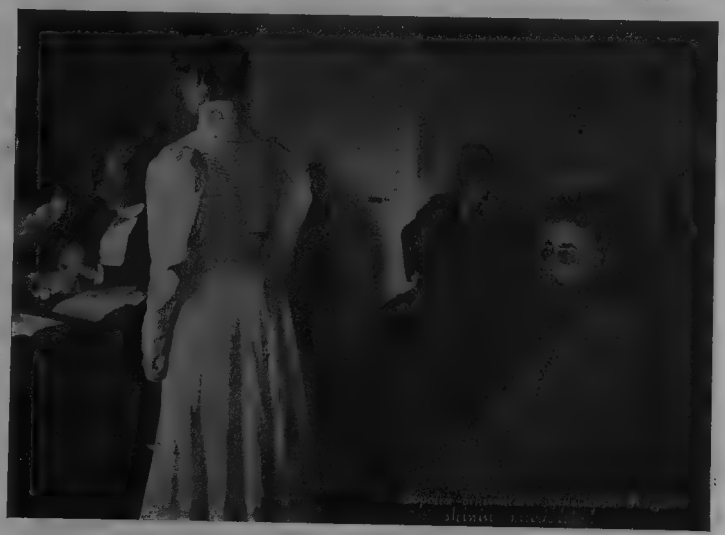
чаетъ такой опредѣленный тонъ, что исчезаетъ всякая опасность одновременности двухъ мнѣній о ней среди цивилизованной части человѣчества.

По окончаніи этой части нашей печальной задачи, намъ останется обвести контуры центральныхъ лицъ изъ группы правителей и сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній общаго характера; они приподымаютъ занавѣсъ надъ ближайшимъ будущимъ государства, какимъ оно рисуется политическимъ кругамъ, не потерявшимъ головы ни въ развалъ революціи, ни въ реакціонные годы. Какъ ни странно, но никогда въ доконституціонное время не сказывался такъ рѣзко на подборѣ высшей бюрократіи и администраціи личный вкусъ царя. Какъ будто и въ этой области представительный строй нѣсколько освобождалъ руки бывшаго самодержца, невольнаго даже въ выборѣ ближайшихъ сотрудниковъ. Но это лишь казалось, на дѣлѣ же

Судъ надъ убійцами депутата Герценштейна.
Засѣданіе суда происходитъ въ финляндскомъ поселкѣ близъ Теріокъ.

растерявшемуся чиновничеству ничего не оставалось, какъ тѣсно прильнуть къ царю, временно отрѣшиться отъ иниціативы, а кстати взвалить на него и всю отвѣтственность за послѣдствія личной политики. И всѣ перечисляемые ниже типы государственныхъ мужей должны быть судимы съ одной, общей точки зрѣнія — ихъ чрезвычайной популярности у царя, не устающаго выказывать имъ знаки своего довѣрія и любви.

Что бюрократизмъ встрѣтилъ учрежденіе Государственной Думы со скрежетомъ зубовнымъ, это было ясно и естественно; столь же естественно было ожидать, что сквозь корректную оболочку высшаго его органа должна будетъ прорваться



Судъ надъ убійцами Герценштейна.

Направо — Тополевъ, болѣе извѣстный подъ кличкой „Гамзея Гамзеича", выдающійся погромщикъ, алкоголикъ, гроза губернаторовъ, плохо его принимавшихъ. Одинъ изъ главныхъ участниковъ убійства Амнистированъ Николаемъ.

наружу злоба чиновничьей души, и что для этой роли организмъ выдвинетъ наиболѣе типичные свои элементы. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ открытія первой сессіи парламента, страна могла уже созерцать изнанку своего строя во всей ея полнотѣ и отталкивающемъ безобразіи. Въ запискахъ одного изъ первыхъ депутатовъ читаемъ:

„Но къ кому Дума чувствовала настоящую брезгливость, такъ это къ прославленному герою „лидваліады" (поставка хлѣба въ голодающія губерніи), товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, Гурко. Небольшого роста, съ самонадѣяннымъ выраженіемъ лица, свойственнымъ всѣмъ представителямъ этой фамиліи (авторъ ошибается, дѣти фельдмаршала Гурко унаслѣдовали это выраженіе отъ своей матери, урожденной графини Саліасъ, и для Саліасовъ то и характерно оно), съ закинутой назадъ головой и высоко вздернутымъ толстымъ носомъ, задравъ на столъ сложен-

Судъ надъ убійцами Герценштейна.

На первомъ планѣ Ларинкинъ, нынѣ выдавшій всѣ детали дѣла и всѣхъ участниковъ, кончая камергеромъ бар. Бугстевденомъ и ген. фонъ-деръ-Лауницемъ, не говоря о докторѣ Дубровинѣ и др., въ участіи которыхъ никто не сомнѣвался. Справа Пруссаковъ, бывшій секретарь главнаго совѣта Союза русскаго народа, разоблачившій его боевую дѣятельность.

ныя накрестъ ноги, пренебрежительно поглядывая на депутатовъ, этотъ невзрачный человѣкъ какъ бы олицетворялъ въ себѣ всѣ худшія стороны бюрократизма и самое отношеніе послѣдняго къ народному представительству".

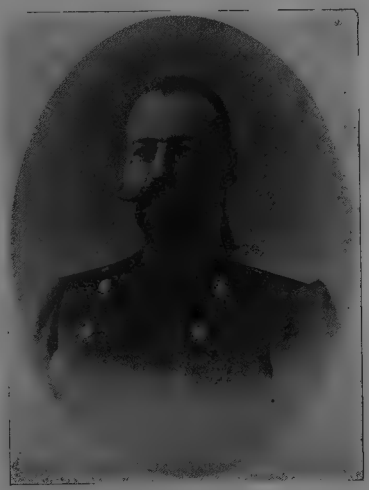
Гурко выдвинулся при Плевне, который оцѣнилъ его способности и безпринципность въ должной мѣрѣ. Странно только, что всесильный министръ, брезговавшій явными ворами, не оцѣнилъ Гурко съ этой именно стороны. Наклонность къ широкой жизни не по средствамъ и хищнической добычѣ денегъ была (и есть) одной изъ отличительныхъ чертъ семьи героя турецкой войны и усмирителя Польши. Жена послѣдняго брала открыто взятки во время пребыванія Гурко въ Твери и Варшавѣ, обращалась

Покушеніе на московскаго ген.-губернатора Гершельмана, случайно не удавшееся.

съ казеннымъ имуществомъ занимаемыхъ ими дворцовъ, какъ со своимъ, увозила мебель, часы, люстры и т. п. Это ихъ сынъ пытался убить въ Монте-Карло извѣстнаго русскаго богача Половцева; извѣстно, что въ борьбѣ Половцевъ успѣлъ укусить Гурко за палецъ, и по этому признаку его арестовали въ Парижѣ. Извѣстно также, что именно нашъ герой, Іосифъ Гурко, передалъ брату ядъ изъ губъ въ губы при свиданіи въ тюрьмѣ, и послѣдній не дожилъ до суда. Довольно сильныя натуры! Когда открылась вся эта исторія, знающіе семью Гурко говорили про покушавшагося на Половцева: „Это еще не самый дрянной изъ братьевъ погибъ", намекая на Іосифа, уже тогда подававшаго надежды превзойти всѣхъ наглостью и преступностью. Добравшись до солиднаго поста, Гурко вспомнилъ, вѣроятно, что его тезка, Іосифъ прекрасный, былъ приставленъ къ раздачѣ хлѣба голодающимъ египтянамъ, и постарался пристроиться къ такому же занятію въ Россіи. Но, будучи отвратителенъ

лицомъ, онъ и въ дѣлѣ своемъ явился полной антитезой предшественника и въ короткое время растратилъ около милліона казенныхъ денегъ, ассигнованныхъ первой Думой на помощь бѣдствующимъ крестьянамъ.

Весьма рѣзкія слова лидера трудовиковъ, Аладьина, сказанныя въ то время, оказались пророческими, а ассигнованіе чиновникамъ денегъ на дѣло, требующее особой щепетильности въ отчетахъ, — неблагоразумнымъ. Компанія, въ которой работалъ Гурко, оказалась вполнѣ подходящей. Это были — содержательница корсетной мастерской, нѣкая Эстеръ (она же была сводницей), и Лидваль, промышлявшій и клозетами, и игорными домами, и чѣмъ вообще подойдетъ. Дружеское тріо быстро приспособилось къ ассигнованнымъ Думой милліонамъ; изъ нихъ были погашены векселя Гурко, удовлетворены аппетиты его, Лидваля и корсетницы, дана взятка нижегородскому губернатору, барону Фредериксу, за содержаніе веселаго притона (Лидвалемъ), въ общемъ всего до 800.000 рублей. Лидваль скрылся, бѣдствуетъ теперь въ Лондонѣ и охотно разсказываетъ о роли Гурко, бывшаго иниціаторомъ всей эпопеи. Гурко былъ осужденъ сенатомъ и въ теченіи трехъ лѣтъ не могъ занимать никакой должности, но Николай не могъ оставить въ бѣдѣ столь импонировавшаго его темпераменту молодца и помиловалъ его, какъ миловалъ погромщиковъ, убійцъ и вообще всѣхъ преступниковъ, расписывавшихся въ своей преданности ему. Черносотенцы, бывшіе, въ моментъ процесса Гурко, въ особомъ фаворѣ и единственными, имѣвшими право собраній, послѣ одного изъ митинговъ продефилировали передъ корсетной мастерской Эстеръ и почтили еврейку — сводницу и ея высокаго друга пѣніемъ церковной молитвы: „Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ!“



Ген. Рейнботъ,

бывшій московскій градоначальникъ, взяточникъ и лихоимецъ, приговоренъ къ арестанскимъ ротамъ въ 1911 г. Былъ одно время любимцемъ Столыпина и царя. Женился на богатой московской купчихѣ Морозовой, расчитывавшей попасть въ финляндскія генералъ-губернаторши. Процессъ обнаружилъ полное разложеніе административныхъ нравовъ, въ чемъ, впрочемъ, и до того никто въ Россіи не сомнѣвался.

Самыя странныя явленія становились обычными, и Божество, вѣроятно, перестало разбираться въ обращеніяхъ къ нему, несшихся съ этой удивительной части земнаго шара, гдѣ по Его произволенію Николай и его сподвижники показывали свое удальство и изобрѣтательность.

Не успѣлъ закатиться Гурко, какъ новая звѣзда выступила на реакціонномъ небосклонѣ: главноначальствующій гор. Ялты, въ Крыму, ген. Думбадзе. Необразованный и придурковатый строевой офицеръ, Думбадзе нюхомъ негодяя понялъ, что нужно дѣлать, чтобы быть въ силѣ, такъ какъ наличность царской резиденціи вблизи Ялты ставила его въ непосредственную близость къ дворцовому вѣдомству и самому Николаю. Прежде всего онъ пустился въ полемику съ прогрессивной прессой и издателями революціонныхъ прокламацій. Написанныя нелѣпымъ языкомъ и исполненныя крикливаго паѳоса, эти генеральскія статьи служили украшеніями сатириче-

скихъ журналовъ, перепечатывавшихъ ихъ дословно. Потомъ наступилъ періодъ активной борьбы съ крымской крамолой, существовавшей, впрочемъ, только въ воображеніи начинавшаго мѣшаться въ умѣ генерала. Думбадзе леталъ, окруженный отрядомъ конныхъ стражниковъ, по городу и уѣзду, наводя страхъ на мирныхъ жителей и смѣша революціонеровъ, если только они были тамъ. Наконецъ, неудовлетворенный этими безкровными побѣдами, царскій любимецъ, увѣшанный орденами и обложенный пачками монаршихъ телеграммъ, до того раздражилъ мѣстное населеніе, что покушенія на его, генерала, жизнь, появились уже, какъ естественный результатъ бѣлаго террора. Послѣ второго покушенія ошалѣвшій генералъ не только сжегъ немедленно дачу, изъ которой сдѣланъ былъ въ него неудачный выстрѣлъ (отъ этого поджога сгорѣла и другая, ни въ чемъ уже неповинная дача), но и вырубилъ всѣ деревья, окружавшія ихъ. Кажется, еслибъ здѣсь случайно находилась гора, онъ срылъ бы ее, а еслибъ плескалось море, попытался бы засыпать послѣднее. Человѣкъ явно выживалъ изъ ума, но его продолжалъ хвалить Николай, и чиновники — министры заискивали въ уѣздномъ Чингисханѣ. За убытки, нанесенные дачевладѣльцамъ (нѣсколько десятковъ тысячъ рублей), Столыпинъ заплатилъ изъ десятимилліоннаго фонда, такъ какъ и подумать не смѣлъ о возможности судебнаго процесса для лица, бывшаго столь же безотвѣтственнымъ, какъ самъ царь. Да и личныя отношенія, предусмотрительно завязанныя Столыпинымъ съ Думбадзе, мѣшали этому. Министерскія и думбадзевскія дѣти вели между собой (по распоряженію папашъ) нѣжную дружбу, и Столыпинъ, послѣ одной изъ поѣздокъ въ Крымъ, самъ разсказалъ предсѣдателю Думы, Н. Хомякову, трогательную исторію о томъ, какъ хоръ изъ его и Думбадзе дѣтей пѣлъ сложенную ими пѣсенку про одесскаго депутата Пергамента (крещеннаго еврея, извѣстнаго адвоката и математика), бывшаго однимъ изъ замѣтныхъ членовъ третьей Думы:

„Жидъ Пергаментъ
„Попалъ въ парламентъ,
„Сидѣлъ бы лучше дома
„И ждалъ погрома.

Мало мудренаго, что царскія милости и дружба перваго министра свихнули тронутый генеральскій мозгъ окончательно. Думбадзе было теперь мало мѣстныхъ крамольниковъ, мѣстной печати. Онъ хотѣлъ искоренять крамолу всероссійскую, писалъ новыя статьи уже въ столичные журналы, грозилъ отдѣльнымъ лицамъ и группамъ и кончилъ тѣмъ, что послалъ дерзкую телеграмму финляндскому генералъ-губернатору Бекману, измѣнившему, по его мнѣнію, государю тѣмъ, что допустилъ какое то мѣстное торжество. Дерзость эта всполошила высшія сферы, начинавшія понимать, что положеніе самихъ министровъ стало бы непрочнымъ и унизительнымъ, если не пресѣчь въ корнѣ озорства отбившихся отъ рукъ маленькихъ сатраповъ. Началась глухая борьба съ Думбадзе. Говорили, что Столыпинъ поставилъ вопросъ ребромъ: „или онъ, или Думбадзе“. Въ результатѣ остались на мѣстахъ оба, а получилъ отставку . . . финляндскій генералъ-губернаторъ, которому поставлено было въ вину . . . исполненіе закона! Это вовсе не шутка, а всѣмъ извѣстное дѣло. Изъ Думбадзе вырабатывался тотъ типъ диктатора, который былъ выведенъ небезызвѣстнымъ публицистомъ Шараповымъ въ его памфлетѣ „Ивановъ 17-ый“, гдѣ первый попавшійся подъ царскую руку полковникъ русской арміи наводитъ въ два мѣсяца полный порядокъ въ имперіи. Насколько незавидно было положеніе добросовѣстныхъ чиновниковъ Николая, видно особенно по финляндскому ген.-губернаторству. Предшественникъ Бекмана, Герардъ, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта (по назначенію), былъ не только уволенъ з а з а к о н о м ѣ р н о с т ь своихъ дѣйствій, но еще и оклеветанъ „Нов. Временемъ“, упорно отвиливающимъ и до сего времени отъ суда, къ которому притянулъ суворинскій органъ обиженный Герардъ. Газета эта тоже стояла на линіи безотвѣтственныхъ любимцевъ, такъ какъ главный столпъ клеветничества и политическаго изувѣрства, Меньшиковъ, чрезвычайно импонировалъ Николаю. Царя такъ же оглушала и вызывала пріятный холодокъ въ спинѣ гаерская трескотня меньшиковскихъ фельетоновъ, какъ оглушаетъ крестьянскаго парня, впервые услышавшаго плохой духовой оркестръ въ заѣзжемъ циркѣ,

Іеромонахъ Иліодоръ

въ гостяхъ въ Іоанновскомъ монастырѣ въ Петербургѣ (×). По бокамъ его: игуменья Ангелина и странникъ Василій. Всѣ трое—цвѣтъ черносотенства. Иліодоръ весной 1911 г. одержалъ полную побѣду надъ Свят. Синодомъ и былъ обласканъ царемъ, одобрившимъ всѣ его беззаконія. Такимъ образомъ насаждаетъ Николай раздраженіе и оппозиціонность въ самомъ близкомъ своемъ кругу — высшемъ духовенствѣ. Об.-прокуроръ синода Лукьяновъ вышелъ изъ-за Иліодора въ отставку. Впослѣдствіи Иліодоръ былъ побѣжденъ, благодаря интригамъ всемогущаго Распутина, и сосланъ.

звукъ мѣди. Самая способность изо дня въ день писать сотни строкъ, гдѣ часто попадались блестки настоящаго публицистическаго дарованія, должна была поражать мозгъ человѣка, съ трудомъ комбинировавшаго свои рѣчи и помѣтки изъ двухъ, трехъ десятковъ заученныхъ фразъ. Зато эти фразы вызывали въ преданномъ Іудѣ (въ свое время Меньшиковъ воспѣвалъ и кадетовъ, и революцію) настоящіе припадки хамства, и онъ выворачивался наизнанку, лишь бы подвести подъ царскія помышленія какой нибудь особый, божественный смыслъ. Упорно говорили послѣднее время, что Меньшиковъ почти еженедѣльно приглашается къ царю, раздѣляя

Похороны Ивана Кронштадскаго.

Замѣтно равнодушіе петербургскаго населенія и отсутствіе высшихъ представителей-духовенства, всегда завистливо относившагося къ славѣ „чудотворца“ XX ст.

съ другими проходимцами завидную судьбу прописывать русскому императору рецепты спасенія самодержавія. Въ немногіе свѣтлые промежутки, когда на чернильной душѣ бывшаго либерала играютъ еще блики чести, а природный умъ вступаетъ въ свои права, Меньшиковъ проговаривается вещами, которыя никому другому не прошли бы даромъ. Такъ, однажды онъ написалъ превосходную статью, въ которой доказывалъ, безъ обычныхъ ужимокъ, на то, что Россія уже опоздала съ реформами, и что ей нужна, такъ сказать, „сверхъ-реформа“, именно-переходъ къ федеральному строю. Съ убѣдительностью, которой не худо было бы поучиться многимъ присяжнымъ русскимъ

федералистамъ, Меньшиковъ говорилъ о единствѣ, сплоченности и силѣ государства, которыя обезпечивалъ только федеральный его строй. Въ статьѣ не было ни одной фальшивой ноты, и потому то вся она была сочтена за талантливую буфонаду, и автора не тронули. Затѣмъ снова наступилъ періодъ запоя черносотенными идеями, продолжающійся и до сихъ поръ. Довольно сказать, что помѣтка царя о желательности насажденія во всѣхъ школахъ солдатской игры черезъ посредство унтеръ-офицеровъ запаса вызвала дикій восторгъ Меньщикова, прокричавшаго, что Россія уже спасена геніемъ ея государя. Этотъ же человѣкъ не стѣснился взять подъ свою защиту и тѣхъ погромщиковъ и политическихъ убійцъ, которыхъ жаловалъ царь. Дубровинъ, совершенно разоблаченный въ подготовкѣ и организаціи убійства Герценштейна, находилъ до самаго своего паденія сочувствіе на столбцахъ „Нов. Времени". Вмѣстѣ съ губернаторами Меньшиковъ расшаркивался передъ посланниками „Союза русскаго народа", ведшими себя въ провинціи такъ, какъ никогда ни одинъ сенаторъ-ревизоръ не могъ себя вести. Убійцы Герценштейна, Юскевичъ-Красковскій и Тополевъ, слывшій больше подъ своей партійной кличкой Гамзей Гамзеича, были помилованы царемъ, опиравшимся на сочувствіе своего полуоффиціоза, а одинъ изъ главныхъ подстрекателей, бар. Бугсгевденъ, продолжаетъ стоять очень близко и къ боевой дружинѣ Союза, и къ царю. Союзники, руководимые такими приближенными, какъ Бугсгевденъ или Майковъ (камергеръ и погромщикъ), могли держать себя свободно въ царскомъ присутствіи и дерзали требовать аудіенцій, гдѣ бы царь ни находился. Именно въ Ливадіи, куда загнала царя болѣзнь Александры Федоровны, и было выхлопотано (безо всякаго труда) скандальное помилованіе Тополева, причемъ союзники нарочно признавались тутъ же въ томъ, что дѣйствительно Гамзей и Дубровинъ руководили убійствомъ. Такимъ образомъ они накрѣпко пришили къ своей боевой дружинѣ и самого Николая, не снимавшаго, впрочемъ, съ мундира и малиновой рубашки значка Союза. Депутатъ Марковъ, стяжавшій славу перваго думскаго скандалиста, былъ не однажды и очень ласково принятъ царемъ, показывавшимъ ему своего сына Алексѣя; между тѣмъ Марковъ не могъ оправдаться во взводимыхъ на него обвиненіяхъ въ хищеніяхъ, произведенныхъ въ Курской губерніи, и судъ только потому не накладываетъ на него своей руки, что руки эти давно закованы въ кандалы Щегловитовымъ. Марковъ и Пуришкевичъ смѣнили впавшаго въ маразмъ ген. Богдановича и ждутъ только знака, чтобы начать писать погромныя прокламаціи и устраивать погромы, которыми они продолжаютъ грозить народу съ думской трибуны. Дѣйствительно, если къ тому времени уцѣлѣютъ на своихъ мѣстахъ губернаторы въ родѣ тѣхъ, кого мы сейчасъ переберемъ, то погромы, хоть и небольшіе, потому что народъ уже не тотъ сталъ, но устроить еще будетъ можно.

Военный инженеръ, полк. Веретенниковъ, всячески старавшійся пристроиться къ петербургскому городскому самоуправленію, славному на всю Россію своими хищеніями, и не успѣвшій въ этомъ, использовалъ свои связи въ 1906—07 г. г. въ иномъ направленіи и довольно легко получилъ мѣсто губернатора въ Кіевѣ. Союзники ликовали; когда губернаторъ оказался по своей исключительной безтактности и свободѣ обращенія съ казенными суммами неудобнымъ, и его собирались убрать, полетѣли телеграммы къ царю объ его оставленіи въ Кіевѣ; пришлось, во вниманіе къ этимъ знакамъ любви, направить Веретенникова не въ судъ, гдѣ ему по всѣмъ правиламъ надлежало очутиться, а въ Кострому, губернаторомъ же. Здѣсь онъ установилъ нѣсколько интересныхъ рекордовъ административной находчивости; между прочимъ, издавалъ на казенныя средства провокаціонную газету „Рабочій", въ которой самъ упражнялся въ агитаціи и уловленіи крамолы. Въ короткій срокъ Веретенниковъ разогналъ столько служащаго народа, возстановилъ противъ себя такіе спокойные дотолѣ круги, что уже никакія связи и телеграммы не могли отсрочить отставки. Въ Вяткѣ орудовалъ еще болѣе глупый и готовый на все человѣкъ, кн. Горчаковъ. Пользуясь его ограниченностью, подчиненные воровали на глазахъ у всѣхъ, маскируя свои преступленія повальнымъ преслѣдованіемъ всѣхъ честныхъ людей за крамолу. Губернаторъ и самъ не разбирался хорошенько въ томъ, что кому принадлежитъ, и налегалъ на разбиравшихся въ этомъ, почитая ихъ за революціонеровъ. Это тоже былъ любимецъ Николая, которому зналъ, чѣмъ угодить, принося въ царскій каби-

Іоаннитки.

Дѣти, которыхъ присылаютъ въ петербургскій пріютъ имени Ивана Кронштадскаго ихъ родители, вѣрующіе въ „святость“ Ивана. Здѣсь ихъ морятъ голодомъ и работой столько же, сколько и молитвами, подготовляя изувѣровъ новой секты, т. н. „іоаннитовъ“.

нетъ всякія губернскія сплетни. Такъ, онъ самъ съ радостью разсказывалъ, будучи уже калужскимъ губернаторомъ, какъ послѣ смерти Льва Толстого онъ имѣлъ высочайшую аудіенцію и какъ, кончивъ докладъ, онъ торжественно произнесъ:

— Не могу скрыть отъ В. Имп. Величества, что А. Л. Толстая находится въ незаконной связи съ Чертковымъ! —

Тогда, — продолжаетъ находчивый администраторъ, — государь взялъ меня за руки, крѣпко потрясъ ихъ и сказалъ задушевнымъ голосомъ:

— Благодарю, благодарю Васъ; т е п е р ь мнѣ все стало понятно!"

Интересно было бы знать, конечно, что могло стать понятнымъ, кромѣ того, что оба, и докладчикъ и императоръ, стоили другъ друга, но Горчаковъ не дерзалъ анализировать царскихъ чувствъ. Да и могъ ли что нибудь анализировать человѣкъ, заставлявшій губернскую полицію, чиновниковъ и даже желѣзнодорожныхъ служащихъ своей губерніи распространять написанную его женой черносотенную брошюру, въ которой губернаторша вела разсказъ отъ имени заводской кобылы и пускалась въ такія коннозаводческія подробности, что московскій цензурный комитетъ привлекъ автора къ суду за порнографію! Дѣло уладилось, но стало извѣстно далеко за предѣлами губерніи.

Одесскій градоначальникъ Толмачевъ, организаторъ мѣстной боевой дружины среди черносотенныхъ студентовъ и безцеремонно подтасовывающій выборы въ городскую и Гос. Думу, въ совѣтъ университета, покровитель союзниковъ и устроитель хлѣбныхъ дѣлъ для ихъ главарей, тоже отличаемъ въ Царскомъ Селѣ, и рука власти долго не достигала до его воротника, чтобы вывести вонъ изъ разоряемаго имъ города.

Босоногая странница,

одинъ изъ типовъ, поощряемыхъ царемъ, который старается со всѣми ими знакомиться, какъ бы ища той правды и мудрости, которыхъ не видитъ вокругъ себя, да и вообще не знаетъ. Рядомъ съ босоножкой — секретарь Иоанна Кронштадскаго, еврей (!), спеціалистъ по устройству свадебъ.

О московскомъ ген.-губернаторѣ Гершельманѣ и варшавскомъ Скалонѣ мы уже упоминали. Эти стали на рискованную позицію, подвергая отъ царскаго имени безсуднымъ казнямъ людей, на которыхъ иной разъ не возводилось даже агентурныхъ обвиненій. Къ общему удивленью, оба попали въ цѣль, — царь не огорчился ихъ убійствами, а сенатъ отпустилъ имъ грѣхи и благословилъ на новые. Только рѣзкое возмущеніе европейскаго общественнаго мнѣнія заставило сократить число казней, и усердію Скалона и Гершельмана былъ положенъ естественный предѣлъ.

Не менѣе пріятенъ былъ и петербургскій градоначальникъ, ген. Драчевскій; онъ самъ разсказывалъ о своей аудіенціи передъ отправленіемъ на мѣсто службы, въ г. Ростовъ, въ эпоху погромовъ. Нужно замѣтить, что именно его назначенію

предшествовалъ извѣстный ростовскій погромъ, и, желая показать царю свою заботливость, будущій правитель Ростова указалъ государю на трудность успокоенія города, взволнованнаго погромомъ.

— А большой былъ погромъ? — спросилъ Николай.

— Сорокъ евреевъ убито, В. В—ство, кромѣ раненыхъ.

„Только то? — протянулъ тотъ, а я думалъ гораздо больше“ — . . Такъ какъ Драчевскій, выйдя изъ кабинета, разсказалъ исторію, и всѣ увидѣли, что онъ теперь знаетъ, какой погромъ надо устроить, то пришлось министру посылать ему депеши съ просьбой воздержаться отъ политики угожденія этимъ вкусамъ.

Дѣло московскаго градоначальника, ген. Рейнбота, проворовавшагося слишкомъ открыто и широко, чтобы быть замятымъ, не столько огорчило царя съ этой стороны, сколько тѣмъ, что Рейнботъ не могъ никакъ подѣлить власти съ Гершельманомъ, и оба топили другъ друга. Но такъ какъ Гершельманъ имѣлъ въ глазахъ царя огромное преимущество, какъ безотвѣтственный и хладнокровный палачъ, то Рейнботу пришлось отвѣтить за такія, по его мнѣнію, пустыя дѣла, о которыхъ и разговора не зашло бы, еслибъ въ его служебномъ балансѣ была пара, другая висѣльниковъ. Висѣльники то возлѣ него были, да не тѣ; напримѣръ, Климовичъ, его помощникъ, разбрасыватель треповскихъ прокламацій и открытый воръ; Моисеенко, начальникъ сыскной полиціи, и онъ же глава московскихъ громилъ и разбойниковъ, и т. д. . . Длить этотъ перечень можно сколько угодно, только мѣста не хватаетъ.

Въ другой области, гдѣ царь всегда особенно афишировалъ свои чувства, въ церковной, — по его излюбленнымъ представителямъ духовенства также можно было судить о желательномъ для него направленіи церковной политики. Тщетны были просьбы честныхъ архіереевъ, оберъ-прокуроровъ и высокопоставленныхъ совѣтниковъ царя, если они просили объ обузданіи или судѣ проповѣдниковъ и устроителей погромовъ, священниковъ Виталія, Иліодора, Восторгова, епископа Гермогена и имъ под. членовъ Союза русскаго народа. Почаевскій монастырь, изъ типографіи котораго триста лѣтъ назадъ исходили первыя въ томъ краю (да почти и во всей Россіи) книги религіознаго содержанія, выпускалъ въ XX вѣкѣ тучи гнуснѣйшихъ прокламацій, гдѣ призывы къ погромамъ и политическимъ убійствамъ чередовались съ доносами на высшихъ чиновъ государственнаго управленія. Ни одна революціонная партія не могла такъ подрывать престижа власти, какъ эта покровительствуемая царемъ литература, и однако ни Синодъ, ни Столыпинъ не могли прекратить преступной дѣятельности Виталія. Такъ же безнаказанно дѣйствовалъ въ другомъ городѣ Иліодоръ, самолично участвовавшій въ уличныхъ избіеніяхъ и обратившій свою церковь въ мѣсто черносотенныхъ митинговъ; иконы храма безмолвствовали, а кадильный дымъ безмятежно перевивался съ трехэтажной руганью, висѣвшей въ воздухѣ послѣ всякой зажигательной рѣчи безумнаго попа.

Знаменитый Иванъ Кронштадтскій немного запоздалъ по возрасту къ погромному періоду, а то показалъ бы себя. Обозленный позоромъ, которымъ онъ покрылъ себя, бѣжавъ изъ своего Лурда при первомъ уличномъ безпорядкѣ, когда одно его слово могло остановить чернь, онъ пустился въ открытую антисемитическую проповѣдь въ Петербургѣ, открылъ даже цѣлый курсъ политической пропаганды, а въ церковныхъ рѣчахъ дошелъ до такой откровенности, что однажды предалъ анаѳемѣ самого Столыпина. Рѣчь была безъ сокращеній въ свое время напечатана въ оффиціозѣ петербургскаго градоначальства, вызвавъ не мало смѣха и недоумѣнія. Курьезно, что одновременно съ ростомъ фавора у царя и черносотенцевъ, престижъ Ивана въ народѣ систематически уменьшался; и смерть россійскаго чудотворца, сочетавшаго чистѣйшій шарлатанизмъ и легкомысленность по части женщинъ съ изступленностью иллюмината, не произвела за предѣлами столицы никакого впечатлѣнія. Явность царскихъ симпатій была такъ велика, что союзники могли расширять рамки своихъ выступленій противъ неугодныхъ имъ представителей власти за любые предѣлы. Добрались скоро и до министровъ. При вынужденномъ молчаніи одной части прессы и поощреніи другой, нетрудно было создать фикцію широкаго негодованія, — ибо никто не называлъ царю числа читателей союзническихъ листковъ. Особенно доставалось Кауфману, министру народн. просвѣщенія, и онъ дѣйствительно

былъ смѣненъ ставленникомъ черносотенцевъ, Шварцемъ. Послѣдній, впрочемъ, такъ перестарался по части ущемленія высшей школы въ административные тиски, что пришлось удалить его. Столыпинъ видимо тяготился зависимостью своей отъ навязываемыхъ ему черной сотней товарищей и старался проводить своихъ родныхъ и друзей, создавая изъ нихъ сплоченную группу, свергнуть которую было уже потруднѣй. Непотизмъ былъ тѣмъ хуже, что родня, какъ на зло, была бездарна и совершенно неизвѣстна, вслѣдствіе чего происходили настоящіе курьезы, какъ напр. назначеніе на мѣсто Шварца г. Кассо, и не помышлявшаго о чести еще за недѣлю

Ген. Курловъ,

шефъ жандармовъ (въ центрѣ), дворцовый комендантъ Дедюлинъ (справа) и начальникъ дворцовой охраны Герарди (впереди), на похоронахъ оберъ-гофмейстерины свѣтл. княгини Голицыной (почтенная старуха ходила въ сѣрой военной шинели и носила простыя очки въ желѣзной оправѣ.

до назначенія и рѣшительно не понимавшаго дѣла. Балетъ и спортъ, вотъ гдѣ была его сфера. Одинъ Щегловитовъ держался прочно всѣ эти годы; да и гдѣ было сыскать человѣка, который соединялъ бы съ умомъ, образованіемъ, спеціальными знаніями еще и полную безпринципность и готовность къ покрытію всякихъ преступленій, если изъ этого можно было извлечь матерьяльную или иную выгоду? Наконецъ онъ развернулся такъ пышно, что не могъ уже сдержать благоуханія генералъ-прокурорскаго цинизма, и съ думской трибуны громко и торжественно установилъ принципъ необязательности для него закона.

Вмѣстѣ съ глупыми націоналистами, аплодировавшими громко, аплодировалъ ему въ душѣ и Петрушка Дурново, начавшій понемногу всплывать на поверхности

бюрократическаго болота. Для этого законъ никогда не былъ препятствіемъ, и Щегловитовъ, по его мнѣнію, велъ „настоящую линію“. Самъ же Дурново избралъ иной путь къ вліянію, интригу въ высшихъ чиновничьихъ сферахъ, замутивъ ихъ, а главное, ссадивъ ненавистнаго Столыпина, всѣмъ мозолившаго глаза своимъ, хотя бы и притворнымъ, но все же конституціонализмомъ, а больше того — личной честностью; и лукавый Петрушка, прикрываясь простакомъ Акимовымъ, предсѣдате-Госуд. Совѣта, добился того, что послѣдній сталъ чаще бывать у царя, нежели Столыпинъ, и со словъ своего руководителя нашептывалъ противъ перваго министра. За исходомъ борьбы слѣдили съ тѣмъ большимъ интересомъ, что была третья сторона, съ которой велись подкопы; Витте проснулся отъ вынужденной спячки и сталъ пробираться къ власти, продолжая, по обыкновенію, раскланиваться на два фронта. И странно, что изо всей этой группы, быть можетъ, ниже всѣхъ въ общественномъ мнѣніи стоялъ не милліонеръ за казенный счетъ Витте, не плутяга Дурново, не тупица Акимовъ, а именно Столыпинъ. Его унизительная роль при обсужденіи морскихъ штатовъ, когда онъ, послѣ царской оплеухи, не ушелъ, какъ обѣщалъ, въ отставку, еще больше вызвала къ нему общее презрѣніе, нежели роспускъ двухъ Думъ и переворотъ 3-го іюня, гдѣ проявлена была извѣстная спѣшность. Вѣроятно, Николай понималъ, что теперь Столыпинъ достаточно низокъ для того, чтобы обратиться къ нему съ любымъ предложеніемъ. И онъ сказалъ ему:

„Петръ Аркадьевичъ, отчего вы не запишетесь въ члены Союза русскаго народа? Вѣдь Дубровина теперь нѣтъ въ главномъ совѣтѣ?“

Изумленіе было велико, но Столыпинъ не рѣшился опуститься окончательно на дно, гдѣ давно пребывалъ внутренне презираемый имъ повелитель, и отвѣчалъ новымъ и рѣшительнымъ отказомъ. Этого ему не простили, и акціи нѣкогда всесильнаго министра пошли еще быстрѣе подъ гору. Гдѣ ты, графскій титулъ, гдѣ кличка „спасителя Россіи“?...

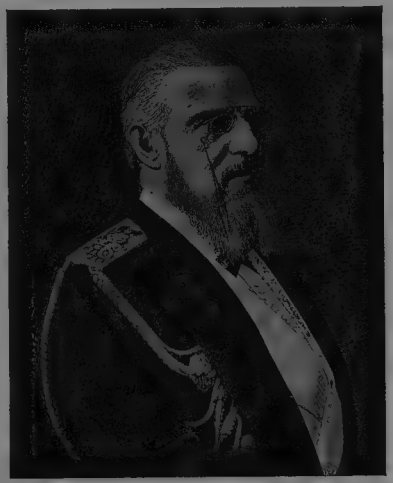
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМАЯ.

Правители. — Паденіе умственнаго и нравственнаго уровня все усложняющейся жизни. — Старые князья Константинъ, Николай и Михаилъ. — Слабоуміе Владиміра. — Растрата имъ денегъ, собранныхъ на соборъ въ память убійства Александра II-го. — Марія Павловна. — Широкіе нравы. — Переписка съ Бисмаркомъ. — Священная дружина, предтеча Союза русскаго народа. — И здѣсь регрессъ. — Сыновья Владиміра. — Дома и на войнѣ. — Алексѣй Александровичъ. — Пьянство, катанье послѣ Цусимы. — Баллета. — Татуировка. — Слонъ и граммофонъ. — Сергѣй Александровичъ. — Гомосексуализмъ. — Юдофобство Сергѣя. — Павелъ. — Александра Георгіевна и Елисавета Федоровна. — Драма въ с. Ильинскомъ. — Николай Николаевичъ. — Охоты. — Мнѣніе о Дубасовѣ. — Николай Михайловичъ. — Александръ Михайловичъ. — Дѣти Константина. — Психозъ на тронахъ и возлѣ нихъ. — Старая царица. — Михаилъ Александровичъ. — Шереметьевская — Слухи о бурномъ объясненіи Михаила съ братомъ и матерью. — Мелюзга. — Общее число князей. — Еще царь. — Помилованіе поджигателя Федорова. — На свободѣ. — Случай съ трамваемъ. — Потребность въ мистицизмѣ. — Во что это вырождается. — Григорій Распутинъ. — Старьевщикъ евреи и иконы для царицы. — Дружба съ Рачковскимъ. — Награжденіе орденомъ съ себя. — Дѣти. — Мнѣніе крестьянъ о наслѣдникѣ и царѣ. — Атмосфера праздности, богатства и страха. — „Императорская религія“ и горный департаментъ. — Расцвѣтъ дурныхъ инстинктовъ. — Почва для провокаціи всякаго рода.

Въ числѣ разсѣянныхъ въ революціи миражей, заслонявшихъ горизонтъ политической и гражданской свободы, было и традиціонное почтеніе къ царствующему дому. Холопское отношеніе дворянства, впослѣдствіи выродившееся въ чиновничье низкопоклонство, продолжаясь изъ вѣка въ вѣкъ, сдѣлало то, что далеко не одинъ простой народъ привыкъ смотрѣть на правителей снизу вверхъ. Огромныя деньги, сыпавшіяся изъ кошельковъ подданныхъ въ государственную казну, не только давали заработокъ властямъ, но и покрывали такой густой позолотой царскій тронъ, царя и его родню, что съ теченіемъ времени эмблемы эти и особы сдѣлались въ буквальномъ смыслѣ слова „драгоцѣнными“. Народъ давалъ полную возможность членамъ одной семьи дѣлать все для ея собственнаго возвеличенія и думалъ, что

наверху правленія находятся какіе то особые люди, живущіе, думающіе и понимающіе лучше, нежели управляемые, погруженные по шею въ низменныя житейскія болота. Фикція держалась ровно столько времени, какъ и вѣра въ мощь государства, управляемаго полиціей. Золотой тронъ, золотые мундиры, золотыя слова манифестовъ — все оказалось мишурой, обманнымъ жалкимъ пуфомъ. „И было крушеніе ихъ великое", какъ говоритъ Библія. Жадная до всего сенсаціоннаго, скандальнаго, толпа съ тѣмъ большей и злой радостью начала трепать по землѣ вчерашнихъ кумировъ, чѣмъ больше оказывала имъ раньше довѣрія и преданности.

Дворянство и бюрократія, сами свалившіяся въ пропасть, не думали о томъ какъ бы своими тѣлами прикрыть обнаружившуюся наготу царствующихъ, и послѣднимъ ничего не оставалось дѣлать, какъ такъ и пребыть голыми навсегда. Да, можно безъ преувеличенія сказать, что престижъ дома Романовыхъ утраченъ навсегда, и ниже мы приведемъ рядъ фактовъ біографическаго характера, который докажетъ намъ это. Окна дворцовъ открыты вихремъ 1905 г. настежь, и взоры толпы, въ нихъ устремленные, не отвратить ни ружейнымъ, никакимъ другимъ огнемъ.



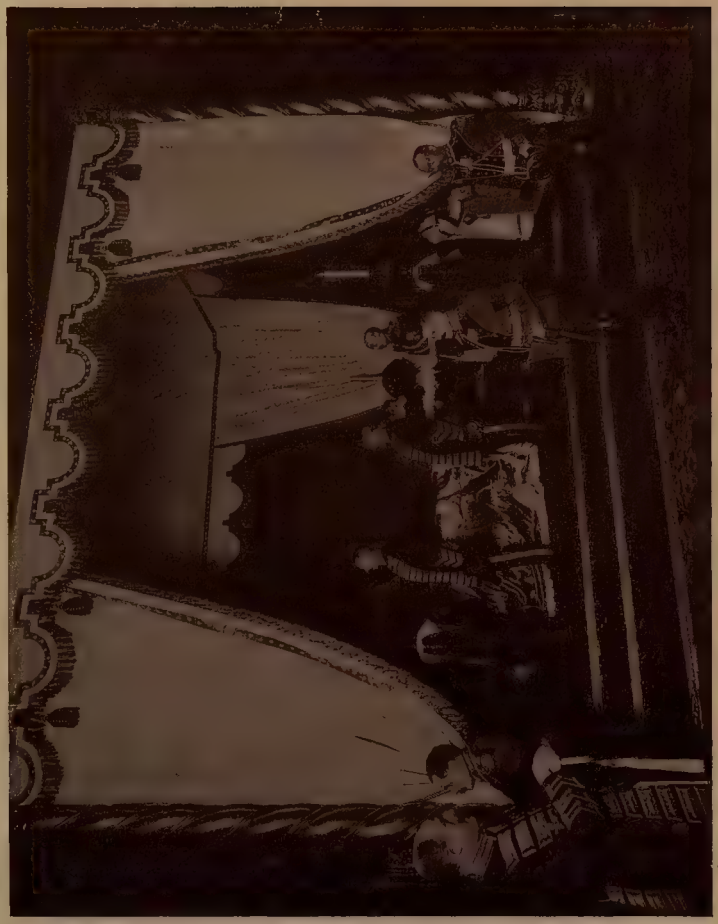
В. кн. Константинъ Николаевичъ.

Однимъ изъ самыхъ зловѣщихъ признаковъ, предсказывавшихъ еще за много лѣтъ до революціи предстоящую катастрофу, было все возроставшее несоотвѣтствіе между развитіемъ народа и его правителей. Пока несоотвѣтствіе это было въ пользу царей, государство продолжало усиливаться, и хотя упрочивалось самодержавіе, но много перепадало и народу, выходившему изъ своихъ историческихъ пеленокъ. Петра I, конечно, нельзя ставить въ общій рядъ. Будучи не только физическимъ, но и духовнымъ ростомъ на голову выше своихъ современниковъ, онъ внесъ въ свою дѣятельность и всю ту свѣжесть, все то рвеніе, которыя влила въ его жилы кровь его дѣйствительнаго о т ц а, пылкаго, умнаго и самовластнаго патріарха Никона. Промежутокъ между нимъ и Екатериной II ой естественно долженъ былъ показаться темнымъ. Но эта государыня принесла съ собой въ Россію, вмѣстѣ съ другими добрыми стремленіями, и сознаніе, что царствующіе должны быть умны, образованы и хорошо развиты, если они хотятъ дѣйствительно управлять, усиливать свое государство изнутри и раздвигать его внѣшнія границы. Созерцаніе нравовъ и порядковъ двора Елисаветы, жизнь съ мужемъ, Петромъ III-мъ, и знакомство съ исторіей своего вѣка были въ этомъ отношеніи хорошей школой. Не бывъ въ состояніи вліять на воспитаніе своего сына, Павла, царица перенесла всѣ заботы свои на внука, Александра, который и получилъ превосходное, по тому времени, образованіе. Даже суровый братъ его, Николай, и тотъ призвалъ къ своему наслѣднику лучшихъ людей. Какъ бы ни судить царствованія этихъ двухъ Александровъ, но слѣды разумнаго воспитанія сказались на нихъ благотворно. Если бы не умеръ наслѣдникъ Александра II-го, Николай, также руководившійся просвѣщенными людьми, судьба Россіи на рубежѣ XX вѣка могла бы оказаться иной. Но именно благодаря странной близорукости,

заставлявшей обращать вниманіе только на воспитаніе наслѣдниковъ, братья послѣднихъ получали поверхностное, преимущественно военное образованіе, держались въ сторонѣ отъ хода государственныхъ дѣлъ и, бывъ поставлены судьбой во главѣ ихъ, отражали черты своей необразованности и скуднаго умственнаго развитія и на всемъ управленіи. Таковы были царствованія Николая I и Александра III-го. Послѣдній является настолько отставшимъ въ развитіи и опытѣ отъ окружавшихъ его, что личная политика, отъ которой несвободенъ никакой монархическій режимъ, должна была самымъ реакціоннымъ образомъ отразиться на всемъ царствованіи, еслибъ даже и не предшествовали ему цареубійство и революціонное броженіе. Всего же плачевнѣе стремленіе Александра замкнуться въ узкомъ кругу семейныхъ интересовъ, и соотвѣтствующее его примитивнымъ взглядамъ воспитаніе наслѣдника. Такимъ образомъ, въ то самое время, какъ расширялась государственная территорія и жизнь усложнялась общимъ ходомъ міровой исторіи и цивилизаціи, самодержцы русскіе все болѣе отходили отъ того типа просвѣщенныхъ монарховъ, который обѣщалъ выработаться еще столѣтіе тому назадъ.

В. кн. Михаилъ Николаевичъ,
бывшій намѣстникъ Кавказа, гдѣ получилъ огромныя имѣнія. Былъ въ полномъ подчиненіи у жены. Въ артиллеріи, которой былъ фельдцейхмейстеромъ, покровительствовалъ бездарностямъ.

По этой понижающейся линіи шло и поведеніе правящаго класса, а равно и традиціонной опоры абсолютизма — помѣстнаго дворянства. Первый, будучи безконтрольнымъ и самовластнымъ, быстро втянулся въ казнокрадство и лѣнь, а второе, лишенное даровыхъ рабочихъ, промотало свои помѣстья и перешло въ паразитарное состояніе, расширивъ вліяніе на царей и на мѣстное управленіе. Такова была общая конъюнктура еще въ то время, когда были живы братья Александра II, свидѣтели великихъ реформъ и пробужденія народа къ сознательной жизни. Впрочемъ, и эти осколки былого романовскаго типа были въ значительной степени тронуты тѣми чертами вырожденія, которыя на ихъ потомствѣ сказались уже воочію. Константинъ Николаевичъ, сначала суровый генералъ-адмиралъ, а потомъ попавшій подъ тайный политическій надзоръ сподвижникъ дѣятелей освобожденія крестьянъ, подъ старость сошелъ съ ума, успѣвъ передать психическую неустойчивость и двумъ старшимъ своимъ сыновьямъ, слабоумному и опустившемуся Николаю и нынѣшнему президенту Академіи Наукъ Константину. Николай Николаевичъ старшій, лихой кавалеристъ и неутомимый Донъ-Жуанъ, не только распустилъ ввѣренную ему часть арміи, но, всегда нуждаясь въ средствахъ, открыто лихоимствовалъ, особенно прославившись этимъ въ годы турецкой войны, когда интенданты и поставщики отваливали въ великокняжескій бумажникъ львиную долю своихъ барышей. Еще при жизни своей жены связавшись съ балетной танцовщицей Числовой, в. князь прижилъ съ нею многочисленное потомство, получившее фамилію Николаева и доселѣ сосущее казну. Отъ непрестанныхъ кутежей и разврата, Николай Николаевичъ впалъ подъ конецъ своей жизни въ маразмъ, и одно время усиленно приставалъ къ своей



Тѣло в. кн. Михаила Николаевича въ Петропавловскомъ соборѣ.

Освященіе храма на мѣстѣ убійства Александра II-го въ Петербургѣ.

Строитель — Парвудъ, стоимость — нѣсколько милліоновъ. Позолота слѣзла еще до освященія, якобы отъ воздушнаго электричества, но на дѣлѣ — отъ воровства строителей. Какъ извѣстно, часть, собранная съ народа, была растрачена в. к. Владиміромъ Александровичемъ, съ котораго затѣмъ вычитывали по 4.000 р. въ мѣс. (всего – 900,000 р.), по приказу Александра III. На фотографіи характерны придворная челядь и духовенство.

собственной дочери (отъ Числовой). Получивъ отъ нея, во время какой то семейной попойки, ударъ бутылкой по лицу, непристойный отецъ заболѣлъ и вскорѣ впалъ въ то жалкое состояніе, которое извѣстно подъ именемъ „навуходоносоровой болѣзни“. Его Высочество воображало себя, какъ и слѣдовало ожидать, конемъ; стояло въ нарочито построенномъ во дворцѣ стойлѣ, жевало овесъ, лягалось и въ такомъ времяпрепровожденіи скончало свои дни, оставивъ неописуемые долги, разоренные дворцы и плохую, воровскую славу.

Михаилъ Николаевичъ, по мѣрѣ возможности вносившій въ артиллерійское вѣдомство начала того разложенія, которое привело русскую армію къ Мукдену, былъ

Царь съ царицей на освященіи церкви на мѣстѣ убійства Александра II-го.
Народъ отсутствуетъ.

женатъ на принцессѣ, въ жилахъ которой текла болѣе или менѣе чистая еврейская кровь. Вслѣдствіе этого дѣти его оказались здоровѣе и способнѣе своихъ двоюродныхъ братьевъ. Но ихъ мать была стяжательна и доходила до взяточничества вещами, бриліянтами и разными дорогими бездѣлушками. Живя всегда скромно, эта семья является теперь одной изъ самыхъ богатыхъ отраслей дома Романовыхъ.

Когда выросли дѣти Александра II-го и мало по малу заступили мѣста своихъ дядей, общественное вниманіе сосредоточилось на нихъ, какъ на ближайшей роднѣ и помощникахъ царствующаго императора. Нужно сказать, что во второй половинѣ прошлаго вѣка престижъ недосягаемости царей поблекъ, и не только въ обществѣ, но и въ народѣ ходили всякіе слухи, въ общемъ низводившіе земныхъ боговъ до уровня улицы. На этомъ уровнѣ дѣти царя-освободителя стяжали себѣ разнообразныя, но столь прочныя репутаціи развратниковъ и кутилъ, что онѣ живы и

до сихъ поръ. Судьба не обидѣла ихъ ни способностями, ни особенно — наружностью: красавцы выросли на подборъ. Отдавъ должную и щедрую дань приключеніямъ молодости, всѣ должны были бы пожениться на нѣмецкихъ принцессахъ, остепениться и зажить добрыми семянинами, хотя бы по внѣшности. Но совершилъ это одинъ Владиміръ; браки Павла и Сергѣя были драматичны и не отвѣчали обычному лоску дворцовой жизни.

В. кн. Владиміръ Александровичъ дѣлилъ свою службу между строемъ, послѣдовательно проходя въ немъ ступени, ведущія къ фельдмаршальству (не дожилъ), и Академіей Художествъ, президентомъ которой онъ состоялъ. Женатъ былъ на Маріи Павловнѣ, давшей ему красивыхъ, но окончательно безпутныхъ дѣтей, и отличавшейся столь любвеобильной натурой, что среди гвардейской молодежи фавориты великой княгини перестали быть рѣдкостью. Офицеры чередовались со штатскими, знатные съ людьми простого происхожденія. Оцѣнка поведенія высокой дамы была сдѣлана, между прочимъ, извѣстнымъ артистомъ французскаго Михайловскаго театра, Гитри, въ одинъ изъ сказочныхъ кутежей, о которыхъ Петербургъ узналъ на другой же день: Гитри навсегда былъ высланъ изъ Петербурга. Такова то была семейная жизнь Владиміра, когда съ нея снимался колпакъ придворнаго и общебуржуазнаго comme il faut.

В. кн. Николай Михайловичъ.

Какъ и в. к. Николай Николаевичъ старшій, Владиміръ всегда нуждался въ деньгахъ; оплачивать приходилось не только свои, но и женины и дѣтскія развлеченія, а натуры у всѣхъ были широкія. Занимать было невесело, векселя рано или поздно предъявляли ко взысканію. И немолодой уже князь, царскій братъ и командующій войсками округа, смѣло пошелъ по тому пути, который простыхъ смертныхъ приводитъ въ Сибирь, по пути растраты чужихъ денегъ. Этими деньгами были три милліона рублей, собранные по всенародной подпискѣ на постройку храма на мѣстѣ убійства Александра II-го. Владиміръ состоялъ предсѣдателемъ комитета по постройкѣ; секретарь Академіи Художествъ, Есѣевъ, секретаремъ комитета, деньги неосторожно были переданы туда же. Сколько лѣтъ продолжали черпать изъ этого фонда, сколько перепадало Есѣеву, также любившему „пожить“, сколько художнику Клеверу, почему то прикосновенному къ комитетскимъ дѣламъ и деньгамъ, теперь трудно установить... Одно ясно, у всякаго денежнаго фонда есть конецъ, и онъ въ одинъ прекрасный день пришелъ и тремъ милліонамъ. Есѣевъ попалъ въ ссылку, не выдавъ ни однимъ звукомъ своего высокаго патрона, деньги пополнили изъ другихъ источниковъ и принялись наконецъ за постройку церкви, конченной только на двадцать шестой годъ послѣ смерти Александра II-го. Въ то время, какъ великій князь жуи-

Публичное засѣданіе Академіи Наукъ,

состоящей подъ президентствомъ в. кн. Константина Константиновича. Въ настоящее время президентъ все болѣе и болѣе обнаруживаетъ признаки душевнаго разстройства; та же участь постигла въ свое время его отца, в. кн. Константина Николаевича, и дядю Николая Николаевича.

ровалъ и ѣздилъ на парады, жена его, въ перемежку съ развлеченіями и увлеченіями, занималась и политикой. Говорили всегда о ея честолюбіи и недовольствѣ своей, довольно скромной, ролью; всякое затрудненіе въ русскихъ дѣлахъ, всякій намекъ на смѣну режима, а, главное, на возможность новаго цареубійства волновали честолюбивую душу Маріи Павловны, мужъ которой вступалъ въ послѣднемъ случаѣ въ регентство. На этой почвѣ возникла переписка великой княгини съ Бисмаркомъ, которая была, однако, прервана довольно необычнымъ образомъ. Когда воцарился Александръ III, его направленіе окружающимъ было почти неизвѣстно. Старый Дворъ чуждался наслѣдника, подражая самому царю, его не любившему; но тѣмъ болѣе слѣдовало этому двору опасаться перемѣнъ съ восшествіемъ на престолъ новаго царя; слѣдовало обезопасить себя и своихъ близкихъ, слѣдовало изолировать Александра III отъ всякаго общенія съ новыми людьми, даже припугнуть его. Ради этой почтенной цѣли образовалась такъ наз. „Священная дружина," предтеча современнаго „Союза русскаго народа"; разница, и существенная, была лишь въ томъ, что Союзъ состоитъ изъ подонковъ населенія, а составъ дружины былъ высоко-аристократическимъ. Въ нее входили гвардейскіе офицеры, чины Двора, молодые чиновники Государственнаго Совѣта и частныя лица петербургскаго высшаго свѣта. Молодые шпіоны проявили недюжинныя способности, но судьба не дала имъ развернуться, какъ слѣдуетъ, — царь оказался реакціономъ отъ головы до пятъ. Наибольшая непріятность постигла именно жену в кн. Владиміра: ея корреспонденція къ желѣзному канцлеру была выслѣжена гр. Шуваловымъ, адъютантомъ ея мужа, молодымъ крезомъ, преслѣдовавшимъ какія то неясныя, но сильныя цѣли. Владиміръ выгналъ Шувалова изъ дома, но когда Шуваловъ черезъ нѣкоторое время былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты, то Владиміръ съ нимъ помирился. Владиміръ, какъ всѣ кутилы, былъ добродушенъ.— Такимъ образомъ, въ смыслѣ организаціи черныхъ сотенъ оказался регрессъ. Богачей и знать, отдававшихъ славу именъ своихъ предковъ во власть позора добровольнаго шпіонажа, смѣнили голыши и безродные торговцы совѣстью, убійцы и погромщики; самое же главное — Александръ III глубоко чуждъ былъ дрянной затѣѣ, выросшей возлѣ его трона, какъ сорная трава на пьедесталѣ заброшеннаго памятника; а Николай, свалившись съ этого трона, самъ обратился въ плевелъ, распустившійся, при содѣйствіи союзниковъ и громилъ, до нынѣшняго своего печальнаго облика.

Марія Ѳеодоровна,
императрица, доселѣ оказывающая вліяніе на Николая II-го. Это она отстаивала Столыпина, въ которомъ царь давно былъ разочарованъ Опора придворной камарильи.

Изъ сыновей Владиміра проку не вышло, да и не могло выйти. Кириллъ, едва не утонувшій при взрывѣ „Петропавловска", всѣмъ антипатичный и гордый человѣкъ, былъ высланъ за-границу по причинамъ матримоніальнаго характера.

Борисъ перещеголялъ въ кутежахъ отца, братьевъ, кузеновъ, весь гвардейскій корпусъ. Въ ресторанахъ онъ раздѣвалъ кокотокъ и выпускалъ ихъ голыми въ общія залы. На войнѣ завелъ цѣлый гаремъ, причемъ тѣ же кокотки носили здѣсь платье сестеръ милосердія; а когда Куропаткинъ просилъ молодого наглеца удалиться изъ арміи, Борисъ бросился на главнокомандующаго съ обнаженной саблей и даже оцарапалъ ему носъ.

Лучше остальныхъ былъ Андрей, военный юристъ. Дочь Елена, красавица, кружившая головы офицерамъ, и на которой одно время просилъ позволенія жениться в. кн. Михаилъ Александровичъ, вела себя довольно непринужденно, и ея немного

Наслѣдникъ в. кн. Алексѣй Николаевичъ.
Снятъ на ослѣ, подаренномъ ему въ Ракониджи итальянскимъ королемъ.

запоздалый бракъ съ греческимъ королевичемъ не столько вышелъ эпилогомъ чистаго дѣвическаго романа, сколько — циркулировавшихъ въ столицѣ пересудовъ.

Алексѣй Александровичъ, замѣнившій на посту генералъ-адмирала строгаго и неподкупнаго Константина, всю жизнь прожилъ холостякомъ, если не считать его морганатическаго брака съ Жуковской, потомство которой носитъ фамилію графовъ Бѣлевскихъ. Горькій пьяница и распутникъ, Алексѣй былъ къ тому же лѣнивъ и ограниченъ, а по части служебнаго долга отличался полной невинностью. Покрывая своимъ именемъ все веденіе дѣла морской обороны Россіи, онъ развратилъ морское вѣдомство такъ основательно, что едва ли ему суждено теперь оправиться когда

нибудь и догнать ушедшіе впередъ европейскіе флоты. Всѣ виды уголовныхъ преступленій въ обращеніи съ деньгами были тутъ на лицо и притомъ въ колоссальныхъ цифрахъ. Отъ постройки броненосцевъ въ лапахъ строителей, министровъ морскихъ и всякихъ другихъ оставалось около половины ассигнованныхъ милліоновъ. Пушки не стрѣляли, плиты брони расползались, ибо вмѣсто заклепокъ ставились деревянныя втулки, а то и просто сальныя свѣчи; подряды сдавались тому, кто большую взятку давалъ, и этому развращающему вліянію подвергались мало по малу даже иностранные заводы (Виккерсъ въ Англіи, Никкольсъ въ Америкѣ).

Когда война съ Японіей произвела экзаменъ творенію в. кн. Алексѣя, то флотъ опустился на дно Желтаго моря, а система поднялась со дна петербургскаго воровского моря на поверхность и торжественно поплыла передъ изумленными народами. Не для того поплыла, чтобы войти въ послѣднюю гавань — каторгу и ссылку, а чтобы, подъ флагомъ конституціи, оставаться тѣмъ, чѣмъ всегда была: флотиліей пиратовъ. В. кн. Алексѣй въ день извѣстія о цусимской гекатомбѣ безмятежно катался по петербургскимъ улицамъ, направляясь къ своей возлюбленной, артисткѣ Михайловскаго театра Балетта. Тамъ ждали его туалетныя принадлежности въ видѣ массивныхъ серебряныхъ слоновъ и другихъ экзотическихъ звѣрей, граммофоны, въ которые в. князь напѣвалъ осипшимъ отъ безпробуднаго пьянства голосомъ порнографическія шансонетки и простую русскую ругань; никого уже не удивляла пышная татуировка выхоленнаго, хотя и одряблѣвшаго адмиральскаго тѣла — парфорсная охота на лисицу. Эта татуировка была настоящей эмблемой: какъ жокеи на лошадяхъ скакали вокругъ туловища Алексѣя, такъ морскіе разбойники въ мундирахъ рыскали вокругъ расходуемаго имъ морского бюджета; и какъ лисица скрывалась въ центрѣ адмиральскаго трупа, такъ отъ русскаго флота всегда торчалъ только одинъ хвостикъ — дырявыя „калоши“, какъ называли свои суда сами моряки. Остальное было переварено молохомъ абсолютизма вмѣстѣ съ другими его дѣтищами.

Алексѣй мало занимался службой; онъ былъ постояннымъ гостемъ европейскихъ курортовъ и игорныхъ притоновъ, открывателемъ всемірныхъ выставокъ и т. под. Въ Парижѣ много смѣялись надъ его подъемомъ на Эйфелеву башню, гдѣ онъ велѣлъ приставить къ флагштоку лѣстницу и влѣзъ на нее, чтобы похлопать рукой по верхушкѣ палки. Лубэ и придворные не безъ страха созерцали надъ собой тучную фигуру Алексѣя, колеблемую алкоголемъ и вѣтромъ, и были рады, когда русскій чудакъ опустился на площадку, и можно было везти его къ другимъ увеселеніямъ. Умеръ Алексѣй, но наслѣдство его долго еще будетъ заботить Россію; и за счетъ этого наслѣдства первымъ разовьется и выиграетъ будущую кампанію нѣмецкій флотъ.

Третій братъ царя, Сергѣй, сначала строевой офицеръ, потомъ московскій ген.-губернаторъ, болѣе всего славенъ былъ своими противоестественными наклонностями, разстроившими его семейную жизнь и сотворившими служебныя карьеры окружавшихъ его красивыхъ адъютантовъ. Были и штатскіе возлюбленные; одинъ изъ нихъ и доселѣ не скрываетъ своихъ бывшихъ отношеній съ великимъ княземъ и показываетъ на своихъ выхоленныхъ пальцахъ драгоцѣнные перстни, заработанные худшимъ изъ видовъ разврата. Въ области управленія Сергѣй заявилъ себя только неимовѣрнымъ юдофобствомъ, и его губернаторство было сплошнымъ мартирологомъ еврейскаго населенія Москвы. Бомба Каляева положила предѣлъ жизни, никого не согрѣвшей, не оставившей послѣ себя ничего, кромѣ отвратительнаго моральнаго чада. Вскорѣ послѣ женитьбы Сергѣя его братъ Павелъ сдѣлался постояннымъ гостемъ въ Москвѣ и подмосковномъ селѣ Ильинскомъ; несмотря на послѣдовавшую затѣмъ женитьбу его на греческой королевнѣ Александрѣ Георгіевнѣ, занятое въ семьѣ брата положеніе не измѣнялось, и молодая должна была очень страдать отъ двойственности своего мужа, котораго любила. Убѣдившись, въ концѣ одной изъ своихъ беременностей, въ дѣйствительномъ положеніи вещей, Александра родила преждевременно и скончалась отъ эклампсіи, оплакиваемая всѣми, кто зналъ поближе милую женщину, не переставшую вспоминать голубое небо Греціи и свое веселое, скромное дѣтство. Елисавета взяла къ себѣ и воспитала всѣхъ ея дѣтей, и одинъ изъ нихъ,

кн. Дмитрій Павловичъ, въ 1906 г. выдвигался черносотенцами на мѣсто Николая II-го, котораго предполагалось ссадить съ трона за его слабоволіе. Павла смѣнилъ Треповъ. Потомъ пришли болѣзни, сказалась и общая склонность гессенъ-дармштадтской фамиліи къ психозу. Великой княгиней мало по малу овладѣли мистицизмъ и преувеличенная филантропическая дѣятельность. Нынѣ она открыла нѣчто въ родѣ женскаго монастыря, гдѣ подражающія ей великосвѣтскія дѣвицы ищутъ временнаго успокоенія отъ своихъ романовъ въ уходѣ за больными, постѣ и молитвахъ. Какъ слышно, Елисавету вдохновляетъ легенда о ея родственницѣ, баварской Елисаветѣ, канонизированной послѣ смерти.

Высочайшій смотръ потѣшныхъ.

Сверстникъ описанныхъ выше князей, сынъ Николая Николаевича, носившій то же имя и приставку „младшій", служилъ въ кавалеріи и считался хорошимъ ѣздокомъ; еще лучше онъ умѣлъ гоняться за волками и истреблять алкоголь во всѣхъ его видахъ. Гусарскіе кутежи (в. кн. долгое время командовалъ царскосельскими гусарами) славились, какъ украшеніе гвардейской жизни, въ эпоху Александра III-го, когда жизнь эта вообще стала дѣлаться скромнѣе. Освободительное движеніе застало Николая Николаевича пожилымъ, сморщившимся генераломъ, инспекторомъ кавалеріи; онъ сталъ во главѣ контръ-революціонной шайки не столько по приверженности своей къ абсолютизму, ибо жизнь кончалась, желанія тоже, сколько изъ охотницкой страсти напустить собакъ — черныя сотни на звѣрей — революціонеровъ. Что касается до поощренія Трепова и другихъ устроителей погромовъ, то откуда было появиться въ пьяницѣ-гусарѣ какимъ бы то ни было принципамъ, тѣмъ болѣе пониманію государственныхъ нуждъ? Одно время Николая Николаевича тоже прочили на тронъ, въ случаѣ дворцоваго переворота, но штуки союзниковъ

открылись раньше времени, и ему удалось снова заслужить довѣріе царя, начинавшаго чувствовать себя неудобно среди всѣхъ этихъ милыхъ дядей и кузеновъ, тянувшихся или толкаемыхъ на его собственное мѣсто. Для характеристики великаго князя довольно привести его слова о Дубасовѣ послѣ разгрома Москвы въ декабрѣ 1905 г.

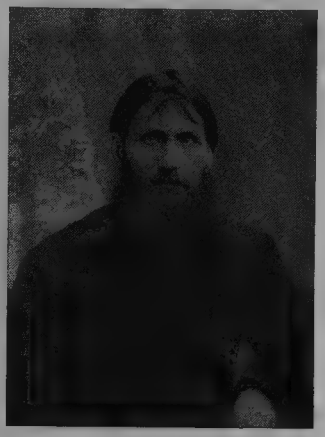
„Я отдалъ бы Дубасова подъ судъ. Онъ возился съ Москвой восемь дней вмѣсто того, чтобы въ три дня не оставить камня на камнѣ."

Дѣти Михаила Николаевича вышли типомъ въ отца, а темпераментами и способностями въ мать, полуеврейку, полупринцессу, Ольгу Ѳеодоровну, знаменитую взяточницу и собирательницу богатствъ. Николай занимается нумизматикой, исторіографіей и критикой царя; за всѣ эти наклонности фаворомъ не пользуется. Александръ, подкапывавшійся въ свое время подъ дядю, генералъ-адмирала, теперь сидитъ на его мѣстѣ, но о реформѣ и чисткѣ флота все еще не слышно. Михаилъ, подъ фамиліей фонъ-Амора, долгое время скитался за-границей, женившись противъ воли матери и Александра III-го. Теперь прощенъ, но съ родиной связей не возстанавливаетъ, предпочитая жуировать на Ривьерѣ. Дѣти Константина Николаевича наслѣдовали ростъ, длинныя шеи, выпуклые глаза, непрочность психики. Старшій сынъ, Николай, обвиненный отцомъ въ кражѣ брильянтовъ своей матери, былъ выброшенъ изъ императорской фамиліи, жилъ гдѣ-то въ провинціальной глуши, женатый на дочери простого исправника, и впалъ подъ старость въ полное слабоуміе. Другой, Константинъ, президентъ академіи наукъ, писалъ стихи („К Р."), служилъ въ строю, управлялъ военно-учебными заведеніями и всюду показалъ себя добросовѣстнымъ, болѣе чѣмъ дюжиннымъ работникомъ.

XX-ый вѣкъ застаетъ на тронахъ и возлѣ нихъ такое обиліе психически неуравновѣшенныхъ людей, что вопросы личной политики начинаютъ являться передъ народами въ новомъ, еще болѣе чреватомъ послѣдствіями видѣ и тревожномъ освѣщеніи. Очевидно, что, чѣмъ больше суживается кругъ брачущихся членовъ правительствующихъ семей, тѣмъ болѣе подвигается впередъ естественное вырожденіе; а то обстоятельство, что изъ этихъ матримоніальныхъ операцій не исключаются своевременно вѣтви, зараженныя настоящимъ безуміемъ или другими болѣзнями, вліяющими на потомство, — еще болѣе отягчаетъ будущее династіи. Представительный строй вносилъ нѣкоторыя поправки въ создававшееся положеніе, но и законодательнымъ палатамъ приходилось не однажды въ отчаяніи опускать руки передъ новыми и новыми сюрпризами, исходившими изъ дворцовыхъ нѣдръ. Ни культура, ни выдающіяся способности отдѣльныхъ монарховъ, ни высокая личная честность ихъ не спасали націю отъ ущерба, наносимаго проявленіемъ личной воли безотвѣтственныхъ лицъ. Съ этой точки зрѣнія всегда понятна была популярность невѣстъ изъ датскаго дома; всѣ онѣ были здоровы, миловидны, съ хорошей наслѣдственностью. Довольно взглянуть на старую русскую царицу, подъ слоемъ искусно наведенной живописи не утратившей ни блеска глазъ, ни доброй улыбки, чтобы оцѣнить физическое здоровье, какъ совершенно необходимое для продолжательницы династіи условіе. Даже младшій сынъ ея, Михаилъ, рожденный уже немолодыми супругами, поражаетъ здоровьемъ. Этотъ бѣдный царскій братъ, бывшій долгое время наслѣдникомъ, не любимъ Николаемъ, который подозрѣваетъ и его въ посягательствѣ на престолъ. На дѣлѣ же Михаилъ думаетъ только о своей гражданской женѣ, Шереметевской, дамѣ не первой молодости, попавшей къ князю черезъ двое рукъ, но вліяющей на него, причемъ политика исключается. Правда, Михаилъ не скрываетъ своего насмѣшливаго и слегка брезгливаго отношенія къ неспособному, запутавшемуся въ дрянныхъ дѣлахъ брату и говоритъ вообще о Россіи и ея строѣ, не заботясь о выборѣ выраженій. Все это доносится, куда слѣдуетъ. И не дальше, какъ въ 1910 г., ходили упорные слухи о бурной сценѣ между царемъ и его матерью, съ одной стороны, и в. кн. Михаиломъ — съ другой. Николай наступалъ на несчастнаго „Мишу" съ кулаками, грозилъ убить его; Миша на колѣняхъ клялся въ своей невинности. Въ результатѣ онъ опять былъ отправленъ къ своему полку, въ Елецъ, гдѣ легче за нимъ слѣдить, и гдѣ не на кого ему опереться, еслибъ даже и захотѣлъ выступить противъ брата болѣе активно.

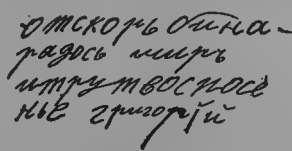
Николай на охотѣ въ Бѣловѣжской пущѣ,
послѣднемъ убѣжищѣ зубровъ. Слово „зубры“ сдѣлалось нарицательнымъ для указанія на вымираніе и теперь примѣняется къ той части русскаго дворянства, которая состоитъ въ черной сотнѣ.

О другихъ семьяхъ не стоитъ упоминать; молодежи, совершенно незамѣтной, развелось теперь такъ много, что даже титуловъ на всѣхъ не хватаетъ; есть императорскія высочества, свѣтлости и „князья крови“. Послѣдній титулъ, впрочемъ, всего больше идетъ къ самому царю, какъ о томъ и засвидѣтельствовалъ въ третьей Думѣ черносотенный депутатъ Пуришкевичъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничья психологія не представляется такой странной и полной противорѣчія, какъ Николая II-го. Внѣшняя скромность, даже застѣнчивость; печальные глаза и недобрая усмѣшка губъ; чадолюбіе и равнодушіе къ чужой жизни. Домосѣдство и алкоголь; лѣнь къ дѣламъ и рѣзкость сужденій. Подозрительность и вѣра на слово всякому проходимцу. Любовь къ преступленіямъ, огню и крови и живая, повидимому, вѣра въ божество. Щепетильная обрядность и столоверченіе; открытіе мощей и выписка Филипповъ и Папюсовъ и т. д., безъ конца. Здѣсь не только двойственность, неизбѣжный спутникъ всякой живой человѣческой души; здѣсь просто анархическая смѣсь разныхъ наклонностей, неустройство мыслительнаго аппарата, машина, гдѣ одни винты ослаблены, другіе перевинчены, третьи растеряны. Словно на смѣхъ одарила Немезида этотъ отпрыскъ романовскаго дома всѣми отрицательными чертами его представителей и дала такъ мало положительныхъ. Все это отразилось отъ услужливаго бюрократическаго зеркала на управленіи государствомъ и внесло во всѣ дѣла ту же путаницу, анархію, что царили въ царской головѣ. Возьмемъ, опять наудачу, нѣсколько типичныхъ его дѣйствій послѣдняго времени. Всѣмъ извѣстна снисходительность Николая къ погромщикамъ и политическимъ убійцамъ; ихъ помилованія вошли въ своеобразную систему „борьбы съ судомъ“, какъ это сказалъ самъ царь гр. Коновницину; тутъ все же можно нащупать мотивъ, — если угодно, даже широкій, — однобокой политической амнистіи. Но вотъ малмыжскій исправникъ Федоровъ присуждается къ 7-ми годамъ каторжныхъ работъ за поджогъ собственнаго дома съ цѣлью полученія страховой преміи. Царь даруетъ ему полное помилованіе, совершенно не понимая, въ какое дикое положеніе ставятъ его люди, подсовывающіе такія ходатайства, но безотчетно слѣдуя врожденной ненависти къ народу и любви къ полиціи, охраняющей самодержавіе. Но и въ этой привязанности конецъ можетъ наступить совершенно неожиданно; въ самомъ дѣлѣ, нужно бы понять, какъ трудна съ внѣшней стороны охрана царской жизни; по нынѣшнимъ временамъ приходится охранять и президентовъ республики и даже лидеровъ политическихъ партій. Между тѣмъ довольно было невѣжественной бабѣ-гадалкѣ увѣрить Николая, что „теперь“ покушенія не будетъ, какъ онъ бросаетъ всѣ предосторожности, выходитъ на улицу безъ предупрежденія и для начала едва не попадаетъ подъ вагонъ трамвая; не растерявшійся вагоновожатый получаетъ крупную денежную награду,



Григорій Распутинъ — Новый.

„Тотъ самый, который рекомендуетъ премьеровъ и свергаетъ оберъ-прокуроровъ, который помогаетъ Иліодору противъ Синода и Синоду противъ Иліодора, и побѣждаетъ тотъ, которому онъ помогаетъ“ (слова, сказанныя Милюковымъ съ каѳедры Гос. Думы).


отскорь бина-
радось миръ
итрутвоспосе
нье григорій

Автографъ Распутина.

БИБЛИОТЕКА ЦК ВКП(б) ИСТПАРТА

полицейскія сердца бьютъ мелкую дробь, а гадалка можетъ торжествовать: „вотъ и трамвай его не беретъ!“

Пренебреженіе къ труду и заботамъ личныхъ слугъ есть показатель низменности хозяйской натуры. Но какъ связать эти частыя проявленія съ тѣми запросами духа, которые хоть и въ крайне уродливыхъ формахъ, но всегда ярко выражаются этимъ страннымъ человѣкомъ? Умеръ Толстой. Царь списалъ приготовленную для него напыщенную резолюцію на докладѣ, призывая Бога къ милостивому суду надъ скончавшимся отлученнымъ христіаниномъ. Въ реакціонной печати царскія слова расцвѣчивались бенгальскими огнями открытой лести, но это

Григорій Распутинъ съ Вырубовой.
Съ правой стороны — ближайшій другъ императрицы и первая поклонница Распутина.

не удовлетворяло Николая; его умъ, охотно вращающійся въ области религіозныхъ исканій, тревожился сомнѣніями, правильно ли поступилъ синодъ, запретивъ заупокойныя службы и похороны по обряду? Казалось, было бы съ кѣмъ посовѣтоваться на эту тему, но царь выписываетъ изъ Сибири своего давнишняго пріятеля; кого бы вы думали, однако? ... Григорія Распутина, профессіональнаго растлителя дѣвушекъ и разоблаченнаго даже ультра-черносотеннымъ архіереемъ Гермогеномъ негодяя. Вотъ подлинныя слова Распутина, въ вагонѣ I-го класса собирскаго экспресса, сказанныя его спутнику, г. Х. ... „Не въ первый разъ ѣду въ Царское Село ... Правда, придворные меня не любятъ ... Ну, да я какъ бы къ дядькѣ наслѣдника въ гости хожу, а тамъ меня проводятъ къ царю, и я съ нимъ и царицей за однимъ столомъ сижу, чай пьемъ, разговариваемъ. А теперь меня царь вызываетъ, чтобы насчетъ того поговорить, правильно ли попы поступили, что Толстого отказались хоронить. Царь считаетъ что поступили они г л у п о“ (характерно, что Распутинъ, ѣдучи въ Царское, уже з н а е т ъ мнѣніе царя. Не переписывается ли онъ съ нимъ?)

Когда на шестой или седьмой день пути, сойдясь съ Распутинымъ поближе, его спутникъ спросилъ:

„Ну, а скажите, неужели правда всѣ эти гадости, что про васъ въ газетахъ пишутъ?“, Распутинъ, ухмыльнувшись, отвѣтилъ:

„Половина то, конечно, вранье, ну, а впрочемъ... всѣ мы люди, всѣ мы человѣки“... И плотоядно хихикнулъ. Вотъ къ чему и къ кому приводитъ царя извращенная потребность въ мистикѣ.

Такъ же неясна, но сильна потребность и во внѣшнихъ оказательствахъ культа. Примитивная вѣра фиксируется не столько на познаваніи божественной воли, сколько на изображеніяхъ божества. Только у царей, вродѣ Николая или изгнаннаго португальскаго короля Мануэля, можно видѣть изголовье кровати увѣшаннымъ иконами въ томъ безпорядочномъ изобиліи, которое встрѣчается у прислугъ, недавно пріѣхавшихъ изъ деревни въ городъ. Все кажется мало, на всякую новую житейскую задачу или заботу хочется выискать специфически дѣйствующее святое изображеніе. Оригинально, что такого рода маніи бываютъ иногда заразительны. Молодая царица, до замужества съ презрѣніемъ относившаяся къ православію, чувственная сторона коего претила ея душѣ, теперь скупаетъ иконы по всей Россіи. Еще оригинальнѣй, можетъ быть, то обстоятельство, что главнымъ поставщикомъ ея является некрещенный еврей, Гоберманъ, московскій старьевщикъ. За старыя, прокоптѣлыя иконы платятъ очень хорошо. Молятся самымъ страннымъ изображеніямъ: такъ, въ дворцовой гатчинской церкви обращаетъ на себя вниманіе образъ, гдѣ среди обычныхъ русскихъ святыхъ ликовъ красуется рыцарь въ латахъ, но съ собачьей головой, — легенда гласитъ, что его стѣсняла красота лица, и по молитвѣ его Господь обмѣнялъ ему голову на собачью.

Впрочемъ, не то же ли осуществлялось и въ мірѣ реальномъ? Развѣ не болѣе странна дружба со шпіономъ Рачковскимъ? Развѣ послѣдній не своего рода рыцарь — собака? Рыцарь для Николая и собака для всего русскаго народа, который оба они готовы были предать за одинъ день своего благополучія? Развѣ снятіе съ себя царемъ ордена Владиміра и возложеніе его на предательскую грудь не болѣе слѣпой поступокъ, нежели украшеніе деревянной доски съ несуразнымъ рисункомъ золотомъ и камнями? И развѣ не глубоко печально, что и новое поколѣніе Романовыхъ воспитывается въ такой же затхлой, разлагающей атмосферѣ? Между прочимъ, въ сѣромъ крестьянствѣ, гдѣ по необходимости многіе вопросы жизни обсуждаются съ упрощенной стороны, существуетъ глубокое недоумѣніе и неудовольствіе по поводу большихъ окладовъ членовъ царской семьи; такъ, ходила легенда, что наслѣдникъ получалъ, грудным ребенкомъ, тринадцать тысячъ рублей въ годъ (почему именно 13, не извѣстно, придумано, вѣроятно, ради суевѣрнаго страха передъ этой цифрой), что поэтому нужно убить младенца, а отецъ его, видимо, „не въ своемъ умѣ.“

Что бы сказали эти простые люди, узнавъ дѣйствительную стоимость содержанія этого младенца? Что подумали бы они, при извѣстіи о суммахъ, полагающихся каждому члену императорской фамиліи въ годъ изъ удѣльныхъ средствъ? Объ ихъ личныхъ богатствахъ? „Мірскіе захребетники“, бобыли и нищіе, живущіе за счетъ общинъ и укоряемые подъ сердитую руку въ тунеядствѣ, показались бы послѣ этого святыми. Да и втолковать русскому крестьянину невозможно, чтобы царь тратилъ изъ составляемаго изъ его же копеекъ бюджета 16 милліоновъ въ годъ по одной смѣтѣ министерства Двора; да столько же распихано по смѣтамъ другихъ министерствъ! За то какой звонъ идетъ, когда царь жертвуетъ по случаю какого нибудь бѣдствія 5—10 тысячъ рублей . . . .

Въ этой атмосферѣ богатства, праздности (ибо вся жизнь проходитъ въ представительствѣ, охотахъ, забавахъ и поѣздкахъ) и въ послѣднее время — страха могли бы выродиться и испортиться до мозга костей и болѣе устойчивыя генераціи, нежели романовская. Смутное чувство, что люди во дворцахъ непохожи на обыкновенныхъ людей, живутъ иными интересами, нуждаются въ особыхъ основахъ для оправданія себя, это чувство никогда, кажется, не исчезало въ народѣ, и весьма возможно, что рѣзкое измѣненіе внѣшняго уклада царской жизни было бы истолковано въ низахъ населенія такъ же, какъ крушеніе монархіи. Не этому ли чувству слѣдуетъ приписать дикую выдумку, поднесенную Николаю Первому, объ особой „императорской“ религіи? И не одна шутливость руководила этимъ вообще не знавшимъ шутки государемъ, когда онъ приказалъ сдать курьезный проектъ въ г о р н ы й департаментъ. „Религія“

дѣйствительно была своего рода „ископаемой“, и изобрѣтатели ея слѣдовали весьма понятной интуиціи.

Дурные инстинкты развиваются на описанной почвѣ и ею порождаются. Безотвѣтственность легко переходитъ въ самодурство, а самодурство въ безволіе. Страхъ за жизнь ведетъ къ подозрительности, а послѣдняя къ огульной ненависти. Окружающіе невольно приспособляются, иначе должны отходить, лишаться великихъ и, главное, богатыхъ милостей. Зло расходится концентрическими кругами, докатываясь до самыхъ мелкихъ корней всей системы управленія. Отражаясь, наконецъ, отъ твердаго дна — народной массы, оно вновь подымается къ своему первоисточнику, какъ правильно функціонирующая кровеносная система, и здѣсь то появляется наихудшій продуктъ обмѣна жизненныхъ веществъ — провокація всякаго рода. Провоцируютъ тотъ же страхъ, ту же праздность, то же легкое отношеніе къ деньгамъ. Провоцируютъ погромы, убійства, роспуски парламентовъ, отставки министровъ. Провоцируютъ фаворитизмъ, какъ это сдѣлала жена попадавшаго въ опалу министра Двора, поѣхавшая въ Гатчину, какъ только почувствовала приближеніе родовъ, чтобъ разрѣшиться отъ бремени на порогѣ царской гостиной. Да всего и не перечтешь, за изобрѣтательностью дворцовыхъ и министерскихъ сферъ не угоняешься. Народу было впору разобраться въ главномъ видѣ провокаціи — политической игрѣ Плеве, Азефа и Ко.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАЯ.

Азефовщина. — Бурцевъ и его роль въ освободительномъ движеніи. — Чернякъ. — Слухи объ Азефѣ. — Герасимовъ. — Гартингъ. — Карповъ. — Кто убилъ Старынкевича и Блока? — Невысокая цѣна Курлова. — Петровъ-Воскресенскій. — Дѣло Лопухина. — Въ чемъ его вина? — Предательство Столыпина. — „Варваринъ судъ“. — Надежда царя на суровый приговоръ. — „Вотъ такъ здорово“! — Дѣйствительное значеніе разоблаченій Лопухина. — Мелкіе провокаторы. — Провозъ оружія, подбросъ, фабрикація бомбъ. — Рачковскій-бомбистъ. — Будоговскій. — Комиссаровъ, Пономаревъ, Миллеръ, Пышкинъ и др. — Безнаказанность. — Награды.

Гдѣ неравенство достигаетъ предѣла терпимости, тамъ возникаетъ борьба; гдѣ борьба, тамъ разгораются страсти и утрачиваются моральные масштабы; гдѣ

Бакай.

Бржозовскій.

Боровская.

Шпіоны русскаго правительства,
разоблаченные или переметнувшіеся въ революціонный лагерь.

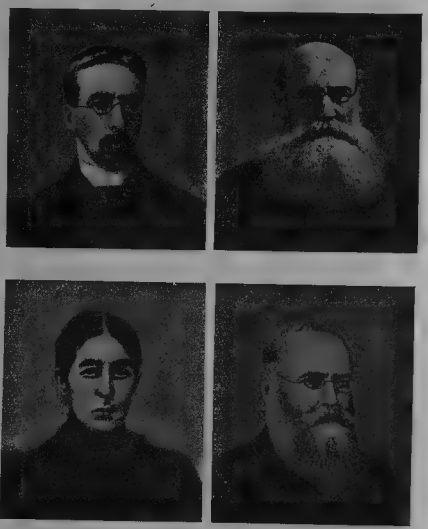
эти масштабы исчезаютъ вовсе, тамъ выростаетъ провокація, какъ послѣднее оружіе; оно остро и отравлено, но, какъ чумная бацилла, недолговѣчно. Однажды извлеченное на свѣтъ изъ подъ плаща наемнаго преступника, оружіе это ржавѣетъ, и ядъ его

вывѣтривается; такимъ свѣтомъ бываютъ разоблаченія провокаторовъ. Въ лицѣ Азефа (правильнѣе Азева, какъ это имя пишется и выговаривается порусски) Россія побила міровой провокаціонный рекордъ, а въ Бурцевѣ она же нашла и единственнаго въ своемъ родѣ разоблачителя. Эти два имени навсегда связаны между собой, а результатъ ихъ взаимоотношенія—трагедія несчастнаго Лопухина—придаетъ особенно мрачный характеръ еще не вполнѣ закончившемуся процессу борьбы ядовитой змѣи и профессіональнаго истребителя.

Намъ нельзя обойти крупную фигуру Азефа однимъ упоминаніемъ о ея роли, и мы приводимъ здѣсь выдержки изъ письма В. Бурцева къ министру юстиціи,

Евно Азефъ.

Какъ извѣстно, разоблаченіе Азефа повлекло за собой ссылку Лопухина, а Столыпинъ призналъ въ Думѣ, что Азефъ есть вѣрный царскій слуга. Азефъ продолжаетъ получать жалованье, но роль его кончена, и промышляетъ онъ, черезъ субъ-агентовъ, въ родѣ Пуцято или Жученко, по мелочамъ.



Дѣло Азефа.

Члены революціоннаго трибунала, приговорившіе Азефа къ смерти. Вл. Бурцевъ; кн. П. Кропоткинъ; В. Фигнеръ; Г. Лопатинъ.

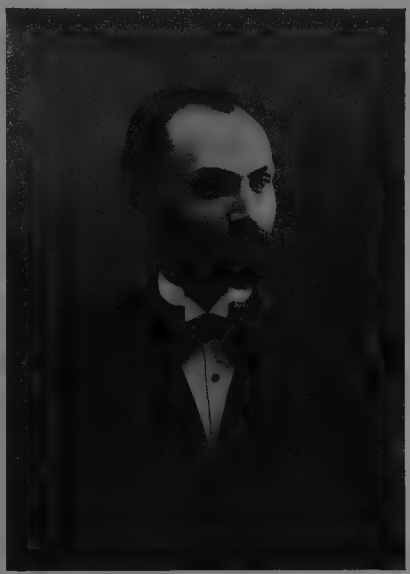
Щегловитову, оставляя при этомъ въ сторонѣ выводъ Бурцева о мотивахъ, двигавшихъ волею Азефа во все время его работы въ с.-р. партіи и департаментѣ полиціи.

„Азефъ", по заявленію предсѣдателя Совѣта министровъ П. А. Столыпина въ его рѣчи къ народнымъ представителямъ въ Государственной Думѣ въ началѣ 1909 г., состоитъ тайнымъ агентомъ департамента полиціи съ 1892 г., и его наиболѣе „плодотворная" — для департамента полиціи — дѣятельность относится къ 1903—1908 г. г.

Въ эти годы, вплоть до начала 1909 г., Азефъ въ глазахъ всѣхъ членовъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, къ которой онъ принадлежалъ формально въ продолженіи почти 10 лѣтъ, былъ однимъ изъ видныхъ ея членовъ, а послѣдніе 5 лѣтъ — членомъ центральнаго комитета, организаторомъ, фактически главой боевой организаціи соц.-револ. въ 1903—1908 годы, т. е. тогда, когда ею былъ совершенъ рядъ террористическихъ убійствъ выдающихся представителей русскаго правительства.

Лѣтомъ 1904 г. Азефъ настоялъ на томъ, чтобы боевая организація предприняла убійство министра внутреннихъ дѣлъ Плеве; онъ лично выработалъ планъ,

привлекъ къ выполненію его Сазонова и др.; за три недѣли до совершенія убійства онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, поселился на конспиративной квартирѣ Савенкова и Сазонова, прожилъ тамъ безвыѣздно дней десять и оттуда руководилъ всѣмъ заговоромъ. Наканунѣ первой попытки убійства Плеве — 8-го іюля — Азефъ уѣхалъ въ Вильно. Послѣ неудачи этого перваго покушенія Азефъ вызвалъ Сазонова къ себѣ въ Вильно и тамъ снова далъ ему инструкціи для новаго покушенія. 15-го іюля Плеве былъ убитъ въ Петербургѣ, а Азефъ, получивъ въ Варшавѣ отъ Савенкова условленную телеграмму о совершившемся убійствѣ, въ тотъ же день выѣхалъ въ Вѣну и оттуда — 16-го іюля — далъ телеграмму завѣдующему политическимъ сыскомъ, чтобы установить на всякій случай себѣ ложное alibi.



Г. А. Гершуни,
извѣстный революціонеръ—террористъ (род. 1870 г.). Бѣжалъ съ каторги заграницу, умеръ отъ ранъ, полученныхъ отъ тренія кандаловъ на ногахъ. Убилъ уфимскаго губернатора Богдановича по наущенію Азефа.

Осенью 1904 г. Азефъ въ Швейцаріи организовалъ заговоръ для убійства великаго князя Владиміра, великаго князя Сергѣя и Клейгельса. Для этого Азефъ послалъ въ Россію три отряда террористовъ, — всѣ детали этихъ покушеній были выработаны подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Имъ же былъ уѣзжающимъ въ Россію террористамъ данъ динамитъ, которымъ была впослѣдствіи начинена въ Москвѣ бомба Каляева, убившаго великаго князя Сергѣя. Для организаціи покушенія на великаго князя Сергѣя Азефомъ были посланы въ Москву Каляевъ, Д. Брильянтъ, Савенковъ и др.

23-го апрѣля 1906 г. Азефъ былъ въ Москвѣ, онъ лично разставлялъ террористовъ съ бомбами по улицамъ, по которымъ долженъ былъ проѣзжать ген.-губ. Дубасовъ, и руководилъ всѣмъ заговоромъ. Дубасовъ былъ раненъ, а его адъютантъ, гр. Коновницынъ, убитъ.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ участниковъ боевой организаціи, работавшій все время рука объ руку съ Азефомъ, извѣстный революціонеръ Борисъ Викторовичъ Савенковъ, недавно опубликовалъ подробное описаніе убійства министра внутреннихъ дѣлъ Плеве и великаго князя Сергѣя и обстоятельно разсказалъ, какъ о своемъ участіи въ этихъ террористическихъ актахъ, такъ и объ участіи Азефа.

Въ переданномъ въ наше распоряженіе полномъ текстѣ своихъ воспоминаній Савенковъ дѣлаетъ такого рода заявленіе о роли Азефа въ партіи:

„Азефъ состоялъ членомъ партіи съ самаго ея основанія; онъ зналъ о покушеніи на харьковскаго губернатора кн. Оболенскаго (1902) и принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ убійству уфимскаго губернатора Богдановича (1903). Онъ руководилъ съ осени 1903 г. боевой организаціей и въ разной степени участвовалъ въ слѣдующихъ террористическихъ актахъ: въ убійствѣ министра внутреннихъ дѣлъ

Петербургское охранное отдѣленіе:
Всѣ выдающіеся спеціалисты по политическому розыску, провокаціи, допросамъ арестованныхъ.

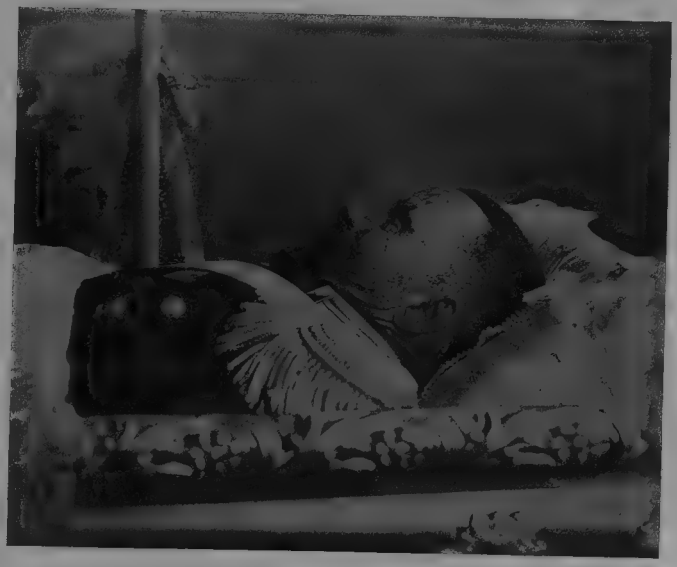
Плеве, въ убійствѣ великаго князя Сергѣя Александровича, въ покушеніи на великаго князя Владиміра Александровича, въ покушеніи на петербургскаго ген.-губ., генер. Трепова, въ покушеніи на кіевскаго ген.-губерн., генерала Клейгельса, въ покушеніи на нижегородскаго губернатора, генерала барона Унтербергера, въ покушеніи на

Убійство начальника охраннаго отдѣленія въ Петербургѣ Карпова.
Разрушенная взрывомъ комната, гдѣ Карповъ самъ занимался приготовленіемъ бомбъ для провоцируемыхъ имъ террористическихъ актовъ.

московскаго генералъ-губернатора, адмирала Дубасова, въ покушеніи на министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, въ покушеніи на офицеровъ Семеновскаго полка, ген. Мина и полк. Римана, въ покушеніи на завѣдующаго политическимъ розыскомъ Рачковскаго, въ убійствѣ Георгія Гапона, въ покушеніи на командира черноморскаго

флота адмир. Чухнина, въ покушеніи на премьеръ-министра Столыпина и въ трехъ покушеніяхъ на царя. Кромѣ того онъ заранѣе зналъ объ убійствѣ Татарова, объ убійствѣ ген. Сахарова въ Саратовѣ, объ убійствѣ петербургскаго градоначальника фонъ-деръ-Лауница, объ убійствѣ главнаго военнаго прокурора ген. Павлова, о покушеніи на великаго князя Николая Николаевича, о покушеніи на московскаго ген.-губернатора Гершельмана и т. д.

„Онъ былъ членомъ центральнаго комитета и принималъ участіе во многихъ крупныхъ революціонныхъ предпріятіяхъ и въ обсужденіи всѣхъ безъ исключенія



Карповъ въ гробу.
На этотъ разъ въ военной формѣ, тогда какъ на службѣ переодѣвался въ штатское.

плановъ, въ томъ числѣ плановъ московскаго, свеаборгскаго и кронштадскаго возстаній".

Далѣе Бурцевъ сообщаетъ, что Азефъ былъ однимъ изъ организаторовъ покушенія на жизнь нынѣшняго товарища министра внутреннихъ дѣлъ Курлова въ Москвѣ весной 1906 г.; онъ тогда же принималъ участіе въ убійствѣ тверского губернатора Слѣпцова и т. д. Азефъ организовалъ рядъ динамитныхъ мастерскихъ, въ которыхъ были приготовлены снаряды, употребленные въ удавшихся террористическихъ актахъ — противъ Плеве, великаго князя Сергѣя, Дубасова, Гершельмана и т. д., — Азефъ организовывалъ побѣги наиболѣе видныхъ террористическихъ дѣятелей и т. д.

Почти во всѣхъ террористическихъ актахъ, какъ тѣхъ, гдѣ Азефъ самъ принималъ участіе, такъ и въ тѣхъ, въ которыхъ онъ, повидимому, участія принимать не могъ, мы видимъ террористовъ, долго, цѣлые годы предъ этимъ работавшихъ подъ

непосредственнымъ руководствомъ Азефа — въ динамитныхъ мастерскихъ или въ иныхъ террористическихъ предпріятіяхъ. Укажу на одинъ такой примѣръ.

Предсѣдатель Совѣта министровъ П. А. Столыпинъ указалъ на убійство петербургскаго градоначальника фонъ-деръ-Лауница, какъ на актъ, который не былъ предупрежденъ Азефомъ, такъ какъ онъ объ этомъ покушеніи не зналъ и самъ въ это время былъ за границей. Нѣтъ! Азефъ зналъ, что члены боевой организаціи въ это время предприняли покушеніе на фонъ-деръ-Лауница, хотя не могъ знать нѣкоторыхъ деталей этого покушенія. Но участниками убійства, „Адмираломъ“ и Сулятицкимъ, были лица, которыя состояли въ одной съ Азефомъ организаціи,

Бомбисты,
арестованные въ Финляндіи въ ихъ лабораторіи, Борцовъ, Піотровскій и Каменецкій. Сняты въ костюмахъ финляндской тюрьмы, съ ручными кандалами.

хорошо ему были извѣстны и до того дѣйствовали по его указаніямъ. Сулятицкій, бывшій одновременно съ „Адмираломъ“ въ церкви, гдѣ послѣднимъ былъ убитъ фонъ-деръ-Лауницъ, находился тамъ съ браунингомъ и долженъ былъ убить предсѣдателя Совѣта министровъ П. А. Столыпина и не выполнилъ этой своей задачи лишь потому, что П. А. Столыпинъ случайно не пріѣхалъ въ церковь вмѣстѣ съ фонъ-деръ-Лауницемъ.

До начала 1905 г. департаментъ полиціи, какъ таковой, не зналъ объ участіи Азефа въ террористическихъ актахъ, совершенныхъ боевой организаціей; знали ли объ этой сторонѣ его дѣятельности отдѣльные члены департамента полиціи и охранныхъ отдѣленій, я не буду утверждать въ данное время. Но съ 1905 г. активная роль Азефа въ боевой дѣятельности соціалъ-революціонеровъ перестала быть тайной для нѣкоторыхъ изъ видныхъ дѣятелей политическаго розыска, но Азефъ былъ ими амнистированъ въ виду тѣхъ услугъ, которыя онъ оказывалъ департаменту полиціи до и послѣ этого времени. Его не привлекли къ отвѣтственности даже тогда, когда я, съ 1908 г., сталъ громко въ литературѣ обвинять его въ активномъ участіи въ террористической борьбѣ.

Въ началѣ 1906 г. Азефъ былъ тайно для революціонеровъ арестованъ въ Петербургѣ генераломъ Герасимовымъ, начальникомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія, и содержался подъ стражей въ продолженіе двухъ дней. Съ нимъ въ камерахъ охраннаго отдѣленія заключенъ былъ договоръ. Своимъ согласіемъ на дальнѣйшую помощь политическому розыску Азефъ купилъ прощеніе за свое участіе въ дѣлѣ убійства Плеве и великаго князя Сергѣя.

Но и послѣ этого договора Азефъ активно участвовалъ въ организаціи покушенія на ген.-губ. Дубасова, генерала Гершельмана, губернатора Слѣпцова и т. д.

Въ 1908 г. онъ готовилъ цареубійство — не удавшееся не по его винѣ: для успѣха дѣла Азефъ сдѣлалъ все. А генералъ Герасимовъ старался спасти Азефа и упрашивалъ Лопухина взять назадъ свои слова, сказанныя мнѣ объ Азефѣ въ поѣздѣ желѣзной дороги между Кельномъ и Берлиномъ.

Фроловъ,
главный лаборантъ мастерской бомбъ.

Во время запроса въ Госуд. Думѣ объ Азефѣ въ февралѣ 1909 г. предсѣдатель Совѣта министровъ П. А. Столыпинъ высказалъ совершенно ложный взглядъ на Азефа, идущій вразрѣзъ со всѣми очевидными фактами, какъ на агента деп. полиціи, лишь предотвращавшаго своими донесеніями террористическіе акты. Съ тѣхъ поръ г. Столыпинъ не сдѣлалъ ничего для выясненія истинной роли Азефа, и Азефъ укрывается отъ преслѣдованія за свои преступленія, прежде всего, благодаря этому на него взгляду г-на Столыпина".—

Здѣсь можно только отмѣтить излишнюю мягкость выраженій по адресу Столыпина, который теперь не можетъ уже казаться столь невиннымъ младенцемъ, какъ во время отвѣта по запросу первой Думы о погромной типографіи въ департ. полиціи. Конечно, Столыпинъ зналъ не хуже Бурцева біографію своего сотрудника, а его награды проходили черезъ тѣ же столыпинскія руки; связавъ свою судьбу и имя съ нынѣшнимъ режимомъ, первый министръ не уйдетъ отъ справедливаго суда исторіи, какъ, не ушелъ бы онъ и отъ нелицепріятнаго суда присяжныхъ послѣ крушенія нынѣшняго правительства и династіи.

Избѣгая участи Черняка, погибшаго при загадочныхъ обстоятельствахъ на пароходѣ, шедшемъ изъ Швеціи въ Европу, Азефъ тщательно скрывается отъ любопытныхъ взоровъ. Слухи о его пребываніи въ Царскомъ Селѣ едва ли основательны, т. к. теперь онъ тамъ ненуженъ. Всего вѣрнѣе, что онъ руководитъ, черезъ своихъ агентовъ, членовъ крайнихъ партій, оставшихся еще не разоблаченными, сѣтью мелкихъ доносовъ и организаціей провокацій въ высшей школѣ. Для такого большого корабля,

какъ Азефъ, море это слишкомъ мелко, и, вѣроятно, недалекъ тотъ моментъ, когда онъ или опустится, какъ Зубатовъ, Гартингъ и др., на дно жизни, обезпеченный крупной пенсіей, или же покажетъ себя какимъ нибудь выдающимся шагомъ, отъ котораго никакія гадалки никого не спасутъ.

Разоблаченія Бурцева сыграли большую роль въ движеніи этихъ лѣтъ, навсегда раскрывъ истинную природу внутренней политики правительства; они заставили послѣднее снять маску доброжелательства къ обществу и народу и выступить въ качествѣ откровеннаго ихъ врага, интересы коего противоположны интересамъ

Лабораторія въ Куокаллѣ (Финл.),

гдѣ изготовлялись бомбы для русскихъ террористовъ. Въ 1905—06 гг. такія мастерскія были во многихъ русскихъ городахъ, а одна изъ нихъ, въ г. Ростовѣ-на-Дону, выпустила даже иллюстрированный каталогъ бомбъ съ похвальными отзывами покупателей.

страны. Росписавшись въ сотрудничествѣ съ Азефомъ, Гартингомъ, Рачковскимъ и др., министерство Столыпина потеряло въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей, независимо отъ ихъ политическихъ взглядовъ, всякое право на уваженіе и тѣмъ усилило общую оппозиціонность до небывалой степени.

Убійство жандармскаго полковника Карпова лишило Столыпина и его полицію послѣдняго выдающагося провокатора. Какъ выяснилось на судѣ изъ показанія его убійцы, Петрова-Воскресенскаго, Карповъ производилъ опыты съ бомбами и готовилъ рядъ террористическихъ провокацій. Между прочимъ, этотъ Петровъ, также считавшійся агентомъ департамента и бывшій довѣреннымъ лицомъ Карпова, признался, что это онъ, въ сообществѣ съ другимъ агентомъ, убили беззащитныхъ, честныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ губернаторовъ Старынкевича и Блока; мысль о полной безсмысленности и низости этихъ двухъ преступленій и привела Петрова къ мести Карпову, толкавшему его на такія же новыя убійства. Попутно выяснилось. что въ охранномъ отдѣленіи былъ составленъ списокъ лицъ, на которыхъ м о ж н о было покушаться въ провокаціонныхъ цѣляхъ, и недавній шефъ жандармовъ, Курловъ, о карьерѣ котораго ходили самые лестные для него слухи, самъ оказался въ этомъ спискѣ и притомъ далеко не въ концѣ его (кандидаты на бомбу расположены были по рангамъ); конецъ списка соприкасался съ министрами и царской фамиліей.

Всѣ знаютъ, что безъ помощи Лопухина, бывшаго дир. департамента полиціи, Азефъ, быть можетъ, не былъ бы такъ успѣшно разоблаченъ Бурцевымъ; знаютъ и то,

какъ относится къ своему бывшему сотруднику русское правительство. За Лопухинымъ Бурцевъ охотился со дня его выхода въ отставку, надѣясь на его разоблаченія; но онъ хранилъ молчаніе до тѣхъ поръ, пока не получилъ достаточныхъ свѣдѣній о подготовленіи Азефомъ цареубійства. Сознаніе, что, продолжая молчать, онъ сдѣлается какъ бы моральнымъ сообщникомъ террористовъ, заставило Лопухина согласиться на бесѣду съ Бурцевымъ и открыть ему роль Азефа въ деп. полиціи. Такимъ образомъ, вина Лопухина состояла въ томъ, что онъ хотѣлъ спасти жизнь царю. Столыпинъ, другъ дѣтства Лопухина, предалъ его въ тотъ моментъ, когда долженъ былъ и могъ по совѣсти выяснить Николаю характеръ выдачи Лопухинымъ служебной тайны, въ сущности, даже не наказуемой для отставного чиновника; но онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы утопить своего бывшаго друга, ибо это есть вообще единственное средство держаться самому у власти при абсолютизмѣ. Повліять на сенатъ было тѣмъ легче, что царь вполнѣ усвоилъ себѣ роль Азефа и, дрожащій отъ страха передъ имъ же нанятымъ убійцей, проявилъ необыкновенное рвеніе въ дѣлѣ Лопухина и высказалъ надежду, что онъ непремѣнно понесетъ суровое наказаніе. Одновременно Азефу даны были наградныя деньги и обезпечена, по возможности, скрытость убѣжища. Сенатъ выставилъ обвинителемъ Лопухина одинъ изъ самыхъ отвратительныхъ типовъ современнаго русскаго правосудія, Варварина, который, однако, перестарался и повелъ процессъ такъ, что за Лопухина встали даже и тѣ элементы общества, которые не могли ему простить службы въ деп. полиціи и считали его отчасти попустителемъ провокаціи. „Варваринъ судъ“, эти два слова сдѣлались крылатыми и замѣнили старую русскую поговорку о неправомъ судѣ: „Шемякинъ судъ“. Сенатъ приговорилъ Лопухина къ пяти годамъ каторги, запечатлѣвъ въ стенографическомъ отчетѣ процесса такое разложеніе суда, какого не являлъ еще ни одинъ трибуналъ Европы. Но царю это то и понравилось. Не помня себя отъ радости, онъ „начерталъ“ на докладѣ о Лопухинскомъ дѣлѣ тоже своего рода крылатыя слова:

„Вотъ такъ здорово!“

Дѣло Лопухина мы считаемъ послѣдней страницей исторіи русскаго самодержавія. По драматизму положенія, въ которомъ очутился вѣрный слуга самодержца, по естественности злобы разоблаченнаго механизма правленія, по невозможности слѣдовать впередъ прежней политикѣ, по единодушію въ оцѣнкѣ дѣйствій Азефа, Столыпина и Николая, — эта страница навсегда останется не только интересной, но и загадочной. Ибо, какъ сама провокація, такъ и режимъ, на ней созидающій свою жизнь, всегда похожи на двуликаго Януса, а споръ о томъ, какое же изъ нихъ есть дѣйствительное лицо, не можетъ быть разрѣшенъ.

Въ сравненіи съ этимъ дѣломъ мелочи той же категоріи совершенно утратили для публики интересъ, и даже выступленіе думской оппозиціи потеряло, въ такихъ случаяхъ, прежнюю остроту. Комиссаровъ, Будговскій, Миллеръ, Пономаревъ, Пышкинъ и многіе другіе — устраивали погромы, провозили оружіе, подбрасывали нелегальную литературу и опускались до самыхъ шулерскихъ пріемовъ съ одною цѣлью — провоцировать рефлексъ и жить за счетъ его ликвидаціи. Здѣсь стоитъ отмѣтить только признаніе Петрушки Дурново, что Рачковскій получилъ однажды пятьсотъ рублей изъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ на изготовленіе бомбъ.

„Но я этого не одобрялъ и теперь не одобряю“ — добавилъ смышленный министръ, умывая свои хищныя руки передъ фактомъ, выгоды котораго онъ всегда смогъ бы использовать, не пачкаясь въ крови своихъ сослуживцевъ — губернаторовъ. Безнаказанность провокаторовъ, награды чинами и орденами, повышенія по службѣ — все это открыто дѣлается и доселѣ. Никто не можетъ теперь ни дѣлать себѣ иллюзій, ни выдѣлять изъ общей массы враговъ государства ни министровъ, ни царя; и они, въ свою очередь, не могутъ измѣнить разъ принятому курсу и докатятся на азефовскихъ плечахъ до уготованной самими себѣ могилы.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ.

Путешествіе за границу. — Гартингъ попрежнему въ силѣ. — Въ Англіи. — Въ Шербургѣ. — Въ Ракониджи. — Отношеніе итальянскаго народа не измѣнилось. — Максимъ Горькій. — Неуваженіе къ Николаю заграницей. — Карикатуры. — Обращеніе Вильгельма II-го. — Алкоголизмъ и его послѣдствія. — Скандальное хожденіе въ солдатской формѣ. — Болѣзнь царицы обостряется. — Всѣ становятся подозрительными къ царю. — Возвращеніе къ узко-личной политикѣ. — Въ высшей школѣ. — Черты вырожденія.—Аудіенція Герасимова.—Никто не вліяетъ.—Возможность всякихъ неожиданностей.

Разоблаченіе Азефа не только спасло жизнь царя, т. к. Азефъ просилъ дать ему три мѣсяца для приведенія въ исполненіе цареубійства, послѣ чего согласился предстать передъ товарищескимъ судомъ, — но и на нѣкоторое время освободило его отъ обычныхъ цѣпей, которыми болѣе или менѣе опутаны всѣ правители въ своей личной жизни. Дѣло въ томъ, что разоблаченіе Лопухина внесло въ ряды соц.-революціонеровъ такое разложеніе, какого не могли внести всѣ провокаторы, вмѣстѣ взятые. Центральный комитетъ распался, партія должна была вступить въ долгій періодъ бездѣйствія, чтобы очистить свои ряды отъ измѣнниковъ. Главный контингентъ террористовъ, руководившійся дотолѣ Азефомъ, удалялся отъ дѣла, опасаясь новыхъ предательствъ, и улицы, дома, дороги дѣлались доступными для царя, засидѣвшагося дома и задолжавшаго визиты европейскимъ собратьямъ. Этимъ перерывомъ онъ и поспѣшилъ воспользоваться, чтобы навѣстить англійскаго короля, президента французской республики и итальянскаго короля. Но по пословицѣ: „старый другъ лучше новыхъ двухъ“, охрану своей особы царь поручилъ все же Гартингу, старому провокатору — онъ же Ландезенъ — котораго Франція не желала даже видѣть больше на своей территоріи. Въ генеральскомъ чинѣ, купаясь въ деньгахъ и обдумывая, гдѣ бы поселиться подъ старость покойнѣе, негодная провокаціонная крыса дослуживала своимъ носомъ и хищничествомъ послѣднюю службу Николаю. Разумѣется, и безъ него все обошлось бы хорошо, да еще и много спокойнѣй было бы для иностранной полиціи, но царь уже не могъ нигдѣ показываться безъ хвоста изъ агентовъ-провокаторовъ. Побывавъ въ Англіи, Николай переплылъ Ламаншъ и въ Шербургѣ увидѣлся съ Фальеромъ, причемъ на землю, кажется, вовсе не сходилъ, Сдѣлавъ изъ собственной страны какъ бы сплошную мину и не рискуя принимать европейскихъ монарховъ иначе, какъ на водѣ, — по крайней мѣрѣ, въ 1904—1908 гг., онъ и чужія земли не подозрѣвалъ въ особенномъ гостепріимствѣ. Да и вправду, русскій государь былъ хлопотливымъ гостемъ; можно было подумать, что императорскій поѣздъ былъ биткомъ набитъ динамитомъ или чумными бациллами, такъ охранялась публика отъ приближенія къ этому временному жилищу повелителя русскихъ. Разстраивалось движеніе тысячеверстныхъ европейскихъ линій, войска выводились на охрану пути, начальство лишалось сна и аппетита, пока не пролетало, наконецъ, мимо ихъ станцій и участковъ мигающее сотней глазъ огнедышащее чудовище, почти безшумно пронося человѣка съ худшей репутаціей въ мірѣ, его больную жену и придворную челядь. Довольно сказать, что въ одной Италіи триста батальоновъ несло охрану вокругъ Ракониджи, ибо настроеніе итальянскаго народа ни мало не измѣнилось отъ того, что мѣстные радикалы наговорили въ парламентѣ и прессѣ всякихъ безтактностей, и что Максимъ Горькій однимъ своимъ присутствіемъ наводилъ на самыя зловѣщія предположенія. Итальянцы попрежнему отъ души презирали русскаго императора и если не приводили въ исполненіе старой угрозы освистать его, то только потому, что они питали совершенно иныя чувства къ своему королю („первому кандидату въ президенты итальянской республики“, какъ называютъ его, шутя, въ республиканской партіи) и не хотѣли осложнить и безъ того нелегкую задачу занимать сѣвернаго деспота. Да тотъ, впрочемъ, чувствовалъ себя въ Европѣ повсюду не по себѣ. Какъ ни вылощены сферы, въ которыхъ вращаются путешествующіе монархи, но и они несвободны отъ проявленія интимныхъ ощущеній; мысли, высказываемыя въ кругу близкихъ, становятся немедленно общимъ придворнымъ достояніемъ и создаютъ атмосферу, которую невольно ощущаютъ самая грубая кожа, самыя невзыскательныя къ чистотѣ легкія. Царь не могъ не чувствовать,

Пріѣздъ царя въ Ракониджи.

что кругомъ него все насыщено было глумленіемъ, насмѣшкой, брезгливостью, и, на лучшій конецъ, простымъ любопытствомъ. Отношенія вродѣ тѣхъ, что доставались на долю „ангелоподобнаго“ Александра I-го, реформатора Александра II-го и даже на долю слонообразнаго „миротворца“ Александра III-го, такія отношенія и не могли ожидать слабаго, неспособнаго царя, Николая II-го; но онъ могъ бы внушать нѣкоторое сожалѣніе, какъ человѣкъ, пережившій революцію и какъ несчастный мужъ больной Александры. Но и того не было. Вильгельмъ II не скрывалъ своего пренебреженія къ гостю, которому можно было приказывать, какъ какому нибудь прусскому губернатору; карикатуры пестрили страницы журналовъ и заборы садовъ, остроты раздавались со всѣхъ театральныхъ подмостковъ, и серьезныя нѣмецкія газеты добивали злосчастнаго правителя Россіи изъ осадныхъ орудій своихъ передовыхъ статей. Доходило до того, что вмѣшивалась дипломатія, прося обуздать какой нибудь „Simplicissimus“ или „Kladderadatsch“, — но при всемъ наружномъ сходствѣ рецептовъ прусскаго и русскаго, они внутренно были настоящими полюсами. И ливень карикатуръ и насмѣшекъ не убывалъ и не убываетъ.

Максимъ Горькій,
за соціалдемократическую агитацію вынужденный жить въ красивой тюрьмѣ: на островѣ Капри.

Слухи о томъ, что царь сильно пьетъ, давно бродили по свѣту; но теперь, когда любой студентъ-медикъ по почерку Николая можетъ опредѣлить отравленіе алкоголемъ, а любой кавалерійскій вахмистръ скажетъ, видя, какъ дрожитъ рука держащаго поводья:

„Эге, братъ, выпиваешь“ . . . ,

теперь не скроешь своего образа жизни. Мало по малу стѣсненіе пропадаетъ, привычки выносятся на улицу. И года три спустя послѣ того, что царь плясалъ въ присядку въ малиновой рубашкѣ на полковомъ праздникѣ „императорскихъ“ стрѣлковъ (въ присутствіи солдатъ), онъ дошелъ до того градуса свободы, когда хочется всѣмъ демонстрировать свое душевное состояніе. Одѣвшись солдатомъ, взваливъ на плечи ранецъ и взявъ ружье, Николай вышелъ, слегка пошатываясь, изъ своего крымскаго дворца и промаршировалъ десять верстъ, отдавая честь проходившимъ офицерамъ, испуганно оглядывавшимся на это чудо. Скандалъ былъ настолько великъ, что для ликвидаціи его придумали новый походъ, въ другой уже формѣ, чтобы придать дѣлу видъ преднамѣренности и кстати возбудить въ арміи восторгъ передъ „до всего доходящимъ“ царемъ-батюшкой. Но солдата XX вѣка, да еще побывавшаго въ революціонной передѣлкѣ, этими наивностями не проймешь. Онъ очень хорошо понялъ, что царь дѣйствительно „дошелъ“, но не до солдатской участи, конечно, а до той грани, за которой алкоголикамъ чудятся зеленые змѣи, пауки и другіе гады. Пришлось замолчать, и распространеніе фотографій и описаній подвига „самодержавнѣйшаго“ государя прекратилось.

Свиданіе монарховъ въ Свинемюнде.
Императоръ Вильгельмъ и Николай на „Гогенцоллернѣ". Историческій салютъ Вильгельма: адмиралъ Атлантическаго океана привѣтствуетъ „адмирала Тихаго океана" — очень смутилъ Николая.

Кто зналъ семейную жизнь Николая, особливо въ эти годы, тотъ не осудилъ бы его съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Люди запиваютъ и отъ меньшаго горя, особенно люди неустойчивые, невѣжественные, лѣнивые по природѣ. Жить бокъ о бокъ съ женщиной, которая отъ злобныхъ выходокъ молодости незамѣтно перешла къ ипохондріи и наконецъ безумію, а въ то же время рожала и кормила дѣтей; знать свою зависимость отъ Азефовъ и Рачковскихъ, къ которымъ не могло не быть презрѣнія даже и въ душѣ дегенерата; видѣть вокругъ только низкопоклонныя выраженія лицъ и быть увѣреннымъ, что, какъ только уйдешь изъ комнаты, эти лица немедленно

Царь въ солдатской формѣ.

перемигнутся, и кто нибудь постарается сострить; — такая жизнь при доминирующемъ чувствѣ безотвѣтственности и отсутствіи живого интереса къ большимъ операціямъ, каковыми такъ богата жизнь народа, — должна была быстро сточить и тѣ немногія возвышенія надъ животнымъ состояніемъ, какія свойственны самымъ примитивнымъ натурамъ, и обратить стремленія организма къ линіямъ наименьшаго сопротивленія. Наслѣдственность — запои отца и злоупотребленія виномъ и женщинами дѣда — помогла разгрому царскаго организма такъ же, какъ преемственность реакціи — разгрому государственнаго. Рядомъ съ этимъ росло недовѣр е и подозрительность: когда чувствуешь себя какъ бы виноватымъ передъ всѣми, очень скоро начинаетъ казаться, что это всѣ передъ вами виноваты; всюду видишь тогда опасности, обманъ. Если есть возможность при такой обстановкѣ какъ нибудь осуществлять свою волю,

то проявляется она въ формахъ рѣзкихъ, необдуманныхъ, способныхъ раздражать или трогать, — глядя по настроенію. Когда, какъ это было съ послѣдней исторіей въ высшихъ русскихъ школахъ, царь бралъ въ свои руки руководство репрессіями противъ студенчества и профессуры, — это всѣхъ раздражало, путало расчеты правительства и создавало кризисъ не одной школы. Когда черты вырожденія и недомыслія сказывались дома, онѣ могли увлажнять глаза сантиментальнаго свидѣтеля ихъ. Такимъ свидѣтелемъ сдѣлался однажды уволенный за „либерализмъ“ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Герасимовъ. Послѣ обычныхъ и незначущихъ фразъ, которыми цари отдѣлываются отъ докучливой обязанности говорить съ незнакомыми и неинтересными людьми, что называется для красоты слога „высочайшими аудіенціями“, Николай вдругъ сдѣлалъ „простое“ лицо и спросилъ Герасимова:

— А что, вы получили пенсію?

— Какъ же Ваше В-ство, получилъ, приношу Вамъ глубокую благодарность.

— Это очень хорошо, — добродушно перебилъ царь, какъ бы отвѣчая на свою собственную мысль. Потомъ не удержался и высказался:

„Они вѣдь могли бы и не дать“. . .

Это „они“, направленное противъ правительства, тяжесть котораго давала себя чувствовать и Николаю, глубоко тронуло Герасимова и, чтобы не выдать волненія, онъ поспѣшилъ отвѣсить новый поклонъ; но царь, думая вѣрно, что отставной сановникъ собрался уходить, удержалъ его за руку и сказалъ:

„Погодите. Вы куда ѣдете отсюда?“

— Въ Смоленскъ, Ваше Величество. —

„Покажите по картѣ, по какимъ дорогамъ вы поѣдете. Я люблю знать, какъ ѣдутъ бывшіе у меня . . . и съ этимъ онъ подвелъ оторопѣвшаго Герасимова къ картѣ Россіи, по которой онъ и показалъ царю простую черту — Николаевскую и Новоторжскую жел. дороги, которыя извѣстны всякому школьнику.

Долго еще не могъ оправиться отъ этой аудіенціи чиновный либералъ, и Богъ вѣсть, сколько людей, „ѣдущихъ отъ него“, этого страннаго человѣка въ рубашкѣ и шароварахъ, увозили съ собой тѣ чувства жалости и расположенія, на которыхъ многое можно было построить, еслибъ Николай зналъ вообще цѣну такимъ чувствамъ. Но, одновременно съ паденіемъ всякаго личнаго на него вліянія и увеличеніемъ порцій вина, эра конституціонная незамѣтно сливалась съ фантастической эрой „неограниченныхъ возможностей“, въ которой страна потеряла всякое равновѣсіе и которая грозитъ міру всякими сюрпризами.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ.

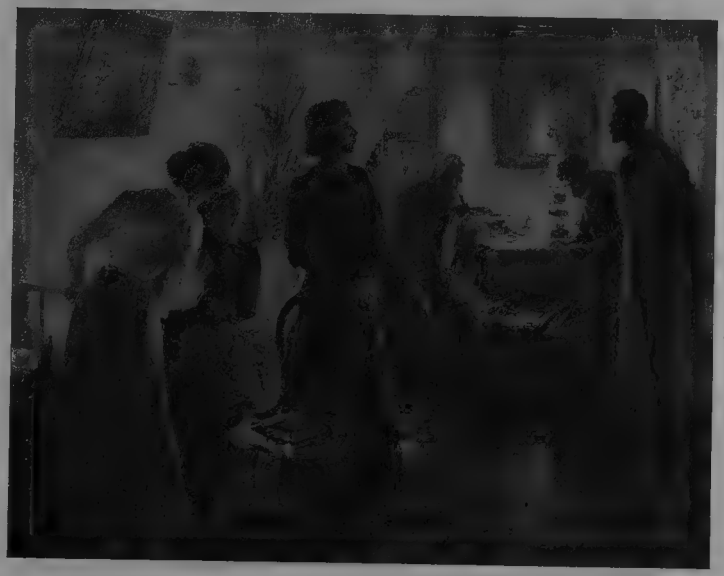
Внѣшнее торжество реакціи. — Все умолкаетъ. — Политическія партіи. — Профессіональныя организаціи. — Печать. — Штрафная система. — Ссылка. — Тюрьма. — Казни. — Нѣсколько итоговъ. — Чиновничество продолжаетъ численно расти. — Аграрная реформа, какъ средство борьбы съ революціей. — Какъ готовятся къ четвертой Думѣ.

Законы движенія неизмѣнны. Будетъ ли то движеніе космической пыли или кончающихъ жизнь планетъ какой нибудь солнечной системы; будетъ ли это жизнь установившагося въ развитіи народа или народа, перешедшаго къ революціонной борьбѣ за право такого развитія, — все совершается въ математически опредѣляемыхъ формахъ и предѣлахъ, и только слѣпцы не видятъ этого. Вотъ почему уже въ моментъ наибольшаго подъема русскаго освободительнаго движенія можно было

Арестъ студента; типичная русская картинка.

Колюбякинъ,
депутатъ 3-ей Думы, садится въ тюрьму „Кресты". Полицейскій офицеръ замахивается шашкой на фотографа, чтобы не смѣлъ снимать, за что и увѣковѣченъ здѣсь.

предсказать крутое паденіе волны, вынесшей Россію на пустынный берегъ 17-го октября и, слѣдовательно, наступленіе реакціи. Совершенно невозможно въ бѣглыхъ очеркахъ, каковыми является эта книга, подвергнуть создавшееся послѣ разгона первыхъ Государственныхъ Думъ положеніе анализу, да для него мало и перспективы. Мы должны принять на вѣру то, что всѣмъ было очевидно, т. е. торжество реакціи. Въ іюлѣ 1906 г. Николаю не пришлось воспользоваться флотиліей дружескихъ миноносцевъ, а въ іюнѣ 1907 г. онъ смогъ уже совершить переворотъ самъ. Еще черезъ годъ, и въ тѣ же мѣсяцы члены первой Думы сидѣли по тюрьмамъ, а члены второй —



Политическій обыскъ въ частномъ домѣ.
Привычная картина въ ночную пору въ русскихъ домахъ.

на каторгѣ. Наконецъ, еще черезъ годъ аграрная реформа Столыпина шла полнымъ ходомъ, а молчаніе стало основой новаго государственнаго строя. Какъ за циклономъ неизбѣжно слѣдуетъ антициклонъ, такъ вихрь свободы уступилъ мѣсто вихрю репрессій. Привольно было разгуливать ему по великой русской равнинѣ, обрушиваясь на праваго и виноватаго, стараго и молодого. Съ торжествующимъ свистомъ заглядывалъ онъ въ самые сокровенные углы жизни, и никакая шуба благонамѣренности не спасала отъ простуды. И кто знаетъ, не больше ли убытковъ причинилъ и причиняетъ этотъ вихрь именно покойнымъ, равнодушнымъ къ политикѣ массамъ, нежели политическимъ партіямъ, отдавшимся освободительной работѣ?

Но и послѣднимъ приходилось плохо. „Кто не со мной, тотъ противъ меня!“— объявляло правительство; и такъ какъ съ нимъ рѣшительно никого не было, то вся

Ссыльно-каторжные (политическіе) въ Забайкальской области (1907 г.).

Политическіе ссыльные въ Якутской тюрьмѣ.

страна взята была подъ подозрѣніе. Если не считать недолгаго якшанья съ черными сотнями, дѣлавшагося въ грубую угоду царю, да лицемѣрнаго объявленія о солидарности съ октябристами, то правительство дѣйствительно находилось какъ бы подъ воздушнымъ насосомъ. Но такъ какъ деньги, чиновники и армія находились въ его цѣпкихъ лапахъ, такъ же, какъ и царь, то дышать можно было еще очень недурно. За отсутствіемъ реальной атмосферы создавалась, при помощи „Новаго Времени“ и желтой прессы, атмосфера воображаемая, и чиновничье благополучіе отождествлялось съ народнымъ. Правда, въ эту блаженную оркестровую картину врывались изъ оконъ

Административная ссылка.
С. В. Мартыновъ, С. А. Балавинскій и И. Н. Переверзевъ — въ г. Архангельскѣ (1903—1904 гг.). Всѣ трое — защитники по политическимъ дѣламъ.

Таврическаго дворца иные звуки — дикіе, рѣжущіе царскія и министерскія уши. Дисгармонія была тѣмъ досаднѣй, что голоса народныхъ представителей звучали громче бюрократическихъ, и литавры оффиціозовъ такъ же безсильны были покрыть ихъ, какъ безсильна барабанная дробь у эшафота казнимаго не дать народу увидѣть выраженія его лица. И безконечная, гнетущая, каторжная пѣсня погибающаго народа проходила черезъ всѣ этапы реакціи, окрашивая ее въ черную и красную краски. Все, что имѣло видъ или хотя бы намѣреніе организаціи, разметалось въ прахъ администраціей, повсемѣстно получившей исключительныя полномочія. Кадеты, даже мирнообновленцы, не говоря уже о соціалистахъ, объявлены были противоправительственными партіями; и преслѣдованіе ихъ въ то время, какъ думскія фракціи работали

на дневномъ свѣту, производило странное впечатлѣніе. Профессіональные союзы, будь то типографы или трубочисты, писатели или кондитеры, закрывались, громились, обыскивались, ссылались. Печать, забравшая въ 1905—1906 г. г. большую инерцію движенія, поддавалась туже, но геніальная выдумка — административный штрафъ (до 3000 рублей — при „чрезвычайной“ и до 500 р. при „усиленной“ охранѣ) зажала редакторскіе рты плотнѣе всякихъ судебныхъ приговоровъ и тюремныхъ замковъ. Ссылочная дорога, наторенная еще при Плеве, стала многолюдна, какъ Невскій проспектъ, хотя движеніе по ней совершалось только въ одну сторону. Дебри сѣверной Сибири кишѣли людьми, которыми не побрезговало бы и густо

Арестъ и ссылка извѣстныхъ дѣятелей освобожденія,

Парвуса, Румянцева и Дейча, стараго революціонера, вернувшагося въ Россію въ надеждѣ на новый строй. Съ него требовали 100.000 руб. залога, но онъ бѣжалъ изъ Сибири и безъ залога.

населенное государство, но которые были выброшены за бортъ русскаго, какъ загнившая въ трюмѣ мука. Болѣзни, физическія и психическія, косили эту публику, какъ жатвенная машина спѣлую пшеницу, и вѣсти о разыгрывавшихся на далекомъ сѣверѣ драмахъ доходили, съ очередной почтой, черезъ три, четыре мѣсяца до Петербурга, когда никакіе думскіе запросы не могли уже помочь жертвамъ бѣлаго русскаго террора. Тюрьмы были переполнены до того, что самъ П. Дурново считалъ населеніе ихъ удвоеннымъ противъ нормы, а губернаторы въ приказахъ благодарили начальниковъ тюремъ за то, что „при такомъ состояніи“ тюрьмы они не переморили заключенныхъ тифомъ или цынгой. Царь же благодарилъ за разстрѣлы арестантовъ и за усмиреніе безпорядковъ да миловалъ тѣхъ служащихъ тюремъ, которые попадали отъ времени до времени подъ судъ за истязанія, — „исчезанія“, какъ говоритъ народъ; и вправду послѣ этихъ „исчезаній“ люди исчезали . . . на тотъ свѣтъ. На каторгѣ били, сѣкли и истязали съ еще большимъ рвеніемъ. Мягкіе начальники, если только можно предположить ихъ возможность, смѣнялись, — посылались профессіональные

истязатели, одно появленіе которыхъ вызывало возмущенія и самоубійства арестантовъ. Особенно славится Акатуйская каторжная тюрьма, но и повсюду происходило приблизительно то же. О казняхъ можно почти не говорить послѣ извѣстныхъ выступленій Льва Толстого и В. Короленко: „Не могу молчать“ и „Бытовое явленіе“.

Такъ писалъ адвокатъ Грузенбергъ въ „Правѣ“ (1910 г. № 23) о казняхъ:

За четырехлѣтній періодъ—съ 1905 по 1908 гг. смертная казнь примѣнена къ 2289 лицамъ. Если вспомнить, что мало-мальски серьезныя революціонныя вспышки тушились карательными экспедиціями, отрядными и военно-полевыми судами, то указанное число казненныхъ по приговорамъ нормально дѣйствующихъ судовъ должно быть признано чудовищнымъ.

Какъ увидимъ ниже, жизнь отнята по этимъ приговорамъ не только у виновныхъ въ пролитіи крови или въ тяжкихъ имущественныхъ посягательствахъ, — нѣтъ! казнили и тѣхъ, кто не пролилъ ни единой капли крови.

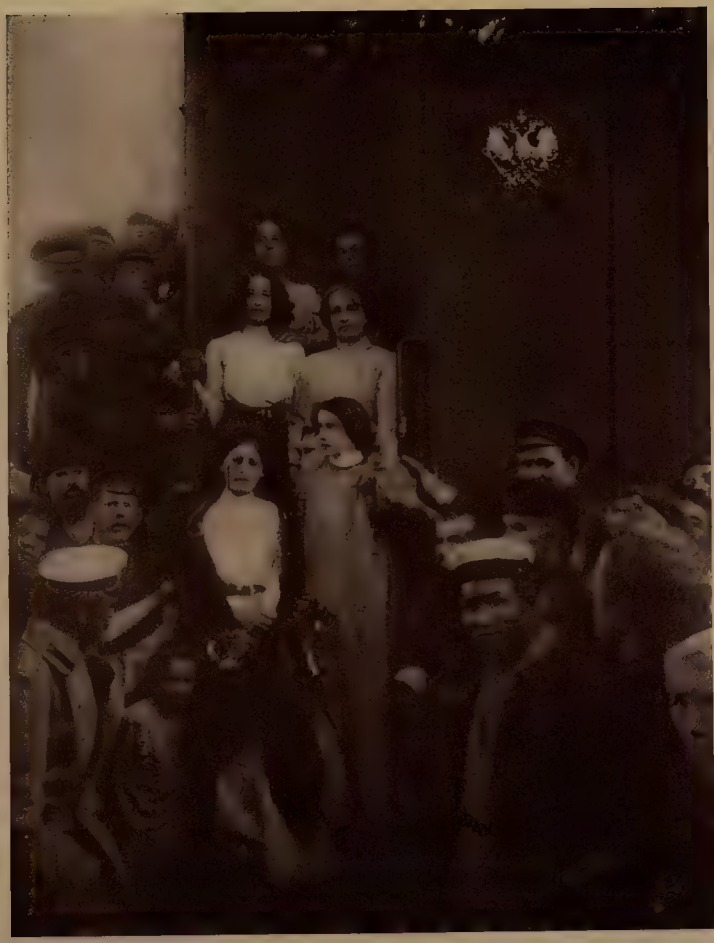
В. Г. Короленко.

Не менѣе, чѣмъ своими беллетристическими и публицистическими произведеніями, знаменитъ смѣлой борьбой противъ гнета и произвола, въ послѣднее время въ особенности своими выступленіями противъ казней. Неоднократно подвергался жестокимъ карамъ.

Брешко-Брешковская,
такъ наз. „бабушка русской революціи“, вновь сослана въ Сибирь, несмотря на свои 75 лѣтъ.

Сотни администраторовъ, получившихъ безконтрольное право распоряженія жизнью гражданъ, стали заполнять военные суды обще-уголовными дѣлами.

Недаромъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1907 годъ излагается: „Число дѣлъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, переданныхъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ, на основаніи исключительныхъ положеній (объ усиленной охранѣ, о чрезвычайной охранѣ и военнаго положенія) въ отчетномъ году значительно возросло, въ сравненіи даже съ 1906 г., несмотря на то, что законъ 18 августа 1906 г. объ обязательной военной подсудности лицъ гражданскаго вѣдомства за политическую пропаганду въ войскахъ, весьма вліявшій на увеличеніе дѣлъ этой категоріи, въ 1907 г. утратилъ силу, какъ



Группа сосланныхъ въ Сибирь
политическихъ преступниковъ. Стоятъ въ дверяхъ вагона: (сверху) Бутценко, Езерская, Фіалка, Школьникъ, М. Спиридонова и Измайловичъ.

изданный въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ и отклоненный Государственной Думой второго созыва. Въ 1905 г. такихъ дѣлъ было 165, въ 1906 г.— 960, а въ 1907 г. число ихъ возросло до 1950“ (стр. 36).

Однако, это указаніе не уменьшило числа дѣлъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, передаваемыхъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ. Въ слѣдующемъ 1908 г.—году усиленной дѣятельности III-ей Государственной Думы и наступившаго, по удостовѣренію правительства, успокоенія,— было предано, на основаніи положенія объ охранѣ, военному суду 7016 лицъ гражданскаго званія.

Изъ нихъ казнено было, по приговорамъ этихъ судовъ, 1340 человѣкъ!

За одинъ этотъ годъ отнято болѣе жизней, чѣмъ за всѣ предшествовавшіе 33 года дѣятельности военно-окружныхъ судовъ, и въ полтора раза болѣе, нежели за

Землянка (юрта),
въ какихъ живутъ въ Сибири политическіе ссыльные.

весь такъ называемый революціонный періодъ (съ 1905 по 1907 г. включительно). И здѣсь смертная казнь примѣнена къ 48 военнымъ, въ то время, когда лицъ гражданскаго званія казнено 1292 чел., т. е. свыше 99% общаго числа.

Какъ было указано, наказаніе смертью не всегда примѣнялось за пролитіе крови, за посягательство на жизнь или за тяжкія имущественныя преступленія.

Достаточно отмѣтить, что 280 человѣкъ въ разсматриваемый періодъ были казнены за чисто политическія преступленія, безъ малѣйшаго посягательства на жизнь или имущество. И изъ этого числа казненныхъ политическихъ противниковъ на замиренный 1908 годъ падаетъ 118 человѣкъ.

Если прибавить къ этому 51 казнь за неповиновеніе и сопротивленіе властямъ, безъ посягательства, однако, на жизнь должностныхъ лицъ, и 12 случаевъ казни за похищеніе имущества, безъ малѣйшаго насилія надъ личностью (простой грабежъ), то ссылка на государственную необходимость, какъ на основаніе къ отнятію жизни, врядъ ли можетъ быть признана правдивою.

Политическіе ссыльные въ Акатуйской тюрьмѣ.
Въ центрѣ М. Спиридонова.

Заканчивая статистическій обзоръ дѣятельности военно-окружныхъ судовъ по примѣненію смертной казни за указанное 34-хлѣтіе, нельзя не обратить вниманія на ужасающіе случаи примѣненія смертной казни въ исключительной зависимости отъ личнаго усмотрѣнія жалобщиковъ.

Согласно примѣч. къ ст. 1548 улож. о нак., отмѣненнаго лишь 26 іюня 1908 г., дѣла объ угрозахъ начинаются не иначе, какъ по частнымъ жалобамъ, а потому до обращенія приговора къ исполненію могутъ быть оканчиваемы примиреніемъ.

Между тѣмъ изъ всеподданнѣйшаго отчета главнаго военно-суднаго управленія за 1907 годъ усматривается, что 3 лица гражданскаго званія были подвергнуты смертной казни за угрозы, предусмотрѣнныя 1545—1548 ст. улож. о нак.

Акатуйская каторжная тюрьма,
мѣсто истязаній заключенныхъ и ихъ хроническихъ самоубійствъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о дарованіи жизни тремъ человѣкамъ былъ поставленъ въ зависимость не отъ воли носителя верховной власти, а отъ произвола частныхъ лицъ. Они не пожелали ее даровать—и государство совершило казнь."

Мы не можемъ найти ничего лучшаго для характеристики періода казней, какъ нижеслѣдующее письмо Льва Толстого къ В. Короленко по поводу статьи послѣдняго.

„В. Г., сейчасъ прослушалъ вашу статью о смертной казни и всячески во время чтенія старался, но не могъ удержать не слезы, а рыданія. Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ мою благодарность и любовь за эту и по выраженію и по мысли, а главное по чувству — превосходную статью. Ее надо перепечатать и распространять въ милліонахъ экземпляровъ. Никакія думскія рѣчи, никакіе трактаты, никакія драмы, романы не произведутъ одной тысячной того благотворнаго дѣйствія, какое должно произвести эта статья. Она должна произвести это дѣйствіе потому, что вызываетъ такое чувство состраданія къ тому, что переживали и переживаютъ

эти жертвы людского безумія, что невольно прощаешь имъ, какія бы то ни были ихъ дѣла Кромѣ всѣхъ этихъ чувствъ, статья ваша не можетъ не вызывать еще и другого чувства, которое я испытываю въ высшей степени, — чувства жалости не къ однимъ убитымъ, а еще и къ... которые совершаютъ эти ужасы . . Радуетъ одно то, что такая статья, какъ ваша, объединяетъ многихъ живыхъ, неразвращенныхъ людей однимъ общимъ всѣмъ идеаломъ добра и правды, который, что бы ни дѣлали враги его, разгоряется все ярче и ярче. Л. Толстой".

Съ разныхъ сторонъ, но одинаково ярко нарисовали эти писатели кошмарную картину русской жизни, фиксировавшейся у висѣлицъ Его Величества Не было ни одной души на Руси, которая не испытывала бы временами того же чувства, что заставляло Толстого умолять о „мыльной веревкѣ" на шею, чтобы перестать видѣть этотъ ежедневный пиръ палачей, среди коихъ народъ первое мѣсто отвелъ Николаю, прозвавъ его „кровавымъ" *) И что всего, быть можетъ, ужаснѣе, что наступило, наконецъ, время, когда общество начало привыкать къ казнямъ, перестало реагировать на новые приговоры. Вотъ опаснѣйшій моментъ русской современности, вотъ низина, изъ которой, мнилось, не могло быть подъема къ сознательной жизни, вотъ могила Россіи, ея гніеніе заживо Но бѣда, кажется, миновала. Запасъ энергіи, сдѣланной при раскатѣ съ одной горы, оказался достаточнымъ, чтобы проскочить мертвое пространство, и 1912 годъ застаетъ насъ свидѣтелями повсемѣстно замѣчаемаго возстановленія общественныхъ силъ, пробужденія спавшихъ отдыха утомившихся.

По приблизительному подсчету пострадало за 1905 — 1910 годы отъ разныхъ репрессій до полумилліона человѣкъ, разбита была цѣлая армія, притомъ состоявшая изъ лучшихъ силъ страны. Мало мудренаго, что реакція была довольна собой, но еще меньше слѣдуетъ сѣтовать на періодъ спячки и обвинять русскій народъ въ склоненіи передъ фатумомъ. Всякая другая нація обезсилила бы такъ же, еслибъ изъ нея извлекли такое количество рабочей энергіи. Скажемъ больше, — оставшіеся все же оказались такъ страшны Николаю, что онъ одобрялъ все новыя репрессіи, пока наконецъ самъ лично не принялся за высшую школу. Одновременно продолжался и ростъ чиновничьей арміи; подавленіе жизни требовало не меньше людей и средствъ,

Семь повѣшенныхъ, изображенныхъ въ мастерскомъ этюдѣ Л. Андреева.

*) Прозвище это закрѣпилъ Пуришкевичъ въ такой формѣ въ одной изъ думскихъ рѣчей, что вышло, какъ будто это онъ отъ себя назвалъ царя „кровавымъ" Всѣ газеты, помѣстившія въ тотъ день стенографическій отчетъ, были конфискованы, но слово уже было закрѣплено.

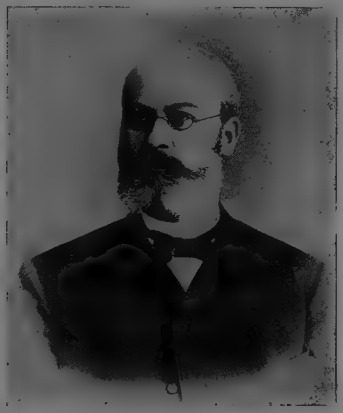
нежели самыя широкія реформы. Одно передвиженіе войскъ внутри страны стоило десяти милліоновъ рублей, да сколько создано было новыхъ должностей, стражи, тюремъ, палачей, полевыхъ судовъ и т. д. безъ конца. Взять хоть одну аграрную реформу, которой Столыпинъ такъ же расчитывалъ побѣдить революціонную гидру, какъ недавно Плеве - войной съ Японіей Тысячи чиновъ всѣхъ ранговъ поспѣшили пристроиться къ новому казенному пирогу, а на ихъ мѣста продвинулись новые паразиты И если кто-то расчиталъ, что при теперешнемъ темпѣ землеустроительныхъ работъ потребуется не менѣе полувѣка, чтобы перевести общинную Россію къ хуторской, то на ту же работу нужны будутъ милліарды рублей, которыхъ взять будетъ не откуда. Вся эта легкомысленная затѣя, однако, есть лишь небольшая отсрочка ожидающаго нынѣшній режимъ краха. Секретная переписка министровъ лучше всего изобличаетъ ихъ сознаніе, что врагъ этотъ не за горами. Вотъ, что писалъ Столыпинъ Коковцову: „Въ городѣ служитъ управляющимъ казенной палатой нѣкто Н. Это честный, уважаемый всѣми человѣкъ, имѣющій вліяніе на мѣстное общество, вслѣдствіе этого онъ можетъ оказать нежелательное для правительства вліяніе при выборахъ въ четвертую Думу, и я прошу В. П — ство перевести его въ другую губернію "

Мы выбрали изъ груды документовъ это письмо, какъ настоящее testimonium paupertatis, выданное Столыпинымъ и себѣ, и режиму

Здѣсь нѣтъ цинизма, а голая правда: честный чиновникъ теперь не годится, значитъ, не годится и честный режимъ. Мошенникъ же всегда знаетъ, что въ концѣ концовъ будетъ изобличенъ, и чѣмъ ближе къ этому, тѣмъ болѣе онъ наглѣетъ, тѣмъ грубѣе становятся его пріемы, тѣмъ чаще сопровождаетъ онъ простыя кражи убійствами, вынужденный заметать свои неловкіе слѣды. И пріемы правительства за послѣднее время становятся грубѣе и откровеннѣе. Оно уже не можетъ отвѣчать на запросы парламента иначе, какъ завѣдомой ложью. Какъ не лгать министерству, когда глава государства неоднократно всенародно лгалъ, бралъ назадъ обѣщанія, нарушалъ имъ же созданные законы и такимъ образомъ самъ падалъ все ниже и ниже въ общественномъ мнѣніи! Союзники держатся еще на своей позиціи; но долгая осада истощила ихъ разрушительныя средства, подбила орудія, лишила надежды на выходъ изъ-за стѣнъ крѣпости. И стрѣльба форговъ становится безпорядочнѣй, хотя и ожесточеннѣй; къ грохоту ея присоединяются ненужныя выходки, вродѣ похода на высшую школу. Наконецъ испытываются героическія средства, своего рода вспрыскиваніе мускуса, вродѣ колѣнопреклоненнаго пѣнія гимна знаменитымъ Шаляпинымъ, тѣмъ самымъ

Шаляпинымъ, что съ шапкой въ рукахъ собиралъ деньги на московское вооруженное возстаніе? Въ этихъ знакахъ холопства не нуждались сильные реакціонеры, какъ Николай I, но безъ нихъ не могъ обойтись валящійся съ трона его правнукъ; что нужды въ томъ, что за стѣнами театра стоялъ гомерическій хохотъ надъ подтасованной сценой; зато въ самомъ театрѣ неистовствовала черная сотня; она, вмѣстѣ съ царемъ, упивалась эѳирнымъ ароматомъ самодержавія; зажмуривъ глаза, чтобы не видѣть дна опорожненной стклянки. Что еще выдумать, чѣмъ поднять падающій пульсъ, какъ бы удержаться еще хоть на годъ на своихъ мѣстахъ? Никто не зналъ.

Меньше всѣхъ, можетъ быть, зналъ самъ Столыпинъ. По мѣрѣ того, какъ власть, въ силу вещей, сосредоточивалась въ его рукахъ, онъ терялъ, вмѣстѣ съ самообладаніемъ, и умѣнье оріентироваться среди хаоса, нагроможденнаго его же разрушительной политикой. Немудрено поэтому, что мысль начинала подсказывать крайнія рѣшенія, прыжки въ неизвѣстное. Похожій на корабль безъ руля, но съ продолжающей работать машиной, первый министръ „рыскалъ", какъ говорятъ моряки, въ спокойныхъ водахъ застоявшейся русской жизни съ тою же рѣзкостью и некоординированностью движеній, какъ еслибъ кругомъ бушевала буря. Никто и никогда не могъ предсказать за мѣсяцъ, недѣлю впередъ, не сдѣлаетъ ли Столыпинъ новаго грандіознаго промаха, куда направится выстрѣлъ его сорвавшагося со станка осаднаго орудія — политики репрессій. Въ этомъ отношеніи именно передъ отвѣтственными моментами боя — выборами въ парламентъ — сдѣлалъ Столыпинъ наибольшую оплошность, въ вопросѣ о введеніи земства въ сѣверо-западномъ краѣ. Независимо отъ того, что націоналистическая тенденція мѣропріятій послѣднихъ лѣтъ сама по себѣ не выдерживаетъ снисходительной критики, она во всякомъ случаѣ должна быть облечена въ наизаконнѣйшую форму, чтобы симулировать осуществленіе народныхъ желаній. Гос. Дума, правда, приняла правительственный законопроектъ, и въ Гос. Совѣтѣ нельзя было ожидать препятствій; но въ жизни часто бываетъ, что вѣрные расчеты не оправдываются. Столыпинъ своей надменностью, тупостью и самомнѣніемъ гораздо больше раздражалъ бюрократовъ верхней палаты, чѣмъ оппозицію нижней, которой его промахи были всегда на руку. Накопившееся чувство лишь искало выхода, и проектъ о земствѣ въ краѣ, о роли котораго даже среди консервативныхъ слоевъ далеко не всѣ мнѣнія сходятся, былъ очень удобнымъ случаемъ навалить надоѣвшему диктатору палокъ въ колеса. Совѣтъ провалилъ проектъ. Что же дѣлаетъ Столыпинъ? Теряя въ пылу гнѣва всякую мѣру, онъ распускаетъ палаты среди сессіи на три дня и проводитъ законъ по 87-ой ст. основн. законовъ! Онъ вынуждаетъ у царя подпись подъ неслыханнымъ въ исторіи парламентовъ актомъ, вводя его въ заблужденіе относительно мнѣнія Гос. Думы, за одобреніе которой онъ поручился. Конституція русская должна была получить смертельный ударъ, еслибъ палаты не реагировали на незаконномѣрный роспускъ. Но изъ чувства ли самосохраненія, или ненависти къ зазнавшемуся временщику, только Совѣтъ и Дума возобновили свои занятія выраженіемъ такого внушительнаго недовѣрія Сто-



Шварцъ,
бывшій министръ народнаго просвѣщенія, крутой реакціонеръ, показавшійся Столыпину слишкомъ либеральнымъ, за что и замѣненъ Кассо, родственникомъ Столыпина, полной безличностью.

Совѣтъ старостъ петербургскаго университета въ 1906 году.
Большинство — соц.-дем. и соц.-рев., меньшинство — конст.-демократы.

лыпину, что вопросъ его отставки считался рѣшеннымъ. Члены Совѣта, Треповъ и П. Дурново, уволенные царемъ „въ отпускъ“ (по жалобѣ министра), какъ „зачинщики“ и интриганы, удостоились сочувственныхъ демонстрацій отъ самыхъ закоснѣлыхъ реакціонеровъ, и оппозиціонность Николаю свила, наконецъ, послѣднее гнѣздо свое въ нѣдрахъ Маріинскаго дворца! Николай, сказавшій про Столыпина по этому поводу: „il m'a insulté“, затаилъ противъ него понятную злобу и выгналъ бы съ радостью, но тогда вмѣшались царицы: по ихъ мнѣніямъ, только Столыпинъ обезпечилъ царю жизнь и возможность выѣздовъ; отставка его равна возобновленію террора.

Въ жалкихъ объясненіяхъ своихъ Думѣ и Совѣту премьеръ затѣмъ открыто и нагло прикрывался именемъ царя, какъ и судившіеся одновременно съ этимъ случаемъ другіе прежніе любимцы Николая: Рейнботъ, Вонлярлярскій. Все преступное, что они ни дѣлали, прикрывалось царскимъ именемъ, какъ броней. Они искусно затягивали царя въ самую глубь своихъ махинацій, пользуясь его невѣдѣніемъ и презрѣніемъ къ законности. Подложное завѣщаніе кн. Огинскаго проводилось черезъ сенатъ не въ законные сроки и не въ законной формѣ — по личнымъ распоряженіямъ царя; худшія изъ рейнботовскихъ воровскихъ дѣлъ оправдывались одобреніями царя подобныхъ же дѣлъ его въ другихъ сферахъ управленія Москвою, и т. д. и т. д. Словомъ, въ концѣ пятилѣтняго періода „успокоенія“, когда можно было бы ожидать, что всѣ потревоженныя смутой фигуры паноптикума, называемаго русскимъ правительствомъ, будутъ разставлены по мѣстамъ въ позахъ, приличествующихъ ихъ званіямъ, онѣ оказались не только попрежнему въ безпорядкѣ, но и спаявшимися навсегда. Точно и вправду все это было только изъ воска, точно внутренній огонь, которымъ продолжаетъ горѣть Россія, растопилъ ихъ неживыя тѣла скорѣй и сильнѣй, нежели пожары, мятежи и военные погромы недавнихъ лѣтъ. Какой нибудь полоумный монахъ Иліодоръ лѣзъ во дворецъ самодержца съ тою же увѣренностью въ побѣдѣ, какъ и Столыпинъ, и Марковъ 2-ой, и босоногая старуха ворожея, и только оппозиція держится отъ него на орудійный выстрѣлъ. Да и какъ подойти, когда, напримѣръ, ревизія сенатора Нейдгардта (петербургской гор. думы) была прекращена царемъ только потому, что если тронутъ стародумцевъ, то всѣ они окажутся ворами, будутъ осуждены, и на ихъ мѣста водворятся ненавистные кадеты!

Такой политикѣ въ одномъ нельзя отказать — въ откровенности. Не разъ на разстояніи этихъ очерковъ мы убѣждались въ этомъ качествѣ ея; но никогда не проявлялась прямолинейность черносотенства на верху правленія такъ ярко, какъ въ 1911 г., среди всеобщаго спокойствія, наканунѣ выборовъ. Никогда еще царь и его министры не были болѣе жалки и безсильны предъ лицомъ надвигающихся международныхъ осложненій и неотложности внутреннихъ реформъ.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРАЯ.

Внутреннее безсиліе реакціи. — Нѣтъ корней у нея въ народѣ. — Нѣтъ людей, нѣтъ вѣрной арміи. — Нѣтъ лишнихъ денегъ. — Трудность займа. — Выколачиваніе податей. — Кризисъ промышленности продолжается. — Подавленное настроеніе въ высшихъ сферахъ. — Вожжи выпадаютъ изъ рукъ Столыпина. — Ревизіи не помогаютъ. — Общественное мнѣніе. — Существуетъ ли оно? — Похороны Муромцева и Толстого. — Гдѣ теперь идетъ организаціонная работа? — Кооперативное движеніе. — Мелкій кредитъ. — Просвѣтительныя учрежденія. — Съѣзды, общества, начинанія культурно-политическаго характера. — Крушеніе монархическаго принципа. — Выступленіе Милюкова по поводу „Союза русскаго народа“. — Молчаніе — знакъ согласія.

Линія жизни волнообразна, но понятное движеніе ей несвойственно такъ же, какъ и перерывъ, остановка. Всегда и всѣ попытки запрудить мутную и полноводную рѣку, несущую народы къ ихъ предопредѣленному идеалу, или обратить воды ея вспять — терпѣли неудачу. Всѣ реакціи были внутренне безсильны, и тѣмъ болѣе, чѣмъ рѣзче былъ предшествовавшій имъ подъемъ. Поэтому, и не зная размѣровъ прошедшаго надъ Россіей революціоннаго урагана, по нынѣшней тишинѣ можно было бы опредѣлить эти размѣры близко къ истинѣ. Намъ кажется особенно характернымъ то обстоятельство, что это чувство безсилія отнюдь не навязывалось правительству общественнымъ мнѣніемъ; напротивъ, послѣднее довольно единодушно

Обѣденный столъ у Столыпина.

Съѣздъ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій

во главѣ со Столыпинымъ, не останавливавшимся передъ расходами и вообще ни предъ чѣмъ для непосредственнаго вліянія на чиновничество. Дисциплинированность послѣдняго сказывается здѣсь въ общемъ направленіи взглядовъ вправо и вверхъ.

расписывалось въ полномъ признаніи с и л ы реакціи, готовилось даже къ новому полустолѣтію пребыванія подъ прессомъ. Не было мѣры, которую правительство не могло бы ввести, опасаясь протеста, и оно заранѣе знало, что задавитъ всякій намекъ на такой протестъ. И тѣмъ не менѣе его энергіи хватило только на три года, — если считать руки реакціи развязанными съ іюня 1907 года, разгона второй Думы, и безсиліе ея ставшимъ очевиднымъ въ 1910 г., когда похороны Муромцева и Толстого открыли всѣмъ глаза на дѣйствительное положеніе вещей. Наконецъ, въ началѣ 1911-го года студенческое движеніе отмѣтило и точку, съ которой кривая революціи вновь начинаетъ подниматься.

Вовсе не нужно было быть оптимистомъ, чтобы предсказывать недолговѣчіе реакціи. Элементарное наблюденіе надъ ея основами давало въ руки историка право

Ссылка солдатъ гвардіи,
участвовавшихъ въ безпорядкахъ. По дорогѣ къ вокзалу въ Петербургѣ.

утверждать, что дни нынѣшняго режима сочтены. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ могъ бы онъ черпать свои силы? Въ сочувствіи широкихъ народныхъ массъ? Въ наличности талантливыхъ, честныхъ и убѣдительныхъ сотрудниковъ царя? Въ безусловной вѣрности арміи? Въ золотомъ запасѣ государственнаго казначейства и, наконецъ, въ прочности международнаго положенія Россіи? Бѣглый обзоръ этихъ основъ даетъ неутѣшительный для Николая и его правительства выводъ. Народъ не только попрежнему ненавидитъ чиновничество и помѣщиковъ, но, испробовавъ и свою способность къ организаціи во время аграрныхъ стачекъ и пріемы, съ которыми подошло къ его насущнѣйшимъ нуждамъ правительство — розги, нагайки, разстрѣлъ, сожженіе селъ, ссылка и казни, — народъ усилилъ въ себѣ старыя чувства, и Столыпинъ въ концѣ своей жизни не дѣлалъ себѣ въ этомъ отношеніи иллюзій. Сознательно проводя революціоннымъ путемъ аграрную реформу, насильственный переводъ общинъ на хутора, преслѣдованіе упорствующихъ крестьянъ и не довольно ретивыхъ

землеустроителей и создавая массы сельскохозяйственнаго пролетаріата, онъ зналъ, что все это обратится противъ правительства и помѣщиковъ при первомъ же удобномъ случаѣ.

Людей, нужныхъ реакціи, нѣтъ. Есть нѣсколько способныхъ, какъ Щегловитовъ, Кривошеинъ и т. п., но добросовѣстность ихъ или проблематична, или завѣдомо скомпрометирована; да и эти то люди сосредоточены въ центральномъ органѣ, а на мѣстахъ у нихъ нѣтъ буквально ни одного способнаго помощника, ни одного губернатора или намѣстника; единственно неподкупный и разумный человѣкъ, консерваторъ и преданный монарху, кавказскій намѣстникъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ, находится въ открытой оппозиціи къ правительству. Довольно сказать, что, когда къ

Холера въ Петербургѣ.

Групповое отпѣваніе умершихъ. Недаромъ имѣется въ виду принудительное оздоровленіе столицы, доведшей свое хозяйство до полнаго разоренія вслѣдствіе безпримѣрнаго взяточничества городской управы.

престарѣлому царедворцу начали приставать, зачѣмъ онъ держитъ у себя чиновникомъ члена первой Думы, подписавшаго выборгское воззваніе, онъ отвѣчалъ, что „иначе онъ и не уважалъ бы его и держать не сталъ бы". Остальные готовы вѣшать, ссылать, сѣчь, но подать разумный совѣтъ, разобраться въ окружающихъ — органически неспособны.

Вѣрность арміи еще болѣе сомнительна. За эти четыре года составъ ея перемѣнился; въ нее вошли тѣ самые крестьяне, которые участвовали въ аграрномъ и рабочемъ движеніи или испытали на своихъ родныхъ прелесть репрессій. Вольноопредѣляющіеся вносятъ организованную пропаганду, а среди офицеровъ, особливо армейскихъ, насчитывается немало просвѣщенныхъ людей, которые только изъ страха суда не организуются для совмѣстной работы. Будучи противниками ввода арміи въ политическое движеніе, мы утверждаемъ, что въ случаѣ возобновленія революціи, армія не проявитъ на внутреннемъ театрѣ войны съ ней прежнихъ качествъ.

Въ связи съ этой опасностью и находятся послѣдніе шаги правительства въ иностранной политикѣ, и, стремясь то къ оккупаціи Кульджи, то къ войнѣ съ Турціей, то къ раздѣленію Персіи, оно хочетъ старыми дрожжами вновь взбодрить опавшій военный патріотизмъ, спаять распылившуюся преданность престолу. Но, по свидѣтельству самихъ семеновскихъ офицеровъ, даже на ихъ излюбленную царемъ часть гвардіи положиться нельзя. Исторія съ конвойнымъ казакомъ, входившимъ въ группу террористовъ, еще приближаетъ къ Николаю опасность, даже со стороны собственныхъ тѣлохранителей.

Рычагъ современной жизни, въ чемъ бы она ни проявлялась, деньги, не можетъ долго удержаться. Охрана царя, министровъ, чиновниковъ; стража и полиція

Обвалъ Египетскаго моста,
черезъ рѣку Фонтанку въ Петербургѣ, въ моментъ прохожденія по немъ взвода кавалеріи; всѣ петербургскіе мосты приблизительно той же прочности — вслѣдствіе воровства и нерадѣнія, свившихъ себѣ гнѣздо въ городской управѣ.

для народа; возстановленіе арміи и флота; аграрная реформа; наконецъ, необычайно развившееся казнокрадство и хищенія всякаго рода, — результатъ вынужденной неразборчивости при комплектованіи чиновничьей шайки безпринципными и послушными людми, — все это требуетъ такихъ затратъ, что о накопленіи свободной наличности не можетъ быть серьезной рѣчи, и та наличность, что теперь имѣется, составлена за счетъ самыхъ неотложныхъ мѣръ созидательнаго характера. Деньги продолжаютъ итти на многообразное разрушеніе жизни, и если можно говорить о фатумѣ, то онъ проявляетъ себя именно на Николаѣ, обрекая его правленіе на систематическое уничтоженіе накопленнаго предками матерьяла и культурнаго капитала страны. Возвращеніе къ накопленію было бы равносильно капитуляціи, смерти, ибо передавало бы, при современной міровой конъюнктурѣ, власть въ руки народнаго

Землеустроительная коммиссія,

органъ, проводящій въ жизнь аграрную реформу Столыпина, разселеніе крестьянъ на хутора съ цѣлью парализовать организацію крестьянства. Несмотря на насилія, реформа подвигается туго, и въ 1911 г. лишь 3% общинниковъ Россіи перешло къ подворному владѣнію. Крестьянинъ вынимаетъ жребій — символъ вѣры Столыпина въ удачу.

Муромцевъ послѣ выхода изъ Крестовъ.

представительства. Пополненіе государственныхъ средствъ путемъ займовъ, повидимому, исчерпано, и извѣрившаяся въ прочность русскаго строя міровая биржа ставитъ все болѣе тяжкія условія. Кромѣ того и международное положеніе не таково, чтобы способствовать свободному отливу золота въ Россію. Еслибъ еще Россія оставалась державой, съ которой слѣдовало бы считаться въ различныхъ комбинаціяхъ ея европейскимъ сосѣдямъ; но рядъ дипломатическихъ Цусимъ послѣ одной военной указалъ Россіи ея настоящее мѣсто въ европейскомъ концертѣ — за турецкимъ барабаномъ.

Комплексъ этихъ условій приводитъ къ затяжному промышленному кризису, къ выколачиванію податей, къ скупкѣ собственной ренты въ цѣляхъ ея повышенія,

Похороны Муромцева.

къ рабству у банковъ, къ отказамъ въ требуемыхъ Думою ассигнованіяхъ, къ безличной внѣшней политикѣ и безполезности внутренней. Самый рѣшительный человѣкъ долженъ при нашихъ условіяхъ почувствовать упадокъ энергіи; онъ не захочетъ показать этого и будетъ, напротивъ, усиливать свою дѣятельность, но посторонняго зрителя этой дѣятельностью не обманешь. Явна дискоординація мѣръ: аграрная реформа и провоцируемая высшая школа; готовность къ войнѣ съ Австріей и отводъ войскъ отъ границы; потребность въ лояльныхъ окраинахъ и агрессивная политика въ Польшѣ и Финляндіи; невозможность второй дальневосточной кампаніи и ультиматумъ Китаю и т. д. и т. д. Настроеніе высшихъ сферъ не можетъ быть бодро, и чиновники, какъ крысы, ужъ чуютъ приближающуюся къ дѣлу опасность и готовятся покидать его. Въ томъ числѣ первымъ былъ Столыпинъ, купившій себѣ домикъ въ покойной улицѣ Петербурга, гдѣ онъ расчитывалъ отсидѣться во время грозы, когда она разразится. А отдохнувшій Витте понемногу высовываетъ носъ изъ своей

Левъ Толстой въ рабочемъ кабинетѣ.

конуры; и такъ то смѣняются надежды и вліянія на верху горы въ то время, какъ она уже подмыта водами, столь же разрушительными подъ землей, какъ въ бурныхъ горныхъ потокахъ. Однимъ изъ серьезныхъ признаковъ конца слѣдуетъ считать и полную неудачу затѣянныхъ правительствомъ ревизій; всюду, гдѣ онѣ работали, открывалась система хищеній, узелъ которой находится непосредственно за спиной Николая. Всякая попытка добраться до этого узла вызывала въ царѣ припадокъ щекотливости, и онъ всемѣрно защищалъ своимъ тѣломъ всѣхъ воровъ Россіи, ручаясь за ихъ честность. Послѣ яростной защиты государственнаго измѣнника Шмида, члена третьей Думы, послѣ ряда помилованій однихъ воровъ и принятія въ свиту другихъ (Клейгельса, фонъ-Валя, Рейнбота и др.), покрытіе казнокрадства было только логическимъ продолженіемъ открыто исповѣдуемой необязательности

Похороны Толстого.

общечеловѣческой морали для царя. Этимъ же онъ начисто и навсегда отдѣлился отъ народа; и если физическое отдѣленіе какъ бы запаздываетъ, то это лишь вслѣдствіе того, что съ царемъ сросся бюрократически-полицейскій строй, отдѣлить который не такъ просто, какъ совершить дворцовый переворотъ или цареубійство. Сознавая свою живучесть, чиновничество еще менѣе считается съ общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ царь, который едва ли и подозрѣваетъ о вліяніи послѣдняго на общій ходъ жизни. Въ эпохи реакцій вліяніе это учитывается весьма невѣрно и самимъ обществомъ преуменьшается. Поэтому случаи, подчеркивающіе наличность опредѣленнаго, объединяющаго большія классовыя группы настроенія, дѣйствуютъ чрезвычайно плодотворно и на возвращеніе уваженія общества къ самому себѣ, своей моральной силѣ и устанавливаютъ авторитетъ общества въ глазахъ засильниковъ.

1910 годъ принесъ два такихъ случая, глубоко печальныхъ и одновременно поучительныхъ: смерти предсѣдателя первой Думы Муромцева и Льва Толстого. Четыреста тысячъ людей, провожавшихъ гробъ Муромцева, триста делегацій, до тысячи вѣнковъ — это было неожиданно и тѣмъ болѣе потрясло царя и министерство. Московскій градоначальникъ едва не лишился мѣста за то, что полиція вела себя въ этотъ день поевропейски и не провоцировала ни безпорядковъ, ни простого замѣшательства. Царской семьѣ похороны Муромцева не понравились: даже тамъ оцѣнили ихъ значеніе. Въ другомъ родѣ, но не менѣе внушительно было впечатлѣніе отъ похоронъ Толстого, когда съ такой силой выразилось отчужденіе народа отъ господствующей церкви; къ краху правительственнаго авторитета присоединился

Гр. Л. Н. Толстой.
Сто портретовъ разныхъ временъ.

Съѣздъ дѣятелей русской печати.

Правленіе Петербургскаго Женскаго клуба.

Сидятъ (слѣва): Бередниковъ, Павлова, Диркъ, Евдокимова, фонъ-Рутценъ. Стоятъ (въ центрѣ): Коноваловъ, членъ 3-ей Думы Степановъ.

Первый женскій съѣздъ въ Петербургѣ въ 1909 г.
Пуришкевичъ позволилъ себѣ оскорбить непечатной бранью А. П. Философову, предсѣдательницу съѣзда.

крахъ церковный. Утѣшительнаго въ этомъ было для самого народа немного, но существующему строю наносились сокрушительные удары, противъ которыхъ не было даже средствъ защиты, если не считать, что студенческія демонстраціи послѣ смерти Толстого дали поводъ къ репрессіи противъ высшей школы; но оружіе это обоюдоостро; при малѣйшемъ вѣткѣ пламя волненія молодежи перебрасывается въ рабочія сферы, а оттуда въ народъ. Народъ, примолкшій послѣ разгромовъ 1906—1907 гг., совершаетъ теперь циклъ обновленія своихъ силъ. Организованность политическая должна покоиться на матерьяльной организованности; потому то и легко было подавить аграрное движеніе, что разгорѣлось оно въ обстановкѣ бѣдноты. Инстинктивно слѣдуя вѣрному направленію, народъ обратился теперь къ накопленію матерьяльныхъ средствъ и знанія. Несмотря на всѣ тормазящія вліянія, Россія дала въ области кооператива, мелкаго кредита и агрономической такую картину, которой можно было изумиться и вѣрующему въ жизнеспособность націи изслѣдователю. Послѣ ряда голодовокъ, стачекъ и среди несомнѣннаго оскудѣнія общегосударственнаго достатка народилось кооперативное движеніе, регулируемое теперь десяткомъ спеціальныхъ повременныхъ изданій; при скупости, съ какой правительство и земство даютъ средства для организаціи мелкаго кредита, за послѣдній отчетный годъ роздано было главнымъ образомъ изъ частныхъ средствъ полтораста милліоновъ рублей въ ссуду различнымъ артелямъ и товариществамъ. Требованія на агрономовъ выросли до того, что ихъ ищутъ многими десятками для одной какой нибудь губерніи — 70 въ Пермскую, 50 въ Московскую и т. д.

А. П. Философова и С. Э. Евдокимова.

Извѣстная общественная дѣятельница А. П. Философова, первая поборница эмансипаціи русской женщины, праздновала въ 1911 г. полувѣковой юбилей своей работы. Возлѣ нея С. Э. Евдокимова, энергичная работница на томъ же поприщѣ.

Не меньше оживленія замѣчается и въ сферѣ народнаго просвѣщенія; не говоря уже о томъ, что стоитъ разрѣшить какой нибудь съѣздъ, къ которому можно пристегнуть обще-просвѣтительныя задачи, какъ на него съѣзжаются со всѣхъ концовъ Россіи тысячи людей, привозящіе, наряду съ описаніями бѣдствій, и живую вѣру въ народъ, и свое стремленіе итти работать въ его средѣ. Обычное насильственное закрытіе такихъ съѣздовъ не можетъ искоренить жизнеспособности народа и его интеллигенціи и только увеличиваетъ ряды оппозиціи, какъ это было, напримѣръ, съ общеземскимъ съѣздомъ по народному образованію, которому департаментъ полиціи поставилъ совершенно непріемлемыя условія, несмотря на строго консервативный составъ его участниковъ.

Съѣздъ дѣятелей народныхъ университетовъ.
Предсѣдатель — М. Ковалевскій; справа отъ него — Д. А. Дриль, предсѣдатель Совѣта.

Съѣздъ представителей высшей школы.
1) Мануиловъ, 2) Новгородцевъ, 3) кн. Е. Трубецкой, 4) С. Салазкинъ, 5) Карѣевъ, 6) М. Ковалевскій, 7)Н. Гредескулъ, 8) Посниковъ (предсѣдатель).

Наблюдается стремленіе къ созданію обществъ смѣшаннаго характера, гдѣ оффиціальная „культура“ прикрывала бы собой непризнаваемую „политику“; но, какъ учрежденія легализованныя, такія общества мало развиваютъ свою дѣятельность, и она поневолѣ переносится въ подполье. Объ этой, подпольной, сторонѣ движенія мы, по понятнымъ причинамъ, говорить не будемъ. Смутные слухи, доставляемые правительству его шпіонами — Жученко, Пуцята и др. — не даютъ въ его руки нитей организацій, и сомнительно, чтобы онѣ попали теперь въ эти руки: всѣ стали осторожнѣй.

Полковникъ Ляховъ,
начальникъ казачьяго отряда въ Тавризѣ (Персія), поддерживавшій оружіемъ реакціонную политику закулиснаго русскаго правительства. Отозванъ по настоянію шахскаго и другихъ правительствъ.

Положеніе Николая и его сотрудниковъ и тѣмъ еще безконечно труднѣе положенія любого изъ его предковъ — реакціонеровъ и ихъ правительствъ, что никогда еще монархическій принципъ не стоялъ такъ низко въ народномъ сознаніи. Передача всей полноты власти министрамъ, одобреніе казней и карательныхъ дѣйствій, помилованія убійцъ и безпощадность къ такъ называемымъ „аграрникамъ“, осужденнымъ за аграрныя выступленія, наконецъ, частыя отлучки изъ Петербурга, гдѣ ничто отъ этого не мѣнялось, все это лучше пропаганды указывало народу на то, что, можетъ быть, вовсе и не нужно, чтобы наверху сидѣлъ какой бы то ни было царь; что всякій человѣкъ годится для того, чтобы своей фигурой завершать сложную пирамиду власти, лишь бы пирамида была сложена изъ хорошаго матеріала и самимъ народомъ. Выступленія въ Думѣ по поводу дѣятельности Союза русскаго народа и весьма прозрачный намекъ на солидарность Николая съ погромщиками и убійцами не вызвали ни возмущенія, ни протестовъ. Дума какъ бы подписала общій приговоръ царю. И только въ потокѣ событій фактъ этотъ не былъ достаточно оцѣненъ.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЯ.

Кое-что о международномъ положеніи. — Позоръ на Балканахъ. — Восточныя осложненія. — Китай поднимаетъ голову. — Безсиліе военное и финансовое. — Недостатокъ взрывчатыхъ веществъ. — Финляндскій вопросъ. — Слабая компенсація внѣшнихъ пораженій. — Протесты европейскихъ ученыхъ и парламентаріевъ. — Инкорпорація Выборгской губерніи. — Роспуски сеймовъ. — Военная подать. — На Кавказѣ. — Распыленіе войскъ во враждебной странѣ. — Какъ живетъ Сибирь. — Микадо или царь, — все равно. — Сколько времени думаютъ продержаться на Дальнемъ Востокѣ.

Какъ ни странно это, но мораль, обязательная для отдѣльнаго гражданина и безъ которой невозможенъ индивидуальный прогрессъ, обнаруживаетъ, по мѣрѣ объединенія людей въ общества, наклонность къ вращенію возлѣ нѣкоторой постоянной

Судъ надъ адмираломъ Рождественскимъ. Обвиняемый даетъ объясненіе.

оси. И, наконецъ, одновременно съ кристаллизаціей общества въ современный государственный организмъ, она совершаетъ вольтъ въ 180 градусовъ, уходитъ изъ угла зрѣнія, и ея мѣсто занимаетъ чистѣйшій аморализмъ. Всѣ однако дѣлаютъ видъ, что это и есть нужный порядокъ вещей и только съ такой точки зрѣнія обсуждаются вопросы международнаго характера. И хоть здѣсь государство XX вѣка вполнѣ соприкасается съ какой нибудъ первобытной общиной, для которой и теперь добро заключается въ томъ, что она поймаетъ и съѣстъ чужака, а зло въ томъ, что

Выходъ Стесселя изъ крѣпости послѣ амнистіи.

Старый трусъ держитъ въ рукахъ просфору послѣ колѣнопреклоненія предъ могилой Александра III-го. Рядомъ съ нимъ сынъ, гвардейскій офицеръ. Между ними генералъ Насвѣтевичъ, промышлявшій фотографіей и присутствованіемъ за деньги на купеческихъ свадьбахъ (съ тостомъ — 100 руб., молча — 50 руб.) и въ ложахъ (за 25 руб.).

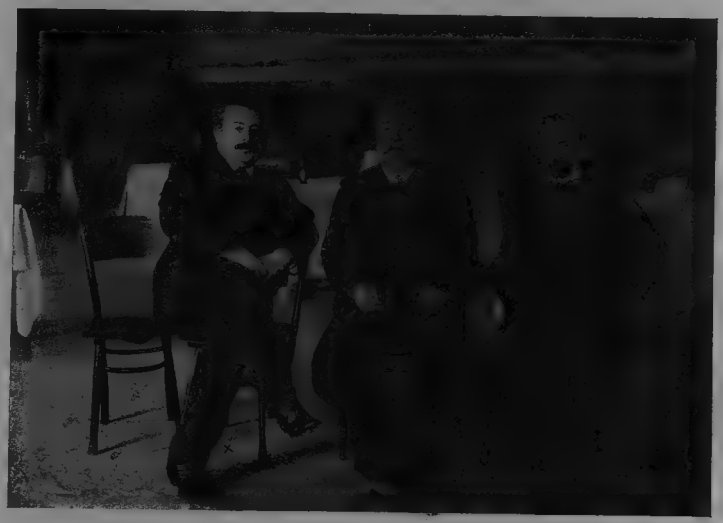
ея члена съѣдятъ чужаки, но намъ приходится слѣдовать той же сомнительной стезей, чтобы опредѣлить нынѣшнее мѣсто Россіи среди державъ и ожидающее ее ближайшее будущее.

Россія, завязшая по шею въ дальневосточномъ вопросѣ, Россія, истощенная войной, обѣднѣвшая людьми и деньгами, такая Россія была нѣкоторымъ державамъ удобна въ экономическомъ отношеніи, такъ что тѣ и радовались ея пораженію на Востокѣ, какъ и тому, что въ свою очередь желтая опасность отодвигалась вслѣдствіе временнаго ослабленія Японіи.

Такимъ образомъ, благодаря цѣлому ряду дипломатическихъ пораженій, Россія дожила до того, что она принуждена была дать Австріи присоединять Боснію и Герцеговину. Оставивъ въ этотъ историческій моментъ сербскій народъ на произволъ

судьбы, Россія проиграла свое мѣсто въ будущемъ союзѣ славянскихъ государствъ, и весьма возможно, что это ея мѣсто будетъ занято Австріей.

Одновременно съ этимъ экономическое вліяніе нѣмцевъ проникло глубоко въ русскія территоріи, такъ что оно вызвало большую тревогу во многихъ слояхъ русскаго народа. Разсказываютъ о такой сценѣ: будучи предсѣдателемъ третьей Думы, Хомяковъ на одной изъ аудіенцій обратилъ вниманіе царя на нѣмецкія траншеи въ Польшѣ. Царь тогда сказалъ: „Я вамъ еще интереснѣй карту покажу“ и, доставъ изъ стола карту Волынской губерніи, показалъ Хомякову такіе же ряды колоній, угрожающихъ уже и восточному театру будущей войны.



Адмиралъ Небогатовъ и его защитникъ Маргуліесъ.
Старикъ всегда сильно пилъ, но отличался добротой и рѣдкой въ морскомъ вѣдомствѣ честностью. Не желая топить безъ нужды нѣсколько тысячъ человѣкъ, сдалъ японцамъ свою эскадру послѣ разгрома главныхъ силъ адмирала Рождественскаго.

Однимъ словомъ, слабость Россіи чувствуется на всей линіи и больше всего на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ Россіи грозитъ опасность не только со стороны Японіи, но и со стороны Китая. Извѣстно же, что на русской границѣ расположено не меньше 100000 человѣкъ вооруженныхъ и обученныхъ поевропейски китайскихъ войскъ.

Въ общемъ итогѣ наше военное безсиліе покоится не только на распыленіи арміи и на грозящемъ безденежьи, но и на такихъ фактахъ, какъ отсутствіе заводовъ для изготовленія взрывчатыхъ веществъ; всѣ элементы ввозятся къ намъ изъ сосѣднихъ государствъ, и простое закрытіе границы для нихъ заставило бы умолкнуть русскія пушки, гдѣ бы онѣ ни стрѣляли.

БИБЛИОТЕКА ЦКВ. П.6) ИСТПАРТА

Карикатура на финляндскія дѣла въ октябрѣ 1905 г.
Ген.-губернаторъ, кн. И Оболенскій, изображенъ арестованнымъ въ своемъ дворцѣ. Въ качествѣ швейцара—Лео Мехелинъ, а на караулѣ — олицетвореніе Финляндіи — крестьянинъ-финнъ.

Кромѣ разныхъ безумныхъ, съ точки зрѣнія международныхъ русскихъ интересовъ, дѣйствій правительства послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ, мы и дома ухитрились надѣлать такихъ дѣлъ, что европейское общественное мнѣніе должно было такъ же вмѣшаться въ нихъ, какъ дипломатія во внѣшніе вопросы. Въ частности, это особенно рельефно выступило въ финляндскомъ вопросѣ.

Финляндская свобода была бѣльмомъ на глазу у петербургскаго правительства, легко покорившаго подъ ярмо реакціи остальныя части имперіи. Какъ въ отношеніяхъ съ державами, такъ и здѣсь всегда было легко изобрѣсти своего рода casus belli,

Открытіе финляндскаго сейма
ген.-губернаторомъ Герардомъ, впослѣдствіи оклеветаннымъ Суворинымъ. Президентъ сейма читаетъ „высокопочитаніе" Николаю, встрѣчаемое теперь молча.

чтобы отнять дарованныя права. На сей разъ поводомъ было укрывательство на финляндской территоріи русскихъ революціонеровъ. Отсюда до систематическаго роспуска сеймовъ и проведенія черезъ Думу и Совѣтъ закона объ обще-имперскомъ законодательствѣ, уничтожавшемъ самую конституцію Финляндіи, было всего нѣсколько шаговъ. Грозили инкорпорировать Выборгскую губернію, чтобы отодвинуть финляндскую границу подальше отъ столицы. Но Финляндія находилась въ слишкомъ тѣсномъ общеніи съ европейскими государствами, была связана съ ними договорами финансоваго характера, и вмѣшательство заинтересованной стороны было неизбѣжно. Поэтому отъ идеи инкорпораціи цѣлой губерніи перешли къ болѣе скромному про-

Финляндскій сеймъ.
Партія старофинновъ.

екту включенія двухъ финляндскихъ уѣздовъ въ Петербургскую губернію, походъ же противъ самостоятельности лойяльнаго и трудолюбиваго народа довели до его естественнаго предѣла: ненависти къ русскимъ и всѣхъ видовъ пассивнаго сопротивленія. Ученые всѣхъ странъ высказали обоснованный протестъ противъ насилія Николая, но ему до этого никакого дѣла не было. Парламенты обращались съ однородными заявленіями къ нашимъ законодательнымъ палатамъ, но онѣ шли на поводу у Столыпина, какъ хорошо дрессированныя собаки, готовыя рвать кого угодно. Отвѣтомъ на заступничество Европы было усиленіе репрессій, введеніе

Финляндскій сеймъ.
Партія шведомановъ.

военной подати и другія мѣры, столь же гарантирующія дѣйствія этого буфера государства, сколько гарантируетъ цѣлость дома заложенная подъ него мина съ зажженнымъ фитилемъ. По отозвании войскъ съ европейской границы и возстановленіи противъ себя Финляндіи, оставалось еще по возможности испортить дѣло и на другомъ возможномъ театрѣ войны, на Кавказѣ. Задача была выполнена блистательно, и, помимо раздробленія кавказской арміи въ цѣляхъ охраны страны отъ революціи, царю обезпечены на турецкой границѣ такіе военные сюрпризы, отъ которыхъ Россія не скоро оправится. Наконецъ, и на Востокѣ огромная Сибирь продолжала жить совершенно самостоятельно, утрачивая постепенно и ту связь съ центромъ, какая была раньше. Война показала населенію Сибири, что на Россію

Финляндскій сеймъ.
Партія соц.-демократовъ.

надежда плоха въ случаѣ движенія желтой расы на западъ. Тамъ опредѣленно говорятъ, что для населенія безразлично, чьими быть подданными, Николая или Микадо; оба сидятъ за 5000 верстъ, и ужъ во всякомъ случаѣ больше шансовъ на свободное развитіе при японскомъ владычествѣ, нежели русскомъ.

Спросятъ: неужели это правда, неужели правительство не знаетъ этого, неужели оно безсильно измѣнить печальное положеніе дѣлъ? Да, правда; да, знаетъ; да, безсильно. Въ 1910 г. Кривошеинъ, кандидатъ на мѣсто Столыпина, категорически отвѣтилъ кн. Львову, извѣстному руководителю общеземской организаціи,

Финляндскій сеймъ.

Первыя депутатки финляндскаго сейма. Избирательный законъ Финляндіи въ настоящее время является самымъ совершеннымъ изъ европейскихъ избирательныхъ законовъ, но и ему грозитъ опасность быть измѣненнымъ, въ порядкѣ 87 статьи.

приглашая его взять на себя изслѣдованіе переселенческаго вопроса на крайнемъ Востокѣ;

„Мы можемъ продержаться тамъ не болѣе пяти лѣтъ."

Ассигновать, въ сознаніи этого, сотни милліоновъ на Амурскую дорогу и усиленіе крѣпостей, гнать туда переселенцевъ и морочить страну и самихъ себя могли только люди, потерявшіе давно головы, люди, стремительно падавшіе внизъ и увлекающіе за собой своего царя. Глубоко прискорбно, что съ этимъ хламомъ движется и стомилліонный народъ, теряя одну за другой свои позиціи въ грядущемъ развитіи міра.

Судъ надъ офицерами Порт-Артурскаго гарнизона.
Группа свидѣтелей на лѣстницѣ офицерскаго собранія, въ которомъ происходили засѣданія суда.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Событія послѣдняго времени. — Расцвѣтъ власти Столыпина и охраны. — Муссированіе патріотическихъ чувствъ. — Кіевскія торжества. — Смерть Столыпина. — Поведеніе Николая Александровича. — Кандидатура Курлова. — Химерическіе толки въ народѣ. — Равнодушіе общества и переполохъ въ правительственной средѣ. — Завершенная система изоляціи правителей и ихъ уничтоженія.

Мы приближаемся къ событіямъ послѣднихъ дней и съ ними и къ естественному концу и нашего труда. Наростающая волна мірового движенія увлекаетъ за собой самыя инертныя массы, и русскій народъ, такъ еще недавно явившій мощность и здоровье своего духа, не можетъ долго оставаться на мертвой точкѣ, гдѣ задержали его реакціонные годы. Впрочемъ, инертность эта лишь кажущаяся, и въ глубинахъ общественныхъ и народныхъ никогда не прекращалась работа освободительной идеи, равно какъ наверху правленія не прекращалось завинчиваніе пресса, идею эту душившаго.

И мы должны были бы кончить печальную повѣсть объ императорѣ Николаѣ на полусловѣ, еслибъ судьбѣ не угодно было однимъ мановеніемъ подвести итогъ главной цѣли его царствованія—сохраненію самодержавія. Перваго сентября 1911 года въ кіевскомъ театрѣ во время парадnаго спектакля и въ присутствіи царя былъ тяжело раненъ и черезъ три дня умеръ отъ зараженія крови Столыпинъ.

Для Россіи, издавна привыкшей къ насильственнымъ смертямъ своихъ правителей, самъ по себѣ фактъ убійства министра не имѣлъ бы особаго значенія, еслибъ этотъ министръ не олицетворялъ собою принципа самодержавія, стремящагося жить въ конституціонной атмосферѣ. Эту жизнь можно было поддерживать лишь непрестаннымъ разрушеніемъ правовыхъ нормъ, и вся внутренняя политика Столыпина построена была на такомъ разрушеніи. Кончилось тѣмъ, что Николаю пришлось механически соглашаться со всѣми предложеніями своего „вѣрнаго слуги“, какъ началъ онъ называть покойнаго министра. Шутя, онъ называлъ его также „императоромъ“, а жену его — „третьей императрицей“. Но за шуткой сквозила плохо скрытая непріязнь къ чиновнику, оттершему въ тѣнь своего царя. Поэтому, какъ ни былъ дѣйствительно преданъ своему монарху этотъ всевластный человѣкъ, онъ не могъ не тяготиться подъ конецъ своей службой, не могъ не сознавать затаенной личной вражды къ себѣ Николая. Карьера его была на закатѣ, но, повторяю, пуля охранника провела между легкимъ и печенью диктатора одну изъ тѣхъ чертъ, за которыми исторія вписываетъ итоги баланса цѣлой эпохи.

Параллельно съ властью Столыпина гипертрофировалось и типичнѣйшее изъ русскихъ установленій—охрана. Давно обратившаяся въ „государство въ государствѣ“ и поставленная въ основу всего управленія, она неминуемо должна была, при крушеніи своемъ, повалить и самую систему. Такъ и случилось. Въ дни кіевскихъ торжествъ, когда, подъ предлогомъ освященія памятника Александру II-му, была съ огромными затратами на бутафорію поставлена патріотическая феерія, въ которой царь занималъ первое мѣсто, а его „вѣрному слугѣ“ отказывали въ экипажѣ и личной охранѣ, агенты ея совершили убійство человѣка, выполнившаго свою роль и становившагося непріятнымъ царю и опаснымъ самой охранѣ. Среди тысячи душъ профильтрованнаго чиновнаго и военнаго люда, по странной случайности слушавшаго вмѣстѣ съ царемъ „Сказку о царѣ Салтанѣ“, осмѣивающую царскій деспотизмъ, — только агентъ охраны, анархистъ Богровъ, могъ совершить казнь надъ питавшимъ его учрежденіемъ, въ лицѣ перваго чиновника имперіи.

И въ этотъ драматическій моментъ Николай не могъ найти лучшаго исхода накипѣвшей въ его душѣ тоскѣ по популярности, какъ пожать лавры казеннаго энтузіазма на виду мѣста, гдѣ еще дымилась пролитая изъ-за него человѣческая кровь. Рокъ императора оставался вѣрнымъ себѣ до конца, пятная кровью бѣлый китель, подъ которымъ живетъ сумрачный духъ послѣдняго византійца. Въ приказѣ министра двора, вышедшемъ на другой день послѣ покушенія, о Столыпинѣ не обмолвились ни словомъ, точно это былъ не первый министръ, а щепка, убранная съ царской дороги метлой дворника. И, въ довершеніе всего, царь уѣхалъ въ Крымъ, не дождавшись похоронъ своего „слуги“, какъ не хотѣлъ онъ хоронить и другого,

не менѣе „вѣрнаго слугу“ — Трепова. Личная безопасность была ему въ Кіевѣ во всякомъ случаѣ болѣе гарантирована, нежели въ пути или на севастопольскомъ смотру, — дѣло было не въ ней. И, быть можетъ, наиболѣе всѣми отмѣченной чертой событія была именно та необычайная черствость и мелкота души, которая такъ наглядно проявлена была царемъ въ эти дни. Зато не всѣмъ еще извѣстно, что, тотчасъ вслѣдъ за убійствомъ Столыпина, когда зашла рѣчь о его замѣстителѣ, царь настаивалъ на Курловѣ, какъ на своемъ кандидатѣ. Нужно было долго втолковывать ему, что возмущеніе будетъ слишкомъ всеобщимъ, что Курлова прямо обвиняютъ въ пособничествѣ убійству, что, наконецъ, этотъ человѣкъ расхитилъ, вмѣстѣ съ товарищами по охранѣ, за одни кіевскіе дни почти милліонъ рублей. Впрочемъ,

Дм. Богровъ,
убійца Столыпина.

Крестъ Столыпина,
пробитый насквозь во время покушенія.

психологія этой кандидатуры вовсе несложна. Николай Александровичъ дорожитъ и интересуется только своей жизнью, своими удовольствіями, своей семьей и глубоко равнодушенъ къ судьбѣ своихъ слугъ и народа. Вся работа охраны сводится къ тому, чтобы покупать дни царской жизни смертями его окружающихъ, и самый въ этомъ отношеніи надежный человѣкъ всегда былъ бы и самымъ пріятнымъ царю кандидатомъ въ премьеры. Теперь же, съ переходомъ власти къ Коковцову и съ вынужденной отставкой Курлова, вопросъ о личной безопасности Николая снова какъ бы виснетъ въ воздухѣ, и придется опять отсиживаться по загороднымъ дворцамъ.

Эта шитая бѣлыми нитками подкладка кіевскаго акта породила въ народѣ самые химерическіе толки, между прочимъ — о причастности къ убійству самого царя, толки, которые мы приводимъ лишь, какъ одинъ изъ симптомовъ крушенія въ Россіи монархическаго принципа. Поистинѣ нужно было много стараній для того, чтобы стать въ глазахъ народа не только профессіональнымъ предателемъ его интересовъ, но чуть ли и не убійцей.

Полноцѣнная расплата за культивированіе чиновничества и полиціи, за глухоту и слѣпоту, въ которыхъ, впрочемъ, столь же повинна общая обстановка жизни самодержца, какъ и его личный темпераментъ.

Народъ отнесся къ кіевскому убійству равнодушно. Не было того оживленія, какое послѣ смертей Сипягина и Плеве наблюдалось даже въ чопорномъ Петербургѣ,

но не было и страха усиленія репрессій. Общественное мнѣніе безмолвно указывало на огромный ростъ самосознанія, сплоченность народа, рѣзко отдѣлившаго себя отъ царя и его приспѣшниковъ. И то же чувство отторгнутости, одиночества, заставило встрепенуться первыхъ чиновъ правительства. Тамъ поняли, быть можетъ поздно, что секретная полиція, какъ циркулярная пила, одновременно подпиливала и революціонные, и правительственные корни, и что, такимъ образомъ, дни полицейскаго строя были сочтены.

Вотъ почему наблюдается увѣренность общества въ наступленіи эры реформъ и въ укрѣпленіи конституціонныхъ началъ. Какъ паровозъ, съ задняго хода переходящій на передній, не можетъ сразу развить полной скорости, такъ и имперскій механизмъ не въ состояніи сдѣлать скачка до вершины, намѣченной въ манифестѣ 17-го октября. Народъ подождетъ, онъ терпѣливъ и смиренъ; но въ его сознаніи мѣсто, отводившееся прежде монархическимъ традиціямъ, опустѣло на долго, если не навсегда. Царь можетъ ѣздить по церквамъ и парадамъ, вслушиваясь въ заученныя молитвы поповъ и солдатскія привѣтствія по командѣ, но съ народомъ его ничто не связываетъ, и такова же судьба его наслѣдника. Систематическое изолированіе правителей должно было привести ихъ къ самоистребленію, и не все ли равно Немезидѣ, уничтожаютъ ли они себя сами или руками своихъ наемниковъ. Въ кровавомъ свѣтѣ переживаемой Россіей революціонной эры контуры событій, человѣческихъ дѣлъ и характеровъ упрощаются; скелетъ съ косой, стоящій за каждымъ изъ властителей, заставляетъ ихъ помимо воли, показывать міру изнанку духа, и нѣтъ уже нужды притворяться лучшими, чѣмъ они есть. Курловъ можетъ оставаться любимцемъ царя, воры, погромщики, убійцы могутъ миловаться попрежнему, и попрежнему тюрьмы могутъ наполняться дѣятелями освобожденія.

Царь не ищетъ примиренія съ народомъ, но еслибъ и хотѣлъ, то нѣтъ путей къ примиренію. Въ сорокъ четыре года люди не перерождаются, если въ нихъ не заложены начала человѣчности, любви къ правдѣ и дѣятельнаго милосердія.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТАЯ.

Какой же исходъ? — Физическій и химическій процессы. — Возможность здороваго патріотическаго подъема въ случаѣ внѣшнихъ осложненій. — Его гибельность для Николая и чиновничества. — Послѣднее въ крайнемъ случаѣ измѣнитъ царю, но вскорѣ умретъ само въ нынѣшней своей формаціи, уступивъ мѣсто новымъ государственнымъ организаціямъ.

Намъ кажется яснымъ, что если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Россія и отстанетъ, благодаря своему режиму, отъ другихъ цивилизованныхъ государствъ, то о разложеніи ея, какъ цѣлаго, думать не приходится. Исторія бюрократизма отнюдь не совпадаетъ съ исторіей русскаго народа; напротивъ, онѣ полярны. Въ то время какъ абсолютистскій принципъ и носители его вырождались и все болѣе мельчали, народъ создавалъ свой языкъ, литературу, науку, искусство; именно въ этихъ свидѣтельствующихъ о жизнеспособности націи областяхъ онъ и занялъ хорошее мѣсто въ міровой культурѣ. Такъ что, если говорить о концѣ, о смерти, то слѣдуетъ разумѣть лишь чиновничество и ту форму монархіи, гипертрофія которой привела къ современному кризису. Какъ мертвыя туши какихъ нибудь допотопныхъ животныхъ, лежащія поперекъ ручья, загромождаютъ они фарватеръ русской жизни, и она прорывается, то сворачивая отдѣльныя части этой баррикады, какъ это было въ октябрѣ 1905 г., то подтачивая ее исподволь, какъ это началось послѣ первыхъ двухъ Думъ. Очень трудно предсказывать, въ какомъ направленіи фиксируется эта работа живой воды. Слишкомъ много одинаково мощныхъ факторовъ входятъ въ революціонное движеніе, разъ оно совершается одновременно въ двухъ плоскостяхъ, политической и соціальной. Интересы Россіи переплетаются, наконецъ, съ интересами другихъ странъ, и международные мотивы еще болѣе усложняютъ всякій прогнозъ. Судя по тому, что крайнія выступленія недавнихъ лѣтъ достаточно скомпрометировали самый принципъ революціоннаго саботажа — включая сюда и терроръ — и что, напротивъ, организованныя

дѣйствія болѣе мирнаго характера неоднократно приводили къ успѣху, можно думать, что переходъ къ прочному правопорядку совершится безъ особыхъ потрясеній, хотя и замедлится. Но, съ другой стороны, правительство имѣетъ, въ свою очередь, постоянную возможность провоцировать бурныя формы революціи, и такъ какъ подавленіе ихъ вооруженной силой безконечно легче, нежели реформированіе всего уклада государственнаго строя, то можно ожидать и такихъ именно дѣйствій.

Исторія съ высшей школой, ведомая къ тому же лично царемъ, есть одинъ изъ опасныхъ, въ провокаціонномъ смыслѣ, шаговъ. Другимъ шагомъ была бы война. 1911-ой годъ грозилъ въ этомъ отношеніи съ двухъ фронтовъ, и мы пытались показать, что успѣхъ далеко не обезпеченъ для нашего оружія. Въ такихъ условіяхъ новое пораженіе могло бы вызвать, одновременно съ подъемомъ здороваго патріотическаго чувства, еще и негодованіе на правителей; исторія даетъ и этому живые примѣры. Армія, воодушевленная общимъ сочувствіемъ націи, можетъ на военномъ театрѣ перейти тогда къ успѣхамъ, но ими уже не воспользуется прежній царь или прежнее правительство, которые будутъ свергнуты возставшимъ народомъ. Если же, противъ ожиданія, военные успѣхи будутъ обезпечены въ началѣ кампаніи, то они нѣсколько укрѣпятъ положеніе правителей, и вотъ почему они такъ охотно рискуютъ войной; выиграть можно, а безъ войны проигрышъ, конецъ всегда ближе. Совершенно очевидно также, что, какъ царь охотно предалъ бы чиновничество, еслибъ ему и его потомству обезпечили за это царство, такъ и бюрократія предастъ своего главу при наступленіи краха; ей даже легче сдѣлать это, ибо, каковъ бы ни былъ послѣдующій режимъ, безъ чиновниковъ онъ обойтись не можетъ, и на первые годы большинство среднихъ и маленькихъ чиновъ будетъ оставлено на своихъ мѣстахъ. Измѣнится только верхній слой, и отъ новыхъ людей будетъ зависѣть, чтобы все честное и способное осталось съ ними и перешло къ плодотворной административной и всякой иной работѣ. Россія не такъ богата людьми, чтобы можно было смѣнить весь старый механизмъ на новый, да и мелкія колеса его находятся въ хорошемъ состояніи; число прогрессивно думающихъ людей, служащихъ Николаю ради куска хлѣба, и компромиссы коихъ, съ грубо-житейской точки зрѣнія, вполнѣ понятны и простительны, велико. Это извѣстно въ бюрократическихъ верхахъ, и они не довѣряютъ преданности и режиму своихъ подчиненныхъ. Мы уже видѣли, по словамъ Кривошеина, что наверху нѣтъ вѣры и въ общую прочность своего положенія. Одинъ изъ наиболѣе прославившихся губернаторовъ, разгромившій цѣлый край своимъ управленіемъ и еще два года назадъ сохранявшій бодрость, сказалъ въ 1911 году прокурору мѣстнаго суда, тоже черносотенцу:

„Воспитывайте своихъ дѣтей такъ, чтобы они готовы были и способны перенести переворотъ, политическій и соціальный, потому что онъ неизбѣженъ и можетъ застать ихъ врасплохъ.“ Такіе разговоры можно слышать повсюду. Испытавъ свои способности въ обстановкѣ полнаго наружнаго покоя и сознавая, что покоя внутренняго она создать абсолютно не можетъ, бюрократія должна была придти къ выводу, что конецъ ея вліянія недалекъ. Выводъ же этотъ не могъ не выразиться въ рядѣ актовъ, значеніе которыхъ воспринимается народнымъ сознаніемъ интуитивно. Въ 1911 году Россія сошла съ точки, на которой многіе думали видѣть ее закрѣпленной на долгіе годы. Теперь каждый мѣсяцъ можетъ принести событія, которыя будутъ все болѣе измѣнять положеніе вѣсовъ, на одной чашкѣ которыхъ виднѣется судорожно цѣпляющіеся за коромысло Николай, министры, крупные воры и лэндъ-лорды, а на другой — милліоны маленькихъ людей, дѣлающихъ жизнь. Какова будетъ эта жизнь, можно намѣтить въ общихъ чертахъ даже и теперь.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТАЯ.

Будущій строй Россійскаго государства. — Конецъ послѣ-петровскаго періода. — Мнѣніе Ключевскаго. — Будущее династіи Романовыхъ. — Да Романовы ли они? — Послѣдній самодержецъ.

Строй Россіи опредѣляется не только ея исторіей, но и простымъ взглядомъ на этнографическую карту ея. Рядъ рѣзко выраженныхъ національныхъ группъ, занимающихъ столь же ясно очерченныя территоріи. Десятокъ языковъ и вѣръ; почти можно сказать, что и десятокъ разныхъ исторій, только случайно связанныхъ узломъ царскаго самодержавія. Полное отсутствіе ассимиляціи и господство разныхъ интересовъ центра и окраинъ. И рядомъ съ этимъ — необходимость единенія, какъ единственнаго способа устоять противъ натиска съ запада и выполнить провиденціальную задачу — защиты европейской культуры отъ желтой опасности. Федерализмъ черезъ автономизмъ есть единственная форма, обезпечивающая развитіе Россіи и ея мѣсто въ ряду міровыхъ державъ. Мысль эта красной нитью проходитъ черезъ умы всѣхъ сколько нибудь любившихъ родину русскихъ, къ какимъ бы партіямъ и классамъ они не принадлежали, притомъ проходитъ черезъ цѣлое почти столѣтіе. Какъ часто бываетъ съ простыми неизбѣжными вещами, идея эта все отстранялась, и ей боялись взглянуть въ глаза, такъ какъ устраивали жизнь несоотвѣтственно съ ней; но въ послѣднее время, когда оказалось, что пренебреженіе къ естественному закону вызвало крахъ государства, идея заняла свое мѣсто, во главѣ всѣхъ остальныхъ идей о будущемъ русскомъ строѣ, и съ нею считаются даже и тѣ, для кого она несетъ смерть. Александръ II-ой неоднократно говаривалъ, что „далъ бы конституцію, да она приведетъ къ автономизму". Король румынскій высказалъ представителю царя въ Яссахъ, что переходъ къ автономизму упорядочитъ русское правленіе. Наконецъ, президентъ Лубэ прямо совѣтовалъ Николаю перейти къ областной автономіи. Но для царя автономизмъ былъ совершенно чуждымъ понятіемъ, а правительство, конечно, истолковывало такую форму съ точки зрѣнія своихъ выгодъ. Ждать оттуда реформы такого рода вообще невозможно, она придетъ одновременно съ общимъ переворотомъ. Не характерно ли, что совѣты этого рода исходятъ отовсюду, за исключеніемъ заинтересованныхъ въ русскомъ status quo державъ? Вѣдь не посовѣтуютъ же онѣ не только федераціи, но и простой автономіи, потому что знаютъ хорошо, какъ быстро начнетъ расти послѣ этого дѣйствительнаго объединенія Россія, какъ трудно будетъ имъ самимъ пробиваться на востокъ! А опасность возсоединенія частей бывшаго польскаго царства и, еще того больше, опасность всеславянской федераціи и оттѣсненія отъ южныхъ морей, заставляетъ ихъ принимать всѣ мѣры къ отстрочкѣ реформы русскаго строя, и въ этомъ онѣ по необходимости играютъ въ руку русской реакціи. Но движеніе внутри Россіи приняло такіе серьезные размѣры, идея такъ жива и такъ легко объединяетъ и организуетъ людей, что, быть можетъ, и будущая фаза освободительнаго движенія пройдетъ подъ лозунгомъ федерализма. Знаменитый русскій историкъ В. О. Ключевскій, бывъ спрошенъ въ Петербургѣ однимъ сановникомъ о томъ, какимъ представлялся ему наступающій періодъ русской исторіи, высказался въ томъ смыслѣ, что періодъ этотъ будетъ ф е д е р а л ь н ы м ъ.

Несомнѣнно, конечно, что Россіи придется пройти и стадію болѣе скромнаго характера, сохраняя монархическій автономный строй; наконецъ, и элементарная децентрализація управленія была бы значительнымъ шагомъ впередъ; но, повторяемъ, на инціативу нынѣшняго правительства расчитывать нельзя. Спеціализировавшись въ области репрессіи, оно перестало бы быть самимъ собой, еслибъ измѣнило политику; ему нѣтъ вообще иного выхода, какъ длить реакцію. Въ лицѣ его кончается послѣ-петровскій періодъ русской исторіи. Бюрократизмъ, перенесенный съ европейской почвы на русскую, разросся на ней тѣмъ болѣе пышно, чѣмъ слабѣе были развиты свои, такъ называемыя „исконныя" начала, о которыхъ любятъ упоминать въ манифестахъ... Въ короткое время двѣ главныя движущія силы той эпохи, царская власть и церковь, были поглощены новой; и, выдѣливъ для своей охраны

обширную крону въ видѣ полиціи, стволъ чиновничьяго строя прочно сталъ надъ русской землей. Но ростъ территоріи и населенія былъ интенсивнѣй, нежели чиновничества, и уже въ началѣ XIX вѣка появились первыя сухія вѣтви, указывавшія на истощеніе корней. Въ слѣдующіе годы процессъ усыханія шелъ все быстрѣе, и XX вѣкъ приноситъ Россіи, вмѣстѣ съ позоромъ войны, и вѣсть обновленія. Ожидать быстрой смѣны стараго и новаго строя могли только политическіе утописты, которыхъ плодитъ всякая революція. Но обычная въ такихъ случаяхъ агонія ускоряется у насъ, благодаря тому, что въ лицѣ самодержцевъ монархія нашла такой элементъ разложенія, въ которомъ какъ бы сосредоточивались всѣ отрицательныя стороны, все тлетворное, что таитъ въ себѣ абсолютизмъ.

За триста лѣтъ своего существованія династія, носящая фамилію Романовыхъ, выдвинула не мало интересныхъ типовъ, отражавшихъ свои черты и направленія; переплетаясь между собой, слѣды отдѣльныхъ эпохъ и даже царствованій вносили въ жизнь страны тѣ глубокія внутреннія противорѣчія, которыя приводили отъ времени до времени къ потрясеніямъ революціоннаго характера.

„Міръ качался“,—по выраженію лѣтописца XVII вѣка, и это качаніе проходитъ черезъ всю исторію дома Романовыхъ. Самодержавіе ихъ, съ самаго начала узурпированное боярами и только въ рукахъ Петра I-го принявшее личный характеръ, тѣсно сплелось съ образовавшимся укладомъ жизни, вліяя на него и въ немъ же черпая новыя силы. Но, будучи всегда своекорыстнымъ, оно съ теченіемъ времени перешло въ паразитарную форму, продолжая все брать и ничего не давать. Войны XIX вѣка раскрывали народу истинное значеніе абсолютизма и стачивали традиціи, пока не только абсолютизмъ, но и просто монархическій принципъ не крушились въ началѣ XX столѣтія, заставивъ русскій міръ „закачаться“ сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

В. О. Ключевскій,

знаменитый русскій историкъ, на лекціяхъ котораго русское юношество многихъ поколѣній восприняло тѣ здоровыя понятія о русскомъ государствѣ, которыя привели его въ началѣ этого вѣка къ широкому движенію въ пользу перемѣны строя.

Одновременно съ внутреннимъ разложеніемъ, котораго не могли остановить реформы Александра II-го, какъ не доведенныя до ихъ логическаго конца, шелъ процессъ вырожденія и царствующаго дома. Стушевываясь передъ разраставшейся бюрократіей, царь все болѣе обращался къ личной жизни, и въ ней развивались тѣ стороны духа, которыя обычно воспитываетъ праздная, богатая, безотвѣтственная жизнь. Какъ самодержавіе стало паразитомъ на народномъ тѣлѣ, такъ самодержцы стали паразитами на тѣлѣ бюрократизма. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что тотъ историческій моментъ, который засталъ бюрократизмъ изжившимъ самого себя, гніющимъ заживо, засталъ и на престолѣ наиболѣе яркій типъ вырожденія, какой только могъ явиться послѣ трехъ столѣтій неправильной, нехорошей, часто преступной жизни одной семьи самодержцевъ.

Судьба и здѣсь была сурова по отношенію къ русскому народу; она длила жизнь династіи искусственно, приливая къ ней постороннюю, живую кровь. Больше того, Россія не имѣетъ даже и сомнительнаго удовольствія видѣть во главѣ правленія людей, въ которыхъ течетъ хоть бы одна капля русской крови, и совершенно неизвѣстно, почему царствующій домъ присвоилъ себѣ непринадлежащее ему имя. Въ самомъ дѣлѣ, отбросимъ предполагаемое происхожденіе Петра I-го отъ патріарха Никона, хотя физическое и моральное сходство ихъ разительно. Допустимъ, что въ лицѣ преобразователя своего строя Россія имѣла дѣйствительнаго потомка рода, избраннаго на царство. Но далѣе, какъ извѣстно, Екатерина Скавронская была горничной пастора Глюка, послѣ котораго перешла на то же emploi къ Меньшикову. У послѣдняго увидѣлъ ее Петръ и, велѣвъ ей вечеромъ „посвѣтить ему въ спальнѣ“, изъ комнаты уже не выпустилъ. Въ слѣдующіе годы связь продолжалась, пока, наконецъ, Екатерина не была перевезена въ Москву, гдѣ у нея родилась дочь Елизавета; сохранились письма, изъ которыхъ видно, что Петръ ждалъ этого ребенка, думалъ о немъ, считалъ своимъ. Незаконной дочери Петра, Елизаветѣ, походившей на родителей и бывшей красивой, было три года, когда родители ея повѣнчались. И вотъ, совершенно для всѣхъ неожиданно, въ моментъ свадьбы, появляется возлѣ вѣнчающихся, рядомъ съ трехлѣтней Елизаветой, еще дѣвочка девяти лѣтъ, типичная чухонка, тоже дочь Екатерины, но отъ совершенно неизвѣстнаго лица, дѣвочка, къ которой Петръ былъ болѣе, чѣмъ равнодушенъ. Современная картинка рисуетъ обѣихъ дѣвочекъ крѣпко ухватившимися за платье матери и, по тогдашнему выраженію, „привѣнчивающимися“ къ новому союзу двухъ людей (узаконеніе). Когда старшая, Анка, какъ ее называли въ народѣ, подросла, ее выдали, съ небольшимъ приданымъ, за незамѣтнаго гольштинскаго герцога, что еще болѣе подчеркиваетъ равнодушіе Петра. Впослѣдствіи, при вступленіи на престолъ Елизаветы, она не была признана народомъ, считавшимъ ее незаконной дочерью и царицей. Бунтъ подавили, многимъ порѣзали языки, многихъ сослали, и Елизавета дожила свой вѣкъ на престолѣ безъ потрясеній. Но когда послѣ нея появился Петръ III, сынъ гольштинскаго герцога отъ брака съ неизвѣстной чухонской дѣвицей и женатый на нѣмкѣ, то только грубая сила могла заставить признаніе въ немъ Романова. Это одно. Второе — несомнѣнное происхожденіе Павла I-го отъ Екатерины и Салтыкова, когда романовская кровь тоже только чудомъ могла попасть въ жилы будущаго полоумнаго царя. Противники этой версіи обычно ссылаются на то, что никто не имѣетъ права придавать значеніе альковнымъ легендамъ, что, согласно римскому правилу, is pater, quem nuptiae demonstrant. Охотно принимаемъ это правило, но тогда откуда же, какъ не изъ сплетенъ, почерпнули они увѣренность въ романовскомъ происхожденіи Анны, родившейся за шесть лѣтъ до внѣдренія Екатерины въ Москву и ея прочнаго сожительства съ царемъ?

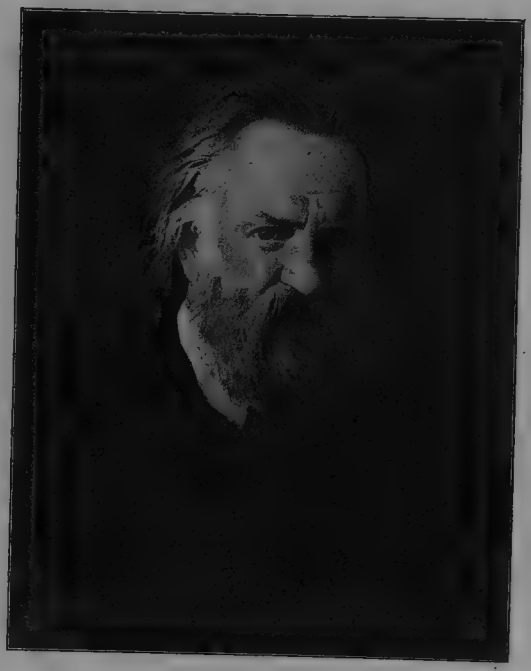
Такимъ образомъ очевидно, что въ жилахъ Николая II-го, какъ и его ближайшей родни нѣтъ никакой романовской крови, а если отрицать отцовство Салтыкова для Павла I-го, то и капли русской. Домъ Романовыхъ, да проститъ намъ читатель эту шутку, дѣйствительно дожилъ до XX-го вѣка и простоитъ, если не сгоритъ, вѣроятно, еще столѣтіе, но онъ находится на одной изъ московскихъ улицъ (Варваркѣ) и сложенъ изъ хорошихъ кирпичей, а не изъ развращенныхъ и неспособныхъ дегенератовъ; онъ расписанъ старинными арабесками, въ которыхъ русскій стиль свободно сочетался съ византійскимъ и арабскимъ, а не тѣми картинами печали и гнѣва, которыми приходится пользоваться, возстановляя обликъ послѣдняго россійскаго самодержца.

Да, послѣдняго, что бы ни говорили сила реакціи, вліяніе родственныхъ связей, международная конъюктура. Трудно сказать, будетъ ли царствовать Алексѣй, но если и будетъ, то въ обстановкѣ, навсегда очищенной отъ малѣйшаго запаха абсолютизма, въ какихъ бы скрытыхъ формахъ онъ ни ухитрялся сохраниться.

Мы думаемъ, что какъ ни скромна была наша задача, какъ ни стремились мы, въ понятной человѣческой жалости къ семьѣ заброшенной, во всемъ величіи обстановкѣ, какъ бы на необитаемый островъ, гдѣ грозитъ одинокая смерть, рисовать

образъ Николая Александровича возможно мягкими штрихами, все же дни жизни и царствованія его выступили передъ нами въ близкомъ къ ихъ дѣйствительности и достаточно печальномъ свѣтѣ. И чѣмъ ярче будетъ разгораться надъ бѣдной родиной, несущей въ себѣ столько здоровыхъ силъ, заря политической и соціальной свободы, тѣмъ мрачнѣе будетъ сгущаться туманъ надъ именами ея царей, въ томъ числѣ и кровавымъ Николаемъ, пока не скроетъ ихъ навсегда въ нѣдрахъ исторіи холодной, безстрастной и немилосердной.

* * *



А. И. Герценъ.

Приложеніе I.

ПРОГРАММА СОЮЗА ОСВОБОЖДЕНІЯ.

Союзъ Освобожденія находитъ, что тяжелый, внѣшній и внутренній кризисъ, переживаемый Россіей, въ настоящее время настолько обострился, что народъ долженъ взять разрѣшеніе этого кризиса въ свои руки, вмѣстѣ съ другими общественными группами, выступившими противъ существующаго режима. Союзъ Освобожденія требуетъ поэтому немедленнаго созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ для выработки русской конституціи.

Союзъ Освобожденія считаетъ далѣе необходимымъ выступить уже въ настоящее, подготовительное къ созыву учредительнаго собранія, время съ опредѣленной программой. Общею и непосредственною цѣлью своей дѣятельности Союзъ Освобожденія считаетъ коренное преобразованіе государственнаго строя Россіи на началахъ политической свободы и демократизма.

Для осуществленія провозглашенныхъ Союзомъ началъ политической свободы и демократизма мы требуемъ признанія въ основномъ государственномъ законѣ правъ человѣка и гражданина. Въ составъ ихъ прежде всего входитъ равенство всѣхъ передъ закономъ, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности.

Всякія сословныя различія и всякія ограниченія личныхъ и имущественныхъ правъ поляковъ, евреевъ и другихъ отдѣльныхъ группъ населенія должны быть отмѣнены. Далѣе сюда относится неприкосновенность личности и жилища. Никто не можетъ быть ни обысканъ, ни арестованъ, ни наказанъ иначе, какъ въ порядкѣ общаго судопроизводства, предоставляющаго подозрѣваемому и обвиняемому всѣ средства защиты на всѣхъ стадіяхъ судебнаго разбирательства. Каждому гражданину должна быть предоставлена полная свобода передвиженія; паспортная система должна быть упразднена. Затѣмъ необходимо обезпеченіе свободы совѣсти. Всякія религіозныя преслѣдованія должны быть прекращены; никто не можетъ быть вынуждаемъ исповѣдывать какія либо вѣрованія или принадлежать къ какой либо вѣроисповѣдной организаціи; наоборотъ, всякій имѣетъ право свободно либо выбирать себѣ то или другое вѣроученіе и присоединиться къ тому или другому вѣроисповѣдному обществу, либо отказаться отъ всякаго вѣроученія и перестать принадлежать къ той церкви, членомъ которой онъ считался.

Изъ признанія началъ свободы совѣсти вытекаетъ, съ одной стороны, освобожденіе церковныхъ обществъ отъ государственной опеки и, съ другой, освобожденіе государства отъ подчиненія церковнымъ интересамъ.

Веденіе актовъ гражданскаго состоянія должно быть для всего населенія дѣломъ гражданскихъ властей.

Равнымъ образомъ необходима свобода печатнаго слова. Свобода печати подразумѣваетъ полную отмѣну цензуры и право издавать и распространять всевозможныя произведенія печати, какъ періодической, такъ и неперіодической, на всѣхъ языкахъ, безъ всякихъ разрѣшеній, залоговъ или другихъ какихъ либо ограничительныхъ мѣръ. За преступленіе и проступки, совершенные путемъ печати, виновные отвѣчаютъ только передъ судомъ, причемъ никакое мнѣніе, выраженное въ печати, не подлежитъ преслѣдованію и въ судебномъ порядкѣ, если въ этомъ мнѣніи не заключается общеуголовнаго правонарушенія.

Наконецъ, мы требуемъ свободы устнаго слова, публичныхъ собраній и союзовъ. Всѣ граждане должны имѣть право произносить рѣчи, читать лекціи, устраивать собранія, какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ. Они должны имѣть право образовывать постоянные и временные союзы для всякихъ цѣлей, прямо не запрещенныхъ уголовнымъ закономъ и, притомъ, безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія полицейской власти.

Союзы и публичныя собранія должны имѣть право коллективныхъ обращеній, въ установленномъ закономъ порядкѣ, къ законодательной власти съ заявленіями и

ходатайствами. Но какъ никакое народное представительство не можетъ быть признано выражающимъ мысль и волю страны, если законами страны незыблемо не утверждены равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, неприкосновенность личности и жилища, свобода совѣсти, свобода печати, свобода собраній и союзовъ, точно такъ же никакія права человѣка и гражданина не будутъ обезпечены до тѣхъ поръ, пока законъ не будетъ выраженіемъ воли народа, и пока исполнительная власть не будетъ подчинена контролю народнаго представительства. Для этого необходимо, чтобы законодательная власть принадлежала народному представительству, организованному на началахъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, безъ различія пола.*) Представители народа должны имѣть право законодательной инициативы.

Утвержденіе государственнаго бюджета должно быть неотъемлемымъ правомъ народнаго представительства.

Никто не обязанъ платить налоговъ и пошлинъ, не предусмотрѣнныхъ смѣтой, или когда смѣта уже потеряла законную силу. Высшіе органы исполнительной власти, министры, должны быть отвѣтственны передъ народнымъ собраніемъ, которое такимъ образомъ не только облечено правомъ обсуждать дѣйствія министровъ и ихъ подчиненныхъ и требовать отъ нихъ объясненій, но имѣетъ также право, при соблюденіи извѣстныхъ условій, привлекать министровъ къ судебной отвѣтственности. Мы требуемъ не только того, чтобы народное представительство было организовано на началѣ политическаго равенства, мы добиваемся также того, чтобы государственное устройство преобразованной Россіи было утверждено на широкомъ мѣстномъ и областномъ самоуправленіи. Въ вышеозначенной организаціи народнаго представительства уже намѣчено нами требованіе, чтобы освобожденная Россія сознательно и рѣшительно порвала съ угнетеніемъ окраинъ и бюрократической централизаціей. Изъ этого слѣдуетъ прежде всего, что конституція Финляндіи, обезпечивающая ея особенное государственное положеніе, должна быть всецѣло установлена и торжественно признана въ основныхъ законахъ Россійской Имперіи. Всякія дальнѣйшія мѣропріятія, общія Имперіи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть впредь дѣломъ соглашенія между законодательными факторами Имперіи и Великаго Княжества. Самое широкое областное самоуправленіе должно быть, во всякомъ случаѣ, предоставлено областямъ Имперіи, рѣзко обособленнымъ по своимъ бытовымъ и историческимъ условіямъ, напр. Польшѣ, Литвѣ, Малороссіи или Закавказью. Въ отношеніи народностей, входящихъ въ составъ Россіи, мы безусловно признаемъ ихъ право на культурное самоопредѣленіе. Употребленіе въ начальныхъ школахъ и во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ народнаго языка должно быть принципіально признано необходимымъ для всѣхъ народностей Россійскаго Государства. Въ то же время во всей странѣ должно быть на основѣ всеобщей подачи голосовъ создано облеченное широкими правами, дѣйствительно независимое самоуправленіе сельское, участковое, уѣздное, губернское, а также городское. Ему должны быть предоставлены всѣ отрасли мѣстнаго благоустройства, въ томъ числѣ и полиція. Но политическимъ переустройствомъ не можетъ быть ограничиваемо коренное государственное преобразованіе Россіи. Политическая реформа необходима также и ради осуществленія глубокихъ культурныхъ, правовыхъ и экономическихъ преобразованій. Первое мѣсто должно принадлежать школьной реформѣ. Немедленно должно быть приступлено къ организаціи въ странѣ всеобщаго начальнаго обученія съ чисто свѣтскимъ характеромъ, которое впослѣдствіи должно быть сдѣлано обязательнымъ.

Средняя школа и высшія учебныя заведенія тоже должны подвергнуться органической реформѣ. Мы требуемъ автономіи университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и передачи начальной и средней школы въ полное завѣдываніе мѣстнаго самоуправленія.

Программы низшей, средней и высшей школы должны быть согласованы другъ съ другомъ, чтобы была обезпечена возможность послѣдовательнаго прохожденія

*) По вопросу о женскихъ избирательныхъ правахъ меньшинство осталось по практическимъ соображеніямъ при особомъ мнѣніи, въ виду чего съѣздъ призналъ этотъ пунктъ программы необязательнымъ для меньшинства.

обучающимся всѣхъ трехъ ступеней школы. Обученіе въ общественныхъ и государственныхъ школахъ всѣхъ типовъ должно быть безплатнымъ. Въ области суда мы считаемъ необходимымъ въ полной чистотѣ возстановить основы судебныхъ уставовъ 1863 года и дать имъ окончательное осуществленіе. Судъ долженъ быть равнымъ для всѣхъ; учрежденіе исключительныхъ судовъ по какимъ бы то ни было поводамъ недопустимо. Поэтому должностныя лица должны быть предаваемы суду и судимы въ общемъ порядкѣ. Институтъ земскихъ начальниковъ и волостные крестьянскіе суды должны быть отмѣнены. Гласность суда должна быть возстановлена во всей полнотѣ, и закрытіе дверей по политическимъ соображеніямъ не должно быть допускаемо. Судьи должны быть независимы и потому несмѣняемы и не награждаемы. Судъ присяжныхъ долженъ получить возможно широкое распространеніе съ исключительной подсудностью ему всѣхъ преступленій. Законъ о печати долженъ быть пересмотрѣнъ, и постановленія его, противорѣчащія началамъ политической свободы, должны быть отмѣнены. Смертная казнь, примѣняемая почти исключительно въ интересахъ поддержанія существующаго строя, подлежитъ безусловно отмѣнѣ.

Вся хозяйственная жизнь Россіи до корня извращается политическимъ рабствомъ, въ которомъ коснѣетъ страна.

Освобожденная Россія должна порвать съ системой внѣшнихъ захватовъ и съ финансовой и экономической политикой, разорявшей страну. Контроль народныхъ представителей надъ расходованіемъ народныхъ средствъ прекратитъ практиковавшееся до сихъ поръ расточеніе народнаго достоянія. Относительно системы обложенія мы требуемъ: 1) отмѣны выкупныхъ платежей, взимаемыхъ съ крестьянскихъ земель; 2) развитія прямого и постепеннаго пониженія и уничтоженія косвенныхъ налоговъ; 3) реформы прямого обложенія на основѣ прогрессивной пропорціональности налоговъ и доходовъ облагаемыхъ лицъ. На ряду съ измѣненіемъ финансовой политики необходимы отказъ отъ покровительства отдѣльнымъ предпріятіямъ и предпринимателямъ и усиленное покровительство развитію производительныхъ силъ народа. Постепенное пониженіе таможенныхъ пошлинъ не только улучшитъ положеніе сельскаго хозяйства, но и будетъ содѣйствовать въ сильной степени расцвѣту самой промышленности. Рядомъ съ отказомъ отъ неразумнаго протекціонизма должны быть проведены широкія аграрныя реформы. Политическое освобожденіе Россіи должно быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и довершеніемъ дѣла о с в о б о ж д е н і я крестьянъ. *)

Въ этихъ цѣляхъ необходимо: 1) новое надѣленіе безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ государственными, удѣльными и кабинетскими землями и, гдѣ ихъ нѣтъ, частновладѣльческими, съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ этихъ земель; 2) образованіе государственнаго земельнаго фонда для широкой организаціи, съ помощью государства, переселенія крестьянъ на эти земли; 3) созданіе арендnаго права, гарантирующаго земледѣльцу плоды его улучшеній, и учрежденіе примирительныхъ палатъ для регулированія арендной платы въ интересахъ трудящихся и для разбора споровъ и несогласій между арендаторами и землевладѣльцами; 4) распространеніе рабочаго законодательства на земледѣльческихъ рабочихъ примѣнительно къ условіямъ земледѣлія.

Въ области рабочаго вопроса необходимо, прежде всего, созданіе благопріятныхъ условій для развитія коллективной самодѣятельности рабочихъ; право стачекъ и явочный порядокъ для профессіональныхъ обществъ и союзовъ. Затѣмъ мы признаемъ необходимымъ: 1) реформу рабочаго законодательства и инспекцію труда въ направленіи присущаго имъ нынѣ бюрократическаго характера и распространенія ихъ на всѣ виды наемнаго труда; законодательное регулированіе продолжительности рабочаго времени путемъ введенія 8-ми часового рабочаго дня въ тѣхъ производствахъ, гдѣ это возможно немедленно, и приближеніе къ нему въ другихъ производствахъ; 3) отмѣну сверхурочныхъ работъ, кромѣ технически необходимыхъ; 4) развитіе охраны труда женщинъ и дѣтей; 5) законодательное регулированіе всѣхъ отношеній найма,

*) Мы употребляемъ это выраженіе не въ сословномъ смыслѣ, а въ его экономическомъ значеніи, разумѣя подъ крестьянами мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ, лично обрабатывающихъ землю.

которыя подаются такой нормировкѣ; 6) учрежденіе примирительныхъ палатъ, составленныхъ изъ выборныхъ представителей труда и капитала въ равномъ числѣ съ обѣихъ сторонъ для разбора всѣхъ вопросовъ договора о наймѣ, не подающихся законодательной нормировкѣ; 7) обезпеченіе рабочимъ постояннаго вознагражденія отъ предпринимателей за утерянную трудоспособность, вслѣдствіе несчастнаго случая или профессіональной болѣзни; 8) введеніе государственнаго страхованія на случай смерти, старости, болѣзни и неспособности къ труду и привлеченіе рабочихъ къ участію въ управленіи страховыми учрежденіями на равныхъ правахъ съ предпринимателями.

Настоящая программа, представляя собою то общее, на чемъ объединились всѣ группы Союза Освобожденія, конечно, не могла охватить всѣхъ частныхъ взглядовъ и мнѣній, которые высказывались при ея выработкѣ.

Съ другой стороны, такъ какъ принятыя Союзомъ рѣшенія диктовались условіями того политическаго момента, въ который происходило ея обсужденіе, то рѣшенія эти и могутъ считаться обязательными лишь постольку, поскольку политическія условія останутся неизмѣнными. Допущеніе такого временнаго и условнаго элемента въ свои программныя рѣшенія Союзъ Освобожденія считаетъ неизбѣжнымъ и необходимымъ условіемъ для всякой политической программы, преслѣдующей цѣли реальной политики. Только дальнѣйшій ходъ политической жизни можетъ показать, какія измѣненія и дополненія въ принятой программѣ окажутся нужными, и самая необходимость оставить нѣкоторыя рѣшенія временно открытыми показываетъ, что въ этихъ случаяхъ за отдѣльными членами и группами Союза остается свобода выбора тѣхъ дѣйствій и рѣшеній, которыя диктуютъ имъ ихъ совѣсть и ихъ общественныя убѣжденія.

Приложеніе II.

Резолюція Частнаго Совѣщанія земскихъ дѣятелей.

Частное Совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ засѣданіяхъ, происходившихъ 6-го, 7-го и 8-го ноября 1904 г. въ Петербургѣ, обсудивъ вопросъ объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

2. Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасеніе развитія общественной самодѣятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ государственномъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

3. Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

4. Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ.

5. Для устраненія возможности проявленія административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частнаго жилища. Никто безъ постановленія независимой судебной власти не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ. Для вышеуказанной цѣли необходимо, кромѣ того, установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона, который обезпечивалъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6. Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія общественныхъ нуждъ и для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собраній и союзовъ.

7. Личныя (гражданскія и политическія) права всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи должны быть равны.

8. Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни страны. — Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а) уравнять крестьянъ въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ сословій; б) освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда.

9) Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнять обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія; для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ, и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія; б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣятельность; в) чтобы кругъ вѣдомствъ земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ, и г) чтобы названнымъ учрежденіямъ были предоставлены должныя устойчивость и самостоятельность, при наличности которыхъ только и возможны правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской Имперіи.

10) **Мнѣніе большинства:**

Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи.

10) **Мнѣніе меньшинства:**

Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія.

11) Въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія, переживаемаго Россіей, Частное Совѣщаніе выражаетъ надежду, что Верховная Власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ

вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа.

Предсѣдатель Совѣщанія Д. Шиповъ. Товарищъ предсѣдателя Совѣщанія Иванъ Петрункевичъ. Товарищъ предсѣдателя Совѣщанія кн. Г. Львовъ. Секретарь Частнаго Совѣщанія Ѳ. Кокошкинъ. Секретарь Частнаго Совѣщанія Л. Брюхатовъ. Секретарь Частнаго Совѣщанія Ѳ. Головинъ. Бар. А. Ѳ. Стуартъ. С. А. Петровъ. Г. А. Смирновъ. А. К. Еремѣевъ. В. А. Кудрявый. Н. Я. Масленниковъ. А. И. Урсулъ. Д. А. Перелешинъ. Бар. Р. Ю. Будбергъ. Л. В. Юмашевъ. М. В. Родзянко. Н. А. Карышевъ. П. И. Герценъ. В.В. Марковниковъ. А. Н. Баратынскій. А. В Васильевъ. Н. В. Лесли. П. В. Исаковъ. В. С. Соколовъ. Н. В. Раевскій. Э. К. Загорскій. Кн. Петръ Д. Долгоруковъ. Н. В. Ширковъ. А. Н. фонъ-Рутценъ. Е. Д. Артыновъ. М. В. Челноковъ. В. Ф. Мейенъ. Н. Ф. Рихтеръ. Н. И. Гучковъ. С. А. Муромцевъ. Н. Н. Хмѣлевъ. А. А Савельевъ. Г. Р Килевейнъ. В. А. Гориновъ. А. В. Иконниковъ. М. А. Прокофьевъ. А. М. Колюбякинъ. С. Г. Бередниковъ. И. А. Корсаковъ. С. Н. Масловъ. В. В Михалевскій. Ф. В. Татариновъ. А. А. Стаховичъ. А. А. Артыганьевъ. В. Н. Ладыженскій. В. В. Ковалевскій. Ф. А. Лизогубъ. В. П. Горбуновъ. М. В. Калитинъ. Графъ П. А. Гейденъ. А Н. Брянчаниновъ. В. Ф. Эманъ. Князь Н. С. Волконскій. В. К. Федоровскій. А. А. Ушаковъ. Г. Н. Костромитиновъ. В. А. Племянниковъ. Н. А. Шишковъ. Д. Д. Протопоповъ. В. П. Марковъ. С. А. Гвоздевъ. А. А. Авчинниковъ. К. К. Арсеньевъ. В. Д. Набоковъ. А. Д. Юматовъ. К. Б. Веселовскій. С. А. Котляревскій. Н. Н. Львовъ. А. М. Масленниковъ. А. А. Павловъ. Кн. С. М. Баратаевъ. Н. Н. Метельниковъ. Б Т. Садовскій. И. Г. Полуектовъ. В. М. Вороновскій. В. П. Энгельгардтъ. Я. Т. Харченко. М. И. Колобовъ В. Д. Измайловъ. Г. А. Новосильцевъ. В. И. Вернадскій. В. Д. фонъ-Дервизъ. Н. К. Мѣлюковъ. В Д. Кузьминъ-Караваевъ. М. И. Петрункевичъ. Ѳ. И. Родичевъ. Кн. М В. Голицынъ. Р. А Писаревъ. Р. Ѳ. Коропочинскій. И. Г. Жуковскій. В. Г. Колокольцевъ. А. А. Свѣчинъ. Б. М. Хижняковъ. А. П. Крыловъ. Н. К Глѣбовъ. Кн. Д. И. Шаховскій. В. Г. Якунчиковъ.

Приложеніе III.

Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.

12-го декабря 1904 г.

О предначертаніяхъ къ усовершенствованію Государственнаго порядка.

По священнымъ завѣтамъ Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ, непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной Намъ Богомъ Державы, Мы, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ Русскаго Народа отъ нерѣдко ошибочныхъ, преходящими обстоятельствами навѣянныхъ стремленій. Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній. Не сомнѣваемся, что осуществленіе такихъ начинаній встрѣчено будетъ сочувствіемъ благомыслящей части Нашихъ подданныхъ, которая истинное преуспѣяніе Родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ.

Во главѣ заботъ Нашихъ поставляя мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у Насъ крестьянскаго сословія, Мы усматриваемъ, что, согласно Нашимъ предуказаніямъ, дѣло это уже подвергается обсужденію: наряду съ подробнымъ, на мѣстахъ, разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ, нынѣ въ особомъ, изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія, совѣщаніи изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. Мы повелѣваемъ, чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ сельскихъ обывателей“.

Обозрѣвая засимъ обширную область дальнѣйшихъ народныхъ потребностей, Мы, для упроченія правильнаго въ Отечествѣ Нашемъ хода государственной жизни, признаемъ неотложнымъ:

1) принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона, — важнѣйшей въ самодержавномъ Государствѣ опорѣ Престола, — дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Намъ властей и мѣстъ, неисполненіе же ея неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій лицамъ способы достиженія правосудія;

2) предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства. даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призывать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; съ цѣлью успѣшнѣйшаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ въ небольшихъ по пространству участкахъ;

3) въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, ввести должное единство въ устройствѣ судебной въ Имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность;

4) въ дальнѣйшее развитіе принятыхъ уже Нами мѣръ къ обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ, озаботиться введеніемъ государственнаго ихъ страхованія;

5) пересмотрѣть изданныя во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться при этомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности;

6) для закрѣпленія выраженнаго Нами въ манифестѣ 26-го февраля 1903 г. неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную Основными Законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры, подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и, независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго стѣсненія;

7) произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ право инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами Государства и явною пользою Русскаго Народа и

8) устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи. Предуказывая на сихъ основаніяхъ рядъ предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ внутреннихъ преобразованій, часть которыхъ, по прежде даннымъ Нами указаніямъ, подвергается уже предварительному изслѣдованію, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ, по разнообразію и важности сихъ преобразованій, признаемъ за благо установить самый порядокъ для обсужденія способовъ для наиболѣе быстраго и полнаго ихъ осуществленія. Въ ряду Государственныхъ Нашихъ учрежденій задача тѣснѣйшаго объединенія отдѣльныхъ частей управленія принадлежитъ Комитету Министровъ; вслѣдствіе сего повелѣваемъ Комитету Министровъ по каждому изъ приведенныхъ выше предметовъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній Нашихъ и представить Намъ въ кратчайшій срокъ свои заключенія о дальнѣйшемъ, въ установленномъ порядкѣ, направленіи подлежащихъ мѣропріятій.

О послѣдующемъ ходѣ разработки означенныхъ дѣлъ Комитетъ имѣетъ намъ докладывать. Къ исполненію сего Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

Приложеніе IV.

Петиція, съ которой рабочіе подъ предводительствомъ Гапона шли къ Государю 9-го января 1905 года.

ГОСУДАРЬ!

Мы, рабочіе и жители г. Петербурга, наши жены, дѣти и безпомощные старцы - родители пришли къ тебѣ, Государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ рабамъ.

Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше и дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества; насъ душатъ деспотизмъ и произволъ, и мы задыхаемся.— Нѣтъ больше силъ, Государь. Насталъ предѣлъ терпѣнію.

Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ.

И вотъ мы бросили работу и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немного просили. Мы желали того, безъ чего не жизнь, а каторга, вѣчная мука.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды, но и въ этомъ намъ отказали — въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что за нами не признаетъ законъ такого права. Незаконны оказались наши просьбы уменьшить число рабочихъ часовъ до 8 въ день и устанавливать цѣны на наши работы вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать наши недоразумѣнія съ низшей администраціей завода, назначать чернорабочимъ и женщинамъ плату за ихъ трудъ не ниже 1 р. въ день, отмѣнить сверхурочныя работы, лечить насъ внимательно и безъ оскорбленія, устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было бы работать, а не находить тамъ смерть отъ страшныхъ сквозняковъ, дождя и снѣга, копоти и дыма.

Все оказалось, по мнѣнію нашихъ хозяевъ, противозаконно. Всякая наша просьба — преступленіе, а наше желаніе улучшить наше положеніе — дерзость, оскорбительная для нашихъ хозяевъ. Государь, насъ здѣсь больше 300,000 — и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же за нами, какъ и за всѣмъ русскимъ народомъ, не признаютъ ни одного человѣческаго права, даже права говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія.

Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голосъ въ защиту интересовъ рабочаго класса бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку, караютъ, какъ за преступленіе, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалѣть рабочаго, безправнаго, измученнаго человѣка, значитъ совершить тяжкое преступленіе.

Весь народъ рабочій и крестьяне отданы на произволъ чиновничьяго правительства, состоящаго изъ казнокрадовъ и грабителей, не только совершенно не заботящихся объ интересахъ народа, но попирающихъ эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полнаго разоренія, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведетъ Россію къ гибели. Мы даже не знаемъ, куда и на что деньги, собираемыя съ обнищавшаго народа, уходятъ. Народъ лишенъ возможности выражать свои желанія, требованія участвовать въ установленіи налоговъ и расходованіи ихъ. Рабочіе лишены возможности организоваться въ союзы для защиты своихъ интересовъ.

Государь, развѣ это согласно съ божескими законами, милостью которыхъ ты царствуешь? Не лучше-ли умереть всѣмъ намъ — трудящимся людямъ всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники-казнокрады, грабители русскаго народа. Вотъ что стоитъ передъ нами, Государь!

И это-то насъ и собрало къ стѣнамъ твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи же въ помощи твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ, разруши стѣну между тобой и твоимъ народомъ, и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобой.

Вѣдь ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ, къ намъ оно не доходитъ, мы получаемъ только горе и униженіе. Взгляни безъ гнѣва, внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, Государь. Не дерзость въ насъ говоритъ, а сознаніе необходимости выхода изъ невыносимаго для насъ всѣхъ положенія. Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ себѣ, вѣдь только ему извѣстны истинныя его нужды. Не отталкивай же его помощи: прими ее, повели немедленно, сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій. Пусть тутъ будетъ и крестьянинъ, и рабочій, и священникъ, и капиталистъ, и учитель; пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей, пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, — а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ. Эта самая главная наша просьба; въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ ранъ, безъ котораго наши раны вѣчно будутъ сочиться и поведутъ насъ быстро къ смерти.

БИБЛ. ЧКВ. (П. б) ИСТПАРТА

Но одна мѣра все же не можетъ залѣчить всѣхъ нашихъ ранъ; необходимы еще и другія, и мы прямо и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, Государь, о нихъ отъ лица всего трудящагося класса Россіи.

I. Мѣры противъ нищеты народной:

1) Передача земли народу и отмѣна выкупныхъ платежей; дешевый кредитъ.

2) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

3) Исполненіе заказовъ военнаго и морского вѣдомствъ должны быть въ Россіи, а не за границей.

4) Прекращеніе войны по волѣ народа.

II. Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа:

1) Немедленное возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія, за стачки и крестьянскіе безпорядки.

2) Немедленное объявленіе свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраній, совѣсти въ дѣлѣ религіи.

3) Всеобщее и обязательное народное образованіе на государственный счетъ.

4) Отвѣтственность министровъ передъ народомъ и гарантія законности управленія.

5) Равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія.

6) Отдѣленіе церкви отъ государства.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:

1) Отмѣна института фабричныхъ инспекторовъ.

2) Учрежденіе при заводахъ и фабрикахъ постоянныхъ коммиссій выборныхъ рабочихъ, которыя совмѣстно съ администраціей разбирали бы всѣ претензіи отдѣльныхъ рабочихъ. Увольненіе рабочаго не можетъ состояться иначе, какъ по постановленію этой коммиссіи.

3) Свобода потребительно-производительныхъ и профессіональныхъ союзовъ немедленно.

4) 8-часовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ.

5) Свобода борьбы труда съ капиталомъ немедленно.

6) Нормальная рабочая плата немедленно.

7) Непремѣнное участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроектовъ о государственномъ страхованіи рабочихъ немедленно.

Вотъ, Государь, наши главныя нужды, съ которыми мы пришли къ тебѣ; лишь при удовлетвореніи ихъ возможно освобожденіе нашей родины отъ рабства и нищеты, возможно ея процвѣтаніе, возможно организоваться рабочимъ для защиты своихъ интересовъ отъ новой эксплуатаціи капиталистовъ и грабящаго и душащаго народъ чиновничьяго правительства. Повели и поклянись исполнить ихъ, и ты сдѣлаешь Россію и счастливой, и славной, а имя твое запечатлѣешь въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена; а не повелишь — мы умремъ здѣсь на этой площади передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда дальше идти и незачѣмъ. У насъ только два пути: или къ свободѣ и счастью, или въ могилу. Укажи, Государь, любой изъ нихъ, — мы пойдемъ по немъ безпрекословно, хотя бы это и былъ путь смерти.

Пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы, мы охотно приносимъ ее.

Приложеніе V.

Положенія, принятыя Обще-земскимъ Совѣщаніемъ 22-25 апрѣля 1905 г.

1. Въ организаціи народнаго представительства Россійской имперіи не можетъ быть допущено ни сословное начало, ни такъ называемое представительство интересовъ (т. е. отдѣльные выборы отъ различныхъ классовъ или группъ населенія).

2. Въ основу будущей постоянной организаціи народнаго представительства въ Россійской имперіи должны быть положены слѣдующія начала:

а) Необходимы выборы представителей отъ населенія путемъ всеобщей, равной и тайной подачи голосовъ;

б) вышеозначенные выборы отъ населенія должны быть прямые, т. е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имѣющими активное избирательное право;

в) наряду съ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія (палатой народныхъ представителей), должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россійскую Имперію органовъ мѣстнаго самоуправленія;

г) обѣ палаты должны быть равноправны.

3. Мнѣніе большинства (71 голосъ). Представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ одной палаты народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (37 голосовъ). Первое представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, тайнаго, но двухстепеннаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (17 голосовъ). Первые выборы въ представительное собраніе должны быть произведены:

а) въ земскихъ губерніяхъ — губернскими земскими собраніями, пополненными представителями крестьянскаго населенія и рабочихъ тамъ, гдѣ развита фабричная промышленность, а также городскими думами значительнѣйшихъ городовъ, пополненными представителями рабочаго класса и высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій;

б) въ не-земскихъ губерніяхъ (губерніи Западнаго края, Область Войска Донского, Прибалтійскія, Привислянскія губерніи) должны быть введены коллегіи на началахъ, на коихъ организованы земскія учрежденія;

в) примѣненіе къ остальнымъ окраинамъ общаго избирательнаго закона должно составить предметъ занятій перваго собранія народныхъ представителей съ привлеченіемъ делегатовъ отъ этихъ окраинъ.

4. Никакое правильное собраніе, однако, невозможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ предоставлены населенію неприкосновенность личности, свобода слова, печати и собраній, и пока не будутъ повсемѣстно отмѣнены положеніе объ усиленной охранѣ, а также административная карательная власть земскихъ начальниковъ и сельскаго и волостного начальства.

5. Только немедленный созывъ народнаго представительства съ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти можетъ привести къ мирному и правильному разрѣшенію насущныхъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ вопросовъ современной жизни Россіи.

6. Если окажется, что представители земства и городовъ могутъ участвовать въ Особомъ Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина по выбору общественныхъ учрежденій, а не по приглашенію правительства, и притомъ на равныхъ правахъ съ правительственными членами совѣщанія, и если участіе въ выборахъ такихъ представителей будетъ предоставлено всѣмъ губернскимъ земскимъ собраніямъ, то желательно, чтобы они участвовали въ совѣщаніи во всѣхъ стадіяхъ его дѣятельности. Въ противномъ случаѣ общественнымъ дѣятелямъ лучше было бы уклониться отъ участія въ этомъ совѣщаніи. Но и при участіи общественнаго элемента дѣятельность совѣщанія можетъ быть лишь тогда плодотворна, если она будетъ доступна самой широкой гласности.

7. Задача Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина должна заключаться въ выработкѣ:

а) порядка избранія представителей въ первое представительное собраніе, которое должно имѣть право участія въ осуществленіи законодательной власти;

б) общихъ условій, необходимыхъ для производства свободныхъ выборовъ, а именно: отмѣны положенія о мѣрахъ къ охранѣ государственнаго порядка и спокойствія отъ 14 августа 1881 года, широкой, политической амнистіи, отмѣны дискреціонной власти надъ крестьянами земскихъ начальниковъ и волостного и сельскаго начальства, установленія права собраній и союзовъ и права свободнаго выраженія мысли путемъ слова и печати.

8. Главной задачей перваго представительнаго собранія должно быть не столько законодательство по частнымъ вопросамъ, сколько установленіе государственнаго правопорядка.

Приложеніе VI.

Обращеніе общественныхъ дѣятелей по поводу избіеній на Казанской площади.

Его Высокопревосходительству господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Глубоко потрясенные тѣми событіями, которыя только что произошли въ Петербургѣ, мы рѣшаемся обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ слѣдующимъ заявленіемъ. Волненія среди учащейся молодежи давно уже перестали быть у насъ чѣмъ то случайнымъ и рѣдкимъ, они уже давно обратились въ періодическое явленіе нашей жизни и изъ года въ годъ повторяются все чаще и чаще и принимаютъ все болѣе широкіе размѣры. Каждый разъ эти волненія подавляются строгими мѣрами, и тѣмъ не менѣе черезъ короткій промежутокъ времени они вспыхиваютъ снова. Очевидно, объясненія ихъ нельзя искать въ какихъ либо постороннихъ вліяніяхъ или случайныхъ обстоятельствахъ. Причина этихъ непрерывныхъ волненій дѣйствительно лежитъ гораздо глубже. Она заключается въ ненормальности общихъ

условій жизни, созданныхъ для русской учащейся молодежи. Всякая попытка общенія молодежи между собою, не укладывающаяся въ тѣсныя рамки оффиціально утвержденныхъ кружковъ, вызываетъ подозрѣнія и преслѣдованія. Каждая попытка учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обратить вниманіе правительства на недостатки существующаго внутренняго порядка этихъ заведеній, въ какія бы мирныя формы она ни была облечена, разсматривается какъ преступленіе, и влечетъ за собою кары для ея участниковъ. На ряду съ этимъ массовыя насилія полиціи не вызываютъ ни суда, ни наказанія. Достаточно напомнить фактъ избіенія студентовъ полиціей въ Петербургѣ въ 1895 г. на Невскомъ проспектѣ и 8-го февраля 1899 г. на Васильевскомъ островѣ. Общество лишено возможности высказывать свое мнѣніе въ вопросахъ, касающихся быта высшихъ учебныхъ заведеній. Печать, которая могла бы освѣтить недостатки существующаго порядка и указать путь къ исправленію, вынуждена молчать. Профессора, лишенные возможности направлять жизнь учебныхъ заведеній, лишены вмѣстѣ съ тѣмъ и авторитета среди учащейся молодежи. При такихъ условіяхъ нѣтъ мѣста нормальной жизни высшихъ учебныхъ заведеній. На дѣлѣ этой нормальной жизни и не существуетъ. За послѣдніе годы наши высшія учебныя заведенія переживаютъ тяжелый и болѣзненный кризисъ. Все дѣло научнаго преподаванія въ нихъ до крайности затруднено. Среди молодежи идетъ непрерывное броженіе, какъ нельзя болѣе, конечно, мѣшающее ея научнымъ занятіямъ. Предоставленная исключительно самой себѣ, не видя ниоткуда помощи и защиты, она облекаетъ свой протестъ, за неимѣніемъ легальныхъ формъ, въ нелегальныя. Правительство, стремясь подавить этотъ протестъ, пришло къ изданію временныхъ правилъ 29-го іюня 1899 г. Въ отмѣну общихъ законовъ, эти правила установили для студентовъ особый судъ и особую кару, въ видѣ отдачи въ солдаты, распространили отбываніе воинской повинности на лицъ, по болѣзни или по семейному положенію освобожденныхъ отъ нея закономъ, наконецъ — дозволили отдачу въ солдаты лицъ, не достигшихъ призывного возраста. Событія послѣднихъ дней показали, къ чему можетъ вести примѣненіе этихъ правилъ на практикѣ. Но эти же событія показали и другое, — что кары, обрушивающіяся на учащуюся молодежь, могутъ идти еще далѣе и принимать еще болѣе жестокія формы. За послѣдніе дни на улицахъ Петербурга полиціей и войсками было произведено жестокое избіеніе учащейся молодежи и публики. Правда, правительственное сообщеніе, основанное на донесеніяхъ мѣстныхъ властей, находитъ, что дѣйствія полиціи были вызваны необходимостью и не заключали въ себѣ ничего особаго. Но эти донесенія мѣстныхъ властей несогласны съ истиной. Въ 12 часовъ дня 4-го марта на площади Казанскаго собора собралась толпа, тысячи въ 2-3 человѣкъ, состоящая по преимуществу изъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужчинъ и женщинъ. Кто то изъ этой толпы прочиталъ воззваніе. Затѣмъ были сдѣланы попытки поднять флагъ съ надписью: „отмѣна временныхъ правилъ". Въ этомъ состояла вся манифестація. Полиція не приняла никакихъ мѣръ къ ея предупрежденію, и толпа до 12 часовъ дня сходилась вполнѣ безпрепятственно. Однако полиція знала несомнѣнно заранѣе о готовящейся манифестаціи. Въ сосѣднихъ съ Казанскимъ соборомъ мѣстностяхъ были собраны и спрятаны сотни конныхъ и пѣшихъ казаковъ и городовыхъ. Въ 12 ч., безъ категорически предписаннаго закономъ предупрежденія и обращенія къ толпѣ съ требованіемъ разойтись, на площадь ринулись полицейскіе и казаки, и началось звѣрское избіеніе. Полиціи и казаковъ было собрано такое громадное количество, что они едва ли многимъ уступали въ численности демонстрантамъ и, слѣдовательно, имѣли полную возможность возстановить порядокъ, не прибѣгая къ крайнимъ мѣрамъ. Но участниковъ демонстраціи даже не разогнали, ихъ просто били. Казаки врывались въ толпу и работали нагайками направо и налѣво. Полицейскіе вытаскивали изъ толпы отдѣльныхъ лицъ и принимались нещадно бить ихъ. Били нагайками, шашками, кулаками, били мужчинъ и женщинъ, топтали ногами падавшихъ, били до того, что избиваемые лишались чувствъ. Нѣкоторые изъ студентовъ пытались защищаться галошами и снѣжками, наконецъ, доведенные до отчаянія, оборонялись чѣмъ попало: палками, желѣзными прутьями, взятыми отъ ковровъ съ паперти, но все это лишь усиливало избіеніе. Свидѣтелемъ этихъ сценъ была громадная толпа публики,

стоявшая около оцѣпленной казаками площади. Напрасно эта публика молила полицейскихъ властей прекратить безцѣльное и жестокое побоище. Результатомъ такихъ просьбъ было лишь то, что избіенію и арестамъ подверглась и часть публики, не участвовавшей въ демонстраціи. Среди избитыхъ есть извѣстные писатели, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что они просили полицію прекратить побоище, отнимали избиваемыхъ людей или пытались успокоить студентовъ. Среди свидѣтелей этихъ сценъ были высокопоставленныя по своему служебному положенію лица. По донесенію мѣстныхъ властей, всего арестовано 760 человѣкъ, и изъ нихъ получили удары и пораненія, потребовавшія медицинской помощи, 18 мужчинъ и 14 женщинъ, тогда какъ полицейскихъ и казаковъ ранено 26 человѣкъ. Насколько можно вѣрить этимъ донесеніямъ, исходящимъ отъ тѣхъ лицъ, которыя распоряжались побоищемъ, видно ужъ изъ того, что въ одномъ Литовскомъ замкѣ, какъ намъ достовѣрно извѣстно, 5-го марта было около 100 пострадавшихъ, нуждавшихся въ медицинской помощи. Несомнѣнно, много раненыхъ разошлось и по домамъ. Наконецъ, едва ли возможно повѣрить тому, что вооруженная сила, напавшая на безоружную и состоявшую на половину изъ женщинъ толпу, понесла столько же потерь, какъ и эта толпа. Слухъ о событіяхъ 4-го марта несомнѣнно вызоветъ глубокое негодованіе во всемъ русскомъ обществѣ, какъ онъ уже вызвалъ такое негодованіе въ Петербургѣ. Кому было нужно это безцѣльное избіеніе на улицахъ столицы, кто былъ виновникомъ этого звѣрскаго избіенія учащейся молодежи, — возмущенная общественная совѣсть ждетъ отвѣта на эти вопросы. Донесенія мѣстныхъ властей показываютъ, что не онѣ дадутъ такой отвѣтъ, которымъ могло бы удовлетвориться общество. Этотъ отвѣтъ можетъ быть данъ только судомъ.

Въ виду этого люди, сознающіе свой гражданскій долгъ, не могутъ молчать. Мы сознаемъ этотъ долгъ и заявляемъ, что только отмѣна временныхъ правилъ 29-го іюня 1899 г. устранитъ ближайшую причину теперешнихъ студенческихъ волненій, только судъ надъ виновными въ избіеніи 4-го марта, кто бы ни были эти виновные, успокоитъ возмущенную общественную совѣсть.

1) Лансере — директ. об-ва страх. „Урбэнъ“ и др. 2) Н. Анненскій — н. с. и литераторъ, 3) Н. Шателенъ — проф. Элек. Инст. 4) Д. Стасовъ — прис. пов. 5) П. Гейденъ — графъ, президентъ Имп. Вольно-Эконом. об. 6) фонъ-Рутценъ — стат. сов. 7) В. Воронцовъ — врачъ-литераторъ, 8) М. Гольдштейнъ — магистръ, 9) А. Шахматовъ — акад. (Акад. Наукъ), 10) М. Стоюнина—вдова дѣйст. ст. сов., 11) И. Потапенко — литераторъ, 12) Н. М. Соколовскій — пр. пов., 13) В. Смедовичъ (Вересаевъ) врачъ-литераторъ, 14) Э. Кавосъ — н. с., 15) И. Кирсановъ — пр. пов., 16) В. Бауманъ — проф. Горн. Ин., 17) Е. Ганейзеръ — дв., литер., 18) Явейнъ — проф. Техн. Инст., 19) Ф. Родичевъ — ст. сов, прис. пов., 20) Э. Р. Ульманъ — инжен.-техн., 21) Т. Макаровъ — инж. тех., 22) Л. Пантелѣевъ — дв., издатель, 23) П. Лесгафтъ — пр., докт. СПБ. Біол. Лаб., 24) Бекетовъ — акад., засл. профес., 25) Арсеньевъ — д. с. с., вице-президентъ Имп. В. Эк. об., предсѣд. admin. отдѣл. юридич. общ., публицистъ, 26) М. Долбня — проф. Горн. Инст., 27) В. Герардъ — пр. пов., 28) В. Люстихъ — прис. пов., 29) Н. Карабчевскій — пр. пов., 30) В. Матэ — проф. Имп. Акад. худ., 31) В. Хижняковъ — земск. гласн., 32) Свѣшниковъ — пр. пов., 33) М. Слѣпцова — жена д. с. с., 34) Зарудный — прис. пов., 35) С. Винаверъ — лит., 36) П. Вейнбергъ — лит., 37) Н. Карѣевъ — быв. проф., 38) В. Лопатинъ, дв., 39) В. Скобельценъ — проф. Эл. Инст., 4) П. Аненковъ — дв., 41) А. Шмекевичъ — дв., 42) Г. Явейнъ, 43) В. Анзиміровъ — зем. гл., 44) Н. Рубахинъ — лит., 45) Ф. Мартиновскій, 46) И. Зябицкій — инж техн., 47) Сакитинъ — инж.-тех., 48) Е. Репьева, 49) О. Беренштамъ — ж. дв., 50) К. Пятницкій — чл. об. рус. антроп., 51) Н. Гуревичъ — д-ръ мед., 52) В. Поляковъ — врачъ, 53) В. Глинка — поч. мир. суд., пр. пов., 54) М. Беренштамъ — помощн. прис. повѣрен., 55) К. Демидовичъ-Демидецкій — пом. пр. пов., 56) А. Троцкій, инж.-техн., 57) В. Фатьяновъ — дв., 58) Я. Коробко — инж.-техн., 59) В. Беренштамъ — пом. прис. пов., 60) Фесенковъ — инж. пут. сообщ., 61) В. Мякотинъ, 62) Азаровъ — врачъ, 63) О. Стадниковъ, 64) И. Пичахчи — пом. пр. пов.

Приложеніе VII.

Выборгское воззваніе!

Народу отъ народныхъ представителей.

Граждане всей Россіи!

Указомъ 8 іюля Государственная Дума распущена. Когда вы избирали насъ своими представителями, вы поручали намъ добиваться земли и воли! Исполняя ваше порученіе и нашъ долгъ, мы составляли законы для обезпеченія народу свободы, мы требовали удаленія безотвѣтственныхъ министровъ, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать законъ о надѣленіи землею трудящагося крестьянства путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ. Правительство признало такой законъ недопустимымъ, а когда Дума еще разъ настойчиво подтвердила свое рѣшеніе о принудительномъ отчужденіи, былъ объявленъ роспускъ народныхъ представителей. Вмѣсто нынѣшней Думы правительство обѣщаетъ созвать другую черезъ семь мѣсяцевъ. Цѣлыхъ семь мѣсяцевъ Россія должна оставаться безъ народныхъ представителей въ такое время, когда народъ находится на краю разоренія, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волненіемъ, и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. — Цѣлыхъ семь мѣсяцевъ правительство будетъ дѣйствовать по своему произволу и будетъ бороться съ народнымъ движеніемъ, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсѣмъ задавить народное движеніе, то не соберетъ никакой Думы.

Граждане! Стойте крѣпко за попранныя права народнаго представительства, стойте за Государственную Думу! Ни одного дня Россія не должна оставаться безъ народнаго представительства. У васъ есть способы добиваться этого: правительство не имѣетъ права безъ согласія народнаго представительства ни собирать налоги съ народа, ни призывать народъ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную Думу, вы вправѣ не давать ему ни солдатъ, ни денегъ. Если же правительство, чтобы добыть себѣ средства, станетъ дѣлать займы, то такіе займы, заключенные безъ согласія народнаго представительства, отнынѣ недѣйствительны, и русскій народъ никогда ихъ не признаетъ и платить по нимъ не будетъ. — Итакъ, до созыва народнаго представительства не давайте ни копейки въ казну, ни одного солдата въ армію!

Будьте тверды въ своемъ отказѣ, стойте за свое право всѣ, какъ одинъ человѣкъ. Предъ единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не можетъ. Граждане! Въ этой вынужденной, но неизбѣжной борьбѣ ваши выборные люди будутъ съ вами.

9. Іюля 1906 года.

А. Алвазовъ. С. Алкинъ. А. Андреевъ. И. Антоновъ. К. Афанасьевъ. А. Ахтямовъ. А. Бабичъ. Х. Боготуровъ. С. Балахонцевъ. В. Балясниковъ. З. Баратовъ. Р. Бондаревъ. Н Бородинъ. Л. Брамсонъ. А. Бремеръ. Г. Брукъ. И. Бугровъ. Ф. Бусловъ. И. Быстровъ. И. Бычковъ. Букейхановъ. М. Винаверъ. П. Витковскій. В. Вихаревъ. А. Возовикъ. А. Волковичъ. Т. Волковъ. В Враговъ. З. Выроввей. А. Вязловъ. И. Галецкій. К. Геллатъ. М. Герценштейнъ. И. Гомартели. Н. Гредескулъ. М. Гудилинъ. М. Деларю. С. Джантюринъ. С. Дхонахидзе Я. Дитцъ. И. Долгоруковъ. М. Дьяченко. И. Дюмаевъ. Н. Езерскій. С. Ермолаевъ. И. Ершовъ. И. Жилкинъ. Н. Жорданія. И. Замысловъ. М. Земцовъ. И. Зіотхановъ. Г. Зубченко. Ф. Иваницкій. Я. Имшенецкій. Ишерскій А. Исуповъ. Г. Іоллосъ. И. Кальяновъ. В. Карандашевъ. М. Каценельсонъ. М. Кваскокъ. Н. Ковалевскій. Ф. Кокошкинъ. С. Колокольниковъ. М. Коммиссаровъ. Константиновъ. С. Корнильевъ. С. Котляревскій. И. Крыловъ. Ф. Крюковъ. І. Кубились. И. Кузнецовъ. И. Кузнецовъ.

М. Куликовъ. М. Кутомаловъ. И. Лаврентьевъ. В. Лебедевъ. М. Лебедевъ. Ш. Левинъ. А. Ледницкій. Г. Литваревъ. М. Литвиновъ. Т. Локоть. А. Ломшаковъ. Л. Лопасъ. В. Луниновъ. И. Лысенко. А. Макушинъ М. Маслечниковъ. А Масловъ. И. Матвѣевъ. А Медвѣдевъ. Н. Метальниковъ. Н. Миклашевскій. В. Микѣшинъ. Н. Моревъ. С. Муромцевъ. А. Мухановъ. В. Набоковъ. Д. Назаренко. В. Недоносковъ. К. Некрасовъ. Т. Нестеренковъ. В. Нечаевъ. Н. Николаевскій. И. Новгородцевъ. В. Обнинскій. В. Оболенскій. И. Овчинниковъ. Н. Огневъ. Н. Огородниковъ. В. Окуневъ. Ѳ. Онипко. Н. Онацкій. Л. Остроносовъ. Л. Петражицкій. К. Петръ-Петросянцъ. И. Петрункевичъ. М. Петрункевичъ. А. По. С. Притуло. Д. Протопоповъ. В. Радоковъ. И. Рамишвили. В. Роговъ. С. Розенбаумъ. Н. Ромашовъ. И. Ростовцевъ. А. фонъ-Рутценъ. С. Рыжковъ. И. Савельевъ. И. Сацыринъ. П. Сафоновъ. Н. Семеновъ. А. Сидинскій. Д. Скульскій. Л. Смирновъ. И. Соломко. В. Строгоновъ. И. Субботинъ. Т. Сѣдельниковъ. С. Сефферъ. С. Таранъ. Г. Твердый. Я. Теннисонъ. А. Тесля. А. Токарскій. П. Толстой. А. Топчибашевъ. Л. Туманякъ. С. Тумбусовъ. Г. Ульяновъ С. Урусовъ. А. Ушаковъ. В. Федоровскій. З. Френкель. А. Хартохай. А. Хоментовскій. А. Хрущовъ. С. Церетевъ. П. Цѣлоусовъ. И. Чаксте. И. Чижевскій. Чурюковъ. Г. Шапошниковъ. Д. Шаховской. М. Шефтель. В. Шемякинъ. Н. Ширковъ. Е. Шольцъ. И. Шрагъ. Ф. Штейнгель. И. Шуваловъ. Шершеневичъ. Г. Кедринъ. Г. Щепкинъ. В. Якушкинъ. В. Яновскій. Л. Ясиопольскій. Ф. Михайличенко. Якубсонъ.

Приложеніе VIII.

(Воззваніе, выпущенное сейчасъ же послѣ Выборгскаго воззванія).

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

КЪ ПАРТІЙНЫМЪ ОРГАНИЗАЦІЯМЪ.

Принимая во вниманіе неизбѣжное всенародное возбужденіе, связанное съ роспускомъ Гос. Думы, учитывая то впечатлѣніе на народныя массы, которое должны произвести обращенія къ народу Гос. Думы и Труд. Группы, Ц. К. П. С. Р. считаетъ неизбѣжнымъ немедленно объявить и начать открытую войну съ правительствомъ.

Считая вмѣстѣ съ тѣмъ, что необходимо для обезпеченія большихъ шансовъ побѣды занять наиболѣе выгодную позицію, Ц. К. полагаетъ, что иниціативу боевого выступленія долженъ взять на себя самъ народъ, не выжидая дальнѣйшихъ дѣйствій правительства.

Съ этой цѣлью Ц. К. постановилъ: всѣ наличныя партійныя организаціи и силы должны немедленно начать боевое выступленіе, руководясь при этомъ слѣдующими соображеніями:

1) Главное вниманіе должно быть обращено на крестьянство и на войска.

2) Городское движеніе должно обязательно согласовать свои дѣйствія съ выступленіемъ крестьянства и арміи. Всѣ наличныя силы крестьянскихъ организацій должны быть двинуты въ деревню. Крестьянство должно быть призвано къ открытому возстанію. Всѣ сельскія и волостныя власти должны быть смѣщены, изгнаны, а при вооруженномъ сопротивленіи — уничтожены.

Всѣ сельскія и волостныя учрежденія должны быть заняты возставшими крестьянами, казенное имущество и казенныя деньги (казначейство, банки и волостныя суммы) должны быть конфискованы на нужды возстанія; по селамъ и уѣздамъ должно быть введено революціонное самоуправленіе. Всѣ земли помѣщиковъ, казны, удѣловъ и проч. должны быть захвачены и переданы во временное распоряженіе революціонныхъ комитетовъ и новыхъ организацій мѣстнаго революціоннаго самоуправленія (необходимо щадить людей, непосредственно не выступающихъ противъ народа и не истреблять имущества, полезнаго для крестьянъ).

Необходимо, чтобы крестьянское возстаніе приняло наступательный характеръ и не ограничилось предѣлами данной мѣстности. Особенное вниманіе партійныя

организаціи должны обращать на тѣ мѣстности, гдѣ ожидается инціатива возстанія, при этомъ концентрировать въ нихъ силы и принимать соотвѣтствующія мѣры, обезпечивая успѣшность его, чтобы движеніе отъ нихъ распространилось на другіе уѣзды и охватило всю губернію. Обезпечивъ и закрѣпивъ позиціи въ деревнѣ, крестьяне должны итти на города и, соединяясь съ войсками и рабочими, захватывать ихъ, вводя всюду новыя выборныя власти.

Къ войскамъ партійныя организаціи должны обратиться съ воззваніями отказываться отъ исполненія приказаній правительства и съ убѣжденіемъ не стрѣлять въ крестьянъ и рабочихъ. Воззванія должны призывать войска немедленно же переходить на сторону народа, начиная съ отказа признавать поставленное царемъ начальство и кончая открытой вооруженной борьбой съ нимъ.

Необходимо вводить въ строй революціоннаго войска рабочихъ, вооружать ихъ захваченнымъ казеннымъ оружіемъ и обучать обращенію съ нимъ. Въ городахъ парт. организаціи должны немедленно, гдѣ это возможно, приступить къ созданію безпартійныхъ боевыхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ для общаго руководства боевыми дѣйствіями городского рабочаго населенія, координируя свое выступленіе съ дѣйствіями крестьянства и арміи. С. Р. Д. должны проводить всеобщую забастовку съ переведеніемъ ее возможно въ вооруженное возстаніе.

Особенное вниманіе С. Р. Д. должны обратить на то, чтобы выступленіе городского рабочаго населенія не было изолированнымъ отъ выступленія крестьянства и арміи и тѣмъ не раздробило единства дѣйствія и сплоченности революціонныхъ силъ.

Рекомендуется широкое развитіе террористическихъ дѣйствій противъ всѣхъ активныхъ лицъ администраціи — дѣйствій, какъ партизанскихъ, такъ и массовыхъ.

Въ общемъ Ц. К. обращаетъ вниманіе всѣхъ партійныхъ организацій на то, что движеніе должно принимать рѣзко наступательный характеръ. Сфера революціоннаго воздѣйствія должна постоянно расширяться и, начинаясь въ отдѣльныхъ, наиболѣе подготовленныхъ и выгодныхъ пунктахъ, захватывать окрестныя мѣстности. Необходимы боевыя общія и мѣстныя соглашенія съ другими организаціями и общая координація дѣйствій.

Центральный Комитетъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Іюнь 1906 года.

Приложеніе IX.

(Обращеніе послѣ Выборгскаго воззванія).

Отъ Партіи Мирнаго Обновленія къ избирателямъ.

Указомъ Правительствующему Сенату Г. Дума распущена. Мы, бывшіе члены ея, обязаны заявить, что прежде всего мы безпрекословно подчиняемся Верховной волѣ Государя Императора. Въ силу ст. 105 основныхъ законовъ, Государю несомнѣнно принадлежитъ право роспуска Думы. Мы считаемъ себя обязанными подчиниться не только по долгу подданныхъ, но и по глубокому сознанію, что было бы преступно среди переживаемыхъ Россіей опасностей и смутъ колебать Государеву власть.

Мы въ глубинѣ своей совѣсти сознаемъ, что, когда мы отстаивали въ Гос. Думѣ увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія, уравненіе всѣхъ въ свободахъ и передъ закономъ, мы этимъ стремились оправдать возложенныя на насъ полномочія.

Но со стороны находившагося у власти министерства мы встрѣтили не помощь, а противодѣйствіе, вовлекшее насъ въ борьбу съ нимъ, при которой совмѣстная работа явилась невозможной.

Государю угодно было смѣнить министерство и путемъ новыхъ выборовъ въ новый составъ Думы провѣрить соотвѣтствіе нашихъ заявленій съ дѣйствительными желаніями народа. Созывъ Думы назначенъ на 20 февраля. Манифестомъ 9 іюля Государь еще разъ подтвердилъ, что конституціонный строй сохраняется въ Россійской Монархіи, что народные представители будутъ созваны, и права ихъ не будутъ умалены. Поэтому первое слово наше, на комъ лежало народное довѣріе, наше первое слово ко всѣмъ избирателямъ — призывъ къ спокойствію и противодѣйствію какимъ бы то ни было насиліямъ. Только старательной подготовкой къ новымъ выборамъ и сознательнымъ осуществленіемъ ихъ можетъ народъ доказать, что дорожитъ своимъ представительствомъ въ дѣлѣ правленія и участіемъ въ созданіи законовъ.

Къ будущимъ выборамъ должны быть направлены усилія русскаго народа, а нужды его будутъ выражены тѣми, кого онъ сознательно выберетъ. Всякія насилія, безпорядки и нарушенія законовъ представляются намъ не только преступными, но среди переживаемой смуты прямо безумными. Они только вызовутъ крутыя мѣры правительства, вынужденнаго охранять силой и во что бы то ни стало цѣлость государства и безопасность гражданъ; они не только повлекутъ множество жертвъ и безплодныхъ потерь, прольютъ кровь и создадутъ на Руси несказанный грѣхъ, но они повлекутъ обезсиленную и истощенную Россію — нашу святую Родину — къ окончательному разоренію, къ распаденію, къ погибели. Страшась этого въ будущемъ, сознавая въ прошломъ свою правоту передъ Государемъ и народомъ, мы, бывшіе народные избранники, приглашаемъ тѣхъ, кто намъ вѣрилъ, и, подавая за насъ голосъ, выбралъ насъ, спокойно подчиниться законномѣрной волѣ царя и продолжать мирную и упорную работу отстаиванья нуждъ, правъ и свободы русскаго народа.

По уполномочію:

Графъ Гейденъ, Н. Н. Львовъ, М. А. Стаховичъ.

Приложеніе X.

(Обращеніе соц.-дем. и другихъ группъ къ крестьянамъ).

Манифестъ

ко всему россійскому крестьянству.

Товарищи—крестьяне! Два съ половиною мѣсяца тому назадъ вы по всему лицу земли русской мучительно искали вѣрныхъ излюбленныхъ людей для посылки въ Госуд. Думу. На Гос. Думу возлагали вы всѣ свои надежды. Были и тогда люди, которые съ суровой рѣшительностью говорили вамъ, что мирнымъ путемъ нельзя ничего добиться, что съ правительствомъ добромъ ничего не подѣлаешь, что только силой можно сломить его злобное упорство.

Но тяжело было вамъ повѣрить, что за освобожденіе народное придется заплатить страшно дорогой цѣной: цѣной крови человѣческой. И въ сердцахъ вашихъ тихо теплилась, какъ восковая свѣча передъ иконой, послѣдняя надежда: быть можетъ, выборные отъ всей русской земли, собравшись вокругъ царскаго трона и передавъ дружно, въ одинъ голосъ, о бѣдствіяхъ народа, добьются справедливыхъ законовъ и порядковъ, добьются земли и воли.

Тяжелому испытанію подверглись ваши надежды. Ваши представители нашли вокругъ царя раззолоченную толпу великихъ князей, членовъ царской фамиліи, придворныхъ, богатѣйшихъ помѣщиковъ, министровъ, сановниковъ. Всѣ они цѣпко держались за свою власть надъ народомъ, за свое многотысячное жалованіе, за свободу расхищать казну, за милліонныя помѣстія и капиталы. Они окружили царскій тронъ и пропитали его ядомъ своей злобы, и отъ всего правительства съ царемъ во главѣ народные представители услышали короткій отвѣтъ — ни земли, ни воли!

Самихъ народныхъ представителей, самое Гос. Думу, царь и министры соглашались терпѣть только въ томъ случаѣ, если они будутъ покорно давать народныя деньги въ распоряженіе казнокрадовъ да одобрять новые заграничные займы, которые ввергнутъ русскій народъ въ неоплатный долгъ и закабалятъ не только васъ, товарищи крестьяне, но и дѣтей и внуковъ вашихъ.

Въ противномъ случаѣ правительство рѣшило распорядиться съ вашими избранниками по своему.

Дрогнуло было сердце и поколебалась твердая воля у многихъ болѣе слабыхъ и уступчивыхъ членовъ Думы. Но вы, товарищи крестьяне, тысячами вашихъ приговоровъ и писемъ и телеграммъ, и посланныхъ ходоковъ поддерживали мужество Думы. Вы потребовали, чтобы ваши избранники твердо стояли на своемъ, заявили твердую народную волю и непреклонныя ея требованія, вы обѣщали въ нуждѣ вашимъ избранникамъ свою могучую поддержку. Ваши избранники исполнили свой долгъ, и вотъ теперь царь и министры разогнали ихъ, преслѣдуютъ болѣе смѣлыхъ, арестовывая и заключая ихъ въ тюрьму. Ваши выборные не предали народнаго дѣла, не можете и вы предать ихъ и тѣмъ самымъ предать самихъ себя.

Правительство объявило народу войну.

Дума была избрана народомъ, и только самъ народъ могъ лишить ее своего довѣрія. Царскимъ указомъ правительсво распустило Думу. Это правительство сказало, что не довѣряетъ какъ разъ тѣмъ, кому довѣряетъ народъ. Оно растоптало и права Думы, и права народа.

Мирные переговоры между народомъ и правительствомъ кончены.

Начинается съ новой силой великая борьба, въ которой, можетъ быть, прольются потоки крови. И вся эта кровь падетъ на голову преступнаго правительства. Оно не щадитъ народъ, и народъ не пощадитъ его. И правительство знаетъ это. Оно плохо надѣется на услугу войска. Въ войскѣ неспокойно. Солдаты начинаютъ чувствовать свою кровную связь съ народомъ.

И вотъ правительство наше добилось того, что австрійскій и германскій императоры сговариваются уже отдать свои (чужеземныя) войска въ распоряженіе царскаго правительства для войны съ русскимъ народомъ. Это — прямой заговоръ противъ родины съ чужестранцами, это — государственная измѣна правительства, это — предательство отечества. Долой беззаконное правительство, ему никто не имѣетъ права подчиняться; исполнять его распоряженія преступно. Вездѣ и всюду народъ долженъ смѣщать мѣстныхъ властей и замѣнить ихъ своими выборными, народными, вездѣ и всюду отбирать и отдавать въ руки этихъ законныхъ народныхъ выборныхъ властей всѣ правительственные суммы и капиталы. Въ ихъ же распоряженіе должно перейти и войско. Его обязанность стать на защиту народа и отечества отъ измѣннической правительства.

Вмѣстѣ съ войскомъ, съ рабочими городовъ и со всѣми другими труженниками и со всѣми преданными народу людьми, трудовое крестьянство должно свои дѣла взять въ свои руки.

Ему не дали земли и воли. Оно само должно взять волю, смѣстивъ всѣ правительственныя власти и замѣнивъ ихъ своими выборными. Оно само немедленно должно взять всю землю, но не расхватывать ее безпорядочно, а передать ее во временное распоряженіе своихъ выборныхъ волостныхъ и уѣздныхъ властей, впредь до выработки новаго земельнаго закона всенародными избранниками, которые на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія составятъ Учредительное Собраніе. Пришла пора всей странѣ встать, какъ одинъ человѣкъ, для спасенія родины отъ гибели, для страшнаго всенароднаго суда надъ измѣнниками — врагами народа. Нѣтъ, не удадутся врагамъ ихъ кровавые замыслы, покорно народъ не отдастся въ руки своихъ угнетателей. Онъ не хочетъ больше жить жизнью надорванной рабочей клячи. Онъ хочетъ вольной и свѣтлой человѣческой жизни. Лучше смерть, чѣмъ возвратъ къ опостылѣвшимъ старымъ порядкамъ. Не пожалѣемъ же себя! Избавивъ всю нашу родину, дѣтей и внуковъ нашихъ отъ неслыханныхъ злодѣйствъ преступнаго правительства. Встанемъ же разомъ, дружно и сильно. Каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго. Нельзя медлить: отечество въ опасности!

Спасите родину!
Волю и землю всему народу!
Долой народныхъ враговъ, измѣнниковъ, насильниковъ, злодѣевъ!
Долой все царское правительство!
Дорогу свободному русскому народу!

Комитетъ Трудовой Группы Гос. Думы.
Комитетъ Соціалъ-Демократической фракціи Гос. Думы.
Всероссійскій Крестьянскій Союзъ.
Центральный Комитетъ партіи Соц.-Революціонеровъ.
Центральный Комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.
Всероссійскій Желѣзнодорожный Союзъ.

Приложеніе XI.

(Обращеніе соц.-дем. и трудовой группы къ арміи и флоту).

Манифестъ

Къ арміи и флоту!

Отъ Трудовой Группы и Соціалъ-Демократической фракціи Госуд. Думы.

Солдаты и матросы! Правительство царскимъ указомъ распустило Госуд. Думу и собрало со всѣхъ сторонъ войска для того, чтобы силою оружія подавить народъ. Народные представители были избраны вашими отцами и братьями для того, чтобы заявить царю про всѣ народныя обиды и добиться для народа земли и воли. Но царь не пожелалъ послушать избранниковъ народа. Онъ послушалъ своихъ прежнихъ совѣтниковъ, великихъ князей, министровъ, генераловъ и богатѣйшихъ помѣщиковъ, которые не желаютъ выпустить изъ рукъ свои имѣнія, свои многотысячные оклады и безотвѣтственную власть. Вся Россія раздѣлилась теперь на двѣ стороны. На одной сторонѣ огромное большинство, все крестьянство и рабочіе, всѣ бѣдные и угнетенные, лучшіе изъ ученыхъ и образованныхъ людей, сознательные солдаты, лучшіе офицеры и всѣ мученники, которые въ тюрьмахъ, въ томъ числѣ тысячи солдатъ и матросовъ. — На другой сторонѣ — кучка насильниковъ: Треповъ, Побѣдоносцевъ, манджурскіе генералы, которые убѣгали отъ японцевъ, но разстрѣливали Москву, Одессу, Читу, земскіе начальники, полиція, шпіоны и вся черная сотня. Они расчитываютъ на вашу силу для того, чтобы подавить весь русскій народъ. Будете ли вы стрѣлять въ народъ, проливать народную кровь, пробивать штыками народную грудь? Вспомните вы, сыновья крестьянъ, дѣти русскаго народа: въ это самое время въ той деревнѣ, откуда вы родомъ, собственные братья ваши, тѣ, которые остались дома, тоже волнуются, требуютъ земли и воли, а правительство посылаетъ туда другихъ солдатъ для того, чтобы стрѣлять и избивать ихъ. Зачѣмъ вы будете защищать правительство? Развѣ вамъ хорошо живется? Развѣ вы сами не угнетены? Васъ угнетаютъ хуже, чѣмъ всѣхъ другихъ, отдаютъ васъ въ рабскую службу денщиками къ офицерамъ, истязаютъ въ штрафныхъ батальонахъ за каждое смѣлое слово, ссылаютъ въ каторгу и разстрѣливаютъ. Мы, народные представители, желали улучшить ваше положеніе, мы хотѣли издать законы о сокращеніи военной службы до двухъ лѣтъ, объ отмѣнѣ денщичьей службы, о назначеніи солдатамъ мѣсячнаго денежнаго жалованья, о строгомъ запрещеніи всякихъ оскорбленій солдатъ со стороны военныхъ чиновъ; мы хотѣли улучшить участь солдатъ, какъ и вообще

улучшить долю всего трудового народа. Чтобы помѣшать этому, правительство поспѣшило разогнать Государственную Думу.

Солдаты и матросы! Мы, законно избранные представители отъ крестьянства и рабочихъ, заявляемъ вамъ: безъ Гос. Думы правительство незаконно, приказы его не имѣютъ законной силы.

Мы призываемъ васъ: 1) перестать повиноваться незаконному правительству и выступить противъ него вмѣстѣ съ нами и со всѣмъ обездоленнымъ народомъ. Вы присягали защищать отечество. Ваше отечество — это русскіе города и села и весь русскій народъ; защищайте же его, стойте вмѣстѣ съ нимъ за землю и волю. 2) Всякій, кто будетъ стрѣлять въ народъ, есть преступникъ, измѣнникъ и врагъ народа. Тѣмъ, которые будутъ стрѣлять въ народъ, мы объявляемъ отъ лица ихъ братьевъ и отцовъ, что имъ не будетъ возврата въ родныя селенія, и что надъ ихъ именами будетъ тяготѣть вѣчное проклятіе народа. 3) Правительство вступило въ переговоры съ австрійскимъ и германскимъ императорами; нѣмецкія войска готовы будутъ вторгнуться въ нашу страну защищать опостылѣвшее народу правительство силою чужеземнаго оружія; за такіе переговоры мы объявляемъ правительство, какъ виновное въ государственной измѣнѣ, внѣ закона.

Солдаты и матросы! Ваша священная обязанность освободить русскій народъ отъ измѣнническаго правительства и защищать Государственную Думу. Всякій, кто положитъ свою голову въ этой священной войнѣ, покроетъ себя неувядаемой славой, и русскій народъ благословитъ его имя. Въ этой борьбѣ избранники народные будутъ вмѣстѣ съ вами. — Смѣло же за родину, за народъ, за землю и волю противъ преступнаго правительства!

Соединенный Комитетъ Трудовой Группы и Соціалъ-Демократической фракціи Государственной Думы.

С.-Петербургъ, 12 іюля 1906 года.

Приложеніе XII.

(Манифестъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и революціонныхъ партій въ началѣ декабря 1905 г)

Манифестъ.

Правительство на краю банкротства. Оно превратило страну въ развалины и усѣяло ихъ трупами. Измученные, изголодавшіеся крестьяне не въ состояніи платить подати. Правительство на народныя деньги открыло кредитъ помѣщикамъ. Теперь ему некуда дѣваться съ заложенными помѣщичьими усадьбами. Фабрики и заводы стоятъ безъ дѣла. Нѣтъ работы. Общій торговый застой. Правительство на капиталъ иностранныхъ займовъ строило желѣзныя дороги, флотъ, крѣпости и запасалось оружіемъ. Изсякли иностранные источники, исчезли казенные заказы. Купецъ, поставщикъ, подрядчикъ, заводчикъ, привыкшіе обогащаться на казенный счетъ, остаются безъ наживы и закрываютъ свои конторы и заводы. Одно банкротство слѣдуетъ за другимъ. Банки рушатся. Всѣ торговые обороты сократились до послѣдней крайности.

Борьба правительства съ революціей создаетъ безпрерывныя волненія. Никто не увѣренъ больше въ завтрашнемъ днѣ.

Иностранный капиталъ уходитъ обратно за границу. Уплываетъ въ заграничные банки и капиталъ „чисто русскій“. Богачи продаютъ свое имущество и спасаются за границу. Хищники бѣгутъ вонъ изъ страны и уносятъ съ собой народное добро.

Правительство издавна всѣ доходы государства тратило на армію и флотъ. Школъ нѣтъ. Дороги запущены. Несмотря на это, не хватаетъ даже на продоволь-

ственное содержаніе солдатъ. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военныхъ запасовъ. По всей странѣ подымаются возстанія обнищавшей и голодной арміи.

Желѣзнодорожное хозяйство разстроено, кассы желѣзныхъ дорогъ опустошены правительствомъ. Чтобы возстановить желѣзнодорожное хозяйство, необходимы многія сотни милліоновъ.

Правительство расхитило ссудосберегательныя кассы и роздало вклады на поддержку частныхъ банковъ и промышленныхъ предпріятій, нерѣдко совершенно дутыхъ. Капиталомъ мелкихъ вкладчиковъ оно ведетъ игру на биржѣ, подвергая его ежедневному риску.

Золотой запасъ государственнаго банка ничтоженъ въ сравненіи съ требованіями по государственнымъ займамъ и запросами торговыхъ оборотовъ. Онъ разлетится въ пыль, если при всѣхъ сдѣлкахъ будутъ требовать размѣна на золотую монету.

Пользуясь безотчетностью государственныхъ финансовъ, правительство давно уже дѣлаетъ займы, далеко превосходящіе платежныя средства страны. Оно новыми займами покрываетъ проценты по старымъ.

Правительство годъ за годомъ составляетъ фальшивую смѣту доходовъ и расходовъ, причемъ и тѣ, и другіе показываетъ меньше дѣйствительныхъ, чтобы по произволу высчитать избытокъ, вмѣсто ежегоднаго недочета. Безконтрольные чиновники расхищаютъ и безъ того истощенную казну.

Пріостановить это финансовое разореніе сможетъ только послѣ сверженія самодержавія учредительное собраніе. Оно займется строгимъ разслѣдованіемъ государственныхъ финансовъ и установитъ подробную, ясную, точную и провѣренную смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ (бюджетъ).

Страхъ передъ народнымъ контролемъ, который раскроетъ передъ всѣмъ міромъ финансовую несостоятельность правительства, заставляетъ его затягивать созывъ народнаго представительства.

Финансовое банкротство государства создано самодержавіемъ такъ же, какъ и его военное банкротство. Народному представительству предстоитъ задача по возможности скорѣе произвести разсчетъ по долгамъ.

Защищая свое хищничество, правительство заставляетъ народъ вести съ нимъ смертную борьбу. Въ этой борьбѣ гибнутъ и разоряются сотни тысячъ гражданъ и разрушаются въ своихъ основахъ производство, торговля и средства сообщенія.

Исходъ одинъ — свергнуть правительство, отнять у него послѣднія силы. Надо отрѣзать у него послѣдній источникъ существованія: финансовые доходы. Необходимо это не только для политическаго и экономическаго освобожденія страны, но, въ частности, и для упорядоченія финансоваго хозяйства государства.

Мы, поэтому, рѣшаемъ:

Отказываться отъ взноса выкупныхъ и всѣхъ другихъ казенныхъ платежей.

Требовать при всѣхъ сдѣлкахъ при выдачѣ заработной платы и жалованья уплаты золотомъ. а при суммахъ меньше пяти рублей — полновѣсной звонкой монетой.

Брать вклады изъ ссудо-сберегательныхъ кассъ и изъ государственнаго банка, требуя уплаты всей суммы золотомъ.

Самодержавіе никогда не пользовалось довѣріемъ народа и не имѣло отъ него полномочій.

Въ настоящее время правительство распоряжается въ границахъ собственнаго государства, какъ въ завоеванной странѣ.

Посему мы рѣшаемъ **не допускать уплаты долговъ по всѣмъ тѣмъ займамъ, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всѣмъ народомъ.**

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.
Главный Комитетъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза.
Центральный Комитетъ и Организаціонная Комисія Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.
Центральный Комитетъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.
Центральный Комитетъ Польской Соціалистической Партіи.

Приложеніе XIII.

Изъ многочисленныхъ адресовъ, которые получили осужденные на каторгу невинные члены второй Государственной Думы, печатаемъ лишь два нижеслѣдующихъ. Первый былъ подписанъ сотнями извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, второй многими тысячами кавказскихъ жителей.

1-ый адресъ гласитъ:

ДЕПУТАТЫ-КАТОРЖАНЕ!

Шлемъ Вамъ свой привѣтъ. Возмущенные тѣмъ насиліемъ, съ которымъ Вы были брошены въ тюрьму и преданы суду, вершившемуся въ потемкахъ, мы выражаемъ свое глубокое уваженіе тому мужеству, съ какимъ Вы защищали Ваши убѣжденія и вели борьбу за дѣло народнаго освобожденія. Закрытыя двери суда — мы увѣрены въ этомъ — не помѣшаютъ народу узнать истину и оцѣнить ту стойкость, съ которою Вы отстаивали достоинство народныхъ избранниковъ.

2-ой адресъ гласитъ:

Въ особое присутствіе Правительствующаго Сената.

Г. Г. СЕНАТОРЫ И СОСЛОВНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ!

Вы судите народныхъ представителей! 20 октября Вы должны произнести приговоръ надъ дѣятельностью соціальдемократической фракціи второй Государственной Думы!

Волею народа они, наши представители, засѣдали въ Государственной Думѣ. По царскому слову они пользовались неприкосновенностью личности. Но изъ Государственной Думы они попали въ тюрьмы, и ихъ ждетъ приговоръ вашей карающей руки!

За что же?

Они наши представители! Они печальники земли русской! Во всей своей дѣятельности они стремились выполнить волю пославшаго ихъ народа и отстаивать свободу и землю въ борьбѣ съ защитниками стараго порядка, уже осужденнаго въ манифестѣ царя отъ 17 октября.

Намъ „дарована“ свобода, но насъ гнететъ произволъ! Намъ обѣщана законодательная Дума, но защитники бюрократическихъ порядковъ готовили заговоръ противъ народнаго представительства!

И вотъ они, смѣлые борцы за наше кровное дѣло, представители трудящагося народа земли русской, — отстаивали дѣло трудящейся Россіи, раскрывая всѣ злоупотребленія стараго режима и его козни противъ народа и народнаго представительства! И за это ихъ заточили по тюрьмамъ, и ихъ ждетъ вашъ грозный судъ!

Г. Г. СЕНАТОРЫ И СОСЛОВНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ! Нашихъ представителей обвиняютъ въ заговорѣ противъ государства! Наши представители дѣйствовали и боролись открыто, и не заговорщикамъ 3 іюня взвалить эту жалкую клевету на головы защитниковъ нашихъ интересовъ! Не путемъ заговора, а сплоченіемъ народныхъ массъ, не заговорами, а борьбой сознательнаго народа они стремились идти и вести народъ къ свободѣ народной! И за это на нихъ обрушилась пока сильная рука заговорщиковъ 3 іюня!

Г. Г. СЕНАТОРЫ И СОСЛОВНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ!

Вы судите по волѣ правительства народныхъ представителей! Мы съ ними! Мы солидарны со всей дѣятельностью нашихъ представителей! Такъ судите же и насъ—народъ, пославшій своихъ представителей въ Г. Думу и предуказавшій пути ихъ дѣятельности.

Народъ, пославшій своихъ депутатовъ, теперь отданныхъ въ ваши руки, требуетъ этого!

Мы требуемъ свободы для нашихъ представителей!

Мы добьемся свободы и для нихъ!

Приложеніе XIV.

(Брошюра, которую Распутинъ распространялъ въ тысячахъ экземплярахъ во время кіевскихъ торжествъ).

Григорій Евфиміевичъ Распутинъ-Новый.

ВЕЛИКІЕ ДНИ ТОРЖЕСТВА ВЪ КІЕВѢ!
ПОСѢЩЕНІЕ ВЫСОЧАЙШЕЙ СЕМЬИ!
АНГЕЛЬСКІЙ ПРИВѢТЪ!

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. П. Фроловой, Галерная 6.
1911.

ДНИ ТОРЖЕСТВА КІЕВЛЯНЪ.

Что поразило встрепенуться и возрадоваться Кіевскому граду? Какія радости? Боже! Боже! Великъ Батюшка-Государь! Такъ трепещетъ весь простой народъ, и аристократія, и невѣрующіе. У невѣрующихъ страхъ, а у вѣрующихъ и въ лицахъ ихъ отражается свѣтъ душъ. И украшенныя сердца ихъ наполнены любовью къ родинѣ. И служитъ пріѣздъ Государя къ обновленью Родины. И солдатики чувствуютъ себя свѣтозарными и сильными. И въ эти дни на всю жизнь готовы и заразились силой благодатной и храброй воиновъ. Никто не можетъ дать обновленья, какъ посѣщеніе Самого Батюшки-Царя. Никто не можетъ повѣдать: Какъ? почему?—у всѣхъ торжественная сила отъ Батюшки-Царя! Поймите силу высшихъ властей, — Небесныхъ Творцовъ, — то и земной Творецъ, и Управитель нашъ, и Создатель охраны на землѣ насъ хранитъ и милуетъ; потому и радость и ликованье у всѣхъ вѣрующихъ. Такая радость, что всякъ не можетъ православный христіанинъ сказать случившагося съ нимъ отъ радости, увидя Батюшку-Царя! А у злыхъ и у невѣрующихъ такая злоба бываетъ, — они хотятъ, но у нихъ сила ничто, — потому сильныя радости у толпы народа: и злые и завистники не могутъ примести зла, — ихъ, злыхъ, толпа таетъ какъ снѣгъ отъ жары, потому что радость и „ура“ какъ громъ и молнія. Какъ громъ грянетъ, то мы крестимся, а „ура“ — сила. Злые безсильны и „ура“ бѣгутъ, какъ бѣсы — молитвы; противники Родины трепещутъ, и бѣгутъ и скрываются. И столкновеніе публики ничто иное — тысячи толпы, и всѣ обновлены духомъ, — какъ волны на морѣ плещутъ. И народъ отъ украшенія и ожиданья напряженія не можетъ равнодушно говорить о дивномъ пріѣздѣ. Что ни пріѣздъ, а будто съ небесъ, — ожиданье, какъ Самого Господа. Толпа двигается по Кіеву, и народъ отъ радости не можетъ усидѣть, — всего трепещетъ и веселится; и въ сердцахъ у нихъ болѣе, чѣмъ иллюминаціи; а иллюминацію нельзя простымъ огнемъ назвать, т. е. вещи заставляютъ радоваться. Что же скажешь? Украшенъ Кіевъ. Боже! Боже! Всевозможными цвѣтами, и гирляндами, и флагами; они стараются украсить и убрать. Несмѣтнымъ счетомъ флаговъ испестренъ весь — для дорогого Гостя нашей Родины. И всѣ чувствуютъ силы въ себѣ — поддержать свой градъ Кіевъ и спѣшно приносятъ въ жертву силы и чтутъ дорогого Гостя Родины и Земли. И ничто, нѣтъ сравненья, какъ я былъ очевидцемъ и видѣлъ, что турки ожидали своего султана. Народъ, начальство — да, ожидаетъ, а простой: вотъ ничего ужъ; еще видѣлъ и другія націи и тоже одно начальство, а простой народъ—будто нѣтъ. А чѣмъ объясните? Тѣмъ, что велика православная вѣра, и въ ней явился Избранникъ и Помазанникъ Божій. А словъ на это совсѣмъ нѣтъ и сравнивать нельзя. Господи, мы счастливцы. А о маленькихъ потѣшныхъ и сказать нельзя. О ихъ во-первыхъ успѣхахъ: какъ ангелы между херувимами, какъ они занимаются! Вѣдь не вѣрится себѣ: такіе крошки, а сами въ дѣлѣ какъ и нужно. Такъ радуешься, — смотришь, вотъ и видишь въ юношахъ, какъ они показываютъ въ себѣ будущую защиту всѣхъ насъ. Только бы въ нихъ сохранить вѣру. Эти потѣшные, — это стѣна каменная, гдѣ мы за ней прячемся. И вся армія стоитъ и трепещетъ. Боже! Какъ дисциплина: — въ ней нѣтъ въ то время ни зависти, ни коварства, поэтому и назвались христолюбивые воины до смерти.

Что же болѣе изукрашенъ? Вокзалъ. Чувства живыя и поражающія, — какъ въ раю слово говоришь, что все ожидаетъ: вся природа и всѣ украшенія. Врата Кіева привѣтъ воздаютъ дорогому Гостю, Батюшкѣ, — Утѣшителю насъ: Вотъ Его поѣздка какъ будитъ всѣхъ спящихъ. Навѣрно, ежели бы Онъ сталъ почаще ѣздить, то Онъ бы увидѣлъ, какъ Его ждутъ и любятъ, и свѣтомъ любви освѣщаютъ. А имъ говорятъ, не высказывали своихъ нуждъ; это мнѣ говорили изъ Союза Русскаго Народа, — имъ не велѣли. А почему не высказать правду Отцу Родины? Жаль, что запретили сказать дорогому Батюшкѣ. Вѣдь мужичекъ передъ Царемъ врать не будетъ: „что то озабоченъ,“ кто запретилъ говорить ему. Давай, Боженька, благополучія! Батюшка нашъ пріѣхалъ съ радостію и потомъ еще разъ за разомъ поселилъ оживленія своимъ посѣщеніемъ. Господи, яви милость свою на насъ! Давай мужества Батюшкѣ-Царю, чтобы Онъ насъ болѣе и болѣе посѣщалъ все Своепосаженный разсадникъ земли.

Вѣдь какъ же! Посмотрите на Союзниковъ, какъ они подходятъ. какъ величайшіе святые! Да, гдѣ же они будутъ врать? О, Господи! Все таки не такъ они вылили свое горе дорогому Отцу; они во-истину слуги Церкви и Батюшки, Великаго Царя. И собрались въ Кіевъ тысячами;

идутъ они какъ сокровища всѣхъ названій партіи и сплотились единымъ духомъ. Вотъ для нихъ то и нужно посѣщать Россію по разнымъ городамъ. Когда они видятъ Царя, у нихъ единый духъ; а въ нихъ громадная сила, то евреямъ и дѣться некуда, — это оплотъ кружки Михаила Архангела и разныя названія . . . но не видятъ и бранятся между собой; потому — у нихъ сила и другъ другу покориться не могутъ. Эти кружки нужны для евреевъ: они очень ихъ боятся. Когда они идутъ по Кіеву, то жиды шушукаются и трепещутъ; арміи меньше боятся, потому у нихъ дисциплина не позволяетъ, а у „Союза Русскаго Народа“ нѣтъ дисциплины. Теперь, какъ можно, надо основывать кружки и не ссориться; то евреи и не подумаютъ просить равноправія. Только надо, чтобы посреди ихъ былъ пастырь, — хорошій батюшка. Такъ это Кіевъ далъ понять пріѣздъ Батюшки-Царя. Необходимы кружки, и начинать съ водки, и чтобы не было ея; а кто пьетъ — тѣхъ не нужно, — отъ нея вредъ.

Какъ отраденъ и поучителенъ пріѣздъ Хозяина Земли!

А въ самой то Матушкѣ-Лаврѣ Кіевской какое ожиданье!

Боже! Какая радость! — Какъ рѣка течетъ міра, чтото иное: большія тысячи по деревамъ какъ птицъ! Господи! И служба непрестанна; вездѣ переполнено! Господи! Это никогда того скопленія не встрѣтишь, и всѣ трепещутъ Одного Лица. Хотя полные братья, да бѣгаютъ бѣгомъ. Сколько можетъ дать Одинъ Человѣкъ силы и подумать, что то тутъ не само по себѣ творится. Кто то невидимо предстоитъ съ тѣмъ Лицомъ — даетъ подумать. И для всѣхъ живущихъ въ Лаврѣ такая неожиданная радость и не знаютъ, какъ Его встрѣтить. Всѣ они въ поднятомъ духѣ, и убрано — ужъ не въ духѣ человѣковъ, а въ духѣ Бога и Разумѣ Его. Что же скажешь о томъ, почему это все? Потому Самъ Господи далъ праздникъ. Словно Лавра переродилась!

Великое дѣло посѣщать Обитель Царямъ! Въ то время всѣ молятся съ наслажденіемъ. Только поболѣ нужно пускать богомольцевъ. И на вѣкъ остается Ихъ посѣщеніе, гдѣ побыли, какъ веселилась толпа народу Святому Семейству Ихъ Величествъ. Съ энергіей высшей степени кричали „ура.“ Нужно, чтобы все общество пѣло „Народный гимнъ“ и молитвы. И какая въ толпѣ сила ума и слова. Толпы давали знать, что этотъ народъ безопасенъ, и организація очень нужна: ранѣе прежде не было „Союзовъ.“ и было посѣщать Россію опасно, — а теперь опора въ нихъ въ надеждѣ посѣщенья. Богу угодно, Онъ и даетъ силы охранять Святую Семью; тѣмъ болѣе, что все въ кучѣ — все Семейство Великихъ сего міра.

И всѣ кіевляне свидѣтельствуютъ, что прежнимъ тѣмъ Царямъ не было такого почета. Это свидѣтельство доказываетъ, что не было „Союзовъ,“ и выписывали изъ деревень встрѣчать. А въ настоящее время много и такъ пришло; весь народъ такъ пришелъ и весь отдался, только бы видѣть. И послѣ этого вотъ здѣсь, гдѣ удостоились повидѣть всю Семью, и всѣ бѣжали въ Лавру и служили молебенъ. О, Святое дѣло! И у всѣхъ явилось желаніе и единодушіе поблагодарить Господа и всѣхъ, всѣхъ Святыхъ Кіевскихъ Чудотворцевъ: Феодосія, Антонія. И крикъ и вопли были святые и нелицемѣрные. Какъ святая Лавра была освѣщена! И какіе разныхъ цвѣтовъ огни горѣли. И давало понять, что это великъ день для кіевлянъ. И вѣра также горѣла у всѣхъ разными цвѣтами: у кого болѣе, у кого менѣе, и получится въ разномъ свѣтѣ: зеленый и бѣлый свѣтъ — иллюминація, — подъемъ духа у всѣхъ вѣрующихъ. Господи! Какъ изукрашенъ Кіевъ! Первый день пріѣзда Великаго Семейства прямо сіяетъ и сравненья подобнаго и не найдешь примѣра. Да, есть примѣръ: выше есть благочестивые люди, которые удостоились видѣть Небесный Чертогъ, и много Отцовъ, которые описываютъ небесную красоту въ такомъ же духѣ, но тамъ не отъ рукъ человѣковъ освѣщено. А что народу! Тысячами и толпами! Боже! Милліоны ходятъ, но настроеніе у всѣхъ поднято, и сердятся другъ на друга, потому что толкаются всѣ, всѣ по Крещатику. Но сердятся не вредно, потому что не знаютъ другъ друга.

Какой дивный привѣтъ Александру II памятникъ. Какъ Его чтилъ Самъ Государь со всѣмъ Своимъ Семействомъ. Какъ его открывали, съ какой честью! И со многими полчищами войскъ и священно-служителей; шли крестнымъ ходомъ, Самъ Государь изъ Михайловскаго Монастыря съ Дочерями и Митрополитъ, было духовенства сотни. А міру черняди множество, толпы народа; и всѣ начали молиться и молились вмѣстѣ со всѣми, но молитвенниковъ очень мало, потому простой народъ не пускаютъ; а тутъ надо руки пожать и платья дорогія замараются, — помолиться — упасть въ землю, и мѣста у нихъ дорогія, а простой народъ и стѣсненъ; но Самъ Государь со всѣмъ Семействомъ за всѣхъ молился и депутація — да.

Когда Государь скомандовалъ на караулъ, то Его звукъ, какъ молнія поразила всѣхъ. и такъ всѣ встрепенулись и потомъ войска здравствовались съ самой Семьей Ихъ Величествъ, и у солдатиковъ въ лицахъ свѣтъ озаренъ, какъ лучи. Между солдатиками и Царемъ, когда здравствуются, видится: Богъ да Царь посреди ихъ. И солдатики маршъ играютъ и плывутъ словно лебеди; и всѣ депутаціи стали на колѣни и пропѣли: „Боже, Царя храни“. Пѣли гимнъ у памятника, это послѣ Государева отъѣзда. когда поѣхали къ себѣ во дворецъ. И всю недѣлю, каждый день толпа всѣхъ народовъ видитъ Государя и вмѣстѣ радуются и всѣ свѣтятъ; какъ лучи сверкали очи отъ радости, — чѣмъ чаще видишь, тѣмъ болѣе хочется.

Солдатики просто не человѣки, подобны ангеламъ; безъ сомнѣнья они отъ музыки забыли все человѣчество, и музыка отрываетъ ихъ отъ земли въ небесное состояніе; и сила у нихъ какъ у рыцарей.

И вотъ еще поразило, когда Государь былъ въ Купеческомъ Собраніи, — тамъ было ничто иное какъ рай: пускали ракеты и подобныя свѣтиламъ небесъ. Когда молились, то видѣли благочестивые люди, что свѣтились, озарены лучами: такъ и въ августѣ 31-го, когда тамъ была Семья Ихъ въ Купеческомъ саду: депутаціи пѣли „Боже Царя храни“, гимны, — непохожи звукомъ человѣковъ, отъ любви сердца. И слушатели съ умиленьемъ вынесли трепетъ въ душахъ; горѣніе уми-

леніе отъ такого рѣдкаго событія. Волна духовно въ душахъ пѣла ко упокоенію, и всѣ представители получили обновленье и говорили и не вѣрили себѣ: какъ? они-ли счастливцы? Это у нихъ до смерти всякій день будетъ повторяться, какъ и у всѣхъ, кто видѣлъ Святую Семью, и всѣ не вѣрятъ себѣ, сколь дивно величіе Божіе! Воистину Помазанникъ Христовъ!

Какъ это видать Христіанина, когда стоишь въ ряду и ожидаешь Ихъ Высочайшихъ — Семью. Христіанинъ не можетъ стоять равнодушно, такая въ немъ волна славы, что вверху скачетъ; а которые съ нимъ, съ Государемъ, у сопровождающихъ у тѣхъ больше Кіева — да.

Когда Наслѣдникъ къ потѣшнымъ прибылъ, то получилась картина, то ни съ чѣмъ не сравнить эту картину. Это было небесное состояніе, какъ ангелы и херувимы. Чистота горѣла до небесъ. Вся музыка — ангельскій звукъ, — совсѣмъ небесное состояніе, — земного не было. Ну, послѣ у потѣшныхъ гордость будетъ. Для простолюдья это — да; для лѣвой они — молодцы; для внутренней — это да. Какъ потѣшные идутъ, то на нихъ съ умиленьемъ смотришь, и безъ слезъ — нельзя. Великое торжество отъ нихъ получается.

Даже и училища увидѣли кротость на себѣ послѣ посѣщенія Великаго Счастья — Батюшки-Царя. И такъ на нихъ повліяли дивныя кроткія очи Батюшки-Царя; и они обѣщали учиться съ кротостью всѣ: Духовная Академія и всѣ учебныя заведенія снова переродились. Храни ихъ Боже!

О, какія были проводы! Міру стояло на много верстъ и ничѣмъ ихъ не оцѣнить, — не люди, а какая то въ нихъ свѣтила радость. Смотришь на нихъ, что ихъ тутъ нѣтъ, они гдѣ то въ седьмомъ небѣ, а тѣло на землѣ. Вотъ, что можетъ дать Самодержавная Семья: у кого слезы какъ ручьи, у кого трепещутъ ноги, кто мысленно высказываетъ свои нужды, кто дѣлится радостью, кто печалью, и всѣ открываютъ болѣе, чѣмъ батюшкѣ (священнику) свои недостатки; всѣ скорби и грѣхи — все Батюшкѣ-Царю и Святому Семейству великаго міра.

Солдатики на проводахъ стояли рядами; они какъ ангелы охраняютъ славу на небѣ, отдались въ послушанье и въ военную дисциплину. И уподобились за свое послушанье въ лица ангеловъ, поэтому назвались христолюбивые воины.

И какъ въ виду всѣхъ перерождаются всѣ учебныя заведенія при посѣщеніи Великаго Монарха. Когда при проводахъ всѣ классы были на панеляхъ, провожали съ кротостью и съ радостью, а маленькій классъ дѣвочекъ — примѣръ и сравненье, какъ вели во храмъ Іоакимъ и Анна Святую Отроковицу, такъ и эти дѣвочки готовы служить и Богу, и видѣть Батюшку-Царя; это въ нихъ говорила чистота и ласка дѣйствія и отражались на Святомъ Семействѣ. Дивная картина малютокъ — ихъ святость.

Очень радуютъ всѣ дѣтскія выходки, какъ онѣ бросали цвѣточки по пути и намѣревались бросить Ихъ Величествамъ. Это смотришь, — не видишь, что бросаютъ онѣ ручками, а будто хотятъ вмѣстѣ съ букетомъ упасть къ нимъ въ экипажъ, на колѣни.

И какъ возрастаютъ, ничѣмъ и не украсишь, какъ украсило само Святое Семейство.

Августъ 1911 г.

Библиотека ИМЭЛ

Druck: F. LENZ & COMP., G. m. b. H.
Berlin O. 27, Holzmarktstrasse 4.